LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY
OF ILLINOIS

891.705
RUS
1898
no. 6

The person charging this material is responsible for its return to the library from which it was withdrawn on or before the **Latest Date** stamped below.

Theft, mutilation, and underlining of books are reasons for disciplinary action and may result in dismissal from the University.

To renew call Telephone Center, 333-8400

UNIVERSITY OF ILLINOIS LIBRARY AT URBANA-CHAMPAIGN

JUL 12 1987

JUL 01 1987

JUL 01 1996

JUN 17 1996

L161—O-1096

05
Р-892

РУССКАЯ

МЫСЛЬ.

ГОДЪ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ.

ІЮНЬ.

МОСКВА.
Типо-литографія Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°,
Пименовская улица, собствен. домъ.
1898.

Съ 1 іюня редакція и контора журнала «Русская Мысль» переведены на Бол. Никитскую, въ Шереметевскій пер., д. Шереметева $^{2}/_{3}$, кв. № 28.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

I. КЛОЧКИ ВОСПОМИНАНІЙ.—А. А. Стаховича. *Продолженіе* . 1

II. ИЗЪ ПРОШЛАГО.—Н. Н. 21

III. ДЕРЕВЕНСКІЕ РАЗСКАЗЫ ЛЮДВИГА АНЦЕНГРУБЕРА. (Переводъ съ нѣмецкаго).—Н. К. 74

IV. ПУСТЫННОЕ СЕРДЦЕ. Романъ.—В. Я. Свѣтлова. *Окончаніе.* . 105

V. КРЕСТОНОСЦЫ. Историческій романъ Генрика Сенкевича. Переводъ съ польскаго В. М. Л. *Продолженіе* 156

VI. СТИХОТВОРЕНІЕ.—К. Д. Бальмонта. 186

VII. НА ПОРОГѢ УПАДКА (А. Н. Апухтинъ).—Н. Коробки. . . . 1

VIII. СТУДЕНТКА НА ВОЙНѢ (Письма съ войны 1877 г.).—Е. С. Некрасовой 37

IX. НРАВСТВЕННОЕ ВОСПИТАНІЕ И НАЧАЛЬНАЯ ШКОЛА.—В. П. Вахтерова. *Продолженіе.* 56

X. ГЕНРИХЪ ГЕЙНЕ. (Къ столѣтію со дня рожденія). П. С. Когана. *Окончаніе.* 67

XI. ВЪ МОСКОВСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ ГРАМОТНОСТИ. (Годичное засѣданіе 30 апрѣля).—Н. Т—ва. 86

XII. ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ АНГЛІЙСКОЙ КООПЕРАЦІИ.—И. Х. Озерова. 96

XIII. ИСТОРІЯ И ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ. (Рѣчь проф. Виндельбанда).—М. Ф. 112

XIV. ГОСУДАРСТВО КАКЪ ПРИНУДИТЕЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦІЯ ПОЛИТИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.—Ѳ. К. 127

XV. ПОЛЕМИСТЪ КОНЦА ВѢКА. (По поводу письма въ редакцію М. Н. Соболева: «Новый видъ научнаго цензора». *Русская Мысль*, 1898 г., № 3).—В. В. Сапожникова 144

„Русская Мысль“.

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Открыта подписка на 1898 г.

(ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

	Годъ.	9 мѣс.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Съ доставкою и пересылкою во всѣ мѣста Россіи	12 р.	9 р. — „	6 р.	3 р. —	1 р.
За границу	14 „	10 „ 50 к.	7 „	3 „ 50 к.	—

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка: при подпискѣ, къ 1 апрѣля, 1 іюля и 1 октября по 3 руб.

Подписавшіеся въ разсрочку и желающіе получать «Р. М.» безъ перерыва, благоволятъ присылать деньги за 2 недѣли до окончанія подписного срока.

Книгопродавцамъ дѣлается уступка въ размѣрѣ 50 коп. съ полнаго годового экземпляра. Съ подписокъ въ разсрочку уступокъ имъ не дѣлается.

За перемѣну адреса взимается слѣдующая плата: при переходѣ городскихъ подписчиковъ въ иногородніе уплачивается 50 коп. За перемѣну иногороднаго адреса на иногородній и иногороднаго на городской уплачивается по 25 коп. При перемѣнѣ адреса на заграничный доплачивается разница подписной цѣны на журналъ.

При перемѣнахъ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ при разсрочкѣ подписной платы *необходимо* прилагать печатный адресъ бандероли или сообщать его №.

Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не позднѣе 10 числа каждаго мѣсяца, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ почтоваго департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Москвѣ: въ конторѣ журнала—Большая Никитская, Шереметевскій пер., домъ Шереметева 2/3, кв. № 28.

Въ Петербургѣ: въ отдѣленіи конторы журнала—при книжномъ магаз. Н. П. Карбасникова, Литейный Проспектъ, д. 46.

Въ Кіевѣ: въ книжномъ магазинѣ Л. Идзиковскаго.

Въ Варшавѣ: въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, Новый Свѣтъ, д. № 69.

Въ Вильнѣ: въ книжн. магаз. Н. П. Карбасникова, Большая, д. Гордона.

Книжный магазинъ журнала «Русская Мысль» В. М. Лаврова принимаетъ подписку на всѣ издающіеся въ Россіи журналы и газеты и высылаетъ всѣ существующія въ продажѣ книги и ноты.

Редакторъ-издатель В. М. ЛАВРОВЪ.

Энциклопедическій словарь „Брокгауза и Ефрона“

(начатый проф. И. Е. АНДРЕЕВСКИМЪ),

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

К. К. АРСЕНЬЕВА и заслуженнаго профессора Ѳ. Ѳ. ПЕТРУШЕВСКАГО,

при участіи редакторовъ отдѣловъ:

Проф. А. Н. Бекетовъ (біологич. науки).
С. А. Венгеровъ (исторія литературы).
Проф. А. И. Воейковъ (географія).
Проф. Н. И. Карѣевъ (исторія).
А. И. Сомовъ (изящн. искусства).
Проф. Д. И. Менделѣевъ (химико-технич. и фабрично-завод.).
Проф. В. Т. Собичевскій (сельско-хозяйственный и лѣсоводство).
Владиміръ Соловьевъ (философія).
Проф. Н. Ѳ. Соловьевъ (музыка).

Энциклопедическій словарь выходитъ каждые два мѣсяца полутомами, въ 30 лист. убористой печати. Въ настоящее время вышло 45 полутомовъ. Цѣна за каждый полутомъ (въ переплетѣ) 3 руб., за доставку 40 коп. Въ Москвѣ и другихъ университетскихъ городахъ за доставку не платятъ.

Словарь обнимаетъ собою свѣдѣнія по всѣмъ отраслямъ наукъ, искусствъ, литературы, исторіи, промышленности и прикладныхъ знаній.

Текстъ помѣщаемыхъ въ словарѣ статей составляется самостоятельно русскими учеными и спеціалистами, причѣмъ все касающееся Россіи обрабатывается наиболѣе полно и тщательно. Значительная часть русской географіи обрабатывается членами географическихъ экспедицій, посѣтившими съ научными цѣлями описываемыя ими мѣстности. Для каждой губерніи и области дается спеціальная карта. Кромѣ географ. картъ приложены разнообразныя иллюстраціи, служащія наглядной составной частью энциклопедическаго цѣлаго.

По соглашенію редакціи Энциклопедическаго Словаря и книжнаго магазина журнала „Русская Мысль“ В. М. Лаврова, подписка принимается въ означенномъ магазинѣ. Большая Никитская, д. Вельтищевой.

Допускается разсрочка на слѣд. услов.: при подпискѣ вносится задатокъ 10 руб., послѣ чего выдаются имѣющіеся налицо полутомы; остальная сумма долга выплачивается ежемѣсячными взносами отъ четырехъ рублей. **Частныхъ лицъ просятъ увѣдомлять о родѣ занятій или службѣ.**

Русская Мысль.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ
журнала РУССКАЯ МЫСЛЬ
В. М. Лаврова

доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія, что при немъ существуетъ

НОТНАЯ торговля,

сначала только для **иногородныхъ.**

Ноты могутъ быть высылаемы какъ за наличныя деньги, такъ и съ наложеннымъ платежомъ.

Выписывающихъ покорнѣйше просятъ обозначать имя автора и opus сочиненія.

По соглашенію редакціи
„НАСТОЛЬНАГО ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКАГО СЛОВАРЯ“
и редакція журнала „РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Въ книжномъ магазинѣ журнала „РУССКАЯ МЫСЛЬ“
В. М. Лаврова.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА ВЪ РАЗСРОЧКУ НА

„Настольный Энциклопедическій Словарь“
изд. Т-ва ГРАНАТЪ и К°.

8 томовъ (около ,000 столбцовъ убористой печати). Изданіе окончено въ октябрѣ 1895 г. Первые шесть томовъ вышли вторымъ стереотипнымъ изданіемъ.

ЦѢНА: полному изданію безъ переплета 38 руб., въ изящн. коленкоровомъ переплетѣ (новаго образца съ кожанымъ корешкомъ) 42 руб.

За пересылку приплачивается 10 коп. съ рубля стоимости. По желанію, изданіе можетъ быть выслано съ наложеннымъ платежомъ, причемъ при заказѣ должно быть приложено не менѣе 5 руб.

Допускается разсрочка на слѣдующихъ условіяхъ:

Гг. служащіе въ казенныхъ, общественныхъ и частныхъ учрежденіяхъ вносятъ при подпискѣ 5 руб. и, представивъ удостовѣреніе о нахожденіи на службѣ, получаютъ немедленно шесть томовъ изданія въ переплетѣ, затѣмъ уплачиваютъ ежемѣсячно по 2 рубля, впредь до оплаты остающейся суммы за восемь томовъ (т.-е. 37 руб.) и стоимость пересылки (4 руб. 20 коп.); 7-й томъ высылается по выплатѣ всего 28 руб., 8-й—по выплатѣ всей стоимости изданія.

Частныя лица вносятъ при подпискѣ 5 руб. и получаютъ шесть томовъ съ наложеннымъ платежомъ въ 5 руб., затѣмъ уплачиваютъ каждый мѣсяцъ по 2 р. или каждые три мѣсяца по 6 р., впредь до полной оплаты остающейся суммы за восемь томовъ 32 руб. и стоимости пересылки 4 руб. 20 коп., 7-й томъ высылается по выплатѣ всего 28 руб., а 8-й—по выплатѣ всей стоимости изданія.

Въ виду того, что „Снимковъ съ картинъ классическихъ художниковъ“ (4 серіи по 9 снимковъ) остается лишь сравнительно небольшое количество, таковые будутъ выдаваться только лицамъ, подписавшимся на изданіе до февраля 1895 г.

Контора журнала „Русская Мысль“ (*Москва, Бол. Никитская ул., Шереметевскій пер., д. Шереметева*) **принимаетъ объявленія, для помѣщенія ихъ въ книгахъ журнала или разсылки ихъ при журналѣ, на слѣдующихъ условіяхъ:**

1) За объявленіе, помѣщаемое въ началѣ книги и занимающее цѣлую страницу, взимается 50 руб., а въ концѣ книги 25 руб.

2) Для помѣщенія объявленія въ извѣстной книгѣ, таковое должно быть доставлено не позже 5 числа того мѣсяца.

3) За каждую тысячу экз. прикладываемыхъ къ журналу объявленій взимается за 1 лотъ вѣса 8 руб., за 2 лота 10 руб., за 3 лота 13 руб., за 4 лота 16 р. Въ виду почтовыхъ правилъ, листы эти не могутъ быть сброшюрованы къ журналу.

4) Объявленія помѣщаются въ журналѣ или прикладываются къ нему не иначе, какъ по доставленіи конторѣ журнала слѣдуемой за это платы.

5) Доставившимъ объявленія для печатанія въ теченіе всего года дѣлается уступка.

Въ конторѣ журнала *Русская Мысль* имѣется небольшое количество годовыхъ экземпляровъ журнала за 1880, 1881, 1882, 1883, 1886, 1887, 1888, 1890, 1893, 1894, 1895 гг., цѣна которымъ по 5 руб. за экземпляръ. 1896 г. за 10 руб. Цѣна за пересылку—по разстоянію.

05
Р-892

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

ГОДЪ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ.

КНИГА VI.

МОСКВА.
1898.

05:8(C)(05)

Инв.Аб 39172
1947

Москва, типо-литогр. Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°.
Пименовская ул., собств. домъ.

891.705
R U S
1898
No. 6

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

I. КЛОЧКИ ВОСПОМИНАНІЙ.—А. А. Стаховича. *Продолженіе* . 1

II. ИЗЪ ПРОШЛАГО.—Н. Н. 21

III. ДЕРЕВЕНСКІЕ РАЗСКАЗЫ ЛЮДВИГА АНЦЕНГРУБЕРА (Переводъ съ нѣмецкаго).—Н. К. 74

IV. ПУСТЫННОЕ СЕРДЦЕ. Романъ.—В. Я. Свѣтлова. *Окончаніе*. . 105

V. КРЕСТОНОСЦЫ. Историческій романъ Генрика Сенкевича. Переводъ съ польскаго В. М. Л. *Продолженіе* 156

VI. СТИХОТВОРЕНІЕ.—К. Д. Бальмонта. 186

VII. НА ПОРОГѢ УПАДКА (А. Н. Апухтинъ).—Н. Коробки. . . 1

VIII. СТУДЕНТКА НА ВОЙНѢ (Письма съ войны 1877 г.).—Е. С. Некрасовой 37

IX. НРАВСТВЕННОЕ ВОСПИТАНІЕ И НАЧАЛЬНАЯ ШКОЛА.—В. П. Вахтерова. *Продолженіе*. 56

X. ГЕНРИХЪ ГЕЙНЕ. (Къ столѣтію со дня рожденія). П. С. Когана. *Окончаніе*. 67

XI. ВЪ МОСКОВСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ ГРАМОТНОСТИ. (Годичное засѣданіе 30 апрѣля).—Н. Т—ва. 86

XII. ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ АНГЛІЙСКОЙ КООПЕРАЦІИ.—И. Х. Озерова. 96

XIII. ИСТОРІЯ И ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ. (Рѣчь проф. Винденбальда).—М. Ф. 112

XIV. ГОСУДАРСТВО КАКЪ ПРИНУДИТЕЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦІЯ ПОЛИТИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.—Ѳ. К. 127

XV. ПОЛЕМИСТЪ КОНЦА ВѢКА. (По поводу письма въ редакцію М. Н. Соболева: «Новый видъ научнаго цензора». *Русская Мысль*, 1898 г., № 3).—В. В. Сапожникова. 144

Стр.

XVI. ФИЛОСОФІЯ ОДНОЙ ДВОРЯНСКОЙ СЕМЬИ. (По поводу столѣтняго юбилея г. Джіакомо Леопарди 29 іюня 1898 г.)—В. Фриче. 155

XVII. НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ ВЪ АСТРАХАНСКОЙ ГУБЕРНІИ.—Н. Ѳ. Казанскаго. 173

XVIII. МЕЛОЧИ ДЛЯ БІОГРАФІИ ШЕВЧЕНКА.—Н. И. Стороженка . 197

XIX. НАСЕЛЕНІЕ И ХОЗЯЙСТВО АВСТРАЛІИ—А. Ф. Фортунатова . 204

XX. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ: Чествованіе Бѣлинскаго.—Орловскій съѣздъ сельскихъ хозяевъ.—Притязанія уральскихъ поссессіонныхъ заводчиковъ.—Педагогическіе курсы въ Курскѣ.—Общество для пособія студентамъ и его должники.—† М. А. Саблинъ.—Отъ Лермонтовской библіотеки въ Пензѣ.—Отъ конторы *Русскихъ Вѣдомостей*. 220

XXI. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—В. А. Г. 232

XXII БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ: I. Книги: Беллетристика.—Публицистика.—Философія.—Политическая экономія.—Юридическія книги.—Естествознаніе.—Медицина.—II. Періодическія изданія: «Вѣстникъ Европы», *май*.—«Научное Обозрѣніе», *январь—апрѣль*. III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 мая по 1 іюня. 225

XXIII. ОБЪЯВЛЕНІЯ 1

КЛОЧКИ ВОСПОМИНАНІЙ *).

Возвращаюсь къ воспоминаніямъ о концертахъ въ Дворянскомъ собраніи. Въ моей памяти встаетъ колоссальная фигура, съ шапкою бѣлыхъ, какъ снѣгъ Монблана, волосъ на головѣ, другого великаго пѣвца и актера — Лабляша. Постараюсь, современемъ, передать мои впечатлѣнія объ его великой игрѣ и въ трагическихъ, и въ комическихъ роляхъ. Я его видѣлъ и Оровезомъ и Дулькомарой, Генрихомъ VIII и Бартолло, и комично-трагичнымъ Лепорелло!

Лабляшъ давилъ всѣхъ участвовавшихъ съ нимъ въ оперѣ артистовъ какъ своею колоссальною фигурой и громовымъ голосомъ, такъ подчасъ и талантомъ. А съ нимъ пѣли не теперешніе пѣвцы.

Какъ сейчасъ вижу Лабляша (когда онъ для бенефиса Віардо взялъ небольшую роль Сенатора въ «Отелло» Россини) и его мимику въ сценѣ, когда у его ногъ рыдала несчастная Дездемона: чувства гнѣва, страданія отъ еще не исчезнувшей любви къ преступной дочери, постепенно выражались на его лицѣ во все время аріи Дездемоны, пока онъ не оттолкнулъ ее и, судорожно закрывъ лицо руками, стремительно не ушелъ! Какъ онъ игралъ ревниваго и подозрительнаго Бартолло; сколько серьезнаго комизма, безъ малѣйшаго фарса даже и въ этой роли, было въ его исполненіи. А какъ онъ пѣлъ! Лабляшъ одинъ (я слышалъ, что съ разрѣшенія самого Россини) пѣлъ въ квинтетѣ конца 1-го дѣйствія, когда, узнавъ имя набушевавшаго солдата, начальникъ караула не арестуетъ его, а отдаетъ ему честь. Бартолло, пораженный какъ громомъ, долженъ окаменѣть, превратиться въ статую—о чемъ и поетъ Фигаро—и молчать во все время квинтета. Одинъ Лабляшъ пѣлъ, и сколько отъ его участья выигрывалъ этотъ импровизированный сикстетъ! Та-

*) *Русская Мысль*, кн. III.

кого ансамбля и по пѣнію, и по игрѣ, съ какимъ я видѣлъ «Севильскаго цирюльника», когда пѣли: Бартолло — Лабляшъ, Розину—Віардо, Графа Альмавиву—Маріо, Фигаро—Тамбурини, я больше не слыхалъ и не услышу. Донъ Базильо тогда былъ не важный; но зато ранѣе я слышалъ въ этой роли Формеза, и послѣ—Медини и Іетама. А арія Лепорелло mille e tre? И вопли страха и отчаянья въ пѣніи Лабляша-Лепорелло, при появленіи Статуи Командора; публика не смотрѣла тогда на Донъ-Жуана,—ее невольно поражалъ ужасъ Лепорелло!

Отчего теперь нѣтъ болѣе такихъ пѣвцовъ и актеровъ вмѣстѣ, какъ были Лабляшъ и Маріо?

Разсказывали бездну остротъ и каламбуровъ Лабляша. Онъ былъ громаднаго роста и очень толстъ.

Въ Парижѣ разъ жилъ онъ противъ квартиры, гдѣ показывали Томъ Пусса (знаменитаго карлика). Одинъ господинъ ошибкой позвонилъ, вмѣсто квартиры Томъ Пусса, къ Лабляшу, который самъ отворилъ ему дверь.

— Здѣсь показываютъ Томъ Пусса?—спросилъ пришедшій.

— Я—Томъ Пуссъ, къ вашимъ услугамъ!—отвѣтилъ Лабляшъ.

Съ удивленіемъ отшатнулся посѣтитель и сказалъ:

— Да какой же вы карликъ? Милостивый государь!

— О, дома я распускаюсь! A la maison je suis au large,—потягиваясь и поднимая во всю длину руки, отвѣтилъ импровизированный Томъ Пуссъ.

Въ столѣтнюю годовщину рожденія Моцарта давали въ Дворянскомъ собраніи концертъ въ память великаго композитора. На эстрадѣ, окруженной лаврами и тропическими растеніями, возвышался его мраморный бюстъ (принадлежавшій графу Віельгорскому). Въ концертѣ участвовала вся итальянская труппа. Почти всѣ номера были изъ сочиненій геніальнаго маэстро, память котораго чествовала вся Европа и музыкальный Петербургъ... и вдругъ, въ концѣ одного изъ отдѣленій, появляется квартетъ послѣдняго дѣйствія «Риголетто», любимой въ то время новинки сѣверной Пальмиры. Эту оперу, по слухамъ, разрѣшилъ давать Государь только по просьбѣ одной изъ великихъ княгинь, слышавшей «Риголетто» въ Италіи. Если не ошибаюсь, въ этомъ концертѣ партію Джильды пѣла—Марай, Герцога—Маріо, Цыганки—де Мерекъ и Риголетто—Ронкони. Лабляшъ никогда не пѣлъ ни въ одной оперѣ Верди. Нѣсколько разъ заставили повторить квартетъ; публика неистовствовала; когда усталые артисты, наконецъ, вернулись въ фойэ, Лабляшъ обратился къ Маріо:

— Что вы надѣлали, какъ отдадутъ теперь Віельгорскому бюстъ Моцарта?

— Что случилось, уронили его?—услыхавъ Лабляша, заволновался одинъ изъ распорядителей.

— Хуже,—сказалъ Лабляшъ,—когда Моцартъ услыхалъ музыку Верди, онъ сдѣлалъ гримасу, а на мраморѣ она останется вѣчною!

Репетиціи филармоническихъ концертовъ въ Дворянскомъ собраніи были сборищемъ фешенэбленаго общества и попасть на нихъ считалось большою честью. Присутствовали всегда братья графы Віельгорскіе, князь В. Ѳ. Одоевскій, бывали также Ѳеофилъ Толстой, два графа Блудовы, графъ В. А. Сологубъ и М. Н. Лонгиновъ, который въ это время не былъ еще тугъ на правое ухо, но всю жизнь былъ глухъ на оба въ музыкальномъ отношеніи. Какъ-то разъ попалъ на репетицію конногвардеецъ Д., тоже не отличавшійся большою любовью къ квартетной музыкѣ. Репетиція затянулась очень долго, и молодежь, послѣ ея окончанія, поѣхала ужинать къ Дюссо. Д. сильно выпилъ и неожиданно для себя и всѣхъ сказалъ одному изъ ужинавшихъ съ нимъ (назовемъ его Х.), съ которымъ онъ только что познакомился, дерзость. Проснулся на другой день Д., голова трещитъ, вспомнилъ о стычкѣ съ Х., стало ему стыдно. Что дѣлать? Ждать секундантовъ или написать извинительное письмо? Просидѣлъ онъ дома до четырехъ часовъ и вышелъ изъ казармъ на воздухъ освѣжиться. На Морской встрѣчаетъ Х.; сконфуженный Д. невольно отвернулся.

— Д., — останавливаетъ его Х.— Est-ce que vous me prenez pour une femme, avec laquelle on soupe, mais qu'on ne salue pas?

Извинившись близорукостью, упомянулъ Д. и о вчерашнемъ ужинѣ, на которомъ онъ, какъ говорится, «напился экспромтомъ», ничего не помнитъ, что съ нимъ было и какъ онъ попалъ домой. Дѣло уладилось и они стали пріятелями. Х. былъ извѣстенъ своимъ остроуміемъ и неаккуратностью въ уплатѣ своихъ долговъ. Въ Петербургъ пріѣхалъ какой-то полякъ, сталъ вести большую азартную игру и въ короткое время выигралъ огромную сумму. Х. написалъ ему слѣдующее письмо:

«Милостивый государь!

«Только и слышно что о вашемъ необыкновенномъ счастьѣ и о вашихъ огромныхъ выигрышахъ. Предлагаю вамъ способъ испытать ваше счастье! Попробуйте мнѣ дать въ займы три тысячи рублей. Можетъ быть, вы будете такъ счастливы, что я ихъ вамъ и отдамъ».

Полякъ прислалъ деньги, Х. ихъ взялъ, послалъ расписку... и никогда ихъ не отдалъ.

Однако, я черезчуръ увлекся великими итальянцами и петербургскими воспоминаніями, вернусь вновь къ московскимъ.

Черезъ Садовскаго я возобновилъ въ Москвѣ знакомство съ К. А. Булгаковымъ, котораго я зналъ въ Петербургѣ блестящимъ каламбуристомъ, однимъ изъ самыхъ умныхъ свѣтскихъ молодыхъ людей. Пріятель Лермонтова, Сергѣя Трубецкого, Гриши Строганова, Мишки Лонгинова,—Костя Булгаковъ былъ коклюшемъ львицъ и всѣхъ умныхъ и милыхъ петербургскихъ дамъ и одновременно любимцемъ великаго князя Михаила Павловича. Кому не извѣстны сотни анекдотовъ о приключеніяхъ Булгакова, офицера лейбъ-гвардіи Московскаго полка, съ его высочествомъ!

Въ 1848 году, когда я познакомился съ Булгаковымъ, онъ былъ уже въ отставкѣ. Разъ были мы въ Павловскѣ у обѣдни въ церкви образцоваго кавалерійскаго полка. Поминая на эктеніи царскую фамилію, священникъ, назвавъ великаго князя Михаила Павловича и супругу его великую княгиню Елену Павловну, продолжалъ переименовывать великихъ княгинь до королевы Нидерландской Анны Павловны включительно.

— Вотъ видно, что не придворный священникъ, — сказалъ Булгаковъ,—у насъ, во дворцѣ, послѣ великой княгини всегда поминаютъ и друга дома его, Константина Александровича Булгакова.

И къ другу дома Михаила Павловича черезъ какіе-нибудь десять лѣтъ, въ Москвѣ, на булгаковскіе субботники повезъ меня Садовскій. Ужасное впечатлѣніе произвелъ на меня этотъ вечеръ: я болѣе не возвращался на эти субботники.

Не владѣя ногами, на креслѣ съ колесами, желтый, испитой, сидѣлъ Булгаковъ, только еще живѣе горѣли его большіе черные глаза. На стѣнахъ портреты прежнихъ друзей, ставшихъ уже важными особами, милыхъ женщинъ; въ серединѣ стѣны измятая шляпа Трубецкого (я сохранилъ его визитную карточку, послѣ разжалованья въ солдаты, съ лишеніемъ дворянства, за увозъ Жадимировской: Serge Troubetskoy né Prince Troubetskoy), а на креслахъ, измятый болѣзнью и жизнью, не прежній Костя Булгаковъ, а больной, раздражительный, всѣхъ и все ругающій. Живой мертвецъ! Часто подкатывался онъ на креслѣ къ столу, гдѣ стояли закуска, водка и вино.

— Здравствуйте, Константинъ Александровичъ!

— Какой я вамъ Константинъ Александровичъ, — отвѣчалъ мнѣ Булгаковъ. — Отецъ давалъ мнѣ полторы тысячи рублей въ

годъ и я былъ Константинъ Александровичъ; теперь его прогнали за старостью со службы, ему нечего мнѣ давать. Иванъ Алексѣевичъ Яковлевъ даетъ мнѣ эти полторы тысячи... я сталъ теперь Константинъ Ивановичъ.

Въ это время входитъ, неслышными шагами, высохшая мумія и молча становится грѣться у печки. Это былъ отецъ Булгакова, восьмидесятипяти-лѣтній старикъ, чуть ли не бывшій московскимъ почтъ-директоромъ еще при императорѣ Александрѣ I.

— Изъ клуба, ваше превосходительство, много сегодня обѣдало?—спрашиваетъ Садовскій.

— Э-э-э...—безсмысленно глядя, мычитъ его превосходительство. Старикъ забылъ, что онъ обѣдалъ въ Англійскомъ клубѣ. Садовскій переводитъ рѣчь на погоду; отвѣта не послѣдовало.

— Оставь его, Провъ,—говоритъ Булгаковъ-сынъ,—онъ выжилъ изъ ума!—и, подкатываясь къ роялю, начинаетъ играть первую арію Альмавивы изъ «Севильскаго Цирюльника».

Я смотрю на старика, лицо его начинаетъ оживать, въ потухшихъ глазахъ блеснулъ проблескъ мысли... и вдругъ, замогильнымъ дребезжащимъ голосомъ онъ запѣлъ:

«Ecco ridente il cielo»...

Онъ не помнилъ, гдѣ и съ кѣмъ обѣдалъ часъ назадъ; но вспомнилъ давно, давно знакомые ему звуки музыки Россини, и снова забилось жизнью сердце старика... А рядомъ сильно бьется страстнымъ желаніемъ жить сердце его бѣднаго сына, кипятъ мысли въ умной головѣ, а ноги висятъ какъ плети, жгучая боль въ спинномъ мозгу, жить осталось мѣсяцы, и въ комнатѣ два мертвеца: одинъ — полный страстнаго желанья жить, другой — давно уже умеръ и въ немъ только чуть вспыхиваетъ искорка жизни, при воспоминаніяхъ или звукахъ, слышанныхъ полвѣка назадъ. Я поскорѣе уѣхалъ.

Приведу примѣры любви и знанія русской литературы въ петербургскомъ обществѣ конца сороковыхъ и въ пятидесятыхъ годахъ. Костя Булгаковъ, выдающаяся по уму личность, живя въ Петербургѣ, *никогда не читалъ Гоголя*, онъ самъ въ этомъ сознался Садовскому, который въ Москвѣ уже больному Булгакову читалъ сочиненія этого великаго писателя.

Геніальный актеръ Мартыновъ никогда не читалъ повѣсти «Шинель». Садовскій сталъ разъ при мнѣ упрекать его, говоря:

— Акакій Акакьевичъ вѣдь это ты—живой, хоть ради сродства вашихъ душъ, прочти ты «Шинель».

Въ слѣдующій пріѣздъ Садовскаго въ Петербургъ, Мартыновъ сознался, что еще не прочелъ этой повѣсти, да такъ, кажется, и умеръ, не познакомившись съ нею.

Одна умная и образованная женщина, дочь государственнаго человѣка и арзамасца, говорила мнѣ, что, читая «Мертвыя души» и дойдя до того мѣста, когда Ноздревъ собирается бить Павла Ивановича Чичикова чубукомъ, она не могла продолжать, закрыла книгу и болѣе никогда не раскрывала «Мертвыхъ душъ».

Въ мое четырехлѣтнее пребываніе въ юнкерской школѣ, кажется, вліяніе сочиненій Гоголя на воспитанниковъ этого учебнаго заведенія выразилось только двумя, оставшимися въ моей памяти, случаями.

Учитель русскаго языка въ четвертомъ и третьемъ классахъ былъ Н. Я. Прокоповичъ, а русскую словесность во второмъ и первомъ классахъ прекрасно читалъ А. А. Комаровъ (пріятель Тургенева). Комарову юнкера дали прозвище «плѣшивая идея», Прокоповича, друга и товарища по Нѣжинскому лицею Гоголя, почему-то прозвали цирюльникомъ, и когда Николай Яковлевичъ входилъ въ классъ, со всѣхъ сторонъ раздавалось: «Цирюльникъ, цирюльникъ!... Севильскій цирюльникъ!»...

Прокоповичъ часто и прекрасно читалъ намъ Гоголя, и, увы, долженъ сознаться, что во время его чтенія, съ задней, такъ называемой Гатчинской или дежурной скамейки, раздавался ослиный ревъ: «Цирюльникъ!»

Заднюю скамейку всегда занимали отпѣтые олухи, выходившіе за *выслугу* лѣтъ (просиживали они въ школѣ, вмѣсто четырехъ, лѣтъ шесть и болѣе) изъ второго класса въ армію. Завѣтною мечтой этихъ, уже возмужалыхъ юношей, было попасть въ гатчинскіе кирасиры, оттого ихъ скамейка и называлась гатчинскою. Дежурною тоже называли эту скамейку нѣкоторые преподаватели потому, что ея обитатели были не причастны ко всему, что происходило въ классѣ; и когда болѣе строгій учитель мѣшалъ имъ играть въ карты, они развлекались отъ наводящихъ на нихъ унынія лекцій, поглядывая въ окно двери на то, что дѣлалось въ коридорѣ, или удаляясь подъ всевозможными предлогами изъ класса; возвращаясь, они всегда первые докладывали учителю о всѣхъ событіяхъ. Напримѣръ: «Генералъ Ростовцевъ пріѣхалъ» или «Его Высочество изволилъ прибыть». Часто при подобномъ возгласѣ Прокоповичъ переставалъ читать, пряталъ сочиненіе Пушкина или Гоголя, начиналъ вызывать къ отвѣту учениковъ или бралъ

нумеръ «Журнала военно-учебныхъ заведеній» и начиналъ декламировать изъ него патріотическое сочиненіе, вродѣ:

«Русскій царь собралъ дружину
И велѣлъ своимъ орламъ
Плыть за море, на чужбину,
Въ гости къ добрымъ пруссакамъ».

Разъ одного заслуженнаго ветерана сопровождалъ по классамъ директоръ. *Дежурный* донесъ объ этомъ Прокоповичу, который замѣнилъ по обычаю чтеніе Гоголя стихотвореніемъ: «Русскій царь собралъ дружину».

Генералъ внимательно выслушалъ первую строфу, остановилъ чтеніе и обратился съ вопросомъ къ одному юнкеру:

— А что значитъ: «Велѣлъ своимъ орламъ?»

— Приказалъ своимъ знаменамъ, ваше высокопревосходительство,—отвѣтилъ юнкеръ.

— Нѣтъ, не знаменамъ; русское знамя хоругвь, а не французскій орелъ; царскіе орлы—русскіе солдаты; будешь это знать, самъ будешь орелъ.

По отъѣздѣ генерала Прокоповичъ получилъ замѣчаніе за не объясненіе значенія слова: «орелъ», а будущаго орла оставили безъ отпуска.

Никогда не забуду впечатлѣнія, которое произвело на меня чтеніе Прокоповичемъ отрывка изъ «Ночи передъ Рождествомъ» Гоголя, и моего восторга, когда прочелъ я всю эту повѣсть, какъ сейчасъ помню, въ послѣдніе вечерніе классные часы, передъ роспускомъ на рождественскіе праздники въ 1845 году. Этотъ восторгъ сравниваю я только съ тѣмъ, который испыталъ впослѣдствіи, когда я въ первый разъ увидалъ на сценѣ Садовскаго, подъ старость—Сальвини и, уже старикомъ—Дузе!

Еще помню, какъ долго, очень долго послѣ того, какъ я прочелъ въ первый разъ: «Ночь передъ Рождествомъ», лѣтъ черезъ тридцать, жилъ я одинъ зимою въ деревнѣ и получилъ «Сборникъ въ пользу литературнаго фонда». Скоро прочелъ я его, оставя на закуску «Декабристовъ» Толстого. Раскрою и посмотрю на заглавіе, потомъ, наконецъ, прочту послѣднюю строчку:

Да, не мастеръ.

Левъ Толстой.

и опять закрою; точно какъ ребенокъ, который любуется на лакомство и не рѣшается съѣсть его, чтобы продлить предвкушаемое наслажденіе!

Наконецъ, накапунѣ 14 декабря прочелъ я сразу, не отрываясь, всѣ три главы. Часто въ жизни не переживаешь такихъ минутъ, такого художественнаго наслажденія... Да и слава Богу, а то пожалуй и не такъ бы цѣнили Пушкина, Гоголя, Толстого! И странно, когда я читалъ начало 1 главы, описаніе московскаго общества въ 1856 году, мнѣ казалось, что я читаю Гоголя, но потомъ я узналъ своеобразный геній Толстого,—никому, кромѣ него, не написать 2 и 3 главы «Декабристовъ»; да и въ его твореніяхъ не много такихъ главъ!

Разъ какъ-то прочелъ въ классѣ Прокоповичъ повѣсть «Носъ». Вскорѣ послѣ этого чтенія въ полицейской газетѣ появилось слѣдующее объявленіе:

«Пропала рыжая собака, съ перебитымъ бокомъ, въ красномъ ошейникѣ, кличка: Капфигъ; кто доставитъ ее швейцару школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ, получитъ приличное вознагражденіе.

И какъ въ «Носѣ» почтенный сотрудникъ газетной экспедиціи объяснялъ маіору Ковалеву, что:

«Пришелъ чиновникъ, такимъ же образомъ, какъ вы теперь пришли; принесъ записку, денегъ по разсчету пришлось 2 рубля 73 копейки, и все объявленіе состояло въ томъ, что сбѣжалъ пудель черной шерсти. Кажется, что бы тутъ такое? А вышелъ пасквиль: пудель-то былъ казначей не помню какого заведенія».

Пропавшая собака Капфигъ—тоже вышелъ *пасквиль*. Директоръ школы любилъ сочиненія Капфига и совѣтовалъ всѣмъ читать его; за это рыжаго кривобокаго директора, носившаго военный сюртукъ съ краснымъ воротникомъ, прозвали Капфигомъ, и когда онъ уѣхалъ на короткое время въ отпускъ, вдохновленные повѣстью Гоголя юнкера написали выше изложенное объявленіе.

Хорошо, что главное управленіе военно-учебныхъ заведеній, не прочло объ этой пропажѣ (самъ Капфигъ, какъ умный человѣкъ, не обратилъ вниманія на подобную пошлость), а то, пожалуй, былъ бы въ отвѣтѣ Прокоповичъ за чтеніе въ классѣ сочиненія, возбудившаго въ юношахъ духъ осмѣянія высшаго начальства!

Второй случай былъ еще мудренѣе. Долго пребывалъ въ школѣ юнкеръ П., не особенно хорошо умѣвшій читать и тоже вышедшій въ гатчинскіе кирасиры. Душа былъ онъ предоброй, одаренъ превосходной памятью и зналъ почти всего Гоголя наизусть! Какую фразу ни прочтешь ему, особливо изъ повѣстей: «Носа», «Коляски», изъ «Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича», изъ «Шпоньки», спросишь, откуда это?—всегда отвѣтитъ безъ ошибокъ

и вѣрно скажетъ продолженіе *). Другихъ авторовъ и вообще литературы не признавалъ и не читалъ никогда П., а Гоголя зналъ наизусть... вотъ и объясните подобный фактъ. Лѣтъ черезъ тридцать по выходѣ моемъ изъ школы, встрѣтились мы, обрадовались другъ другу; я началъ экзаменовать П. изъ Гоголя: или память измѣнила старику, или служба и жизнь вытѣснили изъ его сердца единственнаго любимаго имъ писателя,—отвѣчалъ онъ не по-прежнему.

Встаютъ въ моей памяти сцены и въ классахъ, и на экзаменахъ. Вижу милѣйшаго преподавателя исторіи А. Б. Шакѣева, которому иногда приходила мысль потревожить олимпійское спокойствіе обитателей заднихъ скамеекъ.

— Господинъ А.,—вызываетъ Александръ Бенедиктовичъ,—кто основалъ Римъ?

Весь классъ предвкушалъ наслажденіе предстоящей сценки, оборачивается и ждетъ отвѣта; во всеобщемъ молчаніи еще явственнѣе слышится громкій храпъ вопрошаемаго.

— Господа, разбудите А.,—продолжаетъ Шакѣевъ.

А. будятъ, онъ встаетъ и спросонья дико озирается.

— Господинъ А., кто были основатели Рима?

— Я *въ армію*,—басомъ отвѣчаетъ А.

— Ахъ, извините, пожалуйста, садитесь, — спѣшитъ извиниться преподаватель.

А. садится и спокойно вновь засыпаетъ.

Когда мы перешли въ 3-й классъ и начали слушать лекціи Шакѣева, знакомясь съ нами, онъ спрашивалъ наши фамиліи. Дошла очередь до старшаго брата Н. Н. Ге (бывшаго тогда еще студентомъ Петербургскаго университета).

— Какъ ваша фамилія?

— Г.

— И только-съ?

— Только.

— Коротко-съ!

У другого юнкера нашего класса спросили на экзаменѣ:—Кто первый завелъ холмогорскій скотъ, и чѣмъ онъ замѣчателенъ?

— Отечество Ломоносова!—послѣдовалъ отвѣтъ.

Помню выпускные экзамены изъ «Новой исторіи». Мой товарищъ юнкеръ К., отлично ѣздившій верхомъ и не глупый малый,

---

*) Такъ въ дѣтствѣ экзаменовали другъ друга изъ всего Пушкина, изъ „Войны и мира“ и другихъ повѣстей Толстого мои дочери съ моимъ сыномъ.

добрался, наконецъ, до выпускного экзамена. Во все время пребыванія К. въ школѣ передъ нимъ во время классовъ всегда лежалъ на столѣ переводный романъ Поль-де-Кока (иногда вверхъ ногами) и К. глубокомысленно глядѣлъ на него цѣлыми часами, не переворачивая ни одной страницы, рискуя между тѣмъ за эту привычку взирать во время лекцій на постороннюю книгу подвергнуться строгому взысканію.

Вызываютъ К., отвѣчаетъ; онъ беретъ билетъ, внятно читаетъ его содержаніе, задумывается; долго соображая, возводилъ онъ очи то горѣ, то опускалъ ихъ долу.

— Вы знаете билетъ?—спрашиваетъ экзаменаторъ.

— Я читалъ,—слѣдуетъ скромный отвѣтъ.

— Ну, такъ отвѣчайте.

Молчаніе.

— Возьмите другой билетъ.

К. протягиваетъ руку за другимъ билетомъ, въ коридорѣ раздаются быстрые шаги, въ классъ входитъ директоръ.

— Ну, что онъ?—спрашиваетъ директоръ.

— Кажется, ничего не знаетъ.

— Спросите его Домъ Романовыхъ (что было обязательно знать, по распоряженію начальства, всѣмъ, даже и будущимъ армейцамъ).

— Какъ долго продолжалось царствованіе Екатерины Великой?—спрашиваетъ учитель.

Отвѣта не послѣдовало.

— Какимъ образомъ императрица Екатерина Вторая родня государю императору?—задаетъ вопросъ самъ директоръ.

Молчаніе.

— Чей сынъ Николай Павловичъ?

— Императора Павла,—быстро сообразивъ, отвѣчаетъ К.

— Чѣмъ была Екатерина императору Павлу?

К. долго думаетъ.

— Мать или тетка?—помогаетъ экзаменаторъ.

— Племянница!

Наконецъ, додумался К. и вышелъ въ гвардію.

Былъ и такой отвѣтъ, хотя, положимъ, не наканунѣ производства въ офицеры, а въ 3 классѣ.

— Кто была Марѳа посадница?

На ляганье ногой, чтобъ подсказалъ стоящій сзади юнкеръ, ожидающій своей очереди отвѣчать, по жестокосердію, шепнулъ: «Жена Генриха IV».

— Супруга Генриха IV,—быстро отвѣтилъ вопрошаемый.

На экзаменѣ изъ Закона Божія присутствовалъ архимандритъ. Вызванный для отвѣта юнкеръ на всѣ вопросы безмолвствуетъ.

— Спросите его про пророка Моисея, — говоритъ экзаменаторъ.

Наконецъ, разверзлись уста Валаамовой ослицы (но со страху она стала заикаться).

— Моисей, батюшка,—заговорила ослица,—былъ пророкъ... ба-ба-батюшка, Моисей батюшка... и только,—больше ничего про пророка Моисея не удалось узнать отъ юнкера отцу архимандриту *).

На подобныхъ же отвѣтахъ изъ математики и механики присутствовалъ знаменитый Остроградскій, а тактику и военную исторію читалъ и экзаменовалъ А. П. Карцевъ.

Пріятные часы проводили эти свѣтила науки, провѣряя знаніе многихъ воспитанниковъ школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ. Но это все

«Дѣла давно минувшихъ дней,
Преданья старины глубокой».

Все это происходило въ концѣ сороковыхъ годовъ! Черезъ 30 лѣтъ, когда стали питомцами той же школы мои сыновья, многое измѣнилось къ лучшему, хотя и въ концѣ семидесятыхъ годовъ проявлялись оригинальные отвѣты, вродѣ слѣдующихъ. Экзаменъ изъ тактики, разбирается одно сраженіе.

— Скажите, гдѣ находился ключъ позиціи? — спрашиваетъ экзаменаторъ.

— У начальника штаба главнокомандующаго!—увѣренно отвѣтилъ будущій офицеръ гвардейской кирасирской дивизіи.

---

*) Этотъ отвѣтъ про Моисея напоминаетъ мнѣ разсказъ современника объ экзаменѣ церковной исторіи въ тридцатыхъ годахъ въ Московскомъ университетѣ. Присутствовалъ митрополитъ Филаретъ. Одному студенту достался билетъ „О раздѣленіи Царства Израильскаго“. Ничего не зная, припомнилъ вопрошаемый, что въ отвѣтахъ часто приводятся тексты изъ Священнаго Писанія, студентъ смѣло началъ:

— Яко раздерипася риза моя, такъ и раздѣлится Царство Израильское.

Митрополитъ всталъ говоря:

— Это не незнаніе, а кощунство!—и немедленно уѣхалъ.

Студента за библейскую импровизацію исключили изъ университета.

Экзаменъ въ шестидесятыхъ годахъ, въ томъ же университетѣ, изъ государственнаго права.

— Изъ кого состоитъ верхняя палата въ Голландіи?—спрашиваетъ профессоръ.

— Изъ семисотъ принцевъ крови.

— Ни одна страна въ свѣтѣ, не исключая и Россіи, не могла бы выпести такое количество принцевъ крови,—замѣтилъ на это профессоръ Ѳ. М. Д.

— Для чего служитъ мушка? (прицѣлъ на дулѣ орудія),— спрашиваютъ у будущаго корнета той же дивизіи.

Опредѣленія не послѣдовало.

Экзаменаторъ, въ помощь, беретъ чертежъ орудія и, поводя по немъ пальцемъ, спрашиваетъ:

— Покажи, гдѣ мушка?

— Да это *пушка*, господинъ полковникъ, поправляетъ экзаменатора юнкеръ.

Доживу ли до 1908 года, когда минетъ 30 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ покинули школу мои сыновья и, когда по теоріи вѣроятій, попадутъ въ то же учебное заведеніе мои внуки? Интересно, какіе тогда будутъ отвѣты на экзаменахъ.

Народонаселеніе школы состояло изъ большинства туземцевъ, т.-е. русскихъ, малороссовъ, донскихъ казаковъ; были и инородцы, т.-е. нѣмцы, поляки и жители Кавказа. Преобладающій языкъ былъ русскій, даже русскіе, между собою, говорили по-русски, а не по-французски. Нравы были жестокіе. Съ переводомъ школы отъ Синяго моста (гдѣ еще воспитывался Лермонтовъ), когда въ концѣ тридцатыхъ годовъ на мѣстѣ, занимаемомъ зданіемъ, гдѣ помѣщалась школа, выстроили дворецъ великой княгинѣ Маріи Николаевнѣ, къ двумъ классамъ школы прибавили еще два и стали принимать въ 4-й классъ юнкеровъ отъ 13½ до 15 лѣтъ. Курсъ каждаго класса былъ годичный, но не выдержавшіе переходнаго экзамена юнкера оставались въ классѣ еще на годъ, иногда болѣе, такъ что приходилось четырнадцати-лѣтнимъ мальчикамъ воспитываться вмѣстѣ съ двадцати двухъ-лѣтними и старше молодыми людьми. Жили всѣ юнкера вмѣстѣ въ камерахъ, не по классамъ, а по ранжиру, попадали во взводы, которыхъ въ эскадронѣ было четыре. Чему только не научались дѣти въ закрытомъ учебномъ заведеніи отъ до мозга костей развращенныхъ молодыхъ людей!

Поступившіе въ 4-й классъ назывались «новичками». Это были паріи; всѣ остальные юнкера (особливо 1-го и 2-го классовъ) имѣли право ихъ бить и изводить самымъ безчеловѣчнымъ образомъ. Называлось это «приставать къ новичкамъ» и продолжалось годъ, т.-е. до поступленія новой партіи паріевъ. Готовившіеся для поступленія въ школу въ приготовительныхъ пансіонахъ гг. Вержбицкаго, Неймана, Комарова смутно знали объ ожидающей ихъ участи; но каково было положеніе поступавшихъ изъ дома молодыхъ людей, какъ называлось «съ воли», когда являлись они во фракахъ, въ цилиндрахъ и вдругъ неожиданно получали, какъ говорится, здорово живешь—плюху!

Ударившій съ граціознымъ жестомъ руки, прибавлялъ: «Это я!...» называлъ себя и спрашивалъ фамилію вновь поступившаго. Это было первымъ знакомствомъ.

Чего только ни выдумывали для моральнаго и тѣлеснаго истязанія. Одного новичка заставляли плясать, кружиться съ присвистомъ и пѣть какую-то нѣмецкую пѣсню; и такимъ образомъ несчастный изображалъ изъ себя «perpetium mobile» цѣлый день. Другого, огромнаго роста, возмужалаго юношу изводили иначе: ночью становили табуретъ на табуретъ; на этотъ пьедесталъ ставили въ римской тогѣ (изъ простыни) громаднаго новичка и заставляли его густымъ басомъ декламировать изъ трагедіи Озерова: «Дмитрій Донской»:

«Россійскіе князья, бояре, воеводы,
Пришедшіе за Донъ отыскивать свободы».

Когда кончался монологъ, выдергивали нижнюю табуретку, и Дмитрій Донской летѣлъ на полъ... (Часто юнкеръ спрыгивалъ съ пьедестала самъ, за что и бывалъ битъ). Одинъ изъ новичковъ, тоже возмужалый и брившій бороду, присѣдалъ немного на ходу и за эту походку произведенъ былъ въ лейбъ-егери юнкера М. (имя котораго, какъ имя Нерона, осталось въ памяти воспитанниковъ школы). Этотъ лейбъ-егерь обязанъ былъ въ день застрѣлить нѣсколько человѣкъ и подать списокъ своихъ жертвъ патрону. Съ серьезнымъ лицомъ подкрадывался онъ къ какому-нибудь юнкеру, дѣлалъ руками видъ, что прикладывается и громко восклицаетъ: «Пу!»

Удивленный юнкеръ спрашивалъ: «Что вы?»

«Я васъ убилъ,—вѣжливо отвѣчалъ егерь и записывалъ въ рапортичку имя жертвы; но обыкновенно онъ записывалъ уже послѣ, а сперва получалъ отъ убитаго плюху. А патронъ, получивъ вечеромъ рапортичку, обращался съ вопросами къ находившимся въ спискѣ. «Стрѣлялъ въ тебя сегодня Н?« «Какъ же, я ему далъ за это въ морду». «И прекрасно сдѣлалъ!» Эта милая шутка чуть не кончилась очень плачевно для стрѣлка. Патронъ приказалъ разъ застрѣлить дежурнаго офицера и, какъ въ стихотвореніи Пушкина «Анчаръ» рабъ непобѣдимаго владыки подкрался къ смертоносному древу... сталъ на одно колѣно (что было приказано наблюдавшимъ за этимъ покушеніемъ М.) приложился и... пу! Офицеръ обернулся, арестовалъ стрѣлка, пошло слѣдствіе о проступкѣ противъ военной дисциплины, должны были исключить преступника изъ школы. У директора были любимчики, которые доносили

ему (фискалили, по мѣстному выраженію) о всѣхъ происшествіяхъ. Къ чести юнкеровъ и подпрапорщиковъ, въ мое время изъ двухсотъ или болѣе воспитанниковъ школы было только двое или трое фискаловъ, одинъ изъ нихъ попалъ къ вахмистры. Ужъ и били же ихъ.

Донесли директору, *отъ чего* произошелъ выстрѣлъ, и преступника помиловали.

Былъ слухъ, что хотѣли исключить М., но директоръ не рѣшился, въ виду могущей произойти новой Варѳоломеевской ночи, т.-е. избіенія гугенотовъ-новичковъ! М. остался, вышелъ въ офицеры, украсивъ собою одинъ изъ армейскихъ гусарскихъ полковъ.

Чего только онъ и ему подобные не выдѣлывали съ новичками: капали имъ со свѣчки на голову стеаринъ, били по языку грязною головною щеткой, въ банѣ закаляли ихъ тѣлесно, т.-е. выталкивали наружу, валили на снѣгъ, потомъ вталкивали на полокъ и парили вѣникомъ. А бычки (ударъ по лбу натянутымъ третьимъ пальцемъ), отъ которыхъ распухалъ лобъ, особливо ежели этимъ занимался юнкеръ А., который этимъ самымъ пальцемъ перебивалъ сразу полдюжины карандашей.

И въ лазаретѣ не было спасенія. Разъ былъ я въ больницѣ съ двумя пріятелями, добродушнымъ и милымъ казакомъ И. (юнкеромъ 1-класса) и его другомъ, сумрачнымъ юнкеромъ 2-го класса Р., который сильно косилъ. Чѣмъ же занимался и изводилъ своего друга И.? Заранѣе выучивъ меня отвѣтамъ, онъ пресерьезно спрашивалъ: «Чѣмъ мужикъ коситъ траву?» «Косой», долженъ былъ отвѣчать я. Р. хмурился, но молчалъ. Черезъ нѣсколько времени снова вопросъ. «Чѣмъ мужикъ коситъ траву? «Косой». А чѣмъ пьетъ «водку?» «Косушкой». Выведенный изъ терпѣнія, Р. кидался меня бить. И. заступался, давалъ слово не вопрошать болѣе... и снова—тѣ же вопросы и гнѣвъ Р.

Не было тѣхъ унизительныхъ должностей, которыхъ бы не исполняли эти крѣпостныя дѣти изъ потомственныхъ дворянъ, будущіе защитники отечества, орлы русскаго Царя, какъ пророчествовалъ намъ израненый ветеранъ, разъ посѣтившій школу. Въ обязанностяхъ новичковъ было тоже привозить съ собой, возвращаясь по воскресеньямъ изъ отпуска въ школу, лакомство и съѣстное для наказанныхъ безъ отпуска юнкеровъ, которые въ швейцарской и на лѣстницѣ отбирали съѣстные припасы. Въ одно воскресенье нѣсколько служителей подъ командой трубача, въ сѣняхъ останавливали новичковъ и, по приказанію директора, отбирали всѣ пакеты. На другой день передъ выстроенными во фронтъ юн-

керами, въ присутствіи эскадроннаго командира и всѣхъ дежурныхъ офицеровъ, принесенъ былъ столъ, на которомъ лежало все собранное наканунѣ. Вошелъ директоръ и, не здороваясь съ эскадрономъ, долго и сильно говорилъ о неприличіи сихъ взятокъ натурой... а во время его рѣчи младшій унтеръ-офицеръ Б., стоявшій на флангѣ, за спиной директора, потихоньку таскалъ со стола лакомства и передавалъ рядомъ стоявшимъ во фронтѣ юнкерамъ.

Когда вспомнишь всѣ гадости, которыя выдѣлывали надъ новичками юноши, души которыхъ по *книжному* должны были быть отверсты ко всему высокому и прекрасному,—мерзко становится на душѣ. Да, хорошее воспитаніе, *во всѣхъ отношеніяхъ*, получили мы въ школѣ!

И что удивительнѣе всего, несчастные страдальцы - новички черезъ два года (въ 3-мъ классѣ еще не позволялось сильно приставать къ новичкамъ, это было прерогативой 2-го и 1-го классовъ), перейдя во 2-й классъ, съ наслажденіемъ сами начинали приставать ко вновь поступившимъ! Точно такъ же наибольшими извергами, дравшими солдатъ и розгами, и фухтелями, и бившими ихъ собственноручно, были бурбоны, т.-е. выслужившіеся изъ солдатъ офицеры, которыхъ самихъ *били* во всю ихъ двадцатипятилѣтнюю службу; а самыми звѣрскими барынями были прежнія крестьянки, сдѣлавшись послѣ свадьбы или графинями, или просто поручицами; и не только жены изъ бывшихъ крѣпостныхъ, но и фаворитки истязали крестьянъ и дворовыхъ, какъ, напримѣръ, историческая Настасья, «другъ графа Аракчеева», кровавую тризну по которой совершилъ обезумѣвшій отъ ярости любовникъ, несмотря на всѣ утѣшенія религіею, которыя предлагалъ ему другой его другъ.

Зимой 1847 г., впервые съ основанія школы, устроились въ ней спектакли, шли разные водевили, сцены изъ «Горе отъ ума», малороссійская оперетка «Москаль чаривникъ», (въ которой я дебютировалъ въ роли писаря Финтика). Ставилъ спектакли В. В. Самойловъ, къ которому по субботнимъ вечерамъ собирались выдающіеся и болѣе взрослые актеры. Мнѣ только одинъ разъ пришлось быть у Самойлова; я видѣлъ у него нѣсколько альбомовъ съ рисунками акварелью его ролей. Прекрасно рисуя, Василій Васильевичъ сперва изображалъ себя въ каждой роли, потомъ уже гримировался и костюмировался по нарисованному имъ образцу. Можетъ быть и послѣ 1847 г. продолжалъ рисовать себя въ каждой роли Самойловъ; гдѣ-то теперь эти альбомы? Они были бы живымъ изображеніемъ его сценической дѣятельности, въ то время, когда

еще не было фотографіи и не существовалъ еще обычай у артистовъ сниматься въ исполняемыхъ ими роляхъ *).

Къ удивленію большинства юнкеровъ, изъ паріевъ, т.-е. новичковъ, нашлись исполнители женскихъ ролей и, неожиданно, съ начала спектаклей и съ окончаніемъ ихъ въ 1848 г. приставаніе къ новичкамъ стало уменьшаться. Занялись ли юнкера приготовленіями къ спектаклямъ и репетиціями, гдѣ болѣе сближались игравшіе изъ новичковъ съ другими классами, но паріи вздохнули; долго ли это продолжалось, не знаю; я былъ произведенъ въ офицеры въ 1848 г. Вспоминаю одного школьнаго актера, князя ...скаго; перешелъ онъ изъ 1-го кадетскаго корпуса въ школу въ 3-й классъ. Небольшого роста, коренастый, съ черными глазами, характернымъ большимъ носомъ и съ синими щеками, когда пропускалъ одинъ день побриться, ...скій въ выпускномъ классѣ былъ женихомъ, и вскорѣ послѣ производства въ офицеры обвѣнчался. Долго ли служилъ онъ, не помню. Я встрѣтилъ его уже вдовцомъ, антрепренеромъ театра въ провинціи. Позже онъ сталъ первымъ комикомъ своей труппы, а когда лопнули и его антреприза, и состояніе, онъ долгое время игралъ въ провинціи и на частныхъ сценахъ въ Москвѣ. Послѣ качучи, которую онъ танцовалъ въ водевилѣ «Дочь русскаго актера», кажется, Н. В. Воронинъ сказалъ экспромтъ à la Соллогубъ.

«Талантъ имѣя исполинскій,
Ты пляской не пренебрегалъ

---

*) Недавно по случаю выставки картинъ, принадлежащихъ княгинѣ Тенишевой, говорили объ акварельной живописи, о томъ, что мало теперь хорошихъ портретистовъ (Соколовъ, Волковъ, да тотъ живетъ и пишетъ за границей... да и обчелся) и приписывали этотъ упадокъ малочисленности заказовъ и предпочтенію живописи масляными красками и т. д. Одинъ изъ собесѣдниковъ предложилъ слѣдующій оригинальный способъ поощренія: обязать всѣхъ заемщиковъ дворянскаго банка при полученіи залоговой суммы представлять въ банкъ свои акварельные портреты работы извѣстныхъ художниковъ; постановить это правило должно на томъ основаніи, что, получивъ, наконецъ, сумму или право кредитоваться соло-векселемъ (на льготныхъ условіяхъ, нынѣ существующихъ, *увы*, лишь для купцовъ), счастливецъ землевладѣлецъ, не помня себя отъ радости, готовъ будетъ заказать свой портретъ (по установленной банкомъ таксѣ для гг. заемщиковъ, напримѣръ, хотя 500 руб.); а польза отъ этого новаго правила будетъ двоякая: во-первыхъ, многочисленные заказы разовьютъ акварельную живопись въ Россіи и увеличатъ число хорошихъ портретистовъ; во-вторыхъ, Дворянскій банкъ долженъ препровождать эти портреты въ ново-открываемый русскій музей, такимъ образомъскоро составится историческая коллекція (вродѣ портретной галлереи генераловъ, сподвижниковъ войнъ 1812, 1813 и 1814 годовъ) разныхъ видовъ русскихъ дѣятелей, переживающихъ всѣ благодѣтельныя послѣдствія и сельскаго благоустройства, и боевыхъ пошлинъ, и разныхъ тарифовъ, названія которыхъ гг. землевладѣльцы теперь „*на тощакъ*..: и не выговорятъ“.

Князь К . . . . скій
Благодарю... не ожидалъ!»

Появились у князя и призовыя лошадки на московскомъ бѣгу, но скоро исчезли; и вдругъ князь-актеръ сдѣлался титулованнымъ наѣзникомъ. Умеръ бѣдняга въ больницѣ и его, какъ и многихъ жертвъ знаменитаго конноторговца Г. С. Бардина, хоронилъ сынъ Бардина, добрый и симпатичный казначей московскаго бѣговаго общества Гаврила Григорьевичъ Бардинъ.

«Настоящее уныло,
Все мгновенно, все пройдетъ,
Что прошло, то будетъ мило...»

Перейду къ послѣдующимъ воспоминаніямъ.

Когда въ семидесятыхъ годахъ вышла *L'histoire d'un crime*, Виктора Гюго, и я началъ читать эту книгу, у меня чуть не стали волосы дыбомъ, не отъ ужасовъ, которые совершались, не отъ образа дѣйствій Наполеона III, а отъ горькаго сознанія, что я въ 1852 году, 21 года въ штабъ-офицерскомъ званіи (штабсъ-ротмистръ гвардіи), переживая эти событія, не только не интересовался ими, не понималъ ихъ значенія, но едва и зналъ о нихъ. И откуда намъ было знать? Въ свѣтѣ мы танцовали, въ привилегированныхъ кабакахъ, посѣщаемыхъ золотою молодежью, гдѣ проѣдались и пропивались цѣлыя состоянія, мы били зеркала, посуду и подчасъ и прислугу, но за все щедро оплачивали, на то мы были *порядочные* люди. Многіе изъ насъ были балетоманами, ухаживали за воспитанницами театральнаго училища; Мишка Лонгиновъ и Павликъ Голицынъ звучными стихами воспѣвали «Улицу любви» (Театральная улица, идущая отъ Александринскаго театра, гдѣ театральное училище), балетъ, вздушныхъ богинь и кутежи въ ихъ честь и славу. При разъѣздахъ воспитанницъ изъ Большого театра, балетоманы били кучеровъ театральныхъ каретъ, или дворниковъ театральнаго училища, мѣшавшихъ мимолетнымъ свиданіямъ съ дамами ихъ сердца... (попадало иногда и влюбленнымъ героямъ, черезчуръ близко подъѣзжавшимъ къ каретамъ воспитанницъ, отвѣдать кучерского кнута). Другая, не золотая, молодежь веселилась въ танцъ-классахъ; тамъ били лампы, штатскихъ и «милыхъ, но погибшихъ созданій». Все это считалось шалостями, въ этомъ видѣли военную удаль и молодечество, и все сходило съ рукъ,—развѣ при большой шалости, какъ разбитіе цѣлаго пансіона дѣвицъ (безъ древнихъ языковъ), отличившихся потребуютъ на другой день къ оберъ-полицеймейстеру, или за скандалъ въ

улицѣ любви сынка какой-нибудь особы къ самому шефу-жандармовъ, дадутъ родительскій нагоняй, прикажутъ *уплатить*,—тѣмъ все и кончалось. Насъ, очевидно, съ цѣлью поощряли на такую скотскую жизнь, чтобы мы только не занимались «умозрѣніями...» Гдѣ и чѣмъ серьезнымъ могли мы заняться? На службѣ намъ нечего было дѣлать, не было тогда ни новобранцевъ, которыхъ и грамотѣ, и фронту учатъ, въ потѣ лица, теперь молодые офицеры, ни учебныхъ командъ. Всѣмъ обученіемъ эскадрона въ наше блаженное время занимался одинъ эскадронный командиръ, который счелъ бы личною для себя обидой, еслибъ молодой офицеръ захотѣлъ самъ учить свой взводъ или полуэскадронъ.

Мы, разумѣется, и не думали обижать этимъ эскадронныхъ командировъ и вели развеселую жизнь, на которую у богатыхъ хватало средствъ лѣтъ на десять, у людей съ средними средствами хватало годика на четыре, на пять... и вылетали они или въ Любимы Торцовы, при счастьѣ рѣдкіе въ частные пристава въ столицы, или въ полицеймейстеры въ провинцію, прежніе блестящіе гвардейскіе офицеры; а большинство просто выходили въ отставку и перебирались въ разоренную деревню, на простую водку, гдѣ съ одышкой и пьянымъ кашлемъ вспоминалъ отставной воинъ (причемъ вралъ немилосердно) свои петербургскія похожденія и свою развеселую молодость!

Въ сороковыхъ годахъ изъ школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ,—разсадника большинства гвардейскихъ офицеровъ,—вышелъ въ кавалергардскій полкъ юнкеръ, надававшій на нѣсколько десятковъ тысячъ рублей векселей лагерному разносчику за фрукты, закуски, лимонадъ газезъ и сладости. Всѣ векселя заранѣе подписывались «Корнетъ такой-то». Послѣ производства въ офицеры, векселя ежегодно и чаще переписывались съ пріобщеніемъ процентовъ и процентовъ на процентъ — такъ, копеечекъ по пяти въ мѣсяцъ. По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, когда векселедаватель сталъ штабсъ-ротмистромъ, а векселедержатель изъ разносчиковъ Савки переименовался въ купцы и сдѣлался впослѣдствіи владѣльцемъ извѣстнаго фруктоваго магазина,—на штабсъ-ротмистра предъявлено было ко взысканію векселей на милліонъ рублей! Офицеръ принужденъ былъ выйти изъ полка, а родитель уплатилъ бывшему Савкѣ около милліона за *фрукты*, *мармеладъ*, *закуски и лимонадъ газезъ*, скушенное и выпитое его сыномъ въ четыре лагеря юнкерской школы! Изъ этого заведенія не выходилъ ни одинъ юнкеръ безъ относительно большого долга разносчикамъ, снабжавшимъ кро-

мѣ сластей и небольшими денежными суммами. Долгъ разносчикамъ былъ освященный временемъ, начальство школы знало о немъ и не принимало никакихъ мѣръ къ его искорененію.

Необыкновенныя финансовыя способности въ добываніи денегъ выказывали нѣкоторые юнкера и, странно, изъ питомцевъ юнкерской школы не было впослѣдствіи ни одного министра финансовъ, хотя изъ воспитанниковъ пажескаго корпуса попалъ одинъ на эту высокую должность. У меня былъ товарищъ N (тоже впослѣдствіи гатчинскій кирасиръ), сынъ очень богатаго рязанскаго помѣщика, дававшій сыну, съ поступленія въ школу, по двѣсти рублей въ мѣсяцъ! Но этихъ денегъ скоро не стало хватать на препровожденіе времени четырехъ воскресеній и четырехъ субботнихъ вечеровъ. N. отправился къ часовщику своего отца, взялъ на вексель 15 золотыхъ часовъ цѣною отъ 150 до 200 рублей за каждые, потомъ заложилъ всѣ часы, получивъ за каждые отъ 20 до 25 руб., т.-е. выдалъ за часы вексель около трехъ тысячъ рублей, N получилъ отъ закладчика за эти же часы сто семьдесятъ пять рублей и весело провелъ день воскресный. Пріѣхавшій изъ Москвы отецъ, узнавъ объ этой операціи, уплатилъ по векселю, допытался, наконецъ, гдѣ сынъ заложилъ часы, выкупилъ и ихъ, съ большою скидкою, возвратилъ ихъ снова въ прежній магазинъ; изобрѣтательному сыну, во избѣжаніе новыхъ операцій, было прибавлено мѣсячное содержаніе, но...

«Гони природу въ дверь, она влетитъ въ окно». N не могъ остановиться, все продолжалъ подобныя же выгодныя спекуляціи и кончилъ тѣмъ, что, по смерти отца, спустилъ все свое огромное состояніе и долгое время былъ зачисленъ первымъ кандидатомъ для поступленія въ богадѣльню, для потомственныхъ дворянъ Московской губерніи, открытую въ началѣ девяностыхъ годовъ, на капиталъ, пожертвованный съ этою цѣлью В. Б. Козаковымъ. Не знаю, дожилъ ли N до открытія этого дворянскаго пріюта для разорившихся финансистовъ.

При воспоминаніи о школьныхъ товарищахъ, встаетъ въ моей памяти юнкерское Монако.

При танцъ-классѣ Марцынкевича была комната, куда допускались habitués и гдѣ держалъ банкъ солидный господинъ, позволявшій играть на мѣлокъ до проигрыша двадцати рублей, потомъ проигрышъ долженъ былъ быть уплаченъ, или давалась расписка, до уплаты которой играть не дозволялось. Обыкновенно кушъ не превышалъ рубля. Часто проигравшій нѣсколько картъ къ ряду юнкеръ бралъ мѣлокъ и нервно приписывалъ къ кушу ноль... выхо-

дило десять рублей. Банкометъ переставалъ метать и, указывая на кушъ, спокойно говорилъ: «обезпечьте капиталъ».

Ноликъ стирался... и игра продолжалась.

Желѣзнодорожное царство, выкупы крестьянскихъ угодій, поземельные и иные кредиты для залога и перезалога имѣній, все то, что впослѣдствіи такъ подняло и дало средства не только поправить свои дѣла, разстроенныя на службѣ отечеству, но и разбогатѣть инымъ (смышленымъ) изъ среды благороднаго русскаго дворянства, въ то время, про которое я говорю, еще не существовало и пришло все (увы, только на короткое время) впослѣдствіи.

А газеты, по которымъ мы тогда могли слѣдить за политикой, литературой? Болѣе другихъ распространена была *Сѣверная Пчела*, въ которой не дрогнула булгаринская рука написать—про кого? — про умершаго Гоголя, что онъ взялъ у Г. Булгарина и не возвратилъ золотые часы!

А эпизодъ съ И. С. Тургеневымъ, попавшимъ въ сибирку съ ворами и пьяницами за некрологъ Гоголя? Тургеневъ былъ выпущенъ и смягчено было наказаніе лишь благодаря ходатайству покойнаго государя Александра Николаевича, бывшаго тогда наслѣдникомъ.

Хорошее было времечко?

А. Стаховичъ.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Иногда одинъ какой-нибудь ничтожный предметъ, случайно услышанный обрывокъ мотива наводятъ на цѣлый рой воспоминаній. Они налетятъ бурнымъ порывомъ, перегоняя одно другое, переплетаясь и погружая душу въ какое-то грустное и сладкое забытье, и своею дивною музыкой вполнѣ отрѣшаютъ ее на нѣкоторое время отъ дѣйствительности. Со мной часто это случается. Стоитъ мнѣ, напримѣръ, услыхать крикъ грача, и вдругъ на меня такъ и пахнетъ воздухомъ милаго стараго деревенскаго сада, вечернимъ воздухомъ послѣ заката солнца, когда грачи шумною, болтливою стаей слетаются на ночлегъ въ нашъ садъ на старыя ветлы, окружающія прудъ. Мнѣ живо вспомнится, какой шумъ поднимаютъ грачи, какъ они немолчно болтаютъ, разсаживаясь по гнѣздамъ, какъ гнутся и трещатъ вѣтви, и листья шелестя слетаютъ на дорожку. Грачи постепенно затихаютъ. Тихо, чудно въ саду!... За рѣчкой поднимается туманъ. Нѣтъ-нѣтъ и донесутся звуки изъ тумана: то лошадь заржетъ въ табунѣ, то пискнетъ болотная птичка. Если насторожить слухъ, то сколько немолчнаго жужжанья, таинственнаго, легкаго какъ дыханье, шелеста въ травѣ, въ деревьяхъ... Кажется, что только небо и звѣзды дѣйствительно безмолвны.

Я—подростокъ дѣвочка, любящая мечтать и фантазировать, стою среди аллеи у рѣки, замирая... Меня всю поработила прелесть природы. Я стою и смотрю на нѣбо и звѣзды и думаю: вездѣ голоса, вездѣ дыханье, только небо и звѣзды загадочно безмолвны. Какую тайну знаютъ они и не говорятъ?!..

— Люба-а!— доносится голосъ мамы съ террасы:—иди чай пить!

Увижу я букетъ полевыхъ цвѣтовъ, и опять нахлынутъ воспоминанья. Прелестные синіе василёчки, алая гвоздика и пушистыя

астры, сколько васъ пестрѣло во ржи! Зноемъ іюльскаго дня точно охватило меня сразу при видѣ букета, и слышится мнѣ жужжанье пчелы надъ цвѣткомъ и звонкое пѣнье жаворонка въ ярко синемъ небѣ. Грудь легко вдыхаетъ медовый ароматъ. Какъ весело мнѣ! Я не одна собираю цвѣты: рядомъ со мной наклоняется рвать ихъ длинный несуразный семинаристъ. На мнѣ ярко-розовый сарафанъ, кисейные рукава и много бусъ на шеѣ. На немъ потертый пиджачекъ и непрезентабельный картузъ. Васильки у насъ обоихъ въ рукахъ, у меня въ волосахъ, и даже изъ петлички его пиджачка торчитъ шаловливый, веселый синій пучечекъ. Я сорвала ромашку и, обрывая ея лепестки, твержу, исподтишка лукаво наблюдая за выраженіемъ лица семинариста: «Любитъ, не любитъ, любитъ не любитъ... Не любитъ, не любитъ!»—торжествующе заканчиваю я.

— Не правда это!—съ жаромъ возражаетъ мой кавалеръ.

— Нѣтъ, ужъ если ромашка такъ сказала, значитъ правда!—поддразниваю я.

Какъ ясно я представляю себѣ нашъ старый дачный домъ съ двумя покосившимися крыльцами, выходящими на поросшій травою большой дворъ. Домъ весь окруженъ садомъ. Кусты жимолости и сирени, вѣтви осинъ съ ихъ трепещущими листами и березъ такъ и лѣзутъ въ окна. Съ тѣхъ поръ, какъ я себя помню, пока живы были мои родители, мы каждое лѣто проводили тамъ, и я мысленно называю это мѣсто своею родиной, не потому, чтобъ я родилась тамъ, а потому, что каждый уголокъ тамъ такъ знакомъ мнѣ, такъ милъ моему сердцу. Многія деревья, насаженныя и взлелѣянныя папиною рукой, выросли почти что на моихъ глазахъ. Такъ же хорошо знакомы мнѣ дороги во всѣ окрестныя села и деревушки, въ лѣсъ, гдѣ мы собирали свѣтляковъ, на мельницу, къ такъ называемому нами «водопаду», въ болото, гдѣ перепрыгивая съ кочки на кочку, мы рвали какіе-то особенные, сильно пахучіе, похожіе на восковые цвѣты, бѣлые и блѣдно-розовые.

Ужъ нѣтъ тѣхъ, которые жили тамъ со мной, охраняли меня отъ заботъ, незамѣтно нѣжною рукой направляли мои неопытные шаги и бросали добрыя сѣмена въ юную душу.

«Вечерній звонъ! Вечерній звонъ!
Какъ много думъ наводитъ онъ
О юныхъ дняхъ въ краю родномъ».

Какъ живо вижу я папу, сидящаго съ удочкой въ рукѣ на своемъ любимомъ мѣстечкѣ подъ старой свѣсившейся ветлой, вижу

сѣдѣющія папины кудри подъ бѣлою лѣтнею фуражкой и широкую спину въ лѣтнемъ пиджакѣ. Не шелохнется папа и, не обращая вниманія на докучныхъ комаровъ и мошекъ, терпѣливо ждетъ, не дрогнетъ ли поплавокъ, не сводитъ съ него зоркаго взгляда своихъ вдумчивыхъ свѣтлыхъ глазъ. А мама тоже на одномъ изъ своихъ любимыхъ мѣстъ—на террасѣ, около которой благоухаютъ цвѣтущія липы. Мама читаетъ газету и при этомъ вяжетъ чулокъ (чулокъ ея неизмѣнная работа). Ея густые волосы прикрыты ситцевымъ платочкомъ съ голубою каймой—въ защиту отъ вѣтра, котораго нѣтъ. Мама постоянно боится простуды, вѣтра, сквозняковъ и немилосердно кутаетъ насъ зимой.

Слава Богу, лѣтомъ позволяется ходить безъ шерстяныхъ чулокъ.

Голубая кайма платочка такъ идетъ къ маминому свѣжему, красивому лицу, къ ея каримъ лучистымъ глазамъ. Мама—красавица, это многіе говорятъ, и я часто думаю это, любуясь на нее, и мысленно говорю, что лучше моей мамы на свѣтѣ нѣтъ. Моя мама такая моложавая, красивая, веселая и добрая.

Насъ дѣтей четверо: Соня кончила курсъ въ гимназіи, а я пока еще только что перешла въ 7-й классъ. Мнѣ 15 лѣтъ. Чуть не каждую недѣлю я влюблена, но серьезно мое сердце никѣмъ не занято, и я охотно дурачусь и бѣгаю съ братьями Алешей и Петей.

Въ семействѣ у насъ я пользуюсь репутаціей сорванца и нерѣдко получаю отъ мамы выговоры за разорванное платье, за растрепанную голову, за промокшія ноги—слѣды моихъ неутомимыхъ проказъ.

Вечеромъ я люблю бродить по саду и мечтать. Иногда я мечтаю о своемъ духовномъ усовершенствованіи, иногда... о любви.

Мнѣ мерещится какой-то сказочный прекрасный принцъ, необыкновенно прекрасный. Онъ высокъ ростомъ, тонокъ, строенъ какъ тополь. У него блѣдное лицо, вдохновенные умные глаза и... бѣлое перо на шляпѣ.

Не то Иванъ царевичъ, не то Фаустъ.

Иногда по вечерамъ мы вдвоемъ—я и младшій братъ Петя—удаляемся на «курганъ» (такъ прозвали мы земляное возвышеніе со скамейкой въ концѣ аллеи у рѣки) и тамъ поемъ, поемъ съ самозабвеньемъ, съ чувствомъ всѣ пѣсни и романсы, какіе только знаемъ, поемъ до тѣхъ поръ, пока охрипнемъ, и тогда молча, взволнованные, отправляемся ужинать.

Въ концѣ этого лѣта късвященнику нашего села пріѣхалъ племянникъ-семинаристъ, сынъ родной сестры попадьи.

Семинариста этого звали Василіемъ Иванычемъ. Батюшка съ матушкой бывали изрѣдка у насъ, и мама, узнавъ, что къ нимъ пріѣхалъ племянникъ, просила ихъ привести его какъ-нибудь къ намъ. Но батюшка тягучимъ, хриплымъ шепоткомъ возразилъ на это: «Онъ у насъ не смѣлый! Робѣетъ!» Такимъ же тономъ, какимъ онъ всегда говорилъ про свой желудокъ, что онъ у него «не принимаетъ» той или другой пищи.

— Въ тетку свою!—кивая головой на попадью, добавилъ батюшка.

Попадья только смиренно улыбалась въ отвѣтъ. Она была пухлая, сдобная, румяная и робкая, особенно робѣла передъ своимъ батюшкой.

Василій Иванычъ дѣйствительно не собрался къ намъ, можетъ быть стѣснялся, а можетъ быть просто не находилъ ничего интереснаго для себя въ этомъ посѣщеньи.

Деревенскіе ребятишки нѣсколько разъ показывали мнѣ его издали, когда онъ проходилъ по тому берегу мимо нашего сада. Большею частью у него въ рукахъ были удочка и книги. Онъ казался мнѣ неинтереснымъ, неряшливымъ, смѣшнымъ и некрасивымъ, поэтому я мало обращала на него вниманія. Но мало-по-малу онъ, самъ того не подозрѣвая, заинтересовалъ меня, потому что деревенскіе ребятишки, собираясь иногда у кургана за заборомъ, только про него говорили. Всѣ они хвалили его, называли добрымъ и простымъ и единогласно признавались въ своемъ расположеніи къ нему.

— Онъ больно жалостливый!—разсказывала мнѣ сѣроглазая рябая Наташа своимъ тоненькимъ голоскомъ.—Разъ нашъ Мишанька ногу занозилъ, а онъ идетъ. Мишанька реветъ во весь духъ, такъ ужъ онъ утѣшалъ его, утѣшалъ, самъ сѣлъ около него вотъ эдакъ, на руки его взялъ и сталъ занозу ему вынимать... До тѣхъ поръ все съ имъ возился, пока занозу не вытащилъ!

— А мою баушку-то какъ онъ велъ! — почему-то хохоча напомнила широконосая глуповатая Домна, смѣшно вращая своими круглыми свѣтло-голубыми глазами и захлебываясь.

— Да! — подхватила Даша, прозванная «кобылой» за свою, похожую на лошадиную морду физіономію. — У ей баушка-то съ клюкой ходитъ. Вотъ она разъ изъ церкви шла да оступилась, упала и клюку свою выронила, а онъ, Василій-то Иванычъ, поднялъ ее и клюку ей подалъ, и повелъ ее. Да тихохонько такъ шагаетъ. А самъ съ ей все разговариваетъ, спрашиваетъ ее: ты гдѣ, баушка, живешь? Да я тебя, баушка, доведу. Ты, баушка, старень-

кая, я тебѣ помогу. Все такъ съ ей говоритъ, говоритъ, а самъ ведетъ. До самой избы довелъ.

— Ужъ баушка кланялась ему, кланялась! — зашепелявила глупо улыбающаяся Домна.—«Ахъ, ты,—гритъ,—батюшка мой! Родимый ты мой! Помоги,—гритъ,—тебѣ Господь за это, болѣзный ты мой!»

Горбатая Анна разсказала, какъ Василій Иванычъ жалѣетъ ее за ея уродство, все говоритъ ей: не печалься, Аннушка, что у тебя горбъ! Горбатые всѣ умные бываютъ.

Матвѣйкѣ, по прозванью «блохѣ», Василій Иванычъ подарилъ книжку съ картинками. Онъ любилъ ребятишекъ, охотно болталъ съ ними, иногда собиралъ ихъ около себя и читалъ имъ «все такое занятное», какъ они говорили.

Нѣсколько разъ я видала Василія Иваныча въ церкви. Онъ подпѣвалъ на клиросѣ и среди фальшивыхъ голосовъ доморощенныхъ пѣвцовъ, гнусливо тянущихъ кто въ лѣсъ, кто по дрова, его глуховатый басокъ производилъ симпатичное впечатлѣніе.

Мы становились всегда на особомъ мѣстѣ на коврикѣ. Я любила нашу сельскую церковь. Мнѣ нравился ея убогій видъ. Потемнѣвшія иконы, написанныя рукой незатѣйливаго художника, трогали мое сердце, привыкшее къ нимъ съ дѣтства. Хоръ на клиросѣ былъ доморощенный, какъ я уже сказала, но эти пѣвцы въ большихъ валенкахъ и съ обильно напомаженными головами пѣли отъ чистаго сердца, а среди молящихся мужиковъ и бабъ царила такая благоговѣйная тишина, такъ усердно отбивались земные поклоны, такъ горячо осѣняли себя крестнымъ знаменіемъ, и на всѣхъ этихъ загорѣвшихъ и побурѣвшихъ лицахъ такъ ясно читалось: «всякое нынѣ житейское отложимъ попеченіе», что, глядя на нихъ, самой хотѣлось молиться съ такой же горячей вѣрой. Мнѣ особенно нравилось, какъ батюшка торжественно и тягуче произносилъ своимъ хриплымъ шепоткомъ: «Слава Тебѣ, показавшему намъ свѣтъ!» Сердце наполнялось восторгомъ отъ сознанія величія и могущества Божія.

А пѣніе Василія Иваныча пріукрасило службу.

Это говорили и папа, и мама.

— Обрати вниманіе, Люба, какъ мѣняется лицо у батюшкинаго племянника, когда онъ поетъ! — сказала мнѣ разъ мама.— Какой онъ неказистый съ перваго взгляда, а когда поетъ въ церкви, то просто хорошѣетъ. Вѣрно, онъ очень религіозный человѣкъ.

Въ слѣдующій разъ, наблюдая за Василіемъ Иванычемъ, когда

онъ запѣлъ: «отъ юности моея мнози борютъ мя страсти», я согласилась съ мамой, что онъ гораздо лучше, когда поетъ.

— У него тогда глаза дѣлаются глубокіе, какъ вѣчность,— сказала я.

Всѣ смѣялись надъ моимъ сравненіемъ, а Соня лукаво предостерегла меня:

— Смотри, не влюбись!

— Вотъ еще!—презрительно возразила я. — Въ такого урода!

— Такъ вѣдь ты сама когда-то созналась, что питаешь слабость къ разнымъ хромымъ, слѣпымъ и горбатымъ,— сказала мама,—даже, кажется, замужъ мечтала выйти за какого-нибудь калѣку, чтобы можно было за нимъ ухаживать.

— Мало ли что! То калѣка! А батюшкинъ племянникъ не калѣка, а просто уродъ, кисляй! А кислыхъ я не люблю! Онъ такой кисляй, какъ Прасковья Ѳоминишна.

Прасковья Ѳоминишна была замѣчательно кислая, нервная и ноющая старая дѣва, которой мама заказывала разную работу и которая часто и безъ нужды навѣщала насъ, сидѣла по цѣлымъ часамъ, пила кофе и сплетничала, а больше всего жаловалась на свою неудачно сложившуюся жизнь, ныла, злилась на все и на всѣхъ, все и всѣхъ порицала. Мы часто передразнивали ее, какъ она тянетъ въ носъ, вся раскисая: «Я не могу! Я не могу!» Алеша и Петя сочинили на ея счетъ коротенькую ядовитую пѣсенку и по ея уходѣ всегда громогласно начинали распѣвать ее напѣвомъ мазурки.

И сейчасъ Петя моментально подхватилъ произнесенное мной имя Прасковьи Ѳоминишны и, скорчивъ грозную гримасу, затянулъ сладкимъ голоскомъ эту восхитительную пѣсенку, отбивая тактъ мазурки и дребезжа: «Кто у насъ дья-а-а-аволъ? Кто у насъ дья-а-а-аволъ?» Потомъ еще слащавѣе, склонивъ голову на бокъ, жмурясь, какъ котъ, и сложивъ губы сердечкомъ: «Параскева!... Ѳоминишна!... Вотъ у насъ дья-а-а-аволъ!» Потомъ страшно грозно, выпучивъ глаза и громовымъ, ревущимъ голосомъ: «Чортова дочь!» Пѣсенка, короткая, но вызывавшая бурный смѣхъ, заставила забыть о Васильѣ Иванычѣ.

Я познакомилась-таки съ нимъ, но совершенно случайнымъ образомъ. Одинъ разъ мнѣ что-то не спалось. Наверху, въ нашей свѣтелкѣ, гдѣ я спала съ Соней, было жарко, душно. Солнце только что взошло, а я ужъ встала и рѣшила выкупаться, накинула блузу, туфли на босу ногу и, мелькомъ взглянувъ на спящую Соню съ ея разметавшейся по подушкѣ огромной косой (предметъ

моей зависти), крадучись спустилась съ лѣстницы, досадуя, что такъ скрипятъ ея старыя широкія ступени. Я боялась, что проснется спящая въ каморкѣ подъ лѣстницей рябая черная горничная, старая дѣвушка Дарьюшка, и спроситъ менторскомъ тономъ: «вы куда это такую рань собрались, барышня?»

Дальше надо было прокрасться мимо притворенной двери маминой спальной. Не дай Богъ, если мама услышитъ! Она горячо возстанетъ противъ такого ранняго выхожденья въ садъ въ прохладу и росу, а тѣмъ болѣе противъ купанья.

— Простудишься, а потомъ возись съ тобой!—скажетъ мама.

Но вѣдь мама сама виновата, что ужъ слишкомъ много возится съ нами больными: отпаиваетъ и чаемъ, и мятой, и сухой малиной до поту, до тошноты, до отвращенья, натираетъ съ головы до ногъ саломъ, скипидаромъ, летучей мазью.

— Самая тяжелая болѣзнь, если ее вѣ-время захватишь, изгоняется испариной!—говоритъ, бывало, мама, и добросовѣстно кутаетъ насъ въ шали, ватныя одѣяла, шерстяные чулки, а потомъ не спитъ ночей, сторожа каждый вздохъ. Бѣда, если чихнешь или кашлянешь!

А поѣздки на танцовальные вечера и возвращенье съ нихъ! Это умора была! Всѣ наши знакомые знали нашу закрытую пролетку или сани, запряженныя въ неповоротливую толстую Гнѣдышку, съ сонливымъ Петромъ на козлахъ.

Нашъ экипажъ узнавали по тяжеловѣсности коня и кучера и по громаднымъ шалямъ, торчавшимъ наружу. Наши кавалеры съ любопытствомъ окружали насъ, когда начинались сборы домой послѣ танцевъ. Мы съ Соней стояли разгоряченныя, жаждущія прохлады, но покорныя, а мама торжественно укутывала насъ. Громадные мѣховые сапоги, платочки, косынки, платки, шубы и сверху всего тяжелыя шали, — хоть задохнись. Мы превращались въ двѣ безформенныя тумбы и, съ помощью смѣявшихся надъ нашей безпомощностью кавалеровъ, карабкались вслѣдъ за мамой въ экипажъ, слыша ея восклицанія: «Не открывайте носа и рта! Не смѣйтесь, а то наглотаетесь воздуха».

Понятно, почему я такъ боялась, что мама услышитъ мое бѣгство и остановитъ меня. Совсѣмъ ужъ не трудно было мнѣ пройти послѣднюю опасность—залу мимо бабушкиной спальни. Но если бабушка и спроситъ свою толстую горничную Марью, кто тамъ идетъ, Марья врядъ ли услышитъ. Ее не легко пробудить отъ сна, если она «понакушалася», какъ сама она, сильно пыхтя, выражается про себя послѣ сытнаго ужина

Наконецъ, я въ саду.

Чудное утро! Свѣжее, бодрое, веселое, какъ сама молодость! Солнце еще низко. Его лучи золотомъ пронизываютъ нашъ густой садъ. Спокойна и ясна гладь рѣчки и пруда, надъ которымъ склонились сѣдыя ветлы. Въ его глубинѣ отражаются эти ветлы и часть синяго неба. Я называю это отраженье «подводнымъ царствомъ». Ему, кажется, дна нѣтъ.

Птицы бодрымъ чиликаньемъ и свистомъ оглашаютъ воздухъ. Особенно восхитительно, нѣжно насвистываетъ иволга гдѣ-то около купальни. Тамъ ея любимое мѣсто. Иногда съ самаго утра она начинаетъ мяукать, точно кошка. За рѣчкой просторъ зеленыхъ луговъ, просторъ синяго неба надъ ними, и пѣсня жаворонка высоко-высоко...

Я сама чувствую себя вольною птицей. Такъ рано—и я одна во всемъ саду.

Мнѣ хочется чиликать и свистѣть по-птичьи. Но я ограничиваюсь тѣмъ, что, смѣясь, бѣгу къ купальнѣ, бѣлѣющей въ концѣ аллеи, бѣгу шибко, съ азартомъ вырвавшейся на свободу юной школьницы.

Освѣженная купаньемъ, я съ растрепанной мокрой головой взлетаю на «курганъ». Оттуда открывается привольный видъ—на луга и поля за рѣчкой и на мельницу вдалекѣ. Но на курганѣ я вдругъ останавливаюсь, какъ вкопанная, встрѣтясь взглядомъ съ сѣрыми глазами Василія Иваныча, стоящаго за забором и мирно удящаго. На немъ его обычный костюмъ — старенькіе потертые брюки и старенькій пиджачокъ, подъ которымъ виднѣется ситцевая розовая косоворотка сомнительной чистоты. Надо сознаться, вблизи очень непрезентабеленъ онъ въ этомъ костюмѣ—долговязый, съ длинными красными руками, съ торчащими черными мокрыми волосами (онъ тоже вѣрно купался, думаю я). И вдобавокъ ко всему онъ при видѣ меня до того смутился, что весь побагровѣлъ, такъ что даже слезы выступили у него на глазахъ. Сначала я думала было обратиться въ бѣгство, сконфуженная своей растрепанной шевелюрой, блузой и туфлями на босу ногу, но его собственное смущеніе сразу пріободрило меня, а когда я увидала, что въ довершеніе всего очки свалились съ его длиннаго носа и онъ шаритъ ихъ въ густой травѣ, тогда я не удержалась и фыркнула.

Онъ подозрительно покосился на меня, что̀ еще болѣе разсмѣшило меня, и я вторично фыркнула. Потомъ я подошла ближе къ забору и весело сказала:

— Здравствуйте, Василій Иванычъ!

Вторичный взглядъ исподлобья, и, помедливъ, онъ пробурчалъ:

— Здравствуйте!

«Бука!—мысленно рѣшила я,—неуклюжая дылда!»

— Не правда ли, какое прекрасное утро?—и, не дожидаясь отвѣта, я спросила, перегибаясь черезъ заборъ:—это что у васъ за книга лежитъ на травѣ?

— Сочиненія Некрасова!

— Вы всегда ихъ носите съ собой? Я сколько разъ васъ видала съ удочкой и съ книгой...

— Онъ—мой любимый писатель. Ловко пишетъ...

Надѣвъ очки, Василій Иванычъ, видимо собираясь уходить, сталъ собирать всѣ свои раскиданные по травѣ доспѣхи: жестянку съ червяками, старый картузъ, удочки, книгу, ведерко, но дѣлалъ онъ это какъ-то неловко, разсѣянно, медлительно, вообще такъ долго копался, что я опять почувствовала неудержимое желаніе смѣяться и, наконецъ, расхохоталась.

Василій Иванычъ оторопѣло застылъ на одномъ мѣстѣ. Жестянка, книга, ведерко, картузъ, удочки, очки—все полетѣло на траву, а я такъ и покатывалась.

— Вы чего смѣетесь?

— Да такъ... просто... Сама не знаю... Я очень смѣшлива... Утро такое хорошее... Такъ весело... Вы совсѣмъ растрепали бѣдняжечку Некрасова... Чего вы заторопились уходить? Не все ли вамъ равно, гдѣ удить?

Василій Иванычъ растерянно глядѣлъ на меня съ пробивающейся сквозь напускную серьезность улыбкой.

Я расшалилась, какъ маленькая, и не помню, о чемъ мы потомъ болтали. Наши разговоры были несвязны, перескакивали съ предмета на предметъ, но для насъ они были, повидимому, полны интереса, потому что я забыла и о непрезентабельномъ костюмѣ Василія Иваныча, и о своихъ ногахъ безъ чулокъ, и о своей растрепанной шевелюрѣ, и о томъ, что кто-нибудь можетъ появиться въ саду около насъ, а смущеніе Василія Иваныча совершенно прошло. Удочка, на которую онъ забылъ нацѣпить червяка, была въ водѣ, но рыбакъ не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на поплавокъ. Онъ стоялъ спиной къ водѣ, лицомъ ко мнѣ, глаза у него стали бойкіе и блестящіе.

— Онъ вовсе не дуренъ,—думала я:—какіе глаза выразительные. Онъ похожъ на какого-то писателя.

Я поспѣшила вслухъ выразить, что онъ похожъ на писателя.

— Ужъ вы меня лучше того... не конфузьте, а не то я сквозь землю провалюсь.

— Развѣ вы такой конфузливый?

— Страсть!... Только вотъ почему-то съ вами того... Всего нѣсколько минутъ говоримъ, а кажется, что ужъ давно знакомъ.

Я покраснѣла... отъ удовольствія.

«Скажите пожалуйста, какія онъ пріятныя вещи умѣетъ говорить!»—пронеслось у меня въ головѣ.

— Василій Иванычъ!... Сорвите мнѣ вонъ эти кувшинчики.

— Да они далеко... Удачкой не достанешь.

— Вы длинный, вонъ какой!

— А вамъ очень хочется?

— Я очень ужъ люблю цвѣты.

— Я бы вамъ принесъ... много... Только не хочется мнѣ, чтобъ кто изъ вашихъ увидалъ. Еслибъ вы вечеркомъ пришли! Я вамъ цѣлый букетище притащу, да не этихъ однихъ, а еще бѣлыхъ... вродѣ лилій... Придете, такъ я того... принесу?

— Приносите, приносите, я приду непремѣнно!

— Я знаю мѣста, гдѣ ихъ много. Вѣдь я цѣлый день брожу до поздней ночи.

— Какъ я вамъ завидую, Василій Иванычъ, всюду-то вамъ можно одному! А меня одну не пускаютъ! А братья не любятъ брать меня съ собой. А я такъ люблю далеко, далеко гулять! Когда уйдешь куда-нибудь далеко въ луга или въ лѣсъ, кажешься сама себѣ вольной птицей. Куда хочешь, туда и летишь! На душѣ легко, беззаботно!

— Вотъ, вотъ!... И я также! Мнѣ вотъ одному иной разъ скучно, кажется, гулять. Перемолвился бы съ кѣмъ-нибудь словомъ, впечатлѣніемъ насчетъ красотъ природы подѣлился бы... Вмѣстѣ бы намъ съ вами гулять... Давайте?

Восхищенная этимъ предложеніемъ, я все-таки нерѣшительно глядѣла на него, недоумѣвая, какъ можно осуществить этотъ чудный планъ.

— Вы будете того... приходить сюда... Можно рано утромъ, вотъ какъ сейчасъ,—торопясь и волнуясь говорилъ Василій Иванычъ:—только чтобъ никто не зналъ... Уговоръ: никому не говорите!

— Безподобный планъ! Это чудесно! Ура!—кричала я,—я согласна, согласна! А пока до свиданья! Улетучиваюсь! Папа встаетъ раньше семи и ходитъ купаться.

— Придете за кувшинчиками?

— Приду.

Сбѣгая съ кургана, я не удержалась и крикнула вслѣдъ своему новому знакомому: только я не люблю, когда такая грязная рубашка, какъ у васъ. И я издали видѣла, какъ покраснѣли уши у бѣднаго Василія Иваныча.

Мнѣ было очень весело весь день. Тайный заговоръ, заключенный съ Василіемъ Иванычемъ, очень занималъ меня и наполнялъ какимъ-то жуткимъ волненьемъ мою отчаянную голову.

Въ ожиданіи вечера я дурачилась болѣе обыкновеннаго, представляла кислую Просковью Ѳоминишну и пѣла тріо съ братьями:

«Кто у насъ дья-а-а-а-волъ?»

стараясь разсмѣшить маму, погруженную въ чтеніе газеты. Мама долго крѣпилась, но, наконецъ, не выдержала, разсмѣялась и погрозила намъ пальцемъ, укоризненно говоря: «Школьники этакіе! Какъ вамъ не стыдно издѣваться надъ Прасковьей Ѳоминишной?! Она такая жалкая!»

— «Густолиственныхъ кленовъ аллея, для меня ты значенья полна!» — сантиментально загнусавилъ Петя, изображая пѣнье бѣдной старой дѣвы, часто пѣвшей этотъ романсъ.

Едва дождавшись вожделѣннаго часа вечерняго чаепитія, когда все наше семейство собралось на террасѣ, я осторожно спустилась съ лѣсенки и тихо, медленно, какъ бы мечтая, направилась къ кургану. Тамъ было тихо, темно и страшно.

Деревья и вода точно замерли, тростникъ у берега не шелестѣлъ. Летучая мышь беззвучно пронеслась надъ рѣкой мимо бѣлой купальни. Надъ лугами поднимался блѣдный туманъ. Пахло сыростью и болотными цвѣтами.

Когда я съ замирающимъ сердцемъ, вбѣжала на курганъ, черная высокая тѣнь поднялась съ травы за заборомъ.

— Я давно ужъ васъ жду!—пробасилъ знакомый голосъ.

— Ахъ, Василій Иванычъ! — прошептала я дрожащимъ голосомъ:—я думала, что васъ, можетъ быть, нѣтъ, и боялась.

— Чего же вы боялись? Небось думали, обману васъ?

Его голосъ въ темнотѣ казался мнѣ взволнованнымъ... милымъ. Шаловливое ребяческое настроеніе, наполнявшее меня весь день, замѣнилось серьезнымъ, торжественнымъ. Почему это? Не потому ли, что днемъ ярко сіяло солнце, рѣзво чиликали птицы, а теперь все въ природѣ было тихо, торжественно, спокойно, и опять темное небо и звѣзды на немъ глядѣли загадочно-безмолвно.

Я была въ такомъ настроеніи, что хотѣлось говорить о чемъ-нибудь серьезномъ и важномъ,—шутить и смѣяться не хотѣлось.

— Говорите шепотомъ, Василій Иванычъ, а то какъ бы съ террасы не услыхали!

— А вы лучше идите сюда, ко мнѣ!—прошепталъ онъ.

— Черезъ канаву?

Подъ заборомъ отъ пруда къ рѣкѣ проходила канава, черезъ которую мы лазили въ поле.

— Нѣтъ! Дайте руки! Я перенесу васъ.

Не раздумывая много, я немного влѣзла на заборъ, безцеремонно обхватила его обѣими руками за шею и позволила ему перенести меня за заборъ, и хотя при этомъ мой бѣдный рыцарь сильно запыхался, я все-таки воображала, что онъ Иванъ царевичъ, а я сказочная принцесса, уносимая имъ въ чудный волшебный замокъ.

Иванъ царевичъ осторожно опустилъ меня на росистую траву.

— Какъ здѣсь хорошо!—сказала я: лучше, чѣмъ въ саду.

Передо мной за рѣкой высоко поднимался и далеко, далеко разстилался сѣдой туманъ, точно неприступная стѣна заколдованнаго замка. Изъ темной бездны надъ моей головой мерцали звѣзды, точно чьи-то загадочныя безчисленныя очи. Холодная струя воздуха пахнула на меня съ болота.

— Вотъ ваши цвѣты,—прервалъ мою задумчивость Василій Иванычъ, поднимая съ травы цѣлый снопъ водяныхъ крупныхъ лилій и желтыхъ кувшинчиковъ съ круглыми гладкими листьями.

— Мои?!.. Это мнѣ?!.. Ахъ, какая прелесть! Спасибо, Василій Иванычъ!

— Что вы меня благодарите-то! Это я васъ того... благодарить долженъ... Вотъ что! Вы такая добрая, простая, хорошая...—прерывающимся голосомъ шепталъ Василій Иванычъ, опускаясь на траву около меня.

— Да что вы это, право, Василій Иванычъ?!

— Да какъ же! Вы, можно сказать, первая во всей моей жизни меня приласкали... Вы мое сердце того... можно сказать, растопили... Какой я давеча съ вами веселый сдѣлался... Самъ себя не узналъ! А то обыкновенно я мрачный... Развѣ только съ ребятами... Сирота я, Любовь Дмитревна, къ ласкѣ не привыкъ! Эти дядя и тетка—моя единственная родня, со мной они всегда не больно-то церемонятся. Оттого-то я только еще въ первый разъ рѣшился пріѣхать къ нимъ на вакатъ, предпочиталъ лучше и лѣтомъ того... въ семинаріи корпѣть.

Слушая это признаніе, неожиданно вырвавшееся у бѣднаго се-

минариста, я чувствовала и удивленіе, и гордость отъ его довѣрія, и горячую жалость къ нему. Въ полумракѣ я могла разглядѣть, что лицо его поблѣднѣло. Такъ вотъ онъ какой!—думала я, и мнѣ хотѣлось, чтобъ онъ еще и еще говорилъ со мной по душѣ. Это не то, что утренній разговоръ, начинается серьезное, думала я и спросила:

— Вы давно сирота?

— Давно! И отецъ и мать умерли отъ чахотки. Сначала онъ, потомъ она.

— Такъ что вы ихъ не помните?

— Отца... нѣтъ, не помню.

— А... вашу маму?—спросила я робкимъ, почти благоговѣйнымъ шепотомъ, боясь, что мой вопросъ очень больно разбередитъ старую рану.

— Какъ вы это того... спрашиваете-то! — произнесъ онъ, — точно ушибить меня боитесь!

Еще бы! Потерять свою маму, родную маму, и вдобавокъ еще не помнить ея—это и тогда казалось мнѣ ужаснымъ, жгучимъ горемъ. А послѣ, долго спустя, когда ужъ не было у меня моей мамы, о, какъ часто, какъ часто вспоминала я эти минуты на берегу рѣки и этотъ разговоръ, какъ больно было мнѣ сказать собственнымъ тоскующимъ сердцемъ, что потерять родную маму—это почти все равно, что лишиться самаго свѣтлаго луча солнечнаго, озарявшаго жизнь чуднымъ сіяніемъ. Такая тоска по матери не могла быть не услышана ею даже изъ того таинственнаго міра.

Какъ хорошо поняла я тогда, почему такъ дѣтски-нѣжно, съ такою безутѣшною грустью говорилъ онъ всегда про мать.

— Маму я помню,—прошепталъ Василій Иванычъ:—глаза ея больно хорошо помню... Любви-то что въ нихъ было, привѣта... У Некрасова про мать хорошее мѣсто есть, страсть... сказать?

«День-деньской моя печальница,
Въ ночь—ночная богомолица!
Никогда тебя, желанная,
Не увижу я теперь!
Ты ушла въ безповоротную
Незнакомую дороженку»...

Дрожащій голосъ его оборвался... Заплакалъ онъ? Или мнѣ показалось?

Сердце дрогнуло отъ бурной жалости къ нему. А отъ жалости до любви, говорятъ, всего одинъ шагъ. Онъ открылъ мнѣ уголокъ

своего сердца, самый грустный уголокъ, и оттого сразу сталъ мнѣ ближе. Мнѣ было холодно и отъ волненія, и отъ сырой болотной струи, пронизывавшей меня, и я судорожно прижималась лицомъ къ холоднымъ кувшинчикамъ и цѣловала ихъ.

— Я воспитываюсь на казенный счетъ,—заговорилъ опять Василій Иванычъ, точно рѣшивъ вполнѣ открыть мнѣ свою душу.

— А потомъ?

— Потомъ поступлю, Богъ дастъ, въ сельскіе учителя, въ псаломщики, самое лучшее въ попы.

— Въ городъ?

— Гдѣ ужъ въ городъ... Дай Богъ, коли того... хорошій приходъ въ селѣ. Вѣрнѣе всего, въ глушь какую-нибудь пошлютъ.

— И вы поѣдете?

— Такъ неужто отказываться?... Тогда ѣсть нечего будетъ.

Какъ все это было для меня чуждо! Дѣтство мое прошло беззаботно, ни бѣдности я не знала, ни горя, и впереди не видѣла ни нужды, ни труда. Въ неясныхъ розовыхъ мечтахъ рисовалось мнѣ мое будущее: окончаніе курса, избавленье отъ уроковъ, балы, театръ, спокойное ничего недѣланье, безъ заботы о хлѣбѣ насущномъ. Однимъ словомъ, мое будущее представлялось мнѣ вѣчнымъ праздникомъ.

— А товарищи у васъ есть, Василій Иванычъ?—спросила я, прерывая молчанье,—друзья?

— Горемычный я, Любовь Дмитревна, одно слово—горемычный... Впрочемъ, есть у меня друзья вѣрные, неизмѣнные: природа, да вотъ еще Некрасовъ... Безъ природы, да безъ книги, что̀ бъ я былъ!... Хоть ложись да умирай! Иной разъ, какъ подумаю, какой я сирота бездомный, ни души близкой нѣтъ, ни средствъ, кажется, того... на свѣтъ бы не глядѣлъ, а пойдешь въ лѣсъ,—сразу легче станетъ. Птицы тамъ разныя поютъ, кукушка кукуетъ, а деревья: ш-ш-ш-ш... Спокойно такъ на сердцѣ сдѣлается, кажешься ужъ себѣ не такимъ того... одинокимъ... А въ луга пойдешь—цвѣты, ширь, свобода, солнце тебѣ одному ласково улыбается, жаворонокъ для тебя одного пѣсенки свои поетъ. Среди травы да цвѣтовъ точно въ волнахъ плаваешь... Хорошо, страсть!... А то возьмешь Некрасова почитать... Начитаешься его, задумаешься надъ нимъ, сколько на свѣтѣ несчастныхъ горемыкъ, тебѣ ли роптать на жизнь... Ну, и встряхнешься!

«Господи! — мысленно восхищалась я. — Какая у него душа дивная, прекрасная, какъ все это трогательно и поэтично!»

— Однако,—спохватилась я,—я пойду, а то меня хватятся...

— Идите, — тихонько пожавъ мою руку, сказалъ онъ, — если удастся, встаньте завтра пораньше гулять-то... Я того... здѣсь васъ ждать буду.

Ночью я долго раздумывала о Васильѣ Иванычѣ. Въ душѣ моей загоралось пылкое желанье облегчить его грустную сиротскую долю, быть ему другомъ, не по имени только, а настоящимъ другомъ—не фальшивымъ, вѣрнымъ и нѣжнымъ. Вспомнивъ о томъ, какъ утромъ я закричала ему вслѣдъ про его грязную рубашку, я почувствовала почти болѣзненную жалость и раскаяніе, называла себя безсердечной и грубой. Еслибъ я знала, что онъ такой несчастный, ни за что бы не сказала этого. И почему это онъ казался мнѣ прежде смѣшнымъ и некрасивымъ? Длинный носъ идетъ мужчинѣ гораздо болѣе, чѣмъ короткій. Большія и грубыя руки тоже не могутъ портить наружность мужчины. Самое главное — душа! Она отражается въ глазахъ и въ выраженьи лица. Лицо у него доброе, грустное, задумчивое, а глаза даже красивые. Они вспыхиваютъ, когда онъ волнуется, а иногда точно потухаютъ. Я до тѣхъ поръ думала о Васильѣ Иванычѣ, пока не заснула. До возвращенья въ городъ мы нѣсколько разъ гуляли и очень подружились. Онъ разсказалъ мнѣ свою жизнь, я въ свою очередь откровенно болтала ему все, что мнѣ приходило въ голову, не заботясь о производимомъ впечатлѣніи.

Онъ узналъ, какіе у насъ въ гимназіи учителя, учительницы, классныя дамы, какъ я люблю словесность и ненавижу эту сухую противную математику, какъ я люблю молиться Богу и забочусь постоянно, постоянно о томъ, чтобы совершенствоваться духовно, жить по ученію Христа. Но въ то же время я не скрывала, какъ люблю все пустое и суетное: наряды, танцы, разныя бездѣлушки, только недавно еще я бросила играть въ куклы. А музыку, пѣніе я люблю до страсти! Музыка и пѣніе всегда возвышаютъ мой духъ: мнѣ хочется быть доброй, очень доброй, ничего ни для кого не жалѣть и всѣмъ, кого я только встрѣчу на своемъ жизненномъ пути, всѣмъ доставлять счастье, какое въ моихъ силахъ доставить.

— Вѣдь я правду сказалъ, что вы хорошая!—произнесъ Василій Иванычъ, слушавшій съ большимъ вниманіемъ мои откровенныя ребяческія признанья.

— Ахъ, нѣтъ, Василій Иванычъ, я не очень хорошая. Слишкомъ ужъ я люблю всякія глупости, о балахъ мечтаю. Меня берутъ только на семейные маленькіе вечера, но на будущій годъ, когда я перейду въ восьмой классъ, меня будутъ брать и на большіе балы, какъ Соню. Жду, не дождусь этого блаженства!

Я не скрыла отъ Василья Иваныча даже того, что меня постоянно дразнятъ за мою влюбчивость и за порывы увлеченья самыми разнообразными занятіями: то я брежу рисованьемъ, то игрой на гармоникѣ, то сценой и т. д. Ужъ быть другомъ, такъ вполнѣ, говорила я и тараторила, какъ сорока, описала всѣхъ домашнихъ, спѣла ему: «Кто у насъ дьяволъ!...» Я думала, что онъ задохнется,—до того онъ хохоталъ во время моего пѣнья.

— Какая вы проказница,—сказалъ онъ,—не даромъ васъ зовутъ сорванцомъ!

Разъ онъ спросилъ меня, что я намѣрена дѣлать по окончаніи курса.

— Что дѣлать? — въ недоумѣньи повторила я его вопросъ.— Какъ что дѣлать? Да ничего... То-есть много... много...

Я разсказала ему, какъ мечтаю иногда сдѣлаться кругосвѣтною путешественницей или сестрой милосердія на войнѣ, или писательницей.

— Есть у меня одно главное желанье, да несбыточно оно.

— Какое же?

— На сцену поступить! Охъ, какъ желала бы! Просто безумно! Да нѣтъ, этому не бывать никогда, такъ что нечего и говорить! Я махнула рукой... Ну, а что я дѣлать буду? Все! Во-первыхъ, читать буду съ жадностью! На рояли играть усердно, не только одни романсы, а и трудныя пьесы, добьюсь того, чтобъ играть великолѣпно!

— Хорошо вамъ живется, беззаботно, — съ легкою грустью сказалъ Василій Иванычъ, — и способностей у васъ много. Ни о чемъ серьезномъ вы не думаете... Сами себя вы еще того... не понимаете, не то что жизнь! Я не въ укоръ это вамъ говорю, а только хочу сказать, что всякому своя доля. Иному смолоду приходится надъ жизнью призадуматься...

Какое грустное лицо у него было, когда онъ говорилъ это. Я не совсѣмъ ясно понимала, что онъ хотѣлъ сказать мнѣ. Мнѣ казалось, что онъ упрекаетъ меня за мое легкомысліе, и мнѣ хотѣлось просить его, чтобъ онъ не осуждалъ меня и научилъ не быть легкомысленной.

Наканунѣ нашего отъѣзда въ городъ, поздно вечеромъ, мы простились у кургана. Всѣ наши гуляли въ саду на такъ называемомъ «новомъ мѣстѣ». Поэтому наше прощанье было торопливо. Онъ горячо пожалъ мою руку и прошепталъ:

— Богъ дастъ, увидимся на будущій годъ!... Пріѣзжать мнѣ?

— Непремѣнно! Ахъ, конечно, непремѣнно!—шептала я, испуганная тѣмъ, что вдругъ онъ можетъ не пріѣхать.

— Годъ великъ... Позабудете меня...

— Нѣтъ, ни за что!

Ахъ, какъ мнѣ хотѣлось обнять его и поцѣловать горячо, по-дѣтски, такъ же, какъ я обнимала и цѣловала нашу громадную собаку «Друга» изъ породы водолазовъ. Но... намъ показалось, что голоса приближаются, и мы поспѣшили разстаться. Я стрѣлой полетѣла къ террасѣ, со слезами на щекахъ, думая: бѣдняжечка Василій Иванычъ! Какой онъ грустный!

Зимой я много танцовала и очень часто влюблялась и въ гимназистовъ, и въ студентовъ. По обыкновенію мама и Соня дразнили меня то тѣмъ, то другимъ, и говорили, что мое сердце настоящій постоялый дворъ. Конечно, я иногда вспоминала Василья Иваныча, но и онъ, и наши прогулки съ нимъ, и чтенье вдвоемъ стихотвореній Некрасова — все это застилалось тѣмъ чадомъ, который наполнялъ голову послѣ вальса и мазурки. Насъ раздѣлила заколдованная стѣна свѣтской жизни.

Но по мѣрѣ приближенія вакацій меня все болѣе интересовали вопросы: пріѣдетъ ли онъ, помнитъ ли обо мнѣ, какъ встрѣтимся?

Наступилъ желанный день переѣзда. Какъ всегда, мы ѣхали на двухъ шарабанахъ: старомъ и новомъ. На новомъ было гораздо пріятнѣе ѣздить, онъ катился плавно, а на старомъ трясло точно въ телѣгѣ. Сидѣть на новомъ было просторнѣе. Поэтому, какъ всегда, мы сначала поспорили, кому ѣхать съ папой на новомъ. Мама предпочитала старый, потому что въ него впрягали смирную, лѣнивую Гнѣдышку, а въ новый—рѣзваго Вороного, на которомъ мама боялась ѣздить. Наконецъ размѣстились: съ папой—Соня и старшій братъ Алексѣй, съ мамой—я и Петя. Бабушка, больная ногами, ѣхала въ пролеткѣ съ своею горничной Марьей. Петя, гимназистъ шестого класса, большой шалунъ, всю дорогу дурачился, смѣшилъ маму и меня своими остротами насчетъ граціи Гнѣдышки и сонливаго кучера Петра, совершенно раскисшаго на козлахъ, строилъ ужасныя рожи спинамъ попадавшихся дорогой прохожихъ, и пѣлъ чувствительные романсы то могильнымъ басомъ, то фальцетомъ.

На нашемъ шарабанѣ было очень весело, и я по временамъ показывала языкъ или строила носъ Сонѣ и Алешѣ, поддразнивая ихъ новымъ шарабаномъ. Соня отвѣчала равнодушно-насмѣшливой улыбкой, а Алеша грозилъ кулакомъ, махалъ дождевымъ зонтомъ и дѣлалъ гримасы не хуже младшаго братца, хотя сталъ уже студентомъ перваго курса.

— Первокурсникъ! Студіозусъ! — кричала я.

— Восьмиклассница! Педагогичка! — отвѣчалъ онъ.

Сердце у меня ёкнуло, когда мы въѣхали въ село. Издали я увидала чистенькій домикъ священника и внимательно смотрѣла, не увижу ли на скамейкѣ у воротъ Василія Иваныча.

— Здравствуй, Сонюшка! Здравствуй, Любаша! — привѣтствовала насъ толпа дѣвчонокъ, когда мы подъѣзжали къ воротамъ дачи.—Барынька, здравствуйте! Съ пріѣздомъ васъ! Любаша Митревна, Сонюшка, съ пріѣздомъ!

Старая Ивановна, жена сторожившаго нашу дачу Михайлы (прозваннаго нами «лѣшимъ» и «водянымъ» за свою страшную наружность), сморщенная и темная, какъ сухой грибъ, отворила большія ворота и привѣтливо кланялась, бормоча что-то своими безцвѣтными губами. Дѣвчонки и мальчишки шумной гурьбой ворвались на дворъ вслѣдъ за нашими шарабанами. Тутъ были все знакомыя лица: хорошенькая Марина—наша любимица, солдаткина Таня и ея горбатая сестра Анна, широконосая смѣтливая Домна, хитрая бѣлобрысая Анка съ своимъ братомъ-разбойникомъ Васькой, Миколка съ большими карими глазами, веснусчатый Матвѣйка, прозванный блохой и въ самомъ дѣлѣ очень похожій на нее—черненькій, маленькій и прыгающій... Были тутъ и подростки: чернобровая серьезная Поля, веселая Дуня, мечтательная Маланья и много другихъ. Всѣхъ ихъ мы—мама, Соня и я—хорошо знали, часто болтали съ ними; одѣляли ихъ ленточками, картинками, коробочками и всякой для насъ ненужной, а для нихъ очень соблазнительной дрянью. Поэтому они радовались нашему пріѣзду и любили торчать около кургана за заборомъ и клянчить. И сейчасъ ужъ изъ ихъ толпы раздавались несмѣлыя просьбы:

— Сонюшка, дай чего-нибудь! Алеша, а Алеша! Нѣтъ ли гумажечки? Любаша Митревна, нѣтъ ли какой приплеточки...

— Мы привезли вамъ цѣлые узлы, — обнадежили мы ихъ.

Съ восторгомъ обѣжала я всѣ комнаты. Въ нихъ было темновато, потому что вѣтви заслоняли всѣ окна, и какъ-то особенно хорошо пахло и зеленью, и нежилымъ помѣщеніемъ. Я очень любила этотъ запахъ и всегда обращала на него вниманіе мамы. На столахъ и стульяхъ лежалъ легкій слой пыли, въ залѣ кресла съ ободранной ситцевой обивкой были составлены въ одну кучу. Мы — т.-е. братья, Соня и я — живо разставили ихъ вокругъ стола. Потомъ со смѣхомъ, перескакивая черезъ двѣ ступени заразъ, мы поднялись по кривой широкой лѣстницѣ наверхъ, гдѣ одна свѣтелка была спальной братьевъ, другая — Сонина и моя. Въ ихъ окна

весело глядѣли березы. Какъ хорошо! Какъ хорошо! — то и дѣло восклицала я, думая въ то же время: и никто, никто, даже Соня, не подозрѣваютъ, что мнѣ весело не только потому, что я на дачѣ, и что у меня вакатъ, и что я благополучно сдала экзамены, и что я въ восьмомъ классѣ, а потому еще, что я увижу Василья Иваныча и опять буду гулять съ нимъ. Весело напѣвая, я сбѣжала съ лѣстницы и черезъ парадное крыльцо, такъ какъ дверь террасы была еще забита, побѣжала въ садъ.

— Люба, Люба, да надѣнь же пальто! Ты простудишься! — кричала мама, стуча мнѣ въ окно, когда я зашуршала въ малинникѣ около калитки.

— Да, мама, вѣдь на мнѣ платокъ! Мнѣ нисколько не холодно,—возразила я и скорѣе убѣжала.

Я постояла на курганѣ, любуясь лугами, отъ которыхъ несся ароматъ, слушая, какъ шумѣли отъ вѣтра старыя ветлы, точно здороваясь со мной. Когда мы были маленькими, мы звали самыя толстыя, громадныя ветлы пра-пра-прадѣдушкой и пра-пра-бабушкой, а тѣ, которыя были потоньше—пра-пра, самыя же молодыя—просто прадѣдушкой и прабабушкой. Мы обнимали и цѣловали ихъ толстые стволы передъ отъѣздомъ въ городъ, прощались съ ними и дѣлали передъ ними земные поклоны. Мы горячо любили ихъ, и вѣрно поэтому они и теперь казались мнѣ родными существами, и не только они, а всѣ деревья и кусты въ саду. Мнѣ казалось, что они хорошо знаютъ меня, любятъ, понимаютъ, что я чувствую, и что они такъ же рады моему пріѣзду, какъ и я рада увидаться съ ними. Березы кивали мнѣ и ловили меня своими густыми зелеными вѣтвями; осины, трепеща листками, лепетали что-то невыразимо нѣжное; жимолость точно улыбалась мнѣ своими свѣженькими бѣло-розовыми цвѣточками; жасминъ обдавалъ меня благоуханьемъ крупныхъ, только что распустившихся цвѣтовъ. А сосны на новомъ мѣстѣ стояли величавыя, могучія. Мнѣ думалось, что онѣ тоже довольны, видя меня между ними. Однимъ словомъ, старый садъ радушно принялъ меня въ свои зеленыя объятья, даже иволга поспѣшила привѣтствовать меня своимъ мелодичнымъ пѣніемъ.

Я постояла около пруда, смотря въ подводное царство, посидѣла на всѣхъ скамеечкахъ, мечтая и радуясь, потомъ побѣжала за террасу на такъ называемый нами «обрывъ», гдѣ берегъ точно оборвался послѣ разлива, такъ что оборвались и испуганно повисли надъ водой нѣсколько осинъ. Тамъ была скамейка.

— Любаша Митревна, дай чего-нибудь, хоть какую-нибудь

приплёточку,—раздался голосъ за заборомъ, и я увидала глядящіе въ щель блестящіе глазки.

— Послѣ! Сейчасъ ничего еще нѣтъ, — отвѣчала я, подходя къ забору, и увидала одну изъ своихъ любимицъ—румяную Парашу, и другую Парашу, которую называли Панькой, некрасивую, съ добродушнымъ расплывшимся носомъ.

Я начала разспрашивать ихъ, какъ онѣ поживаютъ, нѣтъ ли чего новаго въ селѣ, какія изъ дѣвушекъ повышли замужъ, жива ли деревенская дурочка Анна, кончились ли занятія въ училищѣ, попрежнему ли строгъ батюшка и, наконецъ, спросила, пріѣхалъ ли къ нему нынче племянникъ.

— Вѣстимо, пріѣхалъ, — сказала Панька, — я его кажинный день вижу... По берегу, вотъ здѣся, онъ ходитъ часто, почитай кажинный день... Съ удилищемъ вотъ эдакимъ длиннымъ... Самъ-отъ ровно колокольня какая, длинну-у-щій! Въ садъ все къ вамъ смотритъ... Видно ему вашъ садъ глянется...

— Онъ съ вами разговариваетъ?

— Да-а. Намедни далъ мнѣ канфетку не канфетку, пряникъ не пряникъ, дѡлгоньку таку, я откусила—сла-а-адка, духъ хорошій такой.

— А Ленькѣ онъ воссетось семишникъ далъ,—сказала подошедшая во время разговора рябая Наташа. — У ёго леса запуталась... Ленька раздѣлся, влѣзъ въ воду и распуталъ. А студено было. Онъ ему и далъ. «Больше, — гритъ, — далъ бы, да нѣту больше».

— А сегодня ты его не видала? — спросила я Паньку.

— И седни видѣла, здѣся же, на берегу.

Я узнала все, что мнѣ нужно было, и побѣжала домой.

Наши возы съ вещами еще не пріѣхали, поэтому Ивановна подала свой жестяной самоваръ и плохо вымытую чайную посуду. Мама хлопотала въ столовой около самовара. На столѣ стояли балакирь съ холоднымъ молокомъ, тарелка съ большущими ломтями чернаго хлѣба, корзинки изъ-подъ пирожнаго съ яйцами и пирожками, захваченными изъ города съ собой на дорогу. Я проголодалась, и все это привлекало меня.

— Что-жъ это папа не идетъ, — сказала мама.

— Онъ ужъ удитъ на своемъ мѣстѣ, и Алеша на своемъ,— смѣясь, сообщила Соня.

— Не утерпѣли! — покачала головой мама.

Петя уплеталъ пирожки и нарочно строилъ при этомъ жадныя гримасы.

— Люба, позови ступай ихъ!

— Попугай ихъ, что я все съѣмъ и выпью весь самоваръ! — прибавилъ Петя.

Я позвала Алешу и папу пить чай и, когда они ушли, не удержалась, чтобъ не добѣжать до кургана.

Можетъ быть, я увижу его, теперь никто не увидитъ, всѣ заняты чаепитіемъ.

Смеркалось. У кургана за заборомъ стояла высокая фигура и смотрѣла въ садъ. Хоть я и надѣялась увидать Василья Иваныча, все-таки вздрогнула и, узнавъ его, смутилась и обрадовалась.

Въ первую минуту мы не знали, что сказать.

Лицо Василья Иваныча просіяло.

— Наконецъ-то!—произнесъ онъ, немного поднимаясь на заборъ и беря меня за руку:—какъ я васъ ждалъ!

При первыхъ звукахъ его глуховатаго голоса я почувствовала, что моя радость гораздо сильнѣе, чѣмъ мнѣ казалось сначала.

— Я просто не вѣрю, что увидался съ вами,—продолжалъ онъ:—неужели это вы? Да здравствуйте же! Что же вы молчите? Вы ли это, Любовь Дмитревна?

— Нѣтъ, это не я! То-есть нѣтъ! Ну, да, это я! Ну, здравствуйте!—бормотала я, почти не сознавая, что говорю.

Оправившись отъ перваго смущенія, я спросила не безъ лукавства:

— Такъ вы рады?

— Я всю зиму думалъ о васъ.

— А весной перестали думать?

— Нѣтъ!... Я хотѣлъ сказать—все время... Вы того... похорошѣли!—прибавилъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія, разглядывая меня.

— А вы все еще не отучились употреблять слово «того».

— Виноватъ... Не буду...

— А вы,—сказала я,—тоже измѣнились. Еще длиннѣе стали и похудѣли.

Мысленно я прибавила съ чувствомъ жалости къ нему: и поблѣднѣлъ, и выраженіе лица стало еще грустнѣй, еще задумчивѣй прежняго.

— Вы перешли?—спросила я.

— Да вѣдь я же кончилъ курсъ, — удивляясь моему незнанію, отвѣтилъ онъ:—развѣ я вамъ не говорилъ прошлое лѣто, что кончаю?

— Какъ? Неужели?... Теперь вы, значитъ, поступите на мѣсто?

Всесоюзная библиотека имени В. И. Ленина

Я спросила это почти съ испугомъ, огорченная тѣмъ, что, значитъ, онъ уѣдетъ отсюда.

— Развѣ это такъ скоро дѣлается? Когда еще мѣсто получишь!—съ горечью отвѣтилъ онъ:—пока буду сидѣть на шеѣ у дяди съ теткой. Куда же дѣнешься!

А, такъ вотъ почему онъ похудѣлъ и поблѣднѣлъ! Вотъ почему онъ грустный! Бѣдный, бѣдный Василій Иванычъ!...

— Васъ очень мучаетъ это?—сочувственно спросила я.

— Еще бы! Кому пріятно чувствовать себя обузой!

— Неужели вамъ даютъ чувствовать?

— Постоянно! Дядя попрекаетъ, что я плохо учился, а то, де, въ академію бы попалъ... И мѣсто лучше бы дали... И у нихъ бы на шеѣ не висѣлъ! Другой бы того... поклонился бы, кому слѣдуетъ... Ты, де, кланяться не хочешь! И не стану, и не стану, никогда! Не желаю! Не способенъ я низкопоклонничать, да пороги обивать!

— Господи, Василій Иванычъ, какъ бы я желала вамъ хорошее мѣсто!

— Теперь дядя пристаетъ, чтобъ я поискалъ невѣсту.

— Это зачѣмъ еще?

— Да затѣмъ же, чтобъ мнѣ скорѣй пристроиться: женюсь на дочери какого-нибудь сельскаго священника, который захочетъ свое мѣсто зятю передать, и поступлю во священники.

— Ну, и что же? Вы ищете?—спросила я съ напускной небрежностью, потому что мнѣ вовсе не хотѣлось уступать моего Василья Иваныча никакой дочери священника.

— Да на кой чертъ мнѣ невѣста! — запальчиво крикнулъ онъ:—ни о какой невѣстѣ я и не думаю!

Мнѣ очень, очень понравилась запальчивость Василья Иваныча.

— А еслибы... вашъ дядя уступилъ вамъ свое мѣсто, вы бы пошли?

— А невѣста-то?

— Ну, а женились бы, на комъ хотите.—И когда-я говорила это, въ моей фантастичной головѣ пронеслась мысль: если хотите, то на мнѣ.

— Что объ этомъ говорить!—отвѣтилъ онъ и уныло опустилъ голову.—Ну, а вы,—черезъ минуту спросилъ онъ,—теперь въ восьмомъ? На балы будете ѣздить?

— Да! Да! И такъ счастлива! Осенью непремѣнно поѣду на студенческій балъ. Обѣщано! Нарочно къ этому балу закажутъ

бѣлое платье. Я вѣдь до страсти люблю танцовать. Ну, побѣгу, а то хватятся. Все разскажу вамъ завтра, когда будемъ гулять! Рано-прерано встану.

— Скорѣй бы ночь проходила, — улыбаясь сказалъ Василій Иванычъ: — скучная ночь... Какая вы оживленная!

— Я рада, что съ вами увидалась.

— И съ вашимъ садомъ? Съ березами? Съ липами? Да?

— Конечно! — отвѣтила я, восторженнымъ взоромъ обводя вокругъ: — чудный мой садъ!

— И съ иволгой? Слышали иволгу?

— Слышала!

— А прадѣдушкамъ кланялись?

Я засмѣялась и, сбѣгая съ кургана, сказала:

— Только вы не грустите, Василій Иванычъ, я не хочу, чтобъ вы были грустный.

— Я не буду.

Летя по дорожкѣ къ террасѣ и обертываясь, я видѣла, что онъ, сидя на заборѣ, смотритъ мнѣ вслѣдъ. Я кивала ему и махала рукой.

Нѣсколько слѣдующихъ дней мама была занята разборкой вещей и уборкой комнатъ, а папа мало удилъ, больше сидѣлъ дома, потому что погода наступила очень холодная. Соня, кутаясь въ теплую шаль, проводила время въ залѣ за чтеніемъ и за игрой на рояли. Алеша и Петя неутомимо сражались въ шахматы или рыскали по окрестностямъ. Я, ссылаясь на свою любовь къ холодной погодѣ, уходила въ садъ, и никто не замѣчалъ, куда я скрывалась между завтракомъ и обѣдомъ и между обѣдомъ и вечернимъ чаемъ. Думали, что я въ саду, а я уходила съ Василіемъ Иванычемъ какъ можно дальше отъ села. Удивительно, какъ это мы ни разу не встрѣтились случайно съ Алешей и Петей. Вотъ бы было положеніе. Василій Иванычъ съ жадностью разспрашивалъ меня, какъ я жила этотъ годъ, съ кѣмъ познакомилась, гдѣ и какъ веселилась, что я говорила, дѣлала и даже думала.

Другая, болѣе серьезная, прочла бы напряженное безпокойство въ его глазахъ при этихъ разспросахъ и поняла бы, что слишкомъ жестоко говорить ему откровенно все, даже свои сердечныя тайны. Но я была легкомысленная шестнадцатилѣтняя дѣвчонка, не сознававшая, насколько серьезно его чувство ко мнѣ, и поэтому я преоткровенно стала повѣрять ему свои сердечныя тайны и глупѣйшіе разговоры съ кавалерами. Но я запнулась и смущенно замолкла въ самой серединѣ своихъ изліяній, увидавъ, что

его глаза смотрятъ на меня серьезно, съ грустнымъ упрекомъ, что все его смуглое, некрасивое, но выразительное лицо исказилось отъ страданій ревности. Сначала я думала было подтрунить надъ этимъ, но тотчасъ же почувствовала, что онъ вовсе не смѣшонъ, а смѣшна я—пустая эгоистка, смѣшны мои мелкіе тщеславные интересы. Я сгорѣла со стыда, думая, что онъ вправѣ считать меня вѣтренницей и пустой, а его грусть до того тронула меня, что я готова была просить у него прощенья.

— Видите, видите, какъ вы веселились,—сказалъ онъ:—гдѣ ужъ вамъ было помнить обо мнѣ, когда за вами ухаживали такіе свѣтскіе кавалеры. Конечно, они куда интереснѣе меня! Я не того... танцовать не умѣю, комплиментовъ тоже говорить не умѣю. Вамъ со мной скучно... Да и не могу я быть очень веселымъ...

Забота вещь не больно-то веселая! Не запоешь и не запляшешь, а скорѣй завоешь!

Мнѣ захотѣлось во что бы то ни стало развеселить его, успокоить, утѣшить. Я погладила его по лицу пучкомъ васильковъ, собранныхъ нами во ржи, и пустилась бѣжать.

— Догоняйте меня!—крикнула я ему.—Его грустное и сердитое настроеніе сразу прошло. Онъ засмѣялся и побѣжалъ за мной. Я хохотала и напрягала всѣ свои силы, чтобъ онъ не поймалъ меня. Послѣ ржаного поля потянулось болото съ безконечными кочками. Прыгая съ кочки на кочку, я помирала со смѣху, видя, какъ онъ неловко прыгаетъ, то и дѣло проваливаясь въ болото то одной, то другою ногой. Сапоги его совершенно промокли, но за то онъ забылъ и грусть, и заботы. Наконецъ, я выбилась изъ силъ, не столько отъ бѣга, сколько отъ хохота, и сѣла отдыхать на большой полянкѣ среди зелени ивъ и ежевики.

— Охъ, усталъ я! Какъ вы шибко бѣгаете!

— Не догнали-таки меня!

— Я и бѣгать-то не умѣю, не то что танцовать!

— Будетъ ужъ вамъ про танцы! Ничего вѣдь въ нихъ хорошаго нѣтъ, безцѣльное прыганье.

— Нѣтъ, вовсе нѣтъ! —возразилъ онъ,—молодому да веселому почему не поплясать... Да вы, Любовь Дмитревна, сами себѣ того... противорѣчите! Вѣдь вы сколько разъ говорили, что балы ваша стихія.

— Ну, да, говорила! Но теперь, вотъ сейчасъ, все это кажется мнѣ пустотой. Жить среди природы кажется мнѣ лучшимъ блаженствомъ. А кавалеры, право, всѣ говорятъ одно и то-же, и всѣ въ сравненіи съ вами кажутся какими-то скучными... А вы такой

сердечный, искренній и серьезный... Сказавъ это, я спохватилась, что, кажется, разоткровенничалась, и покраснѣла, но Василій Иванычъ сконфузился, кажется, гораздо больше меня, и наступило неловкое молчаніе. Я общипывала василекъ изъ букета. Онъ старательно снималъ какія-то сухія былинки, приставшія къ его пиджаку. Потомъ онъ поднялъ на меня глаза—чудно похорошѣвшіе, потемнѣвшіе глаза и прошепталъ: «Я принесу вамъ завтра много цвѣтовъ».

Я не могла ничего отвѣтить ему, меня почему-то охватило какое-то странное волненіе. Мы встали и пошли домой.

Мы никогда не доходили до самой рѣки и расходились далеко, чтобы кто-нибудь не замѣтилъ насъ вмѣстѣ. Онъ возвращался домой окольными путями и, вѣроятно, долженъ былъ страшно уставать. Эти прогулки стали потребностью для меня. Въ промежутки между ними я мечтала о нихъ и не переставала думать о Васильѣ Иванычѣ. Впервые я полюбила такъ искренно... За что? Я не знаю! Въ немъ не было ничего особеннаго, кромѣ постояннаго выраженія грусти. Это выраженіе казалось мнѣ невыразимо трогательнымъ и притягательнымъ. Потомъ я стала открывать въ немъ разныя совершенства. Напримѣръ, онъ очень любилъ дѣтей и съ необычайною добротой относился къ бѣднымъ и несчастнымъ людямъ. Какъ онъ живо чувствовалъ чужое горе! Подъ его вліяніемъ и я проникалась состраданьемъ къ людямъ, и мы вмѣстѣ мечтали о томъ, какъ хорошо дѣлать добро.

Потомъ меня и забавляла и трогала его пылкая преданность мнѣ. Онъ старался, насколько могъ, исполнять мои самыя пустячныя желанія. А еслибъ я на его глазахъ стала тонуть въ какомъ-нибудь опасномъ водоворотѣ, онъ, я увѣрена, не разсуждая, ринулся бы спасать меня. Можетъ быть, моя пылкая дѣвичья фантазія приписала ему тѣ благородныя душевныя черты, которыя привлекали меня въ немъ. Не знаю ничего, знаю только, что идеалъ моихъ мечтаній,—стройный и изящный сказочный принцъ—побѣдоносно былъ вытѣсненъ изъ моего сердца несуразнымъ дылдой, смуглымъ, некрасивымъ семинаристомъ, и что все вокругъ меня подъ вліяніемъ пробудившагося чувства приняло особую окраску.

Какія-то чудныя, новыя, волшебныя пѣсни пѣлъ мнѣ милый старый садъ, и иволга, и жаворонокъ пѣли ихъ, и я прислушивалась къ этимъ новымъ пѣснямъ съ трепетаніемъ сердца, съ восторгомъ, съ блаженствомъ...

Одинъ разъ, когда мы отдыхали съ нимъ въ лѣсной чащѣ за

мельницей, я спросила его: почему это вы въ Т—ской семинаріи учились? Вѣдь въ К. вамъ было бы ближе къ роднымъ.

— Да родители мои жили въ селѣ около Т. Оттого и въ училище я туда былъ отданъ. Ну, и въ семинарію туда же!

— А еслибъ вы учились въ К., мы и зимой видались бы,— сказала я.

— А еслибъ вы были моею женой, то я совсѣмъ бы съ вами не разлучался!—выпалилъ онъ, какъ бы въ задумчивости, уставивъ глаза на крупные колокольчики, растущіе передъ самымъ его носомъ.

Его женой! Мое сердце сладко замерло, потомъ забилось... Когда я рѣшилась взглянуть на него, то встрѣтила его темно-сѣрые глаза и прочла въ нихъ такое серьезное, такое глубокое чувство, что мнѣ просто страшно стало, и я поспѣшила отвести глаза въ сторону.

— Вамъ кто-нибудь дѣлалъ предложеніе, Любовь Дмитревна?— спросилъ онъ, послѣ нѣкотораго молчанія.

Я засмѣялась.

— Да вѣдь я еще гимназистка!... Впрочемъ, намеки были два раза...—легкомысленно прибавила я и тотчасъ поспѣшила сообщить ему много интереснаго на этотъ счетъ.

— Съ чѣмъ васъ и поздравляю!—немного раздраженно произнесъ Василій Иванычъ.—А вотъ курсъ кончите, непремѣнно живо того... замужъ выскочите!

— Непремѣнно!—передразнила я,—такъ ужъ и непремѣнно! Почему это вы такъ увѣренно говорите?

— Да такъ!... Ужъ я знаю! Потому что вы того... славная дѣвушка, и пожалуй, если хотите, и потому, что вы дочь важнаго лица и васъ считаютъ богатою невѣстой.

— Благодарю васъ!—обидчиво сказала я, вся вспыхнувъ: значитъ, по вашему, меня возьмутъ за деньги и за папинъ чинъ, а не за мою собственную особу?

— Нѣкоторые все принимаютъ во вниманіе, Любовь Дмитревна!

— А вы... тоже?

— Нѣкоторые... Не всѣ!

— Вы тоже—не слушая его твердила я—цѣните за богатство и за знатность?

Василій Иванычъ измѣнился въ лицѣ, даже губы у него побѣлѣли.

— Вы не имѣете права про меня такъ думать,—сказалъ онъ

дрожащимъ голосомъ:—если вы серьезно думаете про меня такъ, то лучше намъ не гулять вмѣстѣ.

— Зачѣмъ же вы въ другихъ предполагаете такое дурное по отношенію ко мнѣ?... Вѣдь это же меня оскорбляетъ.

— Разные люди бываютъ.

— Почемъ же я знаю, что вы не такой!

– Прощайте, Любовь Дмитревна, — сказалъ онъ, отвертывая отъ меня поблѣднѣвшее лицо:—я вижу, что мнѣ надо уйти отъ васъ.

Мнѣ было жалко его, хотѣлось удержать его, разубѣдить, но вспыхнувшая гордость помѣшала. Его предположенія слишкомъ задѣли мое самолюбіе, и я дала ему уйти, хотя сердце мое разрывалось на части при видѣ его длинной, понурой, точно пришибленной фигуры, быстро удалявшейся отъ меня. Я надѣялась, что онъ самъ одумается и вернется. Не оставитъ же онъ меня одну въ лѣсной чащѣ на съѣденье волкамъ и... разбойникамъ. Но онъ уходилъ, не оглядываясь. Наконецъ, деревья окончательно скрыли его отъ моихъ глазъ. Оставшись одна, я почувствовала не жалость къ нему, а негодованіе на него за то, что онъ бросилъ меня, и презрительно прошептала: кисляй!

Но это уничтожающее восклицаніе слышали только березы, шелестѣвшія вокругъ. Крупные свѣтло-лиловые колокольчики качались отъ легкаго вѣтерка, точно порицая мой несдержанный языкъ.

Мнѣ стало грустно, и я заплакала.

Дома за обѣдомъ я почти ничего не ѣла. Мама озабоченно спрашивала меня, не болитъ ли у меня что-нибудь, и дотрогивалась ладонью до моего лба.

Даже любимаго мною пуддинга съ сабайономъ я не попробовала, а послѣ обѣда я убѣжала въ свою свѣтелку, проплакала до поздняго вечера, уткнувшись въ подушку, и наконецъ, заснула, рѣшивъ, что не пойду завтра гулять съ Васильемъ Иванычемъ.

Нѣсколько дней совсѣмъ не пришлось гулять, потому что шелъ проливной дождикъ, и нельзя было даже выйти въ садъ. Погода наступила совсѣмъ осенняя съ сѣрымъ хмурымъ небомъ, съ лужами и слякотью. Вѣтеръ сердито гнулъ деревья, вода въ рѣкѣ катилась мрачными темными волнами, по стекламъ такъ и лились дождевыя слезы. Мокрая зелень сирени и малины блестѣла подъ окнами.

За то въ комнатахъ было такъ тепло, уютно и такъ чисто прибрано. Кисейныя занавѣски украшали окна, суровые съ красною отдѣлкой чехлы прикрыли разорванную обивку креселъ и диванов.

Звуки рояля постоянно оглашали комнаты подъ руками мамы, Сони или Алеши.

Мама дивно играла. Сколько чувства и разнообразія было въ ея исполненіи даже самой простой пѣсни. Рояль пѣла, плакала и смѣялась подъ ея искусными пальцами, нѣжно умоляла, жаловалась, поддразнивала, болтала что-то шаловливое, торжественно молилась... Когда она играла одинъ чудный ноктюрнъ Шопена, хотѣлось плакать, душа стремилась въ высь, все злое, грѣховное, низменное казалось отвратительнымъ, хотѣлось жить по новому, безгрѣшно, совершенно, проливая на всѣхъ лучи доброты и нѣжности. А замрутъ чудные звуки, разсѣется впечатлѣніе отъ нихъ, и опять земныя дрязги, грѣховная мелочность овладѣваютъ душой, изгоняя изъ нея высокіе порывы.

А какъ мама играла

«По улицѣ мостовой...»,—

ноги начинали безпокойно двигаться, чувствуя потребность пуститься въ плясъ.

Когда мама играла это, лакей Михаилъ, убирая со стола въ столовой, широко ухмылялся отъ удовольствія. Черная Дарьюшка, забывая свою обычную степенность, появлялась въ дверяхъ залы и игриво переглядывалась съ сопѣвшею Марьей, которая, выйдя изъ бабушкиной комнаты, замирала въ краснорѣчивой позѣ нѣмого восторга, съ улыбкой умиленія на жирномъ лицѣ.

Глаза у мамы, когда она играла, дѣлались такими темными, глубокими, мечтательными.

Въ эти дни моей первой ссоры съ Васильемъ Иванычемъ мама какъ нарочно играла самые грустные романсы, настраивавшіе еще хуже мое тоскливое настроеніе. Отъ скуки я и Петя съ утра до вечера играли въ пикетъ и рамсъ. Папа и Алеша сражались въ шахматы. По вечерамъ мама подолгу сидѣла на большомъ ларѣ въ передней, совѣщаясь съ кухаркой Анной насчетъ завтраковъ, обѣдовъ и ужиновъ. Это были настоящія засѣданія, длившіяся часами.

Добросовѣстно порѣшивъ насчетъ завтрака и жаркого, приступали къ совѣщанію о пирожномъ.

— Мама, только, пожалуйста, не лягушечье пирожное,—крикнула Соня изъ залы.

Лягушечьимъ мы прозвали одно пирожное, никогда не удававшееся Аннѣ. Мама и Анна засмѣялись.

Покушать у насъ любили. Папа постоянно острилъ, что на воротахъ нашей дачи слѣдуетъ прибить доску съ девизомъ: «Съѣлъ съ полпуда, сытъ покуда! Какъ бы провѣдать, скоро ли обѣдать?»

Въ столовой у насъ то шипѣлъ самоваръ, то вкусно пахло разными кушаньями, которыми заставленъ былъ столъ. Мама была того мнѣнія, что если не хочется ѣсть, надо ради здоровья ѣсть насильно, и это можетъ обратиться въ привычку. «Я прежде мало ѣла и была худая-расхудая,—разсказывала намъ мама,—меня выучила ѣсть покойница свекровь, ваша бабушка. У нихъ ѣда была простая, но сытная-разсытная, жирная-прежирная. Бывало, только позавтракаешь, — за завтракомъ были гречневые блины, большіе, толстые, масляные,—глядь, ужъ зовутъ обѣдать. За обѣдомъ щи или борщъ... Потомъ гусь съ картофелемъ. Ѣсть не хочется... Сытёхонька!... Все жирное, сытное... А если не ѣсть, свекровь обижается, говоритъ, видно вамъ моя стряпня не нравится. Ну, и ѣшь, чтобъ ее не обидѣть... Послѣ гуся сладкій пирогъ... Потомъ, вмѣсто десерта, варенье разныхъ сортовъ. Такъ объѣшься, что просто изъ-за стола едва встанешь. Такъ и втянулась я, вотъ и располнѣла, а прежде такая же тоненькая была, худенькая, какъ и вы!» И у насъ постоянно то ѣли, то пили, то пили, то ѣли, особенно на дачѣ, на чистомъ воздухѣ. Мама все заботилась, чтобъ ея семейство не проголодалось.

Не удивительно, что мама скоро обратила вниманіе на то, что я плохо ѣмъ и задумываюсь, и начала терзать меня докучными вопросами о здоровьѣ. Чтобъ успокоить ее, я старалась насильно ѣсть и быть веселой, но это мнѣ не всегда удавалось.

Когда погода, наконецъ, прояснилась, и я молча, вставъ пораньше, пошла на курганъ, Василій Иванычъ не ждалъ меня за заборомъ.

Я просидѣла на курганѣ до тѣхъ поръ, какъ папа въ халатѣ и съ полотенцемъ на рукѣ прошелъ въ купальню.

Разобиженная, огорченная, увѣренная, что Василій Иванычъ никогда не проститъ меня, я пошла домой и весь день удивляла всѣхъ домашнихъ своей молчаливой разсѣянностью. Ночью я долго не спала. Въ голову мнѣ лѣзли самыя фантастическія мечты о томъ, какъ хорошо всегда, всегда жить въ деревнѣ, среди природы.

И мнѣ рисовался въ мечтахъ маленькій, уютный, чистый домикъ гдѣ-нибудь на краю села, окнами въ поле или въ садикъ. Огородъ и дворъ съ коровой, лошадью, овцами, свиньями, курами, утками и гусями,—однимъ словомъ, полное хозяйство. Среди всего этого хлопочу я, здоровая отъ жизни въ деревнѣ, дѣятельная и веселая жена молодого священника. А этотъ молодой священникъ, съ задумчивыми и добрыми темно-сѣрыми глазами, какъ двѣ капли воды похожъ на Василья Иваныча. Мы другъ въ другѣ души не

чаемъ и никогда, никогда не ссоримся. Въ нашемъ домикѣ царятъ чистота, радость и миръ, жизнь наша въ немъ—рай. Мы любовно и снисходительно обращаемся съ кухаркой и работникомъ, добры къ прихожанамъ, лѣчимъ ихъ болѣзни, утѣшаемъ печальныхъ, помогаемъ бѣднымъ хлѣбомъ, вещами и деньгами, учимъ уму-разуму ребятишекъ,—словомъ, мы просто идеальные люди.

Фантазія моя пылко развивала подробности. Я рисовала себѣ цѣлыя сцены и разговоры и среди этихъ грёзъ крѣпко заснула. Проснулась—десять часовъ утра. Господи! Зачѣмъ я проспала свиданье! Онъ, вѣрно, ждалъ меня рано утромъ у забора и ушелъ разочарованный.

Послѣ завтрака я сидѣла на курганѣ, утомленная и зноемъ, и возней съ ребятишками, которыхъ я только что одѣлила всякой всячиной. Они расположились теперь группами на травѣ за заборомъ, разсматривали и сравнивали ленточки, бусы, картинки, хвастались, ссорились, мѣнялись.

Вдругъ я увидала Василья Иваныча. Въ своемъ обычномъ потертомъ пиджачкѣ онъ шелъ отъ села къ рѣкѣ съ удочкой на плечѣ и съ ведеркомъ. Онъ показался мнѣ очень блѣднымъ и несчастнымъ. Увидавъ меня, онъ вздрогнулъ, споткнулся и чуть не упалъ. Ребятишки замѣтили его неловкое движенье и безцеремонно захохотали. Громче всѣхъ гоготалъ наглый Васька, котораго я терпѣть не могла.

— Ну, чего ты хохочешь,— съ досадой сказала я,— чего вы всѣ смѣетесь! Ничего смѣшного нѣтъ.

Сконфуженные ребятишки мало-по-малу потихоньку стали расходиться, только одинъ Васька долго еще гоготалъ и повторялъ, захлебываясь слюнями:

— Какъ онъ споткнулся-то!

Наконецъ и онъ убѣжалъ.

Василій Иванычъ сидѣлъ довольно близко отъ меня и удилъ. Но онъ сидѣлъ спиной ко мнѣ и не видалъ, что я осталась одна. Какъ мнѣ хотѣлось позвать его! Но могъ услыхать папа, удившій подъ ветлати на своемъ любимомъ мѣстѣ, могла услыхать Соня, которая ходила по берегу пруда и клевала черную смородину съ кустовъ.

— «Виновата ли я, что мой голосъ дрожалъ, когда слушалъ онъ пѣсню мою!» — пѣла Соня.

— «И глядѣлъ на меня...» — тихонько стала я подпѣвать.

Василій Иванычъ обернулся.

— «И глубоко вздыхалъ...» —продолжала я громче и поманила его къ себѣ.

Онъ нерѣшительно всталъ.

— «И томилъ только душу мою!» — настойчиво пѣла я..

Онъ подошелъ.

— Тише! — прошептала я, наклоняясь надъ заборомъ. — Не говорите ничего! Когда стемнѣетъ, приходите сюда! — И я запѣла дальше: — «Виновата ли я! Виновата ли я!»

Онъ молча кивнулъ съ серьезнымъ и взволнованнымъ выраженіемъ лица и поспѣшилъ вернуться къ своей удочкѣ.

— «Виновата ли я! Виновата ли я!» — пѣла я, сбѣгая съ кургана.

— Да еще какъ виновата-то! — шутливо отозвался папа, когда я проходила мимо него.

Алеша и Петя подъ руку, хохоча и дурачась, шли мнѣ навстрѣчу.

— Тише, тише! — строя благоговѣйную мину, прошепталъ Петя. — Примадонна идетъ!

Они почтительно разступились, давая мнѣ дорогу. Я важно прошла среди нихъ, смотря на нихъ свысока. Какъ только я убѣдилась, что Василій Иванычъ простилъ меня, такъ сейчасъ же ко мнѣ вернулось веселое настроеніе духа и вмѣстѣ съ нимъ наклонность къ проказамъ.

Я стала бѣгать по саду, какъ угорѣлая, гоняясь за Алешей и Петей, которые все порывались удрать незамѣтно отъ меня въ поле. Такимъ образомъ время до обѣда прошло незамѣтно. Послѣ обѣда къ намъ пріѣхали гости изъ города, засидѣвшіеся очень долго. Это было кстати для меня. Когда поздно вечеромъ всѣ сѣли ужинать, никто не обратилъ вниманія на мое исчезновеніе изъ комнаты. Ночь была восхитительная, лунная, теплая, душистая. Пятна и полосы луннаго свѣта лежали на дорожкахъ и на травѣ, деревья принимали фантастичныя очертанія. Мнѣ казалось, что ихъ вѣтви, точно чьи-то цѣпкія руки, тянутся ко мнѣ, и я пугливо сторонилась, боясь задѣть за нихъ даже платьемъ, а то вдругъ эти руки схватятъ и не выпустятъ. Подгоняемая страхомъ, я бѣжала по длинной аллеѣ, боясь глядѣть въ темные уголки, мнѣ казалось, что тамъ кто-то движется и шепчется. Отъ всякаго шороха меня обдавало холодомъ. Рыба сильно плеснула въ рѣкѣ, я чуть не вскрикнула, потомъ наткнулась на ежа, перебѣгавшаго дорожку, и вся вздрогнула отъ испуга. Около купальни меня испугали грачи, шумно завозившіеся со сна на вершинѣ ветлы надъ моей головой и, вся трепеща отъ ужаса, я вбѣжала на курганъ и ахнула, налетѣвъ на Василія Иваныча.

— Что вы! Что вы! Полноте! Вѣдь это-жъ я! — успокоивалъ

UNIVERSITY OF ILLINOIS LIBRARY

онъ меня, схватилъ мою руку,—ужъ я ждалъ, ждалъ... Думалъ, вы не того... Почему такъ долго не шли?

Я сѣла рядомъ съ нимъ, все еще дрожа отъ испытаннаго ужаса.

— Ай, ай, какая вы, оказывается, трусиха!—смѣясь говорилъ онъ. Голосъ его звучалъ такой нѣжностью. Мнѣ стало хорошо на душѣ. Сердце билось ровнѣе и тише.

— Вы сердитесь на меня за прошлый разъ?—тихо спросила я.

— Нѣтъ, нѣтъ... Сначала точно... горько мнѣ было... Но вѣдь вы на самомъ дѣлѣ не думаете же такъ про меня?

— Конечно, Василій Иванычъ, не думаю! Меня только разсердили ваши слова. Но васъ я считаю благороднымъ, чистымъ, не способнымъ польститься на деньги. И я хотѣла попросить у васъ прощенія за злыя слова. Пожалуйста, пожалуйста, простите меня, Василій Иванычъ, я иногда бываю такая гадкая!

— Видитъ Богъ, я не сержусь на васъ, Любовь Дмитревна! Мнѣ эти дни было ужасно больно сознавать нашу ссору, тѣмъ болѣе, что и безъ того мнѣ ужасно тяжело.

— А что?—спросила я, быстро обернувшись къ нему. Лицо его, освѣщенное луной, было совсѣмъ блѣдное.

— На этихъ дняхъ со мной случилось,—сказалъ онъ,—однимъ словомъ, того... дядя приставалъ ко мнѣ съ невѣстой и того... возилъ смотрѣть.

— Кого?—съ ужасомъ спросила я.

— Да невѣсту-то!... Дочь священника... въ селѣ... семьдесятъ верстъ отсюда.

Онъ отвернулся.

Я молчала, пораженная. Мои ночныя фантастичныя мечты вихремъ пронеслись въ моей головѣ. Нервной рукой я обломила вѣтку березы и нетерпѣливо стала отмахиваться отъ комаровъ. Какая я глупая, подумала я, и я могла мечтать... Нѣтъ, не суждено видно мнѣ жить среди любимой поэтичной сельской природы. А какъ я люблю ее, какъ я люблю эту мирную рѣчку съ ея тростниками и желтыми кувшинчиками, эти луга съ медовымъ ароматомъ цвѣтовъ и съ безчисленными существами, жужжащими и стрекочущими въ ихъ травѣ даже теперь ночью, эти волны ржи, виднѣющіяся вдали, эти огороды съ запахомъ донника, конопли и дикой мяты. А главное, какъ милъ мнѣ этотъ смуглый, черноволосый, некрасивый и бѣдно одѣтый семинаристъ, сидящій рядомъ со мной и смотрящій безнадежно-унылымъ взглядомъ въ даль луговъ, которая утопаетъ въ мутно-голубомъ сіяніи мѣсяца.

— Ну, и что же?—прервала я молчаніе,—понравилась вамъ ваша невѣста?

Неужели это мой собственный голосъ прозвучалъ такъ странно жестко и звонко?

— Моя невѣста? Неужели же вы не понимаете, Любовь Дмитревна, что никто не можетъ велѣть повѣнчаться противъ воли?—страдающимъ голосомъ спросилъ онъ,—да вѣдь лучше умереть, чѣмъ того... чѣмъ связать себя на всю жизнь съ немилымъ человѣкомъ. Неужели вамъ все равно, за кого ни выдти замужъ?

— Совсѣмъ мнѣ не все равно... И никто меня принуждать не станетъ.

— Ну, а меня вотъ принуждаютъ!—усталымъ голосомъ измученнаго человѣка сказалъ онъ,—и дядя, и тетка проходу не даютъ. Говорятъ, что другую такую невѣсту мнѣ не найти... И семья-де хорошая, и приходъ доходный, и приданое, и то и се, и пятое и десятое... Дядя говоритъ, не прощу, коли того... упустишь такую невѣсту.

— Ну, что же? Такъ торопитесь, справляйте скорѣй свадьбу.

Откуда взялся у меня, шестнадцатилѣтней дѣвчонки, такой надменный, холодомъ обдающій тонъ?

— Эхъ, не по сердцу она мнѣ, не по сердцу.

— Ну, не берите ее!

— Тогда дядя грозитъ прогнать изъ дому.

— Ну, такъ женитесь!—нетерпѣливо крикнула я плаксивымъ тономъ капризнаго ребенка,—женитесь, сдѣлайте милость! Связывайте свою судьбу съ немилой на всю жизнь! Что вы ко мнѣ пристали!

— Богъ съ вами, Любовь Дмитревна, я думалъ найти въ васъ сочувствіе, думалъ, вы меня пожалѣете, вѣдь я васъ того... другомъ считалъ.

— На что мое сочувствіе такому тряпкѣ, какъ вы?

— Я вовсе не того... не тряпка... Я просто несчастнѣйшій человѣкъ на свѣтѣ... Эхъ, Любовь Дмитревна! Еслибъ только меня любила любимая дѣвушка.

Я вся обратилась въ слухъ.

— Еслибъ она согласилась пойти за меня... Ну, да что говорить!

Онъ вздохнулъ.

— А развѣ есть у васъ такая любимая дѣвушка? Нѣтъ, вы говорите, Василій Иванычъ, — умоляюще прошептала я, когда

онъ, тряхнувъ головой, отвернулся,—пожалуйста, договаривайте, что хотите сказать... Ну, я васъ прошу!

— Есть-то есть, но врядъ ли она меня любитъ настолько, чтобы согласиться раздѣлить мою бѣдную участь. Да и того... Дурень я! Хоть бы она и согласилась, самъ я не вправѣ отрывать ее отъ беззаботной жизни, къ которой она привыкла, и подвергнуть ее скукѣ, лишеніямъ, можетъ быть, даже бѣдности... Она и понятія не имѣетъ, какова такая жизнь... Нѣтъ, ужъ пусть лучше она... счастлива будетъ съ другимъ.

Голосъ его дрожалъ, когда онъ говорилъ все это, отвернувшись отъ меня.

— Что вы толкуете о вашемъ правѣ или неправѣ! —раздраженно возразила я,—хоть бы вы ее сначала спросили... Можетъ быть она только объ этомъ одномъ и мечтаетъ.

— Любовь Дмитревна!

— Ну, чего вы вытаращили на меня свои глаза! Я вовсе не такая пустая, какой вы меня считаете!... Пусть хоть нужда да съ вами... Только бы не разлучаться никогда... Да не таращите же на меня, говорятъ вамъ, глаза... Безтолковый!

Я расплакалась.

Безтолковый Василій Иванычъ, наконецъ, понялъ.

— Милая! Любовь Дмитревна! Голубушка моя!— отрывисто бормоталъ онъ, неловко стараясь отнять мнѣ руки отъ лица,—да не плачьте же, не плачьте же... Не могу видѣть вашихъ слезъ... Самъ заплачу, ей-Богу! Вы для меня солнце!

Онъ цѣловалъ мои руки, волосы, платье.

— Люблю!—шептала я, прижимаясь лицомъ къ его плечу.

Василій Иванычъ крѣпко обнялъ меня. Предразсвѣтный вѣтерокъ легко пробѣжалъ по верхушкамъ деревьевъ. Онъ точно далъ первую ноту общему хору. Зашумѣли ветлы, березы, липы, осины. Дивную пѣсню запѣлъ старый садъ. Восторженно трепетало мое сердце. Мнѣ казалось, что пѣснь моихъ милыхъ деревьевъ и признанья моего милаго сливаются во-едино, одинаково волнуя меня и растрогивая. Наконецъ, я опомнилась и прошептала:

— Кажется, свѣтаетъ... До свиданія! До завтра!

— Ты будешь моей женой? Повтори еще разъ, и я уйду счастливѣйшимъ...

— Я буду твоей женой, если ты не женишься на дочери священника,—уже шаловливо поддразнивала я.

— Никакіе дяди теперь меня не заставятъ... Но тебя не отдадутъ за меня?

— Я буду бороться, плакать, просить,—сказала я:—ну, до свиданія, до завтра, Василій Иванычъ... Милый!...

Мы обмѣнялись самымъ пламеннымъ поцѣлуемъ, и я побѣжала, но онъ воротилъ меня.

— Твой отецъ ни за что не отдастъ тебя за меня!—съ унылой увѣренностью сказалъ онъ.

— Папа?! Ахъ!!—закрывъ лицо руками, прошептала я:—какъ страшно! Но онъ уступитъ, я умолю... Я не буду ничьей, только твоей!

На другой день за утреннимъ чаемъ мама хвалила меня передъ папой за то, что я рано встаю.

— Это очень хорошо!

— Представьте себѣ,—говорила мама:—какая она прежде лѣнивица была, сонуля, а теперь даже раньше прислуги поднимается и каждое утро изволитъ спозаранку гулять въ саду.

— Что же, и отлично! Это очень здорово!—сказалъ папа:—гораздо здоровѣе, чѣмъ валяться въ постели до полудня.

— Вонъ у нея цвѣтъ лица какой хорошій сталъ,—сказала Соня.

А я вся вспыхнула и поспѣшно начала восторгаться прелестями ранняго вставанія: какой хорошій воздухъ въ саду рано утромъ, какъ солнце сначала пронизываетъ середину осиновой рощицы у пруда, потомъ поднимается все выше и выше...

— Ты и сегодня гуляла?—спросила мама.

— Да!—отвѣтила я и опять вся вспыхнула.

— Покраснѣла! Покраснѣла!—начали дразнить Алеша и Петя, показывая на меня пальцами.

— Видно, совѣсть не чиста!—сказала мама, смѣясь.

— Ужъ не свиданіе ли ты кому назначаешь?—спросилъ папа и шутя дернулъ меня за ухо.

— Ужъ не татарину ли пастуху, въ котораго была когда-то влюблена!—сказала Соня.

— Что-жъ! Сердце не камень,—комически вздохнулъ папа и прибавилъ, всплеснувъ руками:—что за коммиссія, Создатель, быть взрослой дочери отцомъ!

У меня отъ этихъ шутокъ то замирало, то колотилось сердце.

Въ ушахъ у меня звучалъ еще голосъ Василья Иваныча, умоляющій, нѣжный голосъ, которымъ онъ сегодня просилъ меня поскорѣй разсказать все папѣ и мамѣ и просить ихъ согласія. Онъ принесъ мнѣ огромный букетъ розоваго дикаго шиповника.

— Я рвалъ его ночью, то-есть вѣрнѣе сказать рано утромъ,

около мельницы для тебя... Это—подарокъ отъ жениха тебѣ, милая моя невѣста!

Мы сидѣли съ нимъ на высокой зеленой горѣ около деревушки, верстахъ въ двухъ отъ нашего села.

— Неужели же ты всю ночь не спалъ?

— Даже домой не заходилъ... Послѣ твоего ухода всю ночь пробродилъ, точно шальной, а какъ солнце взошло, былъ уже около вашего сада...

Его нѣжный, полный любви, взоръ не сходилъ съ меня. Это приводило меня въ восхищеніе и въ то же время почему-то смѣшило.

— Чего ты все смѣешься! Развѣ я смѣшонъ?

— Нѣтъ... Но ты смотришь на меня какъ есть... какъ есть нашъ Другъ... водолазъ...

— Это потому, что я безмѣрно люблю тебя... Собаки вѣдь часто гораздо лучше людей. Люба... Назови меня Васей... Хоть разокъ!

— Зачѣмъ?

— Такъ звала меня моя мать.

— Ва-ся!

— Милая!

Вдругъ лицо его опять омрачилось.

— Нѣтъ, тебя не отдадутъ за меня!

— Отдадутъ!—успокаивала я, хотя сама сомнѣвалась и дрожала при одной мысли о томъ, какъ сказать все дома.

— Хочешь, я самъ приду къ твоему папѣ и все скажу?

— И ты рѣшишься?

— Рѣшусь, конечно!

— Нѣтъ, нѣтъ, не приходи, я боюсь.

— Какъ же ты говоришь, что отдадутъ? Сама, значитъ, не вѣришь...

— Нѣтъ, отдадутъ. Только дай ты мнѣ собраться съ духомъ, и я сама во всемъ признаюсь.

— Ты никогда не соберешься съ духомъ. Можетъ быть, мнѣ сказать дядѣ, а онъ передастъ твоимъ родителямъ. Посылать его сватомъ?

— Ни за что!—не соглашалась я.

— Ну, видишь! Чувствую я, что не быть мнѣ счастливымъ.

— Василій Иванычъ, милый!—умоляла я:—научите, что дѣлать. Я боюсь заговорить объ этомъ дома, не хватаетъ духа.

— Хороша же ваша любовь!

— Я трусиха, энергіи у меня нѣтъ, силы воли нѣтъ!—смиренно признавалась я:—не знаю, какъ и сказать...

— Милочка моя! Ну, скажи имъ, что мнѣ ни денегъ, ни приданаго не надо, только тебя одну.

— Деньги нужны только жаднымъ,—сказала я:—мы будемъ жить на твое жалованье. Сельскій учитель сколько получаетъ?

— Гроши!—махнувъ рукой, отвѣтилъ Василій Иванычъ, и лицо его приняло безнадежное выраженіе.—Я знаю, что очень немного...

— Ну, что-жъ! Я этого не боюсь, нисколько даже... Ты не думай!... Это даже очень интересно! Сама буду стряпать и шить! Никакихъ нарядовъ вѣдь не нужно въ деревнѣ... А ѣсть—щи и кашу! Ты подумай только, сама! И ты мнѣ будешь помогать, что для меня тяжело, напримѣръ... ну, напримѣръ, дрова носить, самоваръ подать...

Василій Иванычъ смѣялся.

— Я ничего не умѣю,—смѣясь, болтала я:—но вѣдь всему можно научиться, если захотѣть. И ты вѣдь меня бранить не станешь?

— За что?

— Ну, если я, напримѣръ, нечаянно опрокину на тебя кастрюлю съ кипяткомъ,—дурачилась я.

— Никогда я тебя бранить не стану,—нѣжно и серьезно отвѣтилъ Василій Иванычъ:—никогда, обѣщаніе даю! Напротивъ, когда только возможно, всякій трудъ буду отъ тебя отстранять, а тебя, какъ принцессу, того... на рукахъ буду носить...

— Только ты, пожалуйста, не говори «того»... А трудиться я буду, буду, буду... Я сама хочу все дѣлать... Ты меня только люби всегда. Будешь любить?

— Всю жизнь!

— Клятву даешь?—торжественно поднявъ палецъ кверху,—спросила я.

— Всѣмъ сердцемъ... Всѣмъ сердцемъ...

— Я, смотри, ревнивая!

— Ого!

— И злая! Если измѣнишь, задушу.

— Чтобъ я измѣнилъ тебѣ... Никогда!... Только ты того... соскучишься, пожалуй, со мной.

— Ни за что! Если скучно станетъ, возьмемъ мы съ тобой чернаго хлѣба да соли на дорогу и на нѣсколько дней удалимся въ

объятія природы, будемъ воображать себя кочующими цыганами или странствующими музыкантами.

— А музыка-то гдѣ?

— А гармонія-то? Ее непремѣнно съ собой возьмемъ. Ночевать будемъ гдѣ-нибудь въ лугахъ, на берегу рѣки, костеръ разведемъ. Нѣтъ, развѣ можно скучать среди природы, когда такъ любишь природу, какъ я... Я очень, очень люблю природу! И знаешь что? Я вообще терпѣть не могу жить, какъ всѣ... Почему это всѣ такъ однообразно живутъ, создали себѣ какую-то общую рамку и изъ нея не выходятъ, считаютъ почему-то преступленіемъ выйти изъ общей рамки. А я причудница!

Василій Иванычъ заранѣе обѣщалъ исполнять всѣ мои причуды, тѣмъ болѣе, что самъ онъ большой мечтатель и любитель природы.

И мы вмѣстѣ стали мечтать, какъ мы будемъ предпринимать далекія поэтичныя экскурсіи за ягодами на разсвѣтѣ или поздно ночью за свѣтляками въ лѣсъ, или во время грозы поѣдемъ кататься на лодкѣ по озеру, или зимой нарочно выберемъ день съ метелью и уйдемъ въ поле... Какъ интересно, если заблудимся, будемъ искать дорогу, встрѣтимъ, можетъ быть, волковъ, наконецъ доберемся до чужой деревушки и тамъ должны будемъ переночевать... Потомъ я сообщила своему будущему мужу, что на меня иногда найдетъ добрый порывъ—потребность дѣлать добро, и тогда я все готова раздавать бѣднымъ, даже нужное мнѣ самой...

— А вѣдь многіе осудили бы меня за это, сказали бы, что это безумная непрактичность и что глупо такъ дѣлать. А по-моему это и есть настоящее добро, не даромъ на сердцѣ дѣлается весело и легко... И мнѣ кажется, что ты не осудишь меня за это, потому что ты самъ такой же.

Василій Иванычъ глядѣлъ на меня сіяющими глазами и подтвердилъ, что я вѣрно поняла его, что онъ самъ такой же.

— Всегда торопись дѣлать добро, пока не пожалѣла.

Мы рѣшили, что нашимъ девизомъ въ нашей будущей жизни будетъ: дѣлать добро всѣмъ, всегда, вездѣ при всякомъ случаѣ и даже искать случаевъ.

Мы мечтали, какъ идеальна будетъ наша жизнь, соединенная съ постоянными заботами о счастьѣ окружающихъ насъ и встрѣчающихся намъ въ жизни людей, жизнь мирная, любовная, полная снисхожденья другъ къ другу и взаимныхъ уступокъ, полная состраданья ко всѣмъ бѣднымъ, несчастнымъ, обездоленнымъ.

Когда послѣ, спустя долгое время, я вспоминала этотъ разговоръ, то находила, что онъ очень похожъ на дуэтъ въ бреду.

Но тогда мы были юны, наивны и, мечтая на зеленой горѣ подъ яснымъ небомъ, обвѣваемые легкимъ вѣтеркомъ, слушая пѣсню жаворонка въ вышинѣ, вдыхая ароматъ полевыхъ цвѣтовъ, считали все возможнымъ, и наша будущая совмѣстная жизнь представлялась намъ такою же очаровательной, какъ это небо, и пѣсня жаворонка, и благоуханье цвѣтовъ.

— Ну, неужели, когда мы все это разскажемъ папѣ и мамѣ, они не будутъ тронуты нашимъ счастьемъ и не дадутъ согласія?

Но дни проходили, мы видались, обмѣнивались признаньями и клятвами, и ни онъ, ни я не могли подвинуть дѣло впередъ. И... мы начали ссориться... Онъ обвинялъ меня въ недостаткѣ любви, видя мою нерѣшительность; я же, измученная его просьбами, обвиняла его въ недостаткѣ снисхожденья къ моей слабости и видѣла въ этомъ тоже недостатокъ любви. Потомъ мы мирились, плакали, цѣловались и... опять ссорились.

При встрѣчахъ мы прежде всего глядѣли другъ другу въ глаза безпокойнымъ, вопросительнымъ взглядомъ, стараясь угадать, на что рѣшился каждый изъ насъ. Его лицо часто принимало прежнее унылое выраженье, а я негодовала на него за это. Мало ему моей любви... Какой несносный!

— Почему ты не хочешь, чтобъ я самъ дѣйствовалъ?—спросилъ онъ одинъ разъ.—Вѣдь я ничего не боюсь! А ты, должно быть, не увѣрена въ себѣ... Можетъ быть, ты уже раскаиваешься, что поступила необдуманно, давъ мнѣ согласіе? Въ такомъ случаѣ еще не поздно во-время остановиться.

— А, понимаю! Ты бросаешь мнѣ мое слово назадъ... Что же, я навязываться не желаю. Можете считать себя свободнымъ.

— Люба, да не мучай же меня!...

— Я вовсе не мучаю тебя. Это ты начинаешь какъ-то странно выражаться.

Я надула губы и отвернулась. Онъ исподлобья, хмурясь, бросалъ на меня полунегодующіе, полуиспытующіе взгляды.

Послѣ этого мы разошлись холодно. Подобныя сцены стали повторяться съ недомолвками, упреками, намеками. Мы уже не цѣловались при встрѣчахъ, не повѣряли другъ другу свои мечты и клятвы, не находили прежней поэзіи въ прогулкахъ и расходились оба въ угнетенномъ настроеніи духа.

— Видишь, ты говорила, никогда не ссориться... Еще не поженились, а ужъ начали. Что же дальше будетъ?

— Такъ не женись!

Въ меня точно бѣсъ вселился. Откуда только брались у меня тѣ злыя колкости, которыми я осыпала его.

Я напоминала ему о грязной розовой рубашкѣ, въ которой увидала его въ первый разъ, называла неряхой, филиномъ, летучею мышью, дразнила его за потертый пиджакъ и грубыя руки и придиралась къ нему за то, что онъ иногда употребляетъ вульгарныя выраженія, вродѣ «того» или «на кой чортъ».

Странно то, что во время этихъ сценъ убитое выраженіе его некрасиваго смуглаго лица причиняло почти физическую боль моему сердцу, и все-таки я не унималась.

— У тебя дурной характеръ,—съ грустью говорилъ онъ.

— Ужъ какой есть! Не прикидываюсь ангеломъ.

— Ты ангелъ, но злой.

— Если тебѣ нуженъ добрый, то ступай на небо.

— Чтобы попасть на небо, надобно умереть... Ты, значитъ, желаешь, чтобъ я умеръ?

— А если желаю?!

Господи, какой взглядъ былъ мнѣ отвѣтомъ!

Вспоминая этотъ взглядъ дома, я приходила въ отчаянье за свой необузданный языкъ. Но, несмотря на то, мнѣ захотѣлось еще болѣе досадить ему, и я совсѣмъ перестала ходить на свиданья и опять стала поздно вставать.

— Люба опять стала сонулей,—говорили домашніе.

— Ты ужъ не ходишь рано утромъ гулять?—спросила мама.

— Мнѣ ужъ надоѣло,—угрюмо отвѣтила я.

— Можетъ быть, у тебя лихорадка? — Я такъ и думала, что ты простудишься съ этими глупыми гуляньями по росѣ. Вѣчно придумываешь глупости.

— Да, право же, мама, никакой лихорадки нѣтъ,—отмахивалась я отъ заботливой маминой руки, трогавшей мнѣ голову.

— Не напиться ли тебѣ мяты на ночь? Ужъ у тебя горло не болитъ ли?

— Да, право же, я здорова, мама.

Но мама ужъ попала на своего любимаго конька, у нея ужъ разгорѣлась мнительность.

— Почему же ты такая угрюмая, почему не поиграешь съ Петей въ пикетъ?

— Просто не хочется!

— Вѣрно ужъ ты скрываешь что-нибудь. Тебѣ не больно глотать? Дай, я посмотрю, нѣтъ ли бѣлаго налёта въ горлѣ.

— Мама... Я уйду!

— Скажи, что у тебя болитъ?—не унималась мама.—Ахъ, понимаю! Вы изволили объѣсться щавелемъ по своей глупой привычкѣ или какой-нибудь дрянью съ огорода!

Мама знала мое пристрастіе къ рѣпѣ и бобамъ.

— Разстройство желудка? Признавайся! Дарьюшка, у насъ есть еще въ шкапчикѣ Иноземцовы капли?

— Есть, сударыня,— отозвалась горничная,— и Гофманскія есть...

— Да ничего у меня не болитъ, честное слово, ей-Богу!—сердилась я, не зная, какъ избавиться отъ докучной маминой заботливости.

— Я тебѣ накапаю нѣсколько капель на сахаръ, прими, вѣдь это не вредно!

Петя хохоталъ во все горло и напѣвалъ пѣсенку своего сочиненья:

«Голова болитъ ужасно...
Носъ и руки—не желалъ бы!»

Изъ саду я иногда видѣла издали проходившаго по берегу Василія Иваныча, понураго, задумчиваго, разсѣяннаго.

— Какой странный племянникъ у батюшки,—говорила мама,—что онъ какъ ходитъ, уткнувшись носомъ въ землю! Онъ вѣрно больной.

— Можетъ быть, онъ помѣшанный,—смѣялась Соня.

Господи, какъ мнѣ тяжело было слушать такія предположенья, и какъ я отвертывалась, стараясь скрыть предательскую краску.

Одинъ разъ послѣ обѣда я шла по дальней дорожкѣ за прудомъ. Дорожка эта всегда была черная и сырая; по одну сторону ея росли кусты черной смородины, а по другую—тянулся заборъ, за которымъ виднѣлись крестьянскія бани. На этой дорожкѣ находился и такъ называемый нами «мостъ вздоховъ»—ветхій мостикъ черезъ канаву, прорытую отъ пруда въ поле къ рѣчкѣ и проходившую подъ заборомъ. Эта канава служила намъ проходомъ въ поле, когда не хотѣлось почему-нибудь идти въ обходъ воротами со двора и по селу.

— Любаша! А Любаша! — раздался тонкій голосокъ, и хорошенькій голубоглазый Ленька прыгнулъ въ канаву.

— Вотъ,—робко сказалъ онъ, подавая мнѣ свернутую бумажку:—Василій Иванычъ велѣлъ тебѣ въ руки отдать, пятакъ обѣщалъ на сѣмянки».

И онъ убѣжалъ.

Я поспѣшно развернула записку: «Я вижу, что ты только дурачилась со мной. При любви нельзя поступать такъ жестоко, какъ ты поступаешь. Видно, ты поняла, какъ необдуманно связывать свою судьбу съ судьбой такого горемыки, какъ я. Богъ съ тобой! Я не сержусь, вѣдь тебѣ всего только шестнадцать лѣтъ. Но все-таки ты разбиваешь мое сердце... Дядя поѣхалъ сегодня къ невѣстѣ для окончательныхъ переговоровъ».

Все точно завертѣлось у меня въ головѣ. Нѣсколько разъ я растерянно перечитала коротенькую записку, точно надѣясь найти между строкъ еще что-нибудь—болѣе утѣшительное. Потомъ мое сердце ощутило такую жгучую жалость къ Василью Иванычу и такую горячую любовь къ нему, такъ безсердечно показалось мнѣ то, что я все послѣднее время старалась мучить его, такъ ясно сознала я, какой онъ горемычный, что мнѣ захотѣлось биться головой о перила мостика «вздоховъ...» Но я не билась, а стояла точно окаменѣлая, смотря тупымъ взглядомъ на разстилавшійся за заборомъ чудный видъ: тамъ рѣчка причудливыми капризными зигзагами вилась между зелеными берегами, уходя вдаль. На ней бѣлѣли, желтѣли водяные цвѣты съ гладкими круглыми листьями, качался камышъ. Жаворонокъ такъ и заливался въ небѣ высоко, высоко... Иволга мелодично, съ нѣжною грустью насвистывала въ ветлѣ около купальни. Пчелы жужжали. Бѣлыя и желтыя бабочки и коромысла, перегоняя другъ дружку, порхали надъ нѣжно-розовыми плетями павилики, довѣрчиво обвившими стволъ молодой березки. Небо было такого ясно-голубого цвѣта. Солнце такъ и сіяло. Я хорошо сознавала, какъ все чудно прекрасно въ Божьемъ мірѣ, а я... какъ глубоко несчастна была я...

Какой-то парень въ заломленномъ на затылокъ картузѣ и въ пестрой жилеткѣ прошелъ по тому берегу, наигрывая на гармоньи и напѣвая во все горло, широко разѣвая ротъ: «Что, гармошка, не играешь? Али ла-ду въ те-бѣ нѣтъ?»

Изъ села доносился визгливый бабій голосъ, призывавшій Катьку: «Катька-а! Катька! Куды ты опять убѣжала? Я тебѣ, непріятная, я тебѣ! Да Катька ли! У-у! Непріятная!»

Всѣ эти мелочи какъ-то особенно ясно замѣчались мною, хотя я вся углубилась въ свое горе.

Неужели наши враждебныя, холодныя, злыя свиданія были послѣднія?!.. Неужели я никогда не буду гулять больше съ Васильемъ Иванычемъ, никогда не взгляну больше въ его темно-сѣрые глаза, которые умѣли глядѣть такимъ искренно-пылкимъ и нѣжнымъ взоромъ? Неужели всѣ мои воздушные замки разлетятся, не превра-

тившись въ восхитительную дѣйствительность? Я не уѣду его подругой и женой съ нимъ вмѣстѣ дѣлить его долю въ какое-нибудь глухое село, а вернусь въ городъ, и все будетъ по-прежнему, а онъ женится, поступитъ во священники и станетъ мнѣ чужимъ... Этого не можетъ быть. Я его такъ люблю, что жизнь безъ него представляется мнѣ скучной. Не желаю я ни баловъ, о которыхъ такъ мечтала, ни общества, никакого веселья. Не надо мнѣ этого скучнаго, беззаботнаго счастья. Мое счастье въ немъ, въ этомъ вотъ неуклюжемъ, не свѣтскомъ, неказистомъ, бѣдномъ семинаристѣ. Я жажду испытать нужду и заботы, и трудъ вмѣстѣ съ нимъ... Что мнѣ за дѣло, что онъ бѣденъ. А душа, свѣтящаяся въ его глазахъ, развѣ это не самое драгоцѣнное богатство?! Развѣ счастье въ богатствѣ, въ свѣтской жизни, полной пустыхъ удовольствій, въ беззаботности?

Все въ этотъ же вечеръ, шепотомъ и обливаясь слезами, повѣряла я мамѣ, сидя съ ней наединѣ въ запертой спальнѣ. Коротенькое письмо Василія Иваныча, наконецъ, заставило меня дѣйствовать. Мама слушала меня и то и дѣло восклицала: «Нѣтъ, я просто ушамъ своимъ не вѣрю. Я просто поражена... И когда это вы успѣли... И какъ это мы не замѣтили... Нѣтъ, Люба, папа ни за что не позволитъ. Папа будетъ противъ... Напрасно это вы все затѣяли».

Иногда же, когда я откровенно передавала мамѣ, что я чувствую, что говорилъ мнѣ Василій Иванычъ, мама растрогивалась, ея прекрасные глаза увлажнялись, и она говорила съ грустною улыбкой: «Глупыя, глупыя дѣти! И ничего-то вы въ жизни не понимаете! И онъ, твой Василій Иванычъ, такой же ребенокъ, как и ты!»

— Упроси папу, мама!

— Но это же невозможно! Ахъ, Люба, Люба!

— Нѣтъ, ты упроси! Разскажи ему все сама!

— Конечно, я разскажу! Но вы должны оставить эти фантазіи!

— Вовсе не фантазіи.

— Ахъ, Люба, конечно, фантазіи! Не даромъ ты начиталась романовъ.

— Романы тутъ не причемъ!—сердито возразила я.

— Нѣтъ, оттого ты и стала такою романтичною головой. Ты знаешь, что папа скажетъ? Онъ разбранитъ тебя на чемъ свѣтъ стоитъ. Онъ терпѣть не можетъ этихъ глупостей, этихъ тайныхъ условленныхъ свиданій, записочекъ.

— Одна единственная всего записка-то...

— Ну, все равно! А свиданья-то?... Скажите, пожалуйста, все лѣто!... А я хоть бы что замѣтила. Да вѣдь съ прошлаго лѣта это началось. Мнѣ и въ голову не могло прійти, чѣмъ занимается 15-лѣтняя дѣвчонка. Папа распушитъ, ужъ я его знаю. Да и мнѣ достанется, что плохо смотрѣла.

И мама опять снова заставляла меня подробно разсказывать, какъ я познакомилась съ нимъ, и какъ тайкомъ ходила на свиданія («этакая хитрюга», говорила мама) и о чемъ мы разговаривали.

Маму и опечаливало это, и сердило, и занимало, и забавляло. Видимо Василій Иванычъ казался ей симпатичнымъ.

— Ты ничего не скрываешь, Люба?

— Ничего... Я все сказала... Мнѣ нечего скрывать.

Мамины глаза безпокойно и проницательно смотрѣли мнѣ въ лицо.

— Вотъ что значитъ взрослыя-то дочери! Возись съ вами. Заварятъ кашу, а мамаша расхлебывай. Не даромъ папа говоритъ, что за вами нуженъ глазъ да глазъ, никуда однѣхъ не пускать. А вы еще сердитесь, что вамъ запрещаютъ однѣмъ гулять... Иди теперь спать, Люба, я теперь же все передамъ папѣ. Авось за ночь-то гнѣвъ его немного смягчится... Но не воображай, что я одобряю васъ.

— Мама, я его одного люблю!

— Да тебѣ еще, матушка, рано о любви думать.

— А я вотъ думаю,—капризно возразила я.

— Мало ли ты какой вздоръ себѣ въ голову вобьешь. Да и пустяки это, Люба, ты еще тысячу разъ полюбишь и разлюбишь, этакая-то вѣтрогонка, вѣдь у тебя семь пятницъ на недѣлѣ.

— Это прежде, а теперь я совсѣмъ другая стала.

— Охъ, Люба, папа вспылитъ, я знаю! Но все-таки я должна разсказать.

Еще разъ мама заставила меня поклясться и побожиться, что я ничего не скрываю отъ нея.

Я даже перекрестилась въ доказательство того, что я всю правду сказала ей, ничего не скрыла. Мама успокоилась. Когда она выпроваживала меня за дверь спальни, ея глаза были полны слезъ.

Милая, милая, добрая мамочка, когда я вспоминаю это, слезы неудержимо катятся по моимъ щекамъ. Когда на другой день я встала и вышла въ столовую къ чаю, всѣ домашніе были въ сборѣ, и всѣ молчали, и по выраженію лицъ всѣхъ я поняла, что всѣ знаютъ все, и что сію минуту говорили про меня. Здороваясь съ

папой, я робко подняла на него глаза. Онъ молча поцѣловалъ меня. Лицо у него было серьезное и важное, но не грозное.

Точно камень лежалъ у меня на душѣ. Я сѣла за столъ и принялась за чай.

Всѣ смотрѣли на меня, папа—искоса, прихлебывая чай, и что-то раздумывая, мама—украдкой изъ-за самовара. Лицо ея выражало и сожалѣніе ко мнѣ, и сознаніе безповоротности папинаго рѣшенія. Я по ея лицу угадала, что приговоръ неумолимъ, но не почувствовала ничего особеннаго. Я вся точно сжалась и похолодѣла, не поднимая глазъ отъ чашки, но все замѣчая. Соня переглядывалась съ мамой и хотя усмѣхалась и пожимала плечами, но мнѣ казалось, что ей жалко меня. (Она, кажется, сама была въ кого-то влюблена). Алеша и Петя сидѣли отдѣльно за круглымъ столомъ. Алеша почесывалъ въ затылкѣ и то хмурился, то улыбался, наблюдая за мной. А Петя чуть не давился калачомъ отъ душившаго его смѣха и закрывалъ отъ меня ладонью покраснѣвшее лицо.

Послѣ чая папа ушелъ на террасу и оттуда позвалъ меня серьезно и тихо: «Люба, поди сюда!» Я повиновалась.

Глаза мои застилало туманомъ. Къ чему говорить, когда я и безъ словъ поняла, думала я и, стоя передъ папой съ опущенными глазами, едва слушала то, что онъ говорилъ,—такъ мнѣ казалось все это извѣстнымъ. Мнѣ казалось теперь, что всѣ эти слова я слышала раньше въ своемъ предчувствіи. Папа не распушилъ меня, какъ ожидала мама, не бранилъ даже меня, а строго и серьезно и тихо убѣждалъ, что это невозможно. Я такъ привыкла съ дѣтства повиноваться папѣ во всемъ безъ разсужденія, такъ привыкла вѣрить въ его непогрѣшимый авторитетъ, что у меня языкъ не повертывается возражать ему что бы то ни было. Хотя я и увѣряла Василья Иваныча, что умолю и выплачу согласіе, что буду бороться, но я не смѣла. Это казалось мнѣ неслыханною дерзостью.

Съ мамой я дерзала и спорить, и противорѣчить, и упрашивать, но папа сказалъ «нельзя», и значитъ разговоръ конченъ. Если онъ не согласенъ, не могу же я идти напроломъ. Еслибъ даже предположить, что у меня хватило бы смѣлости возражать ему, настаивать на своемъ,—все равно ничего бы изъ этого не вышло, разъ онъ не согласенъ.

Я слишкомъ привыкла чтить пятую заповѣдь и поступить противъ воли отца и матери въ такомъ важномъ дѣлѣ считала громаднымъ грѣхомъ. Вѣдь это все равно, что поднять руку на отца и мать,—думала я. Значитъ, кончено. Мои чудные воздушные зам-

ки превратились въ жалкій прахъ. Папа говорилъ что-то о томъ, что мы не знаемъ жизни, что это безповоротный шагъ, въ которомъ я раскаивалась бы всю свою жизнь (никогда!—мысленно возразила я), что мы совсѣмъ еще дѣти, и что я должна еще учиться, а не о замужствѣ думать, слишкомъ рано я собралась замужъ выходить, вся эта любовь построена пылкимъ воображеніемъ—вотъ и все.

Я слушала какъ сквозь сонъ.

Пришла мама и внимательно посмотрѣла на меня, видимо желая убѣдиться, какое впечатлѣніе производятъ на меня папины увѣщанія. Я отвѣтила ей убитымъ взоромъ.

Мама сѣла и присоединила свои увѣщанія къ папинымъ.

— Какое же онъ-то дитя, — рѣшилась я произнести, — когда ужъ его и дядя собирается женить, и онъ пойдетъ во священники?!

— Ну, онъ-то еще такъ,—сказалъ папа:—онъ все-таки кончилъ курсъ въ семинаріи. Семинаристы большею частью такъ пристраиваются, берутъ невѣсту съ мѣстомъ. Ну, а ты для него не невѣста, потому что черезъ тебя не достанется ему никакой должности. Предоставь ты его судьбѣ его. Ты и къ другой жизни привыкла, тебѣ бы тяжко пришлось даже при нашей помощи. А главное то, что ты еще дѣвчонка. Въ прошломъ году еще въ куклы играла, нынѣшнія святки какъ коза прыгала на вечерахъ и вдругъ замужъ собралась... Да еще въ сельскія матушки... Или еще лучше, въ подруги жизни сельскаго учителя... Эхъ, ты, глупенькая!

И папа, ласково усмѣхнувшись, потрепалъ меня по щекѣ, потомъ прибавилъ прежнимъ серьезнымъ тономъ: «Смотри, чтобъ больше этихъ свиданій не было! Предоставь Василію Иванычу жениться на той дѣвушкѣ, которую подыскалъ ему дядя. Дядя ему зла не желаетъ. Да самъ онъ видно парень не глупый, по запискѣ видно. А что касается разбитаго сердца и всего такого, то всѣ мы молоды были и глупы были. Все это юношескія бредни! Женится, поступитъ во священники и проживетъ себѣ вѣкъ припѣваючи. Другіе не хуже его такъ же устраивались».

— Мы лучше тебя жизнь знаемъ, Любуша, дружокъ мой,—нѣжно сказала мама,—и повѣрь мнѣ, что все къ лучшему устраивается. Можетъ быть, онъ и хорошій человѣкъ, но очень можетъ быть также, что къ нему по наслѣдственности перешла чахотка его родителей. Вѣдь они оба отъ чахотки умерли. Почемъ знать, что бы ждало тебя въ будущемъ...

«Это ничего не значитъ,—подумала я:—если онъ чахоточный, то я еще больше люблю его и жалѣю».

— Теперь ступай и не дури больше!—сказалъ папа.

Прощай моя свобода! Съ этой минуты за мной ужъ тщательно слѣдили, меня почти не оставляли одну въ саду, хотя старались присматривать за мной незамѣтнымъ образомъ. Напримѣръ, гуляю я по темной сырой дорожкѣ или сижу на курганѣ, а мама или Соня прохаживаются на другомъ концѣ сада около террасы между цвѣточными клумбами и, наклоняясь, сообща слѣдятъ за мной, тутъ ли я, не ушла ли въ поле. Если я раздаю что-нибудь, стоя у забора ребятишкамъ, Петя будто нечаянно вдругъ вырастаетъ откуда-то около меня, и я увѣрена, что его подослали нарочно, чтобы посмотрѣть, не съ Васильемъ ли Иванычемъ я разговариваю. Поздно вечеромъ мнѣ запретили уходить въ садъ. Рябой Дарьюшкѣ было строго-на-строго приказано не пропускать меня въ садъ рано утромъ, пока всѣ не встанутъ, а то я наживу лихорадку. Дарьюшка была чуткая, и если ей было приказано не пускать меня, то она обязательно бы проснулась, еслибъ я вздумала прокрасться.

— Мама, да пусти меня хоть разъ только проститься съ нимъ и сказать ему...—умоляла я.

— Полно, Люба, лучше не серди папу.

— Да, мама, надо же ему сказать... Онъ, вѣроятно, мучается...

— Оставь его въ покоѣ... Онъ самъ пойметъ и скорѣй забудетъ тебя, если ни разу не увидитъ.

Но, говоря это, мама почему-то отвертывала отъ меня лицо и сморкалась.

Она стала очень нѣжна ко мнѣ и заботливо предупреждала мои желанія. Соня тащила мнѣ свои книги, взятыя изъ библіотеки, и предлагала почитать, намѣчая самыя интересныя. Алеша и Петя наперерывъ старались смѣшить меня своими остротами.

Мама соблазняла меня будущими балами, обѣщая сшить мнѣ новыя платья. Но я оставалась равнодушна ко всему. Апатичная, скучная, бродила я по саду или сидѣла у окна въ залѣ.

Ни рояль, ни книги, ни пикетъ, ни работа не привлекали меня. Папа замѣчалъ все, и для моего удовольствія затѣвались прогулки въ сосѣдній боръ за черникой, въ лѣсъ за грибами, компаніей ходили удить рыбу и путешествовали пѣшкомъ за десять верстъ на богомолье. Я принимала участіе во всемъ этомъ, но это были не прежнія веселыя прогулки, соединявшіяся съ неутомимыми проказами.

Я была молчалива и скучна, такъ что Петя прозвалъ меня «угрюмой феей».

Въ одно изъ воскресеній зашли къ намъ послѣ обѣдни батюш-

ка съ матушкой. За завтракомъ мама спросила: «Ну, что, батюшка, вашъ племянникъ долго у васъ проживетъ?»

Глаза Сони, Алеши и Пети устремились на меня. Я усердно рѣзала пирогъ.

— Нѣтъ, ужъ, слава Богу, недолго,—хриплымъ шепоткомъ протянулъ батюшка: «сосватали мы его».

— Вотъ какъ!

— Сосватали!—улыбаясь, повторила сдобная матушка.

— Хорошая невѣста?

— Дочь священника, верстъ 70 отселева... Мѣсто ему передаетъ отецъ ея, приходъ хорошій.

— Хорошій приходъ,—какъ эхо повторила матушка.

— Скоро вы его пристраиваете!—сказалъ папа: «Значитъ, ему посчастливилось,—другіе сколько времени мѣста дожидаются, а нѣтъ».

— Ну, а невѣста-то ему нравится?—спросила мама.

— Дѣвушка хорошая,—отвѣчалъ батюшка,—трудолюбивая, степенная, не балалайка какая-нибудь. Богобоязненная дѣвушка. Онъ было у меня заартачился, да я его урезонилъ. Какъ это эдакое мѣсто упускать, скоро ли дождешься другого-то.

— Еще бы!—сказалъ папа.

— Почему же онъ заартачился?—спросила мама:—онъ у васъ, кажется, такой смирный?

— Смирёнъ-то онъ, смирё-онъ, да чудаковатъ маленечко... Заупрямился: не хочу, да не хочу жениться... Невѣста, вишь, не по сердцу. А я ему: что-жъ, или ты все у меня на шеѣ сидѣть хочешь? Ну, смирился... Ходитъ теперь ровно въ воду опущенный, женихъ-то...—усмѣхнулся батюшка:—Ну, да ничего, привыкнетъ...»

Батюшка допилъ чай и, опрокинувъ стаканъ, всталъ, перекрестился, поблагодарилъ рукопожатіемъ сначала папу, потомъ маму, и усѣлся опять, отодвинувъ стулъ немного подальше отъ стола.

— А вамъ не угодно ли еще чашечку, матушка?

— Нѣтъ-съ, благодарствуйте,—отвѣтила матушка, боязливо покосясь на батюшку, и, вставъ, буквально продѣлала всѣ его пріемы. Усѣвшись, она опять чинно сложила руки на животикѣ и сложила сердечкомъ свои румяныя губы. Ея здоровое лицо блестѣло точно чисто вымытая тарелка.

— Когда же свадьба?—спросила мама.

— Послѣ Петровокъ.

— Пируете, значитъ?—весело спросилъ папа.

— Пируемъ, охъ, попируемъ,—вздохнувъ, усмѣхнулся батюшка.

— Да-съ, попируемъ,—широко улыбаясь и вздыхая, повторило эхо.

— Къ намъ просимъ милости на свадьбу,—сказалъ батюшка, и, обернувшись къ Сонѣ и ко мнѣ, прибавилъ:—барышни и васъ.

Папа покосился въ мою сторону. Я сидѣла ни жива, ни мертва, опустивъ глаза въ тарелку и черезъ силу проглатывая кусокъ. Мама и Соня кидали на меня сочувственные взгляды. Какъ хотѣлось мнѣ вскочить, убѣжать наверхъ и тамъ, уткнувшись лицомъ въ подушку, плакать, плакать... Но встать и уйти было неловко. Казалось, что тогда отъ гостей не укроется разстроенное выраженіе моего отца.

Разговоръ перемѣнился.

Мама начала разспрашивать батюшку о состояніи его вѣчно больного желудка и матушку объ ея здоровьѣ. Пухлая, сдобная матушка жаловалась, что ей все нездоровится, и что поэтому, управившись по хозяйству, она все лежитъ. Батюшка сообщилъ, что его желудокъ ничего «не принимаетъ», но что онъ очень любитъ ѣсть студень съ молокомъ, и это его желудокъ переноситъ.

Наконецъ, мама сжалилась надо мной и велѣла мнѣ позвать Дарьюшку. Пославъ горничную, я убѣжала наверхъ, бросилась на постель и дала волю накопившимся слезамъ.

По уходѣ гостей, мама пришла ко мнѣ.

— Люба, глупая ты моя дѣвочка,—нѣжно лаская меня, говорила она, сидя около меня на постели:—видишь, папа правъ былъ, говоря, что Василій Иванычъ покорится своей участи, что онъ самъ сознаетъ...

— Ничего онъ не сознаетъ,—прервала я,—ни съ чѣмъ онъ не примирился, а просто онъ несчастный, и я люблю его... люблю... А всего ужаснѣе, мама, то что онъ Богъ знаетъ что̀ будетъ думать обо мнѣ.

— Перестань, Люба!... Ахъ, какая ты глупенькая... Я считала тебя умнѣе...

А сама мама не переставая утирала глаза, не считая даже нужнымъ на этотъ разъ скрывать отъ меня свои слезы.

Все стало казаться мнѣ еще мрачнѣе. Я стала такъ капризна, что папа началъ осаживать меня. Бабушка, зазвавъ меня къ себѣ въ комнату, угощала меня вареньемъ и совѣтовала читать Библію и побольше молиться, чтобъ отогнать навожденіе, подразумѣвая,

конечно, подъ навожденіемъ Василья Иваныча. Я съ злыми слезами на глазахъ спѣшила уйти изъ ея комнаты. Одинъ разъ, ужъ послѣ Петрова дня, когда я шла по саду около забора, тотъ же голубоглазый Ленька перебросилъ мнѣ письмецо. Схвативъ его, я убѣжала въ свѣтелку и тамъ прочла:

«Вы ни слова не отвѣтили мнѣ на прошлое письмо, Любовь Дмитревна! Изъ этого я заключилъ, что я не ошибся, вы дѣйствительно раскаялись и значитъ все между нами кончено. Конечно, развѣ мы пара?—Я бѣдный семинаристъ. Лучшая доля для меня—это быть священникомъ въ селѣ. Передъ вами же жизнь открываетъ блестящую перспективу. Что мудренаго, что вы вò-время спохватились. Ну, что-жъ, я васъ не виню, будьте счастливы и пожелайте того же мнѣ. Послѣ-завтра моя свадьба. Это не измѣна съ моей стороны: если вы не будете моей, не все ли равно мнѣ уступить дядѣ. Я уступаю. Объ одномъ васъ прошу: подарите меня завтра утромъ послѣднимъ свиданіемъ. Дайте мнѣ посмотрѣть въ послѣдній разъ въ ваши глаза, которые я считалъ не умѣющими лукавить. Дайте пожать въ послѣдній разъ вашу ручку... Въ послѣдній разъ!... Эхъ, Любовь Дмитревна, Любовь Дмитревна! Сохраните ли вы тѣ кувшинчики, которые я вамъ принесъ въ первое свиданіе, сохраните ли ихъ на память о нашихъ волшебныхъ грезахъ, которыя разлетѣлись?...»

Я скомкала письмо въ рукѣ и долго горько плакала. Потомъ я написала на клочкѣ бумажки:

«Бѣдный, милый Василій Иванычъ, не могу прійти на свиданіе, за мной слѣдятъ. Я все разсказала. Папа и мама не согласны. Я люблю васъ по-прежнему, не думайте, что я измѣнила вамъ, но я не смѣю ослушаться и ничего не могу сдѣлать. Будьте счастливы и постарайтесь забыть меня. Вы вотъ женитесь, но не подумайте, что я когда-нибудь выйду замужъ. Этого не будетъ никогда. Насильно меня не выдадутъ, а сама я не пойду, потому что люблю и буду любить только васъ».

Голубоглазый Ленька въ тотъ же день отнесъ это письмо Василію Иванычу.

Затѣмъ... Василій Иванычъ женился, мы не были на его свадьбѣ.

Скоро онъ уѣхалъ. Мы переѣхали въ городъ. Я его больше не видала.

Въ тотъ же годъ умеръ батюшка, а матушка уѣхала на свою родину въ Т. губернію, такъ что намъ и слышать не отъ кого было о Васильѣ Иванычѣ.

Долгое время я искренно страдала.

Потомъ мало-по-малу время и молодость побѣдили.

Я стала съ прежнимъ интересомъ относиться къ окружающему, танцы и театръ получили для меня прежнюю прелесть, грустный образъ Василья Иваныча сталъ заволакиваться дымкой, и къ немалому удовольствію папы и мамы мой юный романъ вылетѣлъ у меня изъ головы, но... не совсѣмъ. Когда, нѣсколько лѣтъ спустя, меня снаряжали подъ вѣнецъ, и я, стоя передъ трюмо, окинула себя послѣднимъ взглядомъ, въ глубинѣ моего сердца чуть слышно заныла старая ранка. Роскошный бѣлый букетъ, присланный женихомъ, дрогнулъ въ моей рукѣ. Я вспомнила другой букетъ—такой же роскошный, но не бѣлый, а розовый, дышавшій ароматомъ только-что сорваннаго дикаго шиповника... Тотъ букетъ лежалъ тогда у меня на колѣняхъ, и я вспомнила зеленую гору, гдѣ я сидѣла тогда, какъ невѣста и царица души бѣднаго семинариста, и темно-сѣрые глаза—правдивые, добрые и нѣжные, смотрѣвшіе мнѣ въ лицо...

Гдѣ теперь Василій Иванычъ и примирился ли онъ съ своею судьбой? Не можетъ быть, чтобъ онъ забылъ старыя ветлы, подъ которыми мы мечтали, и рѣчку съ камышами и кувшинчиками, слушавшую наши признанья и клятвы, и тѣ болотныя кочки, по которымъ онъ прыгалъ, догоняя меня, и дорогу среди желтой волнующейся ржи, въ которой мы собирали васильки и ромашку...

Забылъ ли онъ бархатные луга, пестрѣющіе цвѣтами, гдѣ мы вмѣстѣ восторгались медовымъ ароматомъ цвѣтовъ, стрекотаньемъ кузнечиковъ, окраской крыльевъ бабочекъ, пѣньемъ жаворонка?...

Помнитъ ли онъ шумъ вѣтра въ зеленомъ лѣсу, подъ тѣнью котораго мы отдыхали, и гдѣ среди причудливой зелени папоротника росло такъ много моихъ любимыхъ крупныхъ свѣтло-лиловыхъ колокольчиковъ?...

Является ли у него сожалѣнье о былomъ при этихъ воспоминаніяхъ, или его сердце молчитъ, отупѣвшее и смирившееся?...

Я перенеслась въ былое и такъ глубоко задумалась, что совсѣмъ забыла, что я невѣста, что меня уже снарядили къ вѣнцу, что и мама ждетъ меня въ залѣ, чтобы благословить на новую жизнь, что въ церкви меня нетерпѣливо ждетъ женихъ, любимый мной... Да, любимый! Никто не принуждалъ меня идти за него, я сама охотно дала ему согласіе, потому что полюбила его.

Въ комнату влетѣлъ Петя, торжественный, парадный, во фракѣ, съ пучкомъ флёръ-д'оранжъ въ петлицѣ, въ бѣлыхъ перчаткахъ.

— Люба, иди!... Шаферъ пріѣхалъ... Женихъ проситъ тебя въ церковь... Тебя ждутъ...

Я очнулась точно отъ сна, подняла упавшій букетъ, провела рукой по лицу и еще разъ оглянула себя въ зеркало... Въ немъ отразилась моя стройная фигура, — вся въ бѣломъ, съ бѣлою фатой на темныхъ локонахъ, охватывавшей меня точно дымкой, съ мечтательными темными глазами. Я устыдилась своихъ мыслей, точно измѣны жениху, и, шурша длиннымъ шлейфомъ, поспѣшила въ залу.

Когда позднѣе въ церкви я подала руку своему избраннику и взглянула въ его честные, серьезные, любящіе глаза,—былое перестало для меня существовать. Я почувствовала себя счастливой и полной лучезарныхъ надеждъ.

Съ тѣхъ поръ прошло еще нѣсколько лѣтъ.

«И сколько нѣтъ теперь въ живыхъ,
Тогда веселыхъ, молодыхъ...»

Папа и мама мирно покоятся рядомъ подъ землею...

«И крѣпокъ ихъ могильный сонъ,
Не слышенъ имъ вечерній звонъ»...

Дача принадлежитъ теперь братьямъ, но мы не живемъ уже въ ней лѣтомъ.

Послѣ смерти папы и мамы тамъ точно нѣтъ солнца,—оно погасло...

Заколоченный домъ съ опустѣвшей террасой говоритъ о смерти и о разлукѣ съ тѣми, кого роднѣе нѣтъ... Заброшенный садъ кажется полонъ меланхоліи... Въ заросшихъ аллеяхъ бродятъ тѣни былого... Милыя липы, березы, осины и сосны шепчутъ о томъ, что земныя радости непрочны, что вся наша жизнь полна печалей, что тѣ, кого мы любимъ, уходятъ отъ насъ далеко, куда-то въ таинственную, непонятную для живыхъ, вѣчность...

Мой мужъ исполняетъ всѣ мои желанья, и иногда мы посѣщаемъ «мою родину».

Гуляя съ мужемъ по саду, я вспоминаю папу и маму, каждая травка тамъ говоритъ мнѣ о нихъ, и я плачу... Потомъ я вспоминаю романъ моей юности во всѣхъ подробностяхъ и передаю мужу... Его ревность бываетъ слегка задѣта, хотя онъ старается скрыть это, а я чувствую себя растроганной этими воспоминаніями. Нарядная, свѣтская дама, какую я представляю изъ себя теперь, кажется мнѣ, такъ непохожа на прежнюю подростка-дѣвочку

въ яркомъ сарафанѣ и бусахъ,—простую, искреннюю, сидѣвшую, бывало, подъ березами и увлеченную мечтами вмѣстѣ съ долговязымъ семинаристомъ. А мужъ мой... какъ онъ важенъ и блестящъ въ сравненіи съ этимъ неловкимъ семинаристомъ, смотрѣвшимъ, бывало, прямо въ глаза дѣвочкѣ въ сарафанѣ своими темно-сѣрыми, пламенно-вспыхивающими глазами.

Могли ли осуществиться въ дѣйствительности воздушные замки, которые мы строили съ нимъ, когда насъ слушали только деревья въ густомъ саду, полевые цвѣты въ лугахъ и звѣзды въ ночномъ небѣ?

Нельзя не сознаться, что наши мечты были восхитительно идеальны.

Мужъ мой сознался въ этомъ и прибавилъ, что я могу привести ихъ въ исполненіе и съ нимъ. Но я возразила, что мы съ нимъ не такъ юны и не такъ пылки, какъ Василій Иванычъ и шестнадцатилѣтняя дѣвочка въ сарафанѣ.

Березы зашелестѣли отъ вѣтра, точно подтверждая мои слова, и желтѣющіе листья съ меланхолическимъ шорохомъ посыпались съ нихъ на дорожку. Осины грустно затрепетали листочками.

Весь старый милый садъ подъ пронесшимся дыханьемъ вѣтра ожилъ и зашепталъ о былomъ, далекомъ и невозвратномъ...

Н. Н

Деревенскіе разсказы Людвига Анценгрубера.

(Переводъ съ нѣмецкаго)

Людвигъ Анценгруберъ родился въ Вѣнѣ въ 1839 году въ семьѣ мелкаго чиновника. Не получивши, по недостатку средствъ, систематическаго образованія, Анценгруберъ перепробовалъ самыя различныя профессіи: сначала былъ приказчикомъ въ книжномъ магазинѣ, потомъ актеромъ (1860—1867 г.), затѣмъ сотрудничалъ въ различныхъ юмористическихъ журналахъ, а въ 1869 году поступилъ чиновникомъ въ канцелярію вѣнской полиціи. Еще въ 1859 году Анценгруберъ написалъ драму на конкурсъ по поводу столѣтней годовщины Шиллера, но преміи не получилъ, и его литературная извѣстность начинается только съ 1870 года, когда онъ написалъ драму *Der Pfarrer von Kirchfeld*, и съ этихъ поръ до конца жизни (въ 1889 г.) Анценгруберъ посвятилъ себя исключительно литературнымъ занятіямъ.

Несмотря на городское происхожденіе, Анценгруберъ, подобно своему современнику Розеггеру, съ разсказами котораго мы познакомили читателей *Русской Мысли* (мартъ 1898 г.), изображаетъ въ своихъ многочисленныхъ произведеніяхъ почти исключительно крестьянскую жизнь. При этомъ самое отношеніе къ крестьянамъ у обоихъ писателей въ общемъ одинаково: оба они далеки отъ идеализаціи хорошо знакомаго имъ быта, оба не скрываютъ мужицкой грубости, но умѣютъ находить подъ заскорузлою оболочкой деревенскихъ обитателей симпатичныя черты неиспорченной натуры и относятся къ крестьянскому люду съ неизмѣнною гуманностью. Но при всемъ сходствѣ съ Розеггеромъ, Анценгруберъ отличается отъ него, кромѣ индивидуальныхъ свойствъ своего таланта, и другими особенностями, которыя обусловливаются отчасти его актерскимъ прошлымъ, отчасти городскимъ происхожденіемъ. Хорошее знаніе сцены натолкнуло Анценгрубера на дѣятельность драматическаго писателя. Онъ сдѣлался драматургомъ по преимуществу, и нѣмецкая критика справедливо считаетъ его создателемъ народной драматической литературы. Другая особенность Анценгрубера заключается въ его направленіи: онъ гораздо болѣе Розеггера подвергается вліянію наиболѣе значительныхъ общественныхъ теченій своего времени. Выступивъ на литературное поприще въ тотъ моментъ, когда въ Германіи

начинался знаменитый Kulturkampf, Анценгруберъ примкнулъ къ антиклерикальному направленію, котораго и держался всю свою жизнь. Онъ не врагъ положительной религіи и умѣетъ найти и въ католицизмѣ много высоконравственнаго и глубоко-трогательнаго; но возстаетъ прежде всего противъ отжившаго свой вѣкъ католическаго аскетизма, который въ хорошихъ натурахъ подавляетъ законныя, иногда даже лучшія стремленія человѣческой природы, а въ дурныхъ—ведетъ къ лицемѣрію и вноситъ развратъ съ той стороны, октуда слѣдовало бы ожидать нравственнаго улучшенія.

Уже въ драмѣ *Der Pfarrer von Kirchfeld* Анценгруберъ съ поразительною силой возстаетъ противъ безбрачія католическаго духовенства,—въ живыхъ образахъ изображаетъ трагическія послѣдствія этого установленія и не разъ возвращается къ его вредному вліянію въ другихъ произведеніяхъ. Позже, въ драмѣ *Die Kreuzelschreiber*, рисуя борьбу старокатоликовъ противъ ученія о папской непогрѣшимости, Анценгруберъ бичуетъ оцѣпенѣлость церковныхъ формъ и безжизненность церковныхъ споровъ. Въ этой же драмѣ онъ осмѣиваетъ мертвую обрядность, которая душитъ живое религіозное чувство и искажаетъ христіанскую нравственность. Къ этой темѣ особенно охотно возвращается онъ и въ изображеніяхъ деревенской жизни, причемъ здѣсь сарказмъ обыкновенно переходитъ въ добродушный юморъ. Такъ, въ разсказѣ *Der Gottüberlegenen Jakob* хитрый крестьянинъ далъ обѣтъ отслужить много, много обѣденъ за выздоровленіе своей коровы, а когда она поправилась, то поспѣшилъ ее продать, не исполнивъ дорого стоющаго обѣта, въ полной увѣренности, что положенное за это наказаніе падетъ не на него, а на корову, которая будетъ принадлежать уже другому владѣльцу. Не менѣе часто, какъ въ драмахъ, такъ и въ разсказахъ, изображаетъ Анценгруберъ, какъ юные грѣшники становятся подъ старость благочестивыми католиками безо всякой нравственной перемѣны. Такъ, въ комедіи *Gewissenswurm* онъ даетъ чрезвычайно живой образъ стараго обѣднѣвшаго крестьянина, который хочетъ загладить свою вину передъ соблазненной имъ въ молодости дѣвушкой, послѣ того, какъ она съ тѣхъ поръ успѣла сдѣлаться зажиточною крестьянкой, а въ разсказѣ *Sündkind* Анценгруберъ возвышается до истиннаго трагизма, изображая состояніе молодого человѣка, котораго родители за свои собственные прежніе грѣхи обрекли въ духовное званіе, т.-е. на безбрачіе.

Другой важный интересъ для Анценгрубера составляютъ соціальные вопросы, выступившіе въ 70-хъ годахъ въ нѣмецкомъ обществѣ съ особенною силой. Но, какъ самоучка, обязанный своимъ образованіемъ не школѣ, а книгамъ и жизни, Анценгруберъ не имѣетъ ясной и опредѣленной программы для устраненія общественныхъ недостатковъ и даже не особенно глубоко проникаетъ въ общественную жизнь. Изъ всѣхъ устоевъ общества его особенно интересуетъ семья, и онъ съ необыкновенною силой выставляетъ на видъ ея недостатки. Съ этой точки зрѣнія большой интересъ пред-

ставляетъ одна изъ раннихъ его драмъ *Рука и сердце (Hand und Herz)*, въ которой изображенно положеніе женщины, вышедшей вдали отъ родины второй разъ замужъ при жизни перваго мужа. Развращенный до мозга костей, первый супругъ несчастной выслѣдилъ свою жертву и, грозя судомъ, началъ безжалостно ее эксплуатировать и требовать удовлетворенія своимъ грязнымъ страстямъ, чѣмъ довелъ до преступленія ея второго мужа, честнаго и незлобиваго человѣка, который не нашелъ другого исхода, кромѣ убійства безпутнаго негодяя. Живые образы превосходно написанной драмы производятъ сильное впечатлѣніе и ясно выражаютъ основную мысль автора, что законы о семьѣ во многихъ отношеніяхъ требуютъ пересмотра. Въ другой драмѣ, *Das vierte Gebot* (по нашему 5-я заповѣдь), Анценгруберъ выступаетъ на защиту дѣтей противъ злоупотребленій родительской власти и изображаетъ двѣ семьи, испортившія жизнь своихъ дѣтей, причемъ, по крайней мѣрѣ, одна изъ нихъ искренно, трагически сознаетъ свою вину. Но и здѣсь отрицаніе Анценгрубера не заходитъ слишкомъ далеко. Одно изъ дѣйствующихъ лицъ его драмы, обращаясь къ духовенству, такъ формулируетъ основную мысль автора: «Если вы учите въ школѣ дѣтей: чти отца твоего и матерь твою, то проповѣдуйте родителямъ съ церковной каѳедры, чтобъ они жили и дѣйствовали сообразно съ этимъ требованіемъ», и Анценгруберъ на-ряду съ двумя плохими семьями изображаетъ стараго садовника и его жену, которые сумѣли доставить счастье своему сыну.

Важнаго вопроса соціальной жизни—отношенія между трудомъ и капиталомъ Анценгруберъ почти совершенно не касается и значительныхъ изображеній рабочаго люда и фабричной жнизни не встрѣчается въ его многочисленныхъ произведеніяхъ. Но въ своихъ разсказахъ изъ деревенской жизни онъ постоянно показываетъ вліяніе имущественныхъ отношеній и экономическаго строя вообще на всѣ и даже самыя интимныя стороны жизни крестьянина. Однако, интересы къ общественной жизни Анценгрубера, какъ и его антиклерикальное направленіе вовсе не сдѣлали изъ него тенденціознаго писателя. Онъ прежде всего художникъ, превосходно наблюдающій дѣйствительность и умѣющій пересоздавать ее въ художественные образы. Въ его драмахъ встрѣчаются иногда резонирующіе монологи, въ разсказахъ попадаются дидактическія отступленія; но это капля въ морѣ, безслѣдно исчезающая въ его волнахъ. У Анценгрубера нѣтъ ни моральной проповѣди, ни публицистической пропаганды, ни прокурорской или адвокатской рѣчи; его единственное орудіе — художественные образы, замѣчательно живые и необыкновенно разнообразные. Для перевода на русскій языкъ Анценгруберъ представляетъ большія трудности какъ по формѣ, такъ и по содержанію. Большинство его драмъ, а также разговоры дѣйствующихъ лицъ въ большинствѣ разсказовъ написаны на верхненѣмецкомъ діалектѣ, вслѣдствіе чего самыя характерныя свойства автора — его грубый юморъ, а подчасъ и рѣзкій сарказмъ — весьма трудно передаются литературною рѣчью чужого языка. Что касается до содержанія, то значительныя препятствія для перевода составляютъ его рѣзкія выходки противъ

церкви и черезчуръ откровенныя картины католическихъ церковныхъ нравовъ и крестьянской жизни. Тѣмъ не менѣе предлагаемые нами читателямъ *Русской Мысли* разсказы, напечатанные послѣ смерти Анценгрубера, могутъ дать представленіе о его литературной дѣятельности. Въ разсказѣ *Корзинщица Катерина* онъ даетъ живую картину мужицкаго двоевѣрія и возвышается до настоящаго трагизма, изображая тяжелую долю добраго и честнаго человѣка, совершившаго преступленіе только потому, что религія и просвѣщеніе не уничтожили въ немъ грубыхъ предразсудковъ. Другой разсказъ—*Заклинаніе умершихъ (Todtenbeschwörung)*, по существу, бытовая картинка; но она характеризуетъ писательскіе пріемы автора: вліяніе экономическихъ условій на крестьянскую семью ясно чувствуется подъ живыми образами дѣйствующихъ лицъ и добродушный юморъ придаетъ мягкій колоритъ въ сущности мрачной картинѣ. Тѣ же самыя свойства Анценгрубера только съ большею рельефностью проявляются и въ разсказѣ *Ради науки (Im Dienste der Wissenschaft)*, гдѣ, несмотря на анекдотическій сюжетъ, съ такою же живостью рисуются деревенскіе нравы.

I.

Ради науки.

Тихо падалъ снѣгъ на маленькую деревушку. Однообразно, задумчиво спускались крупные хлопья на землю. Снѣгъ заглушалъ всякій звукъ; даже изъ кузницы не доносилось обычнаго гула: прозвучитъ ударъ и точно оборвется; животныя пугливо жались въ теплыхъ хлѣвахъ. Люди съ веселыми лицами поглядывали въ окна: окружающее ихъ безмолвіе не было символомъ смерти; оно говорило только о покоѣ, настраивало душу, какъ мирная проповѣдь. Даже тѣ, кому приходилось перебираться черезъ улицу, не отряхивались отъ снѣгу, а оставляли его на шляпѣ, на рукавахъ, на карманахъ, точно онъ никогда не кололъ ихъ острыми иглами въ лицо и не знобилъ имъ уши.

Тѣмъ пронзительнѣе раздался среди мертвой тишины рѣзкій шумъ въ крайней избѣ. Не трудно было различить три голоса: мужской, разражавшійся грубой бранью, женскій—старческій, пискливо причитавшій, и среди нихъ звучный, чистый дѣвичій голосокъ:

— Отецъ, ради Бога, прости! Прости только на этотъ разъ! Никогда больше ничего не случится!

— Безстыдница,—ворчалъ мужчина,—лиха бѣда начать, а тамъ ужъ конца не будетъ; я это прекрасно знаю! Ищи себѣ подходящую нору! Въ другой разъ не допущу у себя въ домѣ такого безобразія. А теперь маршъ отсюда! Убирайся! Или хочешь, чтобы я еще разъ поучилъ тебя?

— Нѣтъ, нѣтъ, не надо, отецъ! — пронзительно вскрикнула дѣвушка. — Я уйду, если нужно, только не кричите на всю деревню. Я не могу передѣлать случившагося. По крайней мѣрѣ, не выталкивайте меня прямо на народъ! Мать, попроси за меня! Позвольте мнѣ пройти задворками!

Старческій голосъ пробормоталъ нѣсколько невнятныхъ словъ, на что мужчина отвѣтилъ:

— Ладно, только убери ее съ глазъ долой, пока я за нее опять не принялся!

Затѣмъ въ избѣ все стихло. На дворъ открылась дверь, черезъ нее вышла молодая дѣвушка въ сопровожденіи старухи.

Женщина положила костлявую руку на круглое плечо дѣвушки.

— Старикъ такъ разозлился,—зашептала она,—что забылъ спросить, кто надѣлалъ тебѣ бѣду; скажи-ка мнѣ его имя и кто его родня? Можетъ быть, я дамъ тебѣ добрый совѣтъ, а если вступится отецъ, то можно будетъ иначе повернуть все дѣло. Ну-ка, кто онъ таковъ?

— Не спрашивай, матушка, — возразила дочь, еще ниже опуская голову.—Это ни къ чему не поведетъ; да и говорить-то стыдно!

— Что? Стыдно говорить съ родной матерью,—съ женщиной, которая сама была молода? Скрытничай на здоровье! — съ сердцемъ сказала старуха. — Владѣй одна своимъ секретомъ, глупая дѣвчонка, и проваливай ко всѣмъ чертямъ!

Не поруганная честь была причиной раздраженія старухи,— главную роль играло неудовлетворенное любопытство.

Обливаясь слезами, вышла дѣвушка за плетень и, спотыкаясь, пошла по занесенной снѣгомъ тропинкѣ. Дворовая собака, весело кружившаяся и игравшая въ снѣгу, очевидно считала настоящую погоду превосходной для прогулки; не подозрѣвая, что принимаетъ участіе въ скитаніи безъ опредѣленной цѣли, она собралась провожать путницу.

Однако въ дѣло вмѣшалась старуха.

— Домой, Штиріецъ! — закричала она и толкнула собаку ногой. — Хочешь водить съ негодной дружбу! Постой, вотъ я тебя, мерзкая тварь!

«Штиріецъ» скроилъ глупѣйшую физіономію, насколько это доступно собакѣ. Извѣстно, что человѣкъ достигаетъ такого результата гораздо легче и проще. Однако, очевидно было, что животное не въ состояніи было понять измѣнившихся обстоятельствъ.

Шесть лѣтъ водилъ онъ дружбу съ Евсевіей или «Себи»; послѣдней было одиннадцать лѣтъ, когда «Штиріецъ» впервые щеночкомъ появился на дворѣ крестьянина и съ тѣхъ поръ, въ счастіи и несчастіи, въ вёдро и въ непогоду, всюду сопровождалъ дѣвушку. Что же случилось? Почему долженъ онъ измѣнить обыкновенію? Хоть кого собьетъ съ толку такая непослѣдовательность!

Пока старуха, ворча на собаку, входила въ домъ, дѣвушка побрела по снѣгу, съ трудомъ вытаскивая и переставляя ноги; она уходила изъ-подъ родительскаго крова, котораго до сихъ поръ не покидала ни на одинъ день; выброшенная на всѣ четыре стороны, безъ цѣли, безъ надежды, безъ утѣшительной перспективы возврата домой, она шла со смутнымъ страхомъ, что не переживетъ близкаго будущаго.

Ну, и что-жъ? Пускай сердце, которое съ отчаянія такъ порывисто бьется въ груди, совсѣмъ остановится. Она пойдетъ, пока понесутъ ее ноги, потомъ ляжетъ на снѣгъ, закроетъ глаза и заснетъ навсегда. Огорчитъ ли это стариковъ? Или они равнодушно выслушаютъ на слѣдующій день извѣстіе, что Себи изъ Азенбруннa замерзла. Можетъ быть, они образумятся и будутъ лучше беречь сестрёнку, которая еще качается въ люлькѣ; можетъ быть не такъ строго обойдутся съ ней въ подобномъ случаѣ. Боже мой, развѣ можно предвидѣть, что случится съ бѣдняжкой! И своей судьбы не предусмотришь...

Себи твердо держалась опредѣленнаго плана; она шла впередъ по проторенным и непроторенным дорожкамъ, сворачивая при встрѣчѣ съ людьми и не глядя въ глаза прохожимъ. Случалось, что встрѣчный мужикъ или парень крикнетъ ей: «Эй, куда идешь, молодка? Куда идешь, красавица?» Она упорно отвѣчала одно и то же: «Не знаю!» Прохожіе смѣялись отвѣту, считая его шуткой.

Путешествіе по снѣгу быстро утомило дѣвушку; когда наступили сумерки, Себи, мертвенно-блѣдная, едва плелась по безлюдной мѣстности, съ трудомъ передвигая отказывавшіяся служить ноги. Стремленіе къ человѣческому жилью противорѣчило рѣшенію умереть; но это противорѣчіе, этотъ безсознательный протестъ молодой жизни противъ преждевременнаго конца, Себи старалась объяснить иначе: ей казалось, что умереть вблизи отъ людей — пріятнѣе; пріятнѣе съ ранней зарей быть замѣченной кѣмъ-нибудь, чѣмъ лежать среди пустынной мѣстности и служить добычей волкамъ и воронамъ. Она почувствовала облегченіе, когда, опускаясь на землю, увидала невдалекѣ огонекъ, мигавшій въ окнахъ дома. Сдѣлавъ послѣднее усиліе, дѣвушка поднялась на ноги и съ

дрожащими колѣнями направилась къ жилью; не дойдя нѣсколькихъ шаговъ, она поскользнулась, тихо вскрикнула и безъ чувствъ упала на снѣгъ.

Невдалекѣ стоялъ уединенный домикъ, построенный купцомъ, котораго утомила городская жизнь. Это было убѣжище отъ суетнаго міра и отъ злыхъ людей. Дѣйствительно, послѣднимъ тутъ нечего было дѣлать. Владѣлецъ окрестилъ свое жилище «Обителью», но за постройкой дома вскорѣ послѣдовали похороны хозяина. Наслѣдники, которымъ бѣлый свѣтъ и люди еще были милы, не имѣли ни малѣйшей склонности спасать душу въ «Обители» и потому стали искать покупателя. Они считали даже неудобнымъ упоминать о настоящемъ назначеніи домика и не взывали къ человѣконенавистникамъ, желающимъ бѣжать отъ свѣта, но предлагали всякому любителю невозмутимой тишины воспользоваться рѣдкимъ случаемъ и пріобрѣсти владѣніе, удовлетворяющее съ этой стороны самымъ строгимъ требованіямъ.

Любитель невозмутимой тишины нашелся, купилъ домикъ и въ продолженіе весны, лѣта и осени былъ въ восторгѣ отъ своего убѣжища; но, просидѣвъ цѣлую зиму буквально зарытымъ въ снѣгу и освободившись только къ веснѣ, послѣ продолжительнаго ненастья, онъ нашелъ заточеніе слишкомъ суровымъ и, въ свою очередь, напечаталъ въ газетахъ объявленіе, совѣтовавшее воспользоваться рѣдкимъ случаемъ.

На этотъ разъ въ «Обители» поселился заслуженный профессоръ философіи Дорнбушъ и съ постоянствомъ, достойнымъ истиннаго философа, отнесся къ своему жилищу. Много лѣтъ подрядъ съ большимъ рвеніемъ и малымъ успѣхомъ читалъ онъ лекціи въ провинціальномъ университетѣ; изъ его слушателей не вышло ни одного ученаго, и злые языки утверждали даже, что онъ имѣлъ способность производить величайшую путаницу въ головахъ своей аудиторіи. Выслуживъ пенсію и выйдя въ отставку, профессоръ вздохнулъ свободно; его утомила Сизифова работа изложенія человѣческой мудрости, которая, несмотря на нѣкоторую разницу, все та же въ древніе вѣка, какъ и въ средніе и такъ до нашихъ дней. Все дѣло только въ системахъ. По большей части люди до смѣшного мало интересуются сущностью философіи; на хорошій конецъ они снимаютъ съ нея пѣнки эпикуреизма. Дорнбушъ почувствовалъ большое облегченіе, избавившись отъ необходимости поучать мудрости другихъ и получивъ возможность быть мудрымъ только для себя. На крестьянъ, которые не только жили вдалекѣ, но и

сторонились отъ профессора, его образъ жизни производилъ странное впечатлѣніе: они признавали его очень ученымъ, но чудакомъ. Сначала дѣло было не такъ: любопытство побуждало ихъ интересоваться новымъ отшельникомъ и даже, когда прошелъ слухъ, что онъ докторъ, многіе стали поговаривать, что можно будетъ обращаться къ сосѣду въ случаѣ болѣзни или тяжбы, чтобы не тратиться на фельдшера и адвоката. Но Дорнбушъ не былъ ни докторомъ медицины, ни докторомъ правъ, такъ что не оправдалъ возлагавшихся на него надеждъ, что̀ въ значительной степени охладило сосѣдей. Что же это за докторъ, если не можетъ лѣчить и давать адвокатскихъ совѣтовъ? На что онъ тогда годенъ?

Не мало толковъ возбуждало отношеніе доктора къ дѣтямъ. Да не подумаютъ, что старецъ отдавалъ предпочтеніе хорошенькимъ дѣвочкамъ, прожившимъ на свѣтѣ болѣе тысячи недѣль; нѣтъ, его плѣняли настоящіе ребятишки обоихъ половъ и всѣхъ возрастовъ, грязные и оборванные, въ своемъ натуральномъ видѣ. Сначала крестьянкамъ льстило, что городской баринъ интересуется ихъ отпрысками; онѣ подозрѣвали въ немъ потребность излить на когонибудь отцовскую нѣжность; ихъ удивляло только, что симпатія къ ребенку никогда не выражалась пряникомъ или другимъ гостинцемъ. Нѣкоторымъ удалось подкараулить, какъ профессоръ потихоньку слегка щипалъ и шлепалъ малютокъ, причемъ, съ видомъ полнаго удовлетворенія, сверкая глазами, прислушивался къ ихъ жалобному визгу. Итакъ, странный, непонятный чудакъ оказался просто истязателемъ дѣтей, если не колдуномъ. Всѣ мамаши единодушно рѣшили не давать своихъ дѣтей старому чорту на поруганіе и, встрѣчая его на улицѣ, быстро прятали ребятишекъ, захлопывая двери подъ носомъ профессора. Доктору Дорнбушу нанесенъ былъ тяжелый ударъ: у него отняли матеріалъ для научнаго изслѣдованія,—изслѣдованія, долженствовавшаго составить эпоху въ наукѣ! Плодомъ долгихъ размышленій среди невозмутимой тишины у профессора явилась увѣренность, что до сихъ поръ онъ слишкомъ мало работалъ, и онъ рѣшилъ основательно наверстать потерянное время, котораго теперь у него было достаточно, чтобы создать себѣ безсмертное имя и обезпечить счастье будущихъ поколѣній. Такимъ путемъ онъ хотѣлъ также посрамить неблагодарныхъ современниковъ, по отношенію къ которымъ въ сущности самъ оказывался неблагодарнымъ, такъ какъ, лишивъ его каѳедры, они направили его на стезю славы.

Д-ръ Дорнбушъ давно составилъ себѣ опредѣленный взглядъ на первоначальный языкъ человѣчества и питалъ надежду затмить въ

этой области всѣхъ предшественниковъ и возбудить восторженное удивленіе потомства. Когда у подобнаго ученаго составляется извѣстный взглядъ, на очередь выступаетъ изслѣдованіе. И какъ все идетъ гладко! почти не бываетъ случая, чтобы факты не подтверждали основного положенія; на то онъ и профессоръ или докторъ, или и то и другое вмѣстѣ. Для Дорнбуша было очевидно, что найти основные звуки первоначальнаго языка, не искаженные примѣсью элементовъ другихъ языковъ, можно только у индивидуумовъ, которые не пользовались еще никакимъ языкомъ и у которыхъ орудія рѣчи развиваются одновременно съ потребностью говорить, т.-е. у дѣтей. Онъ съ гордостью убѣдился, что дѣтскій лепетъ блестяще подтверждаетъ его гипотезу объ односложности первоначальныхъ словъ; недоумѣніе, почему начинающіе говорить повторяютъ каждое слово по нѣскольку разъ, скоро также разъяснилось; несомнѣнно, что удвоеніе являлось слѣдствіемъ наслажденія возможностью упражняться въ только что пріобрѣтенной способности рѣчи и стремленія придать болѣе выраженія слову, ради чего плохіе ораторы нерѣдко уснащаютъ свою рѣчь ненужными: «Знаете! Понимаете?» и т. п.

Всѣ выраженія дѣтскаго языка профессоръ объяснялъ научно: радостное ахъ, ахъ, сопровождаемое нѣжными жестами; жалобное ой-ой, тю-тю, когда прячутся; а-а, выражающее естественную потребность; звукъ, вызывающій похвалу со стороны матерей, бо-бо, при ощущеніи боли; объясненіе всѣхъ этихъ звуковъ заняло въ книгѣ доктора о происхожденіи языка цѣлую главу подъ названіемъ «Эстетика дѣтской души».

Всякій здравомыслящій человѣкъ легко себѣ представитъ, какъ глубоко огорченъ былъ профессоръ, когда отъ него стали уносить малютокъ, а для способныхъ владѣть ногами онъ самъ сдѣлался у-у и фи-фи! Бывали минуты, когда страданія достигали такихъ размѣровъ, что старикъ проклиналъ свою холостую жизнь, лишившую его возможности безпрепятственно прослѣдить всѣ стадіи развитія языка, съ перваго крика при вступленіи человѣка въ жизнь. Наконецъ, когда у него явилась мысль объяснить сходство плача грудного ребенка съ кваканьемъ лягушки помощью теоріи развитія, какъ амфибіальную переходную ступень еще въ чревѣ матери, онъ не могъ скрыть отъ себя, что наблюденіе было бы очень важно начать съ перваго момента. Съ грустью останавливался онъ на своемъ безбрачіи и видѣлъ, что тутъ дѣло непоправимо; для достиженія славы придется прибѣгнуть къ посторонней помощи. При этомъ докторъ косо посматривалъ на достойную дѣвицу Зефирину Камм-

гарнъ, занимавшую въ домѣ должность экономки, и неоднократно бормоталъ себѣ подъ носъ что-то о «безполезныхъ существахъ, не исполняющихъ своего единственнаго назначенія».

Въ тотъ самый день, когда съ утра валилъ снѣгъ и сумерки наступили раньше обыкновеннаго, дѣвица Зефирина въ невозмутимомъ спокойствіи стояла у окна и смотрѣла, какъ крутитъ и мететъ на улицѣ, ни мало не подозрѣвая, что профессоръ въ пылу научнаго рвенія ставилъ ей въ упрекъ дѣвическую скромность и съ безсердечіемъ ученаго упрекалъ за слишкомъ мягкое сердце; знай она его мысли, ни минуты не осталась бы подъ однимъ кровомъ съ отвратительнымъ человѣкомъ. Зефирина только что намѣревалась закрыть ставни и подать доктору лампу. На столѣ за ней стояли двѣ лампы, свѣтъ которыхъ отражалъ на снѣгу увеличенный четыреугольникъ окна, перерѣзанный чернымъ крестомъ оконнаго переплета. Достойная дама замѣтила на свѣтломъ пространствѣ темный предметъ; вглядѣвшись съ минуту, всплеснула руками и громко вскрикнула:

«Милосердый Боже, тамъ лежитъ человѣкъ!»

Она остановилась, затаивъ дыханіе, и соображала.

Да, она серьезно соображала и на то было не мало основаній въ ея испуганномъ воображеніи. Человѣкъ, лежавшій наружѣ и прикидывавшійся безпомощнымъ, могъ быть хитрымъ воромъ, который желалъ выманить ее изъ дому, убить и потомъ забраться въ домъ; въ себѣ она не чувствовала силы сопротивленія; она умерла бы отъ страху, коснись ея только злодѣй. А что будетъ тогда съ несчастнымъ старикомъ, который попадетъ въ руки разбойника?!

Ей не хотѣлось разыгрывать роль гусыни, сунувшейся въ лапы хитрой лисицы. Между тѣмъ какъ старая дама припоминала мораль басни, кабинетъ профессора долѣе обыкновеннаго оставался погруженнымъ въ мракъ.

Наконецъ, за спиной экономки съ шумомъ отворилась дверь, и д-ръ Дорнбушъ, споткнувшись на порогѣ, вошелъ въ комнату.

— Зефиринъ, — закричалъ онъ пронзительнымъ голосомъ. — Громъ и молнія...

— Бога ради, г-нъ профессоръ, откуда громъ и молнія въ эту пору!

— ...пусть прогонятъ васъ отъ окна! Вы забываете свои обязанности! Гдѣ моя лампа? Или вы принимаете меня за сову?!

— Помилуй Богъ! Ваша лампа давно готова, г-нъ профессоръ,

но я прошу васъ не считать меня глупою курицей, которая, ничего не видя, ощупью взбирается на насѣсть.

— Да, на что смотрѣть-то?—спросилъ профессоръ, вытягивая шею къ окну.

Экономка указала на смущавшій ее предметъ и сообщила профессору свои опасенія.

— Нѣтъ, это ужъ слишкомъ!—проворчалъ онъ.—Зачѣмъ вы давно не позвали меня?! Вы вотъ здѣсь стоите, а тотъ или та, кто его знаетъ, лежитъ на морозѣ! Пойдемте однако скорѣе, нельзя же терять времени, надо выйти и внести человѣка!

— Но, г-нъ профессоръ, если это разбойникъ?

— Ну, онъ такъ замерзъ, что пока оттаетъ, мы десять разъ успѣемъ связать его.

Дѣвица Зефирина сдѣлала еще попытку отвратить профессора отъ опаснаго предпріятія.

— Ради неба, г-нъ профессоръ, подумайте о своемъ драгоцѣнномъ здоровьѣ! Какъ можно выходить на морозъ въ халатѣ и ермолкѣ!

— Вотъ еще! Тамъ нагрѣемся! — и съ этими словами старикъ вышелъ на дворъ, а оробѣвшая экономка, на которую напалъ еще большій страхъ при мысли остаться одной въ комнатѣ, слѣдовала за нимъ по пятамъ.

— Ну, вотъ вамъ!—ворчалъ профессоръ, когда оба приблизились къ лежавшей безъ чувствъ Себи.—Ну, вотъ вамъ... женщина и всего только!

Д-ръ Дорнбушъ обхватилъ обѣими руками колѣни безчувственной дѣвушки и хотѣлъ приподнять ее; онъ намѣревался взвалить тяжесть себѣ на плечи, причемъ обнаружилъ больше силы, чѣмъ ловкости.

— Милосердый Боже!— стонала Зефирина, вы опускаете ее внизъ головой!

— Ахъ, батюшки!— вскричалъ профессоръ, такъ придержите ноги.

Старушка исполнила приказаніе, но такъ какъ она съ трудомъ поспѣвала за юркимъ профессоромъ, то оба направились къ дому, неровно ступая и встряхивая ношу.

Когда, наконецъ, стукнувъ предварительно дѣвушку нѣсколько разъ головой о дверные косяки, профессоръ уложилъ ее на диванъ, Зефирина, желая разглядѣть незнакомку, нагнулась поближе, изъ устъ ея вырвался крикъ ужаса.

— Милосердый Боже! Въ какомъ положеніи!

Профессоръ широко раскрылъ глаза и уставился на лежащую.

— Гм... я не вижу никакихъ поврежденій; мнѣ кажется, она въ хорошемъ состояніи.

— Конечно, конечно,—сказала Зефирина, стыдливо отворачиваясь,—но... какъ бы это выразиться?... особа находится въ близкомъ ожиданіи материнскихъ радостей!

— Такъ, такъ, такъ! Н-да, это въ высшей степени интересно,—бормоталъ профессоръ.

— Несчастное созданіе,—вздыхала старушка,—что могло побудить ее бросить свое жилище ночью и въ такую погоду? Бѣдность или черствость мужчины?

— Можетъ быть ни то, ни другое,—проворчалъ д-ръ Дорнбушъ, бросая сердитый взоръ въ сторону старой Зефирины.—Позже мы разспросимъ обо всемъ женщину, а вамъ бы лучше было оставить мужчинъ въ покоѣ; они, кажется, васъ не тревожили.

Старушка сдѣлала обиженную мину и усиленно закивала головой...

— Благодарю Бога, благодарю Бога, никогда не подавала имъ повода.

Въ это время Себи пошевельнулась.

— Приходитъ въ себя!—вскрикнулъ профессоръ.

— И то правда! А ужъ я боялась...

— Она была совсѣмъ теплая, когда мы ее несли.

Себи пролежала еще нѣсколько минутъ, плотно сжавъ вѣки, потомъ широко раскрыла глаза и спросила: «Гдѣ я?»

— Успокойтесь, бѣдное дитя,—сказала Зефирина съ достоинствомъ,—вы у добрыхъ людей.

— Не хвалитесь! Предоставьте ей самой составить о насъ мнѣніе, съ нашей стороны скромнѣе будетъ помолчать,—пробурчалъ профессоръ. Когда онъ ворчалъ, то казался всегда суровымъ; дѣвушка, ничего не понявъ изъ его словъ, робко взглянула на старика. Профессоръ опустилъ глаза въ землю, точно внимательно разглядывалъ лежащій на полу предметъ. Онъ сообразилъ, что тактичнѣе будетъ оставить женщинъ на нѣкоторое время однѣхъ.

— Не бойтесь ничего,—продолжала Зефирина, дѣлая руками умоляющій жестъ.—Скажите намъ, кто вы и откуда? Отдохните хорошенько, а тамъ мы пошлемъ за экипажемъ и отвеземъ васъ къ мужу, который, вѣроятно, сильно обезпокоенъ вашимъ отсутствіемъ.

— У меня нѣтъ мужа,—пролепетала Себи.

— Вотъ и прекрасно!—проворчалъ профессоръ.

— У васъ нѣтъ мужа?—повторила экономка,—но какой же тогда... Здѣсь сердитый кашель профессора прервалъ ее, и она продолжала въ менѣе патетическомъ тонѣ:—Несчастная! Есть у васъ, по крайней мѣрѣ, близкіе, у которыхъ вы живете, родители?...

— Они выгнали меня сегодня утромъ изъ дому,—зарыдала дѣвушка.

— Недурно!—потирая руки, сказалъ д-ръ Дорнбушъ.

Себи вскочила съ дивана и бросилась къ двери.

— Пустите меня,—вскричала она,—пустите!... Лучше умру отъ нищеты и позора, но не позволю издѣваться надъ собой.

Профессоръ схватилъ ее за руку и усадилъ съ собой рядомъ на диванъ. Нѣсколько минутъ сидѣли молча бокъ-о-бокъ старый профессоръ и молодая дѣвушка; докторъ гладилъ своею огромною лапой маленькую мягкую ручку съ ямочками; очевидно, такой массажъ облегчалъ душевныя страданія, потому что дѣвушка мало-по малу успокоилась, тихо всхлипывала и по временамъ вскидывала глаза на профессора. Глубоко вздохнувъ нѣсколько разъ, д-ръ Дорнбушъ началъ такую рѣчь:

— Милое дитя мое, вы неправильно поняли слова мои, ваше положеніе, или, вѣрнѣе, состояніе возбуждаетъ во мнѣ особый интересъ; то, что съ вами случилось, можетъ случиться со всякимъ земнымъ существомъ, понятно genetis feminini, женщиной, хочу я сказать, и можетъ считаться несчастіемъ только при ненормальности соціальныхъ условій, съ общественной точки зрѣнія, хочу я сказать. По моему мнѣнію, подобный результатъ естественнаго процесса не можетъ служить ни къ потерѣ, ни къ возвеличенію чести; отсюда логическій выводъ, что мнѣ и въ голову не могло прійти издѣваться надъ вами.

Зефирина всплеснула руками, а дѣвушка, широко раскрывъ глаза, смотрѣла на профессора.

Тихо выдернула она руку и прошептала со вздохомъ:

— Если я васъ правильно понимаю, больше по тону, чѣмъ по словамъ, очень ужъ по ученому говорите, дорогой господинъ, вы хотите меня немножко утѣшить, потому вѣрно, что вамъ жаль меня, да вознаградитъ васъ за это Богъ; а сначала вы наговорили мнѣ обидныхъ словъ.

Д-ръ Дорнбушъ замахалъ рукой, точно хотѣлъ всѣми пятью пальцами отогнать непріятное недоразумѣніе.

— Мы научимся понимать другъ друга, а «по ученому» я совсѣмъ не буду съ вами говорить. Возвращаюсь къ вашей обидѣ; я долженъ предупредить васъ, милое дитя, что не мало времени

пройдетъ, прежде чѣмъ вы поймете причину моего особаго участія къ вамъ; во мнѣ нѣтъ состраданія, жалости вы также не возбуждаете, это имѣло бы смыслъ, еслибъ я сожалѣлъ о случившемся; тогда какъ, наоборотъ, in hoc casu меня радуетъ невозможность in pristinum statum что-нибудь измѣнить.

Экономка захихикала, даже дѣвушка показала свои бѣлые зубки. Старикъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на обѣихъ.

— Опять говорите «по ученому», г-нъ профессоръ,—засмѣялась Зефирина.

— Гм...да!—проворчалъ, покачивая головой, д-ръ Дорнбушъ.—Ну, и не важно, если она чего-нибудь не поняла; но она только что сказала, что я наговорилъ ей обидныхъ словъ.—Онъ обернулся къ Себи и ласково поглядѣлъ ей въ глаза.—Какія же это слова?

— Господинъ,—сказала дѣвушка, складывая на груди руки и уставляясь въ полъ:—когда я сказала, что у меня нѣтъ мужа, вы закричали: «Вотъ и прекрасно!» А когда я разсказала, что родители прогнали меня изъ дому, вы замѣтили, что это недурно. Изъ этихъ словъ я поняла, что вы осуждаете меня и одобряете моихъ родителей.

— Совершенно невѣрно! Мнѣ пріятно было слышать, что вы не замужемъ и что родители отказались отъ своихъ правъ на васъ, такъ что никто не отыметъ васъ у меня, если я поселю васъ здѣсь.

— Милосердый Боже!—вскричала, всплеснувъ руками, старая экономка,—вы этого не сдѣлаете, г-нъ профессоръ!!

— Непремѣнно сдѣлаю!—сухо отвѣтилъ Дорнбушъ.

— Нѣтъ, это шутки, — настаивала Зефирина. — Подумайте только! Такія хлопоты! Такое неприличіе! Нѣтъ, послѣ этого я ни минуты не останусь въ домѣ.

— Вотъ какъ!—вскричалъ профессоръ, быстро вскочилъ съ дивана, вплотную подошелъ къ старушкѣ и крикнулъ ей въ лицо:

— Вотъ какъ! И прекрасно, уходите!

Испуганная старушка скрестила руки и беззвучно пролепетала:

— Но, уважаемый, досточтимый профессоръ, подумайте о своей славѣ.

— Славѣ? Что такое слава? О какой славѣ говорите вы?— закричалъ профессоръ, отчаянно жестикулируя въ воздухѣ и по временамъ ударяя себя правой рукой въ грудь.—Добромъ имени, хотѣли вы, вѣроятно, сказать? Увольте меня отъ подобныхъ дурачествъ! Я благодарю Бога, что счастливый случай привелъ ко мнѣ въ домъ молодую особу, которая дастъ мнѣ возможность продолжать свои изслѣдованія и приблизиться къ желанной цѣли, и никакіе

глупые пересуды и дурацкіе толки не могутъ помѣшать мнѣ, потому что я знаю одну только славу, славу въ неуклонномъ стремленіи по пути къ наукѣ, которой я, не задумываясь, пожертвую всѣмъ остальнымъ.

Семейная буря, гдѣ докторъ изображалъ громъ, а глаза огорченной старушки тихо роняли крупныя капли дождя, сильно смущала невольную виновницу происшедшаго. Она не разъ порывалась закричать раздраженнымъ людямъ, что вовсе не желаетъ смущать ихъ покоя и вносить раздоръ въ мирную обитель, чтобы пустили ее идти своей дорогой, на всѣ четыре стороны.

Но громъ скоро затихъ и дождь унялся. Профессоръ въ смущеніи увѣрялъ, что ему безконечно совѣстно, что онъ позволилъ себѣ, несмотря на преклонные годы, такъ недостойно увлечься гнѣвомъ, а старая Зефирина, тяжело вздыхая, признавала себя кругомъ виноватой и сознавала, что женщины никогда не умѣютъ съ должнымъ пониманіемъ отнестись къ серьезнымъ занятіямъ ученаго. Профессоръ милостиво улыбнулся. Въ первую минуту сознанія собственнаго превосходства у него чуть не сорвалась съ языка поговорка о свиньѣ и апельсинахъ, но онъ вò-время одумался и, благодушно кивая головой, проговорилъ:

— «Пѣтухъ нашелъ жемчужное зерно и говоритъ, куда оно?»

Старушка улыбнулась, чего, конечно, не могло бы случиться при первомъ сравненіи.

Она поспѣшила приготовить гостьѣ постель, затопила печь и посовѣтовала Себи поскорѣе лечь отдохнуть.

Съ этихъ поръ въ «Обители» водворилось новое существо. Скоро обнаружилось, что опасенія доброй старушки были неосновательны, и жертвы, которую г. профессоръ, д-ръ Дорнбушъ собирался принести наукѣ, въ погонѣ за славой, не потребовалось; никто и не думалъ посягать на его доброе имя. Ученый старикъ стоялъ въ глазахъ крестьянскаго населенія не выше, а ниже всякаго подозрѣнія. Водвореніе Себи только утвердило крестьянъ въ убѣжденіи, что «г. профессоръ очень ученый человѣкъ, но несомнѣнно круглый дуракъ». Въ деревнѣ не мало трунили надъ старикомъ и утверждали, что за благодѣяніе онъ будетъ вознагражденъ сторицею: къ нему со всей окру́ги понесутъ дѣтей отъ неизвѣстныхъ отцовъ. Но ужъ вотъ когда вся деревня надорвала животы: крестьянинъ, привозившій въ «Обитель» акушерку, разсказалъ, что женщинамъ съ большимъ трудомъ удалось прогнать изъ комнаты родильницы старика, который кричалъ и шумѣлъ, настаивая, что человѣкъ науки имѣетъ право наблюдать природу въ самой ма-

стерской. Деревенскій неучъ толковалъ такой протестъ со стороны ограниченнаго въ своихъ правахъ ученаго самымъ грубымъ, понятнымъ ему и его слушателямъ образомъ. Въ «Обители» появился на свѣтъ мальчикъ. Мать и ребенокъ чувствовали себя прекрасно, первая, повидимому, даже лучше послѣдняго, который точно предчувствовалъ, что съ юныхъ лѣтъ будетъ объектомъ научныхъ изслѣдованій.

Пока малютка представлялъ изъ себя матеріалъ для изученія происхожденія языка, т.-е. пока онъ безсвязно лепеталъ, д-ръ Дорнбушъ постоянно и неутомимо занимался имъ; но когда ребенокъ началъ говорить, тогда вниманіе профессора перешло съ малютки на мать.

Онъ находилъ, что Себи похорошѣла съ тѣхъ поръ, какъ поселилась у него въ домѣ; была здорова и весела, тѣмъ не менѣе, глядя на нее, профессоръ грустно покачивалъ головой. Когда она уходила отъ него, старикъ почесывалъ за ухомъ и ворчалъ о легкомыслiи, благодаря которому уходитъ драгоцѣнное время. Даже самому безобидному человѣку приходится страдать отъ женскаго коварства! Никогда-то онѣ сами не догадаются, чего отъ нихъ желаютъ. Дѣлать нечего, придется самому завести разговоръ! Что значитъ маленькая неловкость, которую придется испытать обоимъ, въ сравненіи съ крупными потерями, какія несетъ наука вслѣдствіе перерыва въ занятіяхъ.

Въ одно прекрасное воскресенье, послѣ обѣда, докторъ рѣшился переговорить съ Себи. Зефирина съ ранняго утра уѣхала въ городъ навѣстить старую пріятельницу, и ея отсутствіе было очень на руку старому профессору, потому что онъ никогда не встрѣчалъ содѣйствія въ своихъ научныхъ стремленіяхъ со стороны ограниченной, безсердечной старой дѣвы; не она ли кричала во все горло и отчаянно охраняла двери, когда профессоръ хотѣлъ воспользоваться исключительно благопріятнымъ случаемъ, чтобы уловить первый крикъ человѣка, какъ моментъ происхожденія языка. Упущеніе, при воспоминаніи о которомъ сердце профессора обливалось кровью, и чего онъ рѣшилъ не допускать въ другой разъ ни подъ какимъ видомъ. Какъ ни былъ убѣжденъ докторъ въ необходимости сдѣлать самому первые шаги, онъ все-таки долженъ былъ сознаться, что облекать абстрактныя понятія въ самыя замысловатыя формы несравненно легче, чѣмъ изложить свои конкретные планы и желанія молодой женщинѣ, такъ скромно и довѣрчиво сидѣвшей передъ нимъ; хотя ея широкій, добродушный ротъ и говорилъ о голубиной кротости, но зато глаза блестѣли скорѣе змѣиной муд-

ростью. Себи спустила ребенка съ колѣнъ и принялась убирать со стола посуду, но старикъ остановилъ ее за руку и посадилъ на стулъ:

— Останьтесь, Евсевія!

Она усѣлась въ выжидательной позѣ и молча глядѣла на него. По виду Себи ничѣмъ не отличалась отъ другихъ молодыхъ крестьянокъ, да и чувствовала она себя въ случайномъ убѣжищѣ деревенской женщиной, на время оставшейся безъ мужа. Нельзя сказать, чтобы это составляло для нея лишеніе и, вообще, мирная жизнь въ тихомъ домикѣ была ей по вкусу.

— Мы одни, Себи,—началъ профессоръ.

Насмѣшливо-плутовской взглядъ и веселое удивленное личико разомъ замкнули уста оратора. Плутовка низко нагнулась подъ столъ и потянула двумя пальцами край башмака, точно желая удостовѣриться, плотно ли онъ сидитъ. Изъ-подъ стола раздавалось негромкое хихиканье.

— Мнѣ надо поговорить съ вами,—продолжалъ старикъ.

Онъ высоко поднялъ брови, сдѣлалъ серьезное лицо и утвердительно кивнулъ головой.

— Я глубоко признателенъ вамъ, Себи, и вполнѣ сознаю, что у васъ въ долгу.

Молодая мать бросила на старика взглядъ, полный неподдѣльнаго изумленія.

— Это для меня новость! А вотъ я такъ взаправду вамъ благодарна до глубины моего сердца за то, что вы приняли меня и до сихъ поръ держите насъ обоихъ съ малюткой.

— Пустыя слова!—оборвалъ профессоръ.

Себи обиженно замолчала, сняла правую руку со стола, а лѣвой оперлась о спинку стула, собираясь подняться.

— Сидите,—проворчалъ докторъ.—Вы меня не поняли. Я говорилъ, что очень признателенъ вамъ и вотъ тому.

Онъ указалъ на ребенка. Себи энергично закручивала край фартука и не измѣняла опечаленнаго лица.

— Тому, можетъ быть,—сказала она, передернувъ плечами и мотнувъ головой въ сторону сидѣвшаго на полу ребенка.—Съ нимъ вы немного забавлялись, не знаю ужъ для науки или просто для удовольствія, это не мое дѣло! Ребенокъ, можетъ быть, и заслужилъ чѣмъ-нибудь ваше расположеніе, но чѣмъ я вамъ угодила, не знаю, вы долгое время на меня совсѣмъ не обращали вниманія.

— Ну, да, совершенно вѣрно,—подтвердилъ старикъ.—Вы сами по себѣ не представляете объекта, входящаго въ область мо-

ихъ наблюденій, но вамъ я обязанъ тѣмъ, что у меня въ домѣ появился желанный объектъ; вамъ я безконечно благодаренъ за то, что вы довѣрили моимъ попеченіямъ себя и ребенка.

— Пустыя слова!—передразнила Себи профессора, но сама испугалась своей дерзости и низко нагнула голову подъ столомъ.

— Нѣтъ, не пустыя слова,—съ жаромъ подхватилъ Дорнбушъ.—Я знаю, что̀ вы для меня сдѣлали и чѣмъ я вамъ обязанъ.

Это было слишкомъ для слабаго ума простой дѣвушки.

Человѣкъ благодаритъ за то, чѣмъ пользовался другой.

— Господи Боже мой, г. профессоръ, я сама понимаю, что плохо поступила, и вы спасли меня отъ большого несчастія.

Профессоръ замахалъ на нее руками.

— Не уклоняйтесь, Евсевія,—сказалъ онъ, наморщивъ лобъ.—Дѣло серьезное. Ребенокъ вышелъ изъ того возраста, когда могъ служить объектомъ науки и вотъ теперь...

Себи помертвѣла, лицо мгновенно покрылось блѣдностію, и она со страхомъ уставилась на профессора. Онъ понялъ, что̀ происходило въ душѣ бѣдной дѣвушки, которая подумала, что ее гонятъ изъ дому.

Старикъ добродушно потрепалъ руку дѣвушки и сказалъ:

— Пугаться нечего. Вотъ въ двухъ словахъ, что я имѣлъ сообщить вамъ,—онъ протянулъ руку къ ребенку,—намъ нуженъ другой.

Какъ пораженная молніей, склонилась Себи на столъ. Кровь залила ея лицо до корней волосъ. Нѣсколько минутъ спустя, она медленно подняла голову и откинулась къ спинкѣ стула. Долго сидѣла дѣвушка съ опущенными вѣками, по временамъ на секунду вскидывала ихъ и устремляла взоръ на профессора, потомъ снова крѣпко зажмуривалась. Наконецъ, точно рѣшившись, энергично выпрямилась, взяла обѣими руками правую руку доктора и сіяющими глазами посмотрѣла ему въ лицо.

— Простите,—сказала она, искусственно веселымъ голосомъ, который точно съ трудомъ выходилъ изъ горла,—простите, нескромный вопросъ,—она снова запнулась, повернула голову всторону, отняла свои руки и тихо пробормотала: — Кто же будетъ отцомъ?

— Да, въ самомъ дѣлѣ,—бормоталъ профессоръ Дорнбушъ,—безъ него не обойдешься; но его личность для меня совершенно безразлична.

Себи встала и повернула къ ученому спину.

— Это ужъ слишкомъ! Говорить въ глаза такія безстыдныя вещи!

Она схватила на руки ребенка и сердито ворча вышла изъ комнаты. Д-ръ Дорнбушъ стоялъ въ величайшемъ смущеніи; нѣчто подобное онъ испыталъ въ тотъ моментъ, когда получилъ бумагу объ отставкѣ.

Нахмуривъ брови и плотно стиснувъ зубы, шла Себи по саду. Еслибъ она не уставилась въ землю, то уже давно замѣтила бы около забора красную куртку крестьянскаго парня, который улыбался ей во весь ротъ.

— Себи,—окликнулъ онъ.

— Мать Пресвятая Богородица, Флоріанъ!— закричала она и быстрыми шагами приблизилась къ забору.

— Ну, какъ поживаешь?—спросилъ онъ.—Какъ твои дѣлишки?

— Жаловаться не на что! И тебя поблагодарить не за что. Довольно было времени,—можно было, кажется, о насъ справиться.

— Послушай, Себи,—сказалъ парень, но вдругъ остановился и, широко раскрывъ ротъ, весело взглянулъ на ребенка.—Вотъ онъ каковъ!

— Да, вотъ каковъ! Но ты не стоишь, чтобы онъ смотрѣлъ на тебя.

Себи обернула ребенка такъ, что его мордочка пришлась у нея на плечѣ и глядѣла въ садъ.

— Не дурачься, Себи! Я очень стою того, чтобъ онъ на меня посмотрѣлъ! Дай взглянуть на ребенка, говорятъ тебѣ! Что это за мать, которая не даетъ отцу взглянуть на ребенка!

— На, пользуйся,— вскричала Себи и бросила ему на руки барахтающагося мальчугана.—Тотъ не замедлилъ стащить съ головы отца шапку, вцѣпился ему въ волосы и намѣревался ткнуть пальцемъ въ глазъ.

Парень быстро поставилъ ребенка на землю и принялся вытирать... не слезы умиленія отъ избытка родительскихъ чувствъ.

— Нехорошо, нехорошо,—бормоталъ онъ.

— Что дѣлать! Мальчуганъ и весь въ тебя!— смѣялась молодая женщина.

Ребенокъ, поставленный на землю по ту сторону забора и отдѣленный отъ матери, поднялъ отчаянный ревъ.

— Сейчасъ подыму,— утѣшалъ Флоріанъ,— сейчасъ; будь умникъ и поцѣлуй меня!

Съ этими словами онъ взялъ мальчика на руки.

— Поцѣлуй покрѣпче,—сказала мать ребенку.

Тотъ схватилъ отца за щеки, мазнулъ мокрымъ носомъ по губамъ и по подбородку и вытеръ башмачки о красную куртку.

— Ну, иди къ матери,—сказалъ парень и быстро перекинулъ ребенка за заборъ.

— Что, или ужъ надоѣлъ? Вотъ вы всегда такъ, мужчины! Всѣ заботы свалятъ на насъ, а вамъ и горюшка мало. Какъ ты не обошелъ за версту домъ? Видно нечаянно попалъ, не ожидалъ, что я тутъ.

— Нѣтъ, Себи! Еслибъ я не зналъ, что ты здѣсь, то и не пришелъ бы сюда. Клянусь тебѣ честью, что я дня не былъ спокоенъ, съ тѣхъ поръ какъ ты пропала изъ нашей деревни.

При этомъ онъ прижалъ къ груди такихъ размѣровъ руку, что прикрылъ ею не только сердце, но и всѣ сосѣдніе органы.

— Я не могъ забыть тебя,—продолжалъ онъ,—и не зналъ, какъ найти. Спрашивать не смѣлъ,—ты, помнишь, сама не велѣла. Ужъ лучше бы тогда же сознаться родителямъ: ну, вздулъ бы отецъ, мать бы поругала—только и всего! А тамъ гнѣвъ прошелъ бы и дали бы согласіе. Эка штука встрепка! Ты, вѣдь, сама не согласилась. Вотъ и пришлось терпѣть и ждать!

— Не больно мнѣ хотѣлось подставлять горбъ подъ палку. И то сказать, было бы изъ-за чего терпѣть. А то дай себя вздуть, чтобы получить мужа, который самъ будетъ драться.

— Никогда, никогда, Себи! Не такой я человѣкъ. Вчера вечеромъ отецъ сказалъ словечко, которое навело меня на твой слѣдъ. Ну, сегодня ни свѣтъ, ни заря пустился я въ путь, да такъ шелъ, что и сейчасъ подошвы горятъ.

— Ну, и что же дальше?

— Что же дальше? Странный вопросъ. Я хотѣлъ сказать тебѣ, что не желаю больше ждать и очень жалѣю, что столько времени мы прожили врозь, потому что ты не соглашалась сдѣлать по-моему и боюсь, что опять заупрямишься.

— Будь покоенъ, все уладится,—сказалъ неожиданно позади нихъ голосъ.

Профессоръ Дорнбушъ подкрался незамѣтно. Онъ чувствовалъ настоящую потребность объясниться съ невольно обиженной имъ Себи, и съ этою цѣлью послѣдовалъ за ней въ садъ, гдѣ сначала невольно, потомъ въ интересахъ науки подслушалъ интимное объясненіе.

— Это тотъ самый?—спросилъ онъ, указывая на парня.

— Тотъ самый,—отвѣтила дѣвушка, утвердительно кивнувъ головой.

— Вотъ и прекрасно. Явился точно по зову. Настоящій deus ex machina.

— Ничего во мнѣ нѣтъ особеннаго, господинъ!—скромно возразилъ Флоріанъ.

Профессоръ велѣлъ парню перелѣзть черезъ заборъ, затѣмъ повелъ молодыхъ людей въ домъ.

Старикъ усадилъ ихъ на диванъ, самъ сѣлъ между ними и сталъ излагать, какъ они могутъ помочь ему въ достиженіи цѣли и оказать на будущее время поддержку въ научныхъ занятіяхъ. Онъ говорилъ такъ краснорѣчиво, что молодые люди предались мечтамъ о будущемъ счастіи,—не менѣе, чѣмъ самъ ораторъ, мечтамъ о славѣ и почестяхъ на научномъ поприщѣ.

Д-ръ Дорнбушъ объявилъ далѣе, что съ этой минуты молодой человѣкъ поступаетъ въ домъ въ качествѣ садовника; дѣло съ родителями профессоръ берется уладить самъ, принимаетъ на себя расходы по свадьбѣ, наконецъ отказываетъ по завѣщанію дѣтямъ молодой четы «Обитель» и все свое состояніе, подъ однимъ условіемъ,—выплачивать пожизненную пенсію одной престарѣлой родственницѣ и достойной Зефиринѣ, еслибъ старыя дамы пережили профессора.

Флоріанъ и Себи, въ порывѣ благодарности, увѣряли старика, что будутъ усердно молить Бога отозвать изъ міра раньше престарѣлыхъ дамъ.

Поздно вечеромъ, когда Зефирина возвратилась домой и услыхала о случившемся, она не знала, чѣмъ больше огорчаться, тѣмъ ли, что въ домѣ появился молодой мужчина, или тѣмъ, что онъ долженъ исполнять двусмысленныя обязанности. Старушка находила, что быстрые успѣхи профессора въ научныхъ изслѣдованіяхъ принимали неприличный характеръ; но она по опыту знала, что всякія возраженія приводятъ упрямаго старика въ ярость; поэтому ограничилась только замѣчаніемъ, что устройство образцоваго садоводства можетъ навлечь на профессора насмѣшки и повредить его доброму имени, тѣмъ болѣе, что самъ парень увѣряетъ, будто ничего не смыслитъ въ садоводствѣ.

— Что мнѣ за дѣло до сада,—заворчалъ профессоръ.—Садъ дѣло второстепенное; пусть сажаетъ капусту и другія овощи для домашняго обихода (праздныя слова,—не въ овощахъ было дѣло!). Что касается молодого осла, пусть помолчитъ о томъ, чего не смыслитъ; оффиціально онъ долженъ имѣть какое-нибудь мѣсто въ домѣ; въ дѣйствительности же онъ будетъ жить здѣсь *ради науки*.

II.

Корзинщица Катерина.

По улицѣ, ведущей изъ лѣсу въ деревню, во весь духъ мчался крестьянскій мальчикъ. Его короткія, худыя ноги подымали тучу пыли, которая, благодаря полной тишинѣ, постоявъ нѣкоторое время на мѣстѣ, снова падала на землю. Изъ крайней избы мальчика окликнула женщина:

— Эй, Луизль, куда спѣшишь? Куда-а-а?

Мальчикъ остановился.

— Къ старостѣ!—прогнусилъ онъ.

— Что случилось?

Луизль показалъ назадъ, на дорогу, откуда пришелъ, и сдѣлалъ выразительный жестъ рукой.

— Корзинщицу Катерину нашли въ лѣсу убитой!

— Пресвятая Бородица!—вскричала крестьянка.—Что ты говоришь?! Какъ же это такъ?! Кто-жъ это надѣлалъ?!

Но мальчикъ уже скрылся въ облакѣ пыли.

Полчаса спустя, вся деревня знала, что корзинщицу Катерину нашли въ лѣсу убитой. Ея трупъ лежалъ въ кустарникѣ, окаймлявшемъ пѣшеходную тропинку. Староста не велѣлъ трогать мертваго тѣла до пріѣзда судебной коммиссіи, которая должна была осмотрѣть мѣсто преступленія. Никому не хотѣлось трогать старуху, потому что и при жизни не было охотниковъ водить съ ней компанію. Возбужденное состояніе деревни объяснялось частію страхомъ, который невольно испытываетъ каждый при вѣсти о кровавомъ преступленіи, частію любопытствомъ, которое толкаетъ человѣка, почти противъ воли, раскапывать до мелочей страшныя происшествія.

Жертва преступленія на этотъ разъ не возбуждала ни въ комъ ни малѣйшаго сочувствія. Грубые люди говорили просто: «Туда и дорога старой вѣдьмѣ!» Мягкосердечные, съ христіанской душой, выражались сдержаннѣе: «Ужасное происшествіе,—говорили они,—одно утѣшительно, что бѣда случилась не съ хорошимъ человѣкомъ, а съ корзинщицей Катериной; такъ или иначе деревнѣ надо было отъ нея отдѣлаться». Состраданіе было на сторонѣ преступника, потому что даже тѣ, которые склонны были смотрѣть на его преступленіе какъ на подвигъ, не сомнѣвались, что законъ за это не похвалитъ.

Если ненайденный убійца возбуждалъ къ себѣ тайныя симпа-

тіи, тѣмъ болѣе сказались онѣ, когда личность его была вполнѣ установлена.

Судебная коммиссія изслѣдовала пѣшеходную тропинку, которая, подобно многимъ другимъ, вела къ мѣсту преступленія, извиваясь среди кустарника до самой вершины горы, гдѣ пропадала въ вѣковомъ лѣсу. Невдалекѣ отъ опушки лѣса найдена была убитая; она лежала ничкомъ, верхней частью туловища въ кустахъ, но легко было догадаться, что ее туда не оттащили; старуха свалилась, вѣроятно, съ одного удара. Ударъ былъ нанесенъ сзади и съ необычайной силой; онъ проломилъ заднюю часть черепа, потомъ, скользнувъ вбокъ, образовалъ зіяющую рану вплоть до виска, что̀ давало основаніе предположить, что ударъ былъ нанесенъ орудіемъ, имѣвшимъ тупой конецъ въ соединеніи съ заостреннымъ, какъ у молотка. Безусловно смертельный ударъ, раздробившій черепъ, былъ причиненъ тупымъ концомъ, рана же произошла случайно отъ скользнувшаго по головѣ острія. Окоченѣвшій трупъ старухи, заиндевѣлое платье, холщевый мѣшокъ со съѣстными припасами, мѣсто и способъ преступленія — все привело къ выводу, что старуху подкараулили наканунѣ вечеромъ съ цѣлью убійства.

У слѣдователей обыкновенно глаза проницательные, не нуждающіеся въ очкахъ. Раньше, чѣмъ кому-либо изъ присутствующихъ пришло въ голову попристальнѣе взглянуть на дорогу, члены судебной коммиссіи тщательно изслѣдовали путь, по которому шли. Грунтъ былъ песчаный; наканунѣ вечеромъ шелъ дождь, ночью подморозило, утромъ снова была оттепель, и рѣзкій вѣтеръ, вытянувшій влагу, открылъ слабые слѣды ногъ. Отъ подошвы горы до мѣста, гдѣ нашли трупъ, слѣдовъ совсѣмъ не было; дальше до лѣса ихъ было три пары: двое, обращенные носками къ мѣсту преступленія и одни въ обратномъ направленіи; изъ этого слѣдовало, что убійца пришелъ изъ лѣсу, подкараулилъ старуху, когда она спускалась съ горы въ деревню, и тѣмъ же путемъ возвратился назадъ. Позже это предположеніе оправдалось.

Слѣдователей особенно поразили обратные слѣды убійцы: это были тяжелые шаги человѣка, возвращающагося съ трудной дневной работы, совсѣмъ непохожіе на слѣды преступника, убѣгающаго отъ мѣста преступленія. Войдя въ глубь лѣса, судебная коммиссія попала на узкую тропинку среди самой чащи, вскорѣ тропинка вывела на поляну, гдѣ стоялъ маленькій домикъ, изъ трубы котораго подымался дымокъ. Все дышало глубокимъ миромъ и спокойствіемъ. Тропинка шла по лугу, мимо каменной часовни, гдѣ

стояла статуя Богоматери, украшенная поблекшими цвѣтами; къ задней стѣнѣ ниши прислонена была сломанная кирка; въ желѣзѣ торчали еще обломокъ дерева, другая часть валялась рядомъ; на желѣзѣ замѣтны были слѣды крови; на деревянной части можно было различить выжженную мѣтку Г. Б.

Любопытные, сопровождавшіе слѣдственную коммиссію, всплеснули руками отъ удивленія: «можно ли такъ неосмотрительно бросать орудіе преступленія, точно ненужный инструментъ!»

Однако они смущенно переглянулись, когда руководившій слѣдствіемъ членъ коммиссіи спросилъ, не могутъ ли они назвать хозяина инструмента. Только послѣ вторичнаго вопроса послѣдовалъ отвѣтъ:

— Это кирка Генриха Бруннера, передъ домомъ котораго мы стоимъ.

Чиновникъ отдалъ двумъ полицейскимъ приказъ арестовать крестьянина и, когда тѣ направились къ дому, обратился къ окружающимъ съ разспросами о личности, занятіяхъ и образѣ жизни преступника.

Большинство объявило, что такъ какъ теперь все открылось, то надо прямо сказать, что это дѣло Бруннера.

Чиновникъ освѣдомился объ основаніи и причинѣ такого единодушнаго мнѣнія.

— Да, да, нечего и толковать! Ужъ много лѣтъ Генрихъ Бруннеръ и корзинщица Катерина открыто враждуютъ! Дѣло началось еще, когда Бруннеръ былъ молодымъ парнемъ, а Катерина уже зрѣлой дѣвицей, лѣтъ на семь старше его; очень ужъ она липла къ парню, а онъ на нее и глядѣть не хотѣлъ. Вотъ со зла она, гаданьями да ворожбой, отвела отъ него невѣсту, такъ что ему пришлось жениться на другой, похуже. Такую же штуку потомъ сыграла она съ сыномъ Бруннера. Ну, само собой, онъ не разъ пытался ей отплатить, но ничего не удавалось: старуха только больше злилась и усугубляла свои продѣлки. Не разъ предостерегали его отъ вѣдьмы; вѣрнѣе сказать, что нѣтъ въ округѣ человѣка, который бы чего-нибудь не посовѣтовалъ Бруннеру. Говорили, чтобы при встрѣчѣ со старухой онъ перекрестилъ ее, прочелъ молитву отъ бѣсовъ, повѣсилъ на двери дома плаунъ-траву, въ конюшнѣ прибилъ подкову, разузналъ волшебныя заклинанія и читалъ ихъ на ночь, передъ отходомъ ко сну. Но съ нимъ ничего не подѣлаешь,— хотѣлъ жить своимъ умомъ, добрыхъ людей не слушалъ! Когда, полтора года тому назадъ, онъ свелъ старуху въ судъ за поджогъ, вся деревня перетрусила. Да и чего хотѣлъ онъ добиться въ су-

дѣ? Положимъ, ни одинъ свидѣтель не сказалъ о корзинщицѣ ничего хорошаго, но и худое боялись говорить. А кромѣ того у нея есть секретъ отводить глаза судьямъ и выходить сухой изъ воды. И тутъ ее выпустили на свободу, потому что не было уликъ. Послѣ этого она накликала на голову Бруннера постоянныя несчастія, такъ что для всѣхъ стало очевиднымъ, что дѣло кончится плохо. Ну, такъ и вышло; бѣдный старикъ, да проститъ ему Господь, не могъ иначе отдѣлаться отъ вѣдьмы!

Чиновникъ пожалъ плечами и сдѣлалъ видъ, что не вѣритъ розсказнямъ о чародѣйствѣ старухи. Онъ пошелъ далѣе и далъ замѣтить свое недовѣріе, вслѣдствіе чего съ этихъ поръ встрѣчалъ только умышленное молчаніе, недомолвки и уклончивые отвѣты. Крестьяне какъ-то съежились и отошли въ сторону; если кто изъ парней или дѣвушекъ выскакивалъ впередъ, его тащили за рукавъ; между собой вели негромкій разговоръ, жалѣли Бруннера. Ну, какъ ему придется за чертовку расплачиваться, какъ за хорошаго человѣка! Однако надѣялись, что послѣ смерти она утратила силу вредить людямъ и отводить глаза судьямъ, такъ что милосердые господа не будутъ на этотъ разъ ослѣплены и разсудятъ дѣло милостиво и справедливо. Вдругъ всѣ замолчали и, вытянувъ шеи въ одномъ направленіи, зашептали: «Господи, Іисусе, ведутъ!»

Посреди двухъ полицейскихъ шелъ широкоплечій, сильный на видъ старикъ; онъ, не переставая, вертѣлъ въ рукахъ шляпу. Сѣдые, коротко остриженные волосы спускались на низкій лобъ; лицо съ приплюснутымъ носомъ было необычайно плоско, кожа блестѣла, точно отполированная, онъ все время хлопалъ глазами и повременамъ открывалъ ротъ; въ общемъ, старый крестьянинъ имѣлъ очень простоватый видъ.

Приблизившись къ толпѣ любопытныхъ, онъ привѣтствовалъ ихъ словами: «Да будетъ имя Господне благословенно во вѣки!» Нѣкоторые по обычаю отвѣтили: «Аминь!»

— Такъ-то, любезные земляки,—продолжалъ онъ,—семьдесятъ одинъ годъ прожить на свѣтѣ и вдругъ такая бѣда!

Чиновникъ велѣлъ ему прекратить разговоры съ крестьянами и отвѣчать только членамъ слѣдственной коммиссіи.

— Да, да, да!—забормоталъ Бруннеръ.—Вотъ я тутъ! Чего же еще надо? Что же дальше будетъ?

Слѣдователь показалъ на сломанную кирку.

— Это ваше орудіе?

— Сохрани Господи! Ей-Богу!

— Гм... однако крестьяне признали кирку. И буквы Г. Б. подтверждаютъ тоже. Вы, можетъ быть, назовете ея хозяина?

— Не надо слишкомъ скоро рѣшать вопросъ. Ошибиться нетрудно. Я хочу сказать, что изломанную и брошенную вещь нелегко признать. Можетъ, прежде она и была моей.

— Ну, и прекрасно. Теперь постарайтесь припомнить, сами ли отдали кому-нибудь кирку, или она у васъ пропала?

— Простите, милостивый господинъ, о чемъ вы? Мнѣ что-то невдомекъ.

— Что вы ее продали, подарили или отдали на время?

— Право, не могу сказать. Не припомню.

— Отдали вы ее по доброй волѣ или она была украдена?

— Все можетъ быть. Ну, право, не припомню!

— Когда вы ее въ послѣдній разъ видѣли или брали въ руки?

— Ей-Богу, не помню. Что-то не примѣтилъ.

— Вчера брали вы ее съ собой?

— Вчера? Почему именно вчера?

— Но, вѣдь, вчера вы уходили изъ дому?

— Я?—Конечно! Нашъ братъ каждый день уходитъ изъ дому.

— Куда же вы ходили?

— Господи, куда ходилъ! Съ хозяйствомъ цѣлый день бродишь. Изъ конюшни въ поле, съ поля въ конюшню, въ житницу; куда прежде, куда послѣ и не припомнишь, досугъ ли объ этомъ думать! Не гнѣвайтесь, милостивый господинъ, что нескладно отвѣчаю на ваши вопросы,—голова слаба стала, вѣдь ужъ на восьмой десятокъ перевалило. Я ничего не знаю. Напрасно будете со мной трудиться, я ничего не знаю!

— Хорошо, Бруннеръ,—оборвалъ чиновникъ.—Мы постараемся помочь вашей памяти.

Онъ сдѣлалъ полицейскимъ знакъ, чтобъ увели старика. Крестьяне вознамѣрились примкнуть къ кортежу; они обступили Бруннера, утѣшали и ободряли его, нѣкоторые хотѣли даже увести его, но полицейскіе положили конецъ безпорядкамъ и, чтобы придать больше значенія словамъ, выразительно показали на оружіе. Итакъ, одна часть любопытныхъ поплелась въ нѣкоторомъ отдаленія, другая, пропустивъ слѣдственную коммиссію впередъ, примкнула къ ней.

Достигнувъ деревни, полицейскіе сѣли въ телѣжку, посадивъ между собою Бруннера. Они проѣхали деревней; крестьяне смотрѣли имъ вслѣдъ частью съ любопытствомъ, частью съ полнымъ равнодушіемъ до тѣхъ поръ, пока телѣжка не скрылась изъ глазъ.

Молча, сосредоточенно ѣхалъ старый Бруннеръ, пока деревня не исчезла изъ виду, тогда онъ поднялъ голову и посмотрѣлъ поочередно на обоихъ спутниковъ; затѣмъ глубоко вздохнулъ и сказалъ полушепотомъ:

— Ничего я не смыслю въ судебныхъ дѣлахъ, только слышалъ, что кто сознается, тотъ пропалъ, а кто отопрется, съ тѣмъ ничего не подѣлаютъ. Правда это?—Онъ обернулся къ сосѣду съ лѣвой стороны, и такъ какъ тотъ ему ничего не отвѣтилъ, то съ безпокойствомъ повернулся вправо.—Я говорю только,—я, вѣдь, ничего не знаю,—что тому, кто убилъ старую вѣдьму, ничего не будетъ, если онъ самъ не сознается?

Вопрошаемый взглянулъ на него искоса и пробормоталъ:

— Пусть не болтаетъ зря, а отвѣчаетъ на судѣ, когда спросятъ; тамъ видно будетъ!

Старикъ низко опустилъ голову и не проронилъ больше ни словечка ни дорогой, ни у воротъ тюрьмы, ни въ камерѣ, когда за нимъ заперли дверь.

Члены слѣдственной коммиссіи, прежде чѣмъ возвратиться въ городъ, закусили у старосты и очень единодушно высказались относительно предстоящаго, не интереснаго дѣла, гдѣ все такъ просто, ясно и несомнѣнно.

Бруннера на слѣдующій же день повели къ допросу. Иногда его сутки оставляли въ покоѣ, иногда по четыре раза въ день водили къ слѣдственному судьѣ, на вопросы котораго, часто непонятные подсудимому, онъ долженъ былъ отвѣчать. Случалось, что онъ долго спорилъ и отрицалъ какой-нибудь пустякъ и легко сдавался на серьезномъ. Наконецъ, онъ совершенно запутался въ противорѣчіяхъ, утратилъ смекалку и ловкость, потерялъ присутствіе духа и шагъ за шагомъ приближался къ сознанію. Послѣднее должно было привести его къ осужденію на смертную казнь черезъ повѣшеніе, чего онъ избѣжалъ только благодаря ходатайству суда передъ государемъ, который замѣнилъ смертную казнь пожизненною каторгой. Такъ сидѣлъ семидесятилѣтній старикъ на замкѣ за рѣшоткой, лишенный свободы на остатокъ жизни, и искупалъ преступленіе, которое, по его мнѣнію, принудила его совершить горькая необходимость. И дожилъ бы онъ свою жизнь спокойно, почитаемый и уважаемый всѣми, женой, снохой и внучатами, и опочилъ бы мирно на кладбищѣ рядомъ съ семьей, не натолкни его суевѣрный страхъ на жестокое преступленіе.

«Милостивый господинъ, — говорилъ старикъ, доведенный вопросами и ухищреніями судьи почти до сознанія, — милостивый

господинъ, я не думалъ, что заслужу наказаніе. Будьте милосерды! Не судите меня сразу очень строго. Не со зла сдѣлалъ я преступленіе. Я знаю, теперь не тѣ времена, что прежде; все такъ скоро мѣняется, что нашъ братъ и не поспѣетъ разобрать, что теперь законно, а что было прежде. Раньше на такую-то, какъ корзинщица Катерина, довольно было донести и конецъ, ее бы сожгли; а теперь, пожалуй, оставятъ въ покоѣ, будь всѣ улики на лицо. Мнѣ не разъ случалось судиться съ ней; все я оставался неправымъ, а ея словамъ г-да судьи вѣрили. Вѣры нѣтъ теперь въ народѣ. Про ученыхъ людей и говорить нечего: они совсѣмъ не думаютъ о Богѣ и не вѣрятъ въ чорта; а ему и съ руки,—посмѣивается надъ ними въ кулакъ! Свою исторію съ Катериной разскажу лучше по порядку, съ начала до конца,— все, какъ было! Вы увидите, господа, какъ одно за другимъ, шагъ за шагомъ привело меня къ тому, что случилось.

«Уже дѣвочкой-подросткомъ Катерина не была похожа на другихъ дѣтей. Мать ея умерла рано; отецъ, болѣзненный, бѣдный крестьянинъ, жилъ у ручья подъ ивами, изъ которыхъ плелъ корзины. Разъ въ недѣлю, въ опредѣленный день, онъ отправлялся въ городъ съ своимъ товаромъ. О дѣвочкѣ отецъ совсѣмъ не заботился; научилъ ее только плесть корзины, себѣ на помощь. Въ дѣвчонкѣ всегда точно бѣсъ сидѣлъ: она не могла долго побыть на одномъ мѣстѣ, спокойно заняться дѣломъ; въ школѣ съ ней не было сладу; въ церкви она постоянно болтала и мѣшала другимъ молиться. Любимымъ мѣстомъ Катерины былъ лѣсъ, гдѣ она пропадала по цѣлымъ днямъ, собирала ягоды, воровала хворостъ, что̀ встрѣчало поощреніе со стороны отца. Такъ она и выросла на всей своей волѣ, безъ призора и науки. Она не любила играть съ дѣтьми; если же ей случалось попасть въ дѣтскую компанію, она заводила насъ куда-нибудь въ темный уголъ и пугала страшными разсказами о чертяхъ. Прежде всего она спрашивала, знаемъ ли мы, какой видъ у нечистаго, а потомъ обстоятельно описывала его. Господинъ, она изображала его совсѣмъ не такъ, какъ обыкновенно дѣлаютъ большіе, стращая дѣтей. У нея не было рѣчи о черномъ, какъ рисуютъ на картинкѣ, съ загнутыми рогами, блестящими глазами, огненнымъ языкомъ и лошадинымъ копытомъ; совсѣмъ нѣтъ: то было точное описаніе являвшагося къ ней подъ разными видами духа, котораго она хорошо видѣла и такъ описывала, что мы готовы были вѣрить, что онъ стоитъ передъ нами. Мы, дѣтишки, сторонились ея; нѣкоторые изъ взрослыхъ уже тогда подозрительно покачивали головами, большинство же посмѣива-

лось. Страхъ къ Катеринѣ выросъ съ нами, и ни одному парню ни на минуту не западало въ голову сойтись съ нею. Въ то время, когда отецъ ея умеръ, она была уже совсѣмъ взрослой дѣвушкой и день ото дня становилась все страннѣе. Цѣлыми днями сидѣла дома, плела корзины и распускала слухъ, что копитъ себѣ приданое. По вечерамъ уходила изъ дому и посѣщала въ окрестности старухъ и женщинъ, которыя славились, какъ ворожеи и гадалки. Самой ли Катеринѣ пришло въ голову выучиться ихъ гнусному ремеслу, или онѣ, ради забавы, занялись ею, не знаю. Только многому, кромѣ гаданья, научилась она у нихъ. Я самъ могу служить живымъ доказательствомъ ея силы. Безъ помощи и старанія Катерины мнѣ никогда не попасть бы въ тюрьму. Позвольте, милостивый господинъ, въ краткихъ словахъ разсказать вамъ, какъ въ тѣ поры, когда я былъ молодымъ, здоровымъ парнемъ, она бѣгала за мной; не идетъ разсказывать, какъ она навязывалась мнѣ съ своей любовью, какъ я рѣшительно и грубо оттолкнулъ ее. Сначала она только смѣялась и продолжала заискивать передо мной; потомъ стала угрожать, тогда я въ свой чередъ посмѣялся; и напрасно, слѣдовало быть благоразумнѣе. Она не пропустила случая и, при первой возможности, повредила мнѣ. Какъ только я порѣшилъ жениться на Терезѣ Хильмеръ, кроткой, честной молодой дѣвушкѣ изъ зажиточной семьи, Катерина сумѣла разстроить дѣло гаданьями на картахъ и дурными предсказаніями невѣстѣ. Только два года спустя рѣшился я жениться на своей старухѣ, упокой Господи ея душу! Я былъ радъ, что нашлась такая, которая не посмотрѣла на Катеринины предсказанія. Добрая женщина была моя старуха, ни въ чемъ нельзя упрекнуть, ни въ самой малости, а все-таки первая невѣста была мнѣ куда милѣе. А Катерина не унималась, гдѣ могла и какъ могла вредила мнѣ. Только съ годами злость ея усиливалась. Точка въ точку, что было со мной, когда я хотѣлъ посвататься за Терезу, сдѣлала она съ моимъ парнишкой, когда онъ задумалъ свататься къ Лени Лауфингеръ. Разстроила, отговорила, нагадала и пришлось взять другую. Немало я клялъ и ругалъ ее за то, что со злобы на меня повредила бѣдному парню.

«И, какъ нарочно, въ первые дни, когда во мнѣ еще кипѣла злоба, вѣдьма попалась намъ на глаза; точно хотѣла удостовѣриться, какъ мы страдаемъ, и насладиться нашимъ горемъ. Тихо проскользнула она мимо двора, съ торжествующимъ лицомъ поглядывая на насъ. Мы только что привезли сѣно и сбрасывали послѣднія вилы съ воза въ сарай. Увидавъ ее, я не могъ сдержаться, выругалъ самыми черными словами и пожелалъ, чтобы послѣдняя

собака не стала ѣсть хлѣба изъ ея рукъ! При этомъ она осклабила свою скверную морду и сказала: «Напрасно, складывая сѣно, горячишься, Бруннеръ! Смотри, какъ бы не пришлось чего заливать!»

«Господинъ, въ ту же ночь у меня въ сараѣ вспыхнуло и погарѣло все до тла. Ну,—думалъ я,—теперь старая вѣдьма въ моихъ рукахъ, и я отплачу ей. Всѣ сосѣди слышали ея угрозы и предсказанія, и я обвинилъ ее въ поджогѣ. Ну, хорошо! На судѣ вѣдьма свалила пожаръ на прѣлое сѣно и сказала, что носомъ чуяла запахъ гари, отчего и предсказала пожаръ. Я долженъ былъ согласиться, что сѣно малость подопрѣло и поэтому ей легче было поджечь, а потомъ вывернуться. Но она сумѣла доказать, что во время пожара была далеко отъ деревни, въ другомъ мѣстѣ, гдѣ ее многіе видѣли. Точно такая вѣдьма не можетъ отвести людямъ глазъ или быть въ нѣсколькихъ мѣстахъ заразъ. Да ей и не нужно быть на томъ мѣстѣ, гдѣ случится бѣда; она за тысячу верстъ можетъ натворить своихъ мерзкихъ дѣлъ. Вы не слушаете меня, господа судьи, а я говорю отъ чистаго сердца. Вы не знаете, господа, какъ надругалась дальше чертовка надо мной и моимъ семействомъ. Я думалъ, что за судъ она мнѣ натворитъ бѣдъ, но того, что она сдѣлала, я, какъ передъ истиннымъ Богомъ, не ожидалъ. Она накликала смерть на жену и на ребенка, а потомъ пыталась извести и меня! Нѣтъ, г. судья, не нелѣпость! Почему же можно вымолить у Бога здоровья больному, а нельзя вымолить у нечистаго смерть здоровому? Я не могъ только себѣ представить, что старуха владѣетъ такой силой. Однако, такая сила существуетъ; значитъ, отчего же не владѣть ею, женщинѣ, какъ владѣютъ мужчины? Какая разница? Не могу я этому не вѣрить, когда испыталъ на себѣ силу Катерины. Господинъ, если нельзя вѣрить себѣ и своимъ чувствамъ, чему же можно вѣрить на свѣтѣ и что можетъ служить доказательствомъ?

«Моя жена никогда не болѣла; вдругъ на нее нападаетъ хворь и въ нѣсколько недѣль уноситъ на тотъ свѣтъ. Въ день похоронъ встрѣчаю Катерину, кроткую и нѣжную, какъ никогда. «Бруннеръ, — говоритъ она, — твоя Маріанна намъ больше не помѣха; будь благоразуменъ, не думай обо мнѣ плохо. Объяснимся, чтобы между нами не было никакихъ недоразумѣній». Я послалъ ее къ чорту; она дико посмотрѣла на меня и закричала: «Не хочешь мириться? Смотри, какъ бы не было хуже!»

«Немного спустя, свалился сынокъ и отнесли его на кладбище. Въ день похоронъ опять попадается на глаза Катерина. «Бѣдный врагъ мой, — сказала она, — одинъ во всемъ мірѣ». Я закричалъ

ей, чтобъ оставила меня въ покоѣ. «Знаю, кто накликалъ на мой домъ обѣ смерти!» Она сперва вытаращила глаза и долго глядѣла на меня, потомъ сжала кулаки и прошипѣла: «Ладно, такъ я за сыномъ отправлю и отца,— отправлю отца за сыномъ!» Тогда я вспомнилъ слова цирюльника, что старуха и мальчикъ умерли отъ одной болѣзни, и мнѣ стало ясно, что и я скоро отправлюсь вслѣдъ за ними. Съ этихъ поръ силы мои уходили, а слабость со дня на день увеличивалась. Милосердый Боже, какъ я испугался, когда въ одинъ прекрасный день не смогъ приподнять заступа и едва сдвинулъ его дрожащими руками съ мѣста! Это было утромъ въ тотъ день, когда вечеромъ я пошелъ и... сдѣлалъ бѣду. Холодный потъ выступилъ у меня на лбу, когда я подумалъ, что насталъ конецъ моей жизни. Еслибъ я подождалъ немного, то адскіе происки старухи лишили бы меня возможности раздѣлаться съ ней. И такъ, и сякъ раскидывалъ я умомъ, какъ бы помѣшать ея кознямъ. О добровольномъ соглашеніи при ея злобѣ не могло быть и рѣчи. Тогда я вспомнилъ, что написано въ Писаніи: око за око, зубъ за зубъ — и подумалъ: жизнь за жизнь. Я поднялъ руки къ небу и молилъ Бога даровать мнѣ столько силъ, чтобы покончить жизнь окаянной чертовки. Богъ подкрѣпилъ меня, и я убилъ Катерину, какъ господа судьи сами догадались. Я подкараулилъ ее сзади, чтобъ она не увидала меня и не уложила на мѣстѣ своими чарами. Одному изъ насъ суждено было погибнуть, такъ и случилось. Я покончилъ съ ней однимъ ударомъ, какъ у господъ судей записано; она не мучилась; я и не хотѣлъ этого; покончилъ съ ней не изъ мести или ненависти, а по горькой необходимости, изъ боязни за свою жизнь».

Такъ закончилъ Бруннеръ свою исповѣдь; все, что относилось къ дѣлу, было занесено въ протоколъ, и старикъ, выслушавъ его, долженъ былъ подисать.

— Милостивый господинъ,— пробормоталъ онъ,— я грамотѣ не обученъ.

— Такъ я и думалъ,—сказалъ слѣдственный судья, и велѣлъ ему поставить три креста.

Н. К.

ПУСТЫННОЕ СЕРДЦЕ *).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

XV.

Внѣшность Турыгина очень измѣнилась во время его пребыванія въ монастырѣ. Онъ сильно похудѣлъ и немного сгорбился, волосы и борода его отрасли, блѣдно-сѣрые глаза его впали и преобладающимъ выраженіемъ лица стало надменно-упрямое и сосредоточенное, какъ у человѣка усиленно-думающаго о чемъ-нибудь важномъ и серьезномъ. Взглядъ его сдѣлался неопредѣленно-блуждающимъ и почти никогда не останавливался ни на чемъ пристально.

Ни красивымъ, ни дурнымъ назвать его было нельзя, но въ этой безцвѣтной наружности было что-то особенное, странное, возбуждавшее въ каждомъ наблюдательномъ человѣкѣ интересъ къ нему и желаніе разгадать его.

Голосъ у него сталъ глухой, тихій, очень неровный, походка медленная, нетвердая, движенія неувѣренныя, иногда же они становились рѣзкими, нервными, будто непроизвольными.

И онъ все чаще и чаще возбуждался. Того успокоенія, котораго искалъ, онъ не нашелъ до сихъ поръ. Спокойная жизнь монастыря не успокоивала его, не умиротворяла его души и странное раздвоеніе образовалось въ ней. Подъ вліяніемъ ночныхъ церковныхъ службъ и одинокаго бдѣнія въ кельѣ онъ иногда приходилъ въ особенно возбужденное состояніе и принимался горячо молиться; ни одной молитвы онъ не зналъ наизусть и слова вырывались сами собой, отрывисто, нескладно. Это походило на экстазъ, во время котораго онъ преображался. Станъ его выпрямлялся, лицо оживлялось румянцемъ, глаза темнѣли отъ расширенія зрачковъ и загорались огнемъ, голосъ становился звучнымъ и сильнымъ, движенія рѣзкими и опредѣленны-

*) *Русская Мысль*, кн. V, 98 г.

ми. Въ такія минуты онъ поражалъ своей своеобразной, ненормальной, если можно такъ выразиться, красотой.

Но вотъ экстазъ проходилъ вмѣстѣ съ воодушевленіемъ; Турыгинъ совершенно ослабѣвалъ духомъ и тѣломъ, иногда на нѣсколько дней впадалъ въ меланхолію, плакалъ, какъ можетъ плакать нервная женщина, и чувствовалъ отвращеніе ко всему окружающему.

Эта-то раздвоенность, эта быстрая, рѣзкая смѣна настроеній, въ спокойныя минуты размышленій очень угнетала его. Монахи чуждались его, онъ это видѣлъ и чувствовалъ, и это раздражало его еще больше; раздражить и возмутить его можно было легко, малѣйшимъ противорѣчіемъ, и тогда прежніе порывы злобы возвращались къ нему и душили его; раздраженный онъ былъ крайне непріятенъ и производилъ отталкивающее впечатлѣніе, хотя злость его была безсильна. И онъ чувствовалъ это безсиліе, какую-то угнетающую душевную трусость, которая позволяла ему умно и тонко обдумывать разные сложные вопросы вѣры и морали, но не позволяла ему рѣзко провести ихъ въ жизнь и заставить его рѣшиться такъ или иначе на какой-либо активный поступокъ.

И въ монастырѣ положеніе его стало двойственнымъ: его унылый видъ, возбужденное настроеніе, происхожденіе отъ милліонера отца и рѣшеніе удалиться отъ міра, произвели огромное впечатлѣніе на монаховъ; большинство, если не всѣ, смотрѣли на него со смѣсью любопытства и невольнаго почтенія къ милліонамъ, обладателемъ которыхъ онъ могъ бы быть, еслибы пожелалъ, какъ они думали, не зная его исторіи въ подробностяхъ. И они ему предрекали блестящую иноческую будущность: несомнѣнно онъ, не въ примѣръ многимъ другимъ, будетъ въ самомъ непродолжительномъ времени удостоенъ рясофорнаго постриженія, а тамъ все пойдетъ какъ по писанному, и кто знаетъ, можетъ быть впослѣдствіи онъ будетъ игуменомъ этого самаго монастыря, если не какого-нибудь другого, повиднѣе, да побогаче. Это ужъ одно заставляло относиться къ нему съ искательнымъ уваженіемъ. Затѣмъ между монахами распространился слухъ, что новоначальный ученъ «до чрезвычайности» и самъ о. Іосифъ—украшеніе монастыря по своей учености и книжной начитанности, въ ночномъ спорѣ съ своимъ послушникомъ—не одолѣлъ его учености. Неизвѣстно откуда и какъ распространились такіе слухи, но только они охотно повторялись изъ устъ въ уста и окружали нѣкоторымъ ореоломъ личность Турыгина.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ его очень чуждались и не сходились съ нимъ; надменный, разсѣянный видъ его отшатывалъ многихъ, какъ и его непонятный, чуть насмѣшливый разговоръ.

И этотъ видъ и этотъ разговоръ объясняли монахи его чрезмѣрной ученостью.

Только одинъ о. казначей долго и молча приглядывался къ нему и не раздѣлялъ общаго мнѣнія.

Онъ составилъ себѣ особое и въ разговорѣ съ о. архимандритомъ изложилъ его вкратцѣ, такъ какъ по своей немногорѣчивости не любилъ длинныхъ разсужденій.

— Да что, о. архимандритъ,—отвѣтилъ онъ на вопросъ старика,—новоначальный нашъ—пустоцвѣтъ и больше ничего.

— Какъ то-есть «пустоцвѣтъ», о. Нектарій?—спросилъ игуменъ.

— Такъ, что блуждающій огнь. Многіе братья тщатся видѣть въ немъ нѣчто чудесное и премудрое. Я же вижу въ немъ огнь блуждающій и пустоцвѣтъ полевой.

Такъ отъ него больше и не добился ничего о. архимандритъ и пожелалъ видѣть Турыгина, чтобъ узнать, какъ ему живется въ монастырѣ и нравится ли ему у нихъ.

Турыгинъ явился и хотѣлъ было изложить настоятелю всѣ свои сомнѣнія и смущенія, но старичокъ, повидимому, не любилъ разговоровъ о матеріяхъ важныхъ и началъ говорить о своихъ недугахъ: вотъ онъ опять прохворалъ двѣ недѣли.

— Такой ревматизмъ разыгрался, что думалъ отправлюсь. Вотъ почему и васъ не видалъ. А все хотѣлъ спросить, какъ вамъ у насъ нравится? Довольны ли жизнью, наставленіями нашего ученаго о. Іосифа? Вы были въ университетѣ, какъ я наслышанъ, вотъ я и рекомендовалъ вамъ академика.

И онъ не далъ времени Турыгину для отвѣта.

— Дѣло плохое, когда тѣло больное,—продолжалъ онъ.—Двѣ недѣли не вставалъ съ постели, да и извѣстія получалъ неутѣшительныя. Много у меня бѣдной родни, да и такъ чужіе бѣдняки есть: всѣмъ помоги, всѣмъ вышли посильную помощь. А что будетъ, когда меня не будетъ? Да и монахи наши на сей разъ сильно испугались. Обуяло ихъ безпокойство и страхъ за мою жизнь. Хоть плохъ архимандритъ, а какъ его не станетъ, можетъ быть будетъ и лучшій, да ужъ не такой добрый. Ну, и боятся. А я вотъ взялъ да оправился. Совсѣмъ оправился. Вотъ выстрою бесѣдку, да позову къ себѣ сосѣдку, игуменью сосѣдняго монастыря,—прибавилъ онъ,—такая же древняя старица, какъ и азъ многогрѣшный. Такъ выстрою бесѣдку да позову къ себѣ сосѣдку. И пойдетъ старый грѣшникъ пить чай подъ орѣшникъ.

И онъ залился добродушнымъ, искреннимъ смѣхомъ. Даже уны-

лое лицо Турыгина разгладилось при этой шуткѣ и онъ подумалъ: «какой славный, простой старичокъ».

— Ну, очень радъ, что вамъ здѣсь понравилось. Живите, радѣйте,—отпуская его, сказалъ о. архимандритъ, хотя Турыгинъ ни слова не сказалъ ему въ отвѣтъ на то, что нравится ли ему жить въ обители.

Дѣйствительно, только одинъ о. архимандритъ и нравился ему, къ остальнымъ же онъ относился теперь въ душѣ съ нескрываемымъ озлобленіемъ,—простота, необразованность и неразвитость монаховъ возмущали и раздражали его, и ничего хорошаго онъ не умѣлъ и не хотѣлъ въ нихъ подмѣтить.

Слухъ объ интересномъ послушникѣ, «отказавшемся отъ милліоновъ», быстро распространился по городу и привлекалъ въ монастырь множество любопытныхъ богомольцевъ и въ особенности богомолокъ, взоры которыхъ со страстнымъ любопытствомъ сосредоточивались на немъ, что очень сердило и даже выводило изъ себя о. Леонтія, рисовки и позы котораго рѣшительно не обращали на себя ничьего вниманія.

Не замѣчалъ этого любопытства только лишь самъ Турыгинъ. Онъ продолжалъ жить прежней тоскливой жизнью, борясь съ своими двумя настроеніями. И совершенно неожиданно въ его внутреннюю жизнь вмѣшалось нѣчто новое, нѣчто странное, что уже окончательно смутило его.

Голоса изъ міра, изъ того міра, откуда онъ бѣжалъ съ израненой душой, стали доноситься до него.

Онъ получилъ письмо отъ Искрицкаго.

Искрицкій благодарилъ его за «сдержанное слово» и увѣдомлялъ о полученіи денегъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ, между прочимъ, въ своемъ шутливо-игривомъ тонѣ сообщалъ ему, что въ городѣ только и разговоровъ, что о его «монастырскихъ подвигахъ». Онъ теперь «герой и басня города».

Эти слова не произвели на Турыгина никакого впечатлѣнія. «Басня такъ басня, не все ли мнѣ равно?—подумалъ онъ.—Теперь когда всѣ связи со всѣми Искрицкими и ему присными порваны, мнѣ нѣтъ никакого дѣла и интереса до того, что̀ они тамъ всѣ говорятъ и думаютъ обо мнѣ».

И что-то шевельнулось въ таинственномъ уголкѣ его души и онъ никоимъ образомъ не ожидалъ того, что выплыло изъ этого уголка наружу.

— Да, все равно, что̀ они обо мнѣ думаютъ, — проговорилъ

онъ,—конечно, издѣваются и смѣются. Но *она?*... Что подумала бы она, еслибъ узнала о моемъ бѣгствѣ?

И образъ Оляши — полузабытый образъ — всплылъ въ его воображеніи съ изумительной для него неожиданностью. И странно, онъ могъ теперь представить ее себѣ съ положительной ясностью.

Онъ не назвалъ ея имени, но что-то при мысли о ней заставило вздрогнуть его сердце. Онъ очень изумился. Неужели же ни время, ни невзгоды жизни, ни пребываніе въ монастырѣ, ничто, ничто не въ состояніи изгладить изъ души его этотъ образъ? И ему начинали припоминаться сказанныя имъ вечеромъ, во время посѣщенія Пронскимъ, слова о томъ, что онъ готовъ былъ бы жизнью пожертвовать за эту, когда-то дорогую ему дѣвушку. Потомъ ему вспомнились его разсужденія о томъ, что онъ, вѣроятно, не любилъ ее, потому что все-таки остался жить и имѣлъ силы не измѣнить ни въ чемъ ни своей жизни, ни своихъ привычекъ.

А теперь онъ и самъ не знаетъ, любитъ ее или не любитъ. Готовъ онъ былъ бы за нее пожертвовать жизнью, которая ему такъ опостылѣла, такъ стала тяжела. «Неважная была бы жертва!»—злобно ухмыльнулся онъ.

Или, можетъ быть, это было просто мимолетнымъ, минутнымъ воспоминаніемъ, мелькнувшимъ издалека, смутившимъ его не надолго, какъ смущаетъ иногда мотивъ, давно слышанный въ жизни и давно позабытый? Мелодія вдругъ прозвучитъ надъ самымъ ухомъ и исчезнетъ такъ же неожиданно, какъ неожиданно появилась.

Но оторваться отъ воспоминаній онъ уже не могъ.

Да, когда-то она любила его и любовь ея была совершенно чистой, какой-то дѣтской, восторженной любовью. Она смотрѣла на него какъ на высшее существо. Но она никогда не понимала его взглядовъ на жизнь, его страстнаго исканія идеала, высшаго смысла жизни, чего-то необыкновеннаго, чего не искала, не понимала она. Вотъ это-то непониманіе и заставило ее видѣть въ немъ нѣчто необычайно-интересное, чего не встрѣчается даже на страницахъ романовъ.

Оляша была молоденькой, двадцатилѣтней дѣвушкой, замѣчательно красивой съ ея бѣлокурыми вившимися волосами пепельнаго оттѣнка, съ ея розовыми щечками и веселыми голубыми глазами. Неглупая отъ природы, она получила самое слабое образованіе въ весьма плохонькомъ провинціальномъ пансіонѣ. Жила она въ небогатомъ купеческомъ домѣ у своей тетки, больной, параличной старухи; пользовалась полной свободой, но, тѣмъ не менѣе, по привычкѣ, усвоенной съ дѣтства, вела жизнь томительно-скучную

и однообразную, въ которой не было ни дѣятельности, ни веселья. Отъ скуки въ ней развилась страсть къ чтенію, такъ же какъ въ свое время у Паши. Такъ же какъ и она, Оляша читала все, что придется, безъ порядка и выбора, хотя выборъ былъ у нея гораздо шире, чѣмъ у Паши. Но не было руководителя; она читала съ большимъ увлеченіемъ, такъ что разговаривала о дѣйствующихъ лицахъ этихъ романовъ, какъ о живыхъ, хорошо знакомыхъ людяхъ. И въ этомъ была огромная разница между обѣими дѣвушками: Паша представляла себѣ какихъ-то необыкновенныхъ героевъ, Оляша же видѣла передъ собою самыхъ простыхъ, естественныхъ людей.

Благодаря чтенію, она говорила складно, даже литературно, совсѣмъ не по-купечески. Одѣвалась также не по-купечески, обладая хорошимъ вкусомъ. Держалась она просто, чуть-чуть застѣнчиво, «по-дѣвичьи», что къ ней очень шло. Духовныхъ книгъ она никогда не читала, находя ихъ скучными, особенной религіозностью не отличалась, никогда не задумывалась ни надъ чѣмъ, касавшемся религіи. Однако, будучи воспитана въ строгихъ правилахъ купеческаго дома, считала долгомъ ходить въ церковь по праздникамъ, нарядившись какъ можно лучше, ежегодно говѣть и во время постовъ ѣсть постное. Все это, конечно, по привычкѣ, не больше.

Молилась она рѣдко и безъ всякаго благоговѣйнаго чувства, хотя старалась прогонять во время молитвъ разныя постороннія мысли, приходившія въ голову, но это не всегда удавалось ей.

Обладая добрымъ сердцемъ, она искренне жалѣла всѣхъ бѣдныхъ, больныхъ и несчастныхъ, даже плакала надъ страданіями своихъ романтическихъ героевъ или въ театрѣ, если смотрѣла драму. Она хотѣла бы всѣмъ помочь, всѣхъ утѣшить, но совсѣмъ не знаетъ, какъ за это взяться: умѣнья у нея не было, да и средствъ тоже. Поэтому она ограничивалась тѣмъ, что не отказывала ни одному нищему и подавала не больше пятака, — не изъ скупости или потому, что больше не было, а потому, что и окружавшіе ее больше не подавали, да и какъ-то всѣми ужъ такъ принято, чтобы больше пятака нищимъ не подавать; навѣщала знакомыхъ больныхъ и дѣлала хорошіе подарки—по средствамъ—домашней прислугѣ къ праздникамъ.

Она очень хорошо смѣялась, отъ души, дѣтскимъ, заливистымъ, безпечнымъ смѣхомъ, и въ это время лицо ея принимало совсѣмъ ребяческое выраженіе.

Въ этомъ отношеніи ея смѣхъ и вся она очень походила на о. архимандрита, и это сравненіе невольно напросилось въ голову

Гурыгину, когда воспоминанія объ Оляшѣ являлись къ нему. Въ такія минуты, думалъ онъ, ими обоими можно было бы залюбоваться, — до того оба были хороши, каждый въ своемъ родѣ. Да и вообще въ ней много было дѣтскаго, милаго, простого и довѣрчиваго; въ ней была какая-то особая душевная чистота, которой въ немъ самомъ не было, — чистота, мѣшавшая зародиться какой бы то ни было дурной мысли въ ея головѣ; ко всему дурному, безнравственному она чувствовала необыкновенное отвращеніе и романы читать любила преимущественно чувствительные, съ благородными героями и героинями. Описанія страстной любви ее очень конфузили и смущали, нисколько не дѣйствуя на ея воображеніе; всего чаще она просто пропускала такія описанія, досадливо думая: «И зачѣмъ такія вещи пишутъ? Какъ не стыдно такъ писать!»

Ей очень нравилось сознавать себя красавицей, замѣчать, какъ ею любуются, но ни малѣйшаго кокетства въ ней не было, несмотря на ея истинно-купеческую слабость наряжаться.

Она и сама часто любовалась собою въ зеркалѣ, наивно восхищаясь своей красотой и радостно думая, просто и безъ всякой гордости: «А вѣдь я и вправду очень хороша! Какъ пріятно быть хорошенькой!»

И вотъ, въ сотый разъ Турыгинъ спрашивалъ себя: за что она его полюбила? И не находилъ отвѣта. За что она ему измѣнила? И тоже не могъ отвѣтить опредѣленно.

Онъ-то зналъ, за что ее полюбилъ. Его очаровалъ именно ея милый смѣхъ, отъ котораго становилось такъ тепло, такъ весело на его угрюмой душѣ; ему понравилась ея душевная чистота, которой въ немъ самомъ не было. И вдругъ вся эта любовь, весь этотъ его коротенькій романъ безсмысленно, разомъ разрушился. Зачѣмъ, почему? Онъ не могъ бы отвѣтить на это.

Однажды между ними вышла нелѣпая сцена.

Онъ былъ особенно угрюмъ, особенно злобно настроенъ: это былъ моментъ, когда приливъ злобы былъ особенно силенъ. И безпечность и веселость Оляши раздражили его. Незамѣтно, въ разговорѣ, они подошли къ тому вопросу, который мучилъ его всю жизнь,—къ отцовскимъ милліонамъ. Онъ бранилъ отца, бранилъ милліоны, которые отравляли ему существованіе. Она не согласилась съ нимъ.

— А я бы хотѣла имѣть милліоны! — сказала она.

— Къ чему это?

— Я бы нашила себѣ много хорошенькихъ платьевъ... въ Москвѣ заказала бы ихъ. И многимъ бѣднымъ помогала бы.

И онъ вдругъ неистово разозлился. Ему захотѣлось сказать ей что-нибудь оскорбительное, жестокое.

И онъ сказалъ ей:

— Ну, такъ если ты разсчитываешь на мои милліоны, выйдя за меня замужъ, то жестоко ошибешься. Милліоновъ у меня нѣтъ и не будетъ, да и такой любви изъ-за денегъ мнѣ не нужно.

Ея горячее сердце возмутилось. Она вспыхнула, кровь бросилась ей въ голову. Задыхаясь отъ волненія, она сказала ему, что грѣшно ему такъ думать о ней, что онъ оскорбилъ ее кровно, тѣмъ болѣе кровно, что она — бѣдная дѣвушка, а оскорблять бѣдняка «вдвойнѣ стыдно».

Потомъ она заплакала, горько, безпомощно, по-дѣтски. Уходя, она ему сказала:

— Ты въ самомъ дѣлѣ *такъ* обо мнѣ думаешь?

И онъ отвѣтилъ ей, желая до конца использовать гнѣвный порывъ:

— Да, именно такъ.

— Тогда прощай.

Она ушла.

«Вернется»,—думалъ онъ, понемногу утихая и спрашивая себя, откуда и зачѣмъ налетѣло на него это скверное облако.

Но она не вернулась.

Такъ между ними все кончилось и навсегда.

И вотъ теперь эти роковыя воспоминанія одолѣли его. Онъ видѣлъ ее во снѣ каждую ночь, подъ утро, передъ тѣмъ, какъ надо было отправляться къ заутренѣ. Милый образъ приходилъ къ его изголовью тревожить его сонъ, а днемъ онъ не выходилъ изъ его головы.

Онъ думалъ какъ-нибудь отдѣлаться отъ этихъ воспоминаній и думъ, но это ему не удавалось. Иногда онъ брался за книги и заставлялъ себя читать Четьи-Минеи, требникъ, Отечникъ, но строки плыли передъ глазами, которые созерцали образъ Оляши. Онъ не понималъ прочитаннаго, безконечное число разъ возвращаясь къ одной и той же строкѣ.

Онъ увѣрялъ себя, что все это пустое, досужія бредни, но потомъ увидѣлъ, что это не такъ и что безполезно лгать самому себѣ. Тогда онъ уже безъ думъ и угрызеній предался своимъ мечтамъ.

Но ничего о нихъ онъ не повѣдалъ о. Іосифу.

Какъ глупо, какъ по-дѣтски они разошлись! Какимъ пустымъ ему казался теперь этотъ поводъ разлуки. Но ея дѣтское сердечко не стерпѣло и было глубоко обижено. Онъ зналъ, что за ней уха-

живало много жениховъ, и не только ухаживало, но и сваталось; онъ зналъ, что никто изъ нихъ ей не нравился, — слишкомъ ужъ они были просты и не похожи на ея героевъ. Она и жизни своей не хотѣла измѣнять, потому что въ общемъ была ею совершенно довольна. Она согласилась выйти замужъ за него, за Турыгина, только потому, что онъ ей казался «совсѣмъ не такимъ, какъ другіе», а чѣмъ-то туманнымъ, высокимъ, какимъ-то исключеніемъ. И вдругъ онъ такъ жестоко оскорбилъ ее.

Черезъ двѣ недѣли послѣ этого она вышла замужъ, по настоянію тетки. Этотъ женихъ, богатый человѣкъ, изъ очень крупныхъ коммерсантовъ, уже давно сватался за нее, будучи проѣздомъ по дѣламъ въ ихъ городѣ. Онъ два раза дѣлалъ ей предложеніе и два раза она отказывала ему. Теперь онъ сдѣлалъ это предложеніе въ третій разъ и она, вся еще подъ впечатлѣніемъ происшедшей ссоры, не давая себѣ времени одуматься, согласилась. Тетка, конечно, была въ восторгѣ: дѣвушка выходила изъ бѣдности и пріобрѣтала хорошее состояніе.

Они женились и уѣхали въ Петербургъ.

Оляша очень тосковала первое время. Скука на нее находила ужасная. Петербургъ ей не понравился. Она совершенно не привыкла жить въ большомъ, вѣчно пасмурномъ городѣ. Ей не доставало солнца, воздуха, зелени. Она старалась успокоить себя мыслью о томъ, что и въ родительскомъ домѣ, и въ домѣ тетки ей было не веселѣе, какъ и во всѣхъ знакомыхъ ей купеческихъ домахъ, какъ было скучно, монотонно во всемъ городѣ, въ которомъ она жила раньше. И ей всегда казалось, что въ немъ точно разлита эта монотонная скука. Но въ Петербургѣ было особенно тоскливо,—здѣсь эта мертвящая тоска была въ самой природѣ, въ этомъ низко нависшемъ небѣ, въ этихъ скучныхъ, однообразныхъ и ящикообразныхъ домахъ, да и въ самихъ людяхъ, жившихъ въ этихъ домахъ. Но всѣхъ скучнѣе былъ ея мужъ, весь погруженный въ дѣла и разсчеты и часто покидавшій по этимъ дѣламъ городъ и оставлявшій ее въ одиночествѣ. Впрочемъ, она оживала, когда оставалась одна.

Тогда она выѣзжала, дѣлала покупки, нашивала платья, которыя не знала куда дѣвать, но къ которымъ все еще чувствовала большое пристрастіе, занималась благотворительностью, вычитывая изъ газетъ адресы бѣдныхъ семействъ и посѣщая ихъ на дому; бывала часто въ театрѣ, гдѣ умилялась и плакала, потому что ѣздила только на драмы, и возвращалась домой довольная, увѣренная въ томъ, что очень весело провела время. Но ни къ какой опредѣленной дѣятельности она не стремилась, потому что была

довольно лѣнива, да и чувствовала себя неспособной ни къ какой дѣятельности.

Такъ прошло около года, къ концу котораго ея мужъ, повезя ее въ свой родной городъ знакомить съ родней, умеръ тамъ скоропостижно, оставивъ ей по завѣщанію, сдѣланному въ первый же мѣсяцъ ихъ брака, все свое состояніе.

Этотъ городъ былъ именно тѣмъ, въ окрестностяхъ котораго находился монастырь—обитель Турыгина.

Ея мужъ былъ похороненъ на монастырскомъ кладбищѣ, какъ и вся его родня. Оляша сдѣлала богатый денежный вкладъ въ монастырь, почему и пользовалась тамъ большимъ почетомъ и уваженіемъ. Сама она черезъ нѣкоторое время уѣхала въ свой родной городъ къ теткѣ, гдѣ и жила, не рѣшивъ еще, что̀ предпринять съ собою.

Изрѣдка она посѣщала монастырь и очень любила разговаривать съ о. архимандритомъ, который, въ свою очередь, посѣщалъ и ее, какъ «монастырскую благодѣтельницу» и говорилъ ей свои излюбленныя ріемы. И тогда оба заливались смѣхомъ: одинъ постариковски, другая—по-дѣтски, но оба тѣмъ чистымъ, хорошимъ смѣхомъ, который можетъ быть только у чистыхъ душою людей и который такъ рѣдко можно услышать въ наше время.

Турыгинъ часто слышалъ въ монастырѣ изъ устъ о. архимандрита и о. казначея фамилію Сѣдковой, и онъ зналъ, что это фамилія мужа Оляши; но ему ни разу не пришло въ голову, что эта «монастырская благодѣтельница» можетъ быть именно она, и ни разу ни къ кому онъ не обратился за подробными справками.

Онъ часто бродилъ по монастырскому кладбищу. Тамъ было очень хорошо: содержалось оно въ исправности, обнесено было высокой стѣной; аллеи были усыпаны мелкимъ гравіемъ и обсажены липами. Запахъ стоялъ великолѣпный, густой, сладкій, когда цвѣли липы. Могилы были обложены газономъ, было много дорогихъ памятниковъ и отдѣльныхъ часовенекъ и семейныхъ склеповъ мѣстныхъ купцовъ, которые заботливо и дѣловито думали не только о сей жизни, но и о будущей. И хотя на кладбищѣ и «не благоухали розы и не воспѣвали соловьи» по выраженію о. Леонтія, все-таки тамъ было прекрасно. Какое-то особое безмолвіе и грустная тишина царили тамъ.

Долгими, свѣтлыми, лѣтними вечерами любилъ Турыгинъ бродить по этому городу мертвыхъ. Онъ любилъ читать надписи на надгробныхъ камняхъ, потому что при всей своей наивности и даже, можетъ быть, благодаря ей, онѣ подымали въ немъ каждый

разъ все тѣ же вопросы жизни и смерти, вопросы о смыслѣ всего сущаго.

«Прощай до радостнаго свиданія», «Азъ есмь путь, истина и жизнь»; иногда выписывались съ подробностями титулы, званія и ордена, какъ будто все это было нужно для перешедшаго «туда, откуда никто не возвращается». И онъ останавливался передъ этими камнями и подолгу раздумывалъ о земномъ существованіи.

— Какая же можетъ быть цѣль жизни, когда единая ея цѣль— смерть?—усмѣхаясь шепталъ онъ.

Его трогалъ одинъ памятникъ, о которомъ въ городѣ и монастырѣ ходила легенда. Подъ этимъ памятникомъ лежалъ человѣкъ неизвѣстнаго званія. Даже фамиліи его никто не зналъ. Но его помнили въ городѣ два-три старожила, какъ друга всѣхъ обездоленныхъ, всѣхъ угнетенныхъ, всѣхъ убогихъ, нищихъ, калѣкъ. Все, что имѣлъ, онъ роздалъ бѣднымъ и самъ скончался въ полной нищетѣ. И вотъ его могила поддерживается, украшается, хранится неизвѣстно кѣмъ и какъ. Постоянно на ней свѣжіе цвѣты и вѣнки. Много бѣдняковъ и нищихъ посѣщаютъ ее много лѣтъ и молятся въ ея оградѣ. И въ городѣ существуетъ повѣрье, что кто усердно помолится на этой могилѣ, желаніе того непремѣнно исполнится. Разсказывали много чудесныхъ случаевъ въ этомъ смыслѣ. Напримѣръ, когда приближалась холера и была во всѣхъ окрестныхъ городахъ и селеніяхъ, горожане отслужили на могилѣ «Павла Павловича» панихиду и много и долго молились объ избавленіи города отъ страшной болѣзни, потому что въ предмѣстіи она уже показалась. И на другой же день единственный больной выздоровѣлъ и во все время ожиданія—болѣзни въ городѣ не было. Разсказывали и о множествѣ другихъ, болѣе мелкихъ, болѣе частныхъ случаевъ.

Могила была украшена скромнымъ мраморнымъ памятникомъ: крестомъ, перевитымъ терновымъ вѣнцомъ. На крестѣ была надпись: «Блаженны милостивые, ибо тѣ помилованы будутъ», «блаженны нищіе духомъ, ибо тѣхъ есть царствіе небесное».

На могильной плитѣ, наверху ея было изображено: «Пріидите ко мнѣ вси труждающіеся и обремененные и Азъ упокою вы». А нѣсколько ниже: «Здѣсь покоится прахъ Павла Павловича, цѣлью жизни котораго было облегченіе страданій ближняго. Возлюбилъ онъ сирыхъ, убогихъ, калѣкъ, недужныхъ, нищихъ, слабыхъ и несчастныхъ и жизнь свою положилъ за нихъ. Христосъ, Спаситель, Искупитель, возьми его въ свою обитель».

— Вотъ и еще нашлась цѣль жизни! — разсуждалъ Турыгинъ,— онъ дѣлалъ добро, по завѣту Христа роздалъ все, что имѣлъ

нищимъ и самъ умеръ нищимъ. Ну, и что же? Прекратилась на землѣ бѣдность? Уничтожилось неравенство состояній? Онъ облегчилъ имъ временно жизнь. Для чего? Они такъ же умерли, какъ и онъ, а вмѣсто нихъ явилось новое поколѣніе бѣдняковъ».

Но странно... только у могилы Павла Павловича онъ находилъ молитвенное настроеніе и нѣкоторый душевный покой.

Видѣлъ онъ также и могилу Сѣдкова.

Это была цѣлая часовня, съ неугасимой лампадой.

И нѣсколько разъ онъ задумчиво останавливался передъ нею, вопрошая себя, не мужъ ли Оляши покоится въ этомъ мавзолеѣ непробуднымъ сномъ.

И тогда сердце его замирало отъ какого-то непонятнаго чувства.

XVI.

Дни шли, а вмѣстѣ съ ними тревога, овладѣвшая душою Турыгина, увеличивалась.

О. Іосифъ все хворалъ и кашлялъ съ каждымъ днемъ сильнѣе, продолжительнѣе и мучительнѣе; вслѣдствіе этого онъ рѣже видался съ своимъ духовнымъ сыномъ и меньше говорилъ съ нимъ.

Съ монахами Турыгинъ не сошелся. Онъ не любилъ ихъ, въ душѣ относился къ нимъ съ презрѣніемъ за ихъ тунеядство, лѣность, лицемѣріе. Прежнія иллюзіи о монастырѣ, какъ о тихой обители, населенной отрекшимися отъ міра и мірскихъ дѣлъ отшельниками, исчезли. Монастырь оказывался маленькимъ городкомъ со всѣми его пороками и недостатками: такъ же въ этомъ городкѣ царили бѣдность и богатство, разность положеній и почета, ложь, суесловіе, тунеядство и даже своя политика и интриги.

И монахи чуждались Турыгина. И они не хотѣли понять того внутренняго разлада, который жилъ въ немъ и угналъ его самого жестоко. Они считали его гордецомъ, неизвѣстно зачѣмъ ворвавшимся въ ихъ обитель изъ міра, который они всѣ давно покинули и внесшаго въ этотъ міръ соблазнъ своимъ поведеніемъ и гордыней.

Недоразумѣніе такимъ образомъ росло, и вскорѣ Турыгинъ былъ предоставленъ самому себѣ и своимъ одинокимъ размышленіямъ. Одинъ о. архимандритъ, этотъ добрякъ не отъ міра сего, защищалъ его передъ мрачнымъ о. Нектаріемъ, продолжавшимъ упорно называть Турыгина «блуждающимъ огнемъ» и «пустоцвѣтомъ». Но на защиту о. архимандрита о. Нектарій, а вмѣстѣ за нимъ и вся братія мало обращали вниманія.

Даже о. Іосифъ, которому сначала Турыгинъ какъ будто понравился своей «ученостью и начитанностью», вскорѣ видимо охладѣлъ къ нему.

— Изъ безнадежныхъ!—сообщалъ онъ о. казначею.—Сосудъ скудѣльный! Упорный, аки гранитъ.

— Пустоцвѣтъ! — презрительно махалъ рукой о. казначей, излюбившій свое опредѣленіе и безсчетное число разъ повторявшій его.

А между тѣмъ нѣжное чувство къ Оляшѣ выростало въ душѣ Турыгина. Теперь онъ былъ чрезвычайно радъ, что его оставили въ покоѣ, и онъ могъ вволю предаваться своимъ мечтамъ.

И онъ спрашивалъ себя: зачѣмъ эти воспоминанья вихремъ ворвались въ его жизнь и неосторожно разбудили въ немъ все, что, казалось ему, задремало въ его душѣ навѣки? Зачѣмъ они вонзились въ его сердце, поползли по его старымъ, еле залѣченнымъ ранамъ и стали жестоко мучить его, отвращая отъ молитвы, отъ его первоначальнаго желанія окончательно оставить міръ, отрясти прахъ свѣтской жизни у порога монастыря и погребсти себя подъ черной одеждой монаха?

Въ одно изъ свиданій съ о. Іосифомъ, онъ не удержался и сказалъ ему, не открывая вполнѣ своихъ тайныхъ мыслей, что его «смущаетъ бѣсъ»,—онъ привыкъ къ техническимъ и условнымъ монастырскимъ выраженіямъ, находя, что они удовлетворительно рисуютъ мысль символическимъ словомъ и избавляютъ отъ необходимости говорить многословными фразами. Онъ сказалъ ему, что первоначальное желаніе его постричься и остаться навѣки въ монастырѣ замѣтно убываетъ, что онъ борется самъ съ собой, но что «врагъ силенъ» и его потянуло обратно въ міръ.

И о. Іосифъ сказалъ ему:

— Возлюбленный! Самовольное избраніе монастырскаго образа жизни, равно какъ и избраніе онаго по совѣту или скудоумному или недобросовѣстному всегда сопровождалось бѣдствіями. И при настоящемъ призваніи Божіемъ отшельничество и затворъ составляютъ подвигъ удручительный и трудный, вводятъ въ единоборство съ отверженными духами; но, призвавшій Богъ, на основаніи извѣстномъ единому Ему, поддерживаетъ Самъ избранника Своего. И неудивительно мнѣ твое душевное состояніе. Неудивительно, ибо я понимаю его. При самомнѣніи, коимъ заражена душа самолично избирающая высокое жительство, особливо съ нарушеніемъ послушаній, съ упорнымъ страстнымъ увлеченіемъ, діавольское искушеніе призывается, а помощь и покровъ Божіи отталкиваются.

Святые отцы, каковы, напримѣръ, авва Дороѳей и многіе другіе, рѣшительно высказались, что безмолвіе убиваетъ не созрѣвшихъ для него.

— Но если я хочу бороться съ искушеніемъ, батюшка?—прервалъ его Турыгинъ.

— Извѣстны и такіе примѣры. Разскажу тебѣ повѣсть изъ жизни святыхъ иноковъ. Нѣкоторый братъ, будучи тревожимъ помыслами, понуждавшими его выйти изъ монастыря, открылъ аввѣ*) своему. Авва сказалъ ему: «пойди, безмолвствуй и отдай тѣло свое въ залогъ стѣнамъ келліи твоей съ уговоромъ, что ты не выйдешь изъ нея, а на помышленія твои не обращай никакого вниманія: пусть они безпокоятъ тебя сколько хотятъ; только ты не извергни тѣло твое изъ келліи твоей». И еще: нѣкоторый братъ былъ боримъ въ теченіе девяти лѣтъ помышленіями своими...—а ты и двухъ мѣсяцевъ не боролся, — чтобъ онъ вышелъ изъ иноческаго общежитія, въ которомъ находился, и ежедневно онъ бралъ кожицу, на которой спалъ, чтобы выйти. Когда же наступалъ вечеръ, онъ говорилъ: «завтра выйду отсюда». По наступленіи уже утра онъ говорилъ помышленіямъ своимъ: «понудилъ себя пробыть здѣсь ради Господа». Когда исполнилось девять лѣтъ, что онъ отлагалъ день за день исшествіе свое, Господь отъялъ отъ него искушеніе его. Разскажу тебѣ и еще: въ Ѳиваидѣ нѣкоторый старецъ безмолвствовалъ въ вертепѣ. У него былъ ученикъ подвижникъ. Случилось, что старецъ во время поученія впалъ въ сонъ. Ученикъ былъ побѣждаемъ помышленіями потихоньку уйти и лечь спать. Но онъ не ушелъ. До семи разъ повторилось съ нимъ такое колебаніе, но онъ противился ему. Старецъ проснулся, отпустилъ ученика и, оставшись одинъ, впалъ въ изступленіе. И вотъ нѣкто показываетъ ему тронъ и надъ тономъ семь вѣнцовъ. Старецъ спросилъ: кому все это принадлежитъ? И услышалъ гласъ: «ученику твоему за его жительство — тронъ; эти же семь вѣнцовъ онъ заслужилъ въ эту ночь». Научимся, что за побѣду и надъ малыми помышленіями Богъ вѣнчаетъ насъ. Благо человѣку понуждать себя ради Бога во всякомъ дѣлѣ: «Царство Небесное нудится, и нуждницы восхищаютъ е»... Но ты этого не можешь. Ты силенъ мірскимъ духомъ. А монастырь есть врачебница для нищихъ и слабыхъ духомъ. Поэтому лучше—изыди.

— Батюшка, я никакъ не понимаю одного: за малѣйшую побѣду надъ собою, какъ явствуетъ повѣсть, Богъ вѣнчаетъ насъ.

---

*) Авва (*abba*), т.-е. отецъ, отче, — іудейское слово, перешедшее къ христіанамъ.

— Такъ.

— И за страданіе въ сей жизни мы получимъ награду въ будущей...

— И еще такъ.

— Но вѣдь это какая-то купля и продажа! На все—своя такса. Ничего я не вижу въ этомъ ученіи безкорыстнаго, идеальнаго. Не потому все это дѣлается, что *должно* дѣлаться, а потому что ожидается награда. Но вѣдь такъ и въ жизни, такъ и въ міру! Какая же разница?

Но о. Іосифъ разсердился и мучительно раскашлялся.

— Съ колыбели, вижу, прочное жительство нашли мысли грѣшныя въ твоемъ сердцѣ! — сказалъ онъ, когда кашель его прошелъ. — Въ душѣ твоей нѣтъ умиленія и въ ней бушуютъ дерзновенныя мірскія страсти! Изыди, вотъ все, что могу сказать тебѣ. И что я могу сказать тебѣ другого? Вопросъ твой глупъ. Ежели ты хочешь дѣлать добрыя дѣла, не ожидая награды, такъ и дѣлай ихъ, не ожидая награды. Тѣмъ же лучше для тебя! Но вижу, и съ наградой, и безъ награды ты не станешь дѣлать ихъ. Ибо сердце твое твердо-каменное и тебя терзаютъ вожделѣнные помыслы. О, возлюбленный! вижу великія несчастья въ твоей жизни и еще вижу, какъ благодать Божія отступаетъ отъ тебя... Но «возжигайте ваши свѣтильники и поддерживайте ихъ, чтобы не угасали,—не угашайте духа, возгрѣвайте даръ, который въ васъ». Сила паденія должна быть умѣрена. Когда ничѣмъ не умѣрена сила паденія, падаютъ внизъ жестоко разбитыми и израненными. «Всякое твореніе хорошо и ничего не предосудительно, если принимается съ благодареніемъ». И еще сказано: «Для чистыхъ все чисто, а для осквернённыхъ и невѣрныхъ нѣтъ ничего чистаго, но осквернены и умъ ихъ, и совѣсть». И не сказано ли еще: «вино молодое не можетъ быть влито въ мѣха старые и къ ветхой одеждѣ не приставляютъ новой заплаты»? И такъ, сынъ мой, сбрось ветхую одежду, освѣжи умъ и совѣсть, возжги свѣтильникъ, возгрѣй духъ свой,—трудись, постись и молись. Плоть твоя противится духу, а потому умерщвляй ее. Не мудрствуй лукаво. А теперь прости, усталъ, ослабѣлъ я очень. Пойду молиться за гнѣвъ мой на тебя...

Онъ ушелъ, а Турыгинъ остался одинъ, смущенный, неудовлетворенный объясненіями о. Іосифа.

На монастырской башнѣ пробила полночь, но спать Турыгину не хотѣлось. Вообще монастырская жизнь сильно расшатала его здоровье. Вставанье въ четыре часа утра, постная, невкусная пища, отсутствіе элементарныхъ удобствъ—все это, несмотря на его не-

избалованность, вліяло на его расположеніе духа, на состояніе его нервовъ. Появились упорныя, удручающія головныя боли, постоянная изжога, раздражительность. Не дался ему монастырь, какъ не далась служба, какъ не далась любовь! И это-то больше всего раздражало его.

За это время онъ получилъ два письма. Одно отъ матери, которую онъ ни разу не навѣстилъ, какъ будто забылъ о ея существованіи и которая писала ему, что блаженствуетъ въ обители, что черезъ два мѣсяца матушка игуменья согласилась дать ей рясофорное постриженіе, что ее всѣ любятъ и она всѣхъ любитъ, и что она такъ привыкла къ монастырской жизни и порядкамъ, какъ будто бы весь свой вѣкъ прожила въ монастырѣ.

Паша писала изъ Парижа, что разошлась съ своимъ покровителемъ, но не унываетъ и найдетъ, конечно, другого. Писала, что проигралась на биржевой игрѣ и осталась почти безъ денегъ. Письмо ея было просто, ясно—до циничности. Она какъ будто хвасталась своими похожденіями; что-то тайно-возмущенное чувствовалось подъ ея словами, которыми она будто хотѣла мстить кому-то и за что-то. Она издѣвалась надъ его «маскарадомъ», какъ она называла его бѣгство въ монастырь, о чемъ писала ей мать и хвалила его за то, что онъ «порастрясъ слегка Гарпагончика, только жаль, что мало. Но зачѣмъ же ему самому понадобилось вдругъ превращаться въ Тартюфчика?»

И Турыгинъ подумалъ, что вотъ у этихъ двухъ женщинъ все ясно, все твердо установлено по ихъ вкусамъ и разумѣніямъ. Обѣ нашли то, къ чему стремились ихъ души. Обѣ, казалось, удовлетворены своимъ положеніемъ и не желаютъ ничего лучшаго.

Одинъ онъ мечется по океану жизни, самъ не зная, чего хочетъ, куда направить свой легковѣсный челнъ, къ какому пристать берегу. И въ душѣ его тьма, смущеніе и неясность. И шатается онъ при малѣйшемъ дуновеніи вѣтерка. И упорно ищетъ онъ того, чего найти не можетъ. Ни въ чемъ не видитъ смысла, нигдѣ не можетъ отыскать несомнѣннаго принципа. Когда онъ жилъ въ міру, тихая обитель за высокими стѣнами, мирная келья окнами въ садъ и колокольный звонъ, и стройное пѣніе клира, и безмолвные монахи—все это казалось ему недостижимымъ, безоблачнымъ, спокойнымъ счастьемъ.

И вотъ все это у него есть. Но теперь міръ кажется ему отвергнутой грёзой, невозвратно канувшей въ вѣчность, а монастырь—темницей и узкая келлія—гробницей, въ которой онъ заживо похороненъ.

Хочется ему вырваться изъ нея, опять окунуться въ ту жизнь, полную невзгодъ, обиды и горечи; хочется ему еще испробовать свои силы — на чемъ? Онъ не знаетъ. Не знаетъ и того, для чего ему хочется снова пробовать силы. Хочется ему любить Оляшу, которую онъ когда-то самъ же отвратилъ отъ себя. Вспоминаетъ онъ всю свою жизнь: и язвительные споры съ отцомъ и братомъ, и мелочной разладъ съ сослуживцами, и крупный разладъ съ самимъ собою, и длинный, длинный рядъ разочарованій и обмановъ жизни и вызванную имъ ссору съ любимой дѣвушкой... и все это ему кажется лучше, заманчивѣе, живѣе, отраднѣе этого вынужденнаго безмолвія монастырской жизни и грубаго лицемѣрія монастырскаго строя.

И въ молчаливомъ недоумѣніи заглядывалъ онъ въ свою истомленную душу, надѣясь прочесть въ ней что-нибудь отрадное. Но душа его была пуста. Темнымъ окомъ выглянула на него оттуда «мерзость запустѣнія», по выраженію о. Іосифа, и человѣконенавистническое озлобленіе. И въ немъ поселился страхъ. Утлый челнъ его, спасаясь отъ грозныхъ бурь жизни въ мирную гавань обители, наткнулся на острые подводные камни, далъ течь и идетъ ко дну, когда пловцу казалось, что впереди зачернѣла полоска обѣтованной земли.

Такъ медленно, однообразно, скучно и уныло дни тянулись за днями. Ночи казались безконечными,—такихъ ночей онъ не зналъ въ мірской жизни. Иногда ему хотѣлось кричать, звать на помощь, открыть кому-нибудь душу, разсказать все, все, что его терзало. Но иноки были безмолвны, какъ гробницы. И онъ не дѣлалъ попытокъ дѣлиться съ ними тѣмъ духовнымъ процессомъ, который совершался въ немъ. Еслибъ они и отверзли свои уста,—они не поняли бы его. Это ему доказалъ о. Іосифъ. Турыгинъ требовалъ открытія смысла жизни, требовалъ указанія на что-нибудь высшее, идеальное. Монахъ ему разсказывалъ какія-то повѣсти и легенды, выдавая ихъ за подлинныя происшествія, или говорилъ цитатами изъ Писанія.

И все это было не то, не то, не то!

Однажды, въ темныя, августовскія сумерки, Турыгинъ, стоя у всенощной, замѣтилъ въ соборѣ силуэтъ женщины въ черномъ платьѣ. Она выходила изъ церкви. Онъ задрожалъ, какъ будто электрическая искра пробѣжала по его тѣлу.

Но покинуть собора онъ не могъ и, по окончаніи службы, поторопился выйти. Онъ не засталъ ее больше и отправился, удру-

ченный, бродить по кладбищенскому саду, какъ онъ имѣлъ обыкновеніе дѣлать это въ послѣднее время.

Неужели онъ ошибся? Кровь приливала къ его вискамъ и сердце сильно колотилось въ груди. *Она, она!* Не могъ, не могъ онъ ошибиться. Слишкомъ долго, слишкомъ упорно мечталъ онъ о ней, слишкомъ отчетливо видѣлъ ее у изголовья своей кровати во время грѣшныхъ, ночныхъ грёзъ. И именно такою. Хотя въ церкви было темно и желтые огни восковыхъ свѣчъ плохо освѣщали ее, погружая притворы и углы въ глубокую тьму, но походка, станъ, весь очеркъ фигуры были ея, несомнѣнно—ея! Какъ жаль, что онъ не успѣлъ разглядѣть ея лица, встрѣтившись взоромъ со взоромъ о. Леонтія и быстро отведя его. Онъ и не представлялъ ее себѣ иначе, какъ въ траурномъ платьѣ, и дама, вышедшая изъ церкви, была несомнѣнно она.

Остатокъ службы онъ отстоялъ со бо̀льшимъ противъ обыкновеннаго нетерпѣніемъ. И онъ ропталъ на Бога въ то время, когда уста его произносили слова молитвы. И злой духъ шепталъ ему соблазнительныя рѣчи.

Его мозгъ пылалъ и сердце трепетно билось, когда шевелились въ немъ эти дерзкія мысли. Ему казалось, что вотъ-вотъ на него обрушатся своды и колонны этого храма. Но свѣчи тускло горѣли, красными блестками мерцая на металлическихъ ризахъ образовъ, служба медленно тянулась и хоры возносили хвалу Богу. И все шло по разъ установленному порядку. Уныло и печально было кругомъ, а внутри его души бушевала грозная, разрушительная буря, сверкали молніи гнѣва, раздавались громовые раскаты хулы и озлобленія. И горе, ужасное горе томило его, какъ больного лихорадкой томитъ неутолимая жажда, и жизнь казалась ему безпросвѣтной темной ночью...

Между памятниками онъ встрѣтилъ о. Леонтія. Принаряженный и раздушенный, по обыкновенію стоялъ онъ на ступенькахъ одной могильной ограды и рисовался передъ двумя-тремя послушниками; рябой послушникъ искоса взглядывалъ на него и, толкая въ бокъ молодого, красиваго юношу, фыркалъ въ руку и говорилъ ему шепотомъ:

— Глянь, глянь... нашъ-то! Чудно, право!

Невдалекѣ, въ оградѣ могилы Павла Павловича, Турыгинъ замѣтилъ черный, колѣнопреклоненный силуэтъ той же женщины. Очевидно, она молилась, прося помощи у праведника, вѣря въ ходившую по городу легенду.

И, конечно, о. Леонтій выжидалъ, когда она выйдетъ оттуда, чтобы козыремъ пройтись мимо нея.

О. Леонтій и Турыгинъ взглянули другъ на друга какъ два врага. Турыгинъ выдержалъ взглядъ, и о. Леонтій сконфуженно спустился со ступенекъ ограды и вскорѣ исчезъ между кустами аллеи, ведшей на монастырскій дворъ. За нимъ пошли и оба послушника.

Теперь уже не оставалось никакого сомнѣнія: это была Оляша!

Она вышла изъ ограды Павла Павловича и столкнувшись съ Турыгинымъ на аллеѣ, вскрикнула отъ испуга и неожиданности.

— Оляша!—дрожащимъ, тихимъ голосомъ сказалъ онъ ей.

Она пристально, пристально взглянула на него, пошатнулась, какъ-то согнулась вся. Она ему ничего не отвѣтила, но узнала его. Горькія слезы полились у нея изъ глазъ.

Онъ поддержалъ ее за руку, подвелъ къ скамейкѣ, посадилъ ее и сѣлъ рядомъ съ нею.

— Оляша... Оляша... полно, милая. Зачѣмъ ты плачешь? О чемъ? Оляша?

Онъ не находилъ ничего больше сказать ей.

Отъ волненія она не могла говорить. Когда первый порывъ прошелъ, она ему сказала:

— Я пріѣхала, Петруша, повидаться съ тобою. Но я не ожидала тебя увидѣть *такимъ*...

Она замолчала, боясь высказать свою мысль.

— Какимъ?—смущенно проговорилъ Турыгинъ.

— Такимъ... больнымъ, такимъ измученнымъ. Ты очень страдаешь? Ты правда боленъ?

— Боленъ, Оляша, боленъ, но только душой. Такъ, я почти здоровъ.

— Ты осунулся, исхудалъ страшно... Не по силамъ тебѣ этотъ подвигъ!

И она опять горько заплакала.

— Все я виновата,—заговорила она.

— Ты?—удивился Турыгинъ.—Чѣмъ же ты виновата?

— Я ушла отъ тебя, я не простила тебѣ тогда той злой вспышки. Я сама разозлилась и оставила тебя одного...

Онъ ничего не возразилъ ей. Да и что бы онъ могъ возразить? Она, очевидно, воображала, что онъ, покинутый тогда ею, съ отчаянія пошелъ въ монастырь. Могъ ли онъ сказать ей, что онъ почти ни разу не вспомнилъ о ней и въ сутолокѣ жизни образъ ея изгладился, стерся въ его душѣ? Только вѣдь здѣсь, въ стѣнахъ

этой обители, которая своимъ безмолвіемъ и тишиной уничтожила въ немъ впечатлѣнія, оставшіяся отъ жизни, ея образъ снова всплылъ въ его душѣ и занялъ въ ней первенствующее мѣсто.

Онъ ничего не сказалъ ей.

Она теперь оправилась и продолжала говорить, говорить безъ умолку:

— Я была какъ-то по дѣламъ въ банкѣ, гдѣ ты служилъ. У меня тамъ капиталы, оставленные покойнымъ мужемъ. Искрицкій,—помнишь Искрицкаго... Ефима Сергѣевича?—сказалъ мнѣ, что ты въ монастырѣ. Вотъ я рѣшила повидить тебя! Сама судьба, видно, хотѣла этого. Здѣсь похороненъ мой мужъ; въ городѣ живетъ его родня и я гощу у нихъ. Я подумала, что, можетъ быть, ты не забылъ меня... что я тебѣ нужна... все равно останешься ли ты въ монастырѣ, или выйдешь изъ него. Видишь, я все та же добрая Оляша... А ты?

— Я все тотъ же негодный человѣкъ. Жизнь довольно-таки потрепала меня, но сердце мое не смягчилось. Я сталъ еще ожесточеннѣе, чѣмъ былъ. И обитель, Оляша, не исцѣлила меня. Вотъ еще недавно я стоялъ въ церкви и богохульствовалъ. Я увидѣлъ тебя, какъ ты выходила, и сердце загорѣлось во мнѣ... Не объясню тебѣ почему, ты не поняла бы меня... Но и со мною произошла перемѣна.

— Какая?—быстро спросила она.

— Я полюбилъ тебя, Оляша! Я любилъ тебя и прежде, но теперь я люблю тебя иначе. Твой образъ не давалъ мнѣ спать, мѣшалъ мнѣ молиться. И днемъ и ночью онъ преслѣдовалъ меня, какъ будто я чувствовалъ, что ты тоже думаешь обо мнѣ, что ты живешь для меня!... И вотъ грёза моя осуществилась. Люблю тебя и боюсь любить. Боюсь, чтобы мое истерзанное сердце, чтобы мой возмущенный умъ не оскорбили тебя; боюсь, что пѣсенка моя спѣта, что жизнь моя окончательно разбита, что я—живой мертвецъ. Жизнь постыла мнѣ, жизнь противна мнѣ, она потеряла весь вкусъ, весь смыслъ для меня. Я только и думаю о смерти. Смерть—вотъ весь смыслъ жизни, весь результатъ ея, все ея содержаніе. Рожденіе уже первый шагъ къ смерти. О. Іосифъ... ты знаешь его? Суровый такой монахъ? Онъ сказалъ мнѣ: «если соль потеряетъ свою силу, чѣмъ она осолится?» Это вѣрныя слова, Оляша; жизнь потеряла для меня смыслъ, да, кажется, никогда и не имѣла его. Чѣмъ же осолится она? Будешь ли ты этой солью жизни? Или и ты не сумѣешь придать ей вкусъ? Но, все равно... не сердись на меня за эти слова; если не хочешь—не слушай ихъ. Я самъ

не знаю, что говорю, зачѣмъ говорю тебѣ это при первомъ же свиданіи... Но я бы хотѣлъ умереть около тебя, чтобы ты закрыла своими руками мои глаза. Чтобы умирая, я не чувствовалъ холода смерти, который еще холоднѣе холода жизни, окружавшаго меня; чтобы я зналъ, что ты со мною рядомъ, что я не вовсе одинокъ въ жизни; чтобы умирая, я чувствовалъ, что есть одна душа на свѣтѣ, которая любитъ меня,—меня, котораго никто не любилъ, и который тоже никого не любилъ...

Слезы затуманили его глаза, голосъ его дрогнулъ. Онъ въ первый разъ говорилъ такъ тепло и, главное, такъ искренно. Всегда, во всѣхъ случаяхъ жизни, онъ чувствовалъ, что не говорилъ, не могъ говорить *всего*, что̀ кипѣло въ немъ. Часто, самъ передъ собою лицемѣрилъ. И въ эту минуту внезапно разрѣшившагося порыва истерзанной, больной души, ему показалось, что онъ, наконецъ, разгадалъ загадку своей жизни. Да, онъ не любилъ и его не любили; всегда и вездѣ и во всемъ онъ былъ одинокъ. Вотъ источникъ того холода, отъ котораго жестоко страдала душа его. И теперь онъ съ ужасомъ прислушивался къ тому, что подымалось въ этой душѣ. Да, вотъ Оляша, грёза его жизни, сидитъ теперь рядомъ съ нимъ; вотъ онъ слышитъ ея грудной, бархатистый голосъ. Но того чувства, которое онъ лелѣялъ, когда она являлась ему во снѣ—уже нѣтъ! Того трепета, который овладѣвалъ имъ, когда онъ страстно призывалъ ее, онъ уже не чувствуетъ. Да, онъ любитъ ее, но это уже не то, не то, далеко не то,—какое-то высокое, священное, божественное чувство.

И онъ понялъ, что сердце его поражено роковымъ, глубокимъ недугомъ. Оно никогда не любило. Жизнь не научила его любви и о любви ли думать ему теперь, когда жизнь изжита, когда единственный разумный шагъ, который онъ можетъ сдѣлать—это послѣдній шагъ къ смерти.

Тяжелыя, удушливыя слезы закапали изъ его глазъ. Онъ не стыдился ихъ, не утиралъ даже ихъ.

Оляша взяла его за руку.

— Петруша, родной мой, что съ тобою? — горько вскрикнула она.—Я не понимаю, что̀ ты говоришь? Скажи мнѣ просто, что̀ съ тобою?!...

И онъ, собравшись съ силами, отвѣтилъ ей:

— Я боленъ, очень боленъ... ахъ, еслибы ты знала, какъ я боленъ, какъ я страдаю!...

Она обняла его порывисто, горячо, страстно. Вся ея хорошая, чистая душа сказалась въ этомъ порывѣ.

XVII.

Свиданія Турыгина съ Оляшей на монастырскомъ кладбищѣ продолжались. Сначала они были рѣдки, потомъ стали все чаще и чаще.

Турыгинъ много говорилъ о себѣ съ молодой вдовой. Онъ какъ будто обрадовался возникновенію возможности говорить съ живымъ человѣкомъ послѣ долгаго, вынужденнаго молчанія или разговоровъ съ «ходячими трупами въ черныхъ саванахъ», какъ онъ называлъ монаховъ.

И онъ говорилъ, говорилъ, говорилъ...

Часто воодушевлялся онъ, когда разсказывалъ ей о состояніи своей души или когда разсуждалъ о религіи. Онъ доходилъ иногда до экстаза, но послѣ такого экстаза, какъ и раньше, наступала реакція; онъ падалъ духомъ, ослабѣвалъ физически, впадалъ въ мрачное настроеніе часто плакалъ и ненавидѣлъ, ненавидѣлъ все его окружающее.

Въ такія минуты даже Оляша, кроткая и добрая, заботливая и любящая, возмущала его малѣйшимъ противорѣчіемъ.

Они встрѣчались на кладбищѣ какъ будто случайно, нечаянно.

Въ первое время никто не обращалъ вниманія на эти уединенныя, коротвія прогулки и только одинъ о. Леонтій изъ какой-то фантастической ревности принялся ненавидѣть Турыгина, постоянно сталкиваясь съ нимъ у могильныхъ памятниковъ.

Но онъ хитро помалчивалъ, надѣясь на то, что «исторія разыграется сама собой». Только изрѣдка позволялъ онъ себѣ въ бесѣдѣ съ монахами произносить по этому поводу загадочныя фразы, которыхъ сначала никто не понималъ.

— Розы зацвѣли, соловьи запѣли, а *они* взыграли во свои свирѣли, — говорилъ онъ, стараясь подражать ριѳмамъ о. архимандрита, надѣясь, что эти ριѳмы дойдутъ до игумена и вызовутъ его одобреніе.— Не осквернится Божья благодать грѣховнымъ воспѣваньемъ,— ριѳмовалъ онъ,— но ангельская рать караетъ наказаньемъ.

Ничего не было удивительнаго въ томъ, что никто ровно ничего не понималъ въ этихъ таинственныхъ и нескладныхъ ριѳмахъ.

Однако, вскорѣ всѣ монахи, даже самые простые, стали замѣчать то, что прежде всѣхъ замѣтилъ о. Леонтій. Одни подсмѣивались, другіе возмущались и всѣ—начали злословить. Ореолъ «учености», ореолъ чего-то необыкновеннаго, которымъ окруженъ былъ Турыгинъ въ первые дни вступленія въ обитель, быстро исчезъ.

«Необыкновенный новоначальный» превратился въ самаго обыкновеннаго мірского человѣка, «соблазнившагося о женщинѣ». Но ничего предосудительнаго въ этомъ, все-таки, никто не видѣлъ, кромѣ одного о. Іосифа, который по своей фанатической суровости сторонился даже отъ старыхъ женщинъ и считалъ «студнымъ» взглядывать на нихъ.

И о. Іосифъ зѣло прогнѣвался на своего духовнаго сына. Онъ даже счелъ необходимымъ преподать ему наставленіе.

Однажды, поздно вечеромъ, онъ вошелъ въ келью Турыгина.

— Отцы наши, — сказалъ онъ, садясь противъ Турыгина, — имѣли обычай посѣщать кельи новоначальныхъ братій, вступившихъ въ жизнь отшельническую, и наблюдали, чтобы кто-нибудь изъ нихъ не подвергся умоповрежденію отъ демонскихъ искушеній. Если когда находили кого поврежденнымъ, приводили того въ церковь, ставили чашу съ водою и совершали молитву о подвергшемся искушенію. Послѣ этого всѣ братія умывали руки въ водѣ и обливали этою водою брата, подвергшагося искушенію, и братъ тотчасъ очищался отъ впечатлѣнія.

Онъ слегка раскашлялся, схватился рукою за грудь и продолжалъ:

— Нынѣ нравы и обычаи не тѣ. Но и нынѣ не токмо бываютъ искушенія, но и усугубились они въ качествѣ и количествѣ. Возлюбленный! Пришелъ я поговорить съ тобою. Согласенъ ли безъ гордости выслушать меня?

— Не только согласенъ, но прошу объ этомъ, батюшка.

— По обители нашей распространились слухи о тебѣ, сынъ мой. Недобрые слухи. Нелестно говорятъ о тебѣ, яко о соблазнившемся о женщинѣ, яко о боримомъ вожделѣніемъ. Многіе легкомысленно относятся къ сему, но многіе судятъ тебя. Не даромъ чуждались они тебя, возлюбленный! И въ ихъ сужденіяхъ подобенъ ты есть хищному нѣкоему звѣрю, вторгшемуся въ стадо слугъ Христовыхъ и сомущающему святую обитель... Пришелъ ты сюда для служенія Господу, для радѣнія о душевномъ спасеніи. А вмѣсто сего занимаешься осквернѣніемъ священныхъ могилъ почивающихъ иноковъ и мірянъ. Кощунственно лгалъ ты передъ Господомъ, передъ иноками, передъ самимъ собою! Не ново это. Бывало сему подобное. Разскажу тебѣ по сему поводу повѣсть. Былъ нѣкоторый отшельникъ въ Нижнемъ Египтѣ, пользовавшійся извѣстностью, потому что безмолвствовалъ наединѣ въ пустынномъ мѣстѣ. По дѣйствію сатаны, нѣкоторая женщина развратнаго поведенія, услышавъ объ отшельникѣ, задумала низложить его соблаз-

номъ своимъ, похваставшись о семъ юношамъ. Вышла она вечеромъ и, какъ бы сбившись съ дороги, пришла къ келіи пустынника и постучалась къ нему. Онъ вышелъ; увидавъ, смутился и спросилъ ее: «Какимъ образомъ пришла ты сюда?». Она, заплакавъ притворно, отвѣчала: «Сбилась съ дороги и пришла сюда. Умилосердись надо мною». Онъ умилосердился, ввелъ ее въ сѣни, а самъ вошелъ въ келью и заперъ за собою дверь. Но окаянная начала кричать: «Авва, здѣсь съѣдятъ меня звѣри!» Онъ опять смутился, но вмѣстѣ съ тѣмъ убоялся суда Божія за поступокъ жестокій и говорилъ самъ себѣ: «откуда пришла мнѣ эта напасть?» И ввелъ ее въ келью. Тогда діаволъ началъ стрѣлами вожделѣнія разжигать сердце его къ ней. Понявъ, что тутъ дѣйствуетъ діаволъ, отшельникъ сказалъ себѣ: «путь врага—тьма, а Сынъ Божій—свѣтъ». И возжегъ лампаду. Чувствуя, что вожделѣніе воспламеняется болѣе и болѣе, сказалъ: «такъ какъ удовлетворяющіе вожделѣніямъ пойдутъ въ муку, испытай себя, можешь ли выдержать огнь вѣчный». И съ этими словами наставилъ одинъ изъ ручныхъ пальцевъ на огонь лампады. Палецъ началъ горѣть, но онъ не чувствовалъ боли по причинѣ необыкновеннаго воспламенѣнія плотской страсти и до дневного разсвѣта сжегъ всѣ пальцы у руки. Окаянная, увидѣвъ, что дѣлаетъ отшельникъ, какъ бы окаменѣла. Рано утромъ пришли юноши и спросили его: «приходила ли сюда, вечеромъ поздно, женщина?» Онъ отвѣчалъ: «приходила, вотъ она; спитъ тамъ». Юноши, подойдя къ ней, нашли ее мертвою и сказали: «Авва, она умерла». Тогда онъ, раскрывъ малую мантію, показалъ имъ свои руки, говоря: «вотъ что сдѣлала мнѣ эта дщерь діавола». И разсказалъ все происшедшее, присовокупивъ: «но Писаніе говоритъ: не воздавай зломъ за зло». Помолившись, онъ воскресилъ умершую. Воскресшая покаялась и провела благочестиво остатокъ жизни своей.

О. Іосифъ замолкъ, тяжело переводя духъ и опустивъ на грудь голову. Потомъ, взглянувъ на Турыгина, онъ присовокупилъ:

— Понялъ ли ты, сынъ мой, поученіе? Вотъ какъ надлежитъ бороться съ искушеніемъ отъ женщины. Вотъ какъ надлежитъ ненарушимо хранить свою чистоту, зрѣніе и осязаніе. И кромѣ того, надлежитъ стараться и самоё соблазняющую женщину привести къ покаянію. «Убѣгающій отъ вещества,—сказалъ авва Оръ ученику своему, — приближается къ невещественному; собирающій же вещи отлучаетъ себя отъ невещественнаго». Такъ ли поступаешь?

Турыгинъ молчалъ.

— Нѣтъ, отвѣчу за тебя: не такъ поступаешь. Давно уже замѣчаю, сынъ мой, что не по силамъ взялъ себѣ задачу и отъ того, какъ говорилъ я тебѣ, могутъ произойти великія бѣдствія для тебя и для братіи. Горе соблазнившему единаго отъ малыхъ сихъ! Сердце твое подобно давно не паханной, заброшенной нивѣ. Земля оной слилась комьями и желѣзо плуга гнется и тупится, встрѣчаясь съ твердостью оной. Сердце твое подобно безплодной пустынѣ. Все выжжено въ ней палящимъ зноемъ и обезсилено оно до послѣдней возможности. Изсякли родники въ немъ и роса Божьей благодати уже не освѣжаетъ его! Пустынно сердце твое! Мерзость запустѣнія и ложь царятъ въ немъ... Лгалъ ты себѣ и людямъ, когда укрылся къ намъ. Подобенъ ты блудницѣ, возжелавшей низложить пустынника. Великій соблазнъ идетъ о тебѣ...

Онъ хотѣлъ еще сказать что-то, но приступъ жестокаго кашля помѣшалъ ему.

Воспользовавшись этимъ, Турыгинъ тихимъ, сокрушеннымъ голосомъ началъ говорить:

— Нѣтъ, батюшка! Не вѣрьте такому заключенію. Не лгала моя больная душа! Не лгалъ я, когда, движимый искренней ненавистью къ мірскимъ дѣламъ и мірской жизни, укрылся сюда. Я хотѣлъ, хотѣлъ забыть все прошлое, все грѣшное. Я хотѣлъ вкусить новой, лучшей жизни. Фальшивыя, пустынныя слова и фразы, неизбѣжныя ошибки и паденія, издѣвательства враговъ и недруговъ, насмѣшки пріятелей, ложь и озлобленіе, неудачи, насиліе—вотъ что было моей жизнью. И я бѣжалъ отъ нея искренно, правдиво. Я искалъ здѣсь, за стѣнами этой мирной обители, забвенія, прощенія и утѣшенія. Но ничего не нашелъ я здѣсь. Да, да, о. Іосифъ, не возмущайтесь и не смущайтесь. И новое озлобленіе вошло въ меня. Не могъ, не умѣлъ я видѣть то хорошее, что, вѣроятно, существуетъ въ иноческой жизни. Что-жъ дѣлать, если сердце мое устроено такъ, чтобы не видѣть ничего хорошаго, а искать во всемъ только дурное? Вотъ я и вспомнилъ о давно позабытомъ счастьи и въ сердцѣ моемъ проснулось сожалѣніе о покинутой жизни. Ахъ, еслибъ кто-нибудь сказалъ мнѣ, что жизнь моя ему нужна! Съ какою бы радостью я отдалъ ее!..

— Ты бы не отдалъ ее,—увѣренно проговорилъ о. Іосифъ.

— Почему?

— Потому что въ сердцѣ твоемъ нѣтъ любви. Вотъ ты могъ бы его отдать Господу и умертвить его здѣсь въ обители, во славу Его. Ты не сдѣлалъ этого и никогда не сдѣлаешь. Ежели ты отказалъ принести жертву Господу, какъ принесешь ее людямъ? Вспы-

лаешь и остынешь. Натужишься и тотчасъ ослабнешь. Сердце твое лишено любви. А если соль, какъ я говорилъ тебѣ неоднократно, потеряетъ силу, чѣмъ, думаешь, она осолится? Ничѣмъ. А любовь—не плотская, не вожделѣнная, а ровная ко всему живущему—есть сила сердца.

— Пустынно мое сердце, пустынно!... Это правда,—горькимъ возгласомъ вырвалось у Турыгина.—Закрыто оно и ничего не шевелится въ немъ... Это болѣзнь, батюшка, роковая болѣзнь и не вашей обители излѣчить ее. Отецъ оставилъ мнѣ его въ наслѣдство—тяжелое, тяжелое наслѣдство!...

И онъ заплакалъ.

Оправившись, онъ продолжалъ:

— Сердце мое ничуть не умягчилось за время пребыванія моего здѣсь. Страсти по-прежнему борютъ его, если можно называть страстями то, что въ немъ происходитъ. Злоба по-прежнему душитъ меня. И я хочу покинуть монастырь. Я нищій, нищій духомъ, и нищій деньгами. У меня ничего нѣтъ. Ни даже надеждъ. Хорошо, покойно мнѣ было бы жить здѣсь, но я не могу... Я хочу вернуться въ міръ, гдѣ, я знаю, не ожидаетъ меня ничего, ничего хорошаго, гдѣ я буду жестоко страдать и мучиться. Но я иду на эту муку добровольно, сознательно. И тернистый путь, настоящій тернистый путь—тамъ, а не въ этой обители! И я уйду отсюда. Быть можетъ не разъ я вспомню о ней въ своихъ странствіяхъ по міру, быть можетъ не разъ благословлю ея миръ и тишину. И много, много разъ я буду вспоминать о васъ, моемъ духовномъ отцѣ, и о вашихъ рѣчахъ. И горько, горько мнѣ будетъ! Издалека эта обитель мнѣ покажется милѣе. Вблизи многое возмущаетъ меня. Преступно, необдуманно вступилъ я сюда, нарушивъ вашъ покой, преступно и бѣгу я отсюда въ постылую жизнь. Еще не такъ давно я мечталъ, что отдохну здѣсь душою; но съ первыхъ же дней сомнѣнія и тревоги стали одолѣвать меня и съ каждымъ днемъ эти сомнѣнія и тревоги увеличивались, и я доходилъ до богохуленія, до дерзкаго ропота. Ничего я не понимаю въ вашихъ туманныхъ ученіяхъ, и никогда, никогда я не послѣдую за вами. Вступая сюда, я хотѣлъ отречься отъ жизни. Я думалъ, что здѣсь ея нѣтъ! Но она здѣсь, какъ и въ міру, какъ и вездѣ. И не только она сама, но со всѣми своими страстями, грѣхами, преступленіями и паденіями. И здѣсь еще хуже. *Тамъ*, по крайней мѣрѣ, все ясно, твердо, неприкрыто, все—во всей своей мерзкой гнусности. Здѣсь то же самое, но болѣе мелко, болѣе низменно и,—простите меня,—болѣе фальшиво, потому что при-

крыто благочестіемъ и лицемѣріемъ. Повторяю, что это *я* вижу такъ своими пустынными глазами, смотрящими черезъ мое пустынное сердце. Хорошаго я не замѣчаю, а дурного много, слишкомъ много. Сознаю, что не слѣдовало бы говорить вамъ этого, но вы, по милосердію своему, простите меня. Да, я хотѣлъ отречься отъ жизни, но, вотъ, жизнь опять зоветъ меня къ себѣ. И я знаю, тамъ ждетъ меня иное отреченье, тамъ подстерегаетъ меня Смерть. Здѣсь— отреченье ложное... позвольте мнѣ сказать: лицемѣрное. Тамъ— настоящее. Кто дѣйствительно хочетъ отречься отъ жизни, тотъ отрекается на чистоту, безъ остатка, безъ компромиссовъ. И настоящее, единственное, несомнѣнное отреченіе — Смерть, одна Смерть и только Смерть.

Отецъ Іосифъ упалъ передъ иконой на колѣни, устремивъ на ликъ божественнаго Искупителя свой воспламененный взоръ. Онъ воздѣлъ руки и его блѣдныя, посинѣвшія уста зашептали молитву.

— Господи! — шепталъ онъ, — не взыщи съ него, ибо уста его не вѣдаютъ того, что говорятъ! Господи! удали отъ него похотѣніе злое, превратившее его сердце и измѣнившее его умъ! Исцѣли, Господи, душу его, чтобы не огорчился живущій въ немъ Духъ Божій! Охрани языкъ его, дабы и сердце его охранилось! Ты, Господи, сказалъ: «Миръ Мой даю вамъ, миръ Мой оставляю вамъ». Осѣни же этимъ миромъ его возмущенное сердце! Удали его ненавистей и распрей. Наложи Перстъ на уста его и узду на языкъ его. Заслади его духовною солію, да ночью и днемъ обращается въ устахъ его имя святое Твое. Господи! За всѣхъ болящихъ сердцемъ и душевно-страждущихъ христіанъ молю Тебя и еще молю за здѣ предстоящаго.

Лицо о. Іосифа преобразилось. Тревожно-грустные, вопрошающіе глаза его широко раскрылись и въ нихъ было столько скорби, столько мольбы, столько умиленія, что Турыгинъ смутился и безсильныя, больныя слезы закапали изъ его глазъ.

Турыгинъ понялъ, что въ этомъ «чудакѣ и блаженненькомъ», какъ его называлъ грубый и чувственный о. Павлинъ, было столько отшельнической отчужденности отъ міра и столько настоящей, истинной христіанской доброты, какъ ни въ одномъ изъ всѣхъ обитателей монастыря. Правда, о. Іосифъ не умѣлъ утѣшать словами, какъ справедливо говорилъ ему объ этомъ о. архимандритъ, и утѣшенія его выходили книжными, сухими, несердечными, но Турыгинъ часто видѣлъ, какъ монахъ волновался про себя, мучился, болѣлъ душою и въ такихъ случаяхъ усиленно, продолжительно кашлялъ, сильнѣе обыкновеннаго.

— Прощай! — сказалъ о. Іосифъ, приподымаясь съ колѣнъ, при помощи Турыгина.—Слабъ я сталъ. Ослабѣлъ духъ мой и ослабѣла молитва моя. Ибо полюбилъ я тебя даже съ перваго дня; и молился о тебѣ неустанно. И вотъ, Господь не далъ мнѣ по молитвѣ моей.

«Соблазнительные слухи» продолжали ходить по обители. Конечно, они дошли и до о. архимандрита, которому доложилъ объ этомъ о. казначей.

— И все ты злобствуешь, и все злобствуешь, о. Нектарій!— отвѣтилъ ему старичокъ, сначала не повѣривъ слухамъ.

— По обязанности званія своего докладываю своему начальству и ничуть во мнѣ злобы нѣту! — своимъ звучнымъ голосомъ возразилъ о. Нектарій. — И откуда взяться этой самой злобѣ? А только нарушеніе благочинія — ужъ это вѣрно. И надлежитъ сдѣлать сему новоначальному строгое архипастырское поученіе и внушеніе и даже въ присутствіи всей братіи.

Какъ-то уже давно такъ установилось, по безмолвному соглашенію о. архимандрита съ о. казначеемъ, что въ сущности обителью управлялъ о. казначей и «совѣтъ» его игумену принимался этимъ безпрекословно. Игуменъ, по старости и по своему болѣзненному состоянію, не могъ активно править обителью и предоставлялъ о. казначею обширную иниціативу, которой тотъ и пользовался. Но зато сумѣлъ поставить себя такъ, что слово его было закономъ и о. архимандритъ не осмѣливался перечить ему. Злые монастырскіе языки говорили, что о. Нектарій «подкапывается подъ о. архимандрита» и «самъ готовится занять его мѣсто» при первомъ удобномъ случаѣ. Говорили, что отецъ архимандритъ побаивается его, а уходить на покой не желаетъ, такъ какъ это лишило бы его возможности помогать своимъ многочисленнымъ бѣднымъ родственникамъ.

Но на сей разъ добрый старичокъ не согласился съ мнѣніемъ о. Нектарія и возразилъ ему:

— Ну ужъ, о. Нектарій... ужъ и при всей братіи! Зачѣмъ это, о. Нектарій, при всей братіи? Ударять въ било *) вовсе мнѣ не мило,—сримовалъ онъ и попробовалъ улыбнуться, но, встрѣтивъ суровый взглядъ о. казначея, подавилъ улыбку. — Изволь, изволь, о. Нектарій, выговорю ему, въ твоемъ присутствіи даже выговорю, только безъ братіи. Что человѣка конфузить?

— Да вы бы, о. архимандритъ, какъ-нибудь построже.

---

*) Било — деревянная доска, въ которую ударяютъ палкою, для созыва братіи.

— Ну ужъ, чадо, какъ умѣю, какъ умѣю. И то вѣдь знаю, весь вспотѣю.

И, не будучи въ силахъ удержаться, засмѣялся.

Турыгинъ стоялъ въ покояхъ о. архимандрита и слушалъ его «поученіе». Невдалекѣ стоялъ о. казначей и остро-проницательнымъ взглядомъ незамѣтно посматривалъ на обоихъ.

О. архимандритъ напустилъ на себя суровость, совершенно для него необычную.

— Ну, и какъ же это вы, того... допустили? — выговаривалъ онъ Турыгину. — Какъ это допустили такую глупость? Соблазнъ это! Такъ ли я говорю, о. Нектарій? — видимо ослабѣвая въ тонѣ, обратился онъ къ тому за поддержкой, но о. казначей ничего не отвѣтилъ, а только кивнулъ головой. — Надо того... укрѣпиться, молитвой и постомъ покорить духъ свой. Вотъ! Очиститься нужно отъ скверны и порока...

О. Нектарій досадливо махнулъ рукой и вышелъ.

О. архимандритъ въ одну минуту преобразился. Глаза его приняли доброе выраженіе и улыбка освѣтила его милое, старческое лицо.

— Ну, ну... — ласково сказалъ онъ. — Садитесь-ка. Это вѣдь я въ присутствіи о. Нектарія такой суровый. Очень ужъ онъ строгъ, о. Нектарій. Ну, и я того... а вы не сокрушайтесь. Помолитесь и все какъ рукой сниметъ. Вѣдь ежели примете обѣтъ — возврата нѣтъ! А вы вотъ что: женитесь. Знаю я Ольгу Степановну Сѣдкову — хорошая женщина. А послушникамъ можно выходить изъ монастыря и жениться. И лучше жить честно въ бракѣ, чѣмъ студно въ постригѣ.

— Я такъ и думаю, о. архимандритъ... чтобы выйти изъ монастыря. Не достоинъ я здѣсь оставаться. Ужъ вы меня простите, о. архимандритъ.

— Богъ проститъ! — отвѣтилъ о. архимандритъ и благословилъ Турыгина, который поцѣловалъ ему руку.

— Ну, что, о. Нектарій, — говорилъ игуменъ вечеромъ о. казначею. — Строгъ вѣдь я былъ, а? Недоволенъ? Ну ужъ, братъ, строже-то куда же?

— Слабы вы, о. архимандритъ! — съ сожалѣніемъ замѣтилъ тотъ. — А только пустоцвѣтъ-то нашъ расцвѣтаетъ, и огнь блуждающій превратился въ огнь блудящій. И слѣдовало бы притушить сей вредоносный огнь.

И многіе изъ простыхъ даже иноковъ были согласны съ мнѣніемъ о. Нектарія, что случалось довольно рѣдко, потому что о. Нек-

тарія боялись всѣ, а любили немногіе. Всѣ знали его вліяніе на монастырскія дѣла и что онъ собственно ихъ настоятель, какъ и всѣ знали, что о. Леонтій служитъ «наушникомъ» о. казначею и докладываетъ ему «въ уши» о всѣхъ дѣлахъ и даже помышленіяхъ иноковъ. Всѣ были заинтересованы свиданіемъ Турыгина съ о. архимандритомъ.

— Чѣмъ кончится? — спрашивали себя иноки.

— Полагаю такъ, что дѣло кончится свадьбой, не больше того. Свадьбой окончится дѣло... Свадьбой и болѣе ничего, — замѣтилъ о. Павлинъ.

— Истинно! — отрубилъ о. Никодимъ. — Такожде полагаю и я. Не вижу инàго исхода, какъ токмо сей, придуманный о. Павлиномъ.

Еще три тяжелыя ночи провелъ Турыгинъ въ своей келіи, сидя у окна. Мучительная тоска сосала его сердце. Теперь, когда онъ окончательно рѣшилъ покинуть обитель, ему сдѣлалось жутко. Что станетъ онъ дѣлать въ мірѣ? Настолько ли онъ любитъ Оляшу, чтобы полюбить ради нея жизнь? Куда онъ пойдетъ? Опять грозить смертью брату, чтобы насиліемъ вырвать у него деньги? Или жить на средства Оляши? Онъ не умѣлъ отвѣтить на эти вопросы и малодушно отворачивался отъ нихъ.

О. Іосифъ еще разъ увѣщалъ его, передъ вызовомъ его къ о. архимандриту, но слова его звучали безъ убѣжденія—онъ былъ наканунѣ смерти.

Вспомнилась Турыгину первая ночь въ монастырѣ, чтеніе «правилъ наружнаго поведенія новоначальныхъ иноковъ», которыя поразили его; «монаха можно уподобить оранжерейному цвѣтку», «церковь — земное небо», «удовлетворительный наставникъ — величайшая рѣдкость». Но онъ нашелъ эту рѣдкость въ лицѣ о. Іосифа, и что же это ему дало? Онъ покидаетъ «земное небо», онъ бѣжитъ изъ этой душной оранжереи, потому что спертый воздухъ, слишкомъ теплый, слишкомъ разслабляющій, не въ состояніи оживить его. Онъ — полевой цвѣтокъ и ему нуженъ воздухъ полей... но и воздухъ полей безполезенъ ему и этотъ воздухъ не будетъ въ силахъ съ его «воздушными перемѣнами» оживить его. Онъ просто жалкая, негодная, умершая сорная трава, которую давно нужно было вырвать съ корнемъ изъ земли и выбросить вонъ. Невѣдомый садовникъ по оплошности не сдѣлалъ этого до сихъ поръ и лишь по недоразумѣнію онъ продолжалъ жить среди цвѣтовъ полей.

Турыгинъ вспомнилъ великолѣпную весеннюю ночь, въ которую онъ сидѣлъ у этого же окна. Благоухалъ ароматъ сосны, луна сіяла

съ темнаго неба и таинственная, глубокая тишина окутывала его. А впереди разстилалось далекое, безпредѣльное море полыхъ водъ, такое же эфемерное море, какъ эфемерна эта жизнь. Вотъ оно исчезло безъ слѣда. Желтыя поля, сжатыя нивы... Пожелтѣвшіе листы деревьевъ монастырскаго сада уныло шепчутъ другъ другу печальную повѣсть и вѣтеръ завываетъ тоскливо, точно отпѣваетъ его. Луны нѣтъ и по небу ползутъ низкія, сѣрыя тучи съ оборванными краями, и вотъ-вотъ самое небо сейчасъ заплачетъ.

Сонъ такъ же, какъ и тогда, бѣжитъ отъ Турыгина, и монастырь такъ же спитъ, какъ спалъ тогда, чуткимъ, тревожнымъ сномъ, готовясь проснуться при первыхъ звукахъ церковнаго колокола.

И вспомнилась ему легенда о колоколѣ, слышанная имъ отъ о. Іосифа, этого ходячаго сборника легендъ.

О. Павлинъ, епископъ ноланскій, соименникъ ихнему о. Павлину, пошелъ однажды въ поле и, утомленный жарой и прогулкой, уснулъ на травѣ. Онъ изнывалъ отъ жары и ему казалось, что все тѣло его горитъ въ адскомъ пламени. Какъ вдругъ повѣялъ вѣтерокъ, но не обыкновенный теплый вѣтерокъ, а прохладный, шедшій съ неба. Трава зашевелилась, цвѣточки подняли головы и полевые колокольчики мелодично зазвенѣли божественную пѣсню. О. Павлинъ проснулся и тутъ-то и пришла ему мысль устроить металлическіе колокола по формѣ лѣсныхъ колокольчиковъ и съ мелодическимъ ихъ звономъ.

Пришли ему на память и легенды, которыя разсказывала ему матушка Ѳомаида. При этомъ онъ вспомнилъ и свою старушку-мать, но ему не сдѣлалось отъ того ни отраднѣе, ни грустнѣе, какъ будто мать была чужою ему или давно умерла. «Пустынное сердце»,— прозвучали въ его ушахъ слова о. Іосифа и онъ горько-горько усмѣхнулся и сталъ припоминать многочисленныя легенды, которыми его поучалъ его духовный наставникъ.

Свѣтало... Звонъ колоколовъ глухо раздавался въ осеннемъ воздухѣ наступавшихъ утреннихъ сумерекъ. Внизу, подъ окномъ убогой кельи, въ саду, было мертво и пусто. Подымался туманъ, густой, липкій, походившій на клубы дыма, принимавшаго порой видъ призрака или привидѣнія. Липы стояли голыя, обнаженныя, и порывы осенняго вѣтра срывали съ нихъ ихъ послѣдній золотой уборъ; листья, медленно кружась въ воздухѣ, тяжело падали на сырую землю, и, казалось, липы тяжело плакали золотыми слезами, печально разставаясь съ жизнью. Вѣтви ихъ, черныя, осклизлыя, походили на руки скелетовъ, и эти руки простирались къ небу, какъ бы моля о пощадѣ.

Забвеніемъ, смертью и печалью вѣяло отъ этой картины разрушенья, и дорога сада, покрытая желтыми листьями, походила на широкій затканный желтою шерстью коверъ, сработанный руками старухи Смерти.

Турыгинъ всталъ и отправился на кладбище. Тамъ, у свѣжей могилы о. Іосифа, который скончался черезъ день послѣ того, какъ усердно молился въ его келіи о дарованіи ему просвѣтлѣнія, онъ опустился на колѣни. Слегка пахло ладаномъ изъ церкви, свѣжей, разрытой землей... Внизу подъ холмомъ лежалъ его наставникъ. Жизни надоѣло возиться съ этимъ хилымъ старикомъ и его кашлемъ и она передала его Смерти. И Смерть пришла, взяла его спокойно, властно, тихо.

Онъ позвалъ къ себѣ Турыгина, и Турыгинъ присутствовалъ при этой великой тайнѣ перехода жизни въ смерть.

— Возлюбленный!—тихо, съ разстановками говорилъ ему уже не двигавшійся о. Іосифъ.—Покидаетъ тебя твой духовный отецъ! Умираю... Не грусти... Не осуди... Не страшно мнѣ... нисколько не страшно. Охъ!... Смерть—мгновенье, за нею жизнь, жизнь вѣчная...

Онъ благословилъ своего духовнаго сына и остановилъ на немъ свой тревожно-грустный взоръ, какъ будто спрашивалъ его о тайнѣ души его.

И Турыгинъ низко, низко склонилъ голову, и слезы полились изъ его глазъ.

— Прости меня, отецъ!—сказалъ онъ, сквозь сдерживаемыя рыданія, опускаясь у изголовья умиравшаго монаха.

И впервые это великое слово «отецъ» зазвучало сладостнымъ звукомъ въ его ушахъ. До сихъ поръ это слово было для него символомъ жестокости, безсердечія и эгоизма и произносилъ онъ его почти съ отвращеніемъ. А тутъ вдругъ что-то нѣжное, что-то ласковое шевельнулось въ его душѣ при этомъ словѣ.

— Не плачь, возлюбленный! Христосъ... Христосъ... съ тобою.

Неземною радостью засвѣтился взоръ о. Іосифа, тѣло его вздрогнуло и вытянулось, взоръ опустѣлъ.

О. Іосифа не стало.

И у одра смерти этого монаха Турыгинъ понялъ, что̀ такое Смерть. И ему не было страшно. Напротивъ, бодрое чувство разлилось по его тѣлу.

«Вотъ это Смерть?—спрашивалъ онъ себя.—И это, говорятъ, страшно?» Но онъ готовъ былъ сейчасъ же присоединиться къ своему духовному отцу.

И чей-то грозный голосъ прозвучалъ въ немъ:

«Несчастный! Еслибъ ты имѣлъ *такую* вѣру, тебѣ не страшно было бы не только умирать, но и жить».

Низко опустивъ голову ушелъ Турыгинъ отъ трупа своего духовника.

Теперь, въ это промозглое, осеннее утро, онъ стоялъ у его свѣжей могилы.

— Прощай!—шепталъ онъ, трясущимися отъ волненія губами, — прощай, отецъ мой! Легка да будетъ земля надъ тобою! Завтра я покидаю твою обитель, въ которой я былъ недолгимъ узникомъ. Завтра я уйду въ другой міръ, гдѣ та же ложь, лицемѣріе, фарисейство, обманы, тунеядство и эгоизмъ. Но тамъ они циничнѣе, откровеннѣе. И тамъ нѣтъ такихъ праведниковъ, какъ ты! Но ты ушелъ отсюда и мнѣ уже здѣсь рѣшительно больше дѣлать нечего. Тамъ—мерзость запустѣнія, какъ ты говорилъ, но гдѣ же и жить человѣку съ пустыннымъ сердцемъ, какъ опять ты же говорилъ, какъ не въ этой мерзости? Ты указывалъ мнѣ путь—и я не повѣрилъ ему. Ты хотѣлъ вселить въ меня вѣру, но сердце мое осталось закрытымъ твоему желанію. Слѣпъ и глухъ остался я и вотъ пойду я безъ свѣточа жизни, безъ кормила вѣры, ощупью, по этому глухому пути, пока не свалюсь въ какую-нибудь бездонную глубь. Прощай! Или до скораго... скораго, надѣюсь, свиданія, если тамъ... надъ этой насыпью или тамъ... за этими сѣрыми тучами есть мѣсто для свиданій.

XVIII.

И потянулись для Турыгина мрачные, невеселые дни. Опять плохо обставленная, грязненькая, меблированная комната, опять тоскливые дни, безсонныя ночи.

Монастырь за высокой бѣлой стѣной, сосновый боръ и черные тѣни иноковъ казались теперь такими далекими, такими забытыми, точно это былъ сонъ, тревожившій его ночью и исчезнувшій утромъ, при пробужденіи.

Тотъ внутренній процессъ, который начался въ Турыгинѣ тамъ, въ обители, не только не прекратился, но продолжался и укрѣплялся съ каждымъ днемъ.

Сердце его черствѣло все болѣе и болѣе. Даже свиданія съ Оляшей не радовали его болѣе. То, что было въ монастырѣ, страстныя грёзы о ней, разговоры у могильныхъ плитъ, оказывалось тоже сномъ. Насколько сильно онъ мечталъ о свиданіи съ нею, въ без-

молвіи уединенной кельи, настолько теперь онъ тяготился ею, ея любовью.

Онъ страшилъ ее своими странными, страстными и грубыми порывами. Она не понимала его. Онъ дѣлалъ какъ будто нарочно все, чтобы разочаровать ее и оттолкнуть ее отъ себя навсегда. И горячее сердце Оляши видимо охладѣвало.

Она любила его, но въ этой любви не было страсти, а много женской жалости и теплаго участія къ несчастному. И кажется онъ понялъ, что главной нотой въ ихъ отношеніяхъ была именно жалость, и это возмущало его гордость. Сначала она хотѣла любить его просто, какъ обыкновенная женщина любитъ обыкновеннаго мужчину; но онъ никогда не понималъ этой любви и требовалъ чего - то необыкновеннаго, подвижническаго, возвышеннаго. Въ свою очередь она не понимала его требованія, и вотъ началось взаимное охлажденіе.

Сердце его не умѣло любить, и онъ вспоминалъ не разъ давно прочитанныя слова, что безъ участія сердца и правда, хотя законная, остается бездушной, холодной, а слѣдовательно—безотрадной.

Да, безотрадна была жизнь этого больного сердца.

Оляша стала видѣться съ Турыгинымъ все рѣже и рѣже. Ей были тяжелы эти свиданія, потому что они проходили въ мучительно-длинныхъ, туманно-неопредѣленныхъ разговорахъ, которыхъ ея ясная, простая душа не понимала. Она старалась поэтому сокращать елико возможно и эти рѣдкія свиданія.

И онъ сталъ чувствовать къ ней какую-то странную, необъяснимую злобу, которая становилась все непримиримѣе и непримиримѣе; онъ сознавалъ, что эта молодая женщина, не очень развитая и не слишкомъ образованная, съ ея кроткимъ, жалостнымъ сердцемъ и яснымъ, простымъ пониманіемъ жизни, казавшаяся теперь ему, съ высоты его умственнаго величія, крайне обыкновенной, какъ были обыкновенны всѣ женщины, которыхъ онъ когда-либо зналъ, все-таки много лучше и совершеннѣе его, порывавшагося въ туманную даль своими безсильными, болѣзненными потугами.

Озлобленіе его противъ нея росло. Все въ ней раздражало его: и ея жалостная любовь, и ея «собачья» преданность, и ея благотворительныя дѣла, и ея «неумный» разговоръ, и ея «тупость», мѣшавшая ей понимать его неопредѣленныя разсужденія, и ея простой, «примитивный» взглядъ на жизнь, на любовь, на взаимныя отношенія между мужчиной и женщиной.

— Какъ ты можешь жить?—спрашивалъ онъ ее.

— Какъ же?—отвѣчала она.—Отчего же не жить? Всѣ живутъ и я живу. Я стараюсь жить честно.

— Дѣлать добрыя дѣла,—насмѣшливо произносилъ онъ.

— Да, и добрыя дѣла.

— Украшать памятникъ мужа, дѣлать взносы въ монастырь, посѣщать въ подвалахъ разныхъ старушекъ, разсовывать имъ деньги, благо деньги чужія и даромъ тебѣ достались, и имѣть утѣшеніе знать, что послѣ твоего ухода эти старушки снесутъ ихъ въ кабакъ.

— Я дѣлаю добро какъ умѣю, Петруша. Я не умѣю лучше,— со слезами на глазахъ говорила она.

— Но для чего ты живешь?—яростно накидывался онъ на нее.

— Какъ для чего? Живу—и только. Не могу же я убить себя.

— Почему?

Она его не понимала.

— Какъ почему? Потому что это смертный грѣхъ, потому что... потому что... никто не вправѣ располагать собственной жизнью.

— А кто же ею вправѣ располагать? Чужіе? Напримѣръ, судебная власть, вѣшающая преступника, государственная власть, посылающая людей на войну подъ вражескія пули? Такъ что ли?

— Это дѣло другое.

— Конечно, другое! Мы, видишь ли, какъ бараны имѣемъ право подставлять свои шеи и не имѣемъ права распоряжаться жизнью по своему усмотрѣнію. Нечего сказать, логично! Намъ легче, чтобы другой лишилъ насъ жизни, чѣмъ самого себя лишить жизни. Почему?

— Не знаю.

— Гдѣ же тебѣ знать! Ты вѣдь—ходячая добродѣтель. Да, потому что не хватаетъ воли, потому что трусость въ насъ превыше всего. Ненавижу елейныхъ, добродѣтельныхъ людей! У нихъ у всѣхъ добродѣтельныя слова на устахъ, но всѣ они—мерзавцы... Это вамъ, лицемѣрамъ и фарисеямъ, ничего нельзя. Намъ, людямъ съ усталой душой—все можно, все позволено. Мы никого не боимся и смѣемся надъ вашими бреднями и дѣтскими сказками. Я не просилъ жизни и вправѣ отказаться отъ насильственнаго пользованія тѣмъ, чего не просилъ. Отказываются же люди отъ наслѣдства, принять которое невыгодно, условія котораго тяжелы? Почему же я не могу отказаться отъ этого тяжелаго наслѣдства, которое называется жизнью? Боженька накажетъ, да?

— Конечно, накажетъ, Петруша.

— Ахъ, ты... святая простота! А я говорю тебѣ: тому, который ничего не боится—*все* позволено. Все! Понимаешь ты меня? И если я не боюсь вашихъ глупыхъ бредней о томъ, чего не вѣдаетъ никто и что высосали изъ пальца, то я вправѣ распорядиться и собственной жизнью... И, конечно, не вамъ удержать меня отъ этого и помѣшать мнѣ въ этомъ, чистыя, невинныя души! Толкуете вы всѣ о насиліи, да о насиліи, да о непротивленіи злу, а вы-то, добродѣтельные люди и суть самые насильники съ вашей мозглявой проповѣдью, которой вы насильно заставляете людей жить, пугая ихъ выдуманными призраками и волшебными сказками! Я все попробовалъ, мечталъ и разсуждалъ, жилъ, какъ всѣ люди живутъ, дѣлалъ добро, помогалъ ближнимъ, насильничалъ, душилъ, грозилъ смертью, каялся, лицемѣрилъ, возмущался, падалъ, отчаивался. И вотъ пришелъ къ одному неизбѣжному выводу, къ которому только и можетъ придти человѣкъ, не вовсе еще потерявшій разсудокъ.

— Но ты никогда не любилъ,—просто замѣтила она, и онъ вздрогнулъ отъ этихъ словъ.

И въ эту минуту озлобленіе его противъ нея достигло высшаго предѣла. Онъ чувствовалъ, какъ въ немъ вдругъ выросло желаніе кинуться на нее и задушить ее за эти слова.

— Ахъ, вы... съ своей любовью! Только у васъ и есть на языкѣ—любить, да любить! Кого мнѣ любить, за что? Не тебя ли? За то, что ты изъ-за пустой ссоры ушла отъ меня? За то, что ты ловко воспользовалась этой ссорой, чтобъ убѣжать отъ нищаго, когда этотъ нищій прямо сказалъ тебѣ, чтобы ты не разсчитывала на его мнимыя богатства? За то, что сумѣла приворожить богача и удобно устроиться въ жизни? За это? Скажи, за это? Такъ знай, что я не люблю тебя. Одно мгновеніе я любилъ тебя, тамъ, въ монастырѣ, гдѣ всѣ эти лицемѣры и фарисеи говорятъ о любви и проклинаютъ того, кто полюбилъ женщину, называя такую любовь вожделѣніемъ, блудомъ и прочими паскудными словами. И я любилъ тогда не тебя, а мечту, которую создало мое же собственное воображеніе. А вотъ теперь, когда ты здѣсь, передо мною, съ своей елейной физіономіей и фальшивыми елейными словами, я не только не люблю тебя, но ненавижу. Слышишь ли ты меня? Ненавижу, ненавижу тебя, со всей твоей глупой моралью, со всѣми твоими благотворительными дѣлами, со всѣмъ твоимъ богатствомъ и собачьей преданностью. Противна ты мнѣ. Противна, потому что я сознаю, что при всемъ этомъ ты лучше меня; противна, потому что я хотѣлъ бы убить тебя и совершить это «преступленіе» не

имѣю силъ! Противна, потому что сознаю свое нравственное ничтожество передъ тобою, передъ всѣми людьми, съ которыми я сталкивался, даже передъ самыми грубыми и ничтожными. Всѣ вы у пристани. У всѣхъ у васъ есть цѣль жизни. У Паши цѣль жизни кутить и развратничать, у брата копить деньги, у матери кувалдыхаться передъ игуменьей, у монаховъ тунеядствовать, у мірянъ объегоривать другъ друга, у тебя елейничать и давать старушкамъ на пропой деньги, да еще украшать могилку мужа свѣжими вѣночками. Трогательно, что и говорить! Умилительно даже! И всѣ эти разнообразныя цѣли—удовлетворяютъ васъ. Но у меня и такой цѣли нѣтъ! Безъ кормила несусь я по морю жизни, постоянно натыкаюсь на острые камни и пристани не вижу впереди... И продолжать жить съ такимъ сознаніемъ—невозможно. А смерть—страшитъ. Когда я стоялъ у могилы о. Іосифа, мнѣ не было страшно. Теперь я начинаю бояться ея, потому что знаю, что она близко подошла ко мнѣ, даже вошла въ меня. Взгляни мнѣ въ глаза. Развѣ ты не видишь въ моемъ пустынномъ взглядѣ ея подлую улыбку? Я часто подхожу къ зеркалу и вижу ее. Пусто внутри меня, черно... И въ этой пустынѣ живетъ что-то и это что-то—«Ничто». Да ты не понимаешь меня. Не плачь... Не криви такъ своего хорошенькаго личика. Оно еще кому-нибудь можетъ пригодиться и ты можешь сдѣлаться для кого-нибудь тихой пристанью... Конечно, для такого, который всегда будетъ доволенъ самъ собой, своимъ обѣдомъ... и тобой. Вотъ и я какъ о. архимандритъ заговорилъ ріѳмами. Бѣдный старикъ: онъ добръ пассивной добротой. Онъ никому не дѣлаетъ зла, пьетъ чай съ вареньемъ, болтаетъ, каламбуритъ и воображаетъ, что ведетъ святую жизнь... Но и его скоро свернетъ о. Нектарій. И презираю я себя, какъ презираю всѣхъ васъ, больше всѣхъ васъ! И это презрѣніе, сознаніе своего ничтожества и безсилія истощило меня. Посмотри, я худъ какъ призракъ, слабъ какъ тяжко больной... Какой - то туманной тѣнью явился я на землѣ и пройду по ней, не оставивъ слѣда. Такъ возникаетъ туманъ и разсѣивается въ воздухѣ при первыхъ лучахъ восходящаго солнца...

Оляша, блѣдная и взволнованная, слушала его почти не понимая. Она тихо плакала, когда его слова становились простыми и понятными, когда онъ начиналъ глухимъ голосомъ выкрикивать: «ненавижу тебя!»

Ей больше нечего было дѣлать у него, и она ушла.

Онъ догналъ ее въ темномъ коридорѣ меблированныхъ комнатъ. Видъ у него былъ жалкій и горло Оляши судорожно сжалось.

Подъ тусклымъ свѣтомъ закоптѣлаго стекла коридорной лампы онъ казался выходцемъ съ того свѣта.

— Ты уходишь?—спросилъ онъ ее сдавленнымъ шепотомъ.—Уходишь—навсегда?

— Навсегда,—еле могла произнести она.

— Оляша...—началъ онъ.—Уходи, я не держу тебя. Я не хочу губить тебя. Если тебѣ такъ весело жить—живи. Прости мои слова. Несчастный вѣдь я, измученный, больной, усталый. Что тебѣ дѣлать съ такимъ? Прощай и прости меня.

Съ горячимъ порывомъ она быстро прижалась къ нему, обвила его шею руками и поцѣловала его долгимъ, долгимъ поцѣлуемъ.

— Прощай, Петруша!—прошептала она, и слезы ея обожгли его лицо.—Когда захочешь, позови меня. Я всегда явлюсь на твой зовъ, потому что никого никогда не любила кромѣ тебя. А теперь прощай, отдохни.

Онъ видѣлъ, какъ она шла пошатываясь въ своемъ скромненькомъ черномъ платьѣ по коридору, какъ она повернула голову на поворотѣ и еще разъ кивнула ему. Потомъ эта черная тѣнь исчезла за выступомъ стѣны и ему показалось, что съ нею исчезла жизнь.

Но онъ не позвалъ ее и никогда не увидѣлся съ ней болѣе.

Какъ-то вечеромъ пришла Турыгину мысль навѣстить брата. Онъ рѣшительно не зналъ, какъ и почему именно пришла ему эта мысль. Но что-то неудержимое тянуло его къ брату. Ему захотѣлось видѣть, что съ нимъ сдѣлалось, какъ онъ живетъ.

И онъ отправился.

Александръ Дмитріевичъ вскорѣ послѣ посѣщенія Петра Дмитріевича покинулъ свой домъ и переѣхалъ на окраину города, въ убогій домикъ-особнякъ съ обширнымъ дворомъ, обнесеннымъ высокимъ заборомъ.

Поводомъ къ переселенію послужили два обстоятельства. Во-первыхъ, онъ находилъ для себя слишкомъ роскошной ту квартиру, которую занималъ. Ее можно было сдавать жильцамъ, что должно было увеличить его доходы, а это казалось ему необходимымъ послѣ той бреши въ капиталѣ, которую проломалъ братъ, насильственно заставивъ его раскошелиться. Во-вторыхъ, жить въ городѣ онъ считалъ для себя небезопаснымъ. Его безпокоили просители, тревожили его по пустякамъ съ дѣлами, да и кто знаетъ, можетъ быть, сумасбродный братецъ опять вздумаетъ явиться и требовать денегъ. Пожалуй, еще на этотъ разъ онъ станетъ еще предпріимчивѣе, въ виду того, что первое нашествіе на несгораемый шкафъ обошлось ему безнаказанно. Да и кромѣ брата мало ли

злыхъ людей на свѣтѣ? Могутъ явиться съ поддѣльнымъ ключомъ въ квартиру, разбудить его ночью и взломать шкафъ.

Вотъ онъ и переселился на самую окраину города. Здѣсь онъ чувствовалъ себя безопасно. Заборъ былъ солиденъ и высокъ, и онъ усадилъ верхній гребень его битымъ стекломъ и острыми гвоздями. Шкафъ онъ оставилъ пустымъ, даже не запиралъ его, чтобы всѣ видѣли, что денегъ въ немъ нѣтъ, и, что, если захотятъ убить его, то, все равно, ничего не получатъ. Кромѣ того, онъ завелъ двухъ свирѣпыхъ псовъ, которыхъ плохо кормилъ и держалъ на цѣпи во дворѣ. Всѣ же цѣнности зарылъ во дворѣ въ одномъ, извѣстномъ лишь ему одному, мѣстѣ.

Выходилъ онъ все рѣже и рѣже, предпочитая сидѣть дома, на стражѣ у своихъ богатствъ. Во время его отсутствія собаки спускались съ цѣпи и никто тогда не имѣлъ доступа въ домъ.

Петръ Дмитріевичъ побывавъ на старой квартирѣ и, узнавъ объ этомъ переселеніи, отправился по новому адресу.

Онъ ни за что не хотѣлъ отказаться отъ идеи повидаться съ братомъ, прежде чѣмъ совершить то, что онъ задумалъ. Кажется, имъ руководило желаніе еще разъ убѣдиться, до какого послѣдняго паденія можетъ дойти человѣческое существо, судорожно цѣпляющееся за то, что на человѣческомъ, условномъ языкѣ называется «благами жизни». Въ этомъ поучительномъ созерцаніи онъ, навѣрное, почерпнулъ бы новую силу привести въ исполненіе принятое имъ рѣшеніе.

Ему отперла двери та же кухарка, которая въ то памятное посѣщеніе не хотѣла впускать его.

Она сначала не узнала его,—такъ онъ измѣнился за послѣднее время. Потомъ, съ перепугу начала кричать и звать на помощь.

Петръ Дмитріевичъ сильно ухватился за дверь, чтобы не дать возможности разжирѣвшей на скудныхъ братниныхъ хлѣбахъ бабѣ закрыть ее передъ носомъ. Онъ тоже не сразу узналъ эту женщину: она казалась сытой и одѣта была значительно лучше, чѣмъ прежде. И когда на ея крикъ вышелъ братъ, въ туфляхъ на босу ногу и въ старомъ заплатанномъ халатѣ, изъ-подъ ворота котораго виднѣлось грязное затаскапное бѣлье, онъ сразу понялъ, что эта женщина находится въ домѣ на особомъ положеніи и пользуется милостями его брата.

— Ты? Опять ты?—хрипло вскрикнулъ Александръ Дмитріевичъ.—Откуда ты явился, зачѣмъ? Опять грабить?

И, быстро нагнувшись къ кухаркѣ, шепнулъ ей:

— Пойди, спусти собакъ.

— А ты-то какъ же?—ничуть не смущаясь присутствіемъ постороннаго, сказала она громко.

— Не бойся, справлюсь, ежели что... Вишь, какимъ онъ скелетомъ сталъ и шатается.

Петръ Дмитріевичъ, дѣйствительно, былъ блѣденъ и шатался. Борьба съ кухаркой изъ-за двери, при всей своей незначительности обезсилила его. Онъ не могъ говорить. Молча глядѣлъ онъ на брата, тоже сильно подавшагося, ужасно измѣнившагося.

Борода Александра Дмитріевича была не брита и торчала сѣдоватыми щетинами на щекахъ. Глаза потускнѣли и глубоко вошли въ глазныя впадины, окруженныя синевой, волосы на головѣ, всклокоченные и неопрятные, взбились въ клочья; передній верхній зубъ выпалъ, что придавало какое-то странное выраженіе его хищному лицу. И вообще онъ имѣлъ видъ жалкаго, оборваннаго нищаго.

Наконецъ, Петръ Дмитріевичъ пришелъ въ себя.

— Не бойся, Александръ! Я пришелъ къ тебѣ передать поклонъ матери. Я не обижу тебя.

Онъ усмѣхнулся своимъ словамъ. Гдѣ ему теперь кого-нибудь обижать!

— Не хитришь?—спросилъ тотъ.

— Не хитрю.

— Ну, спасибо. И ей кланяйся. Все? Больше ничего не нужно?—подозрительно вглядываясь въ него, спросилъ братъ.

— Ничего.

— Ну, такъ прощай. Я запру за тобою.

— Братъ, впусти же меня къ себѣ. Я усталъ, шелъ пѣшкомъ. Отдохну и пойду отъ тебя. И больше ты меня никогда не увидишь.

— Это ты ужъ говорилъ мнѣ разъ. А вотъ же явился.

— Явился я проститься съ тобой.

— Уѣзжаешь?—обрадованнымъ голосомъ спросилъ Александръ Дмитріевичъ, все еще не впуская его въ комнату.—Куда?

— Далеко, братъ, далеко. Не вернусь вовсе. Ну, впусти же.

— Пожалуй, входи. Что-жъ! Вотъ посмотри, какъ я живу. Видишь? А все изъ-за тебя. Нужно наверстывать...

— Ахъ, да! Это ты объ обезсиленіи капитала?

— А то какъ же? Конечно, обезсилилъ. Шутка! Одиннадцать тысячъ!... Вотъ видишь теперь все держу въ банкѣ,—суетился Александръ Дмитріевичъ, какъ бы спѣша поскорѣй высказать ему, что у него въ домѣ нѣтъ и полушки.—То-есть документы,—поправился онъ.—А денегъ нѣтъ... Всѣ въ дѣлахъ. Да и дѣла идутъ плохо. Придется подъ конецъ жизни нищенствовать. Не занимаюсь

я почти дѣлами. Плохъ сталъ. Болѣю. А вотъ столъ... видишь? Въ ящикахъ ничего нѣту. Да и въ шкафу, вотъ я тебѣ дверцы открою. Видишь? Пусто. Теперь хоть вовсе меня пристрѣли и обшарь весь домъ, не найдешь ни гроша. Такъ-то безопаснѣе,—подхихикнулъ онъ, наслаждаясь своей прозорливостью и тѣмъ разочарованіемъ, которое должно было овладѣть, по его мнѣнію, братомъ.

Но Петръ Дмитріевичъ молчалъ, пристально всматриваясь въ говорившаго.

— И если будешь просить, такъ лучше не проси,—продолжалъ онъ.—Все равно нѣту, хошь проси, хошь не проси. Видишь, все открыто и вездѣ пусто,—наслаждался тотъ.

— Ахъ, еслибы ты зналъ, какъ я далекъ отъ этой мысли и отъ твоихъ денегъ... Успокойся! У меня еще кое-что осталось отъ взноса въ монастырь. На мой вѣкъ хватитъ,—усмѣхнулся Петръ Дмитріевичъ.

— Ну, и тѣмъ лучше. Знаешь,—зашепталъ Александръ Дмитріевичъ,—я приблизилъ къ себѣ эту женщину. Кормлю, одѣваю, обуваю. Она любитъ меня. А все-таки кто ее знаетъ? Вдругъ ночью задушитъ меня вздумаетъ? Вотъ я и не держу ничего у себя. Пусто, вездѣ пусто!—залился онъ смѣхомъ, и видимо эти звуки «пусто, вездѣ пусто» доставляли ему невыразимое удовольствіе, почти наслажденіе, какъ человѣку, придумавшему необыкновенно геніальную штуку.

— Да, только въ этомъ и счастье,—задумчиво, какъ бы отвѣчая на свои мысли, произнесъ Петръ Дмитріевичъ.

— Въ чемъ это?—не понялъ братъ.

— Да вотъ въ пустотѣ. У тебя пусто въ домѣ, у меня—въ душѣ. Что толку наполнять и то и другое?—И вдругъ имъ овладѣлъ порывъ: тяжелыя слезы закапали изъ его глазъ, сердце больно-больно сжалось, и, голосомъ, въ которомъ звенѣла долго наболѣвшая мука, онъ горестно вскрикнулъ:—Братъ, братъ! Погибаемъ мы, оба погибаемъ. Сухотка, сердечная сухотка заѣла насъ! Оба мы больны ею. Отецъ тяжелое наслѣдство передалъ намъ. Мы оба несчастны: я оттого, что ничего не имѣю въ душѣ; ты, потому что много имѣешь въ карманѣ. И оба мы нищіе, оба несчастные.

И онъ заплакалъ горькими слезами. Ему вдругъ защемило сердце отъ боли и сдѣлалось такъ жалко брата, какъ никогда. Теплое чувство къ этому, дѣйствительно, несчастному человѣку прокралось въ его душу. Онъ понялъ, что безуміе окончательно завладѣло его братомъ. Какъ бы онъ ни вздумалъ бороться съ этимъ страшнымъ недугомъ, онъ не въ силахъ его побѣдить. И ему по-

казалось, что его положеніе въ тысячу разъ отраднѣе. Онъ—тоже во власти этого страшнаго недуга, который ущемилъ его своими ужасными руками, но онъ еще сохранилъ проблескъ сознанія и въ каждую минуту можетъ рѣшиться прекратить свое позорное и постыдное существованіе. Съ этимъ же все кончено. Онъ будетъ влачить свою жалкую, тяжелую, никому и ни на что не нужную жизнь, пока естественная смерть не прекратитъ ея. Но когда придетъ она, эта всеобщая избавительница, у которой столько, видимо, дѣла, что она не поспѣваетъ ко всѣмъ явиться вѣ-время и удушить каждаго своевременно? И можетъ быть братъ его еще долго будетъ мучиться своимъ тяжкимъ недугомъ, забытый Смертью и изнывающій отъ тоски у своего золота.

И опять ему сдѣлалось его мучительно жаль.

Но Александръ Дмитріевичъ не понялъ его.

— Да, да, и я говорю, что здоровье плохо стало. Вовсе плохо. Ну, да авось, дотяну какъ-нибудь. Не лѣчусь я, вотъ что... Не вѣрю, да и охоты нѣтъ... Такъ ты уѣзжаешь? Доброе дѣло... И далеко? Только ужъ ты, братъ Петръ, на меня больше не разсчитывай. Ѣхать—уѣзжай, а денегъ не проси. Нѣтъ, не проси денегъ. Прямо-таки скажу тебѣ. Если захочешь убить, убей лучше. Лучше ужъ возьми мою жизнь, а денегъ самъ, добровольно не дамъ. Не дамъ денегъ!—крикнулъ онъ, и въ его глазахъ сверкнуло торжество: вотъ молъ, какъ легко тому, кто разъ навсегда твердо рѣшилъ лучше разстаться съ жизнью, чѣмъ съ деньгами.

— Ну что маменька?—вдругъ мѣняя тонъ, спросилъ онъ.

— Постриглась въ монахини. Недавно письмо получилъ. Звала повидаться съ собою. Огорчена, что я ушелъ изъ монастыря.

— Неудался монахъ-то,—хихикалъ братъ.

— Неудался. Пишетъ: плакала, молилась. Зоветъ къ себѣ. Радостно, говоритъ ей, блаженно... Я можетъ быть поѣду.

— И отлично, и отлично. Только вѣдь ты говорилъ далеко? А вѣдь это вовсе недалеко.

— Я о другомъ говорилъ, не объ этомъ.

— А-а!... Такъ... Ну, а та... сестра-то? Что съ ней?

— И отъ нея получилъ. Одно время плохо было. Теперь оправилась. Пишетъ опять... опять у нея домъ, дворецъ, экипажи, капиталы, брилліанты, лошади, поклонники. Пишетъ у всѣхъ фотографовъ выставлены ея портреты и покупаютъ ихъ нарасхватъ.

— Проживетъ она деньги, вотъ увидишь, проживетъ. И умретъ гдѣ-нибудь подъ заборомъ.

Оба умолкли. Очевидно больше имъ не о чемъ было говорить.

Помолчавши еще минутъ пять, Петръ Дмитріевичъ поднялся и собрался уходить.

— Такъ не придешь больше?

— Не приду, братъ. Прощай! Поцѣлуемся. Если чѣмъ обидѣлъ, прости.

Они поцѣловались.

Но Александръ Дмитріевичъ очевидно не довѣрялъ брату и все еще думалъ, что тотъ хитритъ и навѣрное вернется на другой день, въ удобную минуту, какъ тогда, въ тотъ достопамятный вечеръ, и можетъ быть опять съ револьверомъ. И ему захотѣлось разъ навсегда оградить себя отъ непрошенаго гостя.

— Постой,—сказалъ онъ мягко улыбаясь.—Ты моихъ церберовъ не видѣлъ?

— Какихъ церберовъ?

— А цѣпныхъ псовъ.

Петръ Дмитріевичъ глядѣлъ на него, широко раскрывъ глаза.

— Не понимаю,—сказалъ онъ,—зачѣмъ мнѣ видѣть ихъ.

— Нѣтъ, ты взгляни. Взгляни, какъ они охраняютъ своего хозяина. Не псы, а прямо звѣри. И дорого же заплатилъ за нихъ! Дорого, а нечего сказать, стóятъ. Вотъ ужъ, правду скажу тебѣ, братъ Петръ, не жалѣю... Никого не впустятъ во дворъ. И тебя не впустятъ, даромъ, что братъ!—усмѣхнулся онъ.—Мать родную и ту растерзаютъ! Нѣтъ, ужъ ты не ходи лучше ко мнѣ.

На этомъ оба брата разстались.

XIX.

И тѣмъ не менѣе Петръ Дмитріевичъ пришелъ вторично къ своему брату.

Дня черезъ четыре послѣ этого свиданія, ему сдѣлалось такъ скверно на душѣ, такъ мучительно захотѣлось сказать кому-нибудь живое слово, услышать отъ кого-нибудь живую человѣческую рѣчь, что онъ, несмотря на все тягостное впечатлѣніе, оставшееся отъ послѣдняго посѣщенія, опять отправился къ Александру.

На этотъ разъ ему свободно отперли двери, и толстая баба не дѣлала препятствій къ его входу. Напротивъ, на жирномъ и лоснившемся лицѣ ея мелькнуло что-то вродѣ удовольствія. Ей было жутко одной, въ этомъ убогомъ домѣ, гдѣ на этотъ разъ совершалась великая тайна жизни—смерть.

Да, тотчасъ же послѣ посѣщенія Петра Дмитріевича, Александръ Дмитріевичъ сильно захворалъ. Его истощенный всякими

лишеніями организмъ не выносилъ ни малѣйшаго нездоровья. Смерть твердою поступью вступила въ домъ.

Александръ лежалъ на убогомъ диванѣ, скрючившись, покрытый старымъ рваннымъ тряпьемъ. Взоръ его безсмысленно блуждалъ, не фиксируя больше предметовъ. Изъ запекшихся устъ его вырывались сухіе, короткіе хрипы. Это была агонія. И Петръ Дмитріевичъ понялъ въ чемъ дѣло. Онъ хотѣлъ остаться, принять послѣдній вздохъ брата, котораго никогда не любилъ. Но потомъ рѣшилъ, что это было бы лишь общепринятымъ лицемѣріемъ, да и боялся, что видъ агоніи лишитъ его мужества исполнить то, на что онъ уже давно и окончательно рѣшился.

— Прощай, братъ,—тихо сказалъ онъ, стараясь не глядѣть въ эти страшные, стеклянные глаза, и, не прибавивъ ни слова, вышелъ изъ комнаты.

Александръ Дмитріевичъ не приходилъ уже въ себя и черезъ нѣсколько часовъ скончался.

Послѣ его смерти оказалось, къ удивленію всѣхъ, хотя и значительное, но не колоссальное наслѣдство. Скряга никому не открылъ капиталовъ, зарытыхъ во дворѣ, подъ охраною псовъ, въ мѣстѣ, которое извѣстно было только ему одному. Въ послѣднее время онъ забросилъ дѣла, которыя шли еще нѣсколько времени по инерціи, но уже но приносили прежнихъ доходовъ. Въ вѣчномъ страхѣ за прочность банковъ, онъ вынулъ изъ нихъ свои капиталы и предпочелъ имѣть ихъ около себя, какъ мертвыя цѣнности, довольствуясь лишь доходами съ дѣлъ. Такъ они и погибли.

Въ положеніи Петра Дмитріевича ничто не измѣнилось. Рѣшеніе его давно зрѣвшее въ немъ, окончательно созрѣло. Ничто уже больше не въ состояніи будетъ поколебать его. Соль потеряла свою силу и не турыгинскія деньги осолятъ ее. Сердце опустѣло и не дѣловыми операціями наполнить его.

Напротивъ, если бѣжать изъ жизни, то бѣжать именно теперь. Не ждать же утвержденія за нимъ наслѣдства, все еще громаднаго, хотя большая часть его останется навсегда скрытою. Къ чему? Онъ зналъ впередъ, какъ онъ поступилъ бы съ этими проклятыми деньгами, съ этимъ страшнымъ ядомъ, который съ юныхъ лѣтъ отравилъ ему жизнь. Онъ далъ бы большую сумму матери и та конечно обновила бы храмъ въ своей обители и цѣликомъ отдала бы деньги въ монастырь. Никому никакой пользы отъ этого не было бы. Выслалъ бы онъ такую же сумму въ Парижъ Пашѣ. Паша получила бы сама свою долю наслѣдства и какъ тѣ, такъ и другія деньги перешли бы въ руки ресторатороръ и модистокъ, не обога-

тивъ ни одного бѣдняка. Потомъ пронюхали бы о его богатствахъ иноки *его* обители и о. казначей навѣрное бы прислалъ кого-нибудь,—по всей вѣроятности, о. Никодима, чтобы выудить отъ него въ пользу ихъ монастыря лакомый кусочекъ. И о. Никодимъ сталъ бы говорить своимъ деревяннымъ голосомъ деревянныя слова, заимствованныя яко бы изъ писанія, и Турыгинъ далъ бы и ему просимую сумму, которая пошла бы также на возобновленіе храма или на улучшеніе пищи братіи. Къ чему? Какъ будто они такъ не тунеядствуютъ, не чревоугодничаютъ, не бездѣльничаютъ? Потомъ явились бы разные просители и просительницы, которые просили бы лично и письменно... И онъ бы не имѣлъ ни дня, ни часа покоя и все давалъ бы, давалъ и давалъ... И никому бы не принесъ пользы, потому что деньги—проклятая сила жизни, губящая людей. Уменьшить нужды въ мірѣ онъ ими не могъ бы. Эта капля растворилась бы въ океанѣ человѣческой бѣдности; и это было бы все равно, что вылить изъ графина нѣсколько капель въ море. Жениться на Оляшѣ и соединить оба капитала вмѣстѣ? Но тогда только удвоилось бы количество субсидируемыхъ Оляшей старушекъ—и только. Или можетъ быть духъ отца и брата поселился бы въ немъ и онъ сталъ бы жадничать, пріобрѣлъ бы вкусъ къ накопленію и превратился бы въ третьяго по счету Гарпагона въ семьѣ Турыгиныхъ? Нѣтъ, нѣтъ!... Только не это! И именно этого онъ больше всего опасался и какое-то смутное, темное чувство, гдѣ-то глубоко копошившееся въ тайныхъ уголкахъ его души, подсказывало ему, что это легко могло бы случиться.

Нѣтъ, нѣтъ! Только не это! Лучше смерть, лучше все, что угодно, только не это! Всю жизнь проклятыя деньги тяготѣли надъ нимъ, имѣли надъ нимъ роковую силу. И онъ всю жизнь испытывалъ нужду и огорченія отъ неимѣнія ихъ. Такъ неужели же теперь, когда онъ въ рѣшеніи своемъ дошелъ до сознанія единаго мудраго исхода изъ жизни, онъ отдастся имъ въ плѣнъ, въ пожизненное рабство? Никогда! Нужно бѣжать, бѣжать во что бы то ни стало отъ этого послѣдняго несчастья, готовящагося обрушиться на него.

И онъ настолько сохранилъ еще силу воли, чтобы сумѣть сдѣлать это и избавиться отъ искушенія. Пусть расхлебываетъ кто хочетъ, онъ же отказывается отъ проклятаго наслѣдства.

Онъ увѣдомилъ мать и сестру о смерти брата. Мать отвѣтила письмомъ, въ которомъ, ни слова не упоминая о наслѣдствѣ, сообщала, что денно и нощно будетъ молиться объ упокоеніи души усопшаго сына и объ отпущеніи ему грѣховъ; сестра написала,

что поручитъ хлопоты о наслѣдствѣ адвокату, такъ какъ сама «пріѣхать не можетъ». «Я такъ и думала,— написала она,— что Гарпагончикъ погибнетъ. Ну, а ты, неудавшійся монахъ, что думаешь теперь дѣлать?» —заканчивала она письмо.

Неудавшійся монахъ! Да, это вѣрно...—размышлялъ онъ.—Я былъ неудавшимся ученымъ, потому что не удалось кончить курса и пойти по этой дорогѣ. Тогда я обрадовался бы деньгамъ, на что онѣ мнѣ теперь? Я былъ неудавшимся чиновникомъ, неудавшимся благотворителемъ, потому что благотворилъ такому человѣку, какъ Пронскому, и, наконецъ, сдѣлался неудавшимся монахомъ. Да, только такія, какъ Пронская,—вспомнилось ему,— могутъ жить припѣваючи, только такія могутъ чувствовать себя счастливыми. У нихъ только дѣйствительно сильная воля, каменное сердце. Ну, а я... докажу имъ, что не все будетъ преслѣдовать меня неудача. То, что я теперь задумалъ, удастся мнѣ!...

Цѣлую недѣлю какъ онъ живетъ въ монастырской гостиницѣ при томъ монастырѣ, изъ котораго онъ бѣжалъ такъ недавно.

То, что онъ задумалъ исполнить, можно было совершить гдѣ угодно. Но какая-то невѣдомая сила, какое-то темное влеченіе тянуло его къ бѣлымъ стѣнамъ обители. Ему хотѣлось еще разъ взглянуть на то убѣжище, на которое онъ возлагалъ столько надеждъ, гдѣ онъ искалъ спасенія отъ міра, лжи и измѣны и гдѣ онъ нашелъ только рѣшимость умереть. И за то спасибо! Еще взглянуть хотя издали на свою убогую келью, на безмолвныя тѣни монаховъ, на монастырскій садъ, когда-то цвѣтущій и благоухающій и теперь оголенный, почернѣвшій, намокшій, унылый и грустный.

Гостиница была выстроена довольно далеко отъ главныхъ монастырскихъ зданій и это ему было съ руки. Онъ тщательно избѣгалъ встрѣчаться съ монахами, своими бывшими товарищами. Онъ не выходилъ изъ своей комнатки днемъ, а только вечеромъ, когда ранніе осенніе сумерки окутывали землю своимъ покровомъ. Тогда онъ шелъ по пустыннымъ, чернымъ, размокшимъ полямъ и возвращался къ себѣ черезъ безлюдный монастырскій садъ. Разъ только повстрѣчался онъ съ о. Нектаріемъ и тотъ, низко поклонившись, зорко оглядѣлъ его фигуру. Но было уже темно, и тотъ, вѣроятно, не узналъ его.

Тьма расползалась по землѣ и среди этой тьмы черные сучья деревьевъ монастырскаго сада протягивались къ небу, какъ будто взывая къ нему о помощи. Такъ и онъ, когда-то, сидя одиноко у

окна своей кельи, протягивалъ къ этому безмолвному небу свои руки и душа его молила о помощи. Но небо оставалось безмолвнымъ, руки опускались въ отчаяньи и въ душѣ раздавался призывъ къ смерти.

И вотъ онъ созрѣлъ для нея, онъ самъ пришелъ къ ней.

Теперь, когда такъ безропотно и дружно умирала природа, особенно легко было умереть и ему.

Часто подолгу стоялъ онъ въ саду, подъ вѣтвями деревьевъ, покрывавшихся инеемъ и кругомъ царила такая глубокая тишина, что онъ боялся нарушить ее неосторожнымъ движеніемъ. Иногда ему казалось уже, что онъ переселился въ другой міръ и что этотъ садъ какой-нибудь волшебный, а не земной садъ, что все, что было тамъ, въ жизни, ушло на вѣкъ, осталось наверху, надъ землей, подъ которой онъ лежитъ теперь. Все это проходило въ головѣ его въ видѣ тумана, безъ образовъ, безъ мыслей, безъ словъ.

Осень была теплая, гнилая. Изрѣдка, огромными хлопьями падалъ снѣгъ, покрывая на нѣсколько минутъ серебряною ризой вѣтви деревьевъ и его самого. Но снѣгъ скоро таялъ и Турыгинъ возвращался въ гостиничную келью измокшій, озябшій, продрогшій.

Въ такіе снѣжные вечера онъ сидѣлъ у окна и смотрѣлъ на хлопья снѣга, крутившагося въ воздухѣ отъ вѣтра. И этотъ снѣгъ, и этотъ вой и свистъ вѣтра, и этотъ палисадникъ за его окномъ казались ему чѣмъ-то давно, давно знакомымъ.

Именно такая погода была въ тотъ достопамятный зимній вечеръ, когда онъ сидѣлъ въ захолустномъ городкѣ, въ своей квартирѣ у письменнаго стола. Тогда было такъ уютно въ его скромномъ кабинетѣ, такъ мягко горѣла лампа подъ зеленымъ колпакомъ, такъ хорошо потрескивали дрова, разгораясь все больше и больше и бросая красный отблескъ на чистый, крашеный полъ.

Тогда у него было все, о чемъ онъ мечталъ. Была самостоятельность и независимость отъ отца—высшее благо, къ которому онъ стремился; была несложная, легкая служба, дававшая ему не только сводить концы съ концами, но даже откладывать «на черный день» и покупать книжки. И вотъ, именно, тогда впервые явился ему проклятый вопросъ: «къ чему жить?» И съ того самаго вечера, послѣ посѣщенія его Пронскимъ, онъ отправился на-встрѣчу этому неразрѣшимому вопросу, который и привелъ его къ «черному дню». Не о такомъ черномъ днѣ онъ мечталъ, когда откладывалъ деньги, и не такого чернаго дня онъ боялся.

Ему припомнилась книга, которую онъ читалъ въ тотъ вечеръ. «Любовь воспитываетъ полезнаго члена общества,—вспоминались

ему слова книги,— утѣшаетъ страждущаго, останавливаетъ отъ паденія слабаго и обращаетъ на путь долга павшаго». Какія звонкія фразы! Какъ онѣ красиво высказаны! Любовь, любовь! Какая любовь? Къ женщинѣ, къ человѣку вообще, къ человѣчеству въ обширномъ смыслѣ слова? Очевидно, говорилось о послѣдней. Но это — вздоръ, это—утопія, это—общая фраза! И ему вспомнились еще слова, на этотъ разъ изъ письма Пронскаго: «Ничего нѣтъ! Ни права, ни справедливости, ни нравственности... радости нелѣпы, малочисленны и обманчивы, страданія продолжительны и сильны. Не высшая нормальная справедливость управляетъ міромъ, а эгоизмъ и его присные—насиліе и вражда. И изъ двухъ людей одинъ всегда жерновъ, другой—размолотое зерно».

И уже тогда ему приходила мысль о смерти. Но тогда онъ еще пугался ея; она была далека, мелькала какъ призракъ гдѣ-то вдали. Теперь она страшно приблизилась къ нему. Вотъ, вотъ она выглядываетъ изъ-за этой завѣсы снѣга, медленно колеблющейся за окномъ, вотъ, вотъ она возится за его дверью. Заколыхалось пламя свѣчи на столѣ, — не она ли вошла въ комнату и дохнула своимъ смраднымъ дыханіемъ на огонь? А вотъ застонало что-то, такъ заунывно и жалостно... Не она ли?

Онъ провелъ руками по воспаленнымъ глазамъ и очнулся.

Онъ взялъ листикъ почтовой бумаги и сталъ писать, чтобы прогнать скверныя мысли, которыя туманили ему голову. То, къ чему онъ приготовился, онъ хотѣлъ совершить съ ясной головой, съ холоднымъ сердцемъ, мужественно, бодро, сознательно, а не подъ вліяніемъ душевнаго упадка, болѣзненной слабости.

«Милая Оляша,—писалъ онъ,—въ послѣдній разъ пишу тебѣ эти строки, въ которыхъ хочу вкратцѣ высказать то, что волнуетъ меня, и выпросить у тебя прощеніе за все то злое, что я тебѣ сдѣлалъ. Ты, можетъ быть, не все поймешь, а то, что поймешь,—поймешь не такъ, какъ слѣдуетъ. Но я долженъ написать тебѣ... Я сижу одинъ, въ глухую, осеннюю ночь и припоминаю свою невеселую жизнь. Я провелъ ее въ исканіи истины. Не правда ли, какъ глупо?! Еще когда поставленъ былъ этотъ вопросъ: что есть истина? И до сихъ поръ величайшіе мудрецы міра не отвѣтили на него кратко, удобопонятно. И я, жалкій глупецъ, имѣлъ дерзость искать ее. Я былъ бѣденъ, — бѣденъ духомъ и бѣденъ деньгами и потому именно искалъ истины: богатому не до того и онъ очень мало заботится о томъ, что есть правда и что — ложь. Но бѣдность не дала мнѣ разумѣнія жизни. Я былъ скроменъ и кротокъ,—нищъ духомъ. Но и кротость не повела ни къ чему. Потомъ я сдѣлался злымъ, на-

сильникомъ, почти преступникомъ: душилъ отца, грозилъ смертью брату, но кромѣ жалкихъ грошей насиліе ничего не дало мнѣ и я отъ истины ушелъ еще дальше, конечно. Потомъ пришла мнѣ сумасбродная идея сдѣлаться монахомъ. Но и религія, въ которой я увидѣлъ столько противорѣчій, не дала мнѣ руководящихъ принциповъ жизни. И жизнь мнѣ показалась до того нелѣпой, до того пошлой шуткой, что у меня не стало силъ жить. Единственный смыслъ, который я увидѣлъ въ ней—смерть. Ну, что-жъ? Если цѣль жизни—смерть, если весь смыслъ существованія заключается въ томъ, чтобъ это существованіе рано или поздно прекратилось, такъ къ чему же отдалять эту цѣль, и почему лучше не прекратить жизнь рано, чѣмъ поздно? Милая Оляша, я видѣлъ, какъ умиралъ о. Іосифъ, — ты его вѣдь тоже знаешь? И мнѣ не стало страшно при видѣ того, что называется праведною кончиною. Потомъ я видѣлъ кончину брата и опять не было страшно. И по-моему гораздо страшнѣе жить, чѣмъ умереть.

«Жить безъ цѣли, безъ смысла, безъ любви невозможно. Кто любитъ, говорятъ, обрѣтаетъ силу жизни. Но я въ эти послѣднія минуты понялъ, что не любилъ. Ты была права. Не огорчайся и не обижайся, Оляша. Я тебя не любилъ. Развѣ такъ любятъ? Еслибъ я любилъ тебя, развѣ бы я прогналъ тебя отъ себя такимъ жестокимъ словомъ? Еслибъ я любилъ тебя, развѣ бы я наговорилъ тебѣ того, что наговорилъ еще такъ недавно? Не любилъ я и мать, о которой только изрѣдка вспоминалъ, безъ всякаго горькаго чувства, живя долго въ разлукѣ съ нею. Отца и брата я не только не любилъ, но ненавидѣлъ. Говорятъ, есть такая любовь, такая горячая любовь, которая наполняетъ всю жизнь и придаетъ ей смыслъ и цѣну. Но и она должна быть взаимна. Одинокая любовь ведетъ все-таки къ смерти. Это я видѣлъ на Пронскомъ. Онъ горячо, беззавѣтно любилъ и положилъ жизнь свою за эту страшную, преступную, эгоистическую любовь. Я и такой не зналъ. Да и не о такой любви училъ Христосъ. Еслибъ я понялъ Его ученіе, я бы, можетъ быть, могъ бы жить и мнѣ не къ чему было бы искать въ книгахъ, въ жизни, въ монастырѣ того упорно убѣгавшаго отъ меня смысла жизни. Еслибы сердце мое было полно любовью, можетъ быть, мнѣ стало бы легко и все сдѣлалось бы яснымъ. Но я по натурѣ своей не могъ усвоить этого простого и яснаго ученія. Отецъ мнѣ передалъ слишкомъ сухое, черствое сердце, — сердце не способное любить. «Пустынное сердце», какъ мѣтко сказалъ обо мнѣ о. Іосифъ...

«Нѣтъ, я не любилъ тебя, моя Оляша. Одно мгновеніе было въ моей жизни, когда мнѣ казалось, что я любилъ тебя. Но тогда

ты была далеко отъ меня. Это былъ бредъ, фантазія больной души. И стоило мнѣ увидѣть тебя, въ тотъ вечеръ, помнишь? У могилы Павла Павловича, гдѣ ты молилась именно о нашей любви, какъ ты мнѣ недавно призналась въ этомъ, какъ я немедленно понялъ, что и твоя любовь не привяжетъ меня къ жизни. Значитъ все это легенды и сила молитвы у его могилы и многое, многое другое! Не любилъ я и Пронскаго, когда рѣшился помочь ему. Не сердце тогда говорило во мнѣ, не жалость къ нему побудила меня поступить такъ, а сухія, отвлеченныя разсужденія, фразы, вычитанныя изъ книгъ...

«Вотъ всѣ, кого я зналъ, нашли свою пристань: мать блаженствуетъ въ монастырѣ,—она нашла себѣ временную могилу, пока не сойдетъ въ настоящую. О. Іосифъ покоится въ сырой землѣ. Схимникъ нашъ, о. Мелетій, какъ говорятъ здѣсь, уже третій день въ агоніи, о. архимандритъ протянетъ не долго, онъ уже не выходитъ изъ келіи. Вотъ всѣ, кого я зналъ, къ кому чувствовалъ расположеніе, если не любовь. Но о. Нектарій, о. Павлинъ, о. Леонтій и о. Никодимъ будутъ жить долго. Этимъ лишь бы была пища и питье въ обширномъ смыслѣ слова. Но царство Божіе не пища и не питье, учили меня когда-то. А я искалъ этого царства, искалъ его всюду, упорно, долго искалъ. И въ жизни, и въ монастырѣ, и въ бѣдности, и теперь, въ самую послѣднюю минуту, когда могъ бы сдѣлаться богатымъ и добровольно отказался отъ проклятаго наслѣдства. Я искалъ его всюду, этого царства Божія, искалъ его, какъ ищутъ клада. Но, можетъ быть, ошибка моя состояла въ томъ, что я его искалъ всюду *внѣ* себя, но не искалъ его въ сердцѣ своемъ. И не могъ искать въ немъ, потому что оно пустынно... Я наивно думалъ найти его въ монастырѣ... Но вѣдь я самъ читалъ и самъ слышалъ великое слово: «Не скажутъ вамъ: царство Божіе здѣсь или царство Божіе—тамъ. Но вотъ—царство Божіе внутри васъ есть». А ты думаешь, въ наше время, мало такихъ людей съ «необрѣзаннымъ сердцемъ и ушами?» Ахъ, Оляша, много ихъ, очень много, и я одинъ изъ нихъ. Вижу и не понимаю, слышу и не разумѣю. Мозгъ безплодно работаетъ, а сердце молчитъ, потому что въ немъ пусто, пусто»...

Блѣдная утренняя заря,—больная и безсильная осенняя заря,—разогнала мракъ ненастной ночи. Она какъ будто боролась съ тьмою, не будучи въ силахъ ее разогнать; между ночью и дневнымъ разсвѣтомъ подымалась борьба, въ которой долженъ былъ побѣдить, конечно, день. И настало раннее сѣрое утро, похожее на вечернія сумерки, и съ колокольни монастырской церкви грянулъ ударъ бла-

говѣста, призывавшій иноковъ къ утренней молитвѣ. Унылымъ звукомъ пронесся благовѣстъ въ сыромъ, осеннемъ воздухѣ хилаго утра.

Турыгинъ вздрогнулъ.

Поэтическая легенда о мелодическомъ звонѣ полевыхъ колокольчиковъ пришла ему на умъ и ему сдѣлалось грустно при взглядѣ въ окно гостиничной кельи, за которымъ разстилались поля, покрытыя унылымъ бѣлымъ саваномъ снѣга и вѣтви обнаженныхъ деревьевъ палисадника молитвенно воздѣвали свои черныя руки къ затянутому сѣрою пеленою, безмолвному, тяжелому небу, готовому пролить на землю цѣлые потоки мелкаго, дрянного, осенняго дождя. Увы, не увидитъ онъ больше колокольчиковъ въ полѣ, не услышитъ онъ больше церковнаго благовѣста!

То же безмолвіе, которымъ больно это небо, будетъ окружать его долго, долго, цѣлую вѣчность, быть можетъ, нѣсколько вѣчностей, ибо кто же можетъ сказать, что такое вѣчность? Тотъ же бѣлый саванъ покроетъ его могильный холмъ, какъ покрылъ онъ могилы Павла Павловича, о. Іосифа и многихъ милліоновъ другихъ, вѣровавшихъ и сомнѣвавшихся, добрыхъ и злыхъ, богатыхъ и бѣдныхъ, слабыхъ и сильныхъ. А земля все будетъ вертѣться и солнце свѣтить и времена года смѣнять другъ друга, согласно съ точными законами природы. И люди все будутъ искать Истины и Истина все будетъ тѣмъ же Невѣдомымъ Миѳомъ, котораго искалъ когда-то и онъ, наивно мечтая постичь Непостижимое...

Турыгинъ выдвинулъ ящикъ стола, въ которомъ онъ тщательно хранилъ револьверъ,—тотъ самый револьверъ, купленный имъ изъ послѣднихъ грошей для задуманнаго убійства брата. Съ тѣхъ поръ онъ никогда не разставался съ нимъ, возилъ его даже съ собою въ монастырь и тайно думалъ о немъ, какъ о самомъ вѣрномъ, самомъ надежномъ другѣ.

— Поднявшій мечъ отъ меча погибнетъ! — прошепталъ онъ улыбнувшись, и его поразило совпаденіе, оправдывавшее эти слова.

Онъ осмотрѣлъ оружіе, поднялъ его къ виску и нажалъ спускъ.

Глухой шумъ выстрѣла нарушилъ покой монастырскаго безмолвія...

И послѣдней мыслью, прорѣзавшей мозгъ несчастнаго, какъ яркою молніею, были слышанныя имъ когда-то слова:

«Ты не искалъ бы Меня такъ, еслибы уже не нашелъ Меня».

В. Свѣтловъ.

КРЕСТОНОСЦЫ*).

Историческій романъ Генрика Сенкевича.

Переводъ съ польскаго.

IV.

— Чья это свита?—вдругъ спросилъ Юрандъ, который за Радзановымъ очнулся отъ своей задумчивости, какъ отъ сна.

— Моя,—отвѣтилъ Збышко.

— А мои люди всѣ погибли?

— Я видѣлъ ихъ мертвыми въ Недзбожѣ.

— Значитъ, нѣтъ моихъ старыхъ соратниковъ!

Збышко не отвѣтилъ ничего и они ѣхали дальше молча и быстро, потому что хотѣли какъ можно скорѣе добраться до Спыхова, разсчитывая найти тамъ какихъ-нибудь пословъ отъ крестоносцевъ. Къ счастью, опять наступили морозы, дорога была накатана, ѣхать можно было скоро. Подъ вечеръ Юрандъ снова заговорилъ, разспрашивалъ о крестоносцахъ, которые были въ лѣсномъ дворцѣ, а Збышко разсказывалъ ему обо всемъ, и объ ихъ жалобахъ, и объ отъѣздѣ, и о смерти господина де-Фурси, и о поступкѣ своего оруженосца, который такимъ страшнымъ образомъ сломалъ руку Данфельда. Во время разсказа ему припомнилось и поразило одно обстоятельство, то-есть пребываніе въ лѣсномъ дворцѣ той женщины, которая привезла Данусѣ цѣлебный бальзамъ. На привалѣ онъ подробно началъ разспрашивать о ней у чеха и Зандеруса, но ни тотъ, ни другой не знали точно, что̀ съ ней сталось. Имъ казалось, что она уѣхала или вмѣстѣ съ тѣми людьми, которые явились за Данусей, или вскорѣ послѣ нихъ. Збышку только теперь пришло въ голову, что женщина могла быть подослана кѣмъ-нибудь съ тою

*) *Русская Мысль*, 98 г. кн. V.

цѣлью, чтобы предостеречь этихъ людей, если Юрандъ персонально находится во дворцѣ. Въ такомъ случаѣ они не выдали бы себя за людей изъ Спыхова, могли имѣть при себѣ другое какое-нибудь письмо, которое и отдали бы княгинѣ вмѣсто поддѣльнаго письма Юранда. Все это было устроено съ адскою хитростью, и молодой рыцарь, который крестоносцевъ до сихъ поръ зналъ только по полю битвы, въ первый разъ подумалъ, что въ сношеніи съ ними кулака мало, нужно пересиливать ихъ и головою. Мысль эта была страшно непріятна для него, потому что его горе и боль прежде всего претворились въ немъ въ жажду борьбы и крови. Даже спасеніе Дануси представлялось ему рядомъ битвъ стѣна на стѣну или въ одиночку, а теперь онъ узналъ, что, можетъ быть, желаніе мести и сокрушеніе чужихъ головъ придется, какъ медвѣдя, привязать на цѣпь и искать совершенно другихъ средствъ для розысковъ и спасенія Дануси. Думая объ этомъ, онъ жалѣлъ, что возлѣ него нѣтъ Мацька, а Мацько былъ настолько же ловокъ, насколько и мужественъ. Впрочемъ, Збышко и самъ придумалъ кое-что: послать Зандеруса въ Щитно разыскать эту женщину и постараться вывѣдать отъ нея, что сталось съ Данусей. Онъ говорилъ себѣ, что если Зандерусъ даже и захочетъ измѣнить ему, то не много повредитъ дѣлу, а въ противномъ случаѣ можетъ оказать ему значительныя услуги, потому что его занятіе открывало передъ нимъ доступъ повсюду.

Тѣмъ не менѣе сначала онъ хотѣлъ посовѣтоваться съ Юрандомъ, но отложилъ дѣло до Спыхова, тѣмъ болѣе, что наступала ночь и ему казалось, что Юрандъ, сидя на своемъ высокомъ рыцарскомъ сѣдлѣ, уснулъ отъ утомленія и тяжелой заботы. Но Юрандъ потому только ѣхалъ съ опущенною головой, что ее пригнуло несчастье. Было видно, что онъ только о томъ и думаетъ, что сердце его было преисполнено ужасающаго опасенія, потому что онъ, наконецъ, заговорилъ:

— Лучше бы я замерзъ подъ Недзбожемъ! Это ты откопалъ меня?

— Я, вмѣстѣ съ другими.

— И на той охотѣ мою дочь спасъ тоже ты?

— Какъ же мнѣ было поступить иначе?

— И теперь поможешь мнѣ?

Въ Збышкѣ вспыхнула любовь къ Данусѣ и ненависть къ утѣснителямъ-крестоносцамъ настолько сильная, что онъ даже привсталъ на стременахъ и съ трудомъ проговорилъ сквозь стиснутые зубы:

— Слушайте, что я скажу вамъ: еслибы мнѣ пришлось грызть зубами прусскіе замки, то я сгрызу ихъ, а ее добуду.

И снова наступила минута молчанія. Но мстительная и неукротимая натура Юранда, видимо, отозвалась въ немъ снова подъ вліяніемъ словъ Збышка, потому что онъ во мракѣ заскрежеталъ зубами и опять началъ повторять.

— Данфельдъ, Лёве, Ротгеръ и Готфридъ!

А въ душѣ своей онъ думалъ, что если они потребуютъ выдачи Бегрова, онъ отдастъ его; если потребуютъ доплаты,—доплатитъ, хотя бы къ назначенной цѣнѣ долженъ бы прибавить весь Спыховъ, но потомъ горе тѣмъ, которые подняли руку на его любимое дѣтище!

Въ теченіе всей ночи они ни на минуту не сомкнули рѣсницъ, а утромъ увидали, какъ измѣнились лица у обоихъ. Наконецъ, Юранда поразила эта скорбь и злоба Збышка и онъ сказалъ:

— Она прикрыла тебя платкомъ и спасла отъ смерти, я это знаю. Но ты любишь ее?

Збышко посмотрѣлъ ему прямо въ глаза и чуть не съ вызывающимъ лицомъ отвѣтилъ:

— Она моя жена.

Юрандъ остановилъ коня и, моргая отъ изумленія, смотрѣлъ на Збышка.

— Что ты говоришь?—спросилъ онъ.

— Я говорю, что она моя жена, а я ея мужъ.

Рыцарь изъ Спыхова прикрылъ перчаткою глаза, какъ бы ослѣпленный неожиданною молніей, потомъ, не отвѣчая ничего, опередилъ всѣхъ и молча поѣхалъ впередъ.

V.

Збышко, слѣдуя за Юрандомъ, долго не могъ удерживаться и сказалъ себѣ въ душѣ: «Лучше, если онъ разразится гнѣвомъ, чѣмъ будетъ свирѣпѣть про себя». Онъ подъѣхалъ къ Юранду, дотронулся своимъ стременемъ о его стремя и заговорилъ:

— Выслушайте, какъ это было. Что Дануся сдѣлала для меня въ Краковѣ, вы знаете, а того не знаете, что въ Богданьцѣ за меня сватали Ягенку, дочь Зыха изъ Згожелицъ. Дядя мой, Мацько, хотѣлъ этого, Зыхъ тоже, и родственникъ его, аббатъ, очень богатый, тоже... Да что вамъ долго говорить? дѣвка хорошая, и пригожая, приданое большое. Но этого не могло быть. Ягенку мнѣ было жаль, но еще больше жаль Данусю, вотъ я собрался къ ней

въ Мазовію, потому что, скажу вамъ по совѣсти, не могъ дольше жить безъ нея. Вспомните, какъ вы сами любили! вспомните и не будете удивляться.

Збышко остановился, ожидая какого-нибудь слова изъ устъ Юранда, но тотъ молчалъ, и молодой рыцарь заговорилъ дальше:

— Въ лѣсномъ дворцѣ Господь сподобилъ меня спасти на охотѣ отъ тура княгиню и Данусю. Княгиня тогда же сказала: «Теперь Юрандъ ужъ не будетъ противиться, потому что какъ же ему не заплатить за такой поступокъ?» Но я и тогда не думалъ брать Данусю безъ вашего родительскаго позволенія. Охъ, ужъ и плохо мнѣ было, звѣрь такъ помялъ меня, что едва души изъ меня не вытрясъ. Но потомъ,—вы знаете,—за Данусей пришли эти люди, чтобъ какъ будто везти ее въ Спыховъ, а я еще не вставалъ съ постели. Я думалъ, что больше уже никогда не увижу ее. Я думалъ, что вы возьмете ее въ Спыховъ и отдадите кому-нибудь другому. Въ Краковѣ вы были противъ меня. И я думалъ, что умираю. Господи Боже, что это была за ночь! Сплошное мученіе, сплошное горе! Я думалъ, что какъ она уѣдетъ отъ меня, такъ и солнце перестанетъ вставать. Поймите же человѣческую любовь и человѣческое горе... Въ голосѣ Збышка на минуту послышались слезы, но сердце у него было мужественное, онъ овладѣлъ собою и продолжалъ:

— За нею пріѣхали вечеромъ и хотѣли ее увезти тотчасъ же, но княгиня приказала подождать до утра. Но тутъ Господь Іисусъ послалъ мнѣ мысль поклониться княгинѣ и просить, чтобъ она отдала мнѣ Данусю. Я думалъ, что если умру, то мнѣ будетъ хоть это одно утѣшеніе. Вспомните, что она должна была уѣзжать, а я оставался одинъ и на порогѣ могилы. Просить у васъ разрѣшенія времени не было. Князь уѣхалъ изъ лѣсного дворца и княгиня колебалась то въ ту, то въ другую сторону, потому что ей не съ кѣмъ было посовѣтоваться. Но наконецъ они оба съ ксёндзомъ Вышонкомъ сжалились надо мною, и ксёндзъ Вышонекъ обвѣнчалъ насъ. Божіе могущество, Божескій законъ...

А Юрандъ глухо прервалъ:

— И кара Божія.

— Почему кара?—спросилъ Збышко.—Сообразите только, что за ней пріѣхали до нашей свадьбы, и обвѣнчали бы насъ или не обвѣнчали, Данусю точно такъ же увезли бы.

Юрандъ не отвѣтилъ ничего и ѣхалъ впередъ замкнутый въ самого себя, мрачный, съ совершенно окаменѣвшимъ лицомъ. Збышко сначала почувствовалъ было облегченіе, которое всегда слѣду-

етъ за выясненіемъ долго хранимой тайны, но потомъ испугался и все съ бо̀льшимъ и бо̀льшимъ безпокойствомъ началъ повторять себѣ, что старый рыцарь затаилъ въ себѣ гнѣвъ противъ него и что теперь они чужіе и враждебные другъ другу люди.

И на него нашла минута великаго унынія. Никогда, со времени его выѣзда изъ Богданьца, ему не было такъ плохо. Теперь ему казалось, что нѣтъ уже никакой надежды ни на примиреніе съ Юрандомъ, ни на спасеніе Дануси, что все пошло прахомъ и въ будущемъ на него будутъ сваливаться все большія и большія несчастья, все большія и большія горести. Но уныніе это длилось не долго, или, вѣрнѣе, благодаря особенностямъ его натуры, тотчасъ перешло въ раздраженіе, въ желаніе поссориться и повздорить. «Не хочетъ согласія,—думалъ онъ о Юрандѣ,—пусть будетъ несогласіе, пусть будетъ, что ему угодно!» И онъ былъ готовъ наброситься хоть на самого Юранда. Ему теперь страстно хотѣлось подраться хоть съ кѣмъ-нибудь, хоть изъ-за чего-нибудь, только сдѣлать бы что-нибудь, дать исходъ своему горю, негодованію и гнѣву, найти какое-нибудь облегченіе.

Тѣмъ временемъ они подъѣхали къ корчмѣ, стоящей на перекресткѣ и называемой Свѣтликъ, гдѣ Юрандъ, при возвращеніи изъ княжескаго дворца, обыкновенно давалъ отдыхъ людямъ и лошадямъ. Невольно онъ и теперь сдѣлалъ то же самое. Вскорѣ они со Збышкомъ очутились въ отдѣльной комнатѣ. Вдругъ Юрандъ остановился передъ молодымъ рыцаремъ и, устремивъ на него взоръ, спросилъ:

— Такъ это ты для нея пріѣхалъ сюда?

Збышко почти рѣзко отвѣтилъ:

— Вы думаете, я запрусь?

И онъ началъ прямо смотрѣть въ глаза Юранду, готовый отвѣтить на гнѣвъ гнѣвомъ. Но въ лицѣ стараго воина не было ничего свирѣпаго, въ немъ отражалась почти безграничная скорбь.

— И дочь мою спасъ?—спросилъ онъ немного погодя,—и меня откопалъ?...

Збышко посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ и опасеніемъ насчетъ состоянія его разсудка, потому что Юрандъ повторялъ какъ разъ тѣ же самые вопросы, какіе предложилъ еще раньше.

— Сядьте,—сказалъ онъ,—какъ видно, вы еще слабы.

Но Юрандъ поднялъ руки, опустилъ ихъ на плечи Збышка и вдругъ изо всей силы прижалъ его къ груди. Збышко, остывъ отъ минутнаго недоумѣнія, также обнялъ Юранда, и они долго держали

другъ друга въ объятіяхъ, потому что ихъ связывали общія огорченія и общее горе.

Наконецъ, Збышко припалъ къ ногамъ стараго рыцаря и, со слезами на глазахъ, началъ цѣловать его руки.

— Вы теперь не будете противъ меня?—спросилъ онъ.

Юрандъ отвѣтилъ на это:

— Я былъ противъ тебя, потому что въ душѣ обѣщалъ ее Богу.

— Вы обѣщали ее Богу, а Богъ мнѣ. Его воля.

— Его воля!—повторилъ Юрандъ,—только теперь намъ нужно и милосердіе.

— Кому же Богъ поможетъ, какъ не отцу, который разыскиваетъ дочь, какъ не мужу, который ищетъ жену? Не злодѣямъ же Онъ станетъ помогать.

— А ее все-таки похитили?—отвѣтилъ Юрандъ.

— Тогда отдайте за нее де-Бегрова.

— Я отдамъ все, что они захотятъ.

При мысли о крестоносцахъ въ немъ вдругъ проснулась старая ненависть и охватила его какъ огонь. Онъ проговорилъ сквозь стиснутые зубы:

— И добавлю то, чего они и не хотятъ.

— Я тоже далъ клятву,—отвѣтилъ Збышко,—но теперь намъ нужно ѣхать въ Спыховъ.

И онъ началъ торопить, чтобы скорѣе сѣдлали коней. И только какъ кони съѣли свою дачу овса и сѣна, а люди слегка отогрѣлись, всѣ пустились въ путь, хотя на дворѣ уже начинало смеркаться. Такъ какъ дорога была дальняя, ночь обѣщала быть морозною, а ни Збышко, ни Юрандъ еще совсѣмъ не оправились, то поѣхали они въ саняхъ. Збышко разсказывалъ о дядѣ Мацькѣ, по которомъ тосковалъ въ душѣ и жалѣлъ, что его нѣтъ здѣсь въ настоящее время, потому что теперь-то именно и могли бы пригодиться его мужество и хитрость, которая въ дѣлѣ съ такими врагами важнѣе мужества. Въ концѣ онъ обратился къ Юранду и спросилъ:

— А вы хитрый?... Вотъ я, такъ ни на что не гожусь.

— И я тоже,—отвѣтилъ Юрандъ.—Не хитростью я сражался съ ними, а вотъ этою рукой и горемъ, которое осталось во мнѣ.

— Вотъ это я понимаю,— сказалъ молодой рыцарь.— Потому понимаю, что люблю Данусю, и потому, что ее похитили. Если, упаси Боже...

Онъ не докончилъ, потому что при одной мысли объ этомъ почувствовалъ въ груди не человѣческое, а волчье сердце. Они молча

ѣхали по бѣлой дорогѣ, залитой луннымъ свѣтомъ, потомъ Юрандъ заговорилъ, какъ будто самъ съ собою:

— Еслибъ они имѣли какой-нибудь поводъ мстить мнѣ, я бы не говорилъ ничего. Но, Богомъ клянусь, у нихъ этого повода не было!... Я сражался съ ними на полѣ битвы, когда ходилъ въ посольствѣ отъ нашего князя къ Витольду, но здѣсь былъ сосѣдомъ, какъ слѣдуетъ... Бартошъ Налэнчъ сорокъ рыцарей, которые шли къ нимъ, схватилъ, сковалъ и заперъ въ Козлинѣ въ подземельѣ. Крестоносцы должны были ему отсыпать за нихъ полвоза денегъ. А я, коли попадался гость-нѣмецъ, который ѣхалъ къ крестоносцамъ, принималъ его, какъ рыцарь рыцаря и одарялъ на дорогу Не разъ и крестоносцы пріѣзжали ко мнѣ. Я тогда не былъ свирѣпымъ, а они сдѣлали со мной то, чего я и теперь не сдѣлаю съ самымъ величайшимъ своимъ врагомъ.

Страшныя воспоминанія терзали его все съ большей силой, голосъ на минуту замеръ въ его груди, и онъ продолжалъ, наполовину со стономъ:

— Одна она у меня была, какъ овечка, какъ одно сердце въ груди, а они ее, какъ собаку, захлестнули веревкой и на ихъ веревкѣ она побѣлѣла... Іисусе! Іисусе!

И вновь водворилось молчаніе. Збышко поднялъ къ мѣсяцу свое молодое лицо, на которомъ рисовалось изумленіе, потомъ посмотрѣлъ на Юранда и спросилъ:

— Отецъ!... Вѣдь имъ лучше было бы добиваться любви человѣческой, а не мести. Зачѣмъ же они столько зла дѣлаютъ всѣмъ народамъ и всѣмъ людямъ?

Юрандъ съ отчаяніемъ развелъ руками и отвѣтилъ глухимъ голосомъ:

— Не знаю.

Збышко съ минуту задумался надъ своимъ вопросомъ, но вскорѣ его мысль возвратилась къ Юранду.

— Люди говорятъ, что вы достойно отомстили,—сказалъ онъ.

Юрандъ тѣмъ временемъ подавилъ свое горе, опамятовался и заговорилъ:

— Потому что я далъ клятву... И Богу далъ обѣтъ, что если Онъ поможетъ мнѣ въ моей мести, то я отдамъ Ему свое послѣднее дѣтище... Поэтому я и былъ противъ тебя. А теперь я не знаю: воля Его была такова или вы пробудили Его гнѣвъ своимъ поступкомъ.

— Нѣтъ,— сказалъ Збышко.— Вѣдь я же говорилъ вамъ, что еслибъ нашей свадьбы и не было, собачьи дѣти все-таки похитили

бы ее. Богъ принялъ ваше намѣреніе, а Данусю даровалъ мнѣ,— безъ Его воли ничего не сдѣлаешь.

— Каждый грѣхъ противъ воли Божіей.

— То грѣхъ, а то святое таинство. Таинство—дѣло Божіе.

— Тутъ ужъ дѣлать нечего.

— И слава Богу, что нечего! Не ропщите же на это, потому что никто вамъ такъ не поможетъ противъ этихъ разбойниковъ, какъ помогу я. Вотъ вы увидите! За Данусю мы имъ заплатимъ въ свою очередь, но если живъ хоть одинъ изъ тѣхъ, кто похищалъ вашу покойницу, отдайте его мнѣ и увидите!

Юрандъ покачалъ головою.

— Нѣтъ,— угрюмо отвѣтилъ онъ,— изъ тѣхъ никого въ живыхъ не осталось.

И онъ замолкъ. Слышно было только фырканье лошадей и глухой стукъ колесъ о наѣзженную дорогу.

— Разъ ночью, — опять заговорилъ Юрандъ, — я услышалъ голосъ, который какъ будто выходилъ изъ стѣны и говорилъ мнѣ: «довольно мести!»—но я не внялъ ему, потому что то не былъ голосъ покойницы.

— А чей это могъ быть голосъ?—съ безпокойствомъ спросилъ Збышко.

— Не знаю. Въ спыховскихъ стѣпахъ часто слышны чьи-то голоса, чьи-то стоны. Много народу умерло на цѣпяхъ въ подземельѣ.

— А ксёндзъ что говоритъ вамъ?

— Ксёндзъ освящалъ городокъ и также говорилъ, чтобъ я пересталъ мстить, но этого быть не могло. Я сталъ для нихъ черезчуръ тяжолъ и потомъ они уже сами начали мстить мнѣ. Они устраивали мнѣ засады и вызывали въ поле... Такъ и на этотъ разъ было. Мейнигеръ и де Бегровъ первые вызвали меня.

— Вы брали когда-нибудь выкупъ?

— Никогда. Изъ тѣхъ, кого я захватывалъ, де Бегровъ первый выйдетъ живымъ.

Они свернули съ широкаго пути на узкую дорогу и долго ѣхали по ней, потому что она шла извилинами, а мѣстами обращалась въ лѣсную тропинку, изобилующую снѣжными, почти непроходимыми сугробами. Весною или лѣтомъ, во время дождей, дорога эта должна была быть почти недоступной.

— Мы уже къ Спыхову приближаемся?—спросилъ Збышко.

— Да, — отвѣтилъ Юрандъ. — Лѣсомъ придется ѣхать еще долго, а потомъ начнутся топи, среди которыхъ и стоитъ горо-

докъ... За топями есть луга и сухія поля, по въ городокъ можно проѣхать по гати. Нѣмцы не разъ хотѣли достать меня, да не могли, и много ихъ костей гніетъ въ лѣсныхъ озеркахъ.

— Да, сюда не легко пробраться,— сказалъ Збышко.— Если крестоносцы пришлютъ сюда людей съ письмами, какъ они проберутся?

— Они ужъ не разъ присылали ко мнѣ. У нихъ есть люди, которые знаютъ дорогу

— Еслибъ Богъ далъ намъ застать ихъ въ Спыховѣ!—сказалъ Збышко.

Желаніе это исполнилось раньше, чѣмъ предполагалъ молодой рыцарь. Едва они выѣхали изъ лѣсу на открытое мѣсто, гдѣ среди болотъ стоялъ Спыховъ, какъ увидали передъ собою двухъ всадниковъ и низкія сани, на которыхъ сидѣли три темныя фигуры.

Стояла очень ясная ночь и на бѣломъ покровѣ снѣга вся кучка вырисовывалась отчетливо. Сердца Юранда и Збышка забились сильнѣе,—кто же ночью могъ ѣхать въ Спыховъ, какъ не посланцы крестоносцевъ?

Збышко приказалъ возницѣ ѣхать скорѣе. Вскорѣ ихъ замѣтили, и два всадника, которые, очевидно, оберегали сани, повернулись, и, снимая съ плечъ луки, окликнули:

— Wer da?

— Нѣмцы! — шепнулъ Юрандъ Збышку.

Потомъ онъ возвысилъ голосъ и отвѣтилъ:

— Это мое право спрашивать, а тебѣ отвѣчать! Кто вы такіе?

— Путники.

— Какіе путники?

— Пилигримы.

— Откуда?

— Изъ Щитна.

— Они!—снова шепнулъ Юрандъ.

Тѣмъ временемъ сани поравнялись другъ съ другомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ впереди показалось еще шесть всадниковъ. То была спыховская стража, которая днемъ и ночью оберегала гать, ведущую въ городокъ. За лошадьми бѣжали страшныя и огромныя собаки, совершенно похожія на волковъ.

Стражники, узнавъ Юранда, начали привѣтствовать его криками, но въ этихъ крикахъ звучало и изумленіе, что владѣлецъ является такъ скоро и неожиданно. Но Юрандъ былъ всецѣло занятъ посланцами крестоносцевъ и потому снова обратился къ нимъ:

— Куда вы ѣдете?

— Въ Спыховъ.

— Что вамъ тамъ нужно?

— Это мы можемъ сказать только самому спыховскому господину.

Юрандъ хотѣлъ было уже сказать, что онъ и есть самый спыховскій господинъ, но удержался, понимая, что разговоръ не можетъ происходить при людяхъ. Зато онъ спросилъ, есть ли у нихъ какія-нибудь письма и, получивъ отвѣтъ, что они уполномочены вести бесѣду на словахъ, приказалъ ѣхать во всю конскую прыть. Збышко такъ горѣлъ желаніемъ узнать что-нибудь о Данусѣ, что не могъ обращать ни на что вниманія. Онъ разсердился отъ нетерпѣнія, когда стража еще дважды перегородила имъ дорогу по плотинѣ, сердился, когда опускали подъемный мостъ черезъ ровъ, за которымъ на валу возвышался могучій частоколъ, и хотя его не разъ брало любопытство посмотрѣть, какимъ представляется это зловѣщее укрѣпленіе, при одномъ воспоминаніи о которомъ нѣмцы осѣняли себя крестнымъ знаменіемъ,—теперь онъ не видалъ ничего, кромѣ посланцевъ крестоносцевъ. Отъ нихъ онъ скоро узнаетъ, гдѣ Дануся и когда ей будетъ возвращена свобода. Молодой рыцарь и не ожидалъ, что его скоро постигнетъ жестокое разочарованіе.

Кромѣ всадниковъ, являющихся въ качествѣ стражи и возницы, посольство изъ Щитна состояло изъ двухъ персонъ: одна изъ нихъ была та самая женщина, которая когда-то привозила въ лѣсной дворецъ цѣлебный бальзамъ, другая — молодой пилигримъ. Женщины Збышко не узналъ, потому что за болѣзнью не видалъ ея въ лѣсномъ дворцѣ, а пилигримъ сразу показался ему чѣмъ-то вродѣ переодѣтаго оруженосца. Юрандъ тотчасъ провелъ обоихъ въ угольную комнату и сталъ передъ ними, огромный и почти страшный въ блескѣ огня, который падалъ на него отъ пылающаго камина.

— Гдѣ ребенокъ?—спросилъ онъ.

Пріѣзжіе испугались, представши передъ страшнымъ мужемъ. Пилигримъ, несмотря на свое наглое лицо, дрожалъ, какъ листъ, подъ женщиной подгибались ноги. Ея взглядъ съ лица Юранда перешелъ на Збышка, потомъ на блестящую, лысую голову ксёндза Калеба, и снова обратился къ Юранду, какъ бы съ вопросомъ, зачѣмъ здѣсь притствуютъ литніе люди.

— Господинъ,—наконецъ, сказала она,—мы не знаемъ, о чемъ вы спрашиваете, но насъ прислали къ вамъ по важному дѣ-

лу. Тотъ, кто насъ прислалъ, строжайше и ясно приказалъ намъ, чтобъ мы вели бесѣду съ вами безъ свидѣтелей.

— У меня нѣтъ тайнъ для нихъ,—сказалъ Юрандъ.

— Но у насъ-то есть, благородный господинъ,— отвѣтила женщина,—и если вы прикажете имъ остаться, то мы ни о чемъ другомъ не будемъ васъ просить, какъ о томъ, чтобъ вы позволили намъ уѣхать завтра.

На лицѣ непривыкшаго къ сопротивленію Юранда отразился гнѣвъ. Его русые усы зловѣще задвигались, но онъ сообразилъ, что дѣло идетъ о Данусѣ, и взялъ себя въ руки. А Збышко, котораго интересовало то, чтобъ бесѣда началась какъ можно скорѣй, увѣренный, что Юрандъ передастъ ему все, что произошло во время нея, сказалъ:

— Коли такъ, то оставайтесь наединѣ.

И онъ вышелъ вмѣстѣ съ ксёндзомъ Калебомъ, но едва очутился въ главной комнатѣ, обвѣшанной щитами и оружіемъ, добытымъ Юрандомъ, какъ къ нему приблизился Гловачъ.

— Господинъ,—сказалъ онъ,—это та самая женщина.

— Какая женщина?

— Отъ крестоносцевъ, которая привозила цѣлебный герцинскій бальзамъ. Я сразу узналъ ее и Зандерусъ узналъ также. Должно быть она пріѣзжала вывѣдывать все, и теперь навѣрно знаетъ, гдѣ находится паненка.

— И мы будемъ знать,—сказалъ Збышко.—А этого пилигрима вы также знаете?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Зандерусъ.—Но во всякомъ случаѣ, господинъ, не покупайте у него разрѣшеній, потому что это фальшивый пилигримъ. Еслибъ его подвергнуть пыткѣ, отъ него много можно было бы дознаться.

— Подожди!—сказалъ Збышко.

Тѣмъ временемъ въ угольной комнатѣ, едва двери захлопнулись за Збышкомъ и ксёндзомъ Калебомъ, монахиня быстро приблизилась къ Юранду и шепнула:

— Вашу дочь похитили разбойники.

— Съ крестами на плащахъ?

— Нѣтъ. Но Богъ далъ Свое сопзволеніе благочестивымъ братьямъ, чтобъ они отбили ее, и теперь она у нихъ.

— Гдѣ же она? Я спрашиваю.

— Подъ покровительствомъ благочестиваго брата Шомберга,— отвѣтила женщина, скрещивая руки на груди и покорно склоняясь.

Юрандъ, услыхавши страшное имя палача дѣтей Витольда, поблѣднѣлъ, какъ полотно. Онъ опустился на скамью, закрылъ глаза и провелъ ладонью по лбу, на который выступилъ холодный потъ.

Видя это, пилигримъ, который за минуту до того не могъ подавить своего страха, оперся руками въ бока, развалился на своемъ мѣстѣ, вытянулъ ноги и посмотрѣлъ на Юранда глазами, полными гордости и презрѣнія.

Наступило долгое молчаніе.

— Братъ Марквартъ помогаетъ брату Шомбергу надзирать за ней,—снова заговорила женщина.—Надзоръ тщательный и паненку никто не обидитъ.

— Что я долженъ дѣлать, чтобъ ее отдали?—спросилъ Юрандъ.

— Смириться передъ Орденомъ! — надменно изрекъ пилигримъ.

Услышавши это, Юрандъ всталъ, подошелъ къ нему и, склонившись надъ нимъ, сказалъ страшнымъ, сдавленнымъ голосомъ:

— Молчать!...

Пилигримъ испугался снова. Онъ зналъ, что имѣетъ возможность угрожать, можетъ сказать нѣчто такое, что удержитъ и даже сломитъ Юранда, но сообразилъ, что прежде, чѣмъ онъ вымолвитъ слово, съ нимъ можетъ произойти что-то ужасное. Онъ замолкъ, круглые, словно окаменѣвшіе отъ страха, глаза вперилъ въ грозное лицо Спыховскаго владыки и сидѣлъ неподвижно, только подбородокъ его начиналъ трястись все болѣе и болѣе.

Юрандъ обратился къ монахинѣ:

— Письмо у васъ есть?

— Нѣтъ, господинъ. Письма у насъ нѣтъ. То, что нужно, намъ приказано передать вамъ устно.

— Тогда говорите.

Монахиня повторила еще разъ, какъ бы желая, чтобъ Юрандъ получше запечатлѣлъ въ своей памяти:

— Братъ Шомбергъ и братъ Марквартъ надзираютъ за паненкой, поэтому вы, господинъ, сдержите свой гнѣвъ... Съ ней не случится ничего дурного, и хотя вы въ теченіе многихъ лѣтъ жестоко обижали Орденъ, братья хотятъ заплатить вамъ добромъ за зло, если вы удовлетворите ихъ справедливыя требованія.

— Чего они хотятъ?

— Они хотятъ, чтобы вы освободили господина де-Бегрова.

Юрандъ облегченно вздохнулъ.

— Я отдамъ имъ де-Бегрова,—сказалъ онъ.

— И другихъ плѣнниковъ, которыхъ вы держите въ Спыховѣ.

— У меня только два оруженосца Мейнегера и де-Бегрова, не считая ихъ слугъ.

— Вы должны ихъ освободить, господинъ, и вознаградить за заточеніе.

— Не дай Богъ, чтобъ я сталъ торговаться за свое дѣтище.

— На это и разчитывали благочестивые братья, — сказала женщина,—но это не все, что мнѣ приказано сказать вамъ. Вашу дочь, господинъ, похитили какіе-то люди, навѣрное, разбойники и, навѣрное, для того, чтобы взять съ васъ богатый выкупъ... Богъ дозволилъ братьямъ отбить ее и они больше ничего не желаютъ, чтобы вы только возвратили имъ ихняго соратника и гостя. Но братья знаютъ и вы, господинъ, знаете, какъ ихъ ненавидятъ въ вашей странѣ и какъ несправедливо судятъ всѣ ихъ дѣянія, даже самыя благочестивыя. Поэтому братья увѣрены, что еслибы здѣшній народъ узналъ, что ваша дочь у нихъ, то всѣ начали бы говорить, что это они похитили ее и такимъ образомъ они за свою добродѣтель были бы награждены клеветою и оскорбленіями. О, да! Здѣшніе люди злы и злоязычны и не разъ платили такъ благочестивой братіи, отъ чего сильно страдала слава Ордена. А братія должна оберегать эту славу и потому ставитъ условіе, чтобы вы сами и государю этой страны и всему здѣшнему свирѣпому рыцарству объявили,—какъ это есть и на дѣлѣ,—что не братья-крестоносцы, а какіе-то разбойники похитили вашу дочь и что вы должны выкупать ее у разбойниковъ.

— Правда,—сказалъ Юрандъ,—что разбойники похитили моего ребенка и что я долженъ выкупать его у разбойниковъ.

— Вы и никому не должны говорить иначе; еслибы хоть одна живая душа, хоть одинъ человѣкъ узнали бы объ этомъ, еслибы къ магистру или капитулу пошла бы хоть одна жалоба, тогда возникли бы тяжелыя затрудненія.

На лицѣ Юранда отразилось безпокойство. Въ первую минуту ему казалось совершенно естественнымъ, что комтуры требуютъ тайны изъ опасенія передъ отвѣтственностью и безславіемъ, но теперь въ немъ пробудилось и другое подозрѣніе, нѣтъ ли здѣсь и другого какого-нибудь соображенія. А такъ какъ онъ не умѣлъ дать себѣ отчета въ этомъ, то его охватилъ такой страхъ, какой охватываетъ самыхъ отважныхъ людей, когда опасность грозитъ не имъ самимъ, а близкимъ и любимымъ ими существамъ.

Онъ, однако, рѣшилъ проникнуть во всѣ тонкости подходовъ крестоносцевъ.

— Комтуры требуютъ тайны, — сказалъ онъ, — но какъ же сохранить тайну, когда я за свою дочь долженъ отпустить де-Бегрова и другихъ?

— Вы скажите, что взяли выкупъ, для того, чтобы заплатить тѣмъ разбойникамъ.

— Люди этому не повѣрятъ, потому что я никогда не бралъ выкупа,—угрюмо отвѣтилъ Юрандъ.

— Потому что дѣло никогда не касалось вашей дочери,—шипящимъ голосомъ пояснила монахиня.

И снова наступило молчаніе. Пилигримъ, который за это время набрался храбрости и думалъ, что Юрандъ теперь долженъ больше сдерживаться, сказалъ:

— Такова воля братьевъ Шомберга и Маркварта.

Монахиня продолжала:

— Вы скажете, что вотъ этотъ пилигримъ, который пріѣзжалъ со мной, привезъ вамъ выкупъ, а мы уѣдемъ отсюда съ благороднымъ господиномъ де Бегровымъ и прочими плѣнниками.

— Какъ?—спросилъ Юрандъ, хмуря брови.—Неужели вы думаете, что я отдамъ вамъ плѣнниковъ раньше, чѣмъ вы возвратите мою дочь?

— Тогда сдѣлайте иначе. Вы можете сами пріѣхать за дочерью въ Щитно, куда ее привезутъ братья.

— Я? въ Щитно?

— Потому что если разбойники вновь похитятъ ее на дорогѣ, ваши люди вновь заподозрятъ благочестивыхъ рыцарей и поэтому они предпочитаютъ передать вамъ изъ рукъ въ руки.

— А кто мнѣ поручится, что я возвращусь, когда самъ влѣзу въ волчью пасть?

— Добродѣтель братіи, ихъ справедливость и благочестіе.

Юрандъ всталъ и началъ ходить по комнатѣ. Онъ уже предчувствовалъ измѣну и опасался ея, но вмѣстѣ съ тѣмъ видѣлъ, что крестоносцы могутъ поставить ему какія угодно условія и что онъ совершенно безсиленъ передъ ними.

Но, вѣроятно, ему пришла какая-нибудь мысль, потому что онъ остановился передъ пилигримомъ, нѣсколько минутъ внимательно всматривался въ его лицо, потомъ повернулся къ монахинѣ и сказалъ:

— Хорошо. Я поѣду въ Щитно. Вы и этотъ человѣкъ, который носитъ одежду пилигрима, останетесь здѣсь до моего возвращенія и тогда уѣдете съ де Бегровымъ и другими плѣнниками.

— Господинъ, — сказалъ пилигримъ, — вы не хотите вѣрить

рыцарямъ, какъ же они повѣрятъ, что, возвратившись, вы отпустите насъ и де Бегрова?

Лицо Юранда поблѣднѣло отъ негодованія. Наступила грозная минута, когда казалось, что вотъ-вотъ онъ схватитъ пилигрима и подомнетъ его подъ свое колѣно, но Юрандъ подавилъ въ себѣ гнѣвъ, глубоко вздохнулъ и заговорилъ медленно и съ разстановкой:

— Кто бы ты ни былъ, не истощай черезчуръ моего терпѣнія, чтобъ оно не лопнуло.

Пилигримъ обратился къ монахинѣ:

— Говорите, что вамъ приказано.

— Господинъ,—сказала монахиня,—вашей клятвѣ на мечѣ мы не осмѣливаемся не вѣрить, но и вамъ неприлично давать ее передъ людьми простого званія, да насъ и не за тѣмъ прислали сюда.

— За чѣмъ же васъ прислали?

— Братья намъ сказали, что вы, не говоря никому ни слова, должны предстать въ Щитно съ господиномъ де Бегровымъ и другими плѣнниками.

Плечи Юранда подались назадъ, а пальцы скорчились на подобіе когтей хищной птицы. Остановившись передъ женщиной, онъ наклонился такъ, какъ будто хотѣлъ шепнуть ей что-то на ухо и сказалъ:

— А вамъ не сказали, что я и вамъ, и Бегрову прикажу переломать кости въ Спыховѣ?

— Ваша дочь во власти братіи и подъ покровительствомъ Шомберга и Маркварта,—съ удареніемъ отвѣтила женщина.

— Злодѣевъ, отравителей, палачей!—вспыхнулъ Юрандъ.

— Которые сумѣютъ отомстить за насъ и которые при отъѣздѣ сказали намъ такъ: «если онъ не исполнитъ всѣхъ нашихъ приказаній, то лучше было бы, чтобъ эта дѣвочка умерла, какъ умерли дѣти Витольда». Выбирайте!

— И помните, что вы во власти комтуровъ,—прибавилъ пилигримъ.—Они не хотятъ оказать вамъ несправедливости и Щитнинскій старѣста посылаетъ вамъ черезъ насъ свое слово, что вы свободно выѣдете изъ его замка, но они желаютъ, чтобы за несправедливости, которыя вы оказали имъ, вы пришли бы преклонклониться передъ плащомъ крестоносцевъ и умолять побѣдителей о пощадѣ. Они хотятъ простить вамъ, но сначала хотятъ склонить вашу гордую выю. Вы называли ихъ злодѣями и вѣроломцами, теперь они хотятъ, чтобъ вы положились на ихъ милосердіе. Они возвратятъ свободу вамъ и вашей дочери, но вы должны вы-

молить это. Вы топтали ихъ, теперь вы должны поклясться, что ваша рука никогда не поднимется на бѣлый плащъ.

— Такъ хотятъ комтуры, а съ ними Марквартъ и Шомбергъ,— пояснила женщина.

Наступила минута мертвой тишины. Казалось только, что гдѣ-то между балками потолка какое-то подавленное эхо испуганно повторяетъ: «Марквартъ... Шомбергъ». Изъ-за оконъ доносились оклики лучниковъ Юранда, стоящихъ на валахъ у частокола городка.

Пилигримъ и монахиня долго смотрѣли то другъ на друга, то на Юранда, который сидѣлъ, опершись плечами о стѣну, неподвижный, съ лицомъ, погруженнымъ въ тѣнь, падающую отъ связки шкуръ, что висѣла возлѣ окна. Въ головѣ его оставалась только одна мысль, что если онъ не сдѣлаетъ того, чего требуютъ крестоносцы, то они задушатъ его ребенка, а если поступитъ согласно ихъ требованіямъ, то и въ этомъ случаѣ не спасетъ ни себя, ни Дануси. И онъ не видалъ никакого способа, никакого выхода. Немилосердная сила превозмогла и угнетала его. Закрывъ глаза, онъ видѣлъ желѣзныя руки крестоносца на шеѣ Дануси. Онъ зналъ ихъ хорошо и не сомнѣвался ни на минуту, что они убьютъ ее, зароютъ на замковомъ валу, а потомъ отопрутся, примутъ ложную присягу и кто тогда сумѣетъ доказать, что они похитили ее? Правда, въ рукахъ Юранда были посланцы, онъ могъ отвезти ихъ къ князю, муками вырвать у нихъ признаніе, но у крестоносцевъ была Дануся и они также могли не пожалѣть для нея мученій. И ему казалось, что дѣвочка издалека протягиваетъ къ нему руки и молитъ о помощи... Еслибъ онъ хоть зналъ навѣрно, что она въ Щитнѣ, то могъ бы въ ту же самую ночь двинуться къ границѣ, напасть на нѣмцевъ, не ожидающихъ нападенія, взять замокъ, вырѣзать гарнизонъ и освободить Данусю, но ее могло не быть, да и навѣрно но было въ Щитнѣ. Еще молніей промелькнуло у него въ головѣ, что еслибъ онъ схватилъ пилигрима и женщину и повезъ бы ихъ прямо къ великому магистру, то магистръ можетъ быть выпудилъ бы у нихъ признаніе и приказалъ бы выдать ему дочь, но молнія эта какъ вспыхнула, такъ и сразу погасла... Эти люди могли бы сказать, что пріѣхали выкупать Бегрова и что ничего не знаютъ ни о какой дѣвочкѣ. Нѣтъ! эта дорога не вела ни къ чему, а какая же вела? Вѣдь, если онъ поѣдетъ въ Щитно, его скуютъ и бросятъ въ подземелье, а Данусю и такъ не отпустятъ, хотя бы для того, чтобы не вышло наружу, что ее похитили. А тѣмъ временемъ смерть виситъ надъ головой его единственнаго дѣтища, надъ послѣдней дорогой головою!... Наконецъ, мысли начали пу-

таться въ головѣ Юранда, а скорбь дошла до того, что пересилила все и перешла въ остолбенѣніе. Онъ сидѣлъ неподвижно потому, что его тѣло совершенно омертвѣло, какъ будто оно было изсѣчено изъ камня. Еслибъ онъ и хотѣлъ бы подняться, то не могъ бы сдѣлать этого.

Тѣмъ временемъ посланцамъ крестоносцевъ надоѣло долго ждать, монахиня поднялась съ мѣста и сказала:

— Скоро станетъ свѣтать. Позвольте, господинъ, удалиться, намъ необходимо отдохнуть.

— И подкрѣпиться послѣ долгой дороги,— добавилъ пилигримъ.

Они оба поклонились Юранду и вышли изъ комнаты.

А Юрандъ все сидѣлъ безъ движенія, словно объятый сномъ или мертвый.

Наконецъ, двери отворились, и въ нихъ показался Збышко, а за нимъ ксёндзъ Калебъ.

— Что говорили посланцы? Чего они хотятъ?—спросилъ молодой рыцарь, приближаясь къ Юранду.

Юрандъ вздрогнулъ, но сразу не отвѣтилъ ничего и только моргалъ глазами, какъ человѣкъ, пробужденный отъ крѣпкаго сна.

— Господинъ, вы не больны ли?—отозвался ксёндзъ Калебъ. Онъ лучше другихъ зналъ Юранда и замѣтилъ, что съ нимъ творится что-то странное.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Юрандъ.

— А Дануся?—продолжалъ допрашивать Збышко,—гдѣ она и что вамъ сказали посланцы? Съ чѣмъ они пріѣхали сюда?

— Съ вы-ку-помъ,—медленно отвѣтилъ Юрандъ.

— Съ выкупомъ за Бегрова?

— За Бегрова...

— Какъ за Бегрова? Что съ вами?

— Ничего.

Но въ его голосѣ было что-то до такой степени необычайное, немощное, что и Збышка, и ксёндза Калеба охватила внезапная тревога, тѣмъ болѣе, что Юрандъ говорилъ о выкупѣ, а не объ обмѣнѣ Бегрова на Данусю.

— Богомъ васъ заклинаю!—воскликнулъ Збышко,—гдѣ Дануся?

— Ея нѣтъ у крес-то-нос-цевъ, нѣтъ!—соннымъ голосомъ отвѣтилъ Юрандъ.

И вдругъ онъ, какъ мертвый, свалился со скамьи на полъ.

VI.

На другой день утромъ посланцы крестоносцевъ видѣлись съ Юрандомъ, а немного погодя уѣхали, захвативъ съ собою де Бегрова, двухъ оруженосцевъ и нѣсколько другихъ плѣнниковъ. Потомъ Юрандъ призвалъ отца Калеба и продиктовалъ ему письмо къ князю съ увѣдомленіемъ, что Данусю похитили не орденскіе рыцари, но что ему удалось открыть ея убѣжище и онъ надѣется въ теченіе нѣсколькихъ дней вызволить ее. То же самое онъ повторилъ и Збышку, который со вчерашней ночи безумствовалъ отъ недоумѣнія и тревоги. Старый рыцарь не хотѣлъ отвѣчать ни на одинъ его вопросъ, зато немедленно потребовалъ, чтобы Збышко ждалъ терпѣливо и пока ничего не предпринималъ для освобожденія Дануси, потому что это излишне. Подъ вечеръ онъ снова заперся съ ксёндзомъ Калебомъ, которому сначала приказалъ написать его завѣщаніе, потомъ исповѣдался, а послѣ припятія причастія призвалъ къ себѣ Збышка и стараго, вѣчно молчащаго Толиму, который сопутствовалъ ему во всѣхъ войнахъ и стычкахъ, а въ мирныя времена завѣдывалъ спыховскимъ хозяйствомъ.

— Вотъ,—сказалъ онъ, обращаясь къ старому воину и возвышая голосъ, какъ будто говорилъ съ человѣкомъ, который немного не дослышитъ,—вотъ мужъ моей дочери, на которой онъ женился при княжескомъ дворѣ, на что получилъ и мое согласіе. Послѣ моей смерти онъ будетъ здѣсь господиномъ, а значитъ и владѣльцемъ городка, земель, лѣсовъ, луговъ, людей и всякаго достатка, который находится въ Спыховѣ...

Услыхавши это, Толима очень удивился и началъ поворачивать свою квадратную голову то въ сторону Збышка, то въ сторону Юранда, но не сказалъ ничего, потому что почти никогда ничего не говорилъ, только склонился впередъ и слегка дотронулся рукой до его колѣнъ.

А Юрандъ продолжалъ:

— Эту мою волю записалъ ксёндзъ Калебъ, а надъ письмомъ находится моя восковая печать. Значитъ, ты долженъ свидѣтельствовать, что слышалъ это отъ меня и долженъ оказывать этому молодому рыцарю такое же повиновеніе, какъ и мнѣ. Что въ сокровищницѣ находится денегъ и добычи, покажешь ему и будешь вѣрно служить ему въ мирное время и на войнѣ. Слышишь?

Толима поднесъ руку къ ушамъ и кивнулъ головою, потомъ, по знаку, данному Юрандомъ, поклонился и вышелъ, а рыцарь обратился къ Збышку и сказалъ съ удареніемъ:

— Тѣмъ, что собрано въ сокровищницѣ, можно удовлетворить самую величайшую жадность и выкупить не одного, а сотню плѣнниковъ. Помни это.

Но Збышко спросилъ:

— А зачѣмъ вы теперь же отдаете мнѣ Спыховъ?

— Я отдаю тебѣ больше, чѣмъ Спыховъ,—свою дочь.

— Часъ смерти неизвѣстенъ,—сказалъ ксёндзъ Калебъ.

— То-то, что неизвѣстенъ,—съ грустью повторилъ Юрандъ.— Недавно меня засыпалъ снѣгъ, и хотя Богъ спасъ меня, нѣтъ ужъ во мнѣ прежней силы...

— Клянусь Богомъ!—воскликнулъ Збышко,—что-то въ васъ перемѣнилось со вчерашняго дня и вы охотнѣй говорите о смерти, чѣмъ о Данусѣ.

— Дануся возвратится,—отвѣтилъ Юрандъ,—надъ нею покровительство Божіе. Но какъ она возвратится... слушай... Увези ты ее въ Богданецъ, а Спыховъ поручи Толимѣ... Тамъ ее на веревкѣ не потащутъ... тамъ безопаснѣй

— Да вы точно съ того свѣта говорите!—изумился Збышко.— Что это значитъ?

— Потому что я былъ ужъ на половину на томъ свѣтѣ и теперь, какъ мнѣ видится, какая-то хворь на меня напала... Да и дочь... вѣдь она у меня одна. А ты, хотя я и знаю, что ты любишь ее...

Онъ остановился и вынувъ изъ ноженъ короткій кинжалъ, называемый мизерикордіей, повернулъ его въ сторону Збышка:

— Поклянись мнѣ еще разъ на этомъ крестѣ, что ты никогда ее не обидишь и будешь вѣрно любить...

У Збышка на глазахъ навернулись слезы. Онъ бросился на колѣна и, приложивъ палецъ къ рукояткѣ, проговорилъ:

— Клянусь святыми страданіями Христовыми, что я не обижу ее и буду любить вѣрно.

— Аминь!—сказалъ ксёндзъ Калебъ.

Юрандъ вложилъ кинжалъ въ ножны и раскрылъ Збышку объятія.

— Тогда и ты мое дитя!...

Послѣ этого они разошлись, потому что стояла уже поздняя ночь, а они вотъ ужъ нѣсколько дней не имѣли настоящаго отдыха. Тѣмъ не менѣе Збышко всталъ съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня, потому что наканунѣ не въ шутку испугался за здоровье Юранда и хотѣлъ узнать, какъ онъ провелъ ночь.

У дверей комнаты стараго рыцаря онъ натолкнулся на выходящаго оттуда Толиму.

— Какъ господинъ?—спросилъ онъ,—здоровъ?

Толима поклонился, потомъ приставилъ руку къ уху и отвѣтилъ:

— Что вы говорите, ваша милость?

— Я спрашиваю: какъ здоровье господина?—громче повторилъ Збышко.

— Панъ уѣхалъ.

— Куда?

— Не знаю. Въ панцырѣ...

VII.

Разсвѣтъ началъ уже бѣлить деревья, каменныя и мѣловыя глыбы, тамъ и здѣсь разбросанныя по полямъ, когда наемный проводникъ, идущій возлѣ коня Юранда, остановился и сказалъ:

— Позвольте мнѣ отдохнуть, господинъ рыцарь, я уморился. Оттепель и туманъ, но теперь уже не далеко.

— Ты доведешь меня до дороги, а потомъ вернешься назадъ,— сказалъ Юрандъ.

— Дорога будетъ вправо за лѣсомъ, а съ холма вы сейчасъ же увидите замокъ.

Проводникъ началъ «грѣться», то-есть похлопывать себя по бокамъ руками, потомъ присѣлъ на камень, потому что еще больше утомился при этой работѣ.

— А ты не знаешь, комтуръ въ замкѣ?—спросилъ Юрандъ.

— Гдѣ же ему быть, коли онъ боленъ.

— А что съ нимъ такое?

— Люди говорятъ, что его поляки помяли,—отвѣтилъ старый мужикъ.

И въ голосѣ его почувствовалось нѣкоторое удовольствіе. Онъ былъ подданнымъ крестоносцевъ, но его мазурское сердце радовалось преимуществу польскихъ рыцарей.

Черезъ минуту онъ добавилъ:

— Эхъ! сильны наши господа, но имъ трудно совладѣть съ поляками.

Онъ пытливо посмотрѣлъ на Юранда и, какъ бы желая удостовѣриться, не достанется ли ему за неосторожно вырвавшіяся слова, спросилъ:

— Вы, господинъ, по-нашему говорите, вы не нѣмецъ?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Юрандъ,—но веди меня дальше.

Мужикъ всталъ и снова зашагалъ возлѣ лошади. По дорогѣ онъ отъ времени до времени засовывалъ руку въ свою сумку, доставалъ оттуда горсть немолотой ржи и всыпалъ себѣ въ ротъ, а когда такимъ образомъ успокоилъ первый голодъ, то началъ объяснять, почему ѣстъ сырое зерно, хотя Юрандъ, черезчуръ занятый своими мыслями, почти не замѣтилъ этого:

— Слава Богу и за то, — говорилъ мужикъ. — Тяжело намъ жить подъ нѣмецкими господами. На помолъ они наложили такой налогъ, что бѣдный человѣкъ долженъ какъ скотъ жевать зерно вмѣстѣ съ чешуей. А если у кого въ хатѣ найдутъ жернова, того замучаютъ, имущество все оберутъ... Да что тамъ! бабамъ и дѣтямъ, и тѣмъ не спустятъ... Не боятся они ни Бога, ни ксендзовъ,—вельборгскаго пробоща, который упрекалъ ихъ за это, на цѣпь приковали и увезли. Охъ, тяжело подъ нѣмцами! Что умѣешь раздавить зерна между двумя каменьями, соберешь муки съ пригоршню и оставишь на воскресенье, а въ другіе дни ѣшь, какъ птица. Да и за то слава Богу,—вотъ какъ выйдетъ хлѣбъ, такъ и того не будетъ... Рыбу ловить не позволяютъ... звѣря бить тоже... не такъ, какъ въ Мазовіи.

Такъ жаловался мужикъ, разговаривая на половину съ собой, на половину съ Юрандомъ. Тѣмъ временемъ они миновали пустошь, усѣянную прикрытыми снѣгомъ мѣловыми глыбами, и вошли въ сѣрый лѣсъ, отъ котораго вѣяло влажнымъ холодомъ. Разсвѣло уже совершенно, иначе Юранду трудно было бы проѣхать по лѣсной тропинкѣ, идущей немного въ гору и такой узкой, что мѣстами его огромный боевой конь едва могъ протиснуться между пней. Но лѣсокъ скоро кончился, и Юрандъ очутился на вершинѣ бѣлаго пригорка, по серединѣ котораго пролегала проторенная дорога.

— Вотъ и дорога,—сказалъ мужикъ,—теперь вы и одни доберетесь.

— Доберусь,—отвѣтилъ Юрандъ.—Возвращайся домой.

Онъ опустилъ руку въ кожаную торбу, прикрѣпленную къ передней части сѣдла, досталъ изъ нея серебряную монету и подалъ проводнику. Мужикъ, пріученный больше къ побоямъ, чѣмъ къ подачкамъ изъ рукъ мѣстныхъ орденскихъ рыцарей, почти не хотѣлъ вѣрить глазамъ, схватилъ монету, припалъ головой къ стремени Юранда и обхватилъ его руками.

— О, Іисусъ, Марія! — воскликнулъ онъ, — да вознаградитъ Богъ вашу вельможность! Щитно передъ вами.

Онъ еще разъ наклонился къ стремени Юранда и скрылся.

Юрандъ остался на пригоркѣ одинъ и смотрѣлъ въ указанномъ направленіи на сѣрую, влажную занавѣсь тумана, которая закрывала отъ него даль. За этимъ туманомъ тотъ зловѣщій замокъ, къ которому его толкало насиліе и несчастье. Близко ужъ, близко! А что потомъ должно быть и свершиться, то будетъ и свершится... При этой мысли въ сердцѣ Юранда, на-ряду съ тревогой и безпокойствомъ о Данусѣ, на-ряду съ готовностью выкупить ее изъ вражьихъ рукъ хотя бы цѣною собственной крови, народилось новое, неимовѣрно горькое и до сихъ поръ неизвѣстное ему чувство униженія. Онъ, Юрандъ, при воспоминаніи о которомъ дрожали пограничные комтуры, теперь по ихъ приказанію ѣхалъ къ нимъ съ повинной головой. Онъ, который столькихъ ихъ побѣдилъ и потопталъ, теперь чувствовалъ себя побѣжденнымъ и потоптаннымъ. Правда, они побѣдили его не въ полѣ, не отвагой и рыцарской силой, тѣмъ не менѣе, однако, онъ чувствовалъ себя побѣжденнымъ. И это было для него чѣмъ-то такимъ необычайнымъ, что ему казалось, будто весь порядокъ свѣта былъ вывороченъ на изнанку.

Онъ ѣхалъ покориться передъ крестоносцами,—онъ, который, еслибы только дѣло шло не о Данусѣ, предпочелъ бы одинъ столкнуться со всѣми силами Ордена. Развѣ не случалось, что какой-нибудь рыцарь, которому предстоялъ выборъ между позоромъ и смертью, одинъ ударялъ на все непріятельское войско? А Юрандъ чувствовалъ, что здѣсь ему, можетъ быть, придется встрѣтиться и съ позоромъ и, при мысли объ этомъ, сердце его выло отъ боли, какъ воетъ волкъ, чувствующій въ себѣ лезвіе дротика.

Но у Юранда не только тѣло, но и душа была желѣзная. Умѣлъ онъ ломать другихъ, умѣлъ ломать и себя.

— Я не двинусь съ мѣста, — сказалъ онъ, — пока не скую гнѣвъ, которымъ я могъ бы скорѣе погубить, чѣмъ спасти свое дитя.

И онъ какъ бы схватился въ единоборство со своимъ гордымъ сердцемъ, со своею свирѣпостью и жаждою боя. Кто видѣлъ бы его на этомъ пригоркѣ, во всеоружіи, безъ движенія, на огромномъ конѣ, тотъ подумалъ бы, что это какой-то гигантъ, вылитый изъ желѣза и не узналъ бы, что этотъ неподвижный рыцарь ведетъ въ эту минуту самую тяжелую борьбу, какую ему приходилось вести въ жизни. Но онъ боролся съ собой до тѣхъ поръ, пока не переборолъ себя и не почувствовалъ, что воля не обманетъ его.

Тѣмъ временемъ туманъ рѣдѣлъ и хотя не совершенно разсѣялся, но вдали замаячило что-то болѣе темное. Юрандъ сообразилъ, что это стѣны щитненскаго замка. При этомъ видѣ онъ, однако,

не тронулся съ мѣста, а началъ молиться, такъ горячо и усердно, какъ молится человѣкъ, которому на свѣтѣ осталось только мило сердіе Божіе. И когда онъ, наконецъ, двинулъ коня, то почувствовалъ, что въ сердце его начинаетъ вступать какое-то утѣшеніе. Теперь онъ готовъ былъ вынести все, что его могло встрѣтить. Припомнился ему святой Георгій, потомокъ знатнѣйшаго каппадокійскаго рода, который вынесъ разныя позорныя мученія и не только не утратилъ своей чести, но находится одесную Бога и считается патрономъ всего рыцарства. Юрандъ не разъ слышалъ разсказы о его злоключеніяхъ отъ пилигримовъ, прибывшихъ изъ далекихъ окраинъ, и теперь подкрѣплялъ этимъ свое сердце.

Мало-по-малу въ немъ начала пробуждаться даже и надежда. Правда, крестоносцы славились своею мстительностью и онъ не сомнѣвался, что они отомстятъ ему за всѣ понесенныя отъ него пораженія, за позоръ, который падалъ на нихъ послѣ каждаго столкновенія съ нимъ и за страхъ, въ которомъ они жили столько лѣтъ.

Но это-то собственно и придавало ему бодрости. Данусю похитили только для того, чтобы захватить его, а когда они его захватятъ, на что имъ она? Да! Его непремѣнно закуютъ, и, не желая держать вблизи Мазовіи, отправятъ въ какой-нибудь отдаленный замокъ, гдѣ ему, можетъ быть, до конца дней придется стонать въ подземельи, но Данусю все-таки отпустятъ. Хотя бы вышло на видъ, что его захватили предательствомъ и подвергаютъ мукамъ, въ вину имъ этого не поставятъ ни великій магистръ, ни капитулъ, потому что Юрандъ дѣйствительно былъ грозою крестоносцевъ и источилъ изъ нихъ больше крови, чѣмъ какой-нибудь другой рыцарь въ свѣтѣ. За то тотъ же самый великій магистръ, можетъ быть, и покараетъ ихъ за похищеніе невиннаго ребенка, къ тому же воспитанницы князя, благоволенія котораго онъ такъ усиленно заискивалъ въ виду угрожающей войны съ польскимъ королемъ.

И надежда все сильнѣе и сильнѣе охватывала Юранда. По временамъ ему казалось совершенно несомнѣннымъ, что Дануся возвратится въ Спыховъ подъ мощное покровительство Збышка... «А онъ парень дѣльный,—думалъ Юрандъ,—не дастъ ее никому въ обиду». И онъ съ трогательнымъ чувствомъ началъ припоминать все, что слышалъ о Збышкѣ: «билъ нѣмцевъ подъ Вилькомъ, выходилъ съ ними на поединки, поколотилъ фризовъ, и Лихтенштейна также поколотилъ, Данусю спасъ отъ тура и тѣхъ четырехъ комтуровъ вызвалъ и ужъ, конечно, не проститъ имъ!» Тутъ Юрандъ поднялъ глаза къ небу и сказалъ:

— Я ее отдалъ Тебѣ, Боже, а Ты ее отдалъ Збышку!

И ему сдѣлалось еще легче,—если Богъ отдалъ молодому рыцарю Данусю, то не позволитъ же онъ нѣмцамъ смѣяться надъ собой, вырветъ ее изъ ихъ рукъ, хотя бы ее удерживала вся сила крестоносцевъ. Но потомъ Юрандъ снова раздумался о Збышкѣ. «Да, этотъ парень не только дѣльный, но и чистый, какъ золото. Онъ ее будетъ беречь, будетъ любить. Господь Іисусъ пошлетъ ей счастье, и представляется мнѣ, что при немъ она не пожалѣетъ ни княжескаго дворца, ни отцовской любви». При этомъ рѣсницы Юранда внезапно увлажились, а на сердце налегла страшная тяжесть. Ему все-таки хотѣлось увидать дочь и умереть въ Спыховѣ, въ присутствіи ея и ея мужа, а не въ темныхъ подвалахъ крестоносцевъ. Но воля Божія!... Щитно было уже видно. Стѣны его все явственнѣй вырисовывались въ туманѣ, часъ жертвы былъ уже близокъ и Юрандъ началъ ободрять себя и обратился къ себѣ съ такою рѣчью:

— Вѣрно, что воля Божія! И вечеръ живота близокъ. Нѣсколько лѣтъ больше, нѣсколько лѣтъ меньше,—выйдетъ тожь-на-тожь. Эхъ, хотѣлось бы еще посмотрѣть на обоихъ дѣтей, но, по правдѣ, я и такъ довольно прожилъ. Что могъ испытать, то испыталъ, кому могъ отомстить, отомстилъ. А теперь что? Скорѣе къ Богу, чѣмъ къ міру, а если нужно пострадать, то и пострадаю. Дануська со Збышкомъ, какъ бы имъ хорошо ни жилось, не забудутъ. Конечно, не разъ вспомнятъ и будутъ толковать: гдѣ-то онъ теперь? Живъ ли, или ужъ у Бога на совѣтѣ... Будутъ разспрашивать, можетъ быть и найдутъ. Жадны на месть крестоносцы, но и на выкупъ жадны. Збышко не поскупится, чтобъ хоть кости выкупить. А на поминъ ужъ навѣрно дадутъ. Сердца у нихъ обоихъ добрыя и любящія, за то и Ты, Боже, и Ты, Пресвятая Мать, благословите ихъ.

Дорога начала дѣлаться шире и наполняться людьми. Къ городу гянулись воза съ дровами и соломой. Гуртовщики гнали свои стада. Съ озеръ везли мороженую рыбу. Въ одномъ мѣстѣ четыре лучника тащили на судъ мужика, видимо за какую-то провинность, потому что руки его были связаны позади, а на ногахъ были кандалы, которыя цѣлялись за снѣгъ и едва давали ему возможность подвигаться впередъ. Онъ былъ страшно утомленъ, изъ его ноздрей выходили клубы пара, а лучники подгоняли его и распѣвали что-то. Увидавъ Юранда, они съ любопытствомъ начали осматривать его, очевидно, дивясь огромности всадника и коня, но при видѣ золотыхъ шпоръ и рыцарскаго пояса опустили луки внизъ въ знакъ привѣтствія и чести. Въ городѣ было еще людней и шумнѣе, но

всѣ однако поспѣшно сворачивали съ дороги вооруженнаго рыцаря, а онъ проѣхалъ главную улицу и направился къ замку, который, казалось, еще спалъ, окутанный туманомъ.

Но не все вокругъ спало, по крайней мѣрѣ, не спали вороны, которыя цѣлыми стаями, хлопая крыльями и каркая, кружились надъ холмомъ возлѣ замка. Юрандъ, подъѣхавши ближе, понялъ, въ чемъ дѣло. Возлѣ дороги, ведущей къ замковымъ воротамъ стояла большая висѣлица, а на ней четыре трупа мазовецкихъ крестьянъ, орденскихъ подданныхъ. Вѣтра не было ни малѣйшаго и трупы, которые, казалось, внимательно смотрѣли на свои ноги, не колебались, развѣ только тогда, когда черныя птицы, толкая другъ друга, усаживались къ нимъ на плечи и начинали клевать веревки и опущенныя головы казненныхъ. Одни изъ нихъ висѣли, должно быть, давно, потому что черепа ихъ были совершенно обнажены, а ноги неимовѣрно вытянуты. Съ приближеніемъ Юранда стая со страшнымъ шумомъ поднялась кверху, но тотчасъ же возвратилась назадъ и начала усаживаться на перекладину висѣлицы. Юрандъ, проѣзжая мимо, перекрестился, подъѣхалъ ко рву и, остановившись противъ подъемнаго моста, затрубилъ въ рогъ.

Потомъ онъ затрубилъ во второй разъ, въ третій и ждалъ. На стѣнахъ не было ни живой души и изъ-за воротъ не доходило ни одного голоса. Но, спустя немного, вдѣланное въ ворота тяжелое, желѣзное окошко со скрипомъ приподнялось, и въ отворѣ его показалась бородатая голова нѣмецкаго кнехта.

— Wer da?—спросилъ грубый голосъ.

— Юрандъ изъ Спыхова,—отвѣтилъ рыцарь.

Послѣ этихъ словъ окошко захлопнулось снова и снова воцарилось глухое молчаніе. Время шло и шло. За воротами не было слышно ни малѣйшаго движенія, только со стороны висѣлицы доходило карканье птицъ.

Юрандъ стоялъ долго, прежде чѣмъ поднять рогъ и затрубить въ него во второй разъ. Но и на этотъ разъ ему отвѣчала только одна тишина.

Тогда онъ понялъ, что у воротъ его держатъ только изъ орденской гордости, которая по отношенію къ побѣжденному не имѣетъ границъ, чтобъ унизить его, какъ послѣдняго нищаго. Онъ понялъ также, что ему придется ждать до вечера, а можетъ быть и дольше. Въ первую минуту въ немъ закипѣла кровь, его охватило внезапное желаніе спѣшиться съ коня, взять одинъ изъ камней, которые валялись у рва, и швырнуть имъ въ рѣшетку. При другихъ обстоятельствахъ такъ бы и сдѣлалъ и онъ и всякій другой мазовецкій

или польскій рыцарь, и пускай бы потомъ выходили изъ воротъ биться съ нимъ. Но, вспомнивъ, за чѣмъ онъ прибылъ сюда, Юрандъ опамятовался и воздержался.

— Развѣ я не пожертвовалъ собой для дочери?—сказалъ онъ себѣ въ душѣ.

И онъ ждалъ дальше.

Тѣмъ временемъ между зубцами стѣнъ начало что-то чернѣться. Показывались мѣховыя шапки и даже желѣзные шлемы, изъ-подъ которыхъ на рыцаря устремлялись любопытствующіе глаза. Народу прибывало съ каждой минутой,—грозный Юрандъ, одиноко выжидающій передъ орденскими воротами для щитненскаго гарнизона представлялся не совсѣмъ обыденнымъ зрѣлищемъ. Прежде, бывало, кто видѣлъ его передъ собою, тотъ видѣлъ смерть, а теперь на него можно смотрѣть безопасно. Головы поднимались все выше и, наконецъ, всѣ промежутки между зубцами, поближе къ башнѣ, оказались набитыми кнехтами. Юрандъ подумалъ, что навѣрно и старшіе смотрятъ на него сквозь рѣшотки башни, и поднялъ глаза кверху, но окна были прорѣзаны въ толстыхъ стѣнахъ и смотрѣть въ нихъ можно было только вдаль. За то челядь, которая прежде смотрѣла на него въ молчаніи, начала отзываться. Тотъ и другой повторялъ его имя, тамъ и здѣсь послышался смѣхъ, хриплые голоса покрикивали на него какъ на волка, мало-по-малу громче, мало-по-малу нахальнѣй, а когда кнехты замѣтили, что изъ замка имъ никто не мѣшаетъ, начали кидать въ стоящаго рыцаря снѣгомъ.

Юрандъ невольно подвинулъ коня впередъ, тогда въ одну минуту комки снѣга перестали валиться, голоса утихли и даже нѣкоторыя головы попрятались за стѣну. Должно быть, дѣйствительно, было грозно имя Юранда. Но прошло немного времени, и самые трусливые сообразили, что отъ страшнаго мазура ихъ отдѣляютъ ровъ и стѣна, и кнехты вновь начали бросать не только снѣгъ, но и ледъ, и даже камешки, которые со стукомъ отскакивали отъ его панцыря.

— Я пожертвовалъ собою за дочь,—повторялъ себѣ Юрандъ.

И онъ ждалъ. Наступилъ полдень, стѣны опустѣли, кнехтовъ позвали обѣдать. Тѣ, которые въ небольшомъ числѣ остались на стражѣ, пообѣдали на стѣнахъ, а послѣ обѣда опять принялись за забаву,—бросать въ голоднаго рыцаря обгрызанными костями. При этомъ они перекались между собою и спрашивали другъ друга, кто возьмется сойти и ударить его по спинѣ рукою или древкомъ копья. Другіе, возвратившись съ обѣда, кричали Юранду, что если ему надоѣло ждать, то онъ можетъ повѣситься, такъ какъ на ви-

сѣлицѣ остался одинъ свободный крюкъ съ готовою веревкой. Среди такихъ издѣвательствъ и брани проходили послѣполуденные часы. Короткій зимній день постепенно клонился къ вечеру, а подъемный мостъ все висѣлъ въ воздухѣ и ворота оставались замкнутыми.

Къ вечеру поднялся вѣтеръ, развѣялъ туманъ, очистилъ небо и далъ возможность проглянуть вечерней зарѣ. Снѣгъ принялъ голубую окраску, потомъ перешедшую въ фіолетовую. Мороза не было, но ночь обѣщала быть ясною. Люди со стѣнъ снова сошли, осталась только стража, вороны и вороны улетѣли съ висѣлицы въ лѣсъ. Наконецъ, небо потемнѣло и наступила совершенная тишина.

— Передъ ночью воротъ не отворятъ,—подумалъ Юрандъ.

И на минуту ему пришло въ голову, не поѣхать ли ему въ городъ, но онъ тотчасъ же оставилъ эту мысль. «Они хотятъ того, чтобъ я стоялъ,—промелькнуло у него въ головѣ.—Если я поѣду, они уже не пустятъ меня домой, а окружатъ, поймаютъ, а потомъ скажутъ, что ни въ чемъ передо мною не виноваты, потому что взяли меня силой».

Необычайная, поражавшая тогдашнихъ лѣтописцевъ выносливость польскихъ рыцарей къ холоду, голоду и неудобствамъ, не разъ давала имъ возможность совершать дѣянія, на которыя не могли отважиться болѣе изнѣженные люди Запада. Юрандъ же обладалъ этой выносливостью въ большей степени, чѣмъ другіе; хотя и голодъ давно уже терзалъ его, хотя вечерній морозъ проникалъ сквозь облеченную панцыремъ одежду, онъ рѣшилъ ждать, хотя бы ему пришлось умереть передъ этими воротами.

Но вдругъ, прежде чѣмъ воцарилась настоящая ночь, онъ услыхалъ позади себя скрипъ шаговъ по снѣгу.

Онъ оглянулся,—къ нему, со стороны города, шло шесть человѣкъ, вооруженныхъ луками и алебардами, а посреди нихъ шелъ седьмой, опираясь на мечъ.

— Можетъ быть, имъ отворятъ ворота и я въѣду съ ними,—подумалъ Юрандъ.—Ни силой они меня взять не подумаютъ, ни убить, потому что ихъ мало, но еслибъ они ударили на меня, то это будетъ значить, что они ни въ чемъ не хотятъ держать своего слова и тогда—горе имъ!

Съ этой мыслью онъ поднялъ стальной топоръ, висѣвшій у его сѣдла, тяжелый настолько, что онъ былъ тяжелъ даже для двухъ рукъ обыкновеннаго человѣка, и двинулъ коня на приближающихся.

Но они и не думали нападать на него. Напротивъ, кнехты тотчасъ же воткнули въ снѣгъ луки и древки алебардъ, а такъ какъ

ночь еще не совсѣмъ стемнѣла, то Юрандъ замѣтилъ, что оружіе слегка дрожитъ въ ихъ рукахъ.

Седьмой же, который казался старшимъ, поспѣшно простеръ впередъ лѣвую руку и, обративъ ладонь пальцами кверху, спросилъ:

— Рыцарь, вы Юрандъ изъ Спыхова?

— Я...

— Хотите ли вы выслушать, съ чѣмъ меня прислали къ вамъ?

— Я слушаю.

— Могущественный и благочестивый комтуръ фонъ-Данфельдъ приказываетъ сказать вамъ, господинъ, что пока вы не сойдете съ коня, ворота передъ вами отворены не будутъ.

Юрандъ съ минуту оставался безъ движенія, потомъ спѣшился съ коня, къ которому въ ту же минуту подскочилъ одинъ изъ лучниковъ.

— И ваше оружіе также должно быть отдано намъ, — снова отозвался человѣкъ съ мечомъ.

Владѣтель Спыхова поколебался. А ну какъ они нападутъ на него на безоружнаго, да потомъ и затравятъ, какъ звѣря? А ну какъ схватятъ и ввергнутъ въ подземелье? Но онъ тутъ же сообразилъ, что въ такомъ случаѣ ихъ прислали бы въ большемъ числѣ. Если они бросятся на него, то панцыря его сразу не пробьютъ, а тогда онъ могъ бы вырвать оружіе у перваго, стоящаго вблизи него и перебить всѣхъ, прежде чѣмъ подоспѣетъ помощь. Все-таки, его знали.

— И хотя бы даже они хотѣли выточить изъ меня всю кровь, то, вѣдь, я и прибылъ сюда не для чего другаго,—подумалъ онъ.

И онъ сначала бросилъ топоръ, потомъ мечъ, наконецъ, мизерикордію и ждалъ. Лучники подхватили все это, а человѣкъ, который съ нимъ разговаривалъ, отошелъ на нѣсколько шаговъ, остановился и заговорилъ нахальнымъ, повышеннымъ голосомъ:

— За всѣ обиды, которыя ты причинилъ Ордену, ты, по приказанію комтура, долженъ надѣть на себя дорожный мѣшокъ, который я оставляю тебѣ, навязать на шею веревку съ ножнами отъ меча и въ смиреніи ждать у воротъ, пока милость комтура не прикажетъ отворить ихъ для тебя.

И черезъ минуту Юрандъ остался одинъ въ темнотѣ и тишинѣ. На снѣгу передъ нимъ чернѣлъ покаянный мѣшокъ и веревка. Юрандъ стоялъ долго, ощущая, что въ душѣ его что-то разлагается, ломается, что-то умираетъ и гибнетъ, и черезъ минуту онъ ужъ не

будетъ рыцаремъ, не будетъ Юрандомъ изъ Спыхова, а нищимъ, рабомъ безъ имени, безъ славы, безъ чести.

И протекли долгіе часы, прежде чѣмъ онъ приблизился къ покаянному мѣшку и заговорилъ:

— Какъ же я могу поступить иначе? Ты, Христосъ, знаешь: ребенка невиннаго задушатъ, если я не сдѣлаю всего, что мнѣ прикажутъ. И Ты еще знаешь, что для спасенія своей жизни я не сдѣлалъ бы этого. Горекъ позоръ!... горекъ! Но и Тебя позорили передъ смертью. Ну, во имя Отца и Сына...

Онъ наклонился, надѣлъ на себя мѣшокъ, въ которомъ были прорѣзаны отверстія для головы и рукъ, навязалъ на шею веревку съ пустыми ножнами отъ меча и потащился къ воротамъ.

Онъ не нашелъ ихъ отпертыми, но теперь ему уже было все равно, раньше или позже ихъ откроютъ. Замокъ погрузился въ молчаніе ночи, только стражи отъ времени до времени перекликались по угламъ башенъ. Въ башнѣ у воротъ, высоко, свѣтилось одно окошко, остальныя были темны.

Ночные часы проходили одинъ за другимъ, на небѣ выплылъ серпъ мѣсяца и освѣтилъ угрюмыя стѣны замка. Тишина стояла такая, что Юрандъ могъ бы слышать біеніе собственнаго сердца. Но онъ онѣмѣлъ и окаменѣлъ совершенно, какъ будто изъ него вынули душу, и не отдавалъ себѣ отчета ни въ чемъ. Одна только мысль осталась у него, что онъ пересталъ быть рыцаремъ, Юрандомъ изъ Спыхова, но что онъ такое теперь,—онъ и самъ не зналъ... По временамъ ему представлялось, что среди ночи къ нему отъ тѣхъ вѣшенныхъ, которыя онъ видѣлъ утромъ, тихо идетъ по снѣгу смерть.

Вдругъ онъ вздрогнулъ и совершенно опамятовался.

— О, Христе милосердый! Что это?

Изъ высокаго окошка башни донеслись сначала едва слышные звуки лютни. Юрандъ по дорогѣ въ Щитну былъ увѣренъ, что Дануси нѣтъ въ замкѣ, и однако этотъ голосъ лютни въ одно мгновеніе всполошилъ его сердце. Ему показалось, что онъ знаетъ эти звуки и что изъ лютни ихъ извлекаетъ не кто другой какъ она, дитя его, его любовь!... Онъ упалъ на колѣни, молитвенно сложилъ руки, и, дрожа, какъ въ горячкѣ, прислушивался.

А въ это время дѣтскій и какъ будто безмѣрно печальный голосъ началъ пѣть:

«Еслибъ Богъ мнѣ крылья
Далъ, какъ вольной птицѣ,

Я бы полетѣла
Къ Ясю на чужбину...»

Юрандъ хотѣлъ отозваться, крикнуть любимое имя, но слова остановились въ его горлѣ, какъ будто его сдавилъ желѣзный обручъ. Неожиданная волна боли, слезъ, тоски, несчастія высоко поднялась въ его сердцѣ, онъ бросился лицомъ въ снѣгъ, и изъ его души полилась къ небу восторженная, благодарственная молитва:

— О, Іисусе! Такъ я еще могу слышать голосъ моего ребенка! О, Іисусе!...

Отъ рыданія вздрагивало его могучее тѣло. А вверху печальный голосъ пѣлъ дальше среди ненарушимой ночной тишины:

«На плетнѣ усѣвшись,
Я бы щебетала:
Посмотри, Ясенько,
На меня, сиротку...»

Рано утромъ толстый, бородатый кнехтъ началъ толкать ногою лежащаго у воротъ рыцаря.

— На ноги, собака!... Ворота отперты, и комтуръ приказываетъ тебѣ предстать предъ себя.

Юрандъ пробудился, какъ отъ сна. Онъ не схватилъ кнехта за горло, не сдавилъ его въ своихъ желѣзныхъ рукахъ. Лицо его было спокойно и почти покорно, онъ поднялся и, не говоря ни слова, пошелъ за солдатомъ черезъ ворота.

Но едва онъ прошелъ ихъ, какъ за нимъ послышался лязгъ цѣпей, и подъемный мостъ началъ подниматься кверху, а въ самыхъ воротахъ спустилась тяжелая желѣзная рѣшетка.

В. Л.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Возрожденіе.

Сонетъ.

За дальней Мексикой, въ предѣлахъ Аризоны,
Межъ рудниковъ нашли окаменѣлый лѣсъ,
Въ потухшемъ кратерѣ, гдѣ скаты и уклоны
Безмолвно говорятъ о дняхъ былыхъ чудесъ.
Предъ взоромъ геніевъ ниспала мгла завѣсъ,
И вотъ горитъ агатъ, сапфиры, халцедоны.
Въ тропическихъ лучахъ цвѣтущей Аризоны
Сквозь тьму временъ возсталъ отжившій мертвый лѣсъ.
Онъ былъ засыпанъ здѣсь могучимъ слоемъ пыли,
Стихійной вспышкою отторгнутъ отъ земли
Съ ея созвѣздьями, горящими вдали.
Но канули вѣка. И кратеры остыли.
И люди блѣдные владыками пришли,—
И новымъ сномъ зажглись алмазы давней были.

К. Бальмонтъ.

На порогѣ упадка.

(А. Н. Апухтинъ).

Ни одно общественное литературное явленіе не возникаетъ сразу въ своемъ окончательномъ видѣ, какъ Венера изъ морской пѣны; общественному явленію необходимо развиться, оно всегда имѣетъ почву въ прошедшемъ и этимъ прошедшимъ объясняется. У всякаго историческаго и литературнаго явленія, какъ и у всякаго дѣятеля, всегда бываетъ свой предтеча, эти предтечи далеко не всегда «недостойны развязать ремень у ногъ» того, кому предшествуютъ. Общественныя явленія не всегда прогрессируютъ, и въ случаѣ регресса, дегенераціи, «предтечи» естественно оказываются выше тѣхъ, кому предшествуютъ; но въ такихъ случаяхъ изученіе «предтечъ» еще болѣе необходимо, даетъ еще болѣе для пониманія «послѣ грядущихъ», чѣмъ при прогрессѣ. Болѣзнь въ такихъ случаяхъ, уже вполнѣ развитая у «послѣ грядущаго», находится въ зачаткѣ у предтечи, источникъ болѣзни яснѣе у «предтечи», а, слѣдовательно, легче, тверже можно поставить діагнозъ болѣзни и бороться съ ней. Недавно намъ пришлось заняться «упадочничествомъ», свившемъ себѣ гнѣздо въ русской литературѣ. Въ нашей небольшой работѣ объ одномъ изъ талантливыхъ представителей этого литературнаго теченія, г. Бальмонтѣ, мы дѣлали попытку выяснить характерныя черты самаго теченія и опредѣлить его источники; тогда же намъ поневолѣ пришлось заинтересоваться и «предтечами» этого теченія. Наиболѣе характернымъ и наиболѣе талантливымъ изъ «предтечъ» того общественно-литературнаго теченія, которое называется «упадочничествомъ», сущность котораго заключается, повидимому, въ разложеніи идейнаго содержанія жизни и литературы, въ культѣ своего «я» и причудахъ вызванныхъ этимъ культомъ, является А. Н. Апухтинъ.

Апухтинъ — типичный поэтъ «празднаго человѣчества»; въ одномъ изъ лучшихъ стихотвореній «Изъ бумагъ прокурора», герой его говоритъ:

„Я жилъ, какъ многіе, какъ всѣ почти живутъ
Изъ круга нашего, я жилъ для наслажденья;
Работника здоровый, бодрый трудъ,
Мнѣ незнакомъ былъ съ самаго рожденья".

Это Обломовъ, но Обломовъ конца XIX вѣка. У прежняго Обломова были порывы къ дѣятельности; лежа на своей постели въ покойномъ халатѣ, Обломовъ мечталъ о подвигахъ, что-то писалъ, что-то переводилъ; но это возможно было въ сороковыхъ годахъ; жизнь тогдашней Россіи вполнѣ гармонировала съ «Обломовщиной», она шла исподволь, не торопясь, безъ толчковъ, безъ лихорадочной поспѣшности, безъ особаго напряженія, но и безъ той легкости, которая порождаетъ быстроту; такъ тянулся въ покойномъ рыдванѣ, на холеныхъ, сытенькихъ «своихъ» лошадкахъ, по песчаной дорожкѣ, «въ губернію» или «изъ губерніи» въ доброе старое время помѣщикъ средней руки, сытый, довольный, беззаботный хлѣбосолъ, не знавшій ни «кризисовъ», ни «вопросовъ», ничего такого, что портило бы его сонъ и аппетитъ. Новый Обломовъ воспитался при условіяхъ, аналогичныхъ съ прежними, но жить ему пришлось при условіяхъ совершенно иныхъ. За послѣднія тридцать-сорокъ лѣтъ общественный бытъ Россіи измѣнился сильнѣе, чѣмъ за предыдущія полтораста. Обломовы были совершенно выбиты изъ колеи; новая жизнь была для нихъ непонятна и антипатична, но благодаря своей «обломовщинѣ» они не вступили сначала даже въ борьбу съ ней, они пассивно отдались волнѣ событій, старались даже, можетъ быть, по временамъ казаться адептами новыхъ вѣяній, быть можетъ, иногда даже сознательно, конечно, служили имъ, но новыя условія жизни, новые взгляды, идеи не могли не удручать ихъ. Какъ бы безсознательно ни относились Обломовы къ общественной жизни, они не могли не *чувствовать*, что начинаютъ господствовать начала имъ враждебныя, ихъ упраздняющія. Обломовы чувствовали, что волна новыхъ теченій грозитъ унести ихъ, смыть съ лица земли то, что они привыкли боготворить. Могли ли при такихъ условіяхъ Обломовы предаваться мечтамъ? Они должны были понять, что ихъ пѣсня спѣта! При такихъ условіяхъ становится понятнымъ, что Обломовы, добрѣйшіе Обломовы, прямые потомки милаго Ильи Ильича составили ядро реакціи, что въ ихъ средѣ возникли тѣ тлетворныя вѣянія, которыя грозятъ разложеніемъ идейнаго содержанія жизни нашего общества. Обломовы старые были мечтатели, не умѣвшіе взяться за дѣло, найти его; Обломовы новые — брюзги, ненавидящіе всякое живое дѣло, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, новые Обломовы гораздо несчастнѣе старыхъ, ихъ жизнь еще безсодержательнѣе, еще пустѣе; вотъ на этой-то почвѣ и возникаетъ то настроеніе, отъ котораго одинъ шагъ до упадочнической «ноги».

Такое настроеніе находимъ мы у Апухтина: баловень судьбы, одаренный всѣмъ, чтобы не прожить незамѣтнымъ, чтобы работать на пользу человѣчества, чтобы быть счастливымъ, онъ проводитъ свою жизнь дилетантомъ, кляпетъ эту безцѣльную жизнь, мучится, терзается ея пустотой и сходитъ въ могилу неудовлетвореннымъ, несчастнымъ; онъ не могъ сказать вмѣстѣ съ Пушкинымъ:

„Я памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный“.

Еще менѣе онъ могъ бы сказать съ Добролюбовымъ:

„Милый другъ, я умираю,
Но спокоенъ я душою,
И тебя благословляю:
Шествуй тою же стезею".

Недовольство жизнью, сознаніе своей безполезности, пустота окружающаго общества—вотъ основные мотивы и лирики, и прозаическихъ произведеній Апухтина:

„Пусть мой послѣдній стихъ, *какъ я бобылъ ненужный*,
Останется безъ рифмы..."

Такъ заканчиваетъ Апухтинъ одно изъ лучшихъ своихъ произведеній, и въ этихъ словахъ нельзя не видѣть стона души самого поэта.

Апухтинъ, какъ всѣ «обломовцы», происходилъ изъ помѣщичьей среды; онъ родился и выросъ при крѣпостномъ правѣ. Какъ родовитый баричъ, онъ былъ въ училищѣ правовѣдѣнія, гдѣ и окончилъ курсъ. Очень богато одаренный отъ природы, онъ рано началъ писать. [По словамъ біографа Апухтина, г. М. Чайковскаго, «поступленію его въ VII (низшій) классъ училища правовѣдѣнія уже предшествовала слава будущаго Пушкина»] *). Первое изъ его стихотвореній, появившееся въ печати, относится къ 1854 г., когда Апухтину было 14 лѣтъ: это — патріотическая ода «Эпаминондъ», написанная на смерть Корнилова. Ода «Эпаминондъ» обнаруживаетъ въ молодомъ поэтѣ только способность версифицировать; художественное ея значеніе равно нулю. Гораздо выше въ художественномъ отношеніи и интереснѣе для пониманія эволюціи поэтическаго творчества и міросозерцанія нашего поэта написанное въ 1853 г. стихотвореніе «Жизнь».

Добролюбовъ говорилъ объ Обломовѣ, что его главная бѣда въ неумѣньи осмыслить жизнь; въ томъ, что жизнь, по понятіямъ обломовцевъ, «идеалъ покоя и бездѣйствія; нарушаемаго по временамъ разными непріятными случайностями, какъ-то: болѣзнями, убытками, ссорами и, между прочимъ, трудомъ». Молодой Апухтинъ въ своемъ стихотвореніи обнаруживаетъ взглядъ на жизнь очень близкій къ обломовскому. Вотъ это стихотвореніе:

„О, жизнь! ты мигъ, но мигъ прекрасный,
Мнѣ невозвратный, дорогой;
Равно счастливый и несчастный
Разстаться не хотятъ съ тобой.
Ты мигъ, но данный намъ отъ Бога
Не для того, чтобы роптать
На свой удѣлъ, свою дорогу
И даръ безцѣнный проклинать.
Но чтобы жизнью наслаждаться,
Но чтобы ею дорожить,
Передъ судьбой не преклоняться
Молиться, вѣровать, любить".

*) Собраніе соч. Апухтина, 2-е изд., стр. 111.

Итакъ, цѣль жизни: наслаждаться ею, молиться, вѣровать, любить (какъ понимать слова «Передъ судьбой не преклоняться», мы не беремся рѣшить: эти слова слишкомъ общи, и едва ли не вызваны потребностью стиха еще неопытнаго поэта). Цѣль жизни — наслажденіе ею, — вотъ исходная точка поэзіи Апухтина, и отъ нея поэтъ неизбѣжно долженъ былъ прійти къ сознанію:

„Я жилъ, какъ многіе, какъ всѣ почти живутъ
Изъ круга нашего, я жилъ для наслажденья;
Работника здоровый, бодрый трудъ
Мнѣ незнакомъ былъ съ самаго рожденья".

Жизнь для наслажденья, незнакомство съ трудомъ, непривычка къ нему, характерныя черты «обломовцевъ» — характерны и для Апухтина, точно такъ же, какъ и всегдашній спутникъ жизни для наслажденья—преувеличенное значеніе любви. Любовью удобнѣе всего заполнять пустую жизнь празднаго человѣка, и обломовцы всегда очень запяты любовью. Апухтинъ не ушелъ отъ общей участи, любовь рано стала играть доминирующую роль въ его жизни и играла чуть ли не до конца его дней. Среди стихотвореній, написанныхъ Апухтинымъ въ училищѣ (съ мая 1859 г.) большая и безусловно лучшая часть посвящена любви. Въ 17 лѣтъ поэтъ достигаетъ уже до созданія безусловно художественныхъ вещей въ этомъ родѣ. Вотъ, напримѣръ, стихотвореніе, озаглавленное «Серенада Шуберта».

„Ночь уноситъ голосъ страстный,
Близокъ день труда...
О, не медли, другъ прекрасный,
О, приди сюда!
Здѣсь свѣжо росы дыханье,
Звученъ плескъ ручья,
Здѣсь такъ полны обаянья
Пѣсни соловья!
И такъ внятны въ этомъ пѣньи,
Въ этотъ часъ любви,
Всѣ рыданья, всѣ мученья
Всѣ мольбы мои".

Любовь рѣдко бываетъ розой безъ шиповъ, особенно же любовь слишкомъ ранняя и потому обыкновенно неудачная. Много преждевременныхъ мукъ переживаютъ люди изъ-за слишкомъ ранней любви, много силъ уноситъ она, много юныхъ жизней лишаетъ свѣжести; Апухтину пришлось испытать на себѣ неудобство ранней любви, въ 17 лѣтъ онъ зналъ уже ея муки.

„Я зналъ его, любви тяжелый бредъ,
Съ неясными порывами страданья,
Со всей горячностью незрѣлыхъ лѣтъ,
Со всей борьбой ревниваго терзанья
Я изнывалъ. Томителенъ и жгучъ
Онъ съ тьмою росъ и нестерпимо длился...
Но день пришелъ и первый солнца лучъ
Разсѣялъ мракъ и призракъ ночи скрылся".

Такъ писалъ въ 1857 г. 17-лѣтній Апухтинъ.

Изъ другихъ юношескихъ стихотвореній видно, что въ 17—19 лѣтъ ему пришлось пережить и тоску разлуки, и горечь разочарованія. Любовь, разлука, разочарованіе, перспектива славы! Кажется, жизнь юноши поэта должна быть слишкомъ непосильно полна, а между тѣмъ она была пуста, томительна, до страданія пуста!

„Не осуждай меня холодною душой,
Не говори, что только тотъ страдалъ,
Кто въ нищетѣ влачитъ свой вѣкъ угрюмый,
Кто жизни ядъ до капли выпивалъ.
А тотъ, кого, едва не съ колыбели,
Тяжелое сомнѣніе гнететъ,
Кто предъ собой не видитъ ясной цѣли
И день за днемъ безрадостно живетъ.
Кто навсегда утратилъ вѣру въ счастье,
Томясь, молилъ отрады у людей,
И не нашелъ желаннаго участья,
И потерялъ измѣнчивыхъ друзей.
Чей скорбный стонъ, стѣсненный горькій шепотъ
Въ тиши ночей мучительно звучалъ...
Ужели въ томъ таиться долженъ ропотъ?
Ужели тотъ, о, Боже, не страдалъ!“

Чего же не было въ этой жизни? Чего недоставало ей, что могло бы ее наполнить?

У Апухтина есть прелестная прозаическая повѣсть «Изъ дневника Павлика Дольскаго». Въ этой повѣсти съ поразительною ясностью и художественностью изображена безпомощность обломовца «безъ руля и безъ вѣтрилъ» мечущагося по жизненному пути, безъ пользы для другихъ, безъ радости для себя. Павликъ—баричъ, бывшій камеръ-пажъ, потомъ лейбъ-гусаръ, мировой посредникъ и въ концѣ-концовъ великосвѣтскій Обломовъ. Этотъ Павликъ очень не глупъ, но онъ такъ мало сдѣлалъ умнаго въ своей жизни, такъ безсмысленно пусто провелъ эту жизнь, что въ концѣ концовъ, подводя ей итоги, самъ не можетъ рѣшить: уменъ онъ или глупъ...

«Уменъ я или глупъ? — спрашиваетъ себя сорокалѣтній Павликъ.— Еслибы мнѣ врасплохъ предложили подобный вопросъ о комъ-нибудь изъ моихъ знакомыхъ, я бы затруднился на него отвѣтить сейчасъ же безъ размышленія. Я не говорю о геніяхъ или идіотахъ, но вѣдь и тѣхъ, и другихъ немного. Тѣмъ болѣе, мнѣ трудно произнести приговоръ о себѣ. Вообще, понятія объ умѣ весьма разнообразны. Въ обществѣ большею частью называютъ умнымъ того, кто знаетъ наизусть много французскихъ каламбуровъ или кто всѣхъ ругаетъ. Въ ученомъ мірѣ считается умнымъ тотъ, кто имѣлъ терпѣніе или досугъ прочитать наибольшее количество ненужныхъ книгъ; въ дѣловыхъ сферахъ тотъ, кто надулъ наибольшее количество людей. Назвать кого-нибудь умнымъ или глупымъ рѣшительно ничего не стоитъ; это часто зависитъ отъ расположенія духа. Вотъ я назвалъ Марью Петровну неглупой, хотя и разсѣянною женщиной, но когда я это

писалъ, я былъ въ благодушномъ настроеніи. Будь я тогда на что-нибудь золъ, я бы смѣло могъ назвать ее глупой,—и право, былъ бы не далекъ отъ истины.

«По моему мнѣнію, — продолжаетъ онъ, —логика единственное мѣрило ума, и съ этой точки зрѣнія я не могу признать себя умнымъ. Часто я дѣлалъ не то, что говорилъ, что думалъ. А между тѣмъ, могу поклясться, что никогда не лгалъ умышленно, съ разсчетомъ. Моя старая тетушка Авдотья Марковна, распекая меня однажды за какую-то отроческую шалость, сказала: «Самъ-то ты умный, а башка у тебя глупая». Мнѣ кажется, что она была права» *).

Тетушка, пожалуй, въ самомъ дѣлѣ права. Павликъ уменъ, но голова у него не умная, — въ ней страшный сумбуръ, въ ней нѣтъ ни одного яснаго понятія, все расплывчато, хаотично. Павликъ чувствуетъ, что ему дано кое-что, чувствуетъ, что онъ не воспользовался этимъ, сознаетъ свою полную несостоятельность, но изворачивается и прячется за софизмъ объ относительности понятія «умъ». Это пріемъ чисто-обломовскій: всѣ обломовцы сознаютъ свою несостоятельность и ищутъ спасенія въ пессимистическихъ взглядахъ на людей вообще, въ «презрѣніи къ людямъ». Какое право имѣетъ обломовецъ презирать людей, объ этомъ онъ себя не спрашиваетъ, какъ не спрашиваетъ себя Павликъ, какое онъ имѣетъ право судить о «дѣловыхъ людяхъ», какимъ онъ никогда не былъ, или о ненужныхъ книгахъ, которыхъ онъ никогда не читалъ; обломовцу, въ частности Павлику, нужно только оправдаться въ томъ, что хоть «онъ самъ умный, но голова у него глупая», т.-е. безполезная для него и для другихъ. Голова же у Павлика дѣйствительно «глупая», она какъ-то совсѣмъ не участвуетъ въ его жизни и даже не замѣчаетъ противорѣчій послѣдней. Павлику пришлось поработать на поприщѣ общественной дѣятельности; какъ съ типичнымъ обломовцемъ, съ нимъ это могло произойти только случайно: Павликъ былъ лейбъ-гусаромъ, случайно въ Москвѣ онъ встрѣтился съ своимъ другомъ и сосѣдомъ по имѣнію Алешей Оконцевымъ и его женой. Несмотря на дружбу Павлика съ Алешей и на то, что со дня свадьбы послѣдняго прошло нѣсколько мѣсяцевъ, между женой Алеши и Павликомъ возникаетъ связь, и ради этой связи Павликъ выходитъ изъ полка, чтобы принять должность мирового посредника и жить по близости съ Оконцевыми.

Попавъ въ эту струю, Павликъ, благодаря своей идейной безпомощности, безъ всякаго сопротивленія былъ ею подхваченъ и унесенъ. Его дѣятельность совершенно радикально расходилась съ его міросозерцаніемъ и убѣжденіями, но онъ этого не замѣчалъ, да такъ и не замѣтилъ даже черезъ много лѣтъ, когда онъ вспоминалъ объ этомъ случайномъ эпизодѣ своей жизни.

Мы не можемъ не привести воспоминаній милаго, наивнаго Павлика объ его службѣ посредникомъ, такъ какъ эти воспоминанія характерны не только для самого Павлика, но вообще для современнаго ему общества.

*) Соч. Апухтина, стр. 385—386.

«Я родился,—пишетъ Павликъ въ своемъ дневникѣ,—въ дворянской строго-консервативной семьѣ. Воспитаніе въ корпусѣ и служба въ полку еще болѣе укрѣпили это направленіе. Вслѣдствіе главнаго и единственнаго романа моей жизни, о которомъ рѣчь впереди, я вышелъ въ отставку, поселился въ деревнѣ и попалъ въ мировые посредники. Наша губернія отличалась необыкновенно либеральными посредниками и въ числѣ ихъ я былъ однимъ изъ самыхъ либеральныхъ. *Какъ это случилось, я теперь объяснить не могу.* Впрочемъ, въ то время всѣ понятія перепутались до смѣшного; каждый могъ считать себя чѣмъ угодно. Съ дѣтства мнѣ внушали, что консерваторъ долженъ слѣдовать правительственному направленію, а тутъ случилось, что правительство было либеральнѣе общества. Нашъ губернаторъ—когда-то одинъ изъ самыхъ жестокихъ помѣщиковъ—теперь плакалъ отъ умиленія при словѣ: освобожденіе. Конечно, еслибы правительство вздумало опять закрѣпостить крестьянъ, его слезы умиленія текли бы еще обильнѣе. Подобно этому губернатору, я громилъ и каралъ гнусныхъ плантаторовъ и крѣпостниковъ во имя либеральнаго направленія, которое для сокращенія тогда называлось просто «честнымъ». Былъ ли я вполнѣ искренень? И да, и нѣтъ, какъ говорила одна знакомая дама, желавшая дать понять, что она все знаетъ, и боящаяся попасть въ просакъ. Иногда на меня находили минуты тяжелаго раздумья. Вотъ, думалъ я, дядя Платонъ Маркычъ... до семидесяти лѣтъ прожилъ онъ рыцаремъ чести; доброты онъ необычайной, крестьяне въ немъ души не чаютъ. Но онъ человѣкъ стараго закала, ему съ новыми идеями освоиться трудно, онъ боится для своихъ дѣтей полнаго разоренія. Что же мудренаго, если онъ отстаиваетъ сколько можетъ свои интересы? Неужели и его слѣдуетъ признать *нечестнымъ*? *). Но эти минуты раздумья заглушались шумомъ общихъ совѣщаній и газетныхъ статей, а главное—*моды*, и мы грѣшили, и карали, и *терроризировали* губернію, не дѣлая никакого различія между людьми вродѣ Платона Маркыча и настоящими (?) корифеями и виртуозами крѣпостного права. Очень можетъ быть, что такое страстное, а слѣдовательно, несправедливое отношеніе къ дѣлу было необходимо для той исторической роли, которую намъ пришлось сыграть. Когда эта роль кончилась, мы сошли со сцены, и я совсѣмъ естественно (?) возвратился въ прежній кругъ людей и понятій. Въ прошломъ году нѣсколько бывшихъ террористовъ сошлись въ Петербургѣ. Я сохранилъ съ ними дружескія отношенія, и мы сговорились вмѣстѣ обѣдать въ ресторанѣ. Сначала мы чувствовали какую-то неловкость, *но подъ вліяніемъ вина* и старыхъ воспоминаній это ощущеніе прошло, и къ концу обѣда пошло опять «крѣпостники», «честное направленіе», «борьба съ плантаторами», весь этотъ арсеналъ когда-то страшныхъ, теперь ненужныхъ (?) словъ. Мы вообразили себя опять калифами на нѣсколько часовъ. Былъ ли я искренень на этотъ разъ? Опять отвѣчу словами знако-

*) Курсивъ подлин.

мой дамы: и да, и нѣтъ. Понятія, сопряженныя съ этими словами, давно отошли въ область анахронизма (?). Прежде эти слова представляли собой наплывъ идей, ломку всей жизни; теперь это вопросъ терминологіи» (sic).

Эта страничка стоитъ цѣлой диссертаціи. Теперь намъ понятны причины столь быстрой и полной реакціи, смѣнившей въ нашемъ обществѣ прогрессивныя движенія 60—70 годовъ. Это они—милые Павлики Дольскіе, либеральнѣйшіе посредники изъ строгихъ консерваторовъ, они—слезоточивые губернаторы прогрессисты изъ бывшихъ крѣпостниковъ—вотъ кто создалъ эту реакцію. Когда пришли люди на «борьбу съ плантаторами», когда стало невыгодно плакать при словѣ «освобожденіе», они поворотили оглобли и стали тѣмъ, чѣмъ были. Но еще любопытнѣе эта страничка изъ дневника Павлика, какъ показатель идейной безпомощности русскаго консерватизма. Русскій консерватизмъ—это нѣчто вполнѣ своеобразное, это не консерватизмъ англичанина или француза, отстаивающаго извѣстные *принципы*, извѣстное *свое убѣжденіе*. У русскаго консерватора въ сущности нѣтъ никакихъ принциповъ, ему нечего отстаивать,—все его общественное міросозерцаніе формулируется словами: «чего изволите» и «радъ стараться». Русскій консерваторъ не можетъ даже быть «plus royaliste que le roi»—сегодня правительство консервативно—и онъ консерваторъ, завтра правительство стало либерально и русскій консерваторъ сбитъ съ позиціи,—онъ готовъ стать слезоточивымъ генераломъ, или либеральнѣйшимъ посредникомъ. Бѣдные Павлики, они жалки въ своей безпомощности, смѣшны съ своимъ апломбомъ, съ которымъ говорятъ о «рыцаряхъ чести» — Павлахъ Маркычахъ или о «ненужныхъ словахъ». Бѣдные Павлики, они такъ мало стараются понять окружающія ихъ явленія, что, несмотря на свой, подчасъ несомнѣнный умъ, невольно вызываютъ воспоминаніе о словахъ нашего Павлика.

Но вернемся къ нему, къ нашему добрѣйшему безпомощному Павлику Дольскому, тому самому Павлику, который колеблется рѣшить, уменъ онъ или глупъ. Павликъ вообще ничего не дѣлаетъ, не чувствуетъ до конца, во всемъ онъ остается дилетантомъ. Онъ—половинчатый консерваторъ, такой же половинчатый и христіанинъ.

«Я человѣкъ вѣрующій, но недостаточно вѣрующій. Я прочиталъ важнѣйшія сочиненія матеріалистовъ, но недостаточно *увѣровалъ* и въ нихъ. Я убѣдился въ томъ, что помимо всякихъ ученій и книгъ, въ глубинѣ каждой человѣческой души таится мысль, что наше существованіе прекратиться не можетъ». Что же такое наконецъ Павликъ Дольскій? Въ качествѣ христіанина—онъ недостаточно вѣрующій, въ качествѣ матеріалиста тоже недостаточно вѣрующій; онъ «вѣруетъ» только въ безсмертіе своей собственной особы,—черта, во-первыхъ, чисто-обломовская, во-вторыхъ роднящая Павликовъ съ позднѣйшими упадочниками.

Павликъ, если хотите, религіозенъ, хотя по его же словамъ «недостаточно», но именно въ этой половинчатости его религіозности нельзя не видѣть характерно-русскую черту. Какъ русскій консерватизмъ не похожъ,

наприм., на англійскій, такъ и русская религіозность не похожа на англійскую. Образованный англичанинъ, если онъ религіозенъ, то потому, что въ наукѣ онъ нашелъ основы своей религіозности; свою вѣру, каковъ бы ни былъ ея источникъ, онъ обосновываетъ научно. «Павликъ», «обломовецъ» религіозенъ потому, что онъ читалъ книжки, но не повѣрилъ имъ, вѣрнѣе—не понялъ ихъ, благодаря своему кадетскому воспитанію, но, благодаря тому же кадетскому воспитанію, онъ беззащитенъ противъ книги, онъ не въ силахъ опровергнуть даже то, что считаетъ ложнымъ, онъ наполовину подчиняется прочитанному. Вотъ и приходится бѣдному Павлику строить свое міросозерцаніе на увѣренности въ безсмертіи своей собственной особы. Какъ краеугольнымъ камнемъ его общественныхъ взглядовъ является классическое «чего изволите», такъ краеугольнымъ камнемъ его міросозерцанія является далеко не философскій силлогизмъ: «Павликъ живетъ, Павликъ не можетъ себѣ представить, что онъ не будетъ жить, ergo, Павликъ вѣчно будетъ жить, Павликъ безсмертенъ».

Таковъ душевный багажъ Павлика. Какъ же прошла его жизнь? Павликъ какъ бы по рецепту стихотворенія г. Бальмонта:

„Въ жизни, кто оглянется,
Тотъ во всемъ обманется,
Лучше безразсудными
Жить мечтами чудными,
Жизнь проспать свою".

Павликъ не стремится ни къ какой цѣли, ничего не дѣлаетъ, ни во что серьезно не вдумывается, хотя по послѣднему пункту онъ увѣренъ въ противномъ. Павлика судьбою занесло въ мировые посредники и онъ поддался господствующему теченію. Тотъ же романъ, который заставилъ Павлика сдѣлаться посредникомъ, заставляетъ бросить его эту должность, что Павликъ дѣлаетъ безъ колебанія и сожалѣнія; очевидно, борьба съ плантаторами была для Павлика не дѣломъ, а развлеченіемъ, спортомъ, оттого-то онъ и сталъ такъ легко либеральнѣйшимъ изъ посредниковъ, будучи самъ по себѣ «строгимъ консерваторомъ». Эпизодъ, заставившій Павлика бросить службу посредника самъ по себѣ настолько любопытенъ, что о немъ мы не можемъ умолчать. Алеша Оконцевъ умеръ. Павликъ заподозрилъ и не безъ нѣкоторыхъ, хотя шаткихъ, основаній, что жена отравила Алешу. Не давъ себѣ труда провѣрить это подозрѣніе, Павликъ немедленно бросаетъ все и уѣзжаетъ за границу. Этотъ трусливый и нелѣпый поступокъ лишаетъ жизнь Павлика послѣдняго содержанія. Павликъ обращается въ завсегдатая танцовальныхъ вечеровъ, клуба и журфиксовъ, до 40 лѣтъ остается для всѣхъ Павликомъ, очень сердится на малѣйшіе признаки приближающейся старости, брюзжитъ, недоволенъ человѣчествомъ, смотритъ свысока на такія явленія, которыхъ совсѣмъ не понимаетъ, и въ концѣ-концовъ онъ глубоко несчастливъ.

Какъ образецъ высокомѣрнаго сужденія Павлика о незнакомыхъ ему сферахъ, можно привести слѣдующій отрывокъ:

«Вотъ извѣстный, уважаемый литераторъ Иксъ напечаталъ статью объ общинѣ. Другой не менѣе уважаемый литераторъ Зетъ не любитъ общины и возражаетъ на статью Икса, выражая, впрочемъ, полное уваженіе таланту автора. Иксъ тѣмъ не менѣе недоволенъ и въ своемъ отвѣтѣ заявляетъ, что Зетъ недостаточно знакомъ съ предметомъ, о которомъ взялся писать. Зетъ съ своей стороны уличаетъ Икса въ невѣрности приведенной имъ цитаты. Полемика разгарается все болѣе и болѣе; въ концѣ-концовъ обмѣнъ мыслей приводитъ Икса къ тому, что онъ намекаетъ на двусмысленное положеніе жены Зета, а Зетъ весьма прозрачно разсказываетъ о томъ, какъ Икса побили при открытіи какого-то увеселительнаго заведенія. Объ общинѣ въ этихъ статьяхъ, къ удивленію и негодованію публики, не упоминается вовсе.

Но въ томъ-то и дѣло, что публика нисколько не удивляется и не чувствуетъ негодованія. Большинство публики гораздо меньше интересуется вопросомъ объ общинѣ, чѣмъ о побитіи Икса и о шашняхъ Зетовой жены».

Какое высокомѣріе! Это божество разсуждаетъ о копошащихся у ногъ его пигмеяхъ, а не милѣйшій Павликъ, тотъ самый Павликъ, о которомъ тетушка его говорила, что «онъ-то самъ уменъ, да голова его не умна»,— говоритъ объ одномъ изъ любопытнѣйшихъ столкновеній противоположныхъ идеаловъ нашего общества. Да и какъ не быть Павлику высокомѣрнымъ? При его кадетскомъ воспитаніи, при его россійскомъ своеобразномъ воспитаніи, какъ не видѣть ему въ спорѣ объ общинѣ нелѣпость? Развѣ можетъ онъ осмыслить этотъ споръ, понять причину его горячности? Это все для него мелочное столкновеніе мелочныхъ людишекъ «изъ поповичей», какъ же не пойти ему дальше и не заподозрить этихъ мелочныхъ людишекъ въ интересѣ къ шашнямъ Зетовой жены? Для того, чтобъ умѣть уважать что-нибудь, надо имѣть за душой какой-нибудь багажъ, а Павликъ выступилъ въ жизнь совсѣмъ налегкѣ. Этой легкости своего душевнаго багажа Павликъ и обязанъ тѣмъ, что «хотя самъ онъ умный, но голова у него глупая». Безъ ясныхъ принциповъ, безъ горячей любви къ чему-нибудь, безъ истинной вѣры во что-нибудь, Павликъ, отъ природы одаренный богато, проводитъ всю свою жизнь какъ пустой фатъ. Въ этомъ трагизмъ его положенія, роднящій его уже не съ Ильей Ильичемъ Обломовымъ, а съ болѣе ранними «обломовцами»—Онѣгинымъ и Печориномъ. Онѣгинъ, еслибъ мы съ нимъ не разстались по волѣ поэта, въ цвѣтущую пору его жизни, лѣтъ въ 40 былъ бы Павликомъ Дольскимъ. Въ его жизни, какъ въ жизни Павлика Дольскаго, нѣтъ ни цѣли, ни содержанія, они оба не находятъ для себя никакого дѣла по той простой причинѣ, что не знаютъ во имя чего станутъ они это дѣло дѣлать. Обломовцы—праздные люди, чуждые любви къ человѣчеству; ихъ интересы, какъ праздныхъ людей, расходятся съ интересами человѣчества, они лишай—чужеядное растеніе, которое живетъ тѣмъ, что лишаетъ человѣчество части его соковъ. Еслибы эти соки нормально утилизировались человѣче-

ствомъ, праздные люди погибли бы, они должны бы либо превратиться въ работниковъ, либо исчезнуть. Праздный человѣкъ можетъ добровольно перестать быть таковымъ, отрѣшиться отъ праздности и слиться съ человѣчествомъ, но на такое превращеніе онъ можетъ пойти только во имя овладѣвшей имъ идеи, принципа, во имя новой религіи, понимая это слово широко. Такое превращеніе для празднаго человѣка гораздо труднѣе, чѣмъ можетъ казаться. Если праздный человѣкъ одаренъ богатою натурой, способной къ такому перерожденію, то для него слишкомъ много дорогого связано съ его праздностью. Не только Онѣгинъ и Печоринъ, но и Павликъ Дольскій любятъ въ праздности не ее самое, но ея свободу, ея красоту—возможность наслажденій и не только низменныхъ, но и высокихъ, эстетичныхъ. Въ силу того, что праздному человѣчеству всегда были доступнѣе науки и искусства, что праздные люди всегда обладали большимъ досугомъ и средствами, чтобы наслаждаться твореніемъ и творить, многое прекрасное создано либо празднымъ человѣкомъ, либо для него, и носитъ на себѣ его отпечатокъ. Разстаться со всѣмъ этимъ, разбить все то, чему, хотя бы лѣниво, но все-таки поклонялся, праздный человѣкъ не можетъ, какъ бы ни высока была его натура, если имъ не овладѣла новая идея, новая, болѣе жизненная, страстная вѣра. Не сдѣлавши же этого, праздный человѣкъ всегда будетъ отколотъ отъ человѣчества, будетъ брюзжать на него, и втайнѣ, хотя бы по временамъ, презирать и ненавидѣть его, какъ посягающаго на его кумиры. Праздный человѣкъ говорилъ устами Пушкина, когда онъ обращался къ «черни»:

„Подите прочь, какое дѣло
Поэту мирному до васъ?
Въ развратѣ каменѣйте смѣло,
Не оживитъ васъ лиры гласъ“.

потому что голосъ «черни» отвлекалъ его отъ «звуковъ сладкихъ и молитвъ», его, праздпаго человѣка, рожденнаго для наслажденія. Павликъ Дольскій болѣе, чѣмъ кто-либо изъ «обломовцевъ» далекъ отъ превращенія въ работника, душа Павлика болѣе пуста, чѣмъ душа его предковъ (почему, мы пока говорить не будемъ), естественно потому, что Павликъ болѣе далекъ отъ любви къ человѣчеству, чѣмъ его предки. Павлику она даже кажется чѣмъ-то смѣшнымъ, нелѣпымъ. Смѣяться и видѣть нелѣпость въ томъ, что выше пониманія—обычное свойство неразвитыхъ людей, а Павликъ, несмотря на свой умъ, принадлежитъ къ числу ихъ. Вотъ, напримѣръ, какъ философствуетъ Павликъ въ часы досуга, когда болѣзнь не позволяетъ ему поѣхать ни въ клубъ, ни на журфиксъ, ни къ своей пріятельницѣ Марьѣ Петровнѣ.

«Изъ всѣхъ фразъ,—пишетъ Павликъ,—которыми себя убаюкиваютъ люди, нѣтъ фразы болѣе безсодержательной и фальшивой, какъ фраза о любви къ человѣчеству. Я понимаю, что можно любить жену, дѣтей, отца-мать, братьевъ, сестеръ, друзей, знакомыхъ. Я понимаю, что можно лю, бить страну, въ которой мы родились, и, когда отечество въ опасности

пожертвовать для него жизнью. Я понимаю, что можно не только цѣнить умомъ, но до нѣкоторой степени любить и сердцемъ людей незнакомыхъ, чужеземцевъ, если они расширили нашъ умственный горизонтъ, дали намъ художественныя наслажденія или поразили наше воображеніе какими-нибудь подвигами въ различныхъ сферахъ жизни. Но любить всю массу людей только потому, что они люди,—сомнѣваюсь, чтобы кто-нибудь дѣйствительно испыталъ такое чувство. Почему китайцы ближе къ моему сердцу, чѣмъ тѣ минералы, которые лежатъ въ дѣвственныхъ лѣсахъ Америки. Еслибы проповѣдывали любовь отрицательную, состоящую въ томъ, чтобы не дѣлать, даже не желать зла китайцамъ, такую любовь я допустить готовъ. Но вѣдь я и минераламъ не желаю ничего худого; пускай себѣ лежатъ спокойно въ нѣдрахъ американской земли, пускай и китайцы наслаждаются жизнью въ предѣлахъ Небесной Имперіи. Выходить изъ этихъ предѣловъ я имъ во всякомъ случаѣ не желаю, потому что, еслибъ они захотѣли въ большомъ количествѣ посѣтить Европу, то бороться съ ними было бы не легко.

«Я не знаю,—иронизируетъ Павликъ,—отчего люди съ широкимъ и вмѣстительнымъ сердцемъ ограничиваются любовью къ человѣчеству. Можно расширить сферу любви еще больше. Можно приходить въ восторгъ отъ любви ко всему животному царству, потомъ отъ любви къ земной планетѣ, потомъ отъ любви къ солнечной системѣ, наконецъ, отъ любви ко вселенной. Я не понимаю такой всеобъемлющей любви. Пусть любитъ вселенную тотъ, кому въ ней хорошо живется».

Бѣдный Павликъ сердится на вселенную, но чѣмъ виноваты китайцы въ томъ, что она Павлику не угодила? Неужели изъ-за этого ихъ такъ-таки приравнять къ минераламъ, покоящимся «въ лѣсахъ (sic) Америки»? Павликъ понимаетъ, что можно любить свою страну (замѣтьте «страну», а не народъ), но не понимаетъ, какъ можно любить китайца: «чѣмъ китаецъ ближе, чѣмъ минералъ въ лѣсахъ Америки». Но вѣдь если такъ, то чѣмъ тамбовскій мужикъ ближе, чѣмъ китаецъ, а двоюродный дядя, котораго я никогда не видалъ, или Иванъ Ивановичъ Ивановъ, съ которымъ я два раза игралъ въ винтъ, ближе, чѣмъ тамбовскій мужикъ? И дальше: чѣмъ мой братъ, которому я долженъ отдать часть отцовскаго наслѣдства, ближе Ивана Ивановича, которому я ничего не долженъ отдавать. Почему я могу любить «страну», т.-е. извѣстную часть земной планеты, на которой живетъ нѣсколько милліоновъ тамбовскихъ и иныхъ мужиковъ, нѣсколько милліоновъ евреевъ, нѣмцевъ, калмыковъ и т. д. и не могу любить, напримѣръ, англичанъ, которые дали міру Шекспира, Байрона, Гладстона и т. д.? Почему я долженъ жертвовать собой, когда «отечество въ опасности», т.-е. когда въ страну, гдѣ живутъ нѣсколько милліоновъ тамбовскихъ мужиковъ, киргизъ, самоѣдовъ, чувашей и т. д. придетъ нѣсколько сотъ тысячъ нѣмецкихъ солдатъ, и не долженъ жертвовать собой, чтобъ избавить «человѣчество», а слѣдовательно и тамбовскаго мужика и можетъ быть

двоюроднаго дядю отъ какой-нибудь ужасной болѣзни, наприм., дѣлая опыты съ прививкою холернаго яда?

Упадочники, возводя въ принципъ безучастность ко всему земному, по крайней мѣрѣ послѣдовательны, но Павликъ обнаруживаетъ въ своихъ философствованіяхъ большую непослѣдовательность. Объясняется эта непослѣдовательность очень просто: Павликъ—«праздный человѣкъ» и «обломовецъ», онъ слѣдовательно человѣкъ бѣлой кости. Между людьми его касты и остальнымъ человѣчествомъ нѣтъ ничего общаго: бѣлая кость чувствуетъ, живетъ, наслаждается, страдаетъ, остальное человѣчество—это то, чѣмъ прежде бѣлая кость владѣла, продавала по-штучно и семьями, что теперь эксплоатируетъ. Откуда въ аристократической, кадетской головкѣ Павлика возьмется уваженіе и любовь къ этому человѣчеству? Развѣ онъ несетъ общее съ человѣчествомъ бремя труда, развѣ онъ борется за жизнь? Онъ рожденъ «не для житейскаго волненія, не для корысти, не для битвъ»,—онъ рожденъ, чтобы сидѣть въ халатѣ, танцовать, много ѣсть, много пить, ухаживать, заводить романы,—однимъ словомъ «наслаждаться». Но Павлику скучно, «онъ пережилъ свои желанія, онъ разлюбилъ свои мечты», да въ довершеніе всего, онъ и стариться началъ. Тутъ Павликъ влюбляется въ молоденькую дѣвушку и рѣшается, наконецъ, жениться на ней, чтобы «хоть немного осмыслить свою жизнь», какъ онъ самъ выражается. Павлику отказываютъ; Лида, молоденькая институтка, которую онъ избралъ себѣ въ жены, предпочитаетъ пожилому и сильно пожившему Павлику глупаго, но молодого камеръ-пажа, Мишу Козельскаго. Павликъ тогда дѣлаетъ предложеніе тетушкѣ этой самой Лиды, своей пріятельницѣ Марьѣ Петровнѣ, пожилой вдовѣ генерала; Марья Петровна тоже отказываетъ. Тогда Павликъ убѣждается и сознается, что онъ старъ. Павликъ окончательно падаетъ духомъ и начинаетъ пѣть себѣ отходную. Да онъ, пожалуй, и правъ. Что такое старый Павликъ? Какой въ немъ смыслъ? Кому онъ нуженъ? Старый Павликъ—это испорченная игрушка: пружина лопнула и она не тянетъ, и больше ни на что не годится. Павликъ сознаетъ это и начинаетъ снова дуться на вселенную, которая съ нимъ продѣлала слѣдующую возмутительную несправедливость:

«Жилъ-былъ на свѣтѣ человѣкъ, котораго знакомые звали Павликомъ Дольскимъ. Онъ не сдѣлалъ въ жизни особеннаго зла, но и добра у него было немного. Былъ онъ, по правдѣ сказать, довольно пустой человѣкъ. Но все-таки онъ занималъ, какъ человѣкъ, свое опредѣленное мѣсто, мозгъ его работалъ, сердце горячо и усиленно билось. Онъ много передумалъ и перечувствовалъ, часто желалъ и надѣялся, еще чаще страдалъ и ошибался. Главная бѣда его состояла въ томъ, что онъ ничего не дѣлалъ и слишкомъ долго считалъ себя молодымъ. И вотъ, когда онъ въ этомъ разубѣдился и захотѣлъ хоть немного осмыслить свою жизнь, ему сказали: «нѣтъ, теперь поздно. Ты уже не будешь больше ни любить, ни думать (?), ни надѣяться, ни желать, ни ошибаться. Изъ того, что ты дѣлалъ прежде,

можешь, пожалуй, еще пострадать въ заключеніе, но и то не долго. А затѣмъ, ты исчезнешь.

«Не знаю, какъ другимъ,—пишетъ Павликъ,—а мнѣ жаль этого бѣднаго Павлика, котораго, не спросясь его согласія, пустили на свѣтъ Божій и котораго безъ всякой вины высылаютъ обратно».

Признаемся, и намъ жаль бѣднаго Павлика,—жаль потому, что онъ дѣйствительно безъ толку толкался на свѣтѣ и что сознать это было для него тяжело. Павликъ—несчастный человѣкъ и жалкій въ то же время; мало того, онъ, будучи неглупымъ, оставляетъ впечатлѣніе чего-то нелѣпаго: «онъ не глупъ, но голова у него глупая», такъ опредѣлила его тетушка, да и онъ съ этимъ опредѣленіемъ почти согласенъ. Въ этомъ его отличіе отъ предковъ. Онѣгинъ и Обломовъ, наиболѣе сродные Павлику, несчастны, Обломовъ даже жалокъ, но ни одинъ изъ нихъ не смѣшонъ и ни на минуту не покажется глупымъ, а Павликъ забавенъ, и долго нужно къ нему присматриваться, чтобы замѣтить, что онъ не глупъ. Павликъ смѣшонъ, какъ пережитокъ. Было время, когда и Павликъ былъ бы передовымъ человѣкомъ: это время Онѣгиныхъ; смѣнилось одно поколѣніе—и Павликъ является передъ нами въ образѣ добродушнаго, но умнаго Ильи Ильича, который уже нѣсколько комиченъ; еще поколѣніе—и передъ нами нашъ Павликъ Дольскій, жалкій и нелѣпый. Это жизнь ушла впередъ. Онѣгинъ и Обломовъ не отстали отъ жизни (Онѣгинъ идетъ даже впереди ея); они понимаютъ жизнь и сами нужны для современной жизни, необходимы среди современнаго общества; Павликъ уже пережитокъ; это Онѣгинъ нѣсколько износившійся, одряхлѣвшій, среди пустой жизни забывшій и то, чему онъ учился, «понемногу чему-нибудь и какъ нибудь», а главное дѣло—явившійся въ эпоху не соотвѣтствующую его организаціи, далеко ушедшую впередъ. Дѣло въ томъ, что слой общества, къ которому принадлежатъ Онѣгинъ и Павликъ, во времена перваго былъ наиболѣе образованнымъ и наиболѣе вліятельнымъ слоемъ. Имъ опредѣлялась тогдашняя русская жизнь съ ея крѣпостнымъ строемъ. Павликъ родился при иныхъ условіяхъ. Паденіе интеллектуальнаго уровня нашего высшаго дворянства, паденіе политическаго и экономическаго значенія этого класса съ освобожденіемъ крестьянъ, развитіе совершенно новыхъ формъ жизни, — все это поставило высшее дворянство въ совершенно новыя условія: этотъ классъ какъ бы потерялъ свой raison d'être и началъ атрофироваться. Это одно изъ проявленій современнаго намъ общеевропейскаго явленія—упадка («декаданса») празднаго человѣчества.

Павликъ носитъ на себѣ слѣды этой дегенераціи своего общественнаго слоя, среди своихъ онъ смѣшонъ, напротивъ для свѣтскихъ гостиныхъ этотъ сорокалѣтній умный мальчикъ—находка; онъ нелѣпъ и смѣшонъ только вслѣдствіе противорѣчія, между его порханіемъ до 40 лѣтъ и тѣми требованіями, которыя предъявляетъ жизнь къ среднему современному человѣку. Павликъ, подобно Онѣгину, даже выше своего общественнаго слоя, но этотъ слой, нѣкогда передовой, со временъ Онѣгина сталъ въ совер-

менно иныя отношенія къ остальному обществу. Если Онѣгинъ при тогдашнемъ положеніи своего слоя общества былъ передовымъ человѣкомъ для всего русскаго общества, то Павликъ, современный выдающійся представитель того же слоя, является уже для остального общества комической фигуркой, жалкой бездѣлушкой, вродѣ тѣхъ фарфоровыхъ куколокъ, которыми любятъ украшать свои столики барыни и барышни.

Онѣгинъ выродился въ Павлика, потому что вырождается тотъ слой общества, къ которому они оба принадлежатъ.

Павликъ главный герой Апухтина не случайно. Апухтинъ выразитель именно того общественнаго слоя, героемъ котораго является Павликъ. Наблюденія Апухтина не выходятъ за предѣлы свѣтскаго общества, его настроеніе—настроеніе свѣтскаго человѣка послѣднихъ десятилѣтій. Талантъ Апухтина очень большой, можетъ-быть первоклассный, школа отличная,—старая дворянская школа, дающая совершенство формы, недоступное современному писателю-работнику. Это школа Пушкина и Тургенева. Но среда не могла дать Апухтину содержанія: ея пѣсня спѣта, ей некуда больше идти и поэтъ ея не ведетъ и не зоветъ насъ никуда. Безпокойство Онѣгина, лѣнивыя мечты Обломова разрѣшились игрушечной жизнью Павлика, милаго, добраго, но поразительно безполезнаго, пустого и поэтому даже кажущагося глуповатымъ.

Павликъ для насъ откровеніе: средній русскій человѣкъ нашего времени, такъ или иначе несущій трудовую лямку, не даетъ себѣ отчета въ существованіи до сихъ поръ міра Павликовъ, но Павликъ имѣетъ для насъ интересъ раритета; сочувствовать Павлику, даже понять его хорошенько мы не можемъ; самъ Онѣгинъ намъ ближе и понятнѣе,—настолько далеко разошлись по разныхъ дорогамъ разные слои нашей интеллигенціи.

Давши въ «Дневникѣ Павлика Дольскаго» художественный типъ современнаго праздnаго человѣка изъ дворянской среды, въ другомъ своемъ прозаическомъ произведеніи «Архивъ графини Д.» Апухтинъ даетъ еще болѣе художественное изображеніе того самого общества, среди котораго живутъ Павлики.

«Архивъ графини Д.» много выше «Дневника Павлика Дольскаго». Авторъ пристрастенъ къ Павлику, онъ его слишкомъ любитъ, слишкомъ ему сочувствуетъ и какъ бы не замѣчаетъ всего ничтожества, всей безполезности Павлика.

Въ «Архивѣ графини Д.» онъ объективенъ и потому безпощаденъ. Едва вѣроятная пустота, мелочность и нравственная гниль выведенныхъ Апухтинымъ людей, сдержанная, но глубокая иронія его, душевная боль человѣка задыхающагося среди этого міра, но не могущаго найти выходъ изъ него,—все это звучитъ суровымъ приговоромъ праздному человѣчеству, произносимымъ поэтами его.

«Архивъ графини Д.»—повѣсть въ письмахъ. Эпистолярная форма вообще одна изъ наиболѣе трудныхъ. Апухтинъ избралъ наиболѣе удачный изъ видовъ эпистолярной формы; архивъ—не переписка, а собраніе писемъ

къ одному лицу, и это лицо является центральнымъ, оно объединяетъ повѣсть, но героемъ ея не является. Настоящій герой этой повѣсти—свѣтское общество, главный интересъ ея—изображеніе общества. Наша литература вообще не богата хорошими изображеніями общества, интересъ нашихъ писателей привлекаетъ обыкновенно личность, ея развитіе, ея психологія, драмы ея души, хотя бы и вызванныя общественными условіями. Послѣ «Мертвыхъ Душъ» и «Ревизора» мы не можемъ указать произведенія, гдѣ бы центръ тяжести былъ въ изображеніи общества, а не личности героевъ. Не удивительно поэтому, что «Архивъ графини Д.» является однимъ изъ лучшихъ образцовъ изображенія общества въ нашей литературѣ, но даже въ литературѣ болѣе богатой, чѣмъ наша, «Архивъ» былъ бы однимъ изъ выдающихся по яркости и талантливости эскизовъ. Сила изобразительнаго таланта Апухтина огромна, и если изъ-подъ пера его вышла вещь хотя и крупная, но не великая, то это объясняется, во-первыхъ, ничтожностью изображаемаго общества, а главнымъ образомъ—потому, что самъ писатель, какъ общественная и интеллектуальная личность, недостаточно возвышался надъ обществомъ, къ которому принадлежалъ. Въ сердцѣ Апухтина не было того огня, которымъ горѣлъ Гоголь, не было его смутнаго, но пламеннаго стремленія къ идеалу. Апухтинъ былъ самъ рабомъ окружавшей его пошлости, оттого онъ не могъ ее бичевать. Но если всмотрѣться въ эту картину, нарисованную полубезсознательно, то впечатлѣніе получается ужасное: передъ нами трупъ въ пестромъ нарядѣ, едва скрывающемъ его гнойныя язвы, его общее разложеніе. Ни капельки смысла въ жизни этихъ людей, ни капельки искренняго чувства въ ихъ сердцахъ, ни намека на принципы въ ихъ умѣ,—вотъ полная душевная анархія, среди которой томится единственное, хотя пустое, но маломальски искреннее существо, заброшенное судьбою въ этотъ міръ жалкихъ, пестрыхъ автоматовъ.

Архивъ начинается письмами поклонника графини, промотавшагося камеръ-юнкера Можайскаго, уѣхавшаго изъ Петербурга «спасать остатки своего, когда-то большого, состоянія». Спасаетъ г. Можайскій свое состояніе самымъ шаблоннымъ путемъ, заложивъ все одесскому греку Сапунопуло. Передъ отъѣздомъ графиня Д. была неожиданно очень любезна съ Можайскимъ и приказала писать, что Можайскій и поспѣшилъ исполнить. Начинаетъ Можайскій очень неувѣренно, сдержанно, очевидно онъ не вѣритъ въ полноту и серьезность своего успѣха у «царицы петербургскихъ красавицъ», хотя уже по первому письму видно, что препятствіемъ къ успѣху Можайскій считаетъ не неприступность графини, а близость ея съ нѣкіимъ Кудряшинымъ. Графиня отвѣчаетъ на письма Можайскаго, повидимому, очень благосклонно, такъ какъ тонъ Можайскаго быстро мѣняется; въ третьемъ письмѣ Можайскаго графиня изъ «многоуважаемой» превращается въ «дорогую». Вскорѣ оказывается, что по сосѣдству съ имѣніемъ Можайскаго живетъ тетушка графини, Анна Ивановна Кречетова, съ которой графиня была въ ссорѣ, но теперь вдругъ почувствовала по-

требность примириться и пріѣхать къ ней погостить. Слѣдующее письмо отъ приживалки Анны Ивановны, Василисы Мѣдяшкиной, съ припиской самой тетушки, заключаетъ въ себѣ приглашеніе пріѣхать въ имѣніе Кречетовой—Красные Хрящи. Черезъ нѣсколько времени графиня выѣзжаетъ изъ Петербурга и, встрѣченная Можайскимъ на ближайшей къ Хрящамъ станціи, губ. городѣ Слободскѣ, ѣдетъ къ тетушкѣ, а еще черезъ нѣсколько дней навѣщаетъ и Гнѣздиловку—имѣніе Можайскаго. Послѣ такого визита тонъ писемъ Можайскаго къ графинѣ мѣняется рѣшительно: «Милая Китти,—пишетъ онъ,—ради Бога позволь мнѣ пріѣхать въ Хрящи и представь меня тетушкѣ; а это ужасно—жить отъ тебя такъ близко и въ то же время такъ далеко. Будь спокойна, я буду вести себя примѣрно, не выдамъ ни себя, ни тебя». Немедленно послѣ этого письма въ архивѣ оказывается письмо отъ мужа графини, важнаго петербургскаго сановника. Государственный мужъ одобряетъ поѣздку жены.

«Очень радъ,—пишетъ онъ,—что первыя впечатлѣнія пріятны и что черносливъ понравился тетушкѣ. Я велѣлъ Смурову высылать ей каждую недѣлю по двѣ коробки. Какъ Генрихъ IV сказалъ: «Paris vaut bien une messe», такъ и я скажу: тетушкины Хрящи стоютъ нѣсколькихъ коробокъ чернослива. Положимъ, мы съ тобой имѣемъ довольно и своего, но сорокъ лишнихъ тысячъ дохода никогда не мѣшаютъ. А у нея, я думаю, не меньше». Сообщивъ затѣмъ всѣ новости, вродѣ того, что «въ городѣ опять заговорили объ обществѣ спасенія погибающихъ дѣвицъ» или, что «игра въ клубѣ идетъ хорошо», графъ Д. заканчиваетъ письмо словами: «съ такой женой, какъ ты, можно спокойно спать во всѣхъ отношеніяхъ». Графъ Д. вполнѣ спокоенъ, его удивляетъ нѣсколько, что жена засидѣлась въ Москвѣ, но «тамъ живутъ наши родственники»; встрѣча жены съ Можайскимъ его радуетъ: «какое счастье,—пишетъ онъ,—что ты встрѣтила на станціи этого Можайскаго, который досталъ тебѣ карету и лошадей»; въ постскриптумѣ графъ пишетъ: «если встрѣтишь Можайскаго, поблагодари его, отъ моего имени, за все, что онъ сдѣлалъ для тебя». Проживши нѣсколько времени въ Хрящахъ, въ пріятномъ сосѣдствѣ съ Можайскимъ, графиня выѣзжаетъ въ Петербургъ, призываемая письмами мужа и предсѣдательницы общества спасенія погибающихъ дѣвицъ, кн. Кривобокой, которая ожидаетъ видѣть графиню вице-предсѣдательницей этого общества. По дорогѣ, какъ мы узнаемъ изъ письма Можайскаго и депеши Кудряшина, графиня надолго останавливалась въ Москвѣ, гдѣ ее поджидалъ Кудряшинъ.

Мы познакомились съ графиней: это женщина холодно-развратная, она не увлекается своими любовниками, мѣняетъ ихъ какъ перчатки, держитъ сразу по нѣсколько, и всѣхъ ихъ и мужа морочитъ съ ловкостью, свидѣтельствующей о разсчетѣ, съ какимъ она пускается въ свои похожденія. Это женщина, которой далеко до средней падшей женщины; развратъ послѣдней—вынужденный нищетою, развратъ графини—развлеченіе, попытка заполнить чѣмъ-нибудь свою безконечно пустую жизнь. Графиня на-

столько мало увлекается своими любовниками, настолько чужда истиннаго чувства, что даже ревность въ ней не заговорила, когда она узнаетъ, что ея любовникъ женится; она даже совѣтуетъ ему сдѣлать этотъ шагъ, и потомъ съ поразительной ловкостью беретъ его же въ «секретари» общества, предсѣдательницей котораго состоитъ. Такова центральная женская фигура этой повѣсти; рядомъ съ ней, какъ контрастъ, мы встрѣчаемъ другую женскую же фигуру—пріятельницы гр. Марьи Ивановны Бояровой. Марья Ивановна честнѣе графини и потому несчастнѣе ея. Мужа своего, глупаго Ипполита Николаевича, товарища министра, мѣтящаго въ министры, она презираетъ и ненавидитъ. У нея одинъ любовникъ, кавалеристъ Костя Невѣровъ, его она любитъ горячо и искренно, но за что? Невѣровъ еще глупѣе Ипполита Николаевича; кромѣ того, онъ личность дрянненькая, единственное его достоинство громадный ростъ,—графъ зоветъ его въ письмахъ къ женѣ «каланчей». Хуже всего, что Марья Ивановна отлично сознаетъ, что ея герой глупъ: «Я нисколько не ослѣплена насчетъ Кости. Я знаю, что онъ не особенно уменъ, son éducation laisse à désirer, я знаю, что глупо такъ привязываться къ нему, но что же дѣлать «c'est plus fort que moi».. Марьѣ Ивановнѣ даже нравится глупость Кости: «мнѣ стыдно сознаться, что никогда я не люблю Костю такъ сильно, какъ въ то время, когда онъ говоритъ свои глупости». Но Костя мало того, что глупъ, онъ грубъ и ревнивъ, оскорбляетъ свою любовницу грубо, безсмысленно. Когда Марья Ивановна въ обществѣ провела вечеръ, преимущественно разговаривая съ графомъ Д., Костя сдѣлалъ ей цѣлую сцену ревности и заявилъ, что она «такая женщина, которая готова бросаться на шею всякому штатскому». И, несмотря на все это, Марья Ивановна глубоко страдаетъ, когда Костя охладѣваетъ къ ней, она подкупаетъ деньщика его слѣдить за нимъ, когда же Костя женится по разсчету на безобразной Наденькѣ Кривобокой, Марья Ивановна, совершенно убитая, больная уѣзжаетъ въ деревню, и тамъ съ ней начинается процессъ нравственнаго перерожденія; только тамъ она начинаетъ замѣчать ложь свѣтской жизни, только тамъ она начинаетъ понимать, что для того, чтобы жить человѣческой жизнью, надо подальше уйти отъ этого омута, только тамъ она вспоминаетъ, что у нея есть дѣти...

Таковъ «свѣтлый лучъ» въ «темномъ царствѣ», изображенномъ Апухтинымъ; во всякомъ другомъ обществѣ мерцаніе луча показалось бы весьма тусклымъ, но на томъ фонѣ, который составляетъ изображенное въ повѣсти общество, лучъ этотъ горитъ очень ярко. Мы познакомились уже съ одной изъ представительницъ этого общества гр. Д., не лучше и другія. Княгиня Кривобокая, предсѣдательница общества спасенія погибающихъ дѣвицъ, одна изъ интереснѣйшихъ фигуръ повѣсти. Это одна изъ тѣхъ политическихъ дамъ, съ которыми бесѣдуетъ кн. Мещерскій. Она очень интересуется положеніемъ Европы, она собирается вышить и послать въ Римъ папѣ туфли, не даетъ ей покоя также Бисмаркъ съ англичанами; она не ѣдетъ на балъ въ англійскомъ посольствѣ «изъ патріотизма», потому

что англичане «гдѣ могутъ, кладутъ палки въ наши колеса»; ей не нравится политическое положеніе Европы. «Хотя никакихъ особенныхъ извѣстій нѣтъ,—пишетъ она,—но я убѣждена, что Бисмаркъ опять что-то замышляетъ, что̀ именно, я еще не знаю, и это меня безпокоитъ». Не мало безпокоится она и изъ-за общества, которое одинъ изъ зятьевъ ея называетъ «обществомъ спасенія на нѣсколько часовъ отъ тещи», но въ сущности у нея только два интереса къ жизни: во-первыхъ, насолить своей пріятельницѣ Аннѣ Михайловнѣ; во-вторыхъ, выдать замужъ послѣднюю дочь, Наденьку. Послѣднее желаніе даже, быть можетъ, является причиной вражды къ Аннѣ Михайловнѣ, такъ какъ она отбила у Наденьки для своей дочери жениха. Этого жениха княгиня считаетъ дуракомъ, другихъ зятьевъ ненавидитъ, но все-таки сбыть дочь, во что бы то ни стало, считаетъ нужнымъ, и для этого она рѣшается на все, даже проситъ графиню Д. «дѣлать глухое ухо», если она услышитъ, что кто-нибудь собирается похитить Наденьку, чтобы съ нею обвѣнчаться. Наконецъ, ей удается выдать дочь за Костю Невѣрова, о романахъ и глупости котораго она отлично знаетъ, но ужъ больно ей хочется сбыть засидѣвшуюся въ дѣвицахъ дочь. Графиня Анна Михайловна хлопочетъ о томъ же, и довольно успѣшно, возбуждая даже зависть кн. Кривобокой. Разсказывая о своихъ неудачахъ съ Наденькой, кн. Кривобокая говоритъ: «Вотъ графиня Анна Михайловна это очень понимаетъ. Устроила она въ позапрошломъ году у себя живыя картины и поставила свою Катю изображать Орлеанскую дѣву. Поднимается занавѣсъ, и вижу я Катю почти что совсѣмъ раздѣтую. Ну, думаю себѣ, какая же это Орлеанская дѣва? Это, напротивъ того, прекрасная Елена! А Анна Михайловна при этомъ еще поясняетъ мнѣ: «Костюмъ Катинъ вполнѣ историческій, вы видите: и шлемъ, и латы лежатъ на землѣ, но только моя Катя избрала такой моментъ, когда Орлеанская дѣва хочетъ прилечь и отдохнуть». Вотъ и не удивительно, что послѣ этого ея Катя осталась недолго Орлеанской дѣвой, и въ тотъ же вечеръ за ужиномъ этотъ дурачокъ Ѳедя Вараксинъ, который до того ухаживалъ за Наденькой, сдѣлалъ предложеніе Катѣ. Что значитъ удачно выбрать моментъ. Графиня Анна Михайловна крайне чехвальна и чопорна: когда секретарь общества спасенія погибающихъ дѣвицъ Оптинъ назвалъ ее въ протоколѣ Анной Ѳедоровной, княгинѣ Кривобокой пришлось ѣхать къ ней извиняться; когда приглашеніе на малый балъ во дворцѣ нѣсколько запоздало, Анну Михайловну застали въ слезахъ; она страшно хлопочетъ, чтобъ ея зятя Вараксина сдѣлали камеръ-юнкеромъ, и впопыхахъ даже написала вмѣсто «камеръ-юнкеръ» «камеръ-пажъ», что̀ дало поводъ лицу, которому она сильно надоѣла своими просьбами, посовѣтывать ей обратиться въ пажескій корпусъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Анна Михайловна очень строга къ другимъ; когда пріѣхала въ Петербургъ нѣкая Нина Карская, бывшая героиней какой-то скандальной исторіи въ Парижѣ, и возмущенное этой исторіей свѣтское общество рѣшило не принимать ее, Анна Михайловна дольше всѣхъ крѣпилась; впрочемъ, блестящіе балы Нины Карской сломили и ея «pru-

derie» и она стала добиваться приглашенія на такой балъ черезъ знакомыхъ. Изъ молодыхъ женщинъ, кромѣ графини Д. и Марьи Ивановны Боярової, мы видимъ въ повѣсти двухъ молодыхъ дамъ: Нину Карскую и баронессу Визенъ. Баронесса Визенъ, эта «вѣстница Европы», какъ ее называетъ Ипполитъ Николаевичъ Бояровъ, вся ходячая сплетня и сплетня злостная, ядовитая; передать какую-нибудь сенсаціонную новость, посмотрѣть, какъ она поразитъ кого-нибудь изъ ея пріятельницъ, распустить объ этой пріятельницѣ какую-нибудь гадость—вотъ цѣль ея существованія. Нина Карская — героиня парижской авантюры, о характерѣ которой мы ничего не знаемъ, женщина ловкая, она прекрасно понимаетъ свѣтское общество и, вернувшись въ Петербургъ, безъ труда заставляетъ заискивать у себя тѣхъ, кто передъ этимъ не хотѣлъ ее принимать. Авантюра Нины была, повидимому, не изъ невинныхъ, такъ какъ на нее ополчилась даже М. И. Боярова.

«Угадай, — пишетъ она, — кто у меня былъ вчера? Нина Карская! Я думала, что послѣ ея парижскихъ скандаловъ она не посмѣетъ появиться въ обществѣ. Я, конечно, ее не приняла, надѣюсь, что и ты не примешь. Она пріѣхала въ Петербургъ такъ рано для того, чтобы отдѣлать совсѣмъ заново свой домъ. Она собирается много принимать зимой, но кто же къ ней поѣдетъ? Надо же, наконецъ, дѣлать различіе между развратными женщинами и... другими».

Судя по этимъ отзывамъ, можно думать, что Нина Карская была особа врядъ ли терпимая въ порядочномъ обществѣ, и если ей удалось, по выраженію ея пріятельницъ, «regrendre sa place dans le monde avec plus d'éclat que jamais», то причиной этому является не ея нравственное возрожденіе (тотчасъ же послѣ своей «тріумфальной» зимы она снова умчалась за границу неизвѣстно куда и зачѣмъ), не все прощающая снисходительность общества, а причины совсѣмъ другого свойства.

Та же Мери Боярова послѣ своего перерожденія даетъ прекрасное объясненіе этихъ причинъ:

«Когда я вошла,—пишетъ она,—меня поразилъ составъ общества; конечно, это произошло случайно. Насъ было семь или восемь женщинъ, изъ которыхъ у каждой была связь въ свѣтѣ, и каждая знала, что другія это знаютъ. Мужчины, бывшіе на вечерѣ, конечно, знали тоже; развѣ какой-нибудь иностранецъ изъ дипломатовъ могъ не знать, да и то врядъ ли. Дипломаты, посѣщающіе баронессу, знаютъ все. Ну, кажется, что бы ужъ тутъ гордиться? А между тѣмъ, какъ величаво мы кланялись и переходили съ мѣста на мѣсто, какой былъ высоко поднятый тонъ разговора, какъ строго мы судили о лицахъ нашего круга и съ какимъ высокомѣрнымъ презрѣніемъ относились ко всему остальному человѣчеству! Между прочимъ, рѣчь зашла объ этой бѣдной дѣвушкѣ... ну, знаешь, которая была лектрисой у графини Анны Михайловны и погибла изъ-за любви къ ея сыну... Боже мой, какіе громы негодованія посыпались на эту несчастную! И

странно, что больше всѣхъ негодовала и кричала Нина Карская, которую, три мѣсяца передъ тѣмъ, никто не хотѣлъ принимать въ Петербургѣ».

Эти слова вполнѣ объясняютъ характеръ негодованія, вызваннаго въ свѣтѣ поступкомъ Нины; негодованіе это было лживымъ, показнымъ, негодовавшіе не имѣли права негодовать, потому что болѣе всего кричали тѣ же Нины Карскія. Атмосфера порока насквозь пропитываетъ все это общество, Нины Карскія въ немъ на каждомъ шагу; даже благочестивыя старушки этого общества—это тѣ «черти», которыя подъ старость стали «отшельниками». Такова и мать Кости Невѣрова.

«Съ его матерью,—пишетъ княгиня Кривобокая,—я была знакома въ молодости, она и тогда уже начинала пошаливать; но когда она бросила свой чепецъ черезъ мельницу, я перестала ее видѣть. Теперь она женщина благочестивая и почтенная, преосвященный Никодимъ знаетъ ее хорошо»; даже у тетушки изъ Красныхъ Хрящей и у той, по отзыву графа Д., «было въ молодости похожденій не мало». Таковы женщины того слоя общества, который рисуетъ Апухтинъ и представителемъ котораго является; мужчины этого же круга столь же пошлы и безсодержательны; кромѣ того, нѣкоторые изъ нихъ жалки и комичны, вслѣдствіе полнаго противорѣчія между той общественной ролью, которую имъ выпало на долю играть, и полнымъ нравственнымъ убожествомъ; таковъ, напримѣръ, злополучный Ипполитъ Николаевичъ, который мѣтитъ въ министры, или графъ Д. Первое мѣсто среди мужчинъ занимаетъ Можайскій, къ которому, повидимому, лежатъ симпатіи автора, который наиболѣе является «героемъ». Можайскій—свѣтскій левъ, но человѣкъ не бездушный; онъ способенъ искренно увлечься, подлость онъ дѣлаетъ только послѣ извѣстной нравственной борьбы. Главный его недостатокъ, какъ и Павлика, что у него ни малѣйшаго намека на убѣжденія, идеалы, цѣль жизни; когда онъ говоритъ объ идеалахъ, становится ясно, что у него нѣтъ даже представленія о томъ, что такое идеалъ; это типичнѣйшій праздный человѣкъ, неспособный ни къ какому дѣлу, даже плохо понимающій, что можетъ быть дѣло. Можайскій, когда-то очень богатый человѣкъ, прожилъ свое состояніе и рѣшилъ его спасать, при помощи весьма простой комбинаціи: онъ заложилъ всѣ свои имѣнія нѣкому греку Сапунопуло. Спасеніе своеобразное, но вполнѣ въ духѣ праздныхъ людей бѣлой кости. Развѣ не видимъ мы тысячи ни къ чему не способныхъ господъ Можайскихъ въ роли неисправныхъ кліентовъ дворянскаго банка. Господа Можайскіе — это дѣти, они сами неспособны ничего рѣшительно сдѣлать, имъ нужна нянюшка, какъ Обломову нуженъ крѣпостной Захаръ; они созданы крѣпостнымъ бытомъ и внѣ его имъ нѣтъ спасенія, развѣ только пойти въ земскіе начальники. Можайскій дѣлается альфонсомъ, хотя и «легализированнымъ», женясь на дочкѣ своего кредитора Сапунопуло. Женится онъ съ отвращеніемъ, невѣста ему противна, онъ называетъ ее «грецкимъ орѣхомъ», «ходячей желтой лихорадкой», но тѣмъ не менѣе онъ даже не дѣлаетъ попытки устроить свои дѣла иначе, онъ чуетъ свою безпомощность къ какому бы то ни было труду, занятію, онъ сдается сразу

греку, желающему завести знатную родню, потому что безъ денегъ онъ нуль, хуже нуля,—отрицательная величина,—ненасытная утроба, не умѣющая добыть ничего; но тутъ же онъ толкуетъ объ идеалахъ; какой жалкой ироніей звучитъ это слово въ устахъ человѣка, подобнаго Можайскому! Пославъ графинѣ Д. извѣстіе о своей свадьбѣ отъ своего имени и отъ имени жены, онъ приписываетъ:

«Я разрываю конвертъ, чтобы исправить редакцію моего извѣщенія. Надо читать такъ: Александръ Васильевичъ Можайскій съ душевнымъ прискорбіемъ извѣщаетъ о кончинѣ всѣхъ своихъ дорогихъ и завѣтныхъ идеаловъ, послѣдовавшей 10 октября въ городѣ Одессѣ послѣ продолжительной и тяжкой борьбы».

Идеалъ Можайскаго—быть любовникомъ гр. Д. (какіе же иные «идеалы» погибли съ женитьбой?); не мудрено поэтому, что Можайскій, оказавшись по пріѣздѣ въ Петербургъ «секретаремъ» графини и получивши возможность проводить пріятные часы на интимныхъ засѣданіяхъ «общества спасенія погибающихъ дѣвицъ» на Васильевскомъ Островѣ, куда не проникаютъ даже «всевидящія очи баронессы Визенъ», сталъ чувствовать себя вполнѣ удовлетвореннымъ и заботился лишь о томъ, чтобы найти какого-нибудь «египтолога», который сталъ бы разбирать съ его женой іероглифы.

Другой любовникъ графини, Кудряшинъ—кутила и забулдыга, онъ живетъ цыганами, кутежами и любовными авантюрами, пишетъ онъ телеграммами, письмо написать ему, очевидно, лѣнь да и трудно. Это совсѣмъ ужъ старинный типъ, такіе люди въ 20—30-хъ годахъ служили въ гусарахъ, дрались на дуэляхъ, бывали за панибрата и съ людьми серьезными, потомъ они исчезли въ другихъ слояхъ общества, сохранясь только «въ свѣтѣ», этой соціологической Австраліи, гдѣ вся жизнь носитъ черты весьма отдаленной формаціи. Третій изъ «героевъ»—Костя Невѣровъ, тотъ самый, изъ-за котораго изнываетъ Марья Ивановна Боярова, совершенная тупица, единственное достоинство котораго—геркулесовское сложеніе. Костя не просто дуракъ, онъ дуракъ съ направленіемъ, онъ стремится «согнуть въ бараній рогъ» всѣхъ и каждаго, даже мужа своей любовницы, товарища министра Ип. Ник. Боярова, который ему кажется слишкомъ либеральнымъ. Ип. Ник. тоже глупъ, хотя и умнѣе Кости; это типичный изсушенный бюрократъ у котораго всѣ чувства вывѣтрились, кромѣ одного непомѣрнаго чиновничьяго самолюбія, единственная цѣль его жизни—быть министромъ, для этого тащитъ онъ свою жену снова въ омутъ петербургской жизни, изъ котораго она ушла измученной и изломанной; худшая обида для него это сказать, что «человѣка съ такой кислой физіономіей никогда не сдѣлаютъ министромъ». Онъ постоянно говоритъ, что уйдетъ въ частную жизнь, но ни за что этого не сдѣлаетъ, потому что какъ Можайскій безъ денегъ, такъ онъ безъ своего служебнаго положенія прямо теряетъ смыслъ своего существованія, онъ слишкомъ ничтоженъ, слишкомъ пустъ, и уйди онъ въ частную жизнь, его убожество обнаружится со всей своей очевидностью. Графъ Д. любопытный образчикъ свѣтскаго джентльмена съ совсѣмъ не

джентльменской душой; онъ безукоризненъ до того момента, пока не оказывается обманутымъ въ своихъ ожиданіяхъ наслѣдства, тутъ его жадная, мелкая душонка сказывается съ неожиданной яркостью; въ Красныхъ Хрящахъ, когда онъ пріѣхалъ на похороны тетушки, видъ присланной изъ Петербурга коробки чернослива, одной изъ тѣхъ, при помощи которыхъ онъ разсчитывалъ получить ускользнувшее наслѣдство, его выводитъ изъ себя, и онъ, совершенно изнѣнивъ тонъ, начинаетъ вспоминать былые грѣхи только что умершей тетушки. Таковы представители «бѣлой кости» въ повѣсти Апухтина, но въ ней есть еще одно лицо, безусловно принадлежащее къ праздному человѣчеству, но не принадлежащее къ «бѣлой кости». Это лицо—Софья Сапунопуло, потомъ Можайская. Она по рожденію принадлежитъ къ богатой буржуазіи.

Буржуазія составляетъ часть празднаго человѣчества, но часть болѣе новую; она стремится слиться и сливается съ бѣлой костью, но слилась еще не вполнѣ. Было время, когда буржуазія въ нашей литературѣ идеализировалась. Костанжогло, Штольцы, Адуевы—все это интеллигентные буржуа, создававшіе себѣ состоянія. Противопоставляя ихъ представителямъ бѣлой кости—обломовцамъ съ одной стороны, нашимъ природнымъ некультурнымъ буржуа—Титъ Титычамъ, съ другой, совершенно естественно впасть въ идеализацію этого, тогда еще только что нарождавшагося на Руси, типа. Интеллигентный буржуа, несомнѣнно, выше и Тита Титыча, и обломовца, уже потому, что онъ сила, что онъ работаетъ, что у него есть воля и знаніе. Но если всмотрѣться въ него поближе, то легко убѣдиться, что онъ настолько же выше представителя бѣлой кости, насколько мелкій департаментскій чиновникъ, безъ устали строчащій ненужныя бумаги, выше своего начальника, эти бумаги только подписывающаго. Буржуа работаетъ, чтобы составить состояніе и стать «празднымъ человѣкомъ»; «бѣлая кость»—его идеалъ, онъ тянется къ ней, онъ готовъ унижаться, холопствовать, идти на всякія жертвы, на всякія сдѣлки съ совѣстью. Но даже если буржуа еще не на высотѣ, если онъ долженъ работать, если онъ еще не смѣетъ мечтать о пріобщеніи себя или своихъ дѣтей къ бѣлой кости, онъ стремится подражать ей, копировать ея бытъ, привычки, костюмъ, образъ жизни. Это копированіе бѣлой кости—истинное проклятіе, тяготѣющее надъ интеллигентнымъ буржуа. Для того, чтобъ окружить себя обстановкой, которая бы напомнила обстановку «бѣлой кости», онъ будетъ работать дни и ночи, надрывать свои силы. Но въ то же время въ душѣ онъ «праздный человѣкъ», трудъ для него не потребность, не долгъ, а средство походить на типичнаго представителя праздцаго человѣчества.

Одесскій грекъ Сократъ Сапунопуло типичный буржуа, онъ еще работаетъ, но уже достигъ предѣльной точки, когда буржуа считаетъ возможнымъ почить на лаврахъ; теперь ему остается только вступить въ ряды «бѣлой кости» если не самому, то хоть въ лицѣ своего потомства, и онъ выдаетъ свою дочь за промотавшагося барича камергера Можайскаго, которому нужно поправить свои дѣла. Софья Сапунопуло много выше пред-

ставительницъ бѣлой кости, она гораздо умнѣе ихъ, у нея есть, хотя вѣроятно не глубокое, но все-таки есть, уваженіе къ наукѣ и искусству, она способна интересоваться не только сплетнями баронессы Визенъ, но и египетскими древностями, и Эсхилломъ. Но при всемъ томъ она становится женой хлыща Можайскаго, заискиваетъ у его любовницы, чтобы проникнуть въ салоны петербургскихъ львицъ, настолько сильно для буржуазіи обаяніе мишуры, окружающей бѣлую кость. Это явленіе чрезвычайно любопытное, и притомъ не только русское, даже не столько русское, сколько общеевропейское. Буржуазія, бывшая передовымъ классомъ, пока была классомъ рабочимъ, вездѣ проявляетъ склонность сливаться съ празднымъ человѣчествомъ и превращаться въ таковое; вмѣстѣ съ тѣмъ въ среду буржуазіи все сильнѣе и сильнѣе проникаетъ разложеніе, а съ нею разлагаются и созданныя ею формы жизни, деградируетъ аристократическо - буржуазная культура. Но вернемся къ нашей повѣсти. Мы познакомились со свѣтскимъ обществомъ, изображеннымъ «pas lui même». Послѣ такого знакомства для насъ понятнѣе станетъ и личность главнаго героя Апухтина—Павлика Дольскаго. Какъ Павликъ, обмельчавшій преемникъ Онѣгина, такъ и общество являющееся передъ нами въ «Архивѣ графини Д.» обмельчавшіе преемники той русской аристократіи, среди которой красовалась когда-то величавая личность Чаадаева. Во времена Пушкина и Чаадаева свѣтское русское общество, будучи частью празднаго человѣчества, было въ то же время носителемъ культурныхъ началъ; мало того, міровыя задачи, стоявшія тогда передъ человѣчествомъ, не противорѣчили существованію празднаго человѣчества. Съ тѣхъ поръ, во-первыхъ, упалъ уровень культурности русскаго свѣтскаго общества; во - вторыхъ, прежній общественный строй Россіи, основанный на крѣпостномъ правѣ, замѣнился новымъ, въ которомъ гораздо большую роль стала играть денежная буржуазія; наконецъ, передъ европейскимъ человѣчествомъ открылись новыя задачи, при которыхъ праздное человѣчество, безразлично, принадлежитъ ли оно къ «бѣлой кости», или же къ «чумазой» буржуазіи, въ силу положенія вещей, оказалось элементомъ консервативнымъ, тормозящимъ прогрессивное развитіе новыхъ началъ.

Носительницей прогрессивныхъ идей оказалась небольшая горсть идейной интеллигенціи, тогда какъ громадное большинство, со свѣтскимъ обществомъ во главѣ, оказалось чуждымъ и даже враждебнымъ задачамъ эпохи. Результатомъ этого явился, во-первыхъ, упадокъ идейной производительности,—упадокъ естественный и неизбѣжный, такъ какъ контингентъ идейной интеллигенціи былъ доведенъ до минимума, состоящаго къ тому же изъ разрозненныхъ единицъ, теряющихся, подавленныхъ враждебными элементами; съ другой стороны—упадокъ культурнаго духа и общая деградація остальной части интеллигенціи. Но, утративши свою прежнюю культурную роль, аристократически-буржуазное человѣчество теряетъ свои права на существованіе. Атмосфера, которой дышитъ это общество, становится все болѣе и болѣе удушливой, безнадежный пессимизмъ, попытки вырваться изъ-подъ гнета его, направленныя, вслѣдствіе враждебности съ запросами

жизни, въ область экзотическаго и извращеннаго,—вотъ естественныя послѣдствія культурно-историческаго кризиса, переживаемаго нашимъ обществомъ. Жить въ такія эпохи, и въ такой средѣ, трудно; время и среда налагаютъ отпечатокъ на личную жизнь человѣка, тѣмъ болѣе на жизнь поэта, организація котораго всегда отличается особенной чуткостью; не мудрено, что жизнь Апухтина не была такимъ сплошнымъ праздникомъ, какимъ можно было бы счесть ее, познакомившись съ внѣшней біографіей поэта, и что въ его лирикѣ преобладали грустныя, безнадежныя ноты.

Мы уже видѣли, что въ юношескій періодъ своей поэтической дѣятельности Апухтинъ являлся съ ясно выраженными чертами «празднаго человѣка». Мы видѣли также, что уже въ юношескомъ періодѣ Апухтинъ не былъ свободенъ отъ общей всѣмъ поэтамъ празднаго человѣчества черты—преувеличенія значенія любви, стремленія его заполнить свою пустую жизнь. Общество, среди котораго пришлось жить Апухтину, не могло дать никакого противовѣса этимъ чертамъ и они могли только развиться и окрѣпнуть. Дѣйствительно, любовь является преобладающимъ элементомъ въ лирикѣ Апухтина до самаго конца его жизни. Въ любви онъ искалъ счастья и наслажденья, но, какъ всегда бываетъ, находилъ больше горя и мукъ, такъ какъ любовь сама по себѣ не можетъ дать счастья, хотя, быть можетъ, является однимъ изъ важнѣйшихъ условій послѣдняго. Любовныя драмы, которыя переживалъ поэтъ, отразились въ одномъ изъ любопытнѣйшихъ произведеній его: «Годъ въ монастырѣ». Если общество, изображенное въ повѣстяхъ Апухтина, представляетъ благопріятную почву для «упадочничества», если настроеніе Павлика Дольскаго порой напоминаетъ бальмонтовскую «Ночь», то герой «Года въ монастырѣ» уже стоитъ на порогѣ упадочничества. Это—свѣтскій человѣкъ, «бѣжавшій» въ монастырь. Онъ пишетъ:

„О, наконецъ, изъ вражескаго стана
Я убѣжалъ, израненный боецъ!...
Изъ міра лжи, измѣны и обмана
Полуживой я спасся, наконецъ!
Въ моей душѣ ни злобы нѣтъ, ни мщенья,
На подвиги и жертвы я готовъ.
Обитель мира, смерти и забвенья,
Прими меня подъ твой смиренный кровъ!“

Герой повѣсти именно «бѣжитъ» въ монастырь, его влечетъ туда не сила убѣжденій, ему просто надоѣла свѣтская жизнь, ему нужно куда-нибудь уйти и онъ уходитъ въ монастырь. Почему именно въ монастырь, намъ объяснятъ слѣдующія его слова:

„Итакъ, свершилось, я монахъ!
И въ первый разъ, въ своей одеждѣ новой
Ко всенощной пошелъ. *Въ ребяческихъ мечтахъ*
Мнѣ такъ плѣнительно звучало это слово
И раемъ монастырь казался мнѣ тогда.
Потомъ я въ омутъ жизни окунулся

И вѣру потерялъ... Но вотъ прошли года,
И къ дѣтскимъ грёзамъ снова я вернулся".

Бѣгство въ монастырь для нашего героя—бѣгство отъ дѣйствительности въ область «грёзъ». Это — характернѣйшій признакъ декадентствующаго празднаго человѣка, у него нѣтъ «дѣла, которое было бы святынеи», ему скучно и онъ уходитъ отъ дѣйствительности, куда его ведетъ фантазія (Ростана, въ «Принцессѣ Грёзѣ», г. Бальмонта,—на башню «ловить уходящія тѣни погасавшаго дня», нашего героя — въ монастырь). Насколько мало серьезности, силы убѣжденія въ его монашескомъ фарсѣ, можетъ показать все его поведеніе въ монастырѣ, все его отношеніе къ послѣднему. Религіозности, которая оправдывала бы поступленіе въ монастырь, у нашего героя нѣтъ. Онъ пишетъ въ дневникѣ:

„Невѣріе мое меня томитъ и мучитъ.
Я слѣпо вѣрить не могу.
Пусть разумъ—вѣры врагъ и насъ лукаво учитъ,
Но нехотя внимаю я врагу.
Увы, заблудшая овца я въ Божьемъ стадѣ...
Нашъ ризничій, извѣстный Варлаамъ,
Читалъ сегодня проповѣдь объ адѣ.
Подробно, радостно, какъ будто видѣлъ самъ,
Описывалъ, что дѣлается тамъ:
И стоны грѣшниковъ, молящихъ о пощадѣ,
И совѣсти, и глазъ, и рукъ, и ногъ
Разнообразныя страданья.
Я заглушить въ душѣ не могъ негодованья.
Ужели правосудный Богъ
За краткій мигъ грѣхопаденья
Насъ мукой вѣчною казнитъ?
И вечеромъ побрелъ я въ скитъ,
Чтобъ эти мысли и сомнѣнья
Повѣдать старцу. Старецъ Михаилъ
Отчасти только мнѣ сомнѣнья разрѣшилъ.
Онъ мнѣ сказалъ, что, вѣрно, съ колыбели
Во мнѣ все мысли грѣшныя живутъ,
Что я смердящій песъ и дьявольскій сосудъ...
Да, помыслы мои успѣха не имѣли!"

Это тотъ же Павликъ Дольскій; человѣкъ вѣрующій, но недостаточно вѣрующій, прочитавшій матеріалистовъ, но не увѣровавшій въ нихъ,—другими словами, безпомощный человѣкъ съ хаосомъ въ головѣ.

Игра «въ монахи» заставляетъ его обманывать самого себя, прикидываясь если не вѣрующимъ, то желающимъ вѣрить; въ сущности же онъ относится къ своему учителю,—кстати сказать, «столпу обители»,—съ нѣкоторою скрытою ироніей; эта ирония звучитъ и въ приведенномъ отрывкѣ. Еще яснѣе она въ слѣдующихъ словахъ:

„Потомъ (Михаилъ) повелъ меня въ *подполье*
И показалъ мнѣ гробъ, въ которомъ тридцать лѣтъ
Спитъ, какъ мертвецъ, онъ, саваномъ одѣтъ,

Готовясь къ жизни безконечной...
Я съ умиленіемъ и горестью сердечной
Смотрѣлъ на этотъ одръ унынья и борьбы.
Но старецъ спитъ въ немъ только лѣтомъ.
Теперь въ гробу суровомъ этомъ
Хранятся овощи, картофель и грибы".

Бѣглеца открыли, братъ пишетъ ему письмо, убѣждая прекратить эту «эскападу», сообщаетъ, что онъ сталъ посмѣшищемъ свѣта; бѣглеца это не трогаетъ:

„Теперь, когда съ людьми всѣ связи порваны,
Какъ сами мнѣ они и жалки и смѣшны.
Мнѣ дѣла нѣтъ до мнѣнья свѣта",

восклицаетъ онъ съ высокомѣріемъ, которое вообще въ духѣ упадочниковъ, но тутъ же онъ дѣлаетъ оговорку:

„Но мнѣніе одно хотѣлъ бы я узнать...
Что говоритъ *она?* Впервые слово это
Я заношу въ завѣтную тетрадь...
Ее не назвалъ я... но что-то
Кольнуло сердце, какъ ножомъ.
Ужель ничѣмъ, ничѣмъ: ни трудною работой,
Ни долгою молитвой, ни постомъ
Изъ сердца вырвать не придется
Воспоминаній роковыхъ?
Оно, какъ прежде, ими бьется,
Они и въ снахъ, и въ помыслахъ моихъ.
Смѣшно же лгать передъ самимъ собою...
Но этихъ помысловъ я старцу не открою".

Между тѣмъ эти помыслы не покидаютъ нашего героя, «каноны», слова молитвы постоянно чередуются съ помыслами о «ней»; въ одинъ изъ дней онъ вспоминаетъ въ своемъ дневникѣ исторію любви къ «ней»; изъ воспоминаній ясно, что если у него было божество, то не то, которому онъ хотѣлъ теперь молиться, а «она».

„Въ угоду ей, я сталъ рабомъ,
Я поборолъ въ себѣ и ревность, и желанья;
Безропотно сносилъ, когда съ моимъ врагомъ
Она спѣшила на свиданье.
Но этимъ я не могъ ее смягчить...
Съ какимъ разсчитаннымъ стараньемъ
Умѣла мнѣ она всю душу истомить
То жесткимъ словомъ, то молчаньемъ!
И часто я хотѣлъ ей въ сердце заглянуть;
Въ недоумѣньи молчаливомъ
Смотрѣлъ я на нее, надѣясь что-нибудь
Прочесть въ лицѣ ея красивомъ.
Но я не узнавалъ въ безжалостныхъ чертахъ
Черты, что были мнѣ такъ дороги и милы.
Онѣ въ меня вселяли только страхъ...

Два года я терпѣлъ и мучился въ цѣпяхъ,
Но наконецъ терпѣть не стало силы...
Я убѣжалъ...“

Можно ли представить рабство болѣе тяжелое и позорное, чѣмъ это? А между тѣмъ «праздный человѣкъ» беззащитенъ въ подобныхъ случаяхъ, не имѣя никакихъ нравственныхъ устоевъ, не имѣя въ душѣ святыни, онъ по-неволѣ ставитъ все свое существованіе на карту единственнаго сильнаго чувства, доступнаго ему,—любви къ женщинѣ, и становится рабомъ этого чувства. Женщина, сумѣвшая овладѣть имъ, становится его божествомъ, и онъ, «не могущій заглушить въ душѣ негодованія» при мысли, что «правосудный Богъ, за краткій мигъ грѣхопаденья, насъ мукой вѣчною казнитъ», онъ спокойно переноситъ муки отъ своего божества, часто ничтожнаго, какъ тѣ женщины свѣта, съ которыми мы познакомились въ повѣсти «Архивъ графини Д***». Въ подобномъ положеніи оказался и герой нашей повѣсти: женщина, игравшая имъ, овладѣла его душой настолько, что освободиться отъ ея власти онъ не въ силахъ; напрасно онъ живетъ въ монастырѣ, напрасно поетъ каноны, — истиннымъ божествомъ его является только «она». Онъ уже наканунѣ постриженія, какъ вдругъ онъ получаетъ записку отъ «нея» и моментально бросаетъ все—и монастырь, и свое намѣреніе поступить въ монахи, и спѣшитъ снова стать ея рабомъ... Какъ бы для контраста съ декадентствующимъ праздным человѣкомъ, вздумавшимъ подъ вліяніемъ неудачной любви поиграть въ монахи, въ той же повѣсти изображенъ идеалистъ изъ народа, человѣкъ, для котораго религія — дѣйствительно «религія», «святыня сердца», какъ говорилъ Добролюбовъ.

Этотъ человѣкъ — молодой послушникъ Кириллъ. Единственный сынъ богатаго сибирскаго купца, онъ пришелъ въ монастырь, потому что «вѣрой пламенной душа его горѣла» и въ монастырѣ онъ «всѣ привлекъ сердца своею кротостью и вѣрой безъ предѣла». Отецъ и мать разыскали Кирилла. Вотъ какъ рисуетъ поэтъ драматическую сцену встрѣчи молодого послушника съ родными:

Вся братія стояла у собора,
Кириллъ молчалъ, не поднимая взора.
Отецъ, осанистый, сѣдой какъ лунь старикъ,
Степенно началъ рѣчь, но столькихъ впечатлѣній
Не вынесла душа: онъ головой поникъ
И сталъ предъ сыномъ на колѣни.
Онъ заклиналъ его Христомъ
Вернуться снова въ отчій домъ,
Онъ говорилъ, какъ жизнь ему постыла.
На что богатства мнѣ? Кому ихъ передать?
Кирюша, воротись! Возьметъ меня могила,—
Опять придешь сюда: тебѣ недолго ждать!
Игуменъ отвѣчалъ краснорѣчиво, ясно,
Что это благодать, а не напасть,
Что горевать отцу напрасно,

Что сынъ его избралъ благую часть,
Что онъ грѣхи отцовскіе замолитъ,
Что тяжело идти отъ свѣта въ тьму,
Что, впрочемъ, онъ его остаться не неволитъ:
Пускай рѣшаетъ самъ по сердцу своему!
А мать молчала. Робкими глазами
Смотрѣла то на сына, то на храмъ,
И зарыдала вдругъ, припавъ къ его ногамъ,
И таялъ бѣлый снѣгъ подъ жгучими слезами.
Кириллъ блѣднѣлъ, блѣднѣлъ; въ душѣ его опять,
Казалось, переломъ какой-то совершался;
Не выдержалъ онъ: обнявъ отца и мать,
Заплакалъ горько, но... остался".

Какъ не похожъ этотъ цѣльный энтузіастъ на декадентствующаго барича, прикидывающагося религіознымъ. У одного—сильная вѣра, охватывающая все его существо, твердые принципы; у другого—не вѣра и не невѣріе, каноны и иронія надъ аскетизмомъ старца, послушничество и обожаніе только своей чувственной страсти. Этотъ контрастъ чрезвычайно любопытенъ; тотъ же контрастъ мы встрѣтимъ всегда, когда придется наблюдать стремленіе упадочниковъ имитировать старое или далекое: прерафаэлиты и средневѣковый художникъ, Ростанъ и провансалецъ, такіе же контрасты, какъ Кирюша и герой «Года въ монастырѣ». Смутное чувство, смутное настроеніе, смутное отношеніе къ принципамъ—вотъ характерныя черты упадка, совершенно чуждыя тому, что упадокъ имитируетъ.

«Годъ въ монастырѣ» самъ по себѣ вещь не упадочническая, настроеніе автора ясно, онъ рисуетъ намъ типъ, хотя и родственный себѣ, вполнѣ объективно, но настроеніе героя, его личность, почти вполнѣ принадлежатъ упадку. Это — человѣкъ безъ принциповъ, безъ нравственныхъ устоевъ, замкнувшійся въ культъ своего личнаго чувства и, потерпѣвъ въ немъ крушеніе, онъ стремится «за предѣлы» обычной жизни, въ монастырь. Разница между этимъ упадочникомъ и его позднѣйшими собратьями та, что онъ все же ближе къ реальности, онъ ищетъ спасенія въ монастырѣ, а не «въ безбрежности», «между ночью и днемъ»; вслѣдствіе этого онъ убѣждается въ тщетности своего стремленія «за предѣлы» и снова возвращается въ прежній кругъ общества; онъ еще не научился «ловить уходящія тѣни погасавшаго дня», но сильный кандидатъ на это.

Въ «Годѣ въ монастырѣ», какъ въ фокусѣ, сосредоточены основные мотивы поэзіи Апухтина: рабская любовь къ женщинѣ, глубокое, мучительное недовольство жизнью, вызванное, главнымъ образомъ, тѣми страданіями, которыя эта любовь причиняетъ, и безсильные порывы къ религіи. Въ лирикѣ Апухтина вы видите всегда человѣка, у котораго одно божество — женщина, не любящая, кроткая, а капризная, холодная, издѣвающаяся и мучающая. Жизнь томитъ этого человѣка, отъ ея томленія онъ стремится по временамъ уйти въ область религіи и мистицизма, но тщетно, въ немъ нѣтъ ни капли энтузіазма, вѣры, его религіозное чувство дека-

дентскаго характера—это стремленіе «за предѣлы» реальнаго, въ область дѣтскихъ грёзъ.

Любовь и ея власть надъ праздпымъ человѣкомъ поэтично изображена Апухтинымъ въ сказкѣ «Ледяная дѣва». Эта сказка — діалогъ матери съ умирающимъ сыномъ. Вотъ разсказъ сына о встрѣчѣ его съ «ледяной дѣвой»:

„Матушка, слушай, недолго мнѣ жить,
Душу хочу предъ тобою открыть,
Помнишь, ты слышала прошлой зимой,
Какъ заблудился я въ чащѣ лѣсной?
Долго я шелъ, утихала метель,
Вижу—поляна, знакомая ель.
Юная дѣва подъ елью стоитъ,
Манитъ рукою и словно дрожитъ.
„Юноша,—шепчетъ она,—подойди,
Душу согрѣй у меня на груди...“
Я обомлѣлъ предъ ея красотой,
Я красоты и не видѣлъ такой:
Стройная, свѣтлая, ласковый взглядъ,
Очи куда-то глубоко глядятъ,
Бѣлыя розы пушистой волной
Падаютъ, ярко блестя подъ луной...
Дрогнуло сердце, почуя любовь,
Страстью невѣдомой вспыхнула кровь;
Все позабылъ я въ тотъ мигъ роковой,
Даже не вспомнилъ молитвы святой.
Цѣлую зиму, лишь ночь посвѣтлѣй,
Я приходилъ на свиданіе къ ней,
И до утра, пока мѣсяцъ сіялъ,
Блѣдныя руки ея цѣловалъ.
Разъ, въ упоеніи, полный огня,
Я говорю ей: „ты любишь меня?“
„Нѣтъ,—говоритъ,—я правдива, не лгу,
Я полюбить не хочу, не могу;
Тщетной надеждой себя не губи,
Но, если хочешь, меня полюби“.

Весной ледяная дѣва исчезла, юноша сталъ чахнуть и хирѣть. По мѣрѣ приближенія осени въ немъ все сильнѣе и сильнѣе стала надежда увидѣть снова ледяную дѣву; и, наконецъ, онъ увидѣлъ ее. Онъ разсказалъ ей, какъ томился, какъ жизнь его только ею полна.

„Но равнодушно смотрѣла она.
Что мнѣ въ твоихъ безразсудныхъ мечтахъ,
Въ томъ, что ты блѣденъ, и желтъ, и зачахъ?
Жалкій безумецъ!—Со смертью въ крови
Все еще ждешь ты какой-то любви“.
„Ну,—говорю я съ рыданіемъ ей,—
Ну, не люби, да хотя пожалѣй!“
„Нѣтъ,—говоритъ,—я правдива, не лгу,
Я ни любить, ни жалѣть не могу“.

Такой оказывается любовь для тѣхъ, для кого она является единственнымъ божествомъ, единственной святыней, для нихъ любовь безжалостна, какъ ледяная дѣва, которая ведетъ «въ море отчаянья, въ темную бездну мученья». Между тѣмъ только одна любовь составляетъ содержаніе душевной жизни поэта того круга, къ которому принадлежалъ Апухтинъ, только любовь волнуетъ его, заставляетъ трепетать его сердце. Исключите изъ жизни любовь—и она пуста, вотъ мысль, которая проходитъ красной нитью черезъ всю поэзію Апухтина:

„Проложенъ жизни путь безплодными степями
И глушь, и мракъ... ни хаты, ни куста...
Спитъ сердце; скованы цѣпями
И разумъ, и уста,
И даль предъ нами
Пуста...
И вдругъ покажется не такъ тяжка дорога,
Захочется и пѣть, и мыслить вновь,
На небѣ звѣздъ горитъ такъ много,
Такъ бурно льется кровь...
Мечты, тревога,
Любовь!
О, гдѣ же тѣ мечты? Гдѣ радости, печали,
Свѣтившія намъ ярко столько лѣтъ?
Отъ ихъ огней въ туманной дали
Чуть виденъ слабый свѣтъ...
И тѣ пропали...
Ихъ нѣтъ“.

Сквозь этотъ неясный лепетъ, и по формѣ приближающійся къ декадентству, звучатъ опредѣленныя слова: «весь смыслъ жизни любовь, безъ нея жизнь пуста и тягостна, только любовь волнуетъ насъ, только она даетъ тревоги и мечты».

Любви въ поэзіи Апухтина «всѣ возрасты покорны». Какъ Павликъ Дольскій на старости лѣтъ задумалъ «осмыслить свою жизнь» любовью къ молоденькой дѣвочкѣ, такъ герои стихотворенія «Съ курьерскимъ поѣздомъ», пожилые люди, когда-то давно, давно любившіе другъ друга, въ ожиданіи встрѣчи, мечтаютъ о возстановленіи этой любви, и когда увидѣли другъ друга, когда разглядѣли на лицахъ морщины и въ волосахъ сѣдину, только тогда они съ грустью поняли, что

„Они поблекшіе и поздніе цвѣты—
Не возродятся вновь для солнца и для счастья!“

Любовь съ ея муками, съ порождаемымъ ею недовольствомъ жизнью рѣшительно доминирующій мотивъ въ поэзіи Апухтина, но съ нимъ переплетается другой, совсѣмъ несходный мотивъ—религіозность. Религіозность Апухтина рефлексивная, искренности, силы въ ней нѣтъ, онъ, какъ неудачный монахъ въ «Годѣ въ монастырѣ», хочетъ заставить себя быть религіознымъ, но изъ этого ничего не выходитъ, такъ какъ божество его совсѣмъ иного сорта. Религіозныя стихотворенія Апухтина не изъ лучшихъ,

они блѣдны и вялы, если въ нихъ и встрѣчаются хорошія мѣста, то они вызваны не религіознымъ чувствомъ (такъ, наприм., отрывокъ изъ «Реквіемъ»). Ихъ нельзя сравнить съ религіозными стихотвореніями хотя бы Лермонтова, религіозность котораго была перемежающейся, непостоянной. Ничего похожаго съ Лермонтовскимъ «Я Матерь Божія» или «Въ минуту жизни трудную», мы здѣсь не найдемъ. Если Лермонтовъ, искавшій правды, мятежный поэтъ, дѣйствительно иногда видѣлъ ее въ религіи, то Апухтинъ правды не ищетъ, онъ живетъ для наслажденій, его религіозность не исканіе правды, а исканіе ощущенія, которое когда-то было пріятно. Это тоже любопытная черта роднящая Апухтина съ декадентами. Религіозное чувство упадочниковъ носитъ въ себѣ кое-что декоративное, порой даже нѣчто чувственное; это погоня за обстановкой и ощущеніями. Надо думать, что это то же чувство, которое влекло римлянъ временъ упадка къ разнымъ варварскимъ культамъ Востока. У Апухтина смѣшеніе религіозныхъ мотивовъ съ эротическими не приняло такого явно скандализирующаго характера, какъ у нѣкоторыхъ изъ французскихъ декадентовъ, но чередованіе «Ночей безумныхъ» и «Геѳсиманскаго сада», «Реквіема» и и «Chanson à Ioire» производитъ довольно странное впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что нашъ поэтъ далеко не былъ однимъ изъ тѣхъ поэтовъ, къ которымъ примѣнимо было бы пушкинское сравненіе съ эхомъ, а отзывался только на то, что находило созвучье въ его сердцѣ.

Какъ герой «Года въ монастырѣ» не нашелъ покоя въ монастырской кельѣ, такъ нашъ поэтъ не могъ найти хотя бы временнаго успокоенія въ своемъ своеобразномъ религіозномъ чувствѣ. Жизнь была для этого баловня судьбы тяжелымъ бременемъ, онъ прожигалъ ее, онъ искалъ счастья въ любви, пытался прикинуться религіознымъ, но всегда встрѣчалъ только муки и разочарованіе. Между тѣмъ его даровитая натура предъявляла къ жизни большіе запросы; не получая удовлетворенія ихъ, онъ страдалъ глубоко и истинно. Однимъ изъ лучшихъ памятниковъ этихъ страданій осталось великолѣпное, чуть ли не единственное въ своемъ родѣ стихотвореніе «Изъ бумагъ прокурора». Это стихотвореніе является въ то же время суровымъ приговоромъ надъ «празднымъ человѣчествомъ».

«Праздный человѣкъ», наскучивъ своей пустой жизнью, безъ цѣли, безъ дѣла, безъ «сердечной святыни», измученный погоней за наслажденіемъ и любовью, рѣшается покончить съ собою. Онъ совершенно одинокъ, у него нѣтъ ни близкихъ, ни друзей, его ничто не привязываетъ къ жизни, умирая, ему нечего и не о чемъ сказать. Но онъ человѣкъ; умереть молча, уйти изъ міра такъ, чтобы никто не зналъ, почему онъ ушелъ, для него слишкомъ трудно и онъ рѣшаетси написать предсмертное письмо знакомому прокурору, занимающемуся вопросомъ о самоубійствѣ. Этотъ человѣкъ опять-таки нѣсколько напоминаетъ Павлика: во-первыхъ, онъ тоже «самъ умный, да голова у него глупая». Онъ очень уменъ, но глупо провелъ свою жизнь, глупо кончилъ ее, и далеко не умно философствуетъ. Онъ уменъ настолько, что ясно понимаетъ причину своего несчастья, понимаетъ,

почему онъ несостоятеленъ, но онъ такъ сросся съ своимъ положеніемъ, что ни на моментъ не можетъ отрѣшиться отъ того, что губитъ его; констатировавъ свою болѣзнь, онъ и не думаетъ о возможности лѣчить ее, напротивъ, онъ начинаетъ громить человѣчество и презирать его,—пріемъ чисто-обломовскій, барскій. Онъ говоритъ:

„Я жилъ, какъ многіе, какъ всѣ почти живутъ
Изъ круга нашего, я жилъ для наслажденья,
Работника *здоровый, бодрый трудъ*
Мнѣ не знакомъ былъ съ самаго рожденья".

Казалось бы, такое сознаніе должно бы повести къ перерожденію, казалось бы, что, сознавъ несостоятельность своей жизни для наслажденья, надо бы почувствовать уваженіе къ «здорому, бодрому труду» и стремиться къ нему. Но нашъ обломовецъ поступаетъ иначе, онъ пишетъ:

„Когда-жъ при свѣтѣ разума и книгъ
Мнѣ въ даль вѣковъ пришлося углубиться,
Я человѣчество столь гордое постигъ,
Но не постигъ того, чѣмъ такъ ему гордиться?"

Далѣе онъ начинаетъ говорить уже тономъ свѣтила небеснаго, бросившаго взоръ на жалкій муравейникъ земли:

„Близъ солнца, на одной изъ маленькихъ планетъ
Живетъ двуногій звѣрь не крупнаго сложенья,
Живетъ сравнительно еще немного лѣтъ
И думаетъ, что онъ вѣнецъ творенья;
Что всѣ сокровища еще безвѣстныхъ странъ,
Для прихоти его природа сотворила,
Что для него реветъ въ часъ бури океанъ.
И борется звѣрокъ съ судьбой насколько можно,
Хлопочетъ день и ночь о счастіи своемъ,
Съ разсчетомъ на вѣка устраиваетъ домъ...
Но вѣтеръ на него пахнулъ неосторожно—
И нѣтъ его... пропалъ и слѣдъ...
И, умирая, онъ не знаетъ,
Зачѣмъ явился онъ на свѣтъ,
Къ чему онъ жилъ, куда онъ изчезаетъ".

Павликъ Дольскій также съ высоты своего величія разсуждалъ о любви къ человѣчеству, о спорахъ по поводу общины и т. д. Для свѣтила небеснаго все это, конечно, мелочи, все это суета муравьевъ, но какое право имѣютъ такъ относиться къ человѣчеству, къ его заботамъ, тѣ, кто до нихъ даже не доросъ? Этотъ тонъ свѣтила небеснаго въ устахъ человѣка, бездѣльничавшаго всю жизнь, свидѣтельствуетъ только о томъ, насколько этотъ человѣкъ чуждъ жизни, насколько праздность стала его органическимъ состояніемъ и насколько онъ самъ мало способенъ понять жизнь человѣчества, понять его скорби, нужды, его борьбу. Нашъ герой и не понимаетъ жизни, для него вся жизнь человѣчества какая-то безсмысленная грызня. Непосредственно за приведеннымъ отрывкомъ въ его письмѣ къ прокурору слѣдуютъ такія слова:

„При этой краткости житейскаго пути,
Въ такомъ убожествѣ невѣдѣнья, безсилья,
Должны бы спутники соединить усилья
И дружно общій крестъ нести...
Нѣтъ, люди—эти бѣдные микробы—
Другъ съ другомъ борются, полны
Нелѣпой зависти и злобы.
Имъ слезы ближняго нужны,
Чтобъ жизнью наслаждаться вдвое.
Имъ больше горя нѣтъ, какъ счастіе чужое!
Властители, рабы, народы, племена,—
Всѣ дышатъ лишь враждой, и всѣ стоятъ на стражѣ...
Куда ни посмотри, вездѣ одна и та же
Упорная, безумная война!“

Марья Ивановна Боярова въ эпоху своего перерожденія писала своей пріятельницѣ графинѣ Д***, что учитель ея сына, тотъ самый, что спорилъ съ Костей Невѣровымъ (вообще, повидимому, наивный и недалекій человѣкъ), задумалъ было познакомить ее, Марью Ивановну, съ дарвиновской теоріей борьбы за существованіе. Марья Ивановна кое-какъ запомнила слова учителя и сравниваетъ эту борьбу съ борьбой, которую ведутъ между собою свѣтскія дамы. Разница между борьбой, о которой говорилъ учитель, и борьбой свѣтскихъ дамъ, по мнѣнію Марьи Ивановны, та, что первая необходима для существованія, вторая же для него не нужна. Привычку видѣть вокругъ себя эту нелѣпую борьбу мелочныхъ самолюбій свѣтскихъ праздныхъ людей и вноситъ нашъ герой въ свои сужденія о жизни человѣчества: для него жизнь человѣчества, его борьба—только нелѣпая зависть и злоба, только борьба самолюбій, какъ въ окружающемъ его обществѣ. Ему нечего отстаивать, ему не за что бороться, у него нѣтъ «сердечной святыни»,—какой же смыслъ имѣетъ для него борьба человѣчества. Полная глубокаго трагизма драма—въ его глазахъ, глупый, но тяжелый фарсъ. Такое отношеніе неизбѣжно вытекаетъ изъ положенія нашего героя и того класса общества, къ которому онъ принадлежитъ. Этотъ классъ живетъ совершенно особой тепличной жизнью, его интересы не только не совпадаютъ съ интересами массъ чесовѣчества, но діаметрально расходятся съ ними; борьба этихъ массъ за жизнь—для празднаго человѣчества порожденіе зависти и злобы. Насколько мало понимаетъ эту борьбу нашъ герой, показываетъ лучше всего сопоставленіе имъ самимъ своего самоубійства съ рядомъ другихъ самоубійствъ. Онъ самъ покончилъ съ собой изъ-за скуки жизни, въ основѣ которой все та же неизмѣнная у празднаго человѣчества любовь. Но онъ считаетъ свой поступокъ равносильнымъ поступку тѣхъ, кого привела къ смерти жизненная борьба въ той или другой формѣ. Онъ говоритъ:

„Вотъ застрѣлился гимназистъ,
Не выдержавъ экзамена... Онъ, право,
Не меньше виноватъ. Съ платформы подъ вагонъ
Прыгнулъ сѣдой банкиръ, сыгравшій неудачно;

Повѣсился бѣднякъ затѣмъ, что жилъ невзрачно,
Что жизни благами не пользовался онъ...
О, эти блага жизни!... Съ наслажденьемъ
Я-бъ отдалъ ихъ за жизнь лишеній и труда...
Но только-бъ мнѣ забыть прожитые года,
Но только бы я могъ смотрѣть не съ отвращеньемъ,
А съ теплой вѣрой дѣтскихъ дней
На лица злобныя людей".

Такимъ образомъ смерть бѣдняка, не выдержавшаго борьбы съ нуждой, ставится на одну доску со смертью пресыщеннаго барича, его трагическій конецъ сравнивается съ крахомъ, вызваннымъ душевной несостоятельностью человѣка, который даже самъ видитъ выходъ изъ своего положенія въ «работника здороваго, бодраго труда», но который не имѣетъ смѣлости пойти по этому пути. Случаи, когда праздный человѣкъ рѣшался на такой шагъ, не рѣдки; у насъ даже создалось особое выраженіе для такого человѣка: это—выраженіе «кающійся дворянинъ»; къ тому же разряду праздныхъ людей, добровольно избравшихъ путь «работника здороваго и бодраго труда», принадлежитъ цѣлая серія нашихъ культурныхъ работниковъ изъ празднаго человѣчества, но для такого здороваго труда нужно имѣть и здоровую натуру, нужно, чтобы во время явилось въ сердцѣ «исканіе правды», исканіе «сердечной святыни», а для этого условія жизни праздпаго человѣчества чѣмъ дальше, тѣмъ меньше представляютъ благопріятнаго. Правда все дальше и дальше уходитъ отъ праздпаго человѣчества, замыкающагося въ отстаиванье своей праздности, и шагъ къ правдѣ становится все труднѣе для праздпаго человѣка, самоотреченіе его при этомъ шагѣ становится все бо̀льшимъ и бо̀льшимъ. Современный праздный человѣкъ часто видитъ правду, но пойти ей на-встрѣчу не въ силахъ. Точно также современный праздный человѣкъ часто видитъ горе истинное, не призрачное горе, пойметъ его, даже глубоко пойметъ, но не поспѣшитъ ему на помощь, а съ тоской отвернется и поспѣшитъ найти утѣшенье въ «грезахъ неясныхъ», «за предѣлами».

Таковыми бываютъ иногда лучшіе изъ поэтовъ упадка, таковъ и герой «Письма прокурору». Въ тишинѣ ночи онъ слышитъ свистокъ локомотива и говоритъ:

„О, этотъ звукъ давно ужъ мнѣ знакомъ!
Въ часы безсонницы до бѣшенства, до злости,
Бывало онъ терзалъ меня,
Напоминая близость дня...
Кто съ этимъ поѣздомъ къ намъ ѣдетъ? Что за гости?
Рабочіе, конечно, бѣдный людъ...
Изъ дальнихъ деревень они сюда везутъ
Здоровье, бодрость, силы молодыя,
И все оставятъ здѣсь..."

Да, нашъ герой видитъ не призрачное страданье; казалось бы, тому, кто томится безцѣльностью своей жизни, какъ не искать цѣли въ борьбѣ съ этимъ сознаннымъ зломъ, какъ не отдать свою постылую жизнь, чтобъ

искупить хоть каплю этихъ страданій; но праздный человѣкъ слишкомъ сказывается въ немъ, онъ слишкомъ привыкъ къ культу наслажденій, къ культу своего я, чужое горе его заставляетъ страдать, но онъ только отворачивается отъ этого горя. Такъ Гауптманъ, одинъ изъ симпатичнѣйшихъ представителей упадка на Западѣ, въ «Ганнеле» картинамъ горя людскаго противопоставляетъ грезы, и послѣ «Ткачей» переходитъ къ «Затонувшему колоколу». У этихъ людей нѣтъ «религіи», нѣтъ «сердечной святыни».

Герой «Письма къ прокурору» кончаетъ свою жизнь самоубійствомъ, потому что ему слишкомъ душно жить. Дѣйствительно, жить при такомъ міросозерцаніи, такомъ настроеніи невыносимо тяжело. Въ жизни нѣтъ цѣли, нѣтъ святыни, нѣтъ любви. Разрывъ между личностью и человѣчествомъ уже совершился, личность томится своимъ одиночествомъ, пустотой жизни и ищетъ исхода въ самоубійствѣ. Настроеніе этой личности, изображенной Апухтинымъ въ превосходномъ стихотвореніи - письмѣ, весьма близко къ настроенію самого поэта. Тѣ мотивы, которые мы находимъ въ его поэзіи, звучатъ въ унисонъ съ страданіями и жалобами несчастнаго самоубійцы, созданнаго имъ съ такой творческой силой. Та же любовь-рабство, культъ страсти, тотъ же пессимистическій взглядъ на людей, та же тоска, то же отсутствіе идеаловъ и цѣли!

Для нашего поэта разрывъ между личностью и человѣчествомъ тоже совершился, его личность также безпомощна. Тотъ душевный гнетъ, который преслѣдуетъ упадочниковъ, который заставляетъ ихъ стремиться «за предѣлы», уже знакомъ нашему поэту, онъ уже на порогѣ упадка. Но, съ другой стороны, нашъ поэтъ—послѣдній чистый представитель блестящей литературной школы, давшей намъ величайшихъ писателей-художниковъ школы, которую можно бы назвать дворянской школой. Если въ культурѣ всего міра праздное человѣчество играло выдающуюся роль, если большинство выдающихся произведеній созданы вышедшими изъ рядовъ праздnаго человѣчества, и вся европейская культура носитъ отпечатокъ праздnаго человѣчества, то у насъ на Руси ту же роль играло дворянство.

Не удивительно поэтому, что кризисъ, переживаемый празднымъ человѣчествомъ вообще и русскимъ дворянствомъ въ частности, отразился упадкомъ на культурѣ и въ частности на литературѣ, созданной этими классами. Но западное праздное человѣчество живучѣе нашего дворянства. Хотя буржуазія, съ тѣхъ поръ какъ ея интересы стали въ противорѣчіе съ интересами народныхъ массъ, не можетъ быть передовымъ классомъ, особенно въ такой историческій моментъ, задача котораго—прогрессъ массъ, все-таки буржуазія сильна, ея агонія будетъ упорна и медленна, но какое сопротивленіе ходу событій могутъ оказать Павлики Дольскіе? Отъ нихъ нельзя ждать возрожденія, а слѣдовательно то, чего носителемъ является это общество—на порогѣ упадка, и обновленіе на иныхъ началахъ идейности и служеніе прогрессу массъ для нашей литературы и образованности является еще болѣе необходимымъ, чѣмъ для западной.

Н. Коробка.

Студентка на войнѣ.

Письма съ войны 1877 года.

(Изъ Румыніи).

Въ прошломъ году минуло 25 лѣтъ со времени основанія «Женскихъ Врачебныхъ Курсовъ» и 20 лѣтъ со времени окончанія ученія студентокъ-піонерокъ. По случаю этого двойнаго юбилея считаю долгомъ помянуть добрымъ словомъ всѣхъ студентокъ перваго выпуска, какъ піонерокъ женскаго дѣла, которыя, пойдя по стопамъ Сусловой, заявили себя не однимъ усерднымъ отношеніемъ къ лекціямъ и экзаменамъ, а и непреложною вѣрой въ поставленную цѣль — пробить дорогу, добиться званія врача, и твердымъ убѣжденіемъ въ правильность своихъ стремленій; піонерки были сильны своимъ убѣжденіемъ, идеалами и сознаніемъ пользы намѣченной общественной задачи. Онѣ добивались правъ врача не лично только для себя, а и для всѣхъ слѣдующихъ поколѣній русскихъ женщинъ. Потому піонерки,— куда бы ихъ ни забрасывала судьба, во время ли курса, послѣ ли его окончанія, никогда и нигдѣ не забывали своей задачи—пробивать дорогу и покорять общественное мнѣніе. Это сознаніе общественнаго значенія своихъ дѣйствій и поступковъ, главнымъ образомъ, и выдѣляетъ ихъ изо всѣхъ остальныхъ выпусковъ.

Но среди піонерокъ оказалась еще группа лицъ, выдѣлившихся своей исключительной энергіей, упорствомъ въ достиженіи цѣли и въ борьбѣ съ препятствіями.

Извѣстно, что время окончанія ученія перваго выпуска совпало съ началомъ войны за независимость болгаръ. Въ то время, когда лѣтомъ 1877 года большинство піонерокъ, окончившихъ ученіе, усердно готовились къ выпускному экзамену, нѣкоторыя изъ нихъ, болѣе энергичныя, къ которымъ примкнуло и нѣсколько студентокъ, перешедшихъ съ IV на V курсъ, рѣшили идти на войну съ тѣмъ, чтобы, воспользовавшись неожиданнымъ случаемъ, на дѣлѣ доказать способность женщины быть врачомъ, а чрезъ это добиться потомъ и званія врача. И болѣе энергичныя изъ піонерокъ и студентокъ слѣдующаго выпуска добровольно взяли на себя эту миссію, пошли на тяжелый трудъ, не убоявшись никакихъ трудностей: пошли служить въ госпитали, лѣчить солдатъ, работать на перевязочныхъ

пунктахъ, переносить всѣ невзгоды военной бивуачной жизни,—и на самомъ дѣлѣ выносили такія трудности и невзгоды, которыя онѣ и сами не воображали, что въ состояніи перенести. И вотъ эта - то исключительная энергія и сила характера и выдѣляютъ этихъ подвижницъ даже изъ числа піонерокъ. Онѣ своею исключительною энергіей, своимъ трудомъ добились того, чѣмъ русской женщинѣ, можетъ быть, еще долго не пришлось бы пользоваться.

Поѣхавшія на войну съ первыхъ же дней стали добиваться самостоятельнаго положенія, должности врача, равныхъ правъ съ мужчиною-врачомъ... работали, трудились и вначалѣ ни на минуту не забывали, за чѣмъ пріѣхали. И только впослѣдствіи, по мѣрѣ того, какъ вокругъ нихъ стали надвигаться невзгоды войны со всѣми ужасами, поразившими ихъ своею необычайностью, студентки, пріѣхавшія завоевывать права и занимавшія уже должности на однихъ правахъ съ врачами-мужчинами, при видѣ общественныхъ бѣдствій забывали обо всемъ, кромѣ человѣческаго чувства состраданія къ раненымъ, видъ и положеніе которыхъ надрывали имъ души. И онѣ служили, работали, помогали раненымъ солдатамъ, но не лѣкарствами только, а всѣмъ, чѣмъ могли.

Немыслимо было, чтобы такой самоотверженный, изъ ряда вонъ выходящій трудъ прошелъ незамѣченнымъ. И императоръ Александръ II замѣтилъ его: по окончаніи войны онъ далъ женщинѣ званіе врача, нагрудный знакъ, а нѣкоторыхъ изъ бывшихъ на войнѣ наградилъ и орденомъ.

Но это славное завоеваніе не обошлось безъ жертвъ. Среди поѣхавшихъ на войну нѣкоторымъ пришлось поплатиться цѣною жизни за упорное преслѣдованіе намѣченныхъ идеаловъ. Къ числу такихъ безспорно принадлежитъ Варвара Степановна Некрасова. Измученная весь 1877 годъ чрезмѣрнымъ трудомъ, сперва работою и усиленнымъ слушаніемъ лекцій въ медицинскихъ клиникахъ Вѣны, гдѣ она прожила весну и часть лѣта съ цѣлью пополнить пробѣлы медицинскихъ знаній, потомъ пяти-мѣсячнымъ тяжелымъ трудомъ на войнѣ, работая въ госпиталяхъ, сперва Румыніи, потомъ Болгаріи, на перевязочномъ пунктѣ—подъ Горнымъ Дубнякомъ,—она уже не въ силахъ была перенести тифъ, которымъ заразилась въ Систовѣ, въ одномъ изъ госпиталей, при исполненіи обязанностей врача, и 27 декабря 1877 года ея не стало.

Надъ ея могилой въ Систовѣ неизвѣстно кѣмъ поставленъ памятникъ съ надписью:

«Больше сея любви никтоже имать, да кто душу свою положитъ за други своя» *).

Въ виду возбужденнаго въ послѣднее время интереса къ піонеркамъ Женскихъ Врачебныхъ Курсовъ и особенно къ дѣятельности женщинъ-вра-

*) Впослѣдствіи я узнала, что памятникъ поставленъ ученымъ инженеромъ и высоко-талантливымъ художникомъ, Вас. Ник. Китаевымъ, который недавно сошелъ въ могилу, полный жизни, силъ и таланта.

чей на войнѣ, я предлагаю здѣсь въ сокращенномъ видѣ часть писемъ, изъ Румыніи, названной умершей студентки къ сестрѣ; письма вполнѣ заслуживаютъ общественнаго вниманія, такъ какъ они знакомятъ съ положеніемъ, дѣятельностью и жизнью студентки на войнѣ, пріѣхавшей туда завоевывать для женщины права врача,—и живо рисуютъ картины эвакуаціонной госпитальной жизни.

Е. Некрасова.

№ 1. Съ дороги на войну. 1 августа 1877 г. *).

Вотъ мы и на пути въ дѣйствующую армію. А сколько было хлопотъ, сколько крови испортилось, прежде чѣмъ студентки достигли этого! Нужно было, чтобы Общество Краснаго Креста согласилось принять насъ на свою службу, чтобы потомъ вышло разрѣшеніе изъ главной квартиры—отъ главнокомандующаго. На все это потребовалось очень много времени, которое при томительномъ ожиданіи тянется какъ-то еще дольше. Но, наконецъ, въ послѣднихъ числахъ іюля 20 человѣкъ изъ насъ получили призывъ съ поля военныхъ дѣйствій. Мы не знаемъ еще, что насъ ожидаетъ впереди, куда попадемъ, какія обязанности возложатъ на насъ. Насъ снабдили даровымъ билетомъ на проѣздъ, дали по 150 руб. подъемныхъ, по 75 руб. жалованья въ мѣсяцъ и обѣщали держать на офицерскомъ положеніи, т.-е. давать даровую квартиру и столъ. Это мнѣ передавала С...на, что имъ сказалъ это президентъ академіи Козловъ **), къ которому онѣ являлись; онъ имъ сказалъ и напутственную рѣчь, совѣтуя не посрамить его рекомендаціи. Онѣ три (съ IV курса) потому попали въ число 20, что изъ нашихъ ***) три не поѣхали. Козловъ было не хотѣлъ ихъ посылать, потому что не имѣлъ ихъ фамилій въ спискѣ Марьи Григорьевны ****), а что онъ, вишь, ручается только за тѣхъ, которыя тамъ записаны. Только поѣхавшія съ его ручательствомъ студентки будутъ на офицерскомъ положеніи. Начальство наше снабдило насъ и свидѣтельствами такого содержанія: «Такая-то окончила... пятилѣтній курсъ врачебныхъ наукъ и можетъ исполнять медицинскія обязанности наравнѣ со студентами медико-хирургической академіи соотвѣтствующаго курса». Но, вѣдь, такихъ студентовъ нѣтъ,—они уже выпущены, они—врачи, а мы, какъ женщины, не подлежали ускоренному выпуску; насъ, навѣрно, и теперь не выпустятъ еще, несмотря на то, что предположено выпустить студентовъ не только IV, но и III курсовъ.

Мы ѣдемъ на войну не въ санитарномъ отрядѣ, да и изъ себя не изображаемъ отряда,—всѣ ѣдемъ въ разсыпную. Въ числѣ этихъ 20 человѣкъ всего 3 студентки съ IV курса, т.-е. только-что перешедшія на V, остальныя же всѣ прошли пятигодичный курсъ и должны бы были подлежать

---

*) Два-три изъ предлагаемыхъ здѣсь писемъ были въ 1877 г. помѣщены въ *Рус. Вѣд.*

**) Козловъ—президентъ медико-хирургической академіи.

***) Т.-е. студентокъ V курса.

****) М. Г. Ермолова—первая инспектрисса Врачебныхъ Курсовъ.

предстоящей осенью окончательному выпуску, но въ силу военныхъ событій, вѣроятно, этотъ выпускъ замедлится...

Въ моемъ отдѣленіи (вагона) всего только одна старуха, которая ѣдетъ въ Орелъ,—значитъ, пробудетъ со мной до 1 часа ночи.

Эти строки я пишу въ Лаптевѣ, за 2 станціи до Тулы. Ѣхать одной чрезвычайно скучно, думала было читать, но ничего не идетъ въ голову, только *Новое Время* прочла.

Козловъ желаетъ, чтобы нѣкоторыя изъ насъ отправились на перевязочные пункты, чтобы доказать свое безстрашіе. При другихъ условіяхъ я бы была отъ этого не прочь; теперь же откажусь отъ этой чести. Однако, писать во время ѣзды не удобно. А вѣдь я долго теперь отъ васъ не получу никакихъ вѣстей...

2 августа.

Вотъ я и въ Кіевѣ. Но объ этомъ потомъ, сперва нѣсколько словъ о другомъ. Съ Курска пришлось сидѣть въ одномъ вагонѣ со студентками, отъ которыхъ узнала, что къ Козлову ихъ обязали зайти: безъ этого Величковскій *) не давалъ отпуска, а Козловъ — говорятъ — перевелъ насъ на службу военнаго министерства; говорилъ, что мы будемъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ часто будетъ бывать государь и другіе члены царской фамиліи, а потому *совѣтовалъ* запастись приличнымъ одѣяніемъ и просилъ не вступать ни въ какія сношенія съ обществомъ сестеръ милосердія, которыя, будто бы, всѣ уже перессорились.

Подъѣзжая къ Кіеву на станціи Боброкъ (2-ая станція отъ Кіева), мы встрѣтили санитарный поѣздъ (№ 1) государыни, который везъ на сѣверъ солдатъ, раненыхъ подъ Плевной 18 іюля. Большинство изъ нихъ легко раненые, съ перевязанными руками, головами и т. п., большинство или сидятъ, или ходятъ,—лежатъ на висячихъ кроватяхъ очень немногіе; у всѣхъ лица веселыя, даже довольныя; всѣ очень чисто одѣты, нисколько не кажутся испитыми, курятъ табакъ и, улыбаясь, осматриваются по сторонамъ. Они представляли совершенную противоположность съ 25-ой ротой солдатъ (5 бригада), отправляющихся подъ Плевну, которую мы тоже встрѣтили на этой станціи. Они,—говорятъ,—стояли въ Динабургѣ, выѣхали оттуда въ пятницу, ѣдутъ въ товарныхъ вагонахъ. Я ихъ спрашивала, удобно ли имъ ѣхать. «Днемъ - то еще ничего, дышатъ вольготно: мы отворяемъ двери; а ночью поневолѣ затворяешь,—хотя и душно, а то и вывалиться недолго». Всѣ они малорослые, жалкіе, исхудалые, съ грустью посматриваютъ на своихъ раненыхъ товарищей, такъ что невольно сердце сжимается, глядя на нихъ.

Я спрашивала одного студента изъ санитарнаго поѣзда, сколько у нихъ раненыхъ. Они говорятъ, что изъ Яссъ взяли въ каждый вагонъ по 20 человѣкъ, теперь же везутъ по 16, остальные примерли. Въ Кіевѣ на то-

*) Начальникъ Врачебныхъ Курсовъ съ тѣхъ поръ, какъ они изъ медико-хирургическо йакадеміи перешли въ военный госпиталь, гдѣ Величковскій былъ главнымъ докторомъ.

варной станціи встрѣтили еще санитарный кіевскій поѣздъ, такъ называемый Юсуповскій, тоже везетъ раненыхъ подъ Плевной 18 іюля. Этотъ поѣздъ дальше не поѣдетъ: часть больныхъ онъ размѣстилъ по дорогѣ въ госпиталяхъ, а другую часть оставитъ въ Кіевѣ и снова поѣдетъ за новымъ транспортомъ...

Хочу завтра поискать здѣсь оперативную хирургію Пирогова или Фишера, а также куплю еще $^1/_2$ фунта чаю. Отъ Курска до Кіева у меня за багажъ ничего не взяли.

Напишу теперь съ Раздѣльной, т.-е. послѣ-завтра утромъ, открытое письмо, а какъ слѣдуетъ—буду писать изъ Унгенъ, когда узнаю, куда насъ направятъ. Сегодня на вокзалѣ было такъ много народу, что я даже не могла взять съ собой въ гостиницу багажъ, не нашла и начальника станціи, чтобы сказать о телеграммѣ *).

На дорогѣ встрѣтилась съ какой-то купчихой московской, которая ѣдетъ съ мужемъ въ Кіевъ молиться. Узнавши, что я ѣду на войну, она спросила мое имя: «Я—говоритъ—буду за васъ молиться угодникамъ». Всѣхъ крѣпко цѣлую. Главное—не безпокойтесь обо мнѣ.

Теперь на Дунай стягиваются отовсюду войска, и, навѣрное, дѣла пойдутъ удачнѣй, хотя взятіе Плевны снова оказалось фальшивою вѣстью; я уже имѣю *Кіевскій Вѣстникъ*,—это не правда, что подъ Плевной перерѣзанъ санитарный отрядъ,—есть опроверженіе. Я позавидовала врачебному персоналу на санитарныхъ поѣздахъ.

Ст. Ярощенко, 4 августа 1877 г.

Сейчасъ только выѣхали изъ Жмеринки, вечеромъ будемъ въ Раздѣльной. Въ Кіевѣ на станціи хотя я и видѣла нашихъ студентокъ 5-го курса, но съ нами онѣ не поѣхали,—должно быть остались осматривать Кіевъ. Дорога совсѣмъ безъинтересная; мѣстами встрѣчаются на станціяхъ солдаты, ѣдущіе въ телячьихъ вагонахъ. Со Жмеринокъ мы усѣлись въ офицерскій вагонъ. Офицеры говорятъ, что они всю дорогу ѣхали въ III классѣ и только теперь сѣли во II-й...

Станція Крыжаполь.

Въ нашемъ вагонѣ одинъ изъ офицеровъ подкутилъ, и товарищи, стыдясь и опасаясь за его поведеніе, предложили мнѣ (я оказалась единственной дамой во всемъ вагонѣ) пересѣсть въ отдѣльное купэ (того же вагона). Такъ мы съ Зѣнцомъ **) пересѣли и пользуемся чрезвычайно удобнымъ помѣщеніемъ.

Офицеры эти ѣдутъ съ Варшавы подъ Плевну для замѣщенія выбывшихъ изъ строя; они выбраны по жребію. Одинъ изъ нихъ такъ выразился о себѣ: «Ну, что я теперь? Я уже не цѣлый человѣкъ, а такъ — частичка; ужъ теперь никакая философія не поможетъ, ужъ порѣшилъ идти на смерть». Что мнѣ въ нихъ нравится —это отсутствіе боязни смерти, отсутствіе трусости; они не съ сокрушеніемъ говорятъ это, а совершенно

*) На эту станцію должны были прислать телеграмму на имя автора писемъ.

**) Студентъ медико-хирургической академіи, теперь—докторъ.

спокойно; восхищаются, что санитарная часть у насъ обставлена превосходно, что хоть есть шансы искалѣченному не умереть, «для родныхъ частичку оставятъ—и то хорошо».

Купила въ Кіевѣ нѣсколько инструментовъ, заплатила 12 руб. Арбузовъ тамъ совсѣмъ не было, да и дыни не дешевы; я, положимъ, великолѣпную купила за 15 к., но очень маленькую и съѣла за одинъ присѣстъ. Сливы по 1 к. десятокъ, а груши мы сейчасъ покупали (какъ у насъ дюшессы) по 5 коп. десятокъ.

5 августа.

Я уже ѣду въ Бухарестъ. Изъ Унгенъ мы выѣхали тотчасъ же.

Бухарестъ, 7 августа, воскресенье.

Мы пріѣхали вчера, но я не буду говорить пока о настоящемъ. Я уже писала, что мы встрѣтили Я—ую; потомъ ближе къ Унгенамъ, на одной изъ станцій, къ намъ присоединились еще двѣ студентки По—нъ и Василева, и три студента: Малышевскій, Ивановъ и еще одинъ. Три студентки выѣхали вмѣстѣ изъ Петербурга, заѣзжали въ Кіевъ—его осмотрѣть, а потомъ снова вмѣстѣ поѣхали дальше. Но вотъ на одной изъ станцій онѣ вышли на платформу, и Я—ой вздумалось пойти на базаръ за фруктами. Поѣздъ, конечно, оставаться долѣе обычнаго не захотѣлъ, и послѣ третьяго же звонка раздался свистокъ, паръ выпустили, и вагоны задвигались. Двѣ студентки уѣхали, а Я—ая осталась докушивать фрукты.

Въ Унгенахъ, къ величайшему моему удовольствію, мы уже составляли компанію въ 8 человѣкъ. Да нужно еще замѣтить, что дорогой мы встрѣтили уполномоченнаго отъ Краснаго Креста, г. М—ва, который обѣщалъ дать намъ «предложеніе» (т.-е. пропускъ черезъ границу и даровой проѣздъ). «Если же,—говоритъ,—вы бы меня не встрѣтили, такъ какъ я часто уѣзжаю изъ Унгенъ, то вамъ пришлось бы ѣхать на свой счетъ, потому что вамъ никто бы даже не сказалъ о моемъ существованіи; теперь же я узналъ, что вы здѣсь, отъ племянника А—ва». А племянника А—ва намъ указалъ какой-то студентъ на станціи... М—въ оказался очень хорошимъ человѣкомъ,—онъ былъ очень милъ съ нами и обѣщалъ въ случаѣ нужды что-нибудь исполнить, т.-е. переслать, если нужно, посылку и т. п. А книги, вѣроятно, мнѣ придется сюда выписать, и потому пусть Л. С. *) съ собой въ Питеръ ихъ не беретъ... Я очень сожалѣю, что не взяла съ собой лишняго чемодана, т.-е. что не взяла съ собой никакихъ нужныхъ для экзамена книгъ,—выписать ихъ черезъ посредство начальства придется непремѣнно. Мой чемоданъ оказался никуда негоднымъ, онъ почти весь развалился, такъ что я хочу себѣ купить здѣсь или большой сакъ-де-вояжъ, или же чемоданъ. Въ моей шляпкѣ здѣсь также нельзя ходить,—въ ней слишкомъ жарко. Ну, да, впрочемъ, вамъ это не интересно, я лучше продолжу о нашемъ путешествіи.

Въ Унгенахъ мы стояли всего часа два и потомъ поѣхали на Яссы.

*) Лидія Семеновна Миримонова, тогда студентка, теперь женщина-врачъ.

Тамъ насъ пересадили въ новые вагоны, и мы забрались (благодаря г. М—ву) въ I классъ, а то было бы просто мученье ѣхать во II-мъ, потому что устали очень. Если всѣ русскіе были такими свиньями въ вагонахъ I класса, какъ мы, то румыны должны быть очень недовольны наплывомъ своихъ братьевъ-славянъ: нашъ вагонъ къ концу путешествія превратился совершенно въ свиной хлѣвъ. Но отчасти виною—само управленіе дороги: поѣзда на станціяхъ останавливаются очень короткое время, такъ что приходится на станціи только покупать, а ѣсть уже въ вагонахъ, причемъ неизбѣжна дрызготня. Нужно еще къ этому прибавить то, что вагоны останавливаются, не доѣзжая до станціи, такъ что если бѣжать, когда зазвонитъ звонокъ, то можно и опоздать кромѣ того, иногда объявляютъ, что поѣздъ стоитъ 10 минутъ, а онъ на самомъ дѣлѣ стоитъ всего 3 минуты, а иногда, вмѣсто 2-хъ минутъ, стоитъ цѣлыхъ 15 минутъ, — поэтому выходитъ кутерьма ужасная. На одной изъ станцій мы попросили нашихъ студентовъ сходить въ буфетъ и купить чего-нибудь поѣсть посущественнѣй, а то все ѣли только одни фрукты. Только что они вошли въ вокзалъ, какъ поѣздъ двинулся. Всѣ пассажиры бросились изъ вокзала въ догонку за поѣздомъ. Нужно было въ эту минуту видѣть N: въ одной рукѣ у него бумага съ пирогами которые онъ несетъ для насъ, въ другой—кусокъ собственнаго недоѣденнаго пирога, а во рту непроглоченный кусокъ; фалды сюртука развѣваются, волосы тоже, самъ блѣдный, изо всѣхъ силъ бѣжитъ за удаляющимися вагонами... вотъ, вотъ сейчасъ догонитъ. Многіе уже повскакали на ходу. Еще минута—и онъ можетъ быть спокоенъ, но... это ужасно! поѣздъ бѣжитъ скорѣй, и онъ, обезсиленный, останавливается, напрасно протягивая впередъ руки. Вся эта картина не была бы смѣшна, еслибы тутъ не замѣшались пироги,—онъ хотѣлъ и пироги сохранить, и попасть въ вагонъ. Такъ бы ему и многимъ другимъ пришлось съ нами проститься; но то была фальшивая тревога: потребовалось только перевезти поѣздъ на другіе рельсы. Нѣсколько разъ и съ нами случались подобныя вещи, т.-е. мы вскакивали на ходу,—да здѣсь, кажется, всѣ имѣютъ обыкновеніе вскакивать на ходу. Въ пятницу, въ 2 часа дня, мы выѣхали изъ Унгенъ и утромъ въ 8 часовъ должны бы быть въ Бухарестѣ, но по какимъ-то для насъ неизвѣстнымъ причинамъ ночью поѣздъ стоялъ на дорогѣ (впрочемъ, не особенно далеко отъ одной изъ станцій) цѣлыхъ 6 или 8 часовъ, а потому мы въ Бухарестъ пріѣхали вчера, т.-е. въ субботу въ 6 часовъ вечера. На дорогѣ встрѣчали санитарные поѣзда, но они насъ больше уже не занимали; встрѣчали турокъ плѣнныхъ, къ которымъ ѣхавшіе съ нами офицеры ходили пить воду. Чтобы хоть сколько-нибудь слоевъ грязи смыть съ своего лица (пыли по Румыніи очень много), мы попросили кондуктора принести воды, и за это удовольствіе, т.-е. за двѣ бутылки, должны были ему заплатить что-то около франка, т.-е. по теперешнему курсу 40 к.

Не стану ужъ больше продолжать по порядку, продолжу съ момента пріѣзда (просто потѣха была, какъ ѣхали коробочками съ желѣзной до-

роги!) въ слѣдующемъ письмѣ, которое уже буду писать съ мѣста своего постояннаго пребыванія.

Съ проф. Х—кимъ я еще не видалась, но въ Красномъ Крестѣ сказали, что меня пошлютъ или къ проф. Корженевскому въ Зимницу, или къ проф. Я.,—и не знаю еще куда. Я думаю сегодня съ нимъ видѣться. Встрѣтилась здѣсь съ Добровольскимъ *), у него, можетъ быть, будетъ Кирпотенко. Яновская и Василева записались къ проф. Склифосовскому; я и Подрѣзанъ—къ Корженевскому, а Больботъ, вѣроятно, къ проф. Яновичу. Ну, да объ этомъ напишу потомъ обстоятельно.

Письма, вѣроятно, можно будетъ устроить, чтобы пересылали ко мнѣ, мои же будутъ и такъ доходить къ вамъ.

Всѣхъ крѣпко цѣлую. Жалованье будутъ выдавать золотомъ и за этотъ мѣсяцъ доплатятъ, что приходится по курсу, а курсъ—на 1 рубль=2 франка 60 сантимовъ.

Всѣхъ крѣпко цѣлую, а другимъ кланяюсь. Какъ бы хотѣла я знать, что мои всѣ письма дошли до васъ? Бухарестъ съ одной стороны смахиваетъ на Одессу—по домамъ и мостовымъ, а съ другой—на Москву, по грязи... Теперь мы стоимъ въ Hôtel d'Orient на Galea (улицѣ) Mogosoi, а уполномоченный г. Рихтеръ живетъ на Strada Romana.

№ 3. Фратешти, 9 августа.

Начинать съ настоящаго нѣтъ резона, хотя бы мнѣ отчасти это и хотѣлось, потому что это настоящее черезчуръ задѣваетъ за живое. Но лучше уже слушать продолженіе прошедшаго, которое, впрочемъ, я теперь не въ силахъ представить въ томъ комическомъ видѣ, въ какомъ оно представлялось и въ какомъ я желала бы его представить. Пріѣхавши въ Бухарестъ...

10 августа.

Видишь, какъ много успѣла я вчера написать, должно быть, придется отказаться совсѣмъ писать не только послѣдовательныя, но просто закрытыя письма. Я сама вырыла себѣ яму, не поѣхавши за Дунай къ профессорамъ, а оставшись у N*** въ Красномъ Крестѣ: здѣсь такъ много работы и притомъ все механической, что... лучше не говорить, лучше не судить, а по возможности передавать факты. Начну съ пріѣзда въ Бухарестъ. Мы наняли двѣ коляски, вещи положили на ломового и такимъ манеромъ двинулись въ гостиницу. Тамъ мужчины (четверо) взяли для себя №, и мы четверо взяли №... Началось распоковываніе чемодановъ, и комната превратилась въ складочный магазинъ, въ которомъ никто изъ насъ не могъ разобраться, кому что принадлежитъ. Приведя себя нѣсколько въ порядокъ, мы отправились въ баню. Пришлось ѣхать мимо фруктоваго рынка. Вдругъ Я—ая кричитъ: «Стой!» выскакиваетъ и начинаетъ торговать арбузы, дыни и т. д. Съ этимъ прошло много времени, такъ что въ баню мы пріѣхали очень поздно. Однако, нѣтъ, я не могу описывать послѣдодовательно, мысли не вяжутся въ головѣ. Попробую вкратцѣ дать понятіе о нашей жизни.

*) Извѣстный профессоръ.

Здѣсь существуетъ военный госпиталь, т.-е. безчисленное множество палатокъ, въ которыхъ больные лежатъ на землѣ, на тюфякахъ. Часть этого госпиталя, т.-е. половина или четверть всѣхъ палатокъ, перешла во владѣніе Краснаго Креста, гдѣ, какъ и надо всѣми другими госпиталями въ Румыніи, начальствуетъ проф. Х., онъ ѣздитъ по всѣмъ госпиталямъ въ качествѣ контролера. У насъ главнымъ врачомъ В. Г. Нестеровъ, потомъ еще четыре врача,—я еще и фамилій ихъ не знаю всѣхъ.

10-е августа.

Мѣстность отвратительная, нигдѣ ни одного деревца; постоянно проходятъ солдаты, а потому воздухъ представляетъ достаточную заразу. Есть здѣсь одинъ студентъ В—ій, ему препоручена дезинфекція мѣстности, помогаетъ ему французъ-спеціалистъ этой части, есть и человѣкъ пятьдесятъ солдатъ, которые постоянно чистятъ и зарываютъ. Но все это не помогаетъ или лучше—этого не достаточно. Кромѣ существующихъ палатокъ для больныхъ, есть отдѣльная палатка, изображающая собой аптеку или иначе—складъ: тутъ и лѣкарства, и съѣстные припасы, и вино, и наконецъ вещи докторовъ и отчасти студентовъ. Въ этомъ-то складѣ сижу и я въ данную минуту (тутъ же спятъ докторъ и фельдшеръ), потому что помѣститься больше негдѣ. Другая палатка поставлена для студентовъ; у нихъ очень хорошо: у каждаго по койкѣ. Третья палатка для сестеръ и фельдшерицъ, четвертая — наша столовая, въ которой, однако, теперь помѣщаются врачи, пріѣхавшіе на смѣну прежнимъ. Больше для насъ палатокъ не существуетъ, а есть вагоны и то въ очень незначительномъ количествѣ, такъ что, наприм., В. Г. Нестеровъ съ женой помѣщаются въ одномъ купэ второго класса. Вагоны здѣсь на манеръ заграничныхъ: входъ сбоку въ каждое отдѣльное купэ, которыхъ въ каждомъ вагонѣ по четыре. Мы съ студенткой О—ой тоже помѣщаемся въ одномъ купэ. Спать въ вагонѣ возможно только до 6 часовъ, а то и стѣны, и ручки дверей такъ накаляются, что можно обжечься. Днемъ же жаръ бываетъ невыносимъ — 55°, не знаешь куда дѣваться.—День проходитъ въ томъ, что мы, вставши часу въ 7-мъ, пьемъ чай въ столовой, — всѣ собираются вмѣстѣ, только сестры и фельшерицы составляютъ отдѣльную семью, — потомъ идемъ на обходъ палатокъ. Палатки распредѣлены по докторамъ, у каждаго доктора есть студентъ или студентка, т.-е., значитъ, дѣятельность студентокъ сводится на фельдшерскую. Я, какъ только пріѣхала, выразила неудовольствіе и заявила, что уѣду назадъ, вернувши даже за мѣсяцъ деньги... Черезъ нѣсколько времени В. Г. Нестеровъ подходитъ ко мнѣ и говоритъ: «У насъ здѣсь теперь очень много народу и потому не желаете ли перейти въ сосѣднія военныя палатки?... Тамъ врачи даже будутъ рады, если вы возьмете все на свою полную отвѣтственность». Ну, такъ было мы и хотѣли сдѣлать, но вдругъ приходитъ отъ проф. Х. письмо, что онъ посылаетъ сюда другихъ докторовъ и что молъ присланные студенты тоже должны идти на смѣну прежнихъ, которыхъ требуетъ къ себѣ уполномоченный А—за. Тогда Нестерову осталось только снова меня вернуть въ эти палатки, но и тутъ онъ поста-

рался мнѣ дать поменьше дѣла. Онъ оставилъ для себя 2 палатки и просилъ съ нимъ вмѣстѣ взяться за нихъ. Онъ человѣкъ чрезвычайно милый, такъ что я была нисколько не противъ этого. Но Нестеровъ тоже хочетъ скоро уѣхать, тогда мнѣ неизвѣстно, что можетъ прійтись на долю. Я рѣшила вообще переговорить съ проф. Х. (онъ еще здѣсь не былъ) и дать понять всѣмъ окружающимъ врачамъ, что мы далеко не фельдшерицы, что мы «можемъ смѣть свое сужденіе имѣть»... Если же Х. что-нибудь будетъ возражать противъ этого, то я, нисколько не колеблясь, уѣду отсюда. Я сожалѣю, что не поѣхала къ нашимъ профессорамъ, что ослушалась приказанія Козлова: тѣ, навѣрное, постараются не только не затирать, но скорѣе выставить тѣхъ студентокъ, которыя къ нимъ поѣхали. Здѣсь же врачи (приходится на практикѣ испытывать) далеко не дружелюбно относятся и стараются показать, что мы имъ неравныя, что мы столько не смыслимъ, что мы врачами не будемъ. Все это такъ скверно дѣйствовало и дѣйствуетъ на меня, что я подчасъ готова плакать отъ безсилія, даже досадно на себя... Я такъ разстроена всѣмъ этимъ, что, какъ видишь, пишу письмо безъ всякаго смысла. Я многое могла бы сообщить и по поводу санитарной части и рода заболѣваній, и наконецъ о нашей жизни, но я не могу, руки не поднимаются, жара ужасная, разлагающая, что въ свою очередь еще больше мѣшаетъ писать. Не знаю, дошли ли всѣ мои письма. Я уже два раза писала свой адресъ, теперь пишу еще: Въ Румынію, Дунайская армія, на станцію Фратешти (по дорогѣ изъ Бухареста въ Журжево), черезъ полевую почту № 11, въ военный госпиталь, № 46, студенткѣ такой-то.

Несмотря на всю безсодержательность письма, я его все-таки посылаю, потому что ѣдутъ въ Россію врачи, и слѣдовательно письмо дойдетъ непремѣнно, и вы, по крайней мѣрѣ, будете знать, что я здорова. Всѣ описанія остаются за мной... Говорятъ, что такихъ жаровъ не бывало, что они только вотъ дней 5 начались. Я надѣюсь начать правильную корреспонденцію, какъ только будетъ попрохладнѣе и вообще когда нѣсколько успокоюсь, думаю, что такое состояніе продолжится не долго, что съ слѣдующаго письма я въ состояніи буду продолжать начатый во 2-мъ письмѣ маршрутъ нашъ. Съ одной стороны, мнѣ бы не хотѣлось такъ скоро бросать все дѣло и ѣхать въ Россію, съ другой же—если не устроюсь, какъ слѣдуетъ, то уѣду. Заниматься къ экзамену нѣтъ никакой возможности. Главнымъ образомъ, у насъ работа бываетъ тогда, когда приходятъ транспорты больныхъ, ихъ сортируютъ по палаткамъ, потомъ перевязываютъ,—легкихъ, скоро могущихъ выздоровѣть, оставляютъ здѣсь; хроническихъ и среднихъ (негодныхъ для вторичной службы) отправляютъ дальше въ Россію, а самыхъ тяжелыхъ тоже оставляютъ, потому что они не могутъ доѣхать. Ну, да я все это опишу въ порядкѣ и разумно, когда буду покойнѣе. Крѣпко васъ всѣхъ цѣлую.

№ 4. Фратешти, 12 августа.

Вотъ такъ жизнь: у насъ шесть врачей, четыре студента, три студентки, три фельдшерицы, три фельдшера, и никто изъ насъ не знаетъ, какой

сегодня день: кто говоритъ четвергъ, кто—пятница, а кто—суббота,—такъ и не знаемъ.

Въ Бухарестѣ мы пробыли всего двое сутокъ, причемъ много пришлось бѣгать, много покупать изъ одѣянія, потому что у меня оказалось все теплое. На другой же день по пріѣздѣ наши отправились представляться къ уполномоченному г. Рихтеру и записываться, куда кто хочетъ. Меня записали къ Х., чему я тогда и порадовалась, потому что не желала ни къ N., ни за Дунай. Г. Рихтеръ и проф. Х. встрѣтили насъ чрезвычайно любезно.

. . . . . .

Въ настоящее время дѣйствительно дѣла мало; которые были больные—большинство ихъ отправлено дальше, а новыхъ транспортовъ нѣтъ; при мнѣ былъ одинъ только транспортъ, который меня и измучилъ порядкомъ. Да еслибъ еще больные были, не говорю, помѣщены въ домахъ, но хотя бы лежали въ палаткахъ на кроватяхъ, такъ все же удобнѣе было бы ихъ изслѣдовать и перевязывать, а тутъ большинство лежитъ на полу, такъ спина порядкомъ разболѣвается, когда снуешь отъ одного къ другому; но и то бы ничего, я бы и съ этимъ примирилась, да вотъ еще неудобство—многіе (особенно терапевтическіе) лежатъ не въ палаткахъ, а просто подъ навѣсомъ. Чтобы залѣзать туда, нужно изогнуться въ три дуги и тамъ уже ползать на колѣняхъ отъ одного больного къ другому,—вчера я такъ тридцать человѣкъ осмотрѣла,—причемъ вылѣзаешь оттуда вся обсыпанная насѣкомыми... Я не могла обобраться, вылѣзши оттуда,— ночью занималась этою пріятною работой. Но примиряюсь и съ этимъ, лишь бы не было такъ жарко, я въ жизнь свою не могла и вообразить, чтобы могло быть такъ жарко и при этомъ можно бы было существовать и даже работать. Однако все бы это ничего, *лишь бы дали самостоятельную роль. Этотъ вопросъ самый важный*, и вотъ онъ-то не удовлетворенъ, и онъ, въ случаѣ не возможности измѣнить дѣло, можетъ заставить черезъ мѣсяцъ уѣхать.

13-е, суббота.

Мнѣ даже самой противны тѣ письма, которыя приходится писать и посылать тебѣ. Но нѣтъ пока возможности иначе писать, нѣтъ даже мѣста. Теперь уже 12 ч. ночи, я только что вернулась изъ Бухареста, куда ѣздила за платьями, потому что у насъ ждутъ государя. Между прочимъ, я сдѣлала себѣ 2 лѣтнихъ платья и еще нѣсколько вещей и за всѣмъ тѣмъ у меня до 1 сентября еще осталось рублей 50.

Отъ г. Рихтера я уже получила добавочныхъ за этотъ мѣсяцъ 105 фр., всего же въ мѣсяцъ придется обыкновенно получать 300 франк. Однако, все это глупо и безъинтересно. Я лучше разскажу тебѣ о своемъ положеніи, оно начинаетъ «улучшаться къ лучшему», какъ выразился студентъ Л—въ, за что его достодолжно и подняли на смѣхъ; меня начинаютъ баловать не только В. Г. Нестеровъ, но и другіе врачи; не только тѣ, которые и сначала были за меня, но даже и тѣ, съ которыми я была не въ ладахъ. Но все же мое положеніе мнѣ не нравится. Оно безусловно лучше, чѣмъ положеніе М—ой и *-ой, которыя здѣсь со мной, но далеко не такое,

какого бы я желала. Впрочемъ, я удивляюсь, какъ врачи, вмѣсто того, чтобы поколотить меня за мои дерзкія рѣчи и ругатню, меня же ублажаютъ... Сегодня, на возвратномъ пути изъ Бухареста, я встрѣтилась съ В. Г. Нестеровымъ,—онъ сегодня утромъ туда поѣхалъ, а я вчера,—онъ сейчасъ же поспѣшилъ порадовать новостью, что нашъ госпиталь долженъ увеличиться,—построятъ эвакуаціонный баракъ, будутъ отсылать больныхъ на санитарныхъ поѣздахъ подъ наблюденіемъ студентовъ и студентокъ, «Только не знаю, будетъ ли это вамъ по вкусу,—можетъ быть, тоже не понравится?» Можетъ быть, дѣйствительно не понравится, но все же это удовольствіе я испробую, по крайней мѣрѣ, такимъ образомъ познакомлюсь со многими госпиталями. Если кто меня держитъ здѣсь, такъ это именно Нестеровъ, безъ него бы я не осталась: онъ такой прекрасный человѣкъ, онъ совсѣмъ свой въ кружкѣ нашихъ студентовъ, студентокъ и врачей.

Третьяго дня я узнала, что мимо будетъ проѣзжать проф. Бергманъ (я познакомилась съ его ассистентомъ) . . . . . .

. . . . . .

Да я не стбю того угожденья, которое меня здѣсь окружаетъ, а все-таки я этимъ обязана тому, что сначала много ругалась, отстаивая наши права.

Не далеко отъ насъ есть нѣсколько госпиталей, хочу туда сходить. Нашъ госпиталь возлѣ самой станціи желѣзной дороги, другой же въ самой деревенькѣ Фратешти, тамъ наша М—ва и главный докторъ К—нъ. Тамъ постоянный госпиталь. За двѣ станціи отъ насъ,—ближе къ Бухаресту,—тоже госпиталь, гдѣ д-ръ Ринксъ. Этотъ госпиталь, говорятъ, великолѣпно устроенъ. Корженевскій теперь въ Бѣлѣ, куда изъ нашихъ поѣхали: *Подрѣзанъ*, *Литова* и *Эккертъ*; проф. Склифосовскій въ Систовѣ; къ нему поѣхали: *Мельникова*, *Яновская* и *Василева*. *Матвѣеву* уполномоченный Рихтеръ уговорилъ остаться въ «Красномъ Крестѣ». *Бантле* поѣхала въ Браиловъ къ проф. Насилову. А студентокъ 4-го курса (3-хъ) проф. Чудновскій послалъ въ Браиловъ въ госпиталь «Краснаго Креста», подобный фратештскому, только онѣ тамъ не только фельдшерскую должность исполняютъ, но замѣняютъ и сестеръ милосердія «на время», по словамъ Х., а какъ мнѣ кажется—такъ на все время кампаніи.

14-е.

На второмъ письмѣ (закрытомъ) я забыла поставить номеръ. Пишите мнѣ или сюда, или же можно писать въ Бухарестъ на уполномоченнаго г. Рихтера: Strada Romana по Calea Mogosoi, № 2,—это значитъ для передачи во Фратешти. Буду писать на разные лады свой адресъ до тѣхъ поръ, пока не получу отъ кого-нибудь изъ васъ письма. Я была вчера въ Бухарестѣ, тамъ намѣревалась кончить это письмо, потому и возила его съ собой, но мнѣ столько надавали порученій, что, несмотря на цѣлыя сутки, я не имѣла ни минуты даже для того, чтобы пообѣдать.

Отъ Журжева мы живемъ всего въ 7 верстахъ, бомбардировка Рущука не только слышна, но и виденъ огонь (т.-е. нужно бы было, кажется, сказать наоборотъ?).

Наканунѣ моей поѣздки въ Бухарестъ мы съ Петровой чуть ночью не уѣхали въ Журжево, чтобы посмотрѣть на бомбардировку вблизи; но никакъ не могли достать лошадей, несмотря на то, что одинъ офицеръ съ ногъ сбился и сбилъ съ ногъ своего денщика, чтобы только исполнить наше желаніе. При мнѣ канонада была только разъ.

Пишите же мнѣ, а то вотъ скоро полмѣсяца я о васъ ничего не знаю. Съ меня аккуратности въ корреспонденціи требовать нельзя: все зависитъ отъ количества больныхъ. В. Р. Буцке поклонъ.

Фратешти № 5. 1877 г., 17 августа.

У насъ въ Россіи всѣ воображаютъ, что санитарная часть въ данную войну обставлена великолѣпно; на самомъ же дѣлѣ приходится сталкиваться съ тѣмъ, о чемъ и не воображалъ, живя въ Москвѣ и зная дѣло по газетамъ.

У насъ—эвакуаціонный пунктъ, больные не лежатъ, а постоянно транспортируются далѣе, ихъ мѣсто замѣняютъ новые и т. д., и т. д. Вотъ образчикъ прихода и сортировки больныхъ.

Является къ намъ въ столовую палатку П—въ (завѣдующій хозяйственною частью) и объявляетъ, что скоро прибудетъ транспортъ на столько-то больныхъ. Обыкновенно, когда откуда-нибудь (изъ мѣстъ ближайшихъ къ мѣсту дѣйствія) направляется транспортъ, къ намъ телеграфируютъ. Но весьма нерѣдко телеграмма приходитъ позднѣе самого транспорта, такъ что волы, которые везутъ больныхъ, оказываются быстрѣе телеграфной проволоки. Къ намъ больныхъ везутъ на волахъ (офицеровъ—въ кибиткахъ, а солдатъ—просто въ телѣгахъ подъ прикрытіемъ солнечныхъ лучей), а отсюда отправляютъ далѣе по желѣзной дорогѣ. Какъ только узнаютъ у насъ о приближеніи транспорта, такъ начинается всеобщее писанье: заготовляются разграфленные листки, въ которыхъ нужно обозначить фамилію, полкъ, болѣзнь, когда началась и т. д., начинается бѣготня въ аптеку, гдѣ каждый старается по возможности больше захватить медикаментовъ и т. п. для своей палатки.

Вотъ показываются издали телѣги, если есть офицеры—они являются первыми вѣстниками всего транспорта. Транспортъ не бываетъ меньше 300 человѣкъ, иногда доходитъ до 700—800 чел., или же въ день является 3—4 транспорта по 300 — 280 чел. Начинается разгруженіе на площадкѣ (покрытой пылью), окруженной палатками. Всѣ больные, за исключеніемъ офицеровъ, которыхъ прямо переносятъ въ отведенную имъ палатку, ложатся на этой площадкѣ, кладя каждый подъ головы имѣющійся у него узелъ. Является военный докторъ или только для переклички, если транспортъ пришелъ къ намъ (т.-е. если у насъ есть мѣсто), или же и для переклички, и для назначенія медицинскаго пособія, если больные направляются въ какое-нибудь отдѣленіе ихъ госпиталя. Я уже писала, что это военный госпиталь, часть котораго находится въ вѣдѣніи Краснаго Креста. Вся административная часть лежитъ на военныхъ врачахъ. Перекличка продолжается иногда часа 4—5, причемъ врачъ, измученный и усталый отъ работы, надсаживается, выкрикивая: «Ивановъ, Петровъ, Семеновъ» и т. д.

«Эй, ты, Иванъ Якимовъ, 4-го Капорскаго (?) полка 5-й бригады!» Гдѣ-нибудь тамъ, вдали, между грудой лежащихъ кучъ—одна изъ нихъ начинаетъ пошевеливаться, приподнимается, и, если есть силы, начинаетъ двигаться къ врачу. Врачъ же въ это время читаетъ дальше присланный съ больнымъ листокъ и вычитываетъ, что у больного diarrhea.

«— Ну, что ты—боленъ?»

«— Боленъ, ваше высокородіе».

«— Чѣмъ ты боленъ?»

«— Поносомъ, ваше высокоблагородіе».

«— Покажи языкъ».

Больной высовываетъ языкъ. Докторъ проводитъ пальцемъ по языку и говоритъ:

«— Діарреи нѣтъ. Ну, бери вещи и иди вонъ въ ту палатку!»

Снова начинается выкрикиваніе. Но больной замѣшкался. Докторъ же спѣшитъ, ему некогда (ему дѣйствительно некогда). У больного діагнозъ—intermittens. Докторъ бросаетъ листокъ на руки фельдшера и говоритъ второпяхъ.

«— Ну, вотъ отдай ему intermittens и вели идти въ ту палатку. А ты чѣмъ боленъ?»—обращается онъ къ другому.

«— У меня, ваше благородіе, въ грудяхъ болитъ».

Докторъ въ это время наскоро читаетъ его діагнозъ на листкѣ: тамъ написано—disenteria.

«— А поносъ есть?»

«— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе, онъ былъ, а теперь...»

Но докторъ не слышитъ, онъ спѣшитъ скорѣй принять, потому что сегодня можетъ быть придетъ еще транспортъ, приказываетъ показать языкъ, также проводитъ по немъ пальцемъ и заключаетъ.

«— Да, похоже на disenteria. Веди его вонъ въ ту палатку. Ахъ, Боже мой, Боже мой! Я, пожалуй, засвѣтло не успѣю со всѣми покончить!»

Наконецъ, больные размѣщаются, и въ нашихъ палаткахъ начинается обходъ, причемъ больнымъ ставятъ болѣе или менѣе подходящіе діагнозы и даютъ лѣкарство. Весь транспортъ въ день пріѣзда отъ Краснаго Креста поится чаемъ. Ѣсть въ этотъ день рѣдко удается, потому что не имѣется такихъ запасовъ, хотя это и было бы необходимо, такъ какъ весьма нерѣдко солдатики пріѣзжаютъ голодными.

Бывали такіе случаи, что они ѣдутъ по одной дорогѣ, а поваръ по другой, такъ всю дорогу и не ѣдятъ; или же, какъ было въ позапрошлый разъ. Они послали повара впередъ въ одну деревню, чтобъ онъ тамъ приготовилъ обѣдъ, а сами (т.-е. ведущіе транспортъ) и забыли, что его послали туда и проѣхали другой дорогой мимо деревни, не заѣзжая въ нее. Это не сказки,—это голая истина.

При всемъ безпорядкѣ, въ нашемъ отдѣленіи просто царство небесное какъ служащимъ, такъ и больнымъ. У каждаго врача или одна большая

палатка, или нѣсколько маленькихъ; у врача имѣется для помощи или студетъ, или студентка и еще фельдшерица или сестра милосердія.

Я въ настоящее время только номинально состою при В. Г. Нестеровѣ, обхода съ нимъ не дѣлаю, съ нимъ ходитъ сестра или фельдшерица, которыя потомъ раздаютъ и лѣкарство, я же въ это время обхожу глазныхъ больныхъ. Въ моемъ вѣдѣніи находится одна большая палатка, а такъ какъ глазныхъ болѣзней много, то я получила въ свое вѣдѣніе еще полбольшой палатки у одного доктора. Въ мои владѣнія не заглядываетъ даже В. Г. Нестеровъ, я введена въ свои права самимъ проф. Чудновскимъ. Я могу предъявлять требованія для своего отдѣленія медикаментовъ и другихъ принадлежностей, могу выписывать больныхъ, если нахожу ихъ здоровыми, и отсылать обратно въ полкъ; могу, наконецъ, другихъ больныхъ транспортировать далѣе, если нахожу, что болѣзнь можетъ затянуться. Чудновскій даже разрѣшилъ мнѣ сегодня получить глазные инструменты и производить въ случаѣ надобности операціи. Конечно, мнѣ было бы интереснѣе имѣть терапевтическія палатки, но здѣсь вся терапія заключается въ хининѣ, опіи, валерьянѣ, Доверовыхъ порошкахъ и касторовомъ маслѣ, такъ что тоже не особенно интересно. Видно, ужъ судьба моя такая, что мнѣ не приходится разставаться съ глазными болѣзнями. Но все же это лучше, чѣмъ быть въ подчиненіи въ качествѣ фельдшера или помощника: это хорошо еще въ томъ отношеніи, что я *оффиціально* самостоятельна; разница моего положенія съ врачами та, что я не только предписываю, но сама и примѣняю лѣкарства. Къ В. Г. Нестерову я отношусь только тогда, когда нужно сдѣлать подкожныя вспрыскиванія,—этого онъ не поручаетъ ни фельдшерицѣ, ни сестрѣ; также иногда приходится составлять ему и списки...

Останусь ли я совсѣмъ во Фратештахъ—это неизвѣстно, пока же мѣнять мѣсто не хочу, можно напасть на худшее. Больше всего еще привлекаетъ остаться медицинскій персоналъ. Нестеровъ пока остается. Онъ самъ доволенъ, что у него подъ командой такой дружный персоналъ. Чудновскій согласился нашихъ студентовъ оставить во Фратештахъ и не посылать къ К—ну. У насъ и студенты, и врачи помѣщаются въ одной палаткѣ, не говорю уже про столъ: онъ общій. У К—на же даже обѣдаютъ порознь; у него нѣтъ никакого общенія между студентками, студентами и врачами. Я теперь устроилась хорошо: получила, благодаря одному доктору,—онъ ушелъ въ палатку,—отдѣльное купэ въ вагонѣ и теперь имѣю возможность позволять себѣ такую роскошь, какъ ежедневное полное омовеніе всего тѣла.

Отъ нынѣшняго мѣсяца у меня, вѣроятно, останется 2—3 золотыхъ, не больше, потому что я много накупила вещей, отъ будущаго же мѣсяца надѣюсь скопить рублей 50, потому что здѣсь тратить приходится мало. Скверно только то, что у насъ здѣсь нѣтъ никакихъ фруктовъ, только арбузы и то очень дороги, полфранка за каждый, да и то не больно-то хорошіе, и виноградъ за око 80 сантимовъ—и то плохой довольно. Въ дан-

ную минуту я ѣмъ шеколадъ и очень довольна, что взяла его съ собой. Жара у насъ невыносимая.

Всѣ ли письма мои получены?

№ 6. Фратешти. 18 августа 1877 г.

Вотъ какъ сегодня я провела день. Встала въ 7 часу, пошла въ столовую палатку, гдѣ многіе уже были въ сборѣ; напилась молока и чаю... Напившись чаю, пошла къ своимъ глазнымъ больнымъ. Обсйдя всѣхъ и раздавъ лѣкарство, я направилась къ доктору Лифле, чтобы онъ сдѣлалъ мнѣ операцію,—у меня очень разболѣлся палецъ, сдѣлался нарывъ; но на дорогѣ встрѣтила руманешти, который старался всѣми силами объяснить мнѣ, что у него болитъ рука, что его русскій солдатъ ударилъ, и онъ упалъ на руку. Принялась изслѣдовать. Гляжу: переломъ луча въ нижней трети. Скорѣй побѣжала къ доктору Лифле, чтобы наложилъ гипсовую повязку, потому что сама этого теперь сдѣлать не могу по случаю пальца. Наложилъ Лифле повязку, потомъ разрѣзалъ мнѣ палецъ; я хотя вытерпѣла эту операцію, но голова настолько закружилась, что я рѣшилась прилечь въ студенческой палаткѣ на одной изъ кроватей. У насъ, студентокъ, денного пристанища нигдѣ нѣтъ; мы стѣсняемъ студентовъ, сидимъ у нихъ, т.-е. я,—другія больше по своимъ вагонамъ. Вмѣсто того, чтобы немножко отдохнуть, я, оказалось, совсѣмъ заснула, да такъ и проспала до обѣда; обѣдать разбудили, послѣ же обѣда легла снова и снова заснула вплоть до шести часовъ вечера. Тутъ пришелъ транспортъ,—больныхъ у насъ теперь больше тысячи, можетъ быть около двухъ. Теперь всѣ транспорты состоятъ почти исключительно изъ терапевтическихъ больныхъ, хирургическихъ совсѣмъ нѣтъ; только вотъ сейчасъ (вечеромъ) пріѣхалъ одинъ офицеръ, говоритъ, что раненъ подъ Шипкой, что этотъ проходъ у русскихъ, что турки были отбиты; что у насъ раненыхъ около 2 тысячъ, и они всѣ ѣдутъ сюда. Вотъ будетъ работы-то! У насъ теперь и помѣщать некуда. И такъ пришелъ транспортъ, но у меня при этомъ обязательнаго дѣла теперь не бываетъ. Жена Нестероза въ это время ѣхала во Фратешти (въ деревню) отдавать прачкѣ бѣлье; поѣхала и я съ ней... Когда мы вернулись, происходила пріемка транспорта, и я присоединилась къ одному изъ врачей и стала принимать больныхъ. На войнѣ терапія очень простая: если поносъ—значитъ дизентерія; если трясетъ—лихорадка; если все въ жаръ бросаетъ—тифъ; отъ первой—капли Чудновскаго; отъ второй—хининъ; отъ третьяго—валерьянъ... Къ 9 часамъ пріемку транспорта уже покончили, пошли ужинать и чай пить, а потомъ я сейчасъ же и въ вагонъ ушла. Мнѣ начинаютъ надоѣдать разговоры,— они однообразны больно. Не думай, однако, чтобы постоянно такъ бездѣльно проходило время, какъ сегодня,—иногда вздохнуть некогда, такъ много работы.

За ужиномъ*) прибѣжали сказать, что фельдшеръ одинъ отравился: онъ, вмѣсто касторовaго масла, выпилъ концентрированный растворъ карболо-

*) По случаю того, что на пальцѣ былъ нарывъ.

вой кислоты. Теперь лежитъ, бѣдный, противъ моего вагона; отпаиваютъ молокомъ,—не знаю только, выходятъ ли. Медицинскаго персонала у насъ теперь бездна: прибавилось вчера двѣ фельдшерицы, а сегодня 15 фельдшеровъ!

Удивляюсь ужасно, отчего ни отъ кого изъ васъ до сихъ поръ не получала писемъ. Я думаю, уже разъ семь писала тебѣ свой адресъ, отправляя письма то по румынской, то по русской почтѣ. Понятно, если будешь писать по румынской почтѣ, такъ нужно будетъ адресъ мой написать по-нѣмецки. Снова повторяю, можно писать въ Бухарестъ: Galea Mogosoi, Strada Romana, № 2, г. Рихтеру—главному уполномоченному Краснаго Креста, но лучше во Фратешти,—думаю, что скорѣе дойдетъ.

19 августа.

Сегодня весь день и почти весь вечеръ шла бомбардировка Журжева. Русскіе почти не отвѣчали на зазывъ турокъ; но, говорятъ, съ завтрашняго дня начнется настоящая осада Рущука и къ 25-му дѣло должно быть кончено. Я сегодня отправлялась въ деревню Фратешти, въ госпиталь К—а на операцію: производилась ампутація руки и переливаніе ампутированному крови. Кровь взяли изъ одного румынешти, которому заплатили за это 15 руб. сер. У К—а лучше въ научномъ отношеніи: тамъ госпиталь постоянный, т.-е. больные тамъ лежатъ, ихъ оперируютъ, ихъ можно наблюдать; но за то обязанность студентокъ и студентовъ тамъ чисто фельдшерская, самостоятельности ни на грошъ,—изъ нашихъ тамъ М—ва. Врачи и самъ К—нъ настолько держатъ ихъ въ подчиненіи, что даже не обѣдаютъ вмѣстѣ; живутъ, понятно, тоже отдѣльно. У нихъ совсѣмъ нѣтъ той общности, нераздѣльности и отсутствія чиновъ, какое существуетъ у насъ. Каждый врачъ можетъ посылать М—ву, какъ фельдшера, за чѣмъ ему нужно, чего у насъ никакъ не можетъ быть, тамъ выговоры сыплются на каждомъ шагу, какъ орѣхи; а отлучиться куда-нибудь—Боже упаси!—нельзя и надѣяться. У насъ же ступай хоть когда хочешь, только попросятъ поспѣть къ транспорту... Теперь у насъ санитарнаго персонала назначена бездна, но за то и больныхъ много: 2,200 человѣкъ, да завтра 2,000 ждутъ,—некуда размѣщать, нечѣмъ кормить. Одного медицинскаго персонала, считая съ сестрами и сапитарами, у насъ чуть ли не около 60 человѣкъ, да каждый день еще какая-нибудь ватага проѣздомъ заѣзжаетъ. У насъ какой-то остановочный пунктъ для всѣхъ, такъ что видѣть новаго народу приходится масса. Это чрезвычайно любопытно—совсѣмъ въ моемъ вкусѣ такая бивуачная жизнь. Но научной пользы у насъ уже никакой; мы только знаемъ принимать, отсчитывать капли, высыпать порошки, размѣщать по палаткамъ, койкамъ или просто на соломѣ, а потомъ сплавлять однихъ далѣе въ Россію, другихъ обратно. Это жизнь вѣчнаго сновапія изъ стороны въ сторону, бесѣдъ и разговоровъ урывками,—начнешь съ однимъ, продолжаешь съ другимъ, а кончаешь съ 3-мъ, причемъ каждый изъ нихъ, можетъ быть, совсѣмъ иного калибра, совсѣмъ изъ другихъ мѣстъ и т. п. Опредѣленнаго и постояннаго ничего нѣтъ. Се-

годня я познакомилась съ однимъ врачомъ, которыи завѣдуетъ снабженіемъ военныхъ госпиталей медикаментами. Онъ постоянно въ разъѣздахъ, часто ѣздитъ въ главную квартиру; приглашалъ меня какъ-нибудь поѣхать съ нимъ вмѣстѣ. Я совсѣмъ не прочь, но не думаю, чтобы это могло устроиться, потому что дѣла нельзя будетъ своего оставить,—а мнѣ ужасно хотѣлось! Завтра вотъ онъ зоветъ въ Журжево—посмотрѣть на перестрѣлку, но мнѣ и то нельзя: придетъ большой транспортъ. Здѣсь хорошо бы жить самой по себѣ, т.-е. не получая денегъ, можно бы было многое повидать: каждый изъ военныхъ и изъ завѣдующихъ съ удовольствіемъ предлагаетъ мѣсто въ своемъ экипажѣ, когда ѣдетъ куда-нибудь.

20 августа.

Если сидѣть въ сборной (столовой), никогда ничего не сдѣлаешь: тамъ вѣчно народъ, сбирающійся со всѣхъ странъ, вѣчная болтовня обо всемъ и въ сущности ни о чемъ, вѣчное переполненіе желудка если не ѣдой, такъ чаемъ,—не чаемъ, такъ арбузами, виноградомъ. Виноградъ уже продается по 3 галагана (30 сантимовъ—это около 8 копѣекъ, на номинальный курсъ) за око, арбузы такіе громадные, какъ однажды привезъ намъ братъ Иванъ *) изъ Одессы—тоже по 3 галагана, только дыни дороже и притомъ мучнисты какъ-то на вкусъ. Больше все приходится платить дороже, потому что покупаешь здѣсь у служителей,—въ Журжево и во Фратешти каждый день не наѣздишься. У служителей за дыню приходится платить полфранка. Арбузы по-румынски — *пепены*, а дыни — *пепены-гальды*.

Теперь у насъ въ столовой палаткѣ засѣданіе: собрались члены новоосновываемой здѣсь эвакуаціонной коммиссіи и толкуютъ, какъ распредѣлять, лѣчить и отправлять больныхъ...

Мимо насъ проѣзжаютъ всѣ студентки, и теперь проѣздомъ въ Зимницу находится 5 человѣкъ: *Вашкевичъ*, *М. Попова*, *Ангелова*, *Бестужева*, *Соловьева*. Онѣ было ѣхали къ Я—чу, но такъ какъ пока еще неизвѣстно, гдѣ онъ, то ѣдутъ къ Ле—ну (харьковскій профессоръ). У насъ стоитъ много моряковъ, часто солдаты останавливаются лагеремъ, много офицеровъ... Ермолова (племянница нашей М. Г. Ермоловой) уже пріѣхала,—говорятъ,—дня 3 какъ здѣсь, только я съ ней ни разу еще не встрѣчалась.

Чѣмъ дольше живу здѣсь, тѣмъ больше довольна, что не осталась въ Россіи: здѣсь такъ много новаго, такъ много разнообразія, столько новыхъ лицъ встрѣчаешь, сколько, живя въ Питерѣ, и въ 4 года не встрѣтишь. Я не говорю, конечно, чтобы тутъ было удобно, неудобствъ масса, но всѣмъ этимъ можно пренебречь, зная, что такая жизнь временная. Не говорю я также, что довольна именно тѣмъ, что нахожусь во Фратештахъ,—нѣтъ, я главнымъ образомъ довольна тѣмъ, что поѣхала на войну; мнѣ бы хотѣлось пожить по разнымъ госпиталямъ, объѣздить бы здѣсь побольше мѣстъ, не знаю только, удастся ли.—Видишь, какъ я скверно пишу? Съ

*) Недавно умершій профессоръ Новороссійскаго университета И. С. Некрасовъ.

одной стороны оттого, что приходится всегда писать въ вагонѣ,—значитъ, на колѣняхъ, а съ другой—потому, что палецъ болитъ, какъ нарочно разболѣлся правый указательный. Мнѣ бы хотѣлось начать писать послѣдовательнѣй... Однако это ужасно, какъ вы долго мнѣ не пишете!... До тѣхъ поръ послѣдовательно не буду писать, пока не получу отъ васъ писемъ. Пишете, пожалуйста, чаще, письма изъ Россіи здѣсь могутъ цѣниться на вѣсъ золота... По № это письмо 6, а по счету оно 7, потому что №—да, можетъ быть, даже на двухъ письмахъ—не было (выставлено), я пишу чуть не каждый день. Крѣпко васъ всѣхъ цѣлую.

Сейчасъ Петровой привезли письмо, какъ мнѣ завидно! Неужели я долго не дождусь отъ васъ письма? Правильно ли мои письма доходятъ къ вамъ? Я всего одно закрытое послала по русской почтѣ, а остальныя—по румынской. Говорятъ, и по русской доходятъ всѣ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Нравственное воспитаніе и начальная школа *).

III.

Руссо очень краснорѣчиво рекомендовалъ воспитателю оставить воспитанника лицомъ къ лицу съ естественными послѣдствіями его поступковъ. У Руссо были, между прочимъ, и такіе знаменитые послѣдователи, какъ Спенсеръ и какъ нашъ графъ Толстой. Кто не помнитъ художественнаго описанія оригинальныхъ порядковъ ясно-полянской школы. Ученикъ Толстого идетъ въ школу весело и бодро. «Никакого урока, ничего, сдѣланнаго вчера, онъ не обязанъ помнить нынче. Его не мучаетъ мысль о предстоящемъ урокѣ. Онъ несетъ только себя, свою воспріимчивую натуру и увѣренность въ томъ, что въ школѣ нынче будетъ весело такъ же, какъ вчера. Онъ не думаетъ о классѣ до тѣхъ поръ, пока классъ не начался». «Учитель входитъ въ комнату, а на полу лежатъ и пищатъ ребята, кричащіе: «мала куча!» или: «задавили» и т. д. «Здравствуй, Петръ Михайловичъ!»—кричатъ другіе, продолжая свою возню. Учитель беретъ книжки, раздаетъ тѣмъ, которые съ нимъ пошли къ шкафу; изъ кучи на полу верхніе, лежа, требуютъ книжку. Куча понемногу уменьшается. Какъ только большинство взяли книжки, всѣ остальные уже бѣгутъ къ шкафу и кричатъ: и мнѣ, мнѣ. Ежели останутся еще какіе-нибудь 2 разгоряченные борьбой, продолжающіе валяться на полу, то сидящіе съ книгами кричатъ на нихъ: «ничего не слышно! Будетъ!» Увлеченные покоряются и, запыхавшись, берутся за книги и только въ первое время, сидя за книгой, поматываютъ ногой отъ неулегшагося волненія». Графъ Толстой энергично защищаетъ такой строй школы. «Безпорядокъ этотъ, или свободный порядокъ, страшенъ намъ только потому,—говоритъ онъ,—что мы привыкли къ совсѣмъ другому, въ которомъ сами воспитаны. Намъ кажется, безпорядокъ растетъ, дѣлается все больше и больше, что нѣтъ ему предѣловъ, кажется, что нѣтъ другого средства прекратить его, какъ употребить силу, а стоило только немного подождать—и безпорядокъ (или оживленіе)

*) *Русская Мысль*, кн. V, 1898 г.

самъ естественно улегся бы, и улегся бы въ порядокъ гораздо лучшій и прочнѣйшій, чѣмъ тотъ, который мы выдумаемъ... Школьники, люди хотя и маленькіе, но люди, имѣющіе тѣ же потребности, какія и мы, и тѣми же путями мыслящіе; они всѣ хотятъ учиться, за тѣмъ только и ходятъ въ школу, и потому имъ весьма легко будетъ дойти до заключенія, что нужно подчиняться извѣстнымъ условіямъ для того, чтобъ учиться. Мало того, что они люди, они—общество людей, соединенное одною мыслью. «А гдѣ трое соберутся во имя Мое и Я между ними». Подчиняясь законамъ только естественнымъ, вытекающимъ изъ ихъ природы, они возмущаются и ропщутъ; подчиняясь вашему преждевременному вмѣшательству, они не вѣрятъ въ законность вашихъ звонковъ, расписаній и правилъ». «Я убѣжденъ, что школа не должна вмѣшиваться въ дѣло воспитанія, подлежащее только семейству—говоритъ онъ далѣе—что школа не должна и не имѣетъ права награждать и наказывать, что лучшая полиція и администрація школы состоятъ въ предоставленіи полной свободы ученикамъ учиться и вѣдаться между собой, какъ имъ хочется». И графъ Толстой рисуетъ такую живую сценку: «вдругъ, не говоря ни слова, на второмъ или третьемъ послѣобѣденномъ классѣ, два или три мальчика забѣгаютъ въ комнату и спѣша разбираютъ шапки. «Что вы?»—«Домой».—«А учиться? Вѣдь, пѣніе».—«А ребята говорятъ домой»,—отвѣчаетъ онъ, ускользая съ своей шапкой. «Да кто говоритъ?»—«Ребята пошли!»—«Какъ же такъ?—спрашиваетъ озадаченный учитель, приготовившій свой урокъ.—Останься!» Но въ комнату вбѣгаетъ другой мальчикъ съ разгоряченнымъ, озабоченнымъ лицомъ. «Что стоишь?»—сердито нападаетъ онъ на удержаннаго, который въ нерѣшительности заправляетъ хлопки въ шапку.—«Ребята ужъ во-онъ гдѣ, у кузни, небось».—«Пошли? Пошли». И оба бѣгутъ вонъ, изъ-за двери крича: «Прощайте, Иванъ Ивановичъ!» И кто такіе эти ребята, которые рѣшили идти домой, какъ они рѣшили, Богъ ихъ знаетъ. Кто именно рѣшилъ, вы никакъ не найдете. Они не совѣщались, не дѣлали заговора, а такъ вздумали ребята домой. «Ребята идутъ!»—и застучали ножонки по ступенькамъ, кто котомъ свалился со ступеней, и, подпрыгивая и бултыхаясь въ снѣгу, обѣгая по узкой дорожкѣ другъ друга, съ крикомъ побѣжали домой ребята». За то какое оживленіе охватываетъ учениковъ во время интересныхъ занятій. Вотъ описаніе такого урока: «Ученики прижаты другими къ самому учителю и, задравъ головки, смотрятъ ему прямо въ ротъ. Дворовая самостоятельная дѣвочка, съ озабоченнымъ лицомъ сидитъ всегда на высокомъ стулѣ,—такъ и кажется, каждое слово глотаетъ; поплоше, ребята-мелкота, сидятъ подальше: они слушаютъ внимательно, даже сердито,—они держатъ себя такъ же, какъ и большіе. Кто навалился на плечи другому, кто вовсе стоитъ на столѣ. Рѣдко кто оглянется на васъ. Идетъ новый разсказъ, всѣ замерли, слушаютъ. Кажется, все мертво, не шелохнется, не заснули ли? Подойдешь въ полутьмѣ, взглянешь въ лицо какому-нибудь маленькому: онъ сидитъ, впившись глазами въ учителя, сморщивши лобъ отъ вниманія, и

десятый разъ отталкиваетъ съ плеча наваливающуюся на него руку товарища».

Безспорно, что мы можемъ многому поучиться у Толстого. Заинтересовать дѣтей настолько, чтобы ихъ такъ же трудно было оттащить отъ книги и отъ урока, какъ и отъ игры,—это великое дѣло. Всего, чего можно достигнуть, заинтересовавъ дѣтей занятіями, мы и будемъ добиваться посредствомъ интереса, возбуждаемаго самимъ преподаваніемъ. Но тамъ, гдѣ этого интереса окажется мало, чтобы заставить дѣтей работать, нужно будетъ пріучать ихъ дѣлать надъ собой усилія. Имъ и въ жизни придется нерѣдко имѣть дѣло съ малоинтересной работой, и въ жизни придется иногда дѣлать усилія надъ собой.

Толстой говоритъ, что современемъ ученики сами почувствуютъ необходимость порядка въ школѣ и сами его водворятъ. Но почему же учителю, какъ болѣе развитому человѣку, не помочь дѣтямъ въ этомъ отношеніи? Чтобы дѣти пожелали порядка, надо, чтобы они сначала ясно представили себѣ его необходимость, его хорошія стороны. Нельзя желать того, чего нѣтъ въ области мышленія, чего не представляешь себѣ. Почему же учителю не помочь дѣтямъ представить себѣ, какой порядокъ долженъ быть въ благоустроенной школѣ, какъ онъ облегчаетъ дѣло обученія, увеличиваетъ его результаты, какъ мѣшаетъ этому дѣлу отсутствіе порядка. Убѣдить большинство класса въ томъ, что необходимо вò-время приходить въ школу, что не слѣдуетъ мѣшать занятіямъ своимъ шумомъ, шалостями, что надо быть внимательнымъ къ уроку и т. д.,—не трудно; все это можно изложить такъ просто и такъ убѣдительно, что 8-ми лѣтній ребенокъ пойметъ такія разъясненія и естественно почувствуетъ необходимость тѣхъ немногихъ требованій, на которыхъ стòитъ настаивать. Съ другой стороны, школа дастъ еще не все, если она пріучитъ учениковъ работать только надъ тѣмъ, чего имъ хочется; она должна пріучить ихъ также къ тому, чтобы они сами направляли свое вниманіе, дѣлая для этого иногда усилія, на тѣ или другія существенныя стороны предметовъ. Школа Толстого этого не даетъ. Она не пріучитъ подчинять низшіе центры высшимъ.

Внушить дѣтямъ любовь къ школѣ настолько сильную, чтобы они не пропускали уроковъ, зная, что имъ никто не сдѣлалъ бы выговора за манкировки, что можетъ быть лучше этого? Но если учитель, несмотря на всѣ усилія, не сумѣетъ достигнуть этого, неужели надо будетъ и тогда предоставить дѣтей самимъ себѣ, неужели и тогда нельзя будетъ употребить по отношенію къ нимъ мѣръ нравственнаго воздѣйствія?

Прекрасно, если ученики сами сознательно доходятъ до необходимости установлять и поддерживать извѣстный порядокъ въ классѣ. Что можетъ быть лучше, какъ это, такъ сказать, общественное мнѣніе самихъ школьниковъ безъ всякаго формальнаго вмѣшательства учителя, порицающаго или одобряющаго учениковъ, отступившихъ отъ выработаннаго ими самими хорошаго кодекса. Во всемъ этомъ каждый современный учитель охотно по-

слѣдовалъ бы за Толстымъ. Современная школа не должна носить строго-формальнаго бездушнаго характера средневѣковой схоластики. За дѣтьми мы должны признать опредѣленныя права; но нельзя также не возложить на нихъ извѣстныхъ обязанностей. Имъ придется жить въ обществѣ, гдѣ существуютъ законы, и мы должны внушить имъ уваженіе къ закону. Имъ придется вращаться среди другихъ людей и мы должны внушить имъ уваженіе къ правамъ и достоинству другихъ людей, мы должны образовать въ нихъ привычку воздерживаться отъ обиды и вреда ближнему и т. д. Толстой забылъ, что нуженъ былъ его необыкновенный педагогическій талантъ, его беззавѣтное увлеченіе школою, чтобы, при системѣ невмѣшательства со стороны учителя, стали возможны достигнутые имъ результаты. Нельзя требовать, чтобы всѣ учителя были одарены такими же педагогическими способностями, какъ самъ Толстой: мы должны считаться съ силами заурядныхъ учителей.

Да и въ школѣ Толстого было не все благополучно: были случаи тѣлесныхъ поврежденій во время дракъ; были кражи. Нельзя, значитъ, соглашаться съ Толстымъ, что гдѣ собралось три школьника, тамъ Христосъ посреди нихъ. У школьниковъ очень много хорошихъ побужденій, интересовъ, порывовъ, стремленій. Надо дать всему хорошему полный просторъ, надо удовлетворять всѣ разумныя, всѣ честныя требованія и желанія. Но у школьниковъ есть и дурные инстинкты маленькихъ варваровъ, скверныя привычки, и было бы вредно предоставить свободу развитія и этимъ послѣднимъ. Очень часто будетъ опасно дожидаться того времени, когда сами послѣдствія дурныхъ поступковъ приведутъ дѣтей къ раскаянію и исправленію, какъ это предлагаютъ Руссо, Спенсеръ и Толстой.

Спенсеръ говоритъ намъ: «Когда ребенокъ упадетъ или ударится головой объ столъ, онъ чувствуетъ боль, воспоминаніе о которой заставляетъ его быть болѣе осторожнымъ, такъ что послѣ нѣсколькихъ повтореній подобныхъ случаевъ онъ совсѣмъ выучивается управлять своими движеніями. Если онъ схватится за рѣшотку камина, сунетъ въ пламя свѣчи руку или обольетъ ее кипяткомъ, то обваръ или обжогъ послужитъ ему урокомъ, котораго онъ не забудетъ долго. Впечатлѣніе, которое вынесъ ребенокъ отъ одного или двухъ случаевъ подобнаго рода, бываетъ такъ сильно, что впослѣдствіи никакими убѣжденіями не заставишь его пренебречь законами самосохраненія... Во всѣхъ этихъ случаяхъ, природа намъ указываетъ наглядными образомъ настоящую теорію и настоящую практику нравственной дисциплины,—теорію и практику, которыя при поверхностномъ наблюденіи покажутся вполнѣ обыкновенными, а при тщательномъ—представятся совершенно своеобразными».

«Особенность этихъ наказаній,—по справедливому мнѣнію Спенсера,—заключается въ томъ, что они суть *неизбѣжное послѣдствіе* тѣхъ дѣйствій, за которыми они слѣдуютъ; это не что иное какъ *неизбѣжная реакція*, которая вызвана дѣйствіями ребенка». Нельзя оспаривать, что это пре-

красная система воспитанія вездѣ, гдѣ она окупаетъ вредъ, нанесенный неизбѣжнымъ естественнымъ наказаніемъ.

Ученикъ засорилъ полъ, загрязнилъ парту, слѣдуетъ заставить его самого подмести полъ и вымыть парту. Это справедливо и надо именно такъ поступать. Но вотъ онъ изорвалъ книгу и тетрадь, сломалъ ручку; неужели не будетъ жестоко лишить его, какъ требовала бы теорія Спенсера, и книгъ, и тетрадей, и перьевъ, безъ чего онъ не можетъ учиться? «Если ребенокъ опаздываетъ одѣваться на прогулку, надо уйти, не дожидаясь его», совѣтуетъ Спенсеръ. Но если ученикъ пропускаетъ уроки, не будетъ ли очень жестоко не помочь ему догнать товарищей. Дожидаться естественныхъ послѣдствій иногда обойдется очень дорого дѣтямъ. Естественныя послѣдствія отъ куренія табаку въ раннемъ дѣтствѣ, отъ несоблюденія правилъ гигіены, отъ гнѣвныхъ вспышекъ, послѣдствіемъ которыхъ можетъ быть опасное пораненіе товарища въ ссорѣ,—все это было бы слишкомъ дорогая для самого ребенка цѣна воспитательной системы. Ученикъ шумитъ и шалитъ во время урока. Ожидать, когда онъ почувствуетъ на себѣ вредныя послѣдствія своего поведенія, безъ всякаго вмѣшательства учителя, надо будетъ очень долго. А между тѣмъ вредъ, причиняемый его шалостями и себѣ самому, и всему классу, слишкомъ великъ, чтобы можно было спокойно ожидать цѣлые годы того момента, когда ученикъ убѣдится, что, благодаря шалостямъ, онъ мало узналъ и помѣшалъ успѣхамъ своихъ товарищей. Повидимому, Спенсеръ заимствуетъ свою систему воспитанія у животныхъ. Но тамъ жизнь такъ проста и несложна, заключена въ такомъ тѣсномъ кругу удовлетворенія физическихъ потребностей, что система эта является вполнѣ достигающей цѣли. Жизнь человѣка неизмѣримо сложнѣе, и такая система въ примѣненіи къ людямъ хороша только въ извѣстныхъ случаяхъ, когда ею и будетъ пользоваться тактичный учитель. Такой системы мало уже потому, что въ основѣ ея лежитъ польза для себя одного. Эта система учитъ воспитанника избѣгать лишь того, что вредно для него самого. Но есть еще вредъ для другихъ, есть вредъ для общества, есть еще нравственная отвѣтственность, есть совѣсть, которой такая система воспитанія не разовьетъ и даже не затронетъ.

Мы приходимъ такимъ образомъ къ выводу, что наилучшими средствами поддержанія дисциплины надо признать интересъ дѣтей къ класснымъ занятіямъ, ихъ любовь къ школѣ, ихъ дѣятельное участіе въ установленіи регулярныхъ школьныхъ порядковъ и такъ называемую систему естественныхъ наказаній. Но въ то же время опытъ и наблюденія приводятъ къ выводу, что однихъ этихъ средствъ не всегда бываетъ достаточно. Необходимо, значитъ, пользоваться еще другими способами прямого или косвеннаго воздѣйствія на учащихся.

И вотъ здѣсь мы снова встрѣчаемся съ опасностью, что нѣкоторые изъ учителей могутъ обратиться къ старинной системѣ воспитанія, основанной на чувствѣ страха. Чтобъ избѣжать необходимости пользоваться этою системой, важно знать другія, лучшія мѣры предупрежденія и исправ-

ленія проступковъ и развитія положительныхъ качествъ въ ребенкѣ. Употребляемыя для этого средства чрезвычайно разнообразны, но учителю и воспитателю надо знать ихъ всѣ, чтобы онъ могъ въ каждомъ данномъ случаѣ выбрать изъ нихъ наилучшія.

Прежде всего сюда относятся мѣры предупредительнаго характера;— это съ одной стороны цѣлесообразная классная обстановка, а съ другой— организація и пріемы занятій. Особо стоятъ средства, воздѣйствующія на совѣсть, чувство долга, опирающагося на сознаніе и волю ребенка; далѣе идутъ мѣры, дѣйствующія на стыдъ, какъ, напримѣръ, порицанія, выговоры, мѣры, опирающіяся на общественные мотивы и на мнѣніе школы; и, наконецъ, мѣры, съ сущностью которыхъ мы познакомились на примѣрѣ средневѣковой школы,— всякіе виды тѣлесныхъ наказаній, къ которымъ мы не можемъ относиться иначе какъ отрицательно. Разсмотримъ каждую изъ этихъ мѣръ въ отдѣльности.

Тѣсное, душное помѣщеніе обусловливаетъ быстрое утомленіе учащихся и дѣлаетъ ихъ невнимательными къ уроку, разсѣянными, непонятливыми, невоспріимчивыми. Въ этомъ отношеніи начальныя училища всего менѣе удовлетворяютъ нормальнымъ требованіямъ. Въ Курской губерніи, по разсчету г. Бѣлоконскаго, изъ 527 классныхъ комнатъ только 31 имѣетъ нормальный кубическій объемъ (не менѣе 11,22 кубич. арш. на ученика), а 61 имѣютъ объемъ $^3/_4$ нормы, 175 отъ $^1/_2$ до $^3/_4$ нормы, 252— отъ $^1/_4$ до $^1/_2$ нормы. Но есть 8 школъ съ объемомъ менѣе $^1/_4$ нормы. Даже въ Московской губ., которая въ отношеніи народнаго образованія стоитъ впереди другихъ губерній, изъ 463 измѣренныхъ школьныхъ помѣщеній, по разсчетамъ г. Петрова, только 89 удовлетворяютъ нормальнымъ требованіямъ, 345 содержатъ не менѣе $^1/_2$ нормы и 187 менѣе $^1/_2$.

При такихъ условіяхъ особенное значеніе получаютъ заботы учителей о поддержаніи чистоты въ классѣ и свѣжести воздуха, о правильной топкѣ, объ уборкѣ классовъ, о наилучшей разстановкѣ партъ, объ организаціи дежурства школьниковъ.

Но заботы учителя обо всемъ этомъ нерѣдко встрѣчаютъ препятствія со стороны часто невѣжественныхъ и равнодушныхъ къ школьному дѣлу распорядителей по хозяйственной части, выбираемыхъ изъ кулаковъ и міроѣдовъ.

Общее мнѣніе учителей, съ которыми пишущему эти строки приходилось бесѣдовать по этимъ вопросамъ, таково, что полнымъ хозяиномъ школьнаго дѣла должно быть земство. Суммы на содержаніе школьнаго зданія, на отопленіе, освѣщеніе, поддержаніе чистоты и т. п. должны быть отпускаемы въ распоряженіе учителя, который отдаетъ отчетъ въ ихъ израсходованіи. Къ сожалѣнію, далеко не всѣ земства перешли къ такому порядку. Въ большинствѣ школъ завѣдываніе хозяйственною частью лежитъ на попечителѣ училища, нерѣдко безграмотномъ человѣкѣ, совершенно чуждомъ дѣлу образованія. Какъ на переходную мѣру, можно указать на существующій въ нѣкоторыхъ земствахъ порядокъ, когда земская

управа всѣ пособія отъ сельскихъ обществъ на содержаніе школъ вписываетъ въ свои окладныя книги.

Переполненіе школъ учащимися, при одномъ учителѣ, оказываетъ чрезвычайно вредное вліяніе на успѣхи обученія. Это доказывается статистически. Въ Александрійскомъ уѣздѣ, Херсонской губерніи было подсчитано, что въ школахъ, гдѣ приходится менѣе 50 учащихся на одного учителя, процентъ окончившихъ курсъ въ 1897 г. равнялся 9,7%, отъ 50—75 учащихся—7,7%, отъ 75 до 100—6,3%, а свыше 100 только 5,3%. Такимъ образомъ, успѣшность школы падаетъ по мѣрѣ переполненія ея учащимися, умственное и нравственное вліяніе учителя на учениковъ слабѣетъ, и ученики, большею частью предоставленные самимъ себѣ, становятся мало внимательными, недостаточно трудолюбивыми, менѣе успѣвающими. Вотъ почему выдвинутый въ послѣднее время вопросъ о всеобщемъ обученіи и нормальной сѣти школъ хотя и косвенно, но касается и увеличенія успѣшности существующихъ уже училищъ. Чѣмъ болѣе будетъ школъ, тѣмъ меньше онѣ будутъ переполняемы и тѣмъ успѣшнѣе будетъ въ нихъ дѣло обученія и воспитанія.

Очень большое, почти рѣшающее значеніе имѣетъ организація классныхъ занятій. Если уроки слишкомъ длинны, ученики подъ конецъ утомляются, вниманіе ихъ исчезаетъ, начинаются шалости. Въ послѣднее время врачи представили цѣлый рядъ наблюденій, указывающихъ на ухудшеніе качества классной работы подъ вліяніемъ утомленія. Напримѣръ, Сикорскій пользовался для этого сравненіемъ 1,500 диктовокъ, сдѣланныхъ дѣтьми утромъ, до начала уроковъ, и къ вечеру, по окончаніи занятій. При этомъ онъ принималъ въ разсчетъ только такія ошибки, которыя не зависятъ отъ знанія, а потому могутъ быть легко предупреждены вниманіемъ.

Оказалось, что число такихъ описокъ въ концѣ учебнаго дня было гораздо значительнѣе, чѣмъ при началѣ уроковъ. Работа усталыхъ дѣтей была среднимъ числомъ на 33% слабѣе той, какая ими была сдѣлана передъ уроками въ бодромъ состояніи. Описки состояли большею частью въ замѣнѣ однѣхъ буквъ другими, сходными или по произношенію, или по начертанію. Другой способъ измѣренія усталости основанъ на слѣдующемъ пріемѣ: ставятъ концы циркуля на кожу въ томъ мѣстѣ, гдѣ она наиболѣе чувствительна; при большомъ разстояніи между концами будутъ ощущаться два укола; при небольшомъ же растояніи концовъ циркуля ощущается лишь одинъ уколъ, несмотря на то, что въ дѣйствительности циркуль прикасается къ двумъ мѣстамъ на кожѣ. Степень чувствительности въ этомъ случаѣ находится въ зависимости отъ степени переутомленія. Нормальный, бодрый человѣкъ почувствуетъ двойное прикосновеніе при гораздо меньшемъ разстояніи ножекъ циркуля, чѣмъ переутомившійся. Описанный пріемъ примѣнялся въ учебныхъ заведеніяхъ для измѣренія степени утомленія учениковъ. При этомъ оказывалось, что послѣ нѣкоторыхъ уроковъ у всѣхъ учениковъ разстояніе между концами циркуля

ощущалось слабѣе, чѣмъ передъ урокомъ: такъ, напримѣръ, ученикъ, ощущавшій передъ началомъ занятій два укола циркуля, разставленнаго на 5 милиметровъ, не былъ въ состояніи ощущать того же послѣ урока; только при десяти, пятнадцати и болѣе милиметрахъ разстоянія онъ снова чувствовалъ два укола. Другими словами: умственная работа настолько переутомила ученика, что онъ потерялъ нѣкоторую долю чувствительности осязательныхъ нервовъ. По праздничнымъ же днямъ не наблюдалось никакого значительнаго колебанія чувствительности: молодежь была въ полдень столь же впечатлительна, какъ и утромъ. Результаты измѣреній послѣ урока гимнастики представляютъ особый интересъ.

Этотъ урокъ въ пяти случаяхъ принесъ отдохновеніе, въ трехъ — необычайное переутомленіе. Докторъ Вагнеръ, производившій наблюденія, замѣчаетъ справедливо: «Игры дѣйствуютъ на однихъ утомляющимъ образомъ, на другихъ—отдохновляющимъ, а зависитъ это отъ того, кто какъ относится къ игрѣ. Утомленными оказываются тѣ, которые принимали болѣе живое участіе въ игрѣ, а отдохнувшими относившіеся къ ней пассивно». Насколько утомляющимъ образомъ дѣйствуютъ на учениковъ письменныя работы, тоже свидѣтельствуютъ измѣренія, произведенныя докторомъ Вагнеромъ; послѣ такихъ работъ цифры утомленія достигаютъ несоразмѣрной высоты. Это и понятно. Во время письменной работы всякій старательный ученикъ напрягаетъ все свое вниманіе въ теченіе цѣлаго часа; ясно, что такой урокъ дѣйствуетъ гораздо утомительнѣе, чѣмъ обыкновенный, когда большинство учениковъ время отъ времени отвлекаетъ свое вниманіе. Насколько вредны подобныя работы, если онѣ слѣдуютъ одна за другой, доказалъ докторъ Вагнеръ слѣдующимъ опытомъ: учениками были исполнены въ теченіе двухъ часовъ безъ всякаго перерыва двѣ различныя письменныя работы (по французскому и нѣмецкому языкамъ). Полученныя при измѣреніи числа доказали, что послѣдствія двухчасовой письменной работы безъ перерыва крайне утомительны и вредны: чрезвычайное утомленіе, произведенное двухчасовою работой, не могло быть вознаграждено слѣдовавшимъ затѣмъ продолжительнымъ отдыхомъ.

Не менѣе любопытны такія наблюденія Бюргерштейна. Онъ заставляетъ 162 дѣтей 11—13 лѣтъ производить 4 раза въ часъ, каждый разъ въ теченіе 10 минутъ съ 5-минутными перерывами между 2 опытами, простыя, хорошо знакомыя дѣтямъ вычисленія. При этомъ оказалось, что въ первыя 10 минутъ число ошибокъ равнялось 3%, во вторыя 10 минутъ—4%, въ третьи—5,7%, въ четвертыя—6%.

Къ такимъ же выводамъ пришелъ Гёпфнеръ, заставляя дѣтей писать подъ диктовку.

Если мы обратимся къ нормамъ продолжительности занятій, то наилучшими надо будетъ считать выработанныя въ Эльзасѣ и Лотарингіи въ 80-хъ годахъ. Коммиссія, созванная по этому вопросу, признала за максимальное число часовъ умственныхъ занятій (въ школѣ и дома) для дѣтей 7—8 лѣтъ—4 часа, 9 лѣтъ—4½ часа, 10—11 лѣтъ—6 часовъ, 12, 13 и

14 лѣтъ—7 часовъ. Но мало принять въ вниманіе норму продолжительности занятій, необходимъ еще отдыхъ между уроками, не менѣе 1/4 часа, и болѣе значительный перерывъ между до-обѣденными и послѣ-обѣденными занятіями. Въ этомъ отношеніи наша начальная школа оставляетъ желать много лучшаго.

Въ Московской губерніи въ сельскихъ школахъ ученики старшаго отдѣленія занимаются среднимъ числомъ въ недѣлю, не считая Закона Божія, пѣнія и гимнастика, около 25 часовыхъ уроковъ, въ среднемъ 24½, въ младшемъ 22½.

Прибавивъ сюда уроки Закона Божія и пѣнія, мы получимъ около 30 уроковъ въ недѣлю или около 5 часовъ въ день. Если это число уроковъ и можно принять за нормальное для учениковъ старшаго отдѣленія, при условіи, что всѣ уроки приготовляются въ классѣ и на домъ не дается никакихъ работъ, то для средняго и младшаго отдѣленія такое количество учебнаго времени слѣдуетъ признать чрезмѣрнымъ. Такимъ же чрезмѣрнымъ слѣдуетъ признать и число уроковъ въ городскихъ училищахъ, содержимыхъ городскою думою. Здѣсь число уроковъ въ младшемъ отдѣленіи колеблется между 21 и 30 въ недѣлю, въ среднихъ отдѣленіяхъ между 27 и 30 и въ старшихъ между 27 и 32 *).

Но въ дѣйствительности положеніе дѣтей еще хуже. Большинство учителей даютъ дѣтямъ работы и на домъ, увеличивая такимъ образомъ еще на 2, на 3 часа время ежедневныхъ занятій. Впрочемъ, если и можно при современномъ состояніи дидактики освободить дѣтей отъ домашняго приготовленія уроковъ, то было бы крайне *не* желательно прекратить выдачу книгъ при дѣтской библіотекѣ, а между тѣмъ въ интересахъ здоровья дѣтей слѣдовало бы сдѣлать соотвѣтствующія уменьшенія классныхъ занятій, чтобы предоставить дѣтямъ возможность, безъ переутомленія, посвятить часъ-два на чтеніе книгъ изъ школьной библіотеки.

Еще хуже стоитъ дѣло съ перемѣнами между уроками. Въ московскихъ думскихъ училищахъ малая перемѣна продолжается въ огромномъ большинствѣ школъ всего только 5 минутъ, и членъ управы, завѣдывающій учебною частью, г. Лебедевъ, въ своемъ отчетѣ, пишетъ: «бо́льшая, до четверти часа, длительность перемѣны представляется едва ли удобной». Почему г. Лебедевъ не считаетъ удобнымъ предоставить дѣтямъ достаточный отдыхъ послѣ каждаго часового урока,—угадать трудно, и это тѣмъ болѣе, что самъ г. Лебедевъ не считаетъ нужнымъ ознакомить читателей съ его мотивами.

Продолжительность каждаго урока почти вездѣ часовая. А между тѣмъ въ младшемъ отдѣленіи, когда вниманіе учениковъ еще не достаточно развито, урокъ долженъ продолжаться не болѣе 30 минутъ. Въ тѣхъ же видахъ поддержанія въ дѣтяхъ бодрости и свѣжести вниманія, при составленіи распредѣленія уроковъ крайне важно, чтобы предметы, требующіе отъ уче-

*) Отчеты о состояніи городскихъ училищъ г. Москвы.

никовъ наибольшаго вниманія и свѣжести мозга, какъ, напримѣръ, чтеніе на первой ступени и объяснительное чтеніе трудной статьи, а также рѣшеніе ариѳметической задачи новаго типа всегда назначались на первые изъ утреннихъ часовъ, когда приливъ силъ бываетъ наибольшій, а затѣмъ послѣ завтрака и большой перемѣны, когда наступаетъ новый подъемъ силъ, впрочемъ, уступающій первому. По тѣмъ же соображеніямъ очень важно, чтобы два однородныхъ предмета не шли рядомъ другъ съ другомъ, и слѣдуетъ располагать уроки такимъ образомъ, чтобы самая смѣна занятій служила отдыхомъ. Если послѣ устнаго счисленія будетъ назначено письмо, то получается та выгода, что, когда работаютъ однѣ способности, тогда отдыхаютъ другія. Особенно важно это требованіе на первыхъ порахъ, почему хорошій учитель, занимаясь съ новичками, быстро переходитъ отъ одного предмета на другой, какъ только увидитъ, что дѣти становятся разсѣянными. Онъ то разложитъ съ ними слово на слоги и звуки, то почитаетъ, то попишетъ, то посчитаетъ, то порисуетъ. Вниманіе учениковъ при этомъ все время остается напряженнымъ; когда имъ надоѣдаетъ одно занятіе, они переходятъ къ другому; интересъ къ работѣ поддерживается непрерывно, дѣтямъ некогда шалить, и всякія дисциплинарныя мѣры становятся излишними. Учебная практика выработала цѣлый рядъ раціональныхъ пріемовъ, направленныхъ къ тому, чтобы поддерживать неутомленное вниманіе дѣтей на предметѣ урока. Многіе изъ этихъ пріемовъ чрезвычайно просты и потому заслуживаютъ самаго широкаго распространенія въ учительской средѣ, а между тѣмъ еще далеко не вездѣ получили право гражданства.

Первое мѣсто здѣсь занимаютъ такъ называемые катехизическіе пріемы преподаванія. Въ хорошей школѣ большую часть времени показываютъ предметы нагляднаго обученія, учитель только спрашиваетъ, даетъ задачи и данныя для ихъ рѣшенія, а ищутъ отвѣтовъ, дѣлаютъ наблюденія, формулируютъ правила, думаютъ, говорятъ сами ученики;—учитель обращаетъ свои вопросы не къ одному ученику, а ко всему классу, чтобы никто не зналъ, кому изъ нихъ придется дать отвѣтъ на заданный вопросъ, требуя при этомъ, чтобы ученики отвѣчали только по приглашенію учителя. Въ этомъ случаѣ каждый изъ учениковъ ждетъ, что на него падетъ выборъ учителя, и это одно ожиданіе заставляетъ его внимательно выслушивать вопросы и серьезно обдумывать требуемый отвѣтъ.

Какъ ни просты эти чисто-техническіе пріемы, но, къ сожалѣнію, далеко не всѣ учителя владѣютъ ими. Въ средней школѣ они совсѣмъ не распространены. Тамъ и до сихъ поръ господствуетъ акроаматическая форма преподаванія, когда курсъ излагается безъ активнаго участія учениковъ; у посредственнаго учителя, неумѣющаго заинтересовать дѣтей красивою формою изложенія, ничто не поддерживаетъ вниманія ученика на предметѣ урока. Наши учительскія семинаріи, и особенно въ послѣднее время, съ одной стороны, подъ вліяніемъ формализма, а съ другой, благодаря часто неудачному личному составу, не даютъ своимъ воспитанникамъ ни достаточнаго общаго развитія, ни техническихъ пріемовъ преподаванія.

Многое въ этомъ послѣднемъ отношеніи могли бы сдѣлать учительскіе курсы, но они устраиваются до сихъ поръ такъ рѣдко, подготовленныхъ руководителей для нихъ такъ мало, роль учителей на курсахъ, по существующимъ правиламъ, такъ пассивна, что совершенно невозможно разсчитывать ни на широкое ихъ распространеніе, ни на значительные ихъ успѣхи. Курсы хороши только за неимѣніемъ лучшаго. У насъ нѣтъ учительскихъ съѣздовъ, гдѣ учителя являлись бы полноправными членами и мѣнялись бы между собою накопленнымъ опытомъ. У насъ нѣтъ ни педагогическаго факультета при университетѣ, ни высшаго педагогическаго института, гдѣ разрабатывались бы вопросы обученія и воспитанія. Наши учителя, заброшенные въ глуши, рѣшаютъ сами, каждый на свой страхъ и рискъ, по своему крайнему разумѣнію, всѣ вопросы, касающіеся школьной практики. Ихъ оффиціальные руководители часто поражаютъ насъ своимъ полнымъ невѣжествомъ въ дѣлѣ преподаванія и ограничиваются только ролью полицейскаго надзора, и на немъ одномъ строятъ свою служебную карьеру, какъ будто бы отъ нихъ никто и никогда ничего другого и не требовалъ.

При такихъ условіяхъ надо удивляться не тому, что учителя, не знающіе, откуда имъ почерпнуть самые элементарные техническіе пріемы преподаванія, не умѣютъ безъ примѣненія дисциплинарныхъ мѣръ поддержать вниманіе учениковъ и порядокъ въ классѣ, а надо удивляться тому, какъ, несмотря на всѣ неблагопріятныя условія, большинство учителей все же настолько свѣдущи и развиты, что находятъ возможнымъ обходиться безъ наградъ и безъ наказаній, безъ балловъ и безъ исключеній. И тѣмъ не менѣе, даже въ Москвѣ, гдѣ у учителей есть полная возможность ознакомиться съ раціональными мѣрами поддержанія вниманія и порядка, встрѣчаются школы, гдѣ пріемы преподаванія и школьнаго порядка, часто поддерживаемые и надзирающими лицами, ниже всякой критики.

Когда учителемъ сдѣлано все, чтобы заинтересовать учениковъ занятіями и предупредить ихъ утомленіе и невниманіе, когда учитель не даетъ дѣтямъ непосильныхъ упражненій, когда его объясненія понятны и ясны, его преподаваніе наглядно и живо,—несомнѣнно, что школьная дисциплина выиграетъ чрезвычайно много. Еслибы задачи школы ограничивались однимъ преподаваніемъ и дисциплиной, то указанныхъ предупредительныхъ мѣръ было бы вполнѣ достаточно для опытныхъ учителей. Но задачи школы гораздо шире и воспитательное вліяніе ея не должно ограничиваться цѣлями только классной дисциплины, понимаемой въ узкомъ смыслѣ. Мы уже сказали выше, что дисциплина можетъ и должна воспитывать не для класса только,—въ дальнѣйшемъ изложеніи попытаемся доказать, что можетъ сдѣлать въ этомъ направленіи хорошій учитель.

В. Вахтеровъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Генрихъ Гейне *).

(Къ столѣтію со дня рожденія).

VIII.

Трагически сложилась судьба Гейне: при своемъ неудержимомъ стремленіи къ свободѣ онъ былъ жертвой безпрестанныхъ преслѣдованій и стѣсненій. Одаривъ его жизнерадостной натурой, любовью къ красотѣ и искусству, судьба бросила его въ омутъ партійной борьбы, гдѣ нарушеніе разъ установленной программы является величайшимъ преступленіемъ, а сами борцы изъ живыхъ людей превращаются въ скучныхъ манекеновъ. Великому поэту не легко было выдерживать характеръ: онъ любилъ смѣяться надъ тѣмъ, что смѣшно, хотя бы этотъ смѣхъ косвенно задѣвалъ его единомышленниковъ; онъ не стѣснялъ себя въ личной жизни и не могъ усвоить себѣ всѣхъ внѣшнихъ признаковъ, всѣхъ пріемовъ, по которымъ сразу отличали представителя той или другой группы.

Эту свободу личности, эту эмансипацію не только отъ гнета притѣснителей, но и отъ деспотизма своихъ единомышленниковъ Гейне унесъ съ собой въ Парижъ.

Если въ Германіи онъ не привлекъ на свою сторону ни одной партіи, задѣлъ и возбудилъ противъ себя всѣхъ своимъ безпощаднымъ сарказмомъ, то въ Парижѣ положеніе поэта въ отношеніи къ различнымъ партіямъ должно было сдѣлаться еще затруднительнѣе. Затрудненіе это увеличивалось благодаря новой позиціи, которую онъ занялъ по отношенію къ своему отечеству и къ странѣ, пріютившей и обласкавшей его. Мы постараемся указать условія, при которыхъ протекала жизнь поэта во второй періодъ его литературной дѣятельности, и выяснить, какъ отразились эти условія на его литературныхъ произведеніяхъ французскаго періода.

Пока Гейне жилъ въ Германіи, онъ умѣлъ только ненавидѣть и презирать своихъ соотечественниковъ, онъ умѣлъ только смѣяться надъ всѣми сторонами нѣмецкой жизни, бичевать пороки сонныхъ филистеровъ. Но едва

*) *Русская Мысль* 1898 г., кн. IV.

онъ переступилъ границу своего отечества, онъ понялъ, какъ горячо любилъ эту покидаемую имъ родину и какъ тяжело ему будетъ вдали отъ нея. Какой безысходною грустью, какой щемящей тоской проникнуты слова поэта, въ которыхъ онъ высказываетъ тяжелое предчувствіе: что-то говорило ему, что разлука будетъ вѣчной, что ему не видать больше «цвѣтовъ» отчизны. Эти горькія муки тоски по родинѣ Гейне излилъ впослѣдствіи въ стихотвореніи «Прощаніе съ Парижемъ». На свою долголѣтнюю разлуку съ родиной онъ смотрѣлъ какъ на тяжелую, но высокую жертву, принесенную Германіи. Ему приходилось выбирать между низложеніемъ оружія и борьбою на всю жизнь, и поэтъ предпочелъ второе. Его принудили ѣхать въ Парижъ «насмѣшки незнакомыхъ людей, наглыя выходки противъ его происхожденія»; на родинѣ онъ не испыталъ ничего кромѣ нужды и борьбы, онъ не зналъ тамъ покоя и счастья.

Вотъ два чувства, которыми проникся изгнанникъ по отношенію къ своему отечеству: съ одной стороны горечь и злоба, непримиримая ненависть къ врагамъ, которые были причиной его бѣгства, съ другой—своеобразное проявленіе патріотизма, горячая любовь къ той странѣ, будущее которой рисовалось поэту въ обаятельныхъ образахъ; онъ любилъ созданный имъ идеалъ Германіи и горячо вѣрилъ, что рано или поздно этотъ идеалъ станетъ дѣйствительностью. Вся жизнь поэта въ Парижѣ была не что иное какъ постоянное колебаніе между двумя противоположными чувствами; отъ саркастической критики онъ переходитъ къ тоскѣ по родинѣ, отъ злобныхъ насмѣшекъ—къ восхваленію Германіи; но среди этихъ колебаній онъ ни на минуту не забывалъ ея, ни на одинъ мигъ не отступалъ отъ своей основной цѣли: всѣми силами боролся онъ съ тѣми, кого считалъ врагами своего отечества, всѣми средствами распространялъ въ ней свои идеалы.

Но если Гейне, вырвавшись изъ оковъ германскаго правительства, получилъ возможность свободно проповѣдывать свои идеи, то правительство приняло всѣ мѣры, чтобы закрыть этимъ идеямъ доступъ въ Германію. Сочиненія, написанныя Гейне по-французски, появлялись въ Германіи въ искаженномъ до неузнаваемости видѣ; многія изъ нихъ совершенно не пропускались черезъ границу. Гейне приходилось считаться съ этими преслѣдованіями; какъ всегда бываетъ при подобныхъ условіяхъ, онъ старался окольными путями сообщить читателю свои мысли, запутывался и впадалъ въ противорѣчія. Когда враги обвиняли его въ компромиссѣ, онъ ссылался на тяжелыя условія, при которыхъ ему приходилось писать. Его предисловіе къ «французскимъ дѣламъ» интересно не только какъ яркая характеристика тогдашнихъ цензурныхъ стѣсненій,—это—цѣлая эпопея страданій, опасныхъ переѣздовъ между Сциллой и Харибдой, непонятыхъ и осмѣянныхъ подвиговъ,—словомъ, та трагедія, которую всегда переживали лучшіе писатели въ эпохи гнета и рабства. «Политическій писатель, — говоритъ Гейне,—долженъ дѣлать много уступокъ суровой необходимости ради того дѣла, за которое онъ сражается». Гейне сдѣлался парижскимъ корреспон-

дентомъ *Augsburger Allgemeine Zeitung* при этихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ.

Въ мелкихъ газетахъ поэтъ могъ бы полнѣе и свободнѣе выражать свои мысли, но тогда эти мысли не получили бы такого широкаго распространенія. «Мы поступаемъ,—говоритъ онъ въ предисловіи,—къ «Французскимъ дѣламъ», гораздо умнѣе, когда умѣряемъ нашъ пылъ и спокойнымъ, а иногда совершенно притворнымъ тономъ говоримъ въ газетѣ, называемой всемірной и имѣющей сотни тысячъ читателей во всѣхъ странахъ. Здѣсь слово можетъ спасительно дѣйствовать даже въ самомъ обезображенномъ видѣ; самый скудный намекъ дѣлается иногда плодотворнымъ сѣменемъ на незнакомой почвѣ. Еслибы меня не воодушевляла эта мысль, я не обрекъ бы себя на самоистязаніе—писать для *Augsburger Allgemeine Zeitung*». Далѣе поэтъ разсказываетъ, какъ стойко переносилъ онъ мученія при видѣ тѣхъ искаженій, которымъ подвергались его корреспонденціи. Въ этомъ его поддерживало не только сознаніе важности дѣла, но и любовь и довѣріе къ своему другу Котта, редактору газеты. «На меня постоянно смотрѣли честные глаза друга, который какъ будто говорилъ раненому: да развѣ я лежу на розахъ?»

Гейне разсказываетъ, какъ часто бывалъ онъ принужденъ вывѣшивать «на ладьѣ своей мысли» флаги, эмблемы которыхъ весьма мало соотвѣтствовали дѣйствительному выраженію его политическихъ или соціальныхъ воззрѣній. «Но журнальный контрабандистъ мало заботится о цвѣтѣ лоскутка матеріи, который виситъ на мачтѣ его судна и которымъ играетъ рѣзвый вѣтеръ. Я думалъ—продолжаетъ поэтъ—только о хорошемъ грузѣ, который везъ съ собой и желалъ благополучно довезти въ пристань общественнаго мнѣнія».

IX.

Цензурныя стѣсненія вредно отразились на содержаніи парижскихъ корреспонденцій Гейне, но никакія усилія правительства не могли парализовать ихъ могучаго дѣйствія на нѣмецкую молодежь. Подъ вліяніемъ корреспонденцій, въ которыхъ Гейне явился борцомъ за свободу, сторонникомъ переворота во всемъ старомъ обществѣ, создалось цѣлое литературное направленіе. Представители его образовали группу, извѣстную подъ именемъ «Молодой Германіи». Лаубе, Винбаргъ, Мундтъ, Гуцковъ и другіе молодые писатели старались подражать Гейне въ его своеобразномъ юмористическомъ стилѣ, въ рѣзкости тона и въ отрицаніи авторитетовъ. Несмотря на отсутствіе единодушія, на различія, существовавшія въ частныхъ воззрѣніяхъ «молодыхъ германцевъ», они сходились въ своей враждѣ къ устарѣвшему міровоззрѣнію прошлаго и восторженно возвѣщали наступленіе новой эры.

Противъ «молодой Германіи» ополчился Менцель, редакторъ *Литературнаго Листка*. Узнавъ, что представители новаго направленія рѣшили

издавать свой органъ, Менцель напалъ на новый журналъ, прежде чѣмъ появился первый выпускъ его. Въ числѣ сотрудниковъ этого органа были объявлены Гейне и Берне. Менцель называлъ журналъ разсадникомъ французскаго разврата и атеизма. Не ограничиваясь литературною полемикой, онъ сталъ помѣщать въ *Листкѣ* статьи, носившія характеръ полицейскаго доноса. «Отъ ничтожной искры,—писалъ онъ,—можетъ возгорѣться пожаръ... Подъ маской французскаго республиканизма, эта новая франкфуртская школа порока и богохульства вводитъ ужаснѣйшее безстыдство. Плоть, свободная чувственность, уничтоженіе брака—вотъ ихъ лозунги, и они не только пишутъ непристойныя книги, но и воскрешаютъ старыя». Менцель не брезгалъ клеветой и инсинуаціями, умышленно искажалъ мысли противниковъ, и его преслѣдованія были до того опасны, что нѣкоторые сотрудники *Нѣмецкаго Обозрѣнія*—такъ назывался органъ «Молодой Германіи»,—особенно профессора университетовъ, отказались отъ сотрудничества въ журналѣ. Наконецъ, Менцель прибѣгнулъ къ явной лжи, сталъ играть на струнахъ національной розни и ненависти: онъ сталъ называть «Молодую Германію» *Молодой Палестиной* и распространялъ завѣдомоложный слухъ, что *Нѣмецкое Обозрѣніе* является органомъ еврейства. Среди представителей новой школы не было ни одного человѣка, не исповѣдовавшаго христіанской вѣры, и только двое были евреями по происхожденію. Но за то эти двое были Гейне и Берне!...

Доносы Менцеля достигли желаемыхъ результатовъ: одинъ изъ самыхъ даровитыхъ представителей «Молодой Германіи», Гуцковъ, подвергся уголовному преслѣдованію. Наконецъ, въ 1835 году состоялось постановленіе германскаго бундестага, по которому произведенія *молодыхъ германцевъ* были запрещены; книгопродавцы, распространявшіе ихъ сочиненія, рисковали подвергнуться строгому наказанію. Всѣ нѣмецкія правительства обязывались примѣнять къ представителямъ школы полицейскіе и уголовные законы во всей строгости. Такимъ образомъ *Нѣмецкое Обозрѣніе* прекратило свое существованіе. Что касается Гейне, то запрещеніе накладывалось не только на прежнія, но и на будущія его произведенія.

Трудно описать негодованіе поэта, когда онъ получилъ извѣстіе о постановленіи бундестага. Явная несправедливость по отношенію къ нему до того озлобила Гейне, что онъ считалъ всѣ способы борьбы позволительными. Постановленіе бундестага было тѣмъ болѣе несправедливо, что Гейне никогда не состоялъ въ близкихъ отношеніяхъ ни съ кѣмъ изъ представителей *Молодой Германіи*. Онъ высоко цѣнилъ отдѣльныхъ членовъ кружка, въ особенности Лаубе и Гуцкова (въ послѣднемъ, впрочемъ, Гейне впослѣдствіи разочаровался), но между нимъ и молодыми писателями существовало и различіе: ему не нравилось, что эти писатели были «преисполнены идеей времени», что они не дѣлали различія между журналистикой, наукой и искусствомъ съ одной стороны и жизнью, политикой и религіей, съ другой.

Еще раньше, узнавъ о предпринятой Менцелемъ кампаніи противъ *мо-*

лодыхъ германцевъ, Гейне на вѣчныя времена приковалъ къ позорному столбу имя противника въ статьѣ «О доносчикѣ». Когда же ему сообщили рѣшеніе бундестага, онъ обратился къ союзному совѣту съ посланіемъ, которое проникнуто сознаніемъ своихъ правъ и невинности. «Вы —говорилось между прочимъ въ этомъ посланіи—меня обвинили, осудили и приговорили, не выслушавъ меня ни словесно, ни письменно, не поручивъ никому моей защиты и даже неославъ мнѣ приглашенія явиться... Если вы не хотите даровать мнѣ охранительной грамоты, чтобъ я могъ защищаться лично, то даруйте мнѣ по крайней мѣрѣ свободное слово въ нѣмецкомъ печатномъ мірѣ». Далѣе Гейне обѣщается доказать, какъ только ему будетъ дано свободное слово, что его произведенія не вызваны ни религіозной, ни безнравственной прихотью, но истинно-религіознымъ и нравственнымъ синтезомъ; этого синтеза,—продолжаетъ поэтъ,—давно уже придерживалась не только новая литературная школа, прозванная молодой Германіей, но и знаменитѣйшіе нѣмецкіе писатели, какъ поэты, такъ и философы». Посланіе Гейне не имѣло успѣха, и до 1842 года его произведенія почти не могли проникнуть въ Германію. Прусское правительство не удовольствовалось этою драконовскою мѣрой: оно угрожало закрыть доступъ въ Германію тѣмъ французскимъ органамъ печати, которые печатали нежелательныя для него статьи Гейне.

X.

Мы считали необходимымъ подробнѣе остановиться на этихъ возмутительныхъ отношеніяхъ германскаго правительства къ одному изъ величайшихъ поэтовъ не только Германіи, но и всего міра, по слѣдующему поводу. Почти главнымъ обвиненіемъ, которое выставляется обыкновенно противъ Гейне, является пенсія, назначенная поэту французскимъ правительствомъ и принятая имъ.

Своимъ постановленіемъ бундестагъ лишилъ Гейне его единственнаго заработка. Ссора съ дядей временно отняла у поэта ту ренту, которая спасала его отъ нищеты. И вотъ среди тяжелыхъ денежныхъ обстоятельствъ, въ то время какъ отечество оставило его безъ куска хлѣба, а все усиливавшаяся болѣзнь грозила нищетой не только ему, но и женѣ послѣ его смерти, Гейне принимаетъ пенсію, которую предложило ему французское правительство. Этотъ фактъ, только въ послѣднее время получившій надлежащее освѣщеніе, умышленно раздувался врагами поэта, и путемъ цѣлаго ряда инсинуацій они создали некрасивую легенду о томъ, будто Гейне продалъ свою литературную свободу министерству Гизо. Эта ложь была поддержана людьми легковѣрными, а также тѣми, которые всегда спѣшатъ громкими фразами проявить дешевое возмущеніе и искусственнымъ негодованіемъ прикрыть свое собственное нравственное убожество.

Съ полнымъ сознаніемъ своей правоты, съ нескрываемымъ презрѣніемъ къ своимъ обвинителямъ Гейне самъ оправдалъ свой поступокъ, который ложится вѣчнымъ позоромъ на Германію скорѣе, чѣмъ на него.

Министерство Гизо практиковало систему подкуповъ, и на «секретные» расходы ассигновывались дѣйствительно большія суммы, но «Revue retrospective», опубликовавшее эти расходы, къ сожалѣнію, внезапно прекратилось и не могло сообщить списка лицъ, пользовавшихся этими секретными субсидіями. Еслибы внезапное прекращеніе «Revue retrospective» не помѣшало этому сообщенію, читатель увидѣлъ бы, что Гейне никогда не былъ въ числѣ подкупленныхъ лицъ.

Та субсидія, которую получалъ поэтъ, выдавалась открыто, и самъ Гейне никогда не скрывалъ факта полученія ея. Все несчастье поэта заключалось въ томъ, что онъ называлъ вещи своими именами и никогда не прибѣгалъ къ уловкамъ и фразамъ, чтобы оправдать свой поступокъ. «Я—говоритъ поэтъ—цолучалъ ее среди другихъ знаменитостей таланта и несчастья, и мнѣ не приходится стыдиться своего сосѣдства» *). Но въ то время какъ другіе «нищіе, но гордые рыцари» называли эту пенсію займомъ, говорили о возвратѣ ея, Гейне поступалъ иначе. «Это была—говоритъ онъ—*великая милостыня*, раздаваемая французскимъ *народомъ* тысячамъ чужестранцевъ, которые съ бо́льшей или меньшей славой скомпрометировали себя на родинѣ рвеніемъ къ дѣлу революціи и нашли убѣжище у гостепріимнаго очага Франціи». Сколько горькой правды въ этихъ словахъ! Какая позорная слава для тогдашней Германіи!

Гейне имѣлъ полное право принять эту пенсію, и онъ не безъ основанія указывалъ на то обстоятельство, что принялъ ее вскорѣ послѣ того времени, когда появились декреты бундестага. «Цѣлью этихъ декретовъ,—говоритъ поэтъ,—было погубить меня въ финансовомъ отношеніи, какъ главу такъ называемой Молодой Германіи. Это видно изъ того, что запрещеніе налагалось не только на мои прежнія произведенія, но и на все, что вышло бы изъ-подъ моего пера впослѣдствіи: такимъ образомъ меня лишали моей собственности и средствъ къ пріобрѣтенію ея,—лишали безъ всякаго суда и права. Да, «безъ суда и права». Я полагаю, что имѣю полное основаніе заявить о такомъ поступкѣ, неслыханномъ въ лѣтописяхъ нелѣпаго насилія... Мой мозгъ конфисковали, и у моего бѣднаго, ни въ чемъ не повиннаго желудка были отняты этимъ распоряженіемъ всѣ средства къ жизни».

Правительству удалось убѣдить редактора *Allgemeine Zeitung* Котта отказаться отъ печатанія корреспонденцій Гейне. Корреспонденціи поэта нерѣдко оставались въ редакціи и не появлялись въ газетѣ; иногда онѣ печатались въ такомъ искаженномъ видѣ, что Гейне съ трудомъ узнавалъ ихъ. Что оставалось дѣлать поэту, чтобы возстановить свое доброе имя и представить публикѣ свои идеи въ настоящей формѣ? Онъ собралъ всѣ корреспонденціи, возстановилъ тѣ изъ нихъ, которыя были искажены, и издалъ ихъ отдѣльною книгой, подъ заглавіемъ *Французскія дѣла*, включивъ

*) Среди лицъ, получавшихъ пенсію изъ одного фонда съ Гейне, находился между прочимъ знаменитый историкъ Огюстенъ Тьерри.

сюда и тѣ письма, которыя не попали въ газету. Этимъ изданіемъ Гейне навсегда сохранилъ для потомства возможность произнести правильный приговоръ надъ его корреспонденціями. Дѣйствительно, нужно быть слишкомъ ослѣпленнымъ ненавистью къ поэту, нужно отрѣшиться отъ всякаго безпристрастія, чтобы теперь, когда корреспонденціи цѣликомъ собраны предъ нами, не признать полной искренности ихъ автора. Во всѣхъ своихъ основныхъ взглядахъ Гейне остался вѣренъ себѣ; ни откуда не видно, чтобы поэтъ скрывалъ свои убѣжденія въ зависимости отъ назначенной ему пенсіи. Онъ остается тѣмъ же независимымъ, прихотливымъ субъективнымъ толкователемъ событій, какимъ былъ всегда. Онъ такъ же измѣнчивъ въ частностяхъ; такъ же неуловима и причудлива форма его разсказа. Но никакія противорѣчія въ частностяхъ, никакія уступки обстоятельствамъ не могутъ скрыть отъ насъ строгаго единства мысли: ихъ авторъ всегда неизмѣнный поборникъ гуманности и демократическихъ идей. Единственное, что можетъ подмѣтить строгій читатель, это—смягченіе тона, весьма естественное подъ перомъ человѣка, обласканнаго Франціей. Но отсюда далеко еще до продажи своихъ убѣжденій или «своего молчанія». Собравши во-едино парижскія корреспонденціи, Гейне тѣмъ самымъ оставилъ потомству лучшее оправданіе свое отъ гнусной клеветы и поставилъ себѣ великій памятникъ, какъ человѣку, сыгравшему крупную роль въ исторіи политическаго развитія нѣмецкаго народа.

XI.

Мы видѣли, какія печальныя послѣдствія для литературной дѣятельности Гейне имѣли преслѣдованія нѣмецкаго правительства. Но Гейне приходилось бороться не съ однимъ только правительствомъ. Письма Гейне о политическомъ состояніи Франціи, появлявшіяся въ одной изъ самыхъ распространенныхъ газетъ, обратили на себя всеобщее вниманіе. Независимый тонъ ихъ вызвалъ неудовольствіе противъ автора со стороны всѣхъ партій и даже тѣхъ, идеалы которыхъ Гейне въ сущности защищалъ.

Орлеанисты негодовали на нападки, которыя позволялъ себѣ поэтъ по отношенію къ королю и его семейству. Якобинцы, напротивъ, были недовольны слишкомъ умѣреннымъ тономъ писемъ и обвиняли Гейне въ монархическихъ симпатіяхъ. Кромѣ того, Гейне не любилъ подчиняться тому образу жизни, который самъ собой создавался среди членовъ одной группы. Революціонеры требовали, чтобы Гейне не только пропагандировалъ ихъ идею, но и усвоилъ себѣ ихъ нетерпимый, распущенный тонъ; онъ долженъ былъ не только признавать великое значеніе равенства и братства, но и пить брудершафтъ съ подмастерьями. Въ первое время Гейне охотно посѣщалъ революціонныя сходки и прислушивался къ звонкимъ, напыщеннымъ фразамъ. Но вскорѣ онъ понялъ, что за всей этой шумихой фразъ скрывается отсутствіе глубины мысли и опредѣленныхъ соціальныхъ идеаловъ. Гейне шире понималъ значеніе совершавшагося переворота; онъ

мечталъ о томъ времени, когда «рабочіе будутъ ѣсть каждый день говядину вмѣсто картофеля, будутъ меньше работать и больше танцовать». Поэтому мелкіе заговоры различныхъ революціонныхъ кружковъ мало интересовали поэта; онъ только отчасти сходился съ ними въ ихъ поклоненіи демократической формѣ правленія; они видѣли въ ней средство исцѣлить всѣ недуги человѣчества, Гейне придавалъ ей второстепенное значеніе. Между тѣмъ якобинцы требовали всего человѣка и вскорѣ стали врагами нѣмецкаго эмигранта. И въ то время, какъ крайніе республиканцы нападали на него за его умѣренность, умѣренные либералы порицали Гейне за его связи съ революціонерами и за сочувствіе ихъ идеаламъ.

Далѣе, Гейне сблизился съ главнымъ представителемъ сенъ-симонизма Анфантеномъ, которому онъ посвятилъ свою книгу *О Германіи*. Гейне особенно увлекался ученіемъ сенъ-симонистовъ о реабилитаціи плоти; его главнымъ образомъ интересовали ихъ религіозно-гуманистическія идеи, и въ его книгѣ *О Германіи* страстный призывъ къ возстановленію правъ матеріи является, конечно, дальнѣйшимъ и болѣе талантливымъ по сравненію съ ними развитіемъ идеи сенъ-симонистовъ о реабилитаціи плоти. Но Гейне никогда не былъ сенъ-симонистомъ и не признавалъ во всей полнотѣ программы Анфантена. Кромѣ того въ отношеніяхъ поэта къ сенъ-симонистамъ большую роль играло, какъ и во всѣхъ его отношеніяхъ, его собственное поэтическое воображеніе. Преслѣдованія, которымъ подвергались сенъ-симонисты, а съ другой стороны, успѣхъ и новизна ихъ рѣчей дѣлали ихъ въ глазахъ Гейне мучениками идеи и заставляли его выступить на ихъ защиту. Угнетенное положеніе извѣстной группы, даже независимо отъ ея ученія, часто побуждало Гейне защищать ее. Такъ, напримѣръ, о своей солидарности съ «Молодой Германіей» Гейне заговорилъ открыто только тогда, когда ея представители подверглись притѣсненіямъ. Было что-то благородное въ этомъ сочувствіи ко всему угнетенному и гонимому!

Само собою разумѣется, что симпатія поэта къ сенъ-симонистамъ очень сократилась, когда исчезъ мученическій ореолъ, окружавшій ихъ вождей. Многіе изъ нихъ мало-по-малу примирились съ обстоятельствами, вступили на государственную службу, и Анфантенъ, нѣкогда открывшій «всеобщій законъ любви» и мечтавшій о женщинѣ, предназначенной ему Богомъ, заключилъ обыкновенный бракъ и поступилъ на выгодное мѣсто. Гейне иронически относился ко всѣмъ этимъ перемѣнамъ и сталъ смѣяться надъ сенъ-симонистами, изъ ученія которыхъ онъ взялъ только то, что соотвѣтствовало его собственной натурѣ.

Такимъ образомъ среди французскихъ партій Гейне встрѣтилъ не болѣе одобренія, чѣмъ со стороны прусскаго правительства.

Каковы же были его отношенія къ нѣмецкому обществу и къ нѣмецкимъ эмигрантамъ, жившимъ за границей?

Прежде всего поэтъ столкнулся съ тѣми нѣмецкими патріотами, которые въ каждомъ обличителѣ недостатковъ, въ каждомъ сатирикѣ видятъ врага отечества. Съ ихъ точки зрѣнія патріотизмъ непремѣнно долженъ

соединяться съ ненавистью къ иноплеменникамъ. Этимъ самозваннымъ патріотамъ Гейне отвѣчалъ горячей отповѣдью, въ которой прекрасно опредѣлилъ характеръ своего патріотизма: «Водрузите черно-красно-золотое знамя на вершинѣ нѣмецкой мысли, сдѣлайте его штандартомъ свободнаго человѣчества, и я охотно отдамъ за него лучшую кровь моего сердца. Успокойтесь,—я столько же, сколько и вы, люблю отечество. Ради этой любви я тринадцать лѣтъ прожилъ въ изгнаніи и ради этой же любви возвращаюсь опять въ изгнаніе... Я другъ французовъ также какъ и всѣхъ людей, если они умны и хороши... Будьте спокойны, я никогда не уступлю Рейна французамъ, уже по той совершенно простой причинѣ, что Рейнъ принадлежитъ мнѣ. Да, онъ принадлежитъ мнѣ по непреложному праву рожденія; я этого, soit-disant, свободнаго Рейна еще болѣе свободный и независимый сынъ; на его берегу стояла колыбель моя, и я совсѣмъ-таки не вижу причины, почему Рейнъ долженъ принадлежать кому-нибудь другому, а не своимъ дѣтямъ». Гейне считалъ обязанностью истиннаго патріота не столько кичиться своимъ отечествомъ, сколько заботиться о его величіи; истинный патріотъ стремится къ тому, чтобъ отечество его превосходствомъ культуры пріобрѣло право на руководство другими народами. Не только Эльзасъ и Лотарингія, по мнѣнію Гейне, но и вся Франція, весь міръ сдѣлаются нѣмецкими, если нѣмцы уничтожатъ рабство, провозгласятъ права человѣка, изгонятъ съ лица земли бѣдность, возстановятъ въ ихъ достоинствѣ «лишенный счастья народъ, поруганный геній и опозоренную красоту».

Намъ остается еще выяснить отношеніе Гейне къ нѣмецкимъ эмигрантамъ, и мы закончимъ обзоръ всѣхъ группъ, съ которыми столкнулся знаменитый писатель и въ старомъ, и въ новомъ отечествѣ, мы уяснимъ почти причины той упорной вражды и злобы, которую вызвалъ противъ себя поэтъ и которая не можетъ стихнуть еще и донынѣ.

XII.

Когда Гейне пріѣхалъ въ Парижъ, нѣмецкіе эмигранты думали найти въ немъ своего вождя. Но Гейне могъ вдохновить борцовъ свободы, могучимъ словомъ могъ онъ поддержать ихъ дѣло въ тяжелую минуту, но онъ не могъ отречься отъ красоты и природы и сдѣлаться покорнымъ служителемъ политической доктрины. А между тѣмъ именно этого требовали отъ него озлобленные изгнанники, все существо которыхъ было проникнуто одной мыслью; они не допускали, чтобъ ихъ единомышленникъ могъ имѣть какіе-нибудь интересы кромѣ общаго дѣла; они ревниво стерегли каждую мысль, каждое слово Гейне и злобно преслѣдовали поэта, когда изъ-подъ пера его появлялись давно забытыя рѣчи, когда изъ устъ его снова вырывались еще не допѣтыя романтическія пѣсни.

А Гейне не могъ совершенно отрѣшиться отъ своихъ старыхъ симпатій: черезъ всю его дѣятельность въ Парижѣ то и дѣло прорываются странныя вспышки, не согласующіяся съ общимъ характеромъ ея. Стоитъ вни-

мательно вчитаться въ его политическія статьи, и мы съ изумленіемъ прочтемъ тамъ цѣлый рядъ мыслей и намековъ, мало подходящихъ для политическаго борца и народнаго трибуна. Романтикъ и поэтъ никогда не умиралъ въ Гейне. Въ самомъ дѣлѣ, поэтъ съ восторгомъ и благоговѣніемъ прикладывается къ реликвіямъ Іоанна Лейденскаго, лобызаетъ цѣпи, которыя онъ носилъ, и клещи, которыми его пытали; но этотъ же Гейне съ отвращеніемъ отворачивается при встрѣчѣ съ портнымъ Вейтлингомъ, пострадавшимъ за тѣ же идеи. Цѣпи, не окутанныя романтической дымкой, не влекли къ себѣ сердце поэта. Трудно указать болѣе страстнаго пѣвца свободы, чѣмъ Гейне, но этому же Гейне ничего не стоитъ возстать противъ конституціонализма и стать на минуту защитникомъ абсолютной монархіи, лишь только онъ приходитъ въ столкновеніе съ буржуазіей, съ ея прозаическими интересами и торгашескими вожделѣніями. Гейне не былъ человѣкомъ программы; для торжества доктрины онъ не жертвовалъ ни однимъ своимъ частнымъ убѣжденіемъ, и это сдѣлало его непримиримымъ врагомъ нѣмецкихъ эмигрантовъ.

И не только своихъ товарищей по несчастью раздражалъ поэтъ,—онъ не отрѣшился во Франціи ни отъ одного изъ свойствъ своей натуры, онъ не отрѣшился отъ своего сарказма, не отказался отъ циничесой формы своей сатиры. Иногда онъ объяснялъ эту странную форму желаніемъ закрыть глаза нѣмецкой цензурѣ, прослыть «уличнымъ мальчишкой» и избавиться отъ опасной репутаціи «серьезнаго политическаго писателя». Но если подобныя побужденія и руководили Гейне, то публика не могла знать о нихъ и судила по своему. Когда появились *Мемуары господина Швабельвопскаго*, написанныя циничнымъ до неприличія языкомъ, даже лучшая часть нѣмецкаго общества отвернулась отъ поэта.

Для выясненія личности Гейне и причинъ, благодаря которымъ этотъ человѣкъ всегда вызывалъ вражду и злобу, едва ли не лучшимъ средствомъ является исторія его столкновеній съ Берне. Во время борьбы Гейне оставался жизнерадостнымъ человѣкомъ, Берне былъ фанатикомъ. Гейне стремился туда, куда влекла его натура; онъ не боялся отступать отъ извѣстнаго катехизиса, когда та или другая частность не нравилась ему; Берне былъ догматикомъ и требованіямъ разъ установленнаго кодекса, не задумываясь, приносилъ въ жертву внутреннее побужденіе. Гейне понималъ Берне, но Берне никогда не могъ понять Гейне. Поэтъ съ перваго взгляда, не изучая противника, понялъ, насколько различны были ихъ натуры, и никогда не стремился сойтись съ Берне, но Берне долго изучалъ Гейне и никогда не могъ отказаться отъ стремленія сдѣлать его «своимъ». Причиной этого было то обстоятельство, что оба писателя преслѣдовали въ сущности одну цѣль. Берне было непонятно, какимъ образомъ при одинаковой цѣли люди могутъ не сходиться; Берне казалось, что во имя этой цѣли совершенно должна исчезнуть индивидуальность человѣка. Гейне не любилъ, если революціонные проекты сообщались ему во время обѣда и вредили пищеваренію.

Оба писателя имѣли свои преимущества, вытекавшія изъ различія ихъ натуръ. Гейне превосходилъ своего противника широтой кругозора, разносторонностью и богатствомъ духовной организаціи, Берне никогда не зналъ компромиссовъ въ избранномъ кругѣ дѣйствій. При глубокомъ различіи между обоими писателями было и сходство: и тотъ, и другой отличались болѣзненно чуткимъ самолюбіемъ, оба были страстны и мстительны въ полемикѣ, оба преступали всякіе предѣлы въ запальчивости. Гейне самъ прекрасно опредѣлилъ различіе между Берне и собой. «Всѣ люди—говоритъ онъ—или «евреи», или «эллины», т.-е. или люди съ побужденіями, враждебными образности, жадными къ одухотворенію, или люди съ веселымъ, гордымъ и реалистическимъ характеромъ. Такимъ образомъ «эллины» по временамъ встрѣчались въ нѣмецкихъ семействахъ, и съ другой стороны были «евреи», родившіеся въ Аѳинахъ и можетъ быть происходившіе отъ Тезея. Можно справедливо сказать, что борьба дѣлаетъ человѣка «евреемъ». Берне былъ вполнѣ «еврей»; его антипатія къ Гёте вытекала изъ этого его духа. Позднѣйшая его политическая экзальтація имѣла основаніемъ тотъ рѣзкій аскетизмъ, то стремленіе къ мученичеству, которые вообще встрѣчаются въ республиканцахъ и которые они называютъ республиканскими добродѣтелями. Впослѣдствіи Берне даже впалъ въ католицизмъ».

Само собою разумѣется, что, при такомъ коренномъ различіи натуръ обоихъ писателей, между ними неизбѣжно должна была возникнуть вражда. Берне первый началъ нападки на Гейне. Если мы прослѣдимъ внимательно постепенное развитіе враждебнаго чувства въ душѣ Берне, мы увидимъ какъ бы сконцентрированную въ одномъ человѣкѣ исторію ненависти, которую до сихъ поръ вызываетъ къ себѣ великій поэтъ въ самыхъ разнообразныхъ группахъ общества. Берне не вѣрилъ въ серьезное отношеніе Гейне къ политическимъ вопросамъ; фанатику идеи, какимъ былъ онъ самъ, стоило разъ замѣтить неумѣстную улыбку на устахъ Гейне, и онъ сталъ подозрительно относиться къ словамъ поэта даже тогда, когда они и казались ему серьезными. Берне не понялъ, что Гейне въ сущности дѣйствовалъ въ интересахъ того же дѣла, но другимъ путемъ, и эта независимость показалась измѣной суровому республиканцу; онъ не понялъ психологіи поэта. Сначала онъ думаетъ, что Гейне просто «тщеславенъ и пошло развратенъ, что для него нѣтъ ничего святого», впослѣдствіи онъ начинаетъ обвинять его въ трусости, въ склонности къ аристократизму, подозрѣваетъ даже въ подкупѣ... И Берне возненавидѣлъ поэта; въ порывѣ благороднаго негодованія онъ оклеветалъ и заклеймилъ его, не отдалъ ему должнаго, не замѣтилъ того великаго и святого, что таилось въ душѣ поэта. Гейне былъ справедливѣе: онъ не пощадилъ врага своего, не пожалѣлъ остроумія и таланта, чтобы достойно отмстить ему, въ запальчивости приписалъ ему несуществующіе недостатки, но Гейне указалъ и великое значеніе Берне, отдалъ ему дань справедливости. И здѣсь сказалось различіе между обоими писателями. Берне не зналъ середины: не найдя въ Гейне союзника, онъ осудилъ его совершенно съ точки зрѣнія своей программы,

между тѣмъ какъ злоба и ненависть не помѣшали поэту сказать о Берне: «Онъ не былъ ни геніемъ, ни героемъ, ни олимпійскимъ богомъ. Онъ былъ гражданиномъ, хорошимъ писателемъ и великимъ патріотомъ»...

Но тщетно враги, со всѣхъ сторонъ окружавшіе поэта, клеймили его позоромъ; тщетно клеветы и самыя нелѣпыя инсинуаціи разносились о немъ по Франціи и Германіи. Вмѣстѣ съ этими клеветами по всей Европѣ распространялись его сочиненія и часто люди, проклинавшіе самого поэта, съ восторгомъ зачитывались его произведеніями. И часто въ тѣхъ, кто не признаетъ въ Гейне ни убѣжденій, ни честной мысли, его вдохновенныя строки зажигали великое пламя свободы, будили лучшія чувства и вызывали стремленіе къ благородному подвигу.

XIII.

Главнымъ изъ произведеній парижскаго періода жизни поэта являются *Французскія дѣла*. Мы уже знаемъ, что онѣ составились изъ корреспонденцій поэта въ *Augsburger Allgemeine Zeitung*. Мы знаемъ также, что корреспонденціи эти въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ появлялись въ газетѣ, не могутъ служить матеріаломъ для характеристики политическихъ убѣжденій Гейне. Только теперь, когда онѣ лежатъ предъ нами въ видѣ цѣлаго тома, составленнаго самимъ поэтомъ, мы можемъ составить себѣ представленіе о политическомъ міровоззрѣніи ихъ автора. Основная идея, красною нитью проходившая черезъ всю книгу, была апологія демократизма во всѣхъ его проявленіяхъ. Форма правленія, торжество той или другой партіи играли второстепенную роль въ его статьяхъ. Сначала Гейне нападаетъ на Луи-Филиппа, но когда онъ увидѣлъ, что аристократы стали смѣяться надъ демократическими тенденціями короля, Гейне беретъ его подъ свою защиту; ему все равно, кто въ данный моментъ защищаетъ интересы демократіи и согласуется ли монархическая форма правленія съ демократическими идеалами вообще, — онъ становится соратникомъ тѣхъ, кто борется за симпатичныя ему тенденціи. Какъ ни затемняется эта демократическая идея всевозможными внѣшними обстоятельствами, о которыхъ мы говорили выше, всякому непредубѣжденному взору не трудно подмѣтить, что она является руководящей въ сочиненіи Гейне.

Главною цѣлью Гейне въ его корреспонденціяхъ было желаніе познакомить соотечественниковъ съ успѣхами политическаго развитія, котораго достигли французы. Гейне придавалъ серьезное значеніе своей миссіи,— посредничеству между обѣими націями; въ своихъ сочиненіяхъ онъ не разъ возвращается къ этой задачѣ. Знакомя Германію съ политическимъ состояніемъ Франціи, онъ съ другой стороны хотѣлъ сообщить французамъ объ успѣхахъ, достигнутыхъ нѣмецкимъ народомъ въ области философской мысли и литературы. Съ этою цѣлью Гейне написалъ рядъ произведеній: *Романтическая школа, Къ исторіи религіи и философіи въ Германіи* и проч., которыя впослѣдствіи составили цѣлую книгу *О Германіи*. Эта

книга явилась какъ бы продолженіемъ книги г-жи Сталь, носившей то же заглавіе. Въ этой книгѣ Гейне является блестящимъ дилетантомъ; его книга не представляетъ собою полной картины Германіи; онъ самъ говоритъ, что она составляетъ отрывокъ. «Я поставилъ себѣ задачей — говоритъ поэтъ — открыть предъ глазами французской публики тѣ сокровеннѣйшія національнѣйшія владѣнія нѣмецкаго народа, въ которыхъ, такъ сказать, высказывается весь его мечтательный и въ то же время сильный духъ... Въ послѣднее время французы думали, что узнали Германію тѣмъ, что познакомились съ произведеніями нашей изящной литературы. Но этимъ они только едва-едва вышли изъ состоянія полнаго незнанія. До тѣхъ поръ, пока они не узнаютъ значенія въ Германіи религіи и философіи, произведенія нашей изящной литературы останутся для нихъ только нѣмыми цвѣтами, а вся нѣмецкая мысль—только непривѣтною загадкой».

И Гейне разсказалъ въ своей книгѣ о преданіяхъ и легендахъ, которыя жили въ устахъ бѣдныхъ людей и изъ которыхъ лучшія и оригинальнѣйшія никогда не были записаны. Далѣе онъ обратился къ нѣмецкой литературѣ и хотя остановился на одномъ только явленіи ея, но за то сдѣлалъ такую оригинальную и мѣткую характеристику этого явленія—романтизма, что она еще до сихъ поръ не утратила своего значенія. Гейне былъ самъ послѣднимъ романтикомъ и самъ вырылъ для него могилу. Но онъ не могъ совершенно подавить въ себѣ романтическихъ симпатій, онѣ отразились на его трудѣ. И никто лучше его не постигъ таинственныхъ красотъ фантастическаго міра романтики; его характеристики отдѣльныхъ писателей и произведеній показываютъ, какъ глубоко умѣлъ Гейне прочувствовать и объяснить читателю романтическую поэзію; онъ уловилъ самую сущность этой поэзіи, проникъ въ ея сокровеннѣйшія тайны и сорвалъ покровъ, скрывавшій ихъ. Блестящія аналогіи, неожиданныя сравненія и сопоставленія въ его книгѣ говорятъ намъ нерѣдко больше, чѣмъ самыя добросовѣстныя попытки ученыхъ. Какъ остроумно начинаетъ Гейне свою характеристику поэзіи Брентано! Поэтъ переноситъ насъ въ Китай, «отечество крылатыхъ драконовъ и фарфоровыхъ чайниковъ». Въ этой чудесной странѣ съ гигантскими, фантастическими цвѣтами, деревьями-карликами, вырѣзанными горами, сладострастно-чудными плодами, нарядно-пестрыми птицами, въ этой странѣ, гдѣ природа и человѣкъ, не уступающій природѣ по своей причудливой организаціи, не могутъ безъ внутренняго смѣха смотрѣть другъ на друга,— въ этой странѣ жила нѣкогда принцесса, «маленькія ножки которой были еще меньше маленькихъ ножекъ другихъ китаянокъ, маленькіе глазки которой моргали нѣжнѣе и задумчивѣе маленькихъ глазокъ другихъ дамъ Небесной Имперіи, и въ маленькомъ сердцѣ которой жили самыя безумныя прихоти». Этой принцессѣ доставляло величайшее удовольствіе рвать великолѣпныя шелковыя и парчевыя ткани. Слыша, какъ онѣ стонутъ и трещатъ подъ ея пальцами, она замирала отъ восторга. Въ концѣ концовъ она растратила на эту безумную прихоть все свое имущество, была признана неизлѣчимо-больной и заключена въ кругъ-

лую башню. «Эта китайская принцесса, этотъ олицетворенный капризъ,— продолжаетъ Гейне, — есть въ то же время олицетворенная муза одного нѣмецкаго поэта... Это—муза, улыбающаяся намъ такою безумною улыбкой изъ стиховъ Клеменса Брентано. Она рветъ великолѣпныя шелковыя ткани, рветъ чудныя золотыя парчи, и ея милый духъ разрушенія, ея ликующее безуміе наполняютъ душу то привѣтнымъ восторгомъ, то сладострастною тоской». Далѣе поэтъ въ слѣдующихъ словахъ характеризуетъ комедію Брентано: *Понсъ де-Леонъ*. «Нѣтъ ничего разорваннѣе этого произведенія какъ въ отношеніи мысли, такъ и языка. Но всѣ эти лоскутья живутъ и весело волнуются; вамъ кажется, что вы въ маскарадѣ словъ и мыслей. Все это копошится въ очаровательномъ безпорядкѣ, и только безуміе всего этого даетъ картинѣ нѣкоторое единство. Безумные каламбуры носятся, какъ арлекины, по всей пьесѣ, и бьютъ направо и налѣво своими гладкими палками. Изрѣдка выступаетъ серьезная идея, но спотыкается, какъ Болонскій докторъ. Тутъ вылетаетъ фраза, какъ бѣлый Пьерро со спущенными рукавами и громадными пуговицами; тамъ прыгаютъ маленькія скорчившіяся эпиграммы на короткихъ ножкахъ, точно Полишинель; слова любви порхаютъ, какъ шаловливыя Коломбины, съ тоскою въ сердцѣ,—все это танцуетъ и юлитъ, и мечется, и болтаетъ, и надъ всѣмъ этимъ раздаются трубные звуки вакханальной жажды разрушенія».

Много восторговъ вызвалъ сборникъ народныхъ пѣсенъ, изданный Арнимомъ и Брентано, но никто не сумѣлъ излить свой восторгъ въ такой поэтической формѣ, какъ Гейне. «Книга лежитъ предо мною,—говоритъ поэтъ,— и мнѣ кажется, что на меня вѣетъ ароматомъ нѣмецкихъ липъ... Въ этихъ пѣсняхъ чувствуется біеніе сердца нѣмецкаго народа. Въ нихъ проявляются все его мрачное спокойствіе, весь его безумный умъ; въ нихъ бьетъ въ барабанъ нѣмецкій гнѣвъ, свиститъ нѣмецкая насмѣшка, цѣлуетъ нѣмецкая любовь; въ нихъ струятся жемчужными каплями чисто-нѣмецкое вино и чисто-нѣмецкія слезы!»

Причудливыми красками нарисовалъ Гейне картину причудливаго романтическаго міра и показалъ эту картину французамъ. Но тайное сочувствіе романтизму не помѣшало Гейне выступить страстнымъ противникомъ реакціонныхъ стремленій романтической школы. Гейне объяснилъ романтизмъ, а затѣмъ пропѣлъ надъ нимъ похоронную пѣсню. Въ этой книгѣ много субъективнаго; поэтъ расквитался въ ней со своими врагами и съ тѣми, которыхъ по справедливости можно было назвать его литературными отцами.

Какъ въ «Романтической школѣ» Гейне указалъ на связь между романтизмомъ и условіями современной ему жизни, такъ и въ «Матеріалахъ для исторіи религіи и философіи въ Германіи» онъ связываетъ философію съ жизнью. Онъ восторгается Лютеромъ и Лессингомъ не только какъ великими мыслителями, но и какъ освободителями своей родины. Какъ въ «Романтической школѣ» онъ проникъ въ тайну нѣмецкой поэзіи, такъ здѣсь онъ постигъ духъ нѣмецкой философіи и сумѣлъ перевести ея запутанный абстрактный языкъ на ясный и образный.

Во «Французскихъ дѣлахъ» и въ книгѣ *О Германіи* Гейне отдалъ дань своему завѣтному желанію сблизить оба дорогихъ его сердцу народа. Но кромѣ этихъ главныхъ трудовъ Гейне напечаталъ цѣлый рядъ прозаическихъ и поэтическихъ произведеній, такъ или иначе отразившихъ все пережитое поэтомъ въ Парижѣ. Мы уже знаемъ его статью *О доносчикѣ*, гдѣ онъ увѣковѣчилъ позорною славой имя Менцеля. По смерти Берне поэтъ написалъ о немъ цѣлую книгу, которая возмутила все нѣмецкое общество и даже была причиной дуэли между поэтомъ и мужемъ одной оскорбленной въ этой книгѣ дамы. Современники Гейне имѣли полное основаніе негодовать на поэта, такъ какъ Гейне нападалъ въ ней на умершаго, на врага, лишеннаго возможности защищаться. Но для насъ эта книга интересна не мстительными строками, не всегда достойными истинно-честнаго писателя, а блестящимъ психологическимъ анализомъ. Если мы, читая эту книгу, сумѣемъ на минуту забыть о несимпатичныхъ выходкахъ, портящихъ общее впечатлѣніе, то предъ нами какъ живые встанутъ оба знаменитыхъ поборника свободы: и мрачный, угрюмый публицистъ, до фанатизма преданный идеѣ, и жизнерадостный поэтъ, эстетикъ, пѣвецъ свободы и красоты, не умѣющій раздѣлить эти два одинаково дорогія для него понятія. Мы видимъ, почему не могли сойтись эти два человѣка и почему они стали злѣйшими врагами вмѣсто того, чтобы братски протянуть другъ другу руку.

Но если книгой *О Берне* Гейне возбудилъ вражду противъ себя, то его юмористическая поэма *Атта-Троль* вызвала цѣлую бурю негодованія. Здѣсь Гейне расплатился съ тѣми либералами, которые обвиняли его въ измѣнѣ дѣлу свободы; здѣсь же онъ пропѣлъ послѣднюю пѣсню романтизма. Поэтъ осмѣялъ здѣсь тенденціозную поэзію нѣмцевъ; либералы разочаровались въ Гейне, но и Гейне разочаровался въ своихъ прежнихъ соратникахъ, и результатомъ этого разочарованія и явилась поэма *Атта-Троль*. Поэтъ какъ бы нарочно еще разъ выставилъ ослѣпительную романтическую мишуру для того, чтобы показать, что какъ ни пуста по содержанію романтическая поэзія, она все-таки выше пошлой поэзіи тогдашнихъ либераловъ, такъ какъ въ ихъ поэтическихъ произведеніяхъ нѣтъ ни красоты, ни содержанія. Они были равнодушны къ той свободѣ, о которой пѣли. «Я праздную,—писалъ Гейне,—свое рожденіе на чужбинѣ, и на чужбинѣ же въ изгнаніи окончу дни свои. А тѣ храбрые борцы за свѣтъ и истину, которые обвиняли меня въ нерѣшительности и раболѣпствѣ, очень спокойно разгуливаютъ по отечеству въ качествѣ хорошо пристроившихся слугъ государства, или въ качествѣ сановниковъ биржи, или коренныхъ посѣтителей какого-нибудь клуба, гдѣ они по вечерамъ освѣжаются виноградным сокомъ родного Рейна и голштинскими устрицами».

Въ 1843 году Гейне пріѣхалъ на короткое время въ Гамбургъ; снова увидѣлъ поэтъ отечество послѣ долгой разлуки, и когда онъ остановился

на германской границѣ, сердце «какъ-то тревожно забилось, а въ глазахъ почему-то сверкнула слеза, и съ рѣсницы украдкой скатилась». Результатомъ этой поѣздки явилась знаменитая поэма *Германія*—зимняя сказка. Тяжело было поэту видѣть свою родину послѣ долгаго пребыванія во Франціи, гдѣ народъ уже добился извѣстной гражданской свободы; горько было видѣть великому патріоту, что его родина угнетена по-прежнему. Въ первой пѣснѣ *Зимней сказки* онъ разсказываетъ, какъ встрѣтилъ на границѣ малютку-арфистку. Она пѣла «о невѣдомомъ мірѣ далекихъ небесъ, гдѣ стихаютъ всѣ скорби и муки»; она пѣла «о страданьяхъ земли», о непрочности и обманчивости земного счастья. Чѣмъ-то старымъ, тяжелымъ повѣяло на поэта отъ пѣсни арфистки. «Та старинная пѣсня,—говоритъ онъ,—на небо звала, съ отреченьемъ отъ жизни печальной; *этимъ гимномъ всегда усыпляютъ народъ,—нашъ народъ, истуканъ колоссальный.* Мнѣ знакомъ древнихъ пѣсенъ старинный напѣвъ, знаю *тѣхъ, кто сложилъ ихъ народу: втихомолку они распивали вино, а всѣмъ намъ завѣщали пить воду*». И поэтъ предлагаетъ спѣть новую пѣсню теперь, когда съ Европой обручился «юный и чистый геній прекрасной свободы». Это—пѣсня о томъ, что всѣ могутъ требовать счастья здѣсь на землѣ, «стонъ голода» не долженъ «касаться нашего слуха; пусть, что добыто силою рукъ трудовыхъ, не поглотитъ лѣнивое брюхо».

Авторъ *Путевыхъ картинъ* воскресъ въ *Зимней сказкѣ*, но онъ явился теперь не случайнымъ критикомъ нѣмецкой жизни; въ каждой строкѣ *Зимней сказки* чувствуется зрѣлый человѣкъ съ опредѣленной политической точкой зрѣнія. Снова предъ нами въ причудливомъ калейдоскопѣ мелькаютъ картины нѣмецкой жизни: и таможенные порядки, и дикія рѣчи нѣмецкаго интеллигента, и подвиги цензуры; и народъ «все такой же солдатъ и педантъ, въ каждомъ жестѣ—угловъ переломы; заморожено чванствомъ холоднымъ лицо, деревянные тѣ же пріемы». Поэтъ въ Кельнѣ: здѣсь въ эпоху гуманизма жили «темные люди», здѣсь «средь оргій плясали тогда чернецы, и канканъ танцовали черницы. Кельнскій Менцель, гохсратенъ, здѣсь прежде писалъ ядовитыхъ доносовъ страницы. Здѣсь въ дыму и огнѣ разведенныхъ костровъ люди съ книгами вмѣстѣ горѣли, а кругомъ раздавался церковный трезвонъ; аллилуйя! торжественно пѣли. Здѣсь и глупость и злость, какъ по улицѣ псы, постоянно шли объ руку рядомъ; *ихъ отродье донынѣ насъ можетъ дивить нетерпимостью къ чуждымъ обрядамъ*».

Хотѣлось поэту побывать и въ Берлинѣ, но друзья дали ему понять, насколько опасна такая поѣздка. Когда же появилась *Зимняя сказка*, надежда когда-нибудь увидать горячо любимую родину безвозвратно пропала для Гейне: во всѣхъ пограничныхъ городахъ находился приказъ о немедленномъ арестѣ поэта при первомъ его появленіи. *Зимняя сказка* была строго запрещена во всѣхъ городахъ.

XIV.

Вся жизнь Гейне была непрерывной борьбой, борьбой тяжелой и ужасной. Конецъ его жизни былъ однимъ сплошнымъ страданіемъ, безконечной мукой. Каковы бы ни были проступки поэта, послѣдніе годы его жизни способны были искупить не только ихъ, но и самое ужасное злодѣяніе, еслибы Гейне былъ въ немъ повиненъ.

Что было причиной болѣзни Гейне, тѣхъ нечеловѣческихъ мукъ, того страшнаго послѣдняго періода, предъ явленіями котораго, по справедливому замѣчанію одного изъ біографовъ поэта, смолкаютъ всѣ чувства кромѣ глубочайшаго сострадания и удивленія?

Нѣтъ сомнѣнія, что главною причиной служили тѣ излишества въ наслажденіяхъ, которымъ предавался Гейне въ теченіе почти всей своей жизни. Но было бы несправедливо забыть о страданіяхъ, которыя явились результатомъ его политической дѣятельности и которыя не мало способствовали развитію болѣзни. Вспомнимъ, какимъ преслѣдованіямъ подвергался безпокойный поэтъ: одно время эти гоненія довели его до такого нервнаго состоянія, которое близко граничило съ помѣшательствомъ; поэтъ скрылся отъ всѣхъ кромѣ самыхъ близкихъ друзей; подозрительность его достигла высшихъ предѣловъ; онъ не вѣрилъ никому и въ каждомъ человѣкѣ подозрѣвалъ врага. Болѣзнь поэта была ужасна. Его челюсти были парализованы и долгое время онъ не могъ говорить безъ судорогъ; твердая пища была недоступна ему, такъ какъ онъ не въ состояніи былъ разжевывать ее. Въ маѣ 1848 года поэтъ слегъ въ постель и съ этого момента началась мучительная агонія, тянувшаяся почти 10 лѣтъ! Легко представить, каковы были муки человѣка, прикованнаго къ постели, когда вся его натура была воплощенная кипучая жизнь и движеніе. «Никто изъ моихъ докторовъ,—писалъ онъ,—не знаетъ, что со мной. Достовѣрно только одно—въ послѣдніе три мѣсяца я испыталъ такія муки, которыхъ не могла изобрѣсти испанская инквизиція. Эта смерть заживо, это небытіе становятся невыносимымъ, когда къ нему присоединяются страданія... Если я не умру тотчасъ, то все-таки жизнь потеряна для меня навсегда, а вѣдь я люблю жизнь съ сердечной искренностью. Для меня уже нѣтъ прекрасныхъ горныхъ вершинъ, на которыя я могъ бы вскарабкаться, нѣтъ женскихъ губъ, которыя я могъ бы цѣловать, даже не существуетъ хорошей жареной говядины, которую я могъ бы съѣсть въ обществѣ пирующихъ друзей». Доктора всѣми силами старались облегчить положеніе страдальца и по временамъ имъ удавалось это. Но Гейне не особенно довѣрялъ французскимъ врачамъ; у него явилось неодолимое желаніе ѣхать въ Берлинъ и посовѣтоваться съ однимъ изъ тамошнихъ знаменитыхъ врачей. Быть можетъ къ этому присоединялось весьма естественное стремленіе повидать передъ смертью родину, на служеніе которой Гейне отдалъ свои лучшіе годы.

Но германское правительство еще разъ опозорило себя, еще разъ со-

вершило преступленіе по отношенію къ одному изъ величайшихъ поэтовъ: Гейне написалъ письмо знаменитому натуралисту Александру Гумбольдту, который пользовался въ то время благосклонностью у прусскаго короля. Гумбольдтъ принялся усердно хлопотать, но его хлопоты не увѣнчались успѣхомъ, и въ какой формѣ послѣдовалъ отказъ, видно изъ отвѣта, написаннаго Гумбольдтомъ умирающему поэту: «Я считаю долгомъ просить васъ не вступать на прусскую землю». Правый глазъ поэта совершенно закрылся, лѣвымъ онъ могъ видѣть только отчасти, спинной хребетъ медленно искривлялся, физическія боли становились все невыносимѣе, и Гейне такъ исхудалъ, что сталъ походить на скелетъ. И при этихъ ужасныхъ страданіяхъ его лишили послѣдняго утѣшенія—свиданія съ родиной.

Слѣдуетъ замѣтить, что страстный интересъ ко всему окружающему и къ политическимъ извѣстіямъ не покидалъ поэта въ продолженіе его жестокой болѣзни. Онъ сохранилъ способность негодовать и радоваться, критиковать и сочувствовать. «Французскія событія,—сказалъ онъ однажды,—забавляютъ меня, интересуюсь же я только нѣмецкими. Но я не могу заниматься ими много, потому что печальныя новости, доходящія до меня оттуда, постоянно раздражаютъ меня такъ, что состояніе здоровья моего ухудшается».

Враги Гейне тоже не щадили умирающаго поэта; напротивъ, нападки ихъ сдѣлались еще ожесточеннѣе, и послѣдніе дни страдальца были отравлены ими. «Какъ позорятъ меня газеты!—говорилъ онъ,—какимъ жалкимъ негодяемъ изображаюсь я въ ихъ статьяхъ, сколько недостатковъ они находятъ въ моихъ произведеніяхъ!»

Въ холодное и пасмурное февральское утро похоронили Гейне на Монмартрскомъ кладбищѣ. Около ста человѣкъ провожали его на могилу; среди нихъ находились Александръ Дюма, Теофилъ Готье, Минье, Александръ Бейль и человѣкъ пять нѣмецкихъ журналистовъ. Нѣкоторые изъ присутствующихъ горько заплакали, когда тяжелый гробъ, вмѣщавшій въ себѣ исхудалое тѣло поэта, былъ засыпанъ землею.

Спустя нѣкоторое время надъ этой могилой былъ поставленъ простой памятникъ, на которомъ красовались только два слова: «Henri Heine».

И до сихъ поръ исторія не произнесла еще окончательнаго приговора надъ той сложной и загадочной личностью, которая встаетъ предъ нами при этихъ двухъ словахъ.

«Характеромъ—говоритъ Гейне — обладаетъ тотъ человѣкъ, который живетъ и дѣйствуетъ въ опредѣленномъ кругѣ опредѣленнаго міровоззрѣнія, почти отождествляя себя съ нимъ, и никогда не впадаетъ въ противорѣчіе ни съ своими мыслями, ни съ своими поступками. Поэтому по отношенію къ вполнѣ замѣчательнымъ, опередившимъ свое столѣтіе умамъ, толпа никогда не можетъ рѣшить, имѣютъ ли они характеръ, или нѣтъ такъ какъ толпа слишкомъ близорука, чтобы обозрѣть тѣ круги, въ которыхъ движутся эти великіе умы. Къ тому же можетъ случиться, что толпа, не

зная границъ желаній и смѣлости этихъ умовъ, не увидитъ въ ихъ дѣйствіяхъ ни цѣлесообразности, ни необходимости и обвинитъ ихъ въ произволѣ, непослѣдовательности, безхарактерности. Менѣе даровитые люди, болѣе поверхностное и узкое міросозерцаніе которыхъ легче изслѣдовать и обозрѣть и которые въ то же время навсегда провозгласили языкомъ толпы свою программу на открытой площади,—такіе люди гораздо доступнѣе толпѣ; она обладаетъ масштабомъ для каждаго изъ ихъ поступковъ».

Не скрывается ли въ этихъ словахъ разгадка тайны, почему такіе разнорѣчивые толки и сужденія вызываетъ личность Гейне? Не потому ли ненавидятъ его донынѣ враги, что слишкомъ ужъ трудно имъ окинуть своими глазами безконечный кругозоръ поэта, трудно своими маленькими масштабами измѣрить колоссальную фигуру, ускользающую своей вершиной отъ ихъ взора...

П. С. Коганъ.

Въ Московскомъ Обществѣ Грамотности.

(Годичное засѣданіе 30 апрѣля.)

Въ истекшемъ 1897 году Общество состояло изъ 276 членовъ, изъ которыхъ почетныхъ—4, пожизненныхъ—31, дѣйствительныхъ—210 и членовъ-сотрудниковъ—31 человѣкъ. Дѣятельность Общества, какъ и раньше, заключалась въ теоретической разработкѣ вопросовъ народнаго образованія и въ практической помощи многочисленнымъ учрежденіямъ и лицамъ при устройствѣ ими различнаго рода образовательныхъ учрежденій.

Разсмотримъ нѣсколько подробнѣе дѣятельность каждаго изъ органовъ общества: правленія, общихъ собраній и коммиссій.

Правленіе въ отчетномъ году имѣло 48 засѣданій, на которыхъ разсмотрѣно свыше 500 вопросовъ. Касаясь различныхъ сторонъ дѣятельности Общества, вопросы эти по своему разнообразію не могутъ быть строго систематизированы, и мы укажемъ только на наиболѣе важные изъ нихъ. Сюда относятся: а) возбужденіе разнаго рода ходатайствъ предъ минист. народн. просвѣщ.; б) разсмотрѣніе различнаго рода просьбъ, поступавшихъ въ правленіе, а именно: о высылкѣ изданій Общества, о пособіи на устройство школьныхъ помѣщеній, о высылкѣ матеріаловъ по народному образованію, о высылкѣ въ сельскія школы учебниковъ и учебныхъ пособій, о высылкѣ плановъ и смѣтъ на постройку школьныхъ зданій и т. п.; в) разсмотрѣніе заявленій кліентовъ Общества, выписывавшихъ чрезъ его посредство библіотеки и книги для книжныхъ складовъ; г) пріемъ пожертвованій; д) пріемъ новыхъ членовъ; е) исполненіе постановленій общихъ собраній; ж) разрѣшеніе уплатъ по представленнымъ счетамъ. Въ концѣ года правленіемъ былъ предпринятъ рядъ сношеній съ учрежденіями и лицами по разрѣшенію и устройству въ пользу Общества публичныхъ лекцій В. П. Острогорскаго; самыя лекціи состоялись 7, 8 и 9 января настоящаго года. Въ теченіе года правленіемъ были привѣтствованы отъ имени Общества слѣдующія лица и учрежденія: М. М. Стасюлевичъ въ день 50-лѣтія его плодотворной и энергичной дѣятельности на пользу народнаго образованія; Н. Н. Златовратскій въ день 30-лѣтія

его литературной дѣятельности и Нижегородское Общество распространенія начальнаго образованія въ день 25-лѣтія его просвѣтительной дѣятельности.

Общихъ собраній членовъ за истекшій годъ было восемь. Членами Общества въ этихъ собраніяхъ были прочитаны слѣдующіе доклады: 1) *С. Г. Смирновымъ*—«Какъ относятся крестьяне къ устройству народныхъ библіотекъ»; 2) *В. П. Вахтеровымъ*—«Народныя чтенія въ городахъ и селеніяхъ»; 3) *имъ же*—«Общеобразовательныя задачи народныхъ школъ»; 4) *В. А. Гольцевымъ*—«Къ разработкѣ вопроса о положеніи учащихъ въ народныхъ школахъ, по свѣдѣніямъ, полученнымъ бывшимъ комитетомъ грамотности»; 5) *Н. В. Тулуповымъ*—«Положеніе учителей народныхъ училищъ въ Казанской губ.»; 6) *В. Е. Ермиловымъ*—«Памяти Ѳ. И. Буслаева»; 7) *имъ же*—«Памяти барона Н. А. Корфа». За исключеніемъ двухъ послѣднихъ всѣ эти доклады были напечатаны на страницахъ *Русской Мысли*, и мы считаемъ излишнимъ въ настоящее время останавливать на нихъ вниманіе читателя.

Практическая дѣятельность, помимо правленія, сосредоточивалась, главнымъ образомъ, въ семи коммиссіяхъ, состоявшихъ при Обществѣ: 1) *библіотечной*, 2) *редакціонной*, 3) *воскресныхъ школъ*, 4) *о народныхъ учителяхъ*, 5) *педагогической*, 6) *по всеобщему обученію* и 7) *по устройству книжныхъ складовъ*.

Въ кругъ дѣятельности *библіотечной коммиссіи* входило: 1) безплатное снабженіе книгами сельскихъ школъ и читаленъ, 2) составленіе «Ежегодника», 3) собираніе и разработка свѣдѣній о томъ, что читаетъ народъ и какъ относится онъ къ чтенію, 4) исполненіе коммиссіонныхъ порученій отъ земствъ и частныхъ лицъ и 5) доставленіе справокъ и указаній по вопросамъ библіотечнаго дѣла. Въ теченіе года коммиссіей безплатно было послано по ассигновкамъ 1897 года 83 *школьныя* библіотеки, на 836 руб., 44 *народныя* библіотеки на 1,391 руб. 51 коп., 5 библіотекъ больницамъ и друг. учрежденіямъ, а всего 132 библіотеки, на 2,265 руб. 51 коп.

Въ виду того, что открытіе нѣкоторыхъ проектированныхъ библіотекъ-читаленъ, въ которыя были сдѣланы ассигновки въ 1896 г., по разнымъ причинамъ не состоялось, коммиссіей было постановлено считать эти ассигновки не подлежащими исполненію и дать имъ новое назначеніе. Такимъ образомъ, еще было разослано 9 библ. по 50 руб., 3 библ. по 100 руб. и 1 библ. въ 150 руб.; всего 13 библ. на 900 руб. Всего за годъ, слѣдовательно, было послано 145 библіотекъ, на 3,165 руб. 51 коп. Библіотеки были разосланы въ 34 губерніи.

Собираніе и разработка свѣдѣній о народномъ чтеніи за отчетный годъ значительно подвинулись впередъ. Вслѣдствіе циркуляра отъ 20 марта 1896 года съ предложеніемъ помощи отъ комитета грамотности изъ поступившаго тогда крупнаго пожертвованія на народныя и школьныя библіотеки получено и продолжаетъ получаться большое количество свѣдѣній о народныхъ читальняхъ. Часть этихъ свѣдѣній разработана въ коммиссіи и

представлена въ докладѣ С. Г. Смирнова—«Какъ относятся крестьяне къ вопросу объ устройствѣ народныхъ библіотекъ». Отвѣты на разосланныя программы и свѣдѣнія, заключающіяся въ тетрадяхъ для записи выдачъ книгъ, разрабатываются особой группой членовъ коммиссіи подъ руководствомъ Е. Н. Орловой. Эти свѣдѣнія предположено издать въ видѣ цѣлой серіи отдѣльныхъ выпусковъ подъ общимъ заглавіемъ: «Свѣдѣнія о народныхъ читальняхъ». Первый выпускъ этой серіи—«Крестьянскіе приговоры о народныхъ читальняхъ»—уже приготовленъ къ печати. Распредѣляя библіотеки на пожертвованныя средства, коммиссія установила прочныя сношенія со многими учрежденіями и отдѣльными частными лицами, которыя все чаще и чаще стали обращаться въ коммиссію съ просьбой о составленіи и высылкѣ библіотекъ за плату. За истекшій годъ коммиссія насчитывала 65 кліентовъ, по порученію которыхъ ею составлено и выслано библіотекъ на сумму 5,127 руб. 24 коп. Обращаясь въ коммиссію, какъ въ учрежденіе вполнѣ компетентное въ дѣлѣ выбора книгъ и составленія библіотекъ, кліенты ея имѣютъ еще и ту выгоду, что пользуются черезъ посредство коммиссіи болѣе значительной уступкой у книгопродавцевъ и безплатной пересылкой книгъ. Кліентами коммиссіи за истекшій годъ были: 14 земскихъ управъ, 16 волостныхъ правленій, 10 народныхъ читаленъ, 9 училищъ, 6 земскихъ начальниковъ и 10 частныхъ лицъ. По ходатайству правленія, министерство народнаго просвѣщенія разрѣшило издать «Ежегодникъ» за 1897 годъ безъ предварительнаго представленія его въ рукописи въ министерство. Рѣшивъ сдѣлать небольшія измѣненія при изданіи «Ежегодника» за истекшій годъ и дополнить его краткимъ спискомъ особенно рекомендуемыхъ книгъ за 1895 и 1896 гг., коммиссія приступила къ разсмотрѣнію книгъ. Общая редакція поручена Н. В. Тулупову.

Редакціонная коммиссія въ отчетномъ году занималась разсмотрѣніемъ отзывовъ о сочиненіяхъ, представленныхъ на конкурсъ, объявленный комитетомъ грамотности въ 1895 году, и выработкой общаго плана изданій Общества. Для дачи заключеній о достоинствѣ представленныхъ на конкурсъ трудовъ была избрана особая группа изъ слѣдующихъ лицъ: М. С. Корелина, М. И. Коновалова, С. Г. Смирнова, А. Н. Реформатскаго и В. А. Гольцева. Выслушавъ и обсудивъ отзывы этой группы, редакціонная коммиссія признала возможнымъ присудить почетные отзывы за сочиненія: 1) подъ девизомъ Г. К. Ю. Х. Д., представленное на тему: «Вода и ея значеніе на землѣ» и 2) подъ девизомъ: «Мы не вѣримъ, что народы не могутъ идти впередъ иначе, какъ по колѣна въ крови, мы преклоняемся съ благоговѣніемъ передъ мучениками, но отъ всего сердца желаемъ, чтобы ихъ не было», представленное на тему: «Гоненіе на христіанъ въ Римской имперіи до Константина Великаго». Всѣ остальныя изъ представленныхъ на конкурсъ сочиненій, въ числѣ 14, признаны не заслуживающими какихъ-либо наградъ и напечатанія.

Что касается издательской дѣятельности, то коммиссія старалась выработать общіе планы изданія, не довольствуясь только просмотромъ и обсужденіемъ представляемыхъ рукописей или переизданіемъ существующихъ произведеній. Такъ, ею обсуждался планъ изданія сборника для учителей народныхъ училищъ, заключающаго въ себѣ статьи: 1) по русской исторіи, 2) по русской географіи, 3) по естествовѣдѣнію и 4) по гигіенѣ, причемъ предлагалось за сборникомъ издать брошюры, въ которыхъ нѣкоторыя части его могутъ быть истолкованы болѣе детально. Далѣе, намѣченъ и разрабатывался и другой планъ изданія общаго характера, состоящій въ томъ, чтобы отдѣльныя произведенія Пушкина издать совмѣстно съ критическими о нихъ статьями Бѣлинскаго. Кромѣ того, коммиссія рѣшила издать для народнаго чтенія слѣдующія произведенія: 1) «Александръ II, Царь-Освободитель», соч. Е. А.; 2) Лермонтовъ: «Избранныя сочиненія»; 3) Сливицкій: «Ѳеодосій Печерскій»; 4) Житіе св. Димитрія Ростовскаго» (изъ журнала *Дѣтскій Отдыхъ*); 5) Чеховъ, разсказы: «Пересолилъ», «Мечты», «Святою ночью»; 6) Садовскій: «Счастливецъ»; 7) Маминъ-Сибирякъ: «Родительская кровь»; 8) Ключевскій: «Св. Сергій Радонежскій» и «Добрые люди древней Руси»; 9) Островскій: «Не все коту масляница»; 10) Короленко: «На затменіи». Имѣя въ виду практическія затрудненія при изданіи книгъ, особенно иллюстрированныхъ, долженствующихъ въ рукописяхъ быть представленными въ мин. народн. просв., коммиссія вошла въ правленіе съ просьбой ходатайствовать передъ министерствомъ о разрѣшеніи издавать книги, довольствуясь лишь общей цензурой и безъ особаго ихъ представленія въ министерство. Для коммиссіи казалось затруднительнымъ вступать въ переговоры съ авторами, не заручившись разрѣшеніемъ министерства, и прямо убыточнымъ заказывать рисунки или текстъ на опредѣленныя темы въ случаѣ отказа со стороны министерства въ разрѣшеніи на ихъ изданіе.

Коммиссія воскресныхъ школъ въ отчетномъ году занималась: 1) разсмотрѣніемъ народной литературы для выясненія степени пригодности ея для чтенія учащимися въ воскресныхъ школахъ; 2) подготовленіемъ къ изданію ариѳметическаго задачника для воскресныхъ школъ; 3) разсылкой библіотекъ въ воскресныя и повторительныя школы и 4) снабженіемъ воскресныхъ школъ учебными пособіями изъ подвижного музея коммиссіи.

По первому пункту дѣятельности коммиссіей разсматриваются преимущественно дешевыя книги народной литературы, издаваемыя лучшими фирмами, просматриваются также и книжки журнала *Читальня народной школы*. Опредѣляя достоинство книги, коммиссія опредѣляетъ также степень грамотности и возрастъ читателя, для котораго пригодна та или другая книга. Такъ какъ коммиссія имѣетъ въ виду, главнымъ образомъ, воскресную школу, то ею не разбираются книги, имѣющія прикладной характеръ, тѣмъ болѣе, что работа эта производится компетентными людьми въ библіотечной группѣ Москов. Общества Грамотности. Всего въ теченіе 1897 г. было просмотрѣно 87 книгъ, изъ нихъ 17 признаны непригодными по раз-

нымъ причинамъ, остальныя внесены въ списки коммиссіи. Кромѣ того, коммиссіей намѣченъ къ изданію рядъ сборниковъ по словесности и научнымъ отдѣламъ, съ цѣлью выясненія нѣкоторыхъ идей или сообщенія свѣдѣній. Необходимость въ такихъ сборникахъ, небольшого объема, по цѣльнаго характера, сознается всѣми, кто имѣетъ дѣло съ читателемъ воскресной школы, удѣляющимъ на чтеніе лишь немногіе часы своего досуга.

Безплатная разсылка библіотекъ по воскреснымъ школамъ и повторительнымъ классамъ въ отчетномъ году шла также довольно успѣшно: за годъ всего разослано 121 библіотека, заключающихъ въ себѣ 21,712 экземпляровъ книгъ на сумму 4,113 р. 6 к.

Еще большаго вниманія заслуживаетъ дѣятельность коммиссіи по снабженію воскресныхъ школъ учебными пособіями изъ своего подвижного музея. Быстрый ростъ московскихъ воскресныхъ школъ и недостаточная матеріальная обезпеченность ихъ заставили лицъ, участвовавшихъ въ занятіяхъ въ этихъ школахъ, позаботиться о томъ, чтобы создать подвижной музей учебныхъ пособій, которыми могли бы пользоваться безвозмездно всѣ московскія воскресныя школы, не имѣющія возможности затрачивать свои скудныя средства на пріобрѣтеніе наглядныхъ учебныхъ пособій. Предложеніе это было внесено въ коммиссію по воскреснымъ школамъ московскаго комитета грамотности, которая отнеслась сочувственно къ нему и обѣщала матеріальную поддержку возникающему учрежденію. При содѣйствіи свѣдущихъ людей былъ выработанъ планъ организаціи музея, и въ августѣ 1893 г. было внесено въ его инвентарь первое пожертвованіе (стереоскопическіе виды Кавказа). По плану, доложенному коммиссіи, предполагалось имѣть въ музеѣ наглядныя пособія по слѣдующимъ предметамъ: исторія (преимущественно русская), географія, этнографія, астрономія, зоологія, ботаника, минералогія, физика, химія, литература, математика. Картины духовнаго содержанія имѣются въ продажѣ по очень умѣреннымъ цѣнамъ, ими снабжаются всѣ воскресныя школы за свой счетъ, и потому музей не имѣетъ этого отдѣла. По нему есть въ музеѣ лишь иллюстраціи изъ журналовъ и фотографическіе снимки съ картинъ изъ жизни Христа.

Предполагалось сдѣлать музей подвижнымъ, т.-е. пособія должны были предоставляться во временное пользованіе воскреснымъ школамъ и храниться у завѣдующаго музеемъ. Время и опытъ показали, что подобная организація вполнѣ достигаетъ намѣченной цѣли. По своему составу музей долженъ былъ носить учебный, но не прикладной характеръ, имѣя цѣлью дополнять и оживлять наглядными пособіями преподаваніе различныхъ предметовъ въ воскресной школѣ, которая, по недостатку времени, болѣе, чѣмъ всякая другая школа, нуждается въ наглядности преподаванія.

На первое время были пріобрѣтены для музея самые необходимые предметы. Дальнѣйшее пополненіе музея производилось по указаніямъ требованій отъ воскресныхъ школъ и отвѣтовъ ихъ на запросы завѣдующей. Поэтому нѣкоторые предметы имѣются въ музеѣ въ двойныхъ экземплярахъ, какъ, наприм.: «Русскіе народы», ред. проф. Зографа, изд. Кушнерева,

«Типы народовъ», изд. Ваксмута, нѣкоторые минералы, картины явленій природы—Животовскаго, таблицы по шелководству и пчеловодству, таблицы, изображающія животныхъ и т. д.

Всего въ разное время ассигновано было на пособія музея около 500 руб. и пожертвовано разными лицами 164 руб. 65 коп., но полную оцѣнку всего музея сдѣлать очень затруднительно, потому что стоимость многихъ предметовъ совершенно неизвѣстна. Такъ, наприм., прекрасная коллекція минераловъ, въ 170 экземпляровъ, пожертвованная музею Императорскимъ Горнымъ институтомъ, не поддается оцѣнкѣ, неизвѣстна и стоимость фотографическихъ снимковъ, коллекцій по писчебумажному и хлопчатобумажному производствамъ, которые пожертвованы, а также и многихъ другихъ предметовъ.

По правиламъ музея, пособіями его могутъ пользоваться безвозмездно не только всѣ московскія частныя воскресныя школы, но также и провинціальныя воскресныя школы, а равно городскія, сельскія и частныя, по усмотрѣнію и за отвѣтственностью завѣдующей.

Въ первый годъ своего существованія, 1894-й, пособіями музея пользовались воскресныя школы сравнительно немного: за время, съ котораго начались записи, т.-е. съ октября 1894 г. до 1 января 1895 г. (за 3 мѣсяца) было сдѣлано всего 24 выдачи, и количество предметовъ, которое приходилось на одну выдачу, было незначительно. Въ 1895 г., за 9 учебныхъ мѣсяцевъ, было сдѣлано 65 выдачъ, и количество выданныхъ предметовъ быстро возросло. Съ 1 января 1896 г. по 1 января 1897 г. было произведено 94 выдачи съ очень значительнымъ количествомъ предметовъ, а съ января 1897 г. по январь 1898 г. — 122 выдачи, причемъ количество выданныхъ предметовъ было еще значительнѣе.

Болѣе всего пособіями музея пользуются московскія воскресныя школы и вечерніе классы, изъ нихъ нѣкоторые берутъ ихъ каждое воскресенье, и въ теченіе года за ними числится болѣе 20 выдачъ, другіе берутъ пособія одинъ разъ въ мѣсяцъ по запискамъ учительницъ для всей школы. За 1897 годъ всѣмъ московскимъ воскреснымъ школамъ было сдѣлано 90 выдачъ (изъ 122 за этотъ годъ), для школъ Пречистенскаго попечительства—4 выдачи, для школы при мастерской г. Л.—7 выдачъ, отправлено въ сельскія школы 3 выдачи, въ городскія — 2 выдачи и въ частныя школы—2 выдачи. Музей посѣщается нерѣдко лицами, желающими ознакомиться съ наглядными пособіями, узнать, что и по какимъ цѣнамъ можно имѣть въ данное время въ продажѣ, съ цѣлью пріобрѣтенія наглядныхъ пособій для своихъ школъ.

Коммиссія о народныхъ учителяхъ продолжала разрабатывать матеріалы о положеніи учителей народныхъ училищъ. Къ концу года ею были разработаны данныя по 17 губерніямъ, а именно: Самарской, Пензенской, Тверской, Новгородской, Орловской, Олонецкой, Казанской, Костромской,

Тамбовской, Владимірской, Симбирской, Курской, Херсонской, С.-Петербургской, Псковской, Нижегородской и Московской.

Работы коммиссіи печатались въ теченіе года въ нѣсколькихъ періодическихъ изданіяхъ: *Русской Мысли, Образованіи, Педагогическомъ Листкѣ, Вѣстникѣ Воспитанія* и *Русской Школѣ*. Разработку всѣхъ имѣющихся въ коммиссіи матеріаловъ предполагается закончить въ настоящемъ 1898 году, тогда же будетъ сдѣланъ и общій очеркъ, связывающій погубернскіе итоги.

Что касается практической дѣятельности коммиссіи, то она заключалась въ безплатной разсылкѣ учащимъ въ народныхъ училищахъ книгъ и періодическихъ изданій. Всего въ теченіе года послано 382 тома книгъ и періодическихъ изданій на сумму 323 руб. 66 коп.; кромѣ того, въ учительскую библіотеку хорольскаго земства посланы пожертвованные неизвѣстнымъ: журналъ *Русская Школа* за 6 лѣтъ (1890—95 гг.), *Образованіе* за 1894 годъ, книжки *Недѣли* за 1887 годъ, *Ремесленная Газета* за 1887 годъ и карта Финляндіи.

Признавая важность правильной постановки ученія въ начальной школѣ, *педагогическая коммиссія* взяла на себя трудъ выработки опредѣленныхъ программъ и болѣе или менѣе подробно установленнаго плана классныхъ занятій, посвятивъ этимъ вопросамъ въ отчетномъ и предшествовавшемъ годахъ цѣлый рядъ засѣданій.

Признавъ за начальной школой исключительно общеобразовательный характеръ, установивъ воспитательныя и образовательныя задачи воспитывающаго ученія и всего школьнаго обихода, коммиссія опредѣлила далѣе задачи и каждаго учебнаго предмета и перешла къ разработкѣ (болѣе или менѣе подробной) плана занятій—для трехъ и для четырехъ лѣтъ ученія. Предположено было дать въ вырабатываемыхъ программахъ указаніе не только того, *что именно* должно быть пройдено въ теченіе каждаго года по каждому предмету, но и *какъ* легче всего и цѣлесообразнѣе передавать дѣтямъ учебный матеріалъ,—иными словами, программы, по замыслу коммиссіи, должны служить учителю основнымъ дидактическимъ и методическимъ руководствомъ. Въ такомъ именно видѣ и разработаны были программы по русскому языку (границы и пріемы выработки навыковъ бѣглаго, выразительнаго и толковаго чтенія, сообщенія свѣдѣній по естествознанію, географіи и исторіи, изученія художественной литературы, усвоенія навыковъ правильнаго и толковаго изложенія мыслей устно и письменно, необходимѣйшихъ знаній по грамматикѣ), по церковно-славянскому чтенію, по ариѳметикѣ. Дальнѣйшія занятія по разработкѣ программъ по остальнымъ предметамъ школьнаго ученія были пріостановлены въ виду изданія «Примѣрныхъ программъ» министерствомъ народнаго просвѣщенія.

Выработанные коммиссіей проекты программы (по русскому языку, церковно-славянскому чтенію и ариѳметикѣ) были отпечатаны въ *Педагогическомъ Листкѣ*, издаваемомъ при *Дѣтскомъ Чтеніи*, отдѣльные же

оттиски, въ количествѣ 1,500 экз., переданы въ распоряженіе правленія общества грамотности.

Съ конца 1897 года педагогическая комиссія, подъ предсѣдательствомъ Д. И. Тихомирова, при участіи вновь приглашенныхъ членовъ общества Ѳ. И. Егорова, В. А. Вагнера и члена сотрудника С. В. Зенченко, приступили къ разработкѣ вопроса о постановкѣ педагогическихъ курсовъ для народныхъ учителей и учительницъ.

Коммиссія по всеобщему обученію въ отчетномъ году продолжала разрабатывать и подготовлять къ печати имѣющійся въ ея распоряженіи довольно значительный матеріалъ по всеобщему обученію. При этомъ была закончена разработка вопроса о нормальныхъ школьныхъ разстояніяхъ и о мѣрахъ, которыми населеніе старается облегчить дѣтямъ отдаленныхъ отъ школы мѣстностей пользованіе училищами. Работа эта, изданная Обществомъ въ видѣ отдѣльной брошюры уже въ настоящемъ 1898 году, является какъ нельзя болѣе кстати именно въ настоящее время, когда во многихъ земствахъ вопросъ о всеобщемъ обученіи начинаетъ получать практическое осуществленіе. При составленіи школьной сѣти, какъ извѣстно, мало знать только число дѣтей школьнаго возраста и нормальное число дѣтей на одну школу или на одного учителя, необходимо также принять въ разсчетъ и географическія условія мѣстности, необходимо опредѣлить школьный районъ и условія, при наличности которыхъ тотъ или другой районъ дѣлаетъ школу доступною всему населенію. Изданная коммиссіей брошюра представляетъ одну изъ первыхъ попытокъ разработки матеріаловъ по данному вопросу, касающихся различныхъ мѣстностей Россіи.

Остальные матеріалы, разработка которыхъ въ настоящее время заканчивается, предполагается издать въ непродолжительномъ времени въ видѣ отдѣльнаго сборника.

Коммиссія по устройству книжныхъ складовъ въ истекшемъ году проявила также довольно значительную по своимъ результатамъ дѣятельность. Такъ ею было послано на коммиссіонныхъ началахъ разнымъ лицамъ и учрежденіямъ для продажи населенію 50,374 экземпляра книгъ на сумму 2,500 р. 94 к. Почти половина всѣхъ посланныхъ книгъ приходится на долю Сибири. Какъ важенъ этотъ послѣдній фактъ, видно изъ данныхъ о дѣятельности книжнаго склада, открытаго при содѣйствіи коммиссіи «Отдѣленіемъ Пріамурскаго отдѣла Императорскаго Географическаго Общества въ г. Читѣ». Благодаря кредиту складочной коммиссіи, читинскій книжный складъ нашелъ возможнымъ продавать народу такъ называемыя «листовки» по $1^1/_2$ коп. за экземпляръ, тогда какъ до этого времени цѣна ихъ у сибирскихъ книгопродавцевъ доходила до 15 к. за экземпляръ. Чтобы конкуррировать съ книжнымъ складомъ Географическаго Общества, книгопродавцамъ пришлось въ нѣсколько разъ понизить цѣну на книги.

Въ засѣданіи коммиссіи 13 сентября было рѣшено обратиться съ пред-

ложеніемъ своей помощи по устройству книжныхъ складовъ ко всѣмъ существующимъ въ Россіи комитетамъ попечительствъ о народной трезвости. Къ концу года на обращеніе коммиссіи нѣсколько комитетовъ уже выразило готовность воспользоваться ея предложеніемъ, и имъ послано книгъ на сумму до 300 рублей. Всего услугами коммиссіи пользуется 25 провинціальныхъ книжныхъ складовъ, имѣющихъ годичный оборотъ отъ 4 руб. (учитель Трубчевскаго уѣзда) до 1,200 р. (читинскій складъ Геогр. Общ.).

Кромѣ этого, коммиссія въ отчетномъ году приступила къ составленію примѣрнаго списка книгъ для книжныхъ складовъ, который предполагается издать въ самомъ непродолжительномъ времени.

Библіотека общества въ отчетномъ году состояла изъ 6,409 экземпляровъ книгъ.

Подводя итогъ всей дѣятельности Общества за истекшій годъ, мы видимъ, что она выразилась въ слѣдующемъ: 1) въ теоретической разработкѣ вопросовъ народной школы и внѣшкольнаго образованія народа, 2) въ разработкѣ матеріаловъ по вопросу о всеобщемъ обученіи и о положеніи народныхъ учителей, 3) въ подготовленіи къ изданію цѣлаго ряда книгъ для народнаго чтенія, 4) въ изученіи народной литературы, 5) въ безплатной и коммиссіонной разсылкѣ библіотекъ (школьныхъ и народныхъ) и книгъ для провинціальныхъ книжныхъ складовъ, всего по всѣмъ коммиссіямъ разослано около 105,000 экземпляровъ книгъ, на 15,230 р. 41 к., и 6) въ совѣтахъ и указаніяхъ всякаго рода на запросы, поступавшіе въ общество отъ многочисленныхъ (нѣсколько сотъ) учрежденій и частныхъ лицъ по дѣлу объ открытіи библіотекъ, школъ разныхъ типовъ и наименованій, народныхъ чтеній, книжныхъ складовъ и т. д. Районъ, на который распространялась дѣятельность Общества, охватываетъ собою многочисленныя губерніи и области отъ далекой Читы до Царства Польскаго съ одной стороны и отъ Архангельска до Тифлиса—съ другой. Обозрѣвая дѣятельность общества во всей ея совокупности, нельзя не признать, что она потребовала усиленной, напряженной работы со стороны членовъ, отдававшихъ свой досугъ, свои силы и знанія на служеніе дѣлу такой первостепенной важности, какъ просвѣщеніе народа. При этомъ нельзя обойти молчаніемъ и того факта, что работа членовъ значительно затруднялась тѣмъ обстоятельствомъ, что Обществу приходилось все время считаться съ требованіями новаго устава, значительно измѣнявшими порядокъ вещей, который существовалъ въ прежнемъ комитетѣ грамотности въ теченіе его многолѣтней дѣятельности. Можно спорить о совершенствѣ и несовершенствѣ того или другого устава, объ удобствахъ и неудобствахъ того или другого порядка вещей въ Обществѣ,—одно лишь не подлежитъ сомнѣнію—это то, что живое дѣло, которому служить Общество, не терпитъ отлагательствъ, не можетъ ждать, не можетъ и не должно останавливаться. Вѣра въ это живое дѣло, вѣра въ плодотворность работы въ

интересахъ этого дѣла, при какихъ бы внѣшнихъ условіяхъ эта работа ни совершалась, и давала силу членамъ Общества съ удвоенной энергіей исполнять добровольно взятыя на себя обязанности. 105,000 книгъ, разосланныхъ Обществомъ за годъ, по самому скромному разсчету дадутъ матеріалъ для чтенія *милліону* читателей отъ сельскаго школьника до народнаго учителя включительно. Чтобы понять значеніе этого факта, нужно знать нашу глухую деревню съ ея нуждою, съ ея однообразно-томительною жизнью, съ ея пробуждающимися запросами на книгу, на знаніе, на разумный, здоровый праздничный отдыхъ. Прійти на помощь указаніями, совѣтами, пожертвованіями въ сотняхъ случаевъ при возникновеніи того или другого полезнаго дѣла, добраго начинанія—стоитъ того, чтобы беззавѣтно отдаться излюбленному дѣлу. Выяснить положеніе десятковъ тысячъ скромныхъ тружениковъ на нивѣ народной—сельскихъ учителей и, въ мѣру своихъ силъ, прійти имъ на помощь стоитъ того, чтобы удвоить энергію въ работѣ и твердо идти по разъ избранному пути къ развитію все того же живого дѣла.

И эта дѣятельность Общества нашла себѣ вѣрную и безпристрастную оцѣнку въ той же самой провинціи, въ интересахъ которой, главнымъ образомъ, оно и работаетъ: 12 земскихъ собраній въ послѣднюю сессію вотировали глубокую благодарность Московскому Обществу Грамотности за его содѣйствіе развитію дѣла народнаго образованія. А дѣло это такъ сложно, область его такъ широка! Нужно больше средствъ, знанія, людей, больше людей, искренно преданныхъ этому дѣлу и вѣрующихъ въ него, чтобъ оно росло и крѣпло! Съ сознаніемъ, что истекшій годъ былъ прожитъ Обществомъ не даромъ, что оно честно и энергично работало въ мѣру своихъ силъ, оно вступаетъ въ новый годъ своей дѣятельности.

Н. Т—въ.

Вопросы современной англійской кооперації.

Какую бы сторону общественной жизни вы ни взяли въ Европѣ, разъ только она соприкасается съ массами населенія и, слѣдовательно, успѣхъ дѣла зависитъ отъ степени ознакомленія массъ съ задачами этого движенія, отъ степени интереса, проявляемаго массами къ послѣднему, вы всегда найдете большую популярную литературу, изданную въ цѣляхъ пробужденія интереса въ широкихъ слояхъ населенія къ движенію. Возьмите, напримѣръ, вопросъ объ эмиграціи изъ Англіи въ англійскія колоніи. Уже простая прогулка по Лондону поразитъ васъ множествомъ эмиграціонныхъ бюро, гдѣ въ окнахъ выложены всевозможныя брошюры иллюстрированныя, съ описаніемъ заморскихъ странъ; здѣсь подробно описываются и климатическія и почвенныя условія этихъ послѣднихъ, и стоимость жизни и проѣзда и т. д., и всѣ эти брошюры раздаются даромъ всякому желающему [1]) или если не даромъ, то за ничтожную плату 3—4 коп. (1 пенсъ). У насъ не существуетъ такой литературы.

То же самое и въ области кооперації. У насъ почти отсутствуетъ популярная литература по этому вопросу, а между тѣмъ есть даже спеціальныя учрежденія, которымъ это дѣло вѣдать надлежитъ, какъ-то: комитетъ о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ обществахъ въ Москвѣ. Откуда же, спрашивается, тогда простому человѣку узнать, какъ открыть, напримѣръ, хотя бы потребительное общество, какъ вести самое дѣло и т. д.? А между тѣмъ на Западѣ эти свѣдѣнія проводятся въ массы въ сотняхъ тысячъ брошюръ разнаго рода. У меня здѣсь подъ руками, когда я пишу эти строки, болѣе сотни такого рода популярныхъ брошюръ по разнаго рода вопросамъ кооперації и притомъ спеціально потребительной. Дамъ заглавія нѣкоторыхъ изъ нихъ, чтобъ обрисовать общій характеръ этой литературы. Вотъ, напримѣръ, передъ нами прекрасная брошюра Gray'я, генеральнаго секретаря кооперативнаго союза,—это прекрасное, но сжатое (всего 32 стр.), можно даже сказать цѣлое изслѣдованіе о системахъ, практикуемыхъ потреби-

[1]) *И.* и *Е. Янжулъ*: „Часы досуга". Очерки и картинки по экономическимъ, общественнымъ и литературнымъ вопросамъ. Москва, 1896 г., ст. *Что дѣлаютъ англичане для своихъ переселенцевъ?* стр. 125—155.

тельными обществами при допущеніи продажи въ кредитъ; написана брошюра очень популярно. Здѣсь изслѣдуются причины продажи въ кредитъ, послѣдствія этого для потребительныхъ обществъ и т. д. [1]). Вотъ другая брошюра по тому же вопросу нѣкоего George'a Hines. Вотъ нѣсколько брошюръ по вопросу объ опредѣленіи размѣра утечекъ, усышекъ, провѣса и т. д. [2]), брошюра объ управленіи сапожною мастерскою, связанною съ потребительнымъ обществомъ [3]). Укажемъ еще брошюры: 1) «Что такое кооперація» («What is cooperation?»). 2) «Лекція объ исторіи кооперации», Томаса Юза. 3) «Кооперативный союзъ, его необходимость и выгоды» [4]). Послѣдняя брошюра кончается словами: «соединенные мы стоимъ, а разъединенные мы падемъ». 4) Брошюрка о способахъ составленія баланса и мѣрахъ повѣрки его (Henry R. Railey). 5) «Нѣкоторыя изъ выгодъ кооперации для рабочихъ [5]). 6) Какъ управлять торговлею мясомъ» (by Neate). 7) «Завѣдываніе лавкою» («Store Management» by W. Openshow). 8) «Что такое кооперативное общество оптовыхъ закупокъ?» 9) Опять: «Что такое кооперація» извѣстнаго своимъ большимъ трудомъ по производительной кооперации Benjamin'a Jones'a. 10) Лекція объ обществѣ оптовыхъ закупокъ президента шотландскаго оптоваго общества извѣстнаго Уилліяма Максуэлля (William Maxwell). 11) «Какъ основать потребительное общество» уже упомянутаго Грэя, генеральнаго секретаря кооперативнаго союза [6]). 12) «Классы по кооперации и какъ сдѣлать ихъ болѣе привлекательными и успѣшными?» [7]) или 13) брошюра «Какъ лучше всего утилизировать возрастающій избытокъ капитала, находящійся теперь [8]) въ кооперации», гдѣ авторъ совѣтуетъ расширеніе производительныхъ отдѣленій за счетъ потребительныхъ обществъ. Авторъ сѣтуетъ на невѣжественность кооператоровъ и рекомендуетъ изданіе особаго журнала за счетъ кооперативнаго союза и общества оптовыхъ закупокъ,— журналъ, который бы давалъ свѣдѣнія о томъ, что уже сдѣлано въ области кооперації и что остается сдѣлать, и этотъ журналъ долженъ даромъ посылаться каждому лицу, состоящему членомъ того или другого потребительнаго или производительнаго общества. Вотъ насколько дорожатъ здѣсь

---

1) „The system of credit as practised by cooperative Societies". By J. C. Gray.

2) Напримѣръ: „The leakage System". By John Anderson и Best System of leakage or a country cooperative store by Hopkinson.

3) „How to manage a boot and Shoe department" by I Green and A. Webb.

4) „The Cooperative Union: its necessity and its advantages" by John Allen and J. Gray (стр. 19).

5) „Some of the benefits and advantages of cooperation to working men" by A. Scotton.

6) „How to start cooperative Stores" by J. Gray. Маленькая, всего 8 страницъ, но очень толковая и ясно написанная брошюрка, какъ и все, что выходитъ изъ-подъ пера этого автора.

7) „Cooperative Classes: how to make them more attractive and successful; prize paper written for the Coop. Educ. Comm." by Garnett.

8) „How best to utilise the increasing surplus capital of the movement" by Alfred Maskery.

кооперативнымъ воспитаніемъ! Авторъ ожидаетъ отъ этого большого толчка для развитія кооперації и далѣе наступленія соціальнаго мира, что, конечно, никакъ уже не связано съ кооперацією и является простою утопіей, но эта заботливость о кооперативной пропагандѣ очень характерна.

Затѣмъ укажемъ брошюры объ отношеніи кооперативнаго движенія къ національной и международной торговлѣ (Aneurin Williams) «Христіанскіе соціалисты и кооперація», «Кооперація и подоходное обложеніе» и т. д.

Въ Англіи милліонами распространяются еще разные летучіе листки по кооперації, такъ, напримѣръ, листокъ (всего на двухъ сторонахъ листа писчей бумаги): «Пять мотивовъ, почему я кооператоръ?» («Five reasons Why Jam a cooperator?)» или «Мнѣнія выдающихся людей по вопросу о кооперації», гдѣ приводятся воззрѣнія на этотъ вопросъ Гладстона, Милля, Rogers'a, Брайта, Юза и т. д. На нѣкоторыхъ листкахъ графически въ діаграммахъ вычерчены тѣ выгоды, которыя лицо, сдѣлавшись кооператоромъ, можетъ извлечь изъ кооперації (см. листокъ подъ названіемъ: «Possibilities of Cooperation») и т. д.

Правда, ни одна страна не можетъ тягаться съ Англіею по богатству популярной кооперативной литературы. Такъ, во Франціи хотя и издаются особые кооперативные журналы и притомъ по очень доступной цѣнѣ, какъ, наприм., «L'Union Coopérative» (organe officiel du Comité Central de «l'Union Cooperative» des sociétés françaises de Consomation—журналъ ежемѣсячный и стоитъ всего за годъ 2 франка, а за границу съ пересылкою 3 франка), но самая-то литература для народа очень бѣдна. Мы можемъ указать здѣсь только на весьма недурно составленные альманахи, издаваемые центральнымъ комитетомъ кооперативнаго французскаго союза, объемомъ отъ 120 до 180 страницъ въ восьмушку при ничтожной цѣнѣ отъ 20 до 40 сантимовъ, т.-е. отъ 7 до 15 коп. Между тѣмъ содержаніе ихъ очень разнообразно, они снабжены иллюстраціями и считаютъ въ ряду своихъ сотрудниковъ лучшихъ представителей кооперації во Франціи и за границею. Такъ, бѣгло я познакомлю здѣсь съ однимъ выпускомъ альманаха за 1897 годъ.

Здѣсь даются, во-первыхъ, краткіе очерки кооперативнаго движенія въ 12 странахъ, написанные для Англіи, напримѣръ, самимъ Голіокомъ, для Бельгіи—Бертраномъ, для Америки—Пибоди (Peabody), для Франціи—Жидомъ (Gide) и т. д. Затѣмъ отдѣльныя статьи, кромѣ этихъ 12 монографій, о кооперації въ Германіи — Haentschke, въ Шотландіи — Максуэлля, въ Ирландіи—Finlay и т. д. Тутъ же находимъ замѣтки: о необходимости кооперативнаго воспитанія—Грэя, генеральнаго секретаря англійскаго кооперативнаго союза, о соціальномъ музеѣ въ Парижѣ, продолженіе статьи (начало ея въ предшествующихъ изданіяхъ альманаха) по исторіи кооперації въ Франціи De Boyve'a и т. д.

Въ изданіи альманаха 1895 года, вмѣсто очерковъ о положеніи кооперації въ 12 странахъ, даются 12 правилъ кооперації проф. Жида (Charles Gide). Приведемъ нѣкоторыя изъ нихъ для примѣра: не продавать въ кре-

дить, не продавать по очень низкой цѣнѣ, распредѣлять прибыль по закупкамъ, принадлежать къ кооперативному союзу, стараться о возможно частомъ общеніи между членами кооперативныхъ обществъ и т. д. Опять статья о кооперативномъ воспитаніи Грэя, о кооперації для офицеровъ и солдатъ графа de Rocquigny, извѣстнаго своими большими статьями по этому вопросу въ *Revue Nouvelle*, переведенными затѣмъ на итальянскій языкъ въ журналѣ, издаваемомъ римскимъ Unione Militare, статья объ интернаціональномъ кооперативномъ союзѣ Голіока, о миланскомъ кооперативномъ обществѣ, о базельскомъ потребительномъ обществѣ, статистическія данныя по англійскому и нѣмецкому кооперативному движенію, замѣтка о потребительныхъ обществахъ въ Голландіи и т. д.

Мы только въ очень слабой степени могли дать представленіе о разнообразіи вопросовъ, затрогиваемыхъ въ этихъ альманахахъ; правда, все это довольно поверхностно, но за то всѣ статьи и замѣтки написаны простымъ и яснымъ языкомъ [1]), доступнымъ для каждаго.

Въ альманахахъ 1893 г. даны краткія біографическія свѣдѣнія объ Овенѣ, Голіокѣ, Райфайзенѣ, Фурье и т. д., всего 12 лицъ —«апостоловъ кооперації». Въ альманахахъ же 1896 г. описаны разныя формы кооперації.

Но обратимся снова къ Англіи.

Большое количество брошюръ, изданныхъ кооперативнымъ союзомъ (Cooperative Union), посвящено кооперативному воспитанію. Мы сейчасъ кратко познакомимся съ нѣкоторыми изъ нихъ. «Профессоръ Стюартъ,— говоритъ M-r Tutt въ своей брошюрѣ, — на конгрессѣ въ Глочестерѣ въ 1879 г. сказалъ: воспитаніе желательно для всего человѣчества, но оно необходимость для кооператоровъ» [2]). M-r Tutt рекомендуетъ введеніе классовъ для систематическаго изученія кооперації, распространеніе кооперативной литературы, устройство конференцій — этихъ питомниковъ мысли (nursery grounds for thought), какъ прекрасно выражается Tutt [3]).

Въ другой брошюрѣ, принадлежащей перу Miss Sharp, эта послѣдняя проводитъ прекрасную параллель между положеніемъ кооператоровъ теперь въ Великобританіи и положеніемъ молодой колоніи въ совершенно новой странѣ. «Предположите,— говоритъ г-жа Шарпъ,— первоначальныхъ рочдэльскихъ піонеровъ, переселившихся въ страну, до которой не касалась еще нога цивилизованнаго человѣка, въ цѣляхъ основанія тамъ новой коммуны; какъ стали бы они тамъ располагать временемъ? Много лѣтъ должно было бы пройти въ безпрерывной борьбѣ съ природою за средства существованія. Но когда, наконецъ, земля была бы расчищена, построены дороги и зданія, піонеры, конечно, принялись бы за устройство библіотекъ, читаленъ и т. д., т.-е. тѣхъ вещей, для которыхъ они не имѣли достаточно

---

[1]) Названіе этихъ альманаховъ: „Almanach de la cooperation française", 1893 (1894—95 и т. д.). Paris.

[2]) „The duty of a Society to educate its members in the principles of Cooperation" by Tutt. A paper to be read at members meetings or social gatherings.

[3]) Ibid, 10.

времени ранѣе, поглощенные первое время суровою борьбою, чтобы удовлетворить необходимыя матеріальныя потребности [1]). Кооператоры,—продолжаетъ далѣе г-жа Шарпъ,—сдѣлали успѣхъ въ еще болѣе трудномъ дѣлѣ, чѣмъ завоеваніе дѣвственной земли. Они оставались дома и среди противоположныхъ интересовъ, которые въ одно время угрожали худшими опасностями, чѣмъ даже холодныя горы и мрачные лѣса первобытной страны, разрѣшили свою трудную задачу».

И г-жа Шарпъ рекомендуетъ теперь, когда трудная задача уже позади, устройство митинговъ для обсужденія вопросовъ по коопераціи, устройство классовъ для изученія этихъ же вопросовъ, причемъ она вмѣстѣ съ центральною управой кооперативнаго союза рекомендуетъ съ этою цѣлью книжку гг. Acland и Jones (Working-men Cooperators), совѣтуетъ кооперативнымъ обществамъ встать въ болѣе тѣсныя отношенія съ University Extension, организовать кружки для чтенія и т. д. Кооперація,—прекрасно говоритъ г-жа Шарпъ,—не можетъ сдѣлать ни одного шага далѣе, чѣмъ это опредѣляется внутренними качествами (abilities) кооператоровъ, и причина, почему кооперація не столь быстро прогрессируетъ, какъ можно было ожидать, та, что среди кооператоровъ не достаточно были развиты дѣловая способность (business power), знаніе, довѣріе другъ къ другу [2]).

M r. W. Crooks [3]) также предлагаетъ искать свѣжаго поля (fresh fields) для употребленія денегъ, назначаемыхъ для воспитательныхъ цѣлей, и онъ рекомендуетъ учрежденіе стипендій для молодыхъ людей, поступающихъ въ университеты, устройство еженедѣльныхъ классовъ по коопераціи. Авторъ говоритъ, что онъ осмѣливается больше утверждать, а именно, что большая часть членовъ кооперативныхъ обществъ вовсе не кооператоры: они вошли въ общества лишь потому, что простые торговцы не даютъ дивидендовъ, и цѣль кооператоровъ,—говоритъ авторъ,—видоизмѣнить этотъ порядокъ вещей.

Joseph Smith выражаетъ желаніе, чтобы потребительныя общества, находящіяся въ маленькой деревнѣ или небольшомъ городѣ, которые не богаты образовательными средствами, становились тамъ такимъ общеобразовательнымъ центромъ, учреждая библіотеки, классы, читальни и т. д. Рекомендуется затѣмъ авторомъ устройство читаленъ, изданіе памфлетовъ по вопросамъ о коопераціи,—средства для этого авторъ находитъ въ воспитательныхъ фондахъ [4]).

Miss C. Webb (не супруга Сиднея Вебба, а лишь однофамилица съ нею) прочла любопытный докладъ на одномъ кооперативномъ митингѣ въ 1894 году на тему: «Должны ли служащіе въ кооперативныхъ обществахъ

---

[1]) „Cooperative Education. A paper read by Miss Sharp, of Rugby at the Congress held at Plymouth Congress.

[2]) Ibid, стр. 11.

[3]) „Education in connection with Cooperation read at the Congress held at Oldham".

[4]) „Educational Funds, their value and how to use them." Manchester.

болѣе понимать принципы движенія, и если да, то какъ они должны изучать ихъ?» Результатомъ этого доклада былъ циркуляръ кооперативной управы южной секціи на тему, какъ организовать это обученіе. Предлагалось для этой цѣли ввести такой же порядокъ, какъ для обѣда, т.-е. въ извѣстное время освобождать часть служащихъ для присутствія въ особыхъ классахъ, организованныхъ для уясненія общихъ принциповъ движенія, а затѣмъ по возвращеніи ихъ, отпускать для занятій другую часть служащихъ и т. д. Предлагалось далѣе закрывать лавки одинъ вечеръ въ недѣлю на часъ ранѣе и посвящать это время занятіямъ по кооперації; наконецъ было предложеніе удѣлять одинъ часъ или болѣе въ недѣлю уже послѣ закрытія магазиновъ на изученіе кооперації, но зато вознаграждать служащихъ путемъ дарованія имъ нѣсколькихъ лишнихъ свободныхъ дней и т. дал. [1]).

Цѣлямъ пропаганды прекрасно служитъ кооперативный журналъ *Co-operative News*, распространяющійся теперь въ количествѣ свыше 50 тысячъ экземпляровъ. Нѣкоторыя общества продаютъ его своимъ членамъ ради пропаганды по половинной цѣнѣ, оплачивая другую половину изъ своихъ собственныхъ средствъ [2]). Въ цѣляхъ распространенія этого журнала публикуются особыя брошюры, разъясняющія вопросъ о полезности распространенія *Cooperative News* [3]).

На кооперативномъ конгрессѣ въ Бристолѣ въ 1893 г. М-г Hawkins также отмѣчалъ важность кооперативнаго образованія. «Наши воспитательные фонды,—говорилъ ораторъ,—можно теперь изъять изъ обычныхъ каналовъ по устройству читальныхъ комнатъ, техническаго обученія, такъ какъ обо всемъ этомъ съ лучшимъ успѣхомъ заботятся муниципалитеты» [4]).

Мы не будемъ продолжать наше знакомство съ другими англійскими брошюрами по этому вопросу: всѣ сходятся на одной общей идеѣ—необходимости кооперативнаго воспитанія и, какъ средства для этого, рекомендуютъ устройство митинговъ, спеціальныхъ библіотекъ, спеціальныхъ курсовъ по кооперації и т. д.

Вопросъ о кооперативномъ образованіи былъ поставленъ на очередь и на 8-мъ ліонскомъ конгрессѣ французскихъ кооперативныхъ обществъ [5]). А именно, на этомъ конгрессѣ нѣкто de-Boyve, казначей центральнаго комитета союза французскихъ кооперативныхъ обществъ, предложилъ резолюцію, которою кооперативныя общества приглашаются учреждать при

---

[1]) „См. Should Cooperative Employes understand the principles of the movement, and if so how are they to be taught?“ By Miss C. Webb. Manchester.

[2]) „Education in connection with cooperation“ by W. Crooks, стр. 5.

[3]) „The *Cooperative News* and why Cooperators Should support it?“ by Edw. Vansittart Neale reprinted from the Coop. News. Manchester.

[4]) „Addresses delivered at the 25-th annual Coop. Congress held at Bristol.“ May 22—nd., 23—rd. and 24—th. 1893, стр. 15.

[5]) 8-ème Congrès Lyon. 1894. „Rapports et projets de résolution presentés au Congrès par le Comité Central. Compte rendu officiel des travaux du Congrès“, Paris. 1894, стр. 61—4.

себѣ комитеты по кооперативному воспитанію, имѣющіе цѣлью организовать концерты, конференціи, экскурсіи за городъ, во время чего кооператоры, спеціально назначенные для этой цѣли, должны пропагандировать кооперативныя идеи. Центральный же комитетъ при союзѣ потребительныхъ обществъ Франціи долженъ назначить спеціальный комитетъ изъ 3 членовъ, чтобы слѣдить за дѣятельностью этихъ мѣстныхъ воспитательныхъ комитетовъ и руководить ею.

Изъ другихъ вопросовъ, волнующихъ современное англійское кооперативное движеніе, мы отмѣтимъ слѣдующіе: отношеніе кооперації къ рабочимъ союзамъ, чему посвящены двѣ брошюры, изданныя кооперативнымъ союзомъ въ Манчестерѣ; одна брошюра принадлежитъ перу Beatrice Potter (теперь г-жа Сидней Веббъ): *Отношеніе между кооперацією и рабочими союзами* [1]), другая—John Arnold'y: *Лучшіе способы привести кооперацію и рабочіе союзы въ болѣе тѣсное единеніе* [2]). Второй вопросъ, на который направлено вниманіе кооператоровъ—это вопросъ о «Sweating system» (мы пояснимъ далѣе, какъ широко здѣсь понимается эта система). Этому вопросу посвящена опять-таки брошюра г-жи Beatrice Potter подъ названіемъ: *Какъ лучше всего раздѣлаться съ sweating system* [3])?

Третій вопросъ о тѣхъ измѣненіяхъ, которыя необходимо внести въ рочдэльскую систему, чтобы приноровить ее къ крупнымъ центрамъ. Здѣсь укажемъ брошюру, суммирующую сжато этотъ вопросъ: *Необходимы ли измѣненія въ рочдэльской системѣ, чтобы она могла отвѣчать особенностямъ крупныхъ центровъ* [4])?

И, наконецъ, четвертый вопросъ—о политической роли, какую кооперативное движеніе можетъ играть въ парламентской и вообще общественной жизни Англіи. Здѣсь мы отмѣтимъ брошюру m-r Tutt'a: *О положеніи, какое кооператоры должны занять относительно соціальныхъ и индустріальныхъ задачъ настоящаго времени* [5]).

«Кооперація и рабочіе союзы въ Англіи—движенія рабочаго класса, и потому вполнѣ естественна и необходима ихъ взаимная поддержка другъ друга,— говоритъ г-жа Поттеръ. — Кооператоры должны платить жалованье въ томъ размѣрѣ, какъ это предписывается статутами рабочихъ союзовъ, регламентировать часы работы также согласно правиламъ послѣднихъ, затѣмъ они же должны идти рука объ руку,—говоритъ Поттеръ,— съ рабочими союзами въ борьбѣ съ «потогонною системой» (sweating

---

[1]) „The relationship between Cooperation and trade unionism. Manchester".

[2]) „The best means of bringing cooperation and trade unions into closer Union".

[3]) „How best to do away with the sweating system". 1892.

[4]) „Are modifications in the Rochdale system of cooperation necessary to meet the needs of Great Centres of population?" by m-r G. Hawkins. Этотъ докладъ былъ читанъ на 28-мъ годичномъ конгрессѣ кооперативныхъ обществъ въ Вульвичѣ въ маѣ 1896 года (есть отдѣльное изданіе).

[5]) „The position cooperators ought to take with regard to the social and industrial problems of the present time." Manchester. (Этотъ докладъ былъ читанъ на 25 годичномъ конгрессѣ, имѣвшемъ мѣсто въ Бристолѣ въ маѣ 1893 г.).

system), отказывая въ заказахъ фирмамъ, пользующимся этою послѣднею системой». Г-жа Поттеръ агитируетъ за полную солидарность этихъ двухъ движеній: секретарь рабочаго союза долженъ новому члену тотчасъ же давать адресъ потребительнаго общества, точно также и послѣднее по пріемѣ новаго члена должно посылать его адресъ въ отдѣленіе рабочаго союза.

Г. Arnold въ упомянутой уже его брошюрѣ агитируетъ за совмѣстные митинги кооперативныхъ обществъ и рабочихъ союзовъ съ цѣлью ли обсужденія тѣхъ или другихъ вопросовъ, или просто ради увеселенія: это, по словамъ автора, расчистило бы почву и подготовило бы то единеніе между потребительными обществами и кооперацією, которое желательно установить между ними.

Перейдемъ теперь къ вопросу о кооперації въ большихъ центрахъ, въ родѣ Лондона.

Въ послѣднемъ въ періодъ 1891—92 г. было основано не менѣе 73 обществъ только для того, чтобы прекратить свое существованіе [1]). Главная причина этого неуспѣха была — мѣняющійся характеръ населенія сравнительно съ населеніемъ фабричныхъ центровъ.

Въ цѣляхъ привитія кооперації къ Лондону было обращено огромное вниманіе на пропаганду: митинги въ юго-восточномъ Лондонѣ слѣдовали другъ за другомъ, читались доклады объ основахъ кооперації, разъясняющіе цѣли и задачи послѣдней; на этихъ митингахъ принимались въ члены и лица, желающія сдѣлаться членами вновь намѣченнаго общества, и только уже тогда приступали къ открытію послѣдняго, когда такимъ образомъ была уже подготовлена почва для него. Затѣмъ отдѣленіе общества оптовыхъ закупокъ, находящееся въ этой части Лондона, приняло на себя гарантію за всѣ средства, которыя были вручены новому обществу (People's Cooperative Society), т.-е. такъ назыв. «Народному кооперативному обществу», взамѣнъ чего общество оптовыхъ закупокъ получило право контроля надъ новымъ кооперативнымъ обществомъ. Послѣднее имѣетъ филіалы въ разныхъ частяхъ Лондона, и если рабочій переселяется въ другую часть города, то онъ тотчасъ регистрируется въ качествѣ члена въ ближайшемъ къ его новому мѣстожительству филіалѣ и все это совершается безъ всякихъ хлопотъ. Возможные убытки одного филіала покрываются изъ прибылей другого. До сихъ поръ эта система оказалась успѣшною.

Но наиболѣе интересными для насъ вопросами, волнующими современное англійское кооперативное движеніе, являются: 1) вступленіе его на политическую арену какъ парламентской, такъ и муниципальной жизни и 2) борьба противъ «Sweating system».

До сихъ поръ кооперативное движеніе стояло вдали отъ политической жизни. Но неудобство этого порядка начинаетъ сильно сказываться. Дѣло

---

[1]) См. вышеуказанную брошюру Hawkins'a, стр. 5.

въ томъ, что классовый составъ англійскихъ муниципальныхъ совѣтовъ въ нѣкоторыхъ городахъ отражалъ интересы главнымъ образомъ средняго класса—мелкихъ торговцевъ, промышленниковъ и т. д., и потому нерѣдко были случаи, что кооперативныя общества тамъ, гдѣ для своей дѣятельности они нуждались въ томъ или иномъ разрѣшеніи со стороны муниципальныхъ или графскихъ совѣтовъ, наталкивались на тѣ или другія препятствія. Такъ, одно общество хотѣло построить свою бойню, но муниципальный совѣтъ, находясь подъ вліяніемъ мясоторговцевъ, отказалъ въ разрѣшеніи; тогда общество внесло въ муниципалитетъ предложеніе о постройкѣ общественныхъ боенъ, намѣреваясь снять нѣкоторую часть ихъ для себя, но муниципальный совѣтъ и этому воспротивился, и только, когда общество начало агитировать въ пользу проведенія въ муниципальный совѣтъ своихъ представителей, послѣдній далъ разрѣшеніе обществу на постройку своей бойни. И такого рода случаи, когда, благодаря классовому представительству въ муниципальныхъ совѣтахъ (class representation of local organisations), кооперативныя общества тормозятся въ развитіи своихъ операцій, далеко не единичны.

Вотъ это-то и начинаетъ сильно давать чувствовать кооперативнымъ обществамъ все неудобство нейтральности, какой послѣднія держались въ дѣлахъ политики, и они начинаютъ понимать, что только активное вмѣшательство ихъ въ политическую жизнь можетъ ослабить слишкомъ сильный односторонній характеръ настоящаго законодательства и болѣе направить его въ интересахъ всей общины и государства. Кромѣ того при проведеніи какого-либо билля, въ которомъ заинтересованы кооперативныя общества, теперь защиту его въ парламентѣ приходится поручать какому-либо стороннему лицу, и иногда бываетъ трудно найти такое лицо. И вотъ г. Tutt въ упомянутой уже нами брошюрѣ агитируетъ за прямое представительство въ парламентѣ интересовъ кооператоровъ, рекомендуя въ нѣсколькихъ округахъ, гдѣ наибольшее распространеніе получила кооперація, а слѣдовательно больше можно разсчитывать на успѣхъ, выставить на выборахъ своихъ собственныхъ кандидатовъ; въ этомъ же смыслѣ прошла резолюція и на кооперативномъ конгрессѣ въ Пертѣ (Perth) въ 1897 г. (объ этомъ ниже). Тѣмъ болѣе развивается теперь среди кооператоровъ убѣжденіе о необходимости представительства въ муниципальныхъ и графскихъ совѣтахъ и т. д.

Конечно, быть можетъ, на этотъ поворотъ мнѣнія не безъ вліянія и опытъ другихъ странъ, особенно Германіи, гдѣ торгово-промышленный классъ оказываетъ сильное вліяніе на законодательство.

Въ Германіи борьба противъ потребительныхъ обществъ все становится ожесточеннѣе и ожесточеннѣе. Мелкіе торговцы-домовладѣльцы нерѣдко сдаютъ помѣщенія въ своихъ домахъ, лишь заручившись согласіемъ жильцовъ не имѣть связи съ потребительными обществами. Такъ, изъ Laura-hütte въ Шлезіи сообщается, что съемщики помѣщеній въ домахъ этой

послѣдней категоріи обязуются брать всѣ товары въ лавкѣ собственника дома, въ противномъ случаѣ имъ угрожаетъ отказъ отъ квартиры [1]).

Въ мотивахъ къ нѣмецкому проекту за послѣднее время объ установленіи штрафа на потребительныя общества въ случаѣ продажи ими лицамъ, не принадлежащимъ къ обществамъ, говорится, что «расширеніе торговыхъ оборотовъ многихъ такихъ обществъ сомнительно съ соціально-политической точки зрѣнія, такъ какъ черезъ это ставится въ опасность существованіе многихъ отдѣльныхъ предпріятій, и потому вмѣшательство законодательства является желательнымъ». Въ рейхстагѣ Штуммъ, горячій защитникъ правительственнаго проекта, такъ высказался: «Крупное производство вредитъ ремесленному производству (Handwerk), когда оно покровительствуетъ потребительнымъ обществамъ, и это, къ моему сожалѣнію, дѣлаетъ большинство моихъ коллегъ. Но я самъ этого не дѣлаю, препятствовалъ даже развитію потребительныхъ обществъ, насколько это было въ моихъ силахъ, и дѣлалъ это именно въ интересахъ средняго сословія. Я твердо убѣжденъ,—продолжалъ Штуммъ,—что еслибы всѣ крупные предприниматели слѣдовали моему примѣру, то средній классъ былъ бы въ гораздо лучшемъ положеніи, чѣмъ онъ есть теперь» [2]). Стремленія творцовъ такого проекта можно формулировать, по словамъ Knittel'я, какъ желаніе уничтожить союзы въ цѣляхъ спасенія средняго сословія (Beseitigung der Vereine zum Heile des Mittelstandes [3]).

Здѣсь ярко сказывается реакціонная нѣмецкая соціальная политика, имѣющая цѣлью поддержать во что бы то ни стало, даже цѣною задержанія экономическаго развитія страны, мелкія старыя производственныя формы, такъ какъ ими обусловливается извѣстный строй, гарантирующій существующій порядокъ распредѣленія доходовъ между отдѣльными классами; во имя этого стремятся закрѣпить мелкія формы сельскаго хозяйства, остановить развитіе потребительныхъ обществъ, т.-е. опять-таки такой формы, которая ведетъ къ концентраціи торговли.

Итакъ, въ Германіи вліяніе торгово-промышленнаго класса уже успѣло выразиться въ законодательствѣ, направленномъ противъ интересовъ кооперації.

Если въ Англіи мы не видимъ еще попытокъ направить законодательный аппаратъ противъ кооперації, то послѣдняя встрѣчаетъ уже довольно сильное противодѣйствіе въ муниципальныхъ совѣтахъ, отражающихъ по своему составу интересы средней буржуазіи—мелкихъ промышленниковъ и торговцевъ. Уже это одно побуждаетъ теперь англійскія кооперативныя общества распрощаться съ политикою пассивности, а кромѣ того страш-

---

[1]) *Alb. Knittel.* „Beiträge zur Geschichte des deutschen Genossenschaftswesens". 1895, стр. 106.

[2]) *G. Adler.* (Prof. an der Univ. Basel): „Der Kampf wider den Zwischenhandel". Berlin, 1896, стр. 30.

[3]) См. тамъ же *Dr. Albert Knittel*: „Beiträge zur Geschichte des deutschen Genossenschaftswesens". Freiburg und Leipzig 1895, стр. 105—8.

ное бойкоттированіе потребительныхъ обществъ, особенно въ Шотландіи со стороны тамошнихъ торговцевъ, открываетъ и здѣсь въ будущемъ перспективу парламентской атаки.

И въ этомъ отношеніи послѣдній кооперативный конгрессъ въ Пертѣ является поворотнымъ пунктомъ въ исторіи англійской кооперації: здѣсь была вотирована резолюція о парламентскомъ и муниципальномъ представительствѣ кооперації. Максуэлль, въ своей привѣтственной рѣчи на кооперативномъ конгрессѣ въ Пертѣ (Perth), обратился съ предложеніемъ озаботиться представительствомъ кооперації въ парламентѣ и въ муниципалитетѣ. «Я не хочу,—говоритъ онъ,—ввести политику въ кооперацію, но послѣднюю надо болѣе внести въ политику. Темпъ кооперативнаго движенія,—по словамъ Максуэлля,—не позволяетъ болѣе кооператорамъ оставаться пассивными къ парламентской жизни, такъ какъ едва ли кто можетъ думать, что лица, вытѣсняемыя ею изъ ихъ экономической сферы, останутся спокойными къ кооперативному движенію. Всѣ интересы представлены въ парламентѣ—винокуры, дистилляторы оберегаютъ ревностно свои интересы, армія и флотъ, банкиры и т. д., но кооперація не имѣетъ представителей.

Въ отвѣтъ на это предложеніе была вотирована резолюція слѣдующаго содержанія: «Конгрессъ чувствуетъ, что время пришло для прямого представительства кооперативнаго движенія въ парламентѣ и другихъ представительныхъ учрежденіяхъ Великобританіи и поручаетъ кооперативному союзу (Cooperative Union) вмѣстѣ съ обоими обществами оптовыхъ закупокъ предпринять шаги въ этомъ направленіи». Эта резолюція была единогласно вотирована [1]), и этимъ открывается новая эра кооперативнаго движенія въ Англіи.

Перейдемъ теперь къ другому, не менѣе интересному вопросу, а именно: «Sweating system».

Подъ «Sweating system» разумѣется не особая какая-либо система вознагражденія за трудъ, но тѣ особыя условія, при которыхъ происходитъ занятіе, а именно необычайно низкая заработная плата, чрезмѣрно большое число часовъ работы и нездоровая обстановка мѣста работы. Это опредѣленіе было дано лордомъ Derby въ комитетѣ лордовъ, назначенномъ для обслѣдованія этой системы.

«Обычное воззрѣніе,—говоритъ г-жа Potter,—то, что причина этой системы лежитъ въ такъ называемой пересдачѣ заказовъ; но внимательное изученіе,—продолжаетъ она,—меня привело къ убѣжденію, что такой пересдатчикъ—простой миѳъ, и часто онъ уже вытѣсненъ съ экономической арены. Иногда сами пересдатчики работаютъ столько же, если не болѣе, чѣмъ тѣ лица, которымъ они передаютъ работу и часто зарабатываютъ еще менѣе, чѣмъ эти послѣднія. Съ другой стороны, пересдатчикъ начинаетъ исчезать въ нѣкоторыхъ отрасляхъ, особенно въ производствѣ бѣлья,

---

[1]) См. *Cooperative News* 1897, June 12, стр. 621—9.

зонтиковъ и т. д., здѣсь крупные магазины нашли выгоднѣе для себя, обойдя пересдатчиковъ, сдавать сами заказы непосредственно рабочимъ, и платятъ, конечно, они не болѣе того, что послѣднимъ ранѣе платилъ пересдатчикъ, такъ что ту разницу, которую раньше пересдатчикъ клалъ въ свой карманъ, теперь магазины удерживаютъ себѣ».—Г-жа Potter говоритъ, что sweater'омъ является здѣсь вся нація: масса борющихся изъ-за куска хлѣба мужчинъ и женщинъ притѣсняется и фабрикантомъ, сдающимъ работу, и лэндлордомъ, требующимъ двойную арендную плату за уголъ, занимаемый ими, и мелкимъ торговцемъ, дающимъ товаръ въ кредитъ. Пересдаточникъ является здѣсь лишь орудіемъ притѣсненія, но не причиною послѣдняго.

Въ тѣхъ отрасляхъ производства, гдѣ господствуетъ эта потогонная система труда (sweating system), мы открываемъ одну общую черту, а именно: производство ведется тогда не въ большихъ фабрикахъ, но или мелкими мастерами въ ихъ собственныхъ мастерскихъ, или рабочими въ ихъ собственныхъ жилыхъ помѣщеніяхъ. Тогда заказчикъ, т.-е. предприниматель, не несетъ никакой отвѣтственности за условія труда, при которыхъ происходитъ производство, и рабочіе при отсутствіи между ними организаціи, при полной изолированности, не защищаемые фабричнымъ законодательствомъ, находятся вполнѣ во власти необузданной конкурренціи.

Въ отрасляхъ же производства, гдѣ не извѣстна «потогонная система», какъ-то: въ инженерной, прядильной и т. д.,—предприниматель отвѣтственъ за условія труда. Онъ обязуется государствомъ доставлять здоровыя помѣщенія для работы, онъ не долженъ позволять работать на своей фабрикѣ женщинамъ и дѣтямъ свыше опредѣленнаго количества часовъ въ день, онъ долженъ заботиться о воспитаніи дѣтей, онъ же отвѣчаетъ за несчастія съ рабочими. Рабочіе союзы, возникшіе подъ вліяніемъ фабрики, борются за извѣстный размѣръ платы. Публичное мнѣніе контролируетъ дѣйствія предпринимателя, и волей-неволей онъ долженъ заботиться о своихъ рабочихъ. При «потогонной системѣ» предприниматель не несетъ никакой отвѣтственности за условія, при которыхъ происходитъ работа, сданная имъ. Онъ сдаетъ заказъ изъ своей конторы отдѣльнымъ лицамъ, разсѣяннымъ въ данной мѣстности, мѣстожительство которыхъ онъ едва ли даже знаетъ: работа производится въ помѣщеніяхъ, не контролируемыхъ фабричною инспекціей и, быть-можетъ, при весьма не гигіенической обстановкѣ. Его рабочіе—часто женщины и дѣти—тогда должны часто, какъ онъ самъ знаетъ, работать за-полночь, чтобы выполнить его заказы, и за это предприниматель не подвергается отвѣтственности. Слѣдовательно, эта система производства *дома*, а не въ большихъ фабричныхъ помѣщеніяхъ, создаетъ всѣ трудности задачи устраненія дурныхъ сторонъ «sweating system».

Эта же система производства на дому, при изолированности рабочихъ, дѣлаетъ невозможнымъ среди нихъ образованіе рабочихъ союзовъ, и потому эти послѣдніе наиболѣе, говоритъ г-жа Potter, заинтересованы въ уничтоженіи всѣхъ мастерскихъ, изъятыхъ отъ дѣйствія закона и контроля публичнаго мнѣнія.

Вотъ въ этой-то области кооперація уже кое-что сдѣлала, а именно «потогонная система» въ значительныхъ размѣрахъ была разрушена, благодаря устройству мастерскихъ для производства бѣлья шотландскимъ обществомъ оптовыхъ закупокъ. Г-жа Поттеръ рекомендуетъ, чтобы кооператоры дѣлали свои заказы лишь домамъ, не пользующимся этою системою («fair» houses). Лондонская школьная управа и лондонскій муниципалитетъ отказываютъ въ своихъ заказахъ фирмамъ, пользующимся «потогонною системою» («unfair» firms).

Но, во-первыхъ, невозможно превратить всѣхъ лицъ, работающихъ при этой системѣ, въ лицъ, работающихъ за счетъ кооперацiи, а еще менѣе возможно превратить ихъ въ кооператоровъ. «Просто химера думать о превращеніи гвоздарей изъ Стаффорда или дѣлальщицъ галстуковъ восточнаго Лондона въ продуктивныя ассоціаціи,—говоритъ Поттеръ,—вѣдь это требуетъ исключительнаго умственнаго развитія со стороны рабочихъ; кромѣ того, такія кооперативныя мастерскія не устояли бы противъ конкурренціи лицъ, остающихся внѣ ихъ и работающихъ при старой «потогонной системѣ». Слѣдовательно, самое образованіе производительныхъ ассоціацій предполагаетъ уже уничтоженіе «потогонной системы» (sweating system)». «Семьдесятъ лѣтъ тому назадъ, — говоритъ г-жа Поттеръ, — рочдэльскій ткачъ страдалъ отъ того же, что мы называемъ теперь «потогонною системою», но фабричное законодательство и рабочіе союзы измѣнили это». И г-жа Поттеръ предлагаетъ законодательное вмѣшательство въ условія работъ при «потогонной системѣ», а именно: во-первыхъ, ввести обязательную регистрацію при посредствѣ собственниковъ помѣщеній и предпринимателей всѣхъ тѣхъ жилыхъ помѣщеній, которыми жильцы пользуются въ качествѣ мастерскихъ, при этомъ лэндлордъ, позволяющій пользованіе сдаваемымъ имъ помѣщеніемъ для производства работы, долженъ быть отвѣтственъ за санитарныя условія, необходимыя для здоровья рабочихъ, и за всякое нарушеніе санитарныхъ условій собственникъ помѣщенія подлежитъ такой же отвѣтственности, какъ теперь фабрикантъ за санитарное состояніе своей фабрики. Съ другой стороны, фабрикантъ, сдающій заказы рабочимъ на домъ (часто чтобы только избѣжать регламентаціи фабричнаго законодательства), долженъ быть отвѣтственъ за возрастъ, здоровье, воспитаніе и продолжительность работы тѣхъ лицъ, которымъ онъ сдаетъ работу. Съ этою цѣлью предприниматели обязательно должны заявлять обо всѣхъ лицахъ, которыя работаютъ за ихъ счетъ внѣ фабрики, съ указаніемъ именъ и точныхъ адресовъ этихъ лицъ; это уже проведено въ фабричномъ законодательствѣ австралійской колоніи Викторіи.

Г-жа Поттеръ ожидаетъ полнаго прекращенія «потогонной системы» съ введеніемъ такого законодательства: собственники домовъ стали бы бояться допускать пользоваться сдаваемыми ими помѣщеніями, въ качествѣ мастерскихъ, если они стали бы отвѣтственны за санитарныя условія, при которыхъ происходитъ работа. Предприниматели нашли бы болѣе экономичнымъ воздвигать свои собственныя фабричныя помѣщенія для производства, чѣмъ

содержать армію частныхъ инспекторовъ для защиты себя отъ нарушенія фабричныхъ законовъ въ тысячахъ имъ неизвѣстныхъ домовъ. Стоитъ только лишить предпринимателя, сдающаго работу работающимъ внѣ фабрики, его исключительныхъ привилегій, и тогда постепенно эти берлоги «потогонной системы» будутъ замѣщаться большими, здоровыми фабриками, легко контролируемыми закономъ и публичнымъ мнѣніемъ. «Такимъ путемъ и только такимъ,—говоритъ г-жа Поттеръ,—несчастныя жертвы «потогонной системы» могутъ быть превращены въ такихъ обезпеченныхъ и независимыхъ рабочихъ, какими кишатъ теперь улицы Рочдэля» [1]).

Г-жа Поттеръ указываетъ на ту роль, какую кооператоры могутъ играть въ агитаціи за проведеніе такого билля. Подъ вліяніемъ кооператоровъ прошли билли о фальсификаціи (Adulteration Act), билль о товарныхъ клеймахъ (Merchandise Marks Act) [2]).

Итакъ, «sweating system», т.-е. чрезмѣрно низкая заработная плата, слишкомъ долгій рабочій день, обусловливаются наличностью контингента рабочихъ съ низкимъ Standard of life, съ отсутствіемъ классовой организаціи, или, какъ г-жа Potter выражается, with a lack of class loyalty... и, наконецъ, отсутствіемъ предпринимателя, отвѣтственнаго передъ государствомъ и общественнымъ мнѣніемъ за условія работы [3]).

«Распространить рабочіе союзы (Trade Unions) среди женщинъ - рабочихъ возможно только при посредствѣ фабричнаго законодательства», говоритъ г-жа Beatrice Potter.

Фабричное законодательство, разъ оно только вводится съ серьезнымъ намѣреніемъ провести его въ жизнь, ведетъ къ замѣщенію мелкихъ мастеровъ (little master) фабрикой. Всякое расширеніе фабричнаго законодательства на мастерскія восточнаго Лондона, по показаніямъ свидѣтелей передъ комитетомъ лордовъ о «sweating system», быстро повело бы къ замѣнѣ ихъ фабриками [4]).

Англійская «потогонная система»—«sweating system» во многомъ напоминаетъ намъ нашу систему кустарныхъ промысловъ, въ особенности когда кустарь получаетъ матеріалъ отъ предпринимателя и перерабатываетъ его дома въ своихъ свѣтелкахъ. Въ Англіи рабочіе союзы и всѣ друзья рабочаго класса стараются эту систему совсѣмъ вытѣснить изъ жизни, переводя самое производство въ фабрики, находящіяся подъ контролемъ фабричной инспекціи.

Разрушеніе «sweating system» производства и развитіе взамѣнъ ея фабричной системы, параллельно съ развитіемъ рабочихъ союзовъ и фабричнаго

---

[1]) Проектъ, подобный предложенному г-жею Поттеръ, былъ внесенъ въ парламентъ въ 1891 г. Sydney Buxton'омъ (см. билль № 61, 1891 г.).

[2]) См. объ этомъ брошюру *Beatrice Potter*: „How best to do away with the sweating system?“

[3]) Ея же статья въ *Nineteenth Century* 1890, June. „The Lords and the Sweating system“, стр. 893.

[4]) „Women and the Factory Acts“ by Mrs. Sidney Webb въ *Fab Tracts*, № 67.

законодательства, преобразовали въ Англіи прежняго рочдэльскаго ткача, стоявшаго семьдесятъ лѣтъ тому назадъ на уровнѣ нашего кустаря-ткача, въ сравнительно обезпеченнаго фабричнаго рабочаго, возвыситься до котораго нашъ кустарь еще не можетъ и мечтать.

Съ кооперативнымъ движеніемъ въ Англіи связано около 1/7 всего населенія, и оно, какъ мы видѣли, проникаетъ теперь въ политическую жизнь, вынуждаемое классовымъ антагонизмомъ; съ другой стороны, что̀ тоже свидѣтельствуетъ о силѣ кооперативнаго движенія въ Англіи, оно вплелось даже въ религіозное сознаніе англичанъ, и это—оригинальная черта англійскаго характера. Такъ, въ Англіи мы находимъ особыя такъ назыв. «церкви братства» (Brotherhood churches). Церкви этой категоріи, какъ и всякая другая церковь, по внѣшнему виду ничѣмъ не отличаются отъ другихъ: тотъ же ритуалъ, органъ, проповѣди, но дѣло въ томъ, что въ послѣднія вплетаютъ здѣсь пропаганду кооперації. Всѣ желающіе могутъ присоединиться къ этому новому движенію и по уставу разъ наберется милліонъ членовъ, то эти послѣдніе должны съ опредѣленнаго дня отказаться покупать у частныхъ торговцевъ, а перенести всю свою покупательную силу въ кооперативныя учрежденія, которыя тогда, имѣя столь огромный рынокъ, по мысли иниціаторовъ этого движенія, будутъ въ состояніи основать свои собственныя фабрики для производства продуктовъ разнаго рода и т. д., и слѣдовательно, по словамъ вожаковъ описываемаго нами движенія, тогда-то и наступитъ millenium человѣчества—царство всеобщей кооперації. Это, конечно, утопія, едва ли заслуживающая серьезнаго вниманія, но характерная для Англіи. Такихъ церквей въ Лондонѣ насчитывается теперь четыре [1]).

Не только кооперативное движеніе англичане одѣли въ религіозный костюмъ, но они облекаютъ въ него и другія движенія, какъ-то: рабочее, спиритуалистическое. Такъ въ Англіи существуетъ теперь такъ называемая рабочая церковь (The Labour Church). На чемъ собственно покоится рабочая церковь, трудно понять, — ея ученіе нѣсколько туманно. Приверженцы ея говорятъ, что истинный Богъ болѣе проявляетъ себя въ рабочемъ движеніи, чѣмъ въ исторически уже сложившихся церквахъ. Но не церкви привели къ теперешнему великому соціальному пробужденію, а онѣ сами были пробуждены рабочимъ движеніемъ. Церковь есть высшее коллективное выраженіе нашей религіозной жизни, а религіозная жизнь есть требованіе нашей природы, поэтому секуляризмъ, по мнѣнію рабочей церкви, ложенъ,

---

[1]) См. брошюру, изданную Brotherhood Church (Southgate Roade London N.) подъ названіемъ: „The Brotherhood movement“, а также „The Labour Annual edited“ by Joseph Edwards, 1896, стр. 44, и тамъ же см. литературу, стр. 42, а также недавно вышедшую въ переводѣ на русскій языкъ книгу Метена: „Соціализмъ въ Англіи“ 1898 г.

[1]) См. о „рабочей церкви“ въ „The Labour Annual“ edited by Joseph Edwards 1896. „The Labour Church“ by John Trevor, стр. 41 и далѣе, а также „The Labour Annual“ за 1895 годъ.

потому что онъ обрѣзываетъ развитіе человѣка на самомъ высшемъ пунктѣ и потому онъ ведетъ къ реакціи; но все-таки секуляризмъ расчистилъ поле для новой рабочей церкви, и въ этомъ его заслуга. Рабочее движеніе есть религіозное движеніе: оно приводитъ человѣка ближе къ тому познанію Бога, которое является высшимъ выраженіемъ человѣческой жизни.

Первая такая церковь была открыта въ Манчестерѣ въ 1891 г., а затѣмъ въ нѣкоторыхъ другихъ англійскихъ городахъ. Движенію посвященъ спеціальный органъ подъ названіемъ: *Labour Prophet*.

Эти движенія—кооперативное и рабочее—въ религіозной оболочкѣ явленія характерныя для Англіи, пропикнутой глубокимъ религіознымъ настроеніемъ.

Ив. Озеровъ.

Исторія и естествознаніе *).

У ректора есть очень цѣнная привилегія въ день торжества основанія университета привлечь вниманіе гостей и членовъ университета къ какому-нибудь предмету разрабатываемой имъ науки; но обязанность, соотвѣтствующая этому праву, смущаетъ философа совсѣмъ особенными соображеніями. Конечно, ему относительно легко выбрать тему, которая съ увѣренностью можетъ разсчитывать на всеобщій интересъ. Но это преимущество значительно перевѣшивается тѣми трудностями, которыя обусловливаются своеобразнымъ методомъ изслѣдованія философіи. Всякая научная работа имѣетъ цѣлью связать свой предметъ съ болѣе широкой областью знанія и разрѣшать отдѣльный вопросъ съ точки зрѣнія болѣе общихъ принциповъ. Философія ничѣмъ въ этомъ отношеніи не отличается отъ другихъ наукъ; но въ то время, какъ послѣднимъ приходится съ достаточной для спеціальнаго изслѣдованія достовѣрностью относиться къ этимъ принципамъ, какъ къ даннымъ и твердо установленнымъ, для философіи существенно важно, что эти самые принципы составляютъ объектъ ея изслѣдованія и что она не можетъ выводить свои рѣшенія изъ болѣе общихъ понятій, но, наоборотъ, сама должна въ каждомъ случаѣ давать ихъ въ наиболѣе общей формѣ. Строго говоря, для философіи вообще не существуетъ спеціальнаго изслѣдованія; всякая отдѣльная проблема ея отпускаетъ отъ себя радіусы къ высшимъ и конечнымъ вопросамъ. Кто желаетъ философски разсуждать о философскихъ предметахъ, долженъ имѣть мужество ставить вопросъ во всей его полнотѣ; еще больше—онъ долженъ вывести своихъ слушателей на вершины наиболѣе общихъ размышленій,—вершины, на которыхъ какъ глазъ, такъ и нога рискуютъ потерять твердую почву.

Такія соображенія могли бы, конечно, побудить представителя философіи либо нарисовать картину изъ исторіи своей науки, либо искать убѣжища въ особой области знанія, которая по существующимъ еще академи-

*) Рѣчь проф. Виндельбанда, произнесенная при вступленіи въ должность ректора Страсбургскаго университета.

ческимъ установленіямъ и по традиціи также подлежитъ ему—въ психологіи. Вѣдь и она обладаетъ большимъ количествомъ интересующихъ всякаго вопросовъ, обработка которыхъ тѣмъ вѣрнѣе обѣщаетъ успѣхъ, чѣмъ разнообразнѣе воззрѣнія на ея методъ и предметъ, выдвинутыя быстрымъ движеніемъ этой дисциплины въ послѣднія десятилѣтія. Я отказываюсь отъ обоихъ исходовъ: я не хотѣлъ бы потакать ни воззрѣнію, что не существуетъ больше философіи внѣ исторіи ея, ни другому, что философія, какъ обосновалъ ее въ новое время Кантъ, можетъ когда-либо снова быть втиснута въ узкія рамки той спеціальной науки, которая, по его собственной оцѣнкѣ, представляетъ наименьшій интересъ изъ всѣхъ остальныхъ теоретическихъ дисциплинъ. Мало того, при такомъ удобномъ случаѣ, какъ настоящій, я считаю своей обязанностью доказать, что философія, въ современной своей формѣ, когда она отбросила всякія метафизическія претензіи, чувствуетъ себя не ниже тѣхъ великихъ проблемъ, которымъ она обязана какъ великимъ содержаніемъ своей исторіи, такъ и своимъ значеніемъ въ литературѣ и положеніемъ въ академическомъ преподаваніи. Итакъ, меня привлекаетъ смѣлость задачи иллюстрировать вамъ на какомъ-либо примѣрѣ ту двигательную силу философскаго изслѣдованія, благодаря которой всякая отдѣльная проблема разрастается до конечныхъ загадокъ воззрѣній человѣка на міръ и жизнь, и на этомъ примѣрѣ показать необходимость, съ какой всякая попытка достигнуть полнаго пониманія того, что якобы ясно и просто знакомо намъ, быстро и неизбѣжно приводитъ насъ къ самымъ крайнимъ, окруженнымъ таинственнымъ мракомъ границамъ познанія.

Если я для этой цѣли останавливаюсь на темѣ изъ логики, въ частности изъ методологіи, теоріи науки, то дѣлаю это въ надеждѣ, что при обсужденіи ея ярче и осязательнѣе выступитъ тѣсная связь, которая существуетъ между философіей и остальными науками. Не въ чуждомъ наукѣ, выдуманномъ философіей мірѣ, а въ тѣсномъ общеніи со всѣмъ жизненнымъ знаніемъ міра и всѣмъ цѣннымъ реальнымъ содержаніемъ духа состояла и состоитъ сущность философіи: если ея исторія была исторіей человѣческихъ ошибокъ, то причина этого заключалась въ томъ, что она не задумываясь, довѣрчиво брала изъ отдѣльныхъ наукъ, какъ готовое и установленное, все то, что въ лучшемъ случаѣ и у нихъ могло считаться только вѣроятнымъ. Эта жизненная связь между философіей и остальными дисциплинами яснѣе всего обнаруживается на развитіи логики, которая никогда не была чѣмъ-либо инымъ, какъ критической обработкой уже раньше употреблявшихся формъ познанія. Никогда абстрактныя конструкціи или чисто-формальныя соображенія логиковъ не создавали плодотворнаго метода: послѣднимъ предстоитъ только задача привести къ общей формѣ то, что съ успѣхомъ примѣнялось въ отдѣльныхъ случаяхъ, а затѣмъ привести къ ясному сознанію его значеніе, его познавательную цѣнность и границы. Воспользуемся наиболѣе извѣстнымъ примѣромъ. Откуда современная логика, въ противоположность своей греческой матери, взяла наиболѣе зрѣлое представленіе объ

индукціи? Не изъ преднамѣреннаго паѳоса, съ которымъ Бэконъ рекомендовалъ и схоластически описалъ его, а изъ размышленія надъ плодотворнымъ примѣненіемъ, которое эта форма мышленія нашла въ отдѣльныхъ работахъ естествознанія, вырабатываясь и возвышаясь съ каждой новой проблемой со времени Кеплера и Галилея.

Само собой понятно, что на этихъ же отношеніяхъ зиждутся свойственныя новѣйшей логикѣ попытки провести логически опредѣленныя границы между отдѣльными областями человѣческаго знанія, достигшаго столь пестраго разнообразія. Преобладаніе, которое принадлежало среди научныхъ интересовъ новѣйшаго времени попеременно филологіи, математикѣ, естествознанію, психологіи и, наконецъ, исторіи, отражается въ различныхъ планахъ «системъ наукъ», какъ раньше говорили, «классификацій наукъ», какъ это теперь называютъ. Много при этомъ грѣшили, благодаря стремленію къ обобщенію, которое, не признавая автономіи отдѣльныхъ областей знанія, подчиняло всѣ предметы господству одного и того же метода, такъ что для раздѣленія наукъ оставалось критеріемъ только ихъ предметное содержаніе, т.-е. точка зрѣнія, считавшаяся метафизической. Такъ, одинъ за другимъ методы механическій, геометрическій, психологическій, діалектическій и въ новѣйшее время эволюціонно-историческій проявили притязаніе расширить свое господство изъ болѣе тѣсной области своего первоначально плодотворнаго примѣненія по возможности на всю область человѣческаго знанія. Чѣмъ большимъ оказывается споръ между этими различными притязаніями, тѣмъ болѣе вырастаетъ передъ разумной логической теоріей обширная задача—на основаніи общихъ принциповъ теоріи познанія правильно взвѣсить всѣ эти притязанія и справедливо подраздѣлить между ними области ихъ компетенціи. Надежды на разрѣшеніе этой задачи очень основательны. Кантъ отдѣлилъ, на основаніи методовъ изслѣдованія, философію отъ математики и, въ принципѣ, отъ психологіи. Съ тѣхъ поръ XIX ст. при нѣкоторомъ ослабленіи чрезмѣрно напряженнаго вначалѣ философскаго интереса пережило тѣмъ болѣе пестрое разнообразіе стремленій и движеній въ отдѣльныхъ наукахъ: въ разрѣшеніи безчисленнаго множества новыхъ и новаго характера проблемъ методологическій аппаратъ измѣнился во всѣхъ направленіяхъ и въ небывалыхъ до сихъ поръ размѣрахъ одновременно расширился и усовершенствовался. При этомъ различные методы многообразно переплелись другъ съ другомъ, и если каждый изъ нихъ въ отдѣльности требуетъ для себя господствующаго положенія въ общихъ взглядахъ настоящаго времени на міръ и жизнь, то изъ этого непосредственно вытекаютъ для теоретической философіи новые вопросы — это и есть тѣ вопросы, къ которымъ, не стремясь исчерпать ихъ, я желаю привлечь ваше вниманіе.

Едва ли надо упоминать, что то раздѣленіе наукъ, которое я здѣсь имѣю въ виду, не можетъ отвѣчать тому расчлененію, которому науки подпадаютъ при дѣленіи факультетовъ. Послѣднее возникло изъ практическихъ задачъ университетовъ и ихъ историческаго развитія. При этомъ практическая цѣль часто соединяла то, что съ чисто-теоретической точки зрѣнія

слѣдовало бы раздѣлить, и, наоборотъ, разъединяла то, что должно было бы быть тѣсно связано; этотъ же мотивъ многократно сливалъ чисто-научныя дисциплины съ практическими и техническими. Не слѣдуетъ однако думать, что это послужило во вредъ научной дѣятельности: и здѣсь скорѣе практическія отношенія имѣли слѣдствіемъ то, что вызывали болѣе обширное и живое взаимодѣйствіе между различными областями научной работы, чѣмъ это могло бы, быть можетъ, быть при болѣе отвлеченномъ соединеніи однороднаго, какъ это бываетъ въ академіяхъ. Измѣненія, которыя испытывало въ послѣднія десятилѣтія устройство факультетовъ нѣмецкихъ университетовъ, особенно по отношенію къ бывшему facultas artium, показываетъ однако извѣстную склонность придавать большее значеніе методологическимъ мотивамъ дѣленія. Слѣдуя за этими мотивами съ чисто-теоретическимъ интересомъ, прежде всего должно признать законнымъ, что мы противопоставляемъ опытнымъ наукамъ философію и все еще математику. Послѣднія двѣ могли бы быть соединены подъ старымъ именемъ «раціональныхъ» наукъ, несмотря на самое разнообразное значеніе этого слова, не требующаго здѣсь болѣе близкаго опредѣленія. Пока достаточно выразить ихъ общность въ отрицательной формѣ, а именно, что сами онѣ непосредственно не имѣютъ цѣлью познать что-либо данное въ опытѣ, несмотря на то, что добытыя ими истины могутъ и должны быть въ другихъ наукахъ направлены къ этой цѣли. Этому моменту, моменту объекта, соотвѣтствуетъ съ формальной стороны логическая общность, а именно, что обѣ—философія и математика—никогда не основываютъ своихъ утвержденій на отдѣльныхъ наблюденіяхъ или на большомъ числѣ ихъ, хотя бы фактически психогенетическое побужденіе къ ихъ изслѣдованіямъ и открытіямъ лежало въ эмпирическихъ мотивахъ. Наоборотъ, подъ опытными мы разумѣемъ тѣ, задачей которыхъ является познаваніе гдѣ-либо данной и доступной воспріятію дѣйствительности: ихъ формальный признакъ заключается, такимъ образомъ, въ томъ, что для обоснованія своихъ результатовъ онѣ нуждаются всегда на-ряду съ общими аксіоматическими постулатами и равно для всякаго познаванія обязательной правильностью нормальнаго мышленія—въ установленіи фактовъ черезъ воспріятіе.

Для этихъ наукъ, направленныхъ на познаніе дѣйствительности, обычно въ настоящее время дѣленіе на науки о природѣ и науки о духѣ. Я считаю это дѣленіе въ такой формѣ неудачнымъ. Положеніе, что природа и духъ—противоположные объекты, достигаетъ къ концу античной философіи и началу средневѣковой господствующаго положенія и во всей своей рѣзкости было сохранено въ новѣйшей метафизикѣ отъ Декарта и Спинозы вплоть до Шеллинга и Гегеля. Если я вѣрно сужу о взглядахъ новѣйшей философіи и о результатахъ гносеологической критики, то это дѣленіе, оставшееся еще въ общемъ представленіи и рѣчи, не можетъ больше быть признаннымъ столь несомнѣннымъ и не требующимъ доказательствъ, чтобы можно было не колеблясь сдѣлать его основой классификаціи. Къ этому еще присоединяется то, что эта противоположность объектовъ не покры-

вается такой же противоположностью въ способахъ познанія. Ибо если Локкъ свелъ картезіанскій дуализмъ на субъективную формулу внѣшняго и внутренняго опыта—sensation и reflection, чтобы противоставить ихъ другъ другу, какъ два отличныхъ органа для познанія, съ одной стороны, внѣшняго міра, природы, а съ другой—внутренняго, духовнаго міра, то, съ другой стороны, критика познанія новѣйшаго времени больше чѣмъ пошатнула это представленіе и, по меньшей мѣрѣ, подвергла сильному сомнѣнію справедливость признанія «внутренняго опыта», какъ особаго вида познанія.

Едва ли дальше можно согласиться, чтобы факты наукъ о духѣ, какъ ихъ называютъ, устанавливались исключительно внутреннимъ опытомъ. Несовпадаемость реальнаго и формальнаго основаній классификаціи обнаруживается больше всего тѣмъ, что между науками о природѣ и науками о духѣ нельзя найти мѣста для эмпирической дисциплины такого значенія, какъ психологія: по предмету эта наука можетъ быть охарактеризована какъ наука о духѣ и въ извѣстномъ смыслѣ какъ основа для всѣхъ остальныхъ, но всѣ ея пріемы, методы отъ начала до конца такіе же, какъ у естествознанія. Поэтому приходилось бы въ извѣстныхъ случаяхъ называть ее «естествознаніемъ внутренняго чувства» или просто «духовнымъ естествознаніемъ».

Подраздѣленіе, которое заключаетъ въ себѣ такія затрудненія, не имѣетъ необходимой для системы прочности; но, чтобы пріобрѣсти эту прочность, оно нуждается, быть можетъ, только въ незначительномъ измѣненіи опредѣленія понятій. Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ состоитъ методологическое родство психологіи съ естествознаніемъ? Очевидно, въ томъ, что какъ первая, такъ и второе устанавливаютъ свои факты, собираютъ и обрабатываютъ ихъ только съ той точки зрѣнія и съ тою цѣлью, чтобы на основаніи ихъ понять общую законосообразность, которой эти факты подчинены. При этомъ различіе предметовъ этихъ наукъ ведетъ, конечно, къ тому, что отдѣльные методы установленія фактовъ, способъ и родъ ихъ индуктивной обработки и формулы, въ которыхъ выражаются найденные ими законы, очень различны; и съ этой стороны однако разстояніе между психологіей и химіей, напримѣръ, едва ли больше, чѣмъ между механикой и біологіей, но и въ этомъ здѣсь вся суть,—всѣ эти различія по объекту далеко отступаютъ передъ логическимъ сходствомъ, которое существуетъ между всѣми этими дисциплинами по отношенію къ формальному характеру ихъ познавательныхъ цѣлей. Эти цѣли—законы происходящаго, безразлично, есть ли это послѣднее—движеніе тѣлъ, превращеніе веществъ, развитіе органической жизни или процессъ представленія, чувствованія или воленія.

Съ другой стороны, большинство тѣхъ эмпирическихъ дисциплинъ, которыя обыкновенно называются науками о духѣ, рѣшительно направлены на то, чтобы вполнѣ и всесторонне изобразить единичное, болѣе или менѣе значительное событіе, имѣвшее мѣсто однажды въ ограниченное время. И здѣсь объекты и отдѣльные способы, которыми достигается ихъ знаніе, въ высшей степени различны. Объектомъ могутъ быть одно событіе или

связный рядъ дѣйствій и слѣдствій, характеръ и жизнь одного человѣка или цѣлаго народа, особенности и развитіе языка, религіи, юридическаго порядка, произведенія литературы, искусства или науки, и каждый изъ этихъ объектовъ требуетъ соотвѣтствующей его особенностямъ обработки.

Всегда однако познаніе здѣсь направлено на то, чтобы воспроизвести во всей его полнотѣ и понять какую-нибудь картину человѣческой жизни, которая, какъ таковая, имѣла мѣсто одинъ только разъ. Ясно, что рѣчь идетъ тутъ о всемъ объемѣ историческихъ дисциплинъ. Здѣсь мы имѣемъ предъ собой чисто-методологическое дѣленіе опытныхъ наукъ, основанное на прочныхъ логическихъ понятіяхъ. Принципомъ дѣленія является формальный характеръ ихъ познавательныхъ цѣлей. Однѣ ищутъ общихъ законовъ, другія—отдѣльныхъ историческихъ фактовъ; употребляя языкъ формальной логики, мы можемъ сказать, что цѣлью одной является общее аподиктическое сужденіе, цѣлью другой—единичное, ассерторическое предложеніе. Такимъ образомъ, это различіе связывается съ наиболѣе важнымъ и рѣшительнымъ отношеніемъ въ человѣческомъ умѣ, которое Сократъ призвалъ основнымъ для всякаго научнаго мышленія отношеніемъ общаго къ частному. Отсюда произошло распаденіе античной метафизики: въ то время, какъ Платонъ искалъ реальнаго въ неизмѣнныхъ родовыхъ понятіяхъ, Аристотель искалъ его въ отдѣльныхъ, цѣлесообразно развивающихся существахъ. Новѣйшее естествознаніе научило насъ опредѣлять сущее посредствомъ пребывающей необходимости происходящихъ въ немъ явленій; оно поставило на мѣсто «идеи» Платона законъ природы.

Такимъ образомъ, мы имѣемъ право сказать, что опытныя науки ищутъ въ познаніи дѣйствительности либо общаго въ формѣ закона природы, либо единичнаго въ исторически-опредѣленной картинѣ; онѣ разсматриваютъ частью вѣчно неизмѣнную форму, частью—единичное, въ себѣ опредѣленное содержаніе реальнаго явленія. Однѣ—науки о законахъ явленій, другія—науки о самыхъ явленіяхъ; первыя учатъ насъ тому, что всегда существуетъ, послѣднія,—тому, что однажды происходило. Научное мышленіе, если нужны новые термины, въ первомъ случаѣ *номотетическое*, во-второмъ—*идіографическое*. Если мы будемъ держаться обычной терминологіи, то мы должны дальше говорить о противоположности между естественно-научными и историческими дисциплинами въ этомъ именно смыслѣ, при томъ условіи, что мы не будемъ забывать, что въ этомъ методологическомъ смыслѣ психологію слѣдуетъ цѣликомъ отнести къ естественнымъ наукамъ.

Вообще надо помнить, что это методологическое противоположеніе классифицируетъ только обработку знанія, а не содержаніе его. Теоретически возможно, и это дѣйствительно бываетъ, что одни и тѣ же факты могутъ быть сдѣланы объектами номотетическаго и одновременно идіографическаго изслѣдованія. Это связано съ тѣмъ, что противоположность между вѣчно неизмѣннымъ и единичнымъ въ извѣстномъ смыслѣ относительна. То, что въ теченіе очень большихъ промежутковъ времени не испытываетъ никакихъ непосредственно замѣтныхъ измѣненій и что вслѣдствіе этого должно

быть изучаемо номотетически со стороны неизмѣняющихся формъ, можетъ однако при болѣе глубокомъ разсмотрѣніи оказаться таковымъ только для ограниченнаго времени, т.-е. чѣмъ-то единичнымъ. Такъ, данный языкъ подчиняется своимъ законамъ формы при всѣхъ своихъ отдѣльныхъ примѣненіяхъ, законахъ, которые при всякомъ измѣненіи выраженія остаются тѣ же; но, съ другой стороны, этотъ же самый совершенно особенный языкъ со всѣми особенностями своей закономѣрности есть однако только единичное скоропреходящее явленіе въ жизни человѣческаго языка вообще. То же самое имѣетъ значеніе для физіологіи, патологіи, въ извѣстномъ смыслѣ даже для астрономіи; этимъ переносится историческій принципъ въ область естествознанія.

Классическій примѣръ такого рода являетъ намъ наука объ органическомъ мірѣ. Какъ систематика, она имѣетъ номотетическій характеръ постольку, поскольку она можетъ разсматривать неизмѣнные—въ теченіе нѣсколькихъ тысячелѣтій наблюденія человѣка—типы живыхъ существъ, какъ закономѣрныя формы послѣднихъ. Какъ исторія развитія, когда она рисуетъ намъ весь послѣдовательный рядъ организмовъ земли, какъ одинъ въ потокѣ времени постепенно развертывающійся процессъ развитія или трансформизма, процессъ, за повтореніе котораго на какой-либо другой планетѣ не только не существуетъ ручательства, но даже вѣроятія, она оказывается идіографической, исторической дисциплиной. Уже Кантъ, который предвосхитилъ понятіе современной теоріи происхожденія видовъ, назвалъ того, кто рѣшится на этотъ «смѣлый подвигъ разума», будущимъ «археологомъ природы».

Если мы спросимъ, какъ логика до сихъ поръ относилась къ этой рѣшительной противоположности между спеціальными науками, то натолкнемся какъ разъ на пунктъ, въ которомъ логика понынѣ больше всего нуждается въ реформѣ. Все ея развитіе обнаруживаетъ самое рѣшительное предпочтеніе номотетическихъ формъ мышленія. Это, конечно, совершенно понятно. Такъ какъ всякое научное изслѣдованіе и доказательство совершается въ формѣ понятія, то ближайшей и наиболѣе важною цѣлью для логики всегда остается изслѣдованіе сущности, обоснованія и примѣненія общаго. Къ этому еще присоединяется вліяніе историческихъ судебъ. Греческая философія выросла изъ естественно-научныхъ зачатковъ, изъ вопроса о fysis, т.-е. о пребывающемъ бытіи въ смѣнѣ явленій, и развиваясь параллельно съ естествознаніемъ, испытывая, благодаря исторической традиціи, и въ эпоху renaissance причинное воздѣйствіе съ его стороны, новѣйшая философія достигла своей самостоятельности также рука объ руку съ естествознаніемъ. Такимъ образомъ, не могло не произойти, что логическія разсужденія обратились прежде всего на номотетическія формы мышленія и долгое время ставили въ зависимости отъ нихъ свои общія теоріи. И это продолжается еще и до сихъ поръ. Все наше традиціонное ученіе о понятіи, сужденіи и заключеніи все еще выкроено по аристотелевскому принципу, по которому общее положеніе занимаетъ центръ логическаго из-

слѣдованія. Стоитъ только открыть какой-нибудь учебникъ логики, чтобы убѣдиться, что не только большинство примѣровъ взято изъ естественно-научныхъ и математическихъ дисциплинъ, но что даже такіе логики, которые обнаруживаютъ полное пониманіе историческаго изслѣдованія, ищутъ однако послѣднихъ критеріевъ своихъ теорій въ области номотетическаго мышленія. Было бы желательно, но для этого существуетъ еще очень мало основаній, чтобы логики такъ же хорошо охватили великую историческую дѣйствительность, которая подлежитъ собственно историческому мышленію, какъ они умѣли понять въ деталяхъ формы изслѣдованія природы.

Всмотримся пока нѣсколько ближе въ отношеніе между номотетическимъ и идіографическимъ знаніемъ. Какъ мы уже говорили, какъ естествознаніе, такъ и исторія имѣютъ характеръ опытнаго знанія, т.-е. обѣ онѣ имѣютъ исходнымъ пунктомъ или, какъ логики говорятъ, предпосылками своихъ доказательствъ опыты, факты воспріятія; точно такъ же согласны онѣ въ томъ, что обѣ не могутъ довольствоваться тѣмъ, что наивный человѣкъ такъ обыкновенно считаетъ знаніемъ. Въ той же мѣрѣ, въ какой нужно тщательно подготовлять свои органы чувствъ, чтобы быть въ состояніи установить тонкія различія въ строеніи наиболѣе родственныхъ видовъ, чтобы съ успѣхомъ пользоваться микроскопомъ, чтобы точно уловить одновременность ударовъ маятника и установку иглы,—такъ же тщательно нужно учиться, чтобы быть въ состояніи установить особенности рукописи, отмѣтить стиль писателя или уловить духовный горизонтъ и кругъ интересовъ какого-нибудь историческаго источника. Первое такъ же мало дается отъ природы, какъ и второе; а если традиція научной работы въ обоихъ направленіяхъ создала большое количество тонкихъ и даже тончайшихъ методовъ, которые молодые ученые практически усвоиваютъ, то каждый такой спеціальный методъ покоится, съ одной стороны, на объективныхъ основаніяхъ, которыя уже добыты или, по меньшей мѣрѣ, гипотетически приняты, съ другой—на логическихъ отношеніяхъ часто очень сложнаго характера. Здѣсь надо снова замѣтить, что до сихъ поръ интересы логики далеко больше сосредоточивались на номотетической тенденціи, чѣмъ на идіографической. Мы имѣемъ глубокія логическія изслѣдованія о значеніи точныхъ инструментовъ, теоріи эксперимента, вычисленіи вѣроятности изъ многочисленныхъ наблюденій одного и того же объекта и тому подобныхъ вопросахъ; но параллельные вопросы методологіи исторіи пользовались далеко не равнымъ вниманіемъ со стороны философіи. Это находится въ связи съ тѣмъ, что философскія и научныя дарованія и работы гораздо чаще соединяются въ одномъ лицѣ, чѣмъ философскія и историческія, что вытекаетъ изъ самой ихъ природы и подтверждается исторіей. И однако для общей теоріи познанія представляетъ огромнѣйшій интересъ выдѣлить логическія формы, по которымъ въ историческомъ изслѣдованіи происходитъ взаимная критика воспріятій, формулировать «интерполяціонныя максимы» гипотезъ и такимъ образомъ и здѣсь опредѣлить, какое участіе въ

тѣсно связанномъ во всѣхъ своихъ моментахъ построеніи міропознанія принимаютъ, съ одной стороны, факты, а съ другой стороны—всеобщія предпосылки, по которымъ мы ихъ истолковываемъ.

Однако здѣсь всѣ опытныя науки сходятся въ конечномъ принципѣ, который состоитъ въ полномъ согласіи всѣхъ элементовъ представленія, относящихся къ одному объекту; различіе между естествознаніемъ и исторіей начинается только тамъ, гдѣ дѣло идетъ объ оцѣнкѣ фактовъ съ точки зрѣнія познанія. Здѣсь, слѣдовательно, мы видимъ, что одна ищетъ законовъ, другая—картинъ. Въ одной мышленіе идетъ отъ установленія единичнаго къ познанію общихъ отношеній, въ другой не идутъ дальше съ любовью исполняемаго изображенія единичнаго. Для естествоиспытателя данный единичный объектъ, какъ таковой, никогда не имѣетъ научнаго значенія; онъ служитъ ему лишь постольку, поскольку онъ вправѣ смотрѣть на него, какъ на типъ, какъ на спеціальный случай родового понятія и поскольку онъ можетъ вывести изъ него послѣднее; онъ останавливается поэтому только на такихъ его признакахъ, которые даютъ возможность познать законообразную всеобщность. Задача историка состоитъ въ томъ, чтобы снова оживить какую-нибудь картину прошлаго во всѣхъ ея индивидуальныхъ чертахъ для идеальнаго существованія въ настоящемъ. Ему приходится выполнить такую же задачу по отношенію къ тому, что дѣйствительно было, какую приходится разрѣшить художнику по отношенію къ тому, что существуетъ въ его фантазіи. Въ этомъ коренится родство историческаго творчества съ эстетическимъ и историческихъ дисциплинъ съ belles lettres.

Отсюда слѣдуетъ, что въ естественно-научномъ мышленіи преобладаетъ склонность къ абстракціи, въ историческомъ, наоборотъ,—къ наглядности. Это утвержденіе покажется неожиданнымъ только тому, кто привыкъ матеріалистически ограничивать понятіе «созерцанія» физическимъ воспріятіемъ объекта чувствъ, и кто забылъ, что для духовнаго зрѣнія не меньше, чѣмъ для тѣлеснаго, существуетъ наглядность, т.-е. индивидуальная живость объекта воображенія. Правда, это матеріалистическое пониманіе въ настоящее время широко распространено, и надъ нимъ слѣдуетъ серьезно задуматься. Чѣмъ больше мы пріучаемся къ тому, чтобы всюду, гдѣ нужно образовать представленія, удѣлять побольше мѣста ощупыванію и осматриванію, тѣмъ больше мы рискуемъ погубить неупражненіемъ самопроизвольную способность созерцанія избыткомъ рецептивнаго созерцанія; а послѣ мы удивляемся, когда фантазія оказывается вялой и непродуктивной, чуть только она не можетъ тѣлесно ощупать и осмотрѣть. Это относится какъ къ педагогикѣ, такъ и искусству, особенно драматическому, въ которомъ всѣми силами стараются настолько занять глаза, что для внутренняго созерцанія поэтическихъ образовъ не остается больше мѣста.

Что сила естествознанія въ абстракціи, а исторіи — въ наглядности, станетъ еще яснѣе, если сравнить результаты ихъ изслѣдованій. Какъ бы ни была тонка логическая работа, которой пользуется историческая критика

при обработкѣ памятниковъ, однако конечной ея цѣлью всегда остается создать изъ массы матеріала вѣрную, полную картину прошлаго, и то, что она даетъ намъ, это всегда изображенія людей и ихъ жизни со всѣмъ богатствомъ своеобразныхъ формъ, сохраненныхъ во всей ихъ индивидуальной жизненности. Такъ говорятъ съ нами устами исторіи воскресшіе изъ забвенія къ новой жизни мертвые языки и мертвые народы, ихъ религія и образы, ихъ борьба за могущество и свободу, ихъ творчество и мысль. Насколько отличается отъ этого тотъ міръ, который создаетъ намъ естествознаніе! Какъ бы ни были наглядны исходныя точки, цѣль его познанія всегда—теоріи, въ послѣдней инстанціи математическія формулы законовъ движенія: совсѣмъ по-платоновски оно оставляетъ единичный преходящій объектъ чувствъ, какъ не составляющій сущности призракъ, и стремится къ познанію законосообразной необходимости, которая въ вѣчной неизмѣнности господствуетъ надъ всѣми явленіями. Изъ полнаго красокъ міра чувствъ оно создаетъ систему конструктивныхъ понятій, въ которыхъ оно желаетъ уловить истинную, позади явленій находящуюся сущность вещей; оно создаетъ міръ атомовъ, безцвѣтный и беззвучный, безъ всякаго земного аромата чувственныхъ свойствъ — тріумфъ мышленія надъ воспріятіемъ! Равнодушное къ преходящему, естествознаніе бросаетъ свой якорь въ вѣчно неизмѣнное; не измѣнчиваго, какъ такового, оно ищетъ, а неизмѣнныхъ формъ измѣненія.

Если различіе между обоими видами опытнаго знанія такъ глубоко, то понятно, почему должна была вспыхнуть и, дѣйствительно, вспыхнула борьба между ними за рѣшающее вліяніе на общія воззрѣнія человѣка на міръ и жизнь. Спрашивается, что имѣетъ больше значенія для общей цѣли нашего познанія, знаніе законовъ или знаніе явленій,—пониманіе всеобщей сущности, стоящей внѣ времени, или пониманіе единичныхъ явленій, ограниченныхъ во времени? И а ргіогі ясно, что этотъ вопросъ можетъ быть рѣшенъ только размышленіемъ надъ конечными цѣлями научнаго знанія.

Здѣсь я только бѣгло разсмотрю этотъ вопросъ съ утилитарной точки зрѣнія. Съ этой стороны оба направленія мысли имѣютъ одинаковыя права. Знаніе общихъ законовъ всюду имѣетъ практическое значеніе, давая возможность человѣку предвидѣть будущее и цѣлесообразно вмѣшиваться въ потокъ вещей. Это одинаково справедливо для движеній какъ внутренняго, такъ и внѣшняго матеріальнаго міра: именно въ послѣднемъ знаніе, пріобрѣтенное помотетическимъ мышленіемъ, даетъ возможность произвести тѣ орудія, благодаря которымъ власть человѣка надъ природой расширяется во все возрастающихъ размѣрахъ. Всякая, однако, цѣлесообразная дѣятельность въ общественной жизни не менѣе основывается на данныхъ историческаго знанія. Человѣкъ—это, варьируя античное выраженіе, животное, которое имѣетъ исторію. Его культурная жизнь—это все болѣе усложняющаяся связь между однимъ поколѣніемъ и другимъ. Кто желаетъ плодотворно вмѣшиваться въ нее, тотъ долженъ понимать ея развитіе. Тамъ, гдѣ эта нить обрывается, тамъ впослѣдствіи приходится съ трудомъ,—это

доказала сама исторія,—разыскивать ея концы и снова связывать. Еслибы когда-либо какое-нибудь элементарное измѣненіе, во внѣшнемъ ли видѣ нашей планеты, или во внутреннемъ строеніи человѣческаго міра, похоронило современную культуру—мы могли бы быть увѣрены, что будущія поколѣнія будутъ такъ же усердно искать ея слѣдовъ, какъ мы — древняго міра. Уже по этимъ соображеніямъ человѣчество должно нести свой огромный историческій багажъ, и если онъ съ теченіемъ времени грозитъ становиться все тяжеле и тяжеле, то будущее будетъ имѣть достаточно средствъ осторожно и безъ вреда сдѣлать его легче.

Но не объ этой пользѣ мы говоримъ,—рѣчь идетъ о внутренней цѣнности знанія. Не говоримъ мы, конечно, и о личномъ удовлетвореніи изслѣдователя отъ самаго процесса изслѣдованія. Ибо это субъективное удовлетвореніе отъ изобрѣтенія, открытія и установленія чего-либо въ концѣ-концовъ присуще всякому знанію въ одинаковой мѣрѣ. Размѣры этого удовлетворенія значительно меньше зависятъ отъ значенія объекта, чѣмъ отъ трудности его изслѣдованія.

Безъ сомнѣнія, однако, существуетъ еще объективное и чисто-теоретическое различіе въ познавательной цѣнности объектовъ, и мѣра его есть не что иное, какъ степень, въ которой эти объекты ведутъ къ общему знанію. Отдѣльное явленіе остается объектомъ досужей любознательности, если оно не въ состояніи служить элементомъ въ болѣе общемъ построеніи. Такимъ образомъ, «фактъ» является въ научномъ смыслѣ уже телеологическимъ понятіемъ. Не всякое явленіе есть научный фактъ, а только такое, изъ котораго, коротко сказать, можно чему-нибудь научиться. Это справедливо прежде всего для исторіи. Есть много событій, которыя вовсе не историческіе факты. Что въ 1780 году Гёте заказалъ себѣ домашній колоколъ и ключъ отъ комнатныхъ дверей, а 22 февраля—ящикъ для записокъ, это документально доказано совершенно достовѣрнымъ счетомъ слесаря, дошедшимъ до насъ; такимъ образомъ это въ высшей степени вѣрно и несомнѣнно, и тѣмъ не менѣе это не есть ни историческій фактъ, ни литературно-историческій, ни біографическій. Съ другой стороны, надо, однако, имѣть въ виду, что въ извѣстныхъ границахъ невозможно заранѣе рѣшить, обладаетъ ли единичное явленіе, которое намъ даетъ наблюденіе или памятникъ, этой цѣнностью «факта» или нѣтъ; поэтому наука должна поступать такъ, какъ поступалъ Гёте въ глубокой старости: заботливо собирать и накоплять все, чѣмъ только она въ состояніи овладѣть, радуясь мысли, что она ничего не упускаетъ изъ того, что когда-либо можетъ пригодиться, и что работа будущихъ поколѣній, если только она не будетъ стѣснена независимыми случайностями традиціи, просѣетъ все это, сохранитъ полезное и отброситъ безполезное.

Но это главное стремленіе всякаго единичнаго знанія войти въ связь съ какимъ-нибудь бо́льшимъ цѣлымъ, совсѣмъ не ограничено, конечно, индуктивнымъ подчиненіемъ единичнаго родовому понятію или общему сужденію; эта цѣль достигается и въ томъ случаѣ, когда единичный при-

знакъ входитъ, какъ крупная составная часть, въ живое общее воззрѣніе. Приверженность къ родовому есть односторонность греческаго мышленія, переданная отъ элеатовъ Платону, который видѣлъ истинное бытіе, а также истинное знаніе только во всеобщемъ, а отъ Платона дошедшее до нашихъ дней, когда Шопенгауэръ сдѣлался глашатаемъ этого предразсудка и не признавалъ за исторіей цѣнности истиннаго научнаго знанія, такъ какъ она постоянно занимается единичнымъ и никогда не занимается всеобщимъ. Вѣрно, конечно, что человѣческій разумъ только потому можетъ въ одно время представлять себѣ многое, что онъ охватываетъ общее содержаніе разсѣянныхъ единичныхъ явленій; но чѣмъ больше при этомъ онъ стремится къ понятію и закону, тѣмъ болѣе онъ долженъ оставлять за собой единичное, какъ таковое, забыть и бросить его. Мы это видимъ тамъ, гдѣ пытаются въ специфически современномъ духѣ «сдѣлать изъ исторіи естественную науку», какъ это предлагала такъ называемая философія исторіи позитивизма. Что, въ концѣ-концовъ, остается при такой индукціи отъ законовъ жизни народа? Нѣсколько общихъ тривіальныхъ положеній, которыя можно оправдать только послѣ тщательнаго изложенія ихъ безчисленныхъ исключеній.

Въ противоположность этому надо твердо помнить, что каждый интересъ и каждое сужденіе человѣка, каждая оцѣнка его относится къ единичному во времени и пространствѣ. Вспомнимъ только, какъ быстро притупляется наше чувство, когда объектъ его встрѣчается много разъ или оказывается однимъ изъ тысячи подобныхъ. «Она не первая», находимъ мы въ одной изъ ужаснѣйшихъ сценъ «Фауста». Встрѣчался ли объектъ однократно и можно ли его сравнить съ другимъ—вотъ гдѣ коренятся всѣ наши оцѣнки и связанныя съ ними чувства. На этомъ основывается ученіе Спинозы о преодолѣваніи душевныхъ волненій посредствомъ познанія, ибо для него познаніе заключается въ погруженіи отдѣльнаго въ общемъ, однократнаго въ вѣчномъ. Насколько всякая реальная оцѣнка чего-нибудь связана у человѣка съ единичностью объекта, это видно, прежде всего, изъ нашего отношенія къ личностямъ. Развѣ это не невыносимая мысль, что гдѣ-нибудь живетъ, хотя бы одно только, такое же существо, какое мы любимъ и уважаемъ? Развѣ не ужасно, развѣ можно себѣ представить, что въ дѣйствительности существуетъ еще одинъ экземпляръ нашего «я» со всѣми его индивидуальными особенностями? Вотъ почему вѣетъ ужасомъ привидѣній отъ представленія о двойникѣ—даже при значительномъ временномъ отдаленіи. Для меня всегда была мучительна мысль, что греки, обладавшіе такимъ вкусомъ и такой тонкостью чувства, довольствовались проникающимъ всю ихъ философію ученіемъ, по которому при періодическомъ появленіи всѣхъ вещей личность также должна снова появиться со всѣми ея дѣйствіями и страданіями. И какъ много теряетъ въ своей цѣнѣ жизнь, если она, не измѣняясь, уже повторялась и будетъ повторяться точно такой же, кто знаетъ, сколько разъ,—какъ ужасна мысль, что я, какъ таковой, уже пережилъ и перестрадалъ то же самое, стремился и боролся, любилъ и не-

навидѣлъ, думалъ и желалъ, и что, когда пройдетъ великій міровой годъ и наступитъ время, я долженъ буду снова и снова играть ту же роль въ томъ же театрѣ! И что такъ справедливо по отношенію къ индивидуальной человѣческой жизни, то особенно справедливо по отношенію къ совокупности историческаго процесса: онъ имѣетъ цѣну, если имѣетъ мѣсто одинъ только разъ. Это тотъ принципъ, который христіанская философія побѣдоносно защитила противъ эллинизма въ патристикѣ. Центръ ея міровоззрѣнія занимало а ргіогі принятое положеніе, что паденіе и искупленіе человѣческаго рода—неповторяющіеся факты. Это было первое великое и сильное чувство неотъемлемаго, метафизическаго права исторіи удерживать въ памяти людей прошедшее въ его однократной, неповторяющейся реальности.

Но теперь, наоборотъ, идіографическія науки нуждаются на каждомъ шагу въ общихъ положеніяхъ, которыя онѣ могутъ получить вполнѣ вѣрно обоснованными только изъ номотетическихъ дисциплинъ. Всякое причинное объясненіе какого-нибудь историческаго явленія предполагаетъ общія представленія о ходѣ вещей, и когда желаютъ привести историческія доказательства къ ихъ чисто-логической формѣ, то они всегда заключаютъ въ себѣ законы явленій, особенно душевныхъ явленій, какъ высшія предпосылки. Кто не имѣетъ никакого представленія о томъ, какъ люди вообще думаютъ, чувствуютъ и желаютъ, тотъ будетъ хромать не только въ познаніи событій путемъ обобщенія отдѣльныхъ явленій, но уже и при критическомъ установленіи фактовъ. Чрезвычайно замѣчательно при этомъ, какъ снисходительны въ сущности требованія исторіи отъ психологіи. Крайне несовершенная степень, въ которой, какъ извѣстно, могутъ быть до сихъ поръ формулированы законы душевной жизни, никогда не стояла у историковъ поперекъ дороги; благодаря природному знанію людей, такту и геніальной интуиціи, они знали какъ разъ достаточно для того, чтобы понимать своихъ героевъ и ихъ поступки. Это заставляетъ серьезно призадуматься и сильно усомниться въ томъ, принесетъ ли предполагаемое современными учеными математическое и естественно-научное объясненіе элементарныхъ психическихъ явленій значительную пользу нашему пониманію реальной человѣческой жизни.

Несмотря на такую недостаточность выполненія въ частностяхъ, ясно, что во всестороннемъ знаніи, къ которому въ концѣ-концовъ должна стремиться всякая научная работа, оба эти момента въ ихъ методологическомъ различіи остаются рядомъ: прочную раму для нашей картины міра даетъ та всеобщая законосообразность вещей, которая, возвышаясь надъ всякими перемѣнами, выражаетъ вѣчно неизмѣнную сущность дѣйствительности, а внутри этой рамы развертывается живая связь всѣхъ дорогихъ человѣчеству отдѣльныхъ картинъ прошлаго.

Этихъ двухъ моментовъ человѣческаго знанія нельзя свести къ одному общему источнику. Конечно, причинное объясненіе отдѣльнаго явленія со сведеніемъ его на общіе законы наводитъ на мысль, что въ послѣдней инстанціи должно быть возможно объяснить на основаніи всеобщей законосо-

образности также и индивидуальную историческую форму реальнаго явленія. Такъ, Лейбницъ думалъ, что всѣ vérités de fait въ концѣ-концовъ имѣютъ свои достаточныя основанія въ vérités éternelles. Но онъ могъ постулировать это только для божественной мысли, но не могъ доказать это для человѣческой.

Это можно объяснить себѣ на простомъ логическомъ примѣрѣ. Когда мы разсматриваемъ явленія съ причинной точки зрѣнія, то каждое явленіе принимаетъ форму силлогизма, большую посылку котораго образуетъ одинъ или нѣсколько законовъ природы, меньшей посылкой служитъ данное во времени условіе или совокупность условій, а заключеніемъ служитъ реальное единичное явленіе. Но какъ логическое заключеніе предполагаетъ двѣ предпосылки, такъ и явленіе два рода причинъ: съ одной стороны, стоящая внѣ времени необходимость, въ которой находитъ свое выраженіе неизмѣнная сущность вещей, съ другой стороны—особое условіе, которое наступаетъ въ опредѣленный моментъ времени. Причина взрыва въ одномъ, номотетическомъ смыслѣ—природа взрывчатаго вещества, которую формулируетъ какъ химико-физическіе законы; въ другомъ, идіографическомъ смыслѣ—единичное движеніе, искра, сотрясеніе или нѣчто подобное. Только то и другое вмѣстѣ обусловливаютъ и объясняютъ явленіе, но ни одно изъ нихъ не является слѣдствіемъ другого; ихъ связь не вытекаетъ изъ ихъ свойствъ. Какъ мало меньшая посылка силлогизма, соединяемая съ большей, есть слѣдствіе послѣдней, такъ же мало присоединяющееся въ явленіи къ сущности вещей условіе можетъ быть выведено изъ этой сущности—закона. Напротивъ, это условіе, какъ явленіе во времени, въ свою очередь должно быть сведено къ временному условію, изъ котораго оно вытекаетъ по необходимымъ законамъ, и такъ дальше до безконечности. Перваго члена этого ряда нельзя мыслить въ понятіяхъ; и даже когда пытаются представить себѣ его, то такое первоначальное состояніе всегда однако нѣчто новое, что присоединяется къ сущности вещей, не вытекая изъ нея. Спиноза выразилъ это своимъ различеніемъ обѣихъ причинностей—безконечной и конечной, и этимъ съ геніальной простотой сдѣлалъ излишними многія разсужденія новѣйшихъ логиковъ о «проблемѣ множественности причинъ». Употребляя языкъ современной науки, можно сказать: изъ общихъ законовъ природы вытекаетъ современное состояніе міра только при предположеніи непосредственно предыдущаго, послѣднее снова вытекаетъ изъ предыдущаго и т. д., но никогда опредѣленное расположеніе атомовъ не вытекаетъ изъ самихъ законовъ движенія. Ни изъ одной «міровой формулы» не могутъ быть непосредственно выведены особенности опредѣленнаго момента времени: для этого слѣдовало еще предыдущее состояніе подвести подъ законъ.

Такъ какъ причинная цѣпь условій не можетъ, такимъ образомъ, быть прослѣжена вплоть до конца, который вытекалъ бы изъ общихъ законовъ, то такое подведеніе подъ эти законы не дастъ намъ возможности разложить единичное, данное во времени, на ея конечныя причины. Поэтому въ изслѣдованіи чего-либо историческаго и индивидуальнаго всегда получается

непонятное, что-то невыразимое, неопредѣленное. Такъ противостоитъ расчлененію путемъ общихъ категорій конечная и сокровенная сущность личности, и это неуловимое представляется нашему сознанію какъ чувство причинной независимости нашего существа, т.-е. какъ чувство индивидуальной свободы.

Много метафизическихъ понятій и проблемъ имѣетъ этотъ пунктъ своимъ источникомъ. Пусть однѣ были неудачны, другія ошибочны,—мотивъ остается. Совокупность даннаго во времени обнаруживаетъ несводимую ни на что самостоятельность рядомъ со всеобщей законосообразностью, съ которой однако все совершается. Содержаніе мірового процесса не можетъ быть понятно изъ его формы. Объ это разбились всѣ попытки понятно объяснить отдѣльное изъ общаго, «множественное» изъ «единаго», «конечное» изъ «безконечнаго», «бытіе» изъ «сущности». Это—пропасть, которую великія системы, философски объяснявшія міръ, могли только прикрыть, но не засыпать. Это видѣлъ Лейбницъ, указывая источникъ vérités éternelles въ божественномъ разумѣ, а источникъ vérités de fait въ божественной волѣ. Это зналъ Кантъ, когда онъ видѣлъ далеко превосходящій наше теоретическое знаніе признакъ божественной цѣлесообразности въ этомъ счастливомъ, но непонятномъ фактѣ, что все данное въ воспріятіи подчиняется формамъ интеллекта и потомъ уже организуется и усвоивается.

Въ дѣйствительности, никакое размышленіе не въ состояніи разъяснить этихъ вопросовъ. Философія можетъ показать, до какихъ предѣловъ простирается познавательная мощь отдѣльной дисциплины, и внѣ этихъ предѣловъ она сама не въ состояніи болѣе дать какое-либо реальное знаніе. Законы и явленіе остаются въ нашемъ міровоззрѣніи рядомъ, какъ послѣднія, несоизмѣримыя величины. Это одинъ изъ тѣхъ предѣльныхъ пунктовъ, у которыхъ научная мысль въ состояніи еще только опредѣлить задачу, поставить вопросъ, ясно сознавая, что никогда не въ состояніи будетъ разрѣшить его.

М. Ф.

Государство какъ принудительная организація политическаго общества *).

Сближеніе права съ соціологіей въ настоящее время можно признать установившимся. Будучи медленнымъ и затрудненнымъ, оно не сдѣлалось менѣе плодотворнымъ, а взаимныя услуги наукъ нравственныхъ и юридическихъ, съ одной стороны, и общественныхъ — съ другой, обѣщаютъ въ близкомъ будущемъ союзъ еще болѣе тѣсный.

Этотъ союзъ необходимо будетъ обусловленъ синтетическимъ единствомъ принциповъ и вызоветъ раціональную классификацію соотносящихся явленій. Тогда окажется, что философія права можетъ черпать полными руками свои данныя изъ общественной психологіи, а общая теорія государства составляетъ не болѣе, какъ главу соціологіи.

Приведенныя предположенія покажутся, можетъ быть, преждевременными: на самомъ дѣлѣ, наука столь древняя и столь совершенная, какъ право, что̀ она можетъ ожидать отъ науки еще не сформировавшейся, безъ точныхъ законовъ, безъ опредѣленной классификаціи?

Намъ кажется въ данномъ случаѣ излишне останавливаться на признанномъ фактѣ, что право—не законъ общественной жизни, а одно изъ ея явленій. Но тогда «очевидно съ перваго взгляда,—говоритъ Спенсеръ,—что наука соціальная не можетъ быть вполнѣ уяснена, если болѣе общая, ее заключающая, еще не выработана». И замѣтимъ, что не только соціологія часто захватываетъ правовые вопросы, но и юридическая теорія постоянно сталкивается съ задачами, неразрѣшимыми въ ея собственной области. Ихъ разрозненность задерживаетъ прогрессъ и служитъ постояннымъ препятствіемъ къ болѣе широкимъ обобщеніямъ и болѣе плодотворнымъ выводамъ.

Соціологія только при помощи юридическихъ наукъ можетъ установить недостающую ей точность терминологіи и опредѣленную классификацію,

*) *Sigismond Balicki*: „L'état comme organisation coercitive de la Société Politique". Bibliothèque sociologique internationale, publiée sous la direction de M. René Worms.

такъ какъ надежды нѣкоторыхъ ученыхъ *) найти для нея прочныя основы и характеръ научной точности въ біологіи въ настоящее время разрушены.

Въ данномъ случаѣ нечего бояться упрековъ въ смѣшеніи двухъ научныхъ областей; здѣсь нѣтъ вопроса ни объ изслѣдованіи соціологіи съ точки зрѣнія права, ни права съ точки зрѣнія соціологіи, здѣсь есть только попытка отыскать общіе основные законы для общественныхъ наукъ.

Общая связь наукъ служитъ основаніемъ всей философіи (истина, признанная со времени Конта), значительно облегчаетъ обоснованіе каждой отдѣльной науки и особенно расширяетъ поле изслѣдованія. Такъ, Декартъ создалъ аналитическую геометрію, соединяя геометрію и алгебру. Контъ предвидѣлъ значительные результаты сближенія химіи съ физіологіей. Соціологія хотя и не нашла прочныхъ основъ въ біологіи, но только благодаря ей подвинулась такъ далеко въ послѣднее время.

Возвращаясь къ праву, мы видимъ, что юриспруденція, т.-е. искусство толковать и прилагать законы, замыкается сама въ себѣ, но, напримѣръ, философія права, призванная быть его свѣтильникомъ, сильно страдаетъ отъ своего уединенія. Нѣмецкая школа ищетъ ея обоснованія въ общей философіи и тѣмъ ставитъ философію права, такъ сказать, въ неустойчивое равновѣсіе, вмѣсто того, чтобы найти ей поддержку. Это понятно, такъ какъ обобщенія, предшествующія и вытекающія изъ права, тѣсно связаны съ органическою и психологическою жизнью общества, и только при помощи соціологіи оно можетъ войти въ общую философію.

На самомъ дѣлѣ, общая теорія права можетъ имѣть двѣ точки отправленія: она можетъ взять за основаніе свойство индивидуума, его умъ или его волю, чтобы вывести принципы справедливости, свободы, правъ и обязанностей, или она находитъ въ самомъ обществѣ единственный источникъ всѣхъ юридическихъ отношеній, и слѣдовательно всякаго правового представленія.

Попытки первой категоріи удались при построеніи системъ частнаго права, но онѣ потерпѣли неудачу въ области публичнаго права. Напрасно сторонники этой теоріи старались расширить основы, замѣняя индивидуальный разумъ человѣческой природой: они не пошли дальше теоріи естественнаго государства и общественнаго договора, построенной a priori.

Общая теорія права еще ищетъ своихъ основныхъ посылокъ, и она найдетъ ихъ въ развивающейся соціологіи, когда послѣдняя будетъ болѣе синтетична и систематична, чѣмъ въ данное время. Переходя къ общей теоріи государства, которая составляетъ предметъ предлагаемой работы, мы постараемся опредѣлить ея отношенія къ публичному праву, съ которымъ она часто смѣшивается. По нашему мнѣнію, разница между ними та же, что между изслѣдованіемъ явленій физико-органическихъ и явленій психическихъ. Какъ физика и психика могутъ быть объединены только при помощи общей философіи и всегда должны разсматриваться какъ не-

*) Спенсеръ, Шеффле, Лиліенфельдъ и др.

соединяемыя, такъ и общая теорія государства не должна быть смѣшиваема съ публичнымъ правомъ. Соціологія классифицируетъ и объясняетъ явленія, открывая ихъ общіе законы; отдѣльныя общественныя науки, управляемыя тѣми же законами, составляютъ только ея развѣтвленія. Такъ общая теорія государства не болѣе, какъ одна изъ основныхъ главъ соціологіи.

I.

Явленіе, что цивилизованное человѣчество, во всѣ времена, раздѣлялось на различно организованныя группы, заставило науку при первыхъ же ея шагахъ поднять вопросъ объ основахъ и характерѣ этихъ группированій.

Для группъ, мало развитыхъ въ общественномъ отношеніи, отвѣтъ не былъ сложенъ: онѣ представляли *государство,* соединявшее maximum внѣшней независимости съ maximum'омъ внутренней связи. Въ немъ не было другого принципа-организатора, какъ всеподавляющая государственная дисциплина. Патріархальная семья, кланъ, племя существовали какъ воспоминанія, а сохранившіяся общественныя группы, называемыя коммунальными или муниципальными корпораціями, почерпали въ государствѣ если не жизнь, то право законнаго существованія...

Церковь была или вполнѣ національна, т.-е. сливалась съ организаціей правленія, или, какъ церковь католическая, воплощалась сама въ государство.

Отмѣна привилегій и государственной регламентаціи показала свѣту независимую общественную креатуру, которая до сихъ поръ укрывалась подъ опекающимъ крыломъ государства. Наука не замедлила заявить объ ея значеніи. Мы хотимъ сказать о понятіи *общество,* начавшемъ слагаться въ концѣ прошлаго вѣка *).

А въ 1851 году В. Риль могъ уже сказать, что «эмансипацію идеи общества отъ деспотизма идеи государства можно признать наиболѣе выдающимся пріобрѣтеніемъ современной науки» **).

Въ настоящее время прогрессъ общественныхъ наукъ, давъ понятія: народъ, нація, общество и государство—требуетъ болѣе синтетическаго понятія, объединяющаго ихъ всѣ. Въ данномъ случаѣ намъ кажется наиболѣе удобнымъ употребить терминъ *политическое общество*, который, не будучи новымъ, даетъ ясное представленіе о группѣ, укрѣпленной уже установившейся общественной солидарностью и свободной отъ всякаго внѣшняго вмѣшательства.

Удаляя государство, такъ недавно, казалось, исчерпывавшее все содержаніе международной индивидуальности, въ рядъ составныхъ частей

*) *Adam Fergusson:* „Essai sur l'histoire de la société civile". Grod. Bergier. Paris, 1783. *Auguste Schlötzer:* „Algem. Staatsrecht und Verwaltungslehre". Göttingen, 1793.

**) „Die Bürgerliche Gesellschaft". Stutgart u. Tübingen, 1851.

политическаго общества, постараемся установить его отношеніе къ *націи*, *народу* и *обществу*, а также попытаемся классифицировать эти понятія, опираясь на ихъ опредѣленный и признанный уже характеръ, способный заключить ихъ въ единствѣ органически разсматриваемаго *политическаго общества*.

1. Разсматривая различные факторы, опредѣляющіе сущность націи, какъ-то: расу, религію, историческія традиціи, языкъ, мы видимъ, что они имѣютъ нѣчто общее, способствующее концентрировать мало замѣтные признаки извѣстной общественной группы и тѣмъ выдѣлить ее изъ ряда окружающихъ. Взаимное уподобленіе заканчиваетъ процессъ образованія и опредѣляетъ *однородность націи*. Кромѣ того, нація надѣлена чисто-матеріальнымъ базисомъ, объединеннымъ въ понятіи *страна* (pays). Она столь близко связана со страной, что національная земля, въ силу вѣкового приложенія труда націи, какъ бы напитывается ея характеромъ и пріобрѣтаетъ свою собственную физіономію. Группа людей и окружающая ее природа образуютъ органическую единицу, въ которой накопляются результаты опыта и труда поколѣній.

Эту сокровищницу продуктивной жизни мы называемъ культурой.

Подобные элементы, благодаря самому ихъ сходству, подчиняются взаимному притяженію, интегрируются и опредѣляютъ однородность націи, которая такимъ образомъ въ одно и то же время—точка отправленія и результатъ постояннаго процесса интеграціи.

2. *Народъ* даже тогда, когда онъ вполнѣ совпадаетъ съ націей въ территоріальномъ отношеніи, образуетъ различное ей группированіе. Его сущность составляетъ все, что есть *разнороднаго* въ политическомъ обществѣ. Первобытное, историческое образованіе народа слагалась всегда путемъ смѣшенія завоевателей съ завоеванными или порабощенными группами. Первоначальныя родовыя и культурныя различія укрѣплялись неравенствомъ соціальнаго положенія владычествующей группы и подчиненной. Они и дали матеріалъ послѣдующей органической *дифференціаціи*, которая можетъ измѣнять форму и интенсивность проявленія, но продолжается всегда.

Такъ послѣдовательно сложились касты и классы, соотвѣтствуя положенію правящихъ и управляемыхъ. Раздѣляющія ихъ черты имѣютъ основой или глубокую разнородность культуръ, или различіе въ высотѣ развитія и всегда неравенство общественнаго и политическаго могущества.

Народъ—хранитель и собиратель слѣдовъ, оставляемыхъ постоянной дифференціаціей.

У народа нѣтъ тѣхъ органическихъ связей съ своей *страной*, которыя характеризуютъ націю; онъ только владычествуетъ надъ территоріей, распредѣляя ея матеріальные фонды сообразно условіямъ общественнаго строя.

Эти два группированія, характеръ которыхъ мы только-что опредѣли-

ли, указываютъ неорганизованныя и статическія стороны политическаго общества; мы даже можемъ сказать—стороны анатомическія, противополагая ихъ функціональнымъ проявленіямъ. Въ данномъ случаѣ ясно различіе нашей концепціи съ «соціальной анатоміей» соціологовъ - біологовъ, основывающихся на аналогіяхъ чисто-морфологическаго характера.

3. *Общество*—это организованная нація или, что то же самое, вся функціональная жизнь націи. Съ перваго взгляда эти два опредѣленія не совмѣщаются въ одномъ понятіи, но этимъ и объясняется особенная природа соціальныхъ явленій. Въ данной области каждый органъ заключается только въ своихъ функціональныхъ границахъ и не имѣетъ другой формы, какъ опредѣленный порядокъ своихъ дѣйствій. Такъ нѣсколько организацій могутъ существовать не только на одной территоріи, но и въ одной группѣ; отсюда слѣдуетъ, что соціальная функція не дѣятельность какого-нибудь опредѣленнаго органа, но самъ соціальный органъ (функція, организованная въ своихъ движеніяхъ), которая имѣетъ форму только во время дѣятельности.

Организація общества—организація произвольная, свободное объединеніе функцій; основой въ данномъ случаѣ является только сходство однородныхъ элементовъ, которые не требуютъ внѣшней силы для соединенія. Отдѣльныя группированія принимаютъ въ данномъ случаѣ форму произвольныхъ ассоціированій или *ассоціированій на началахъ подобія* *).

Сумма функцій общества представляетъ въ общемъ процессъ постоянной интеграціи.

Итакъ, въ болѣе краткомъ опредѣленіи общество—*система произвольныхъ ассоціированій*, на него и ложится продуктивная работа накопленія матеріальной и не матеріальной культуры всей группы.

Степень развитія произвольной кооперації, организаторская и функціональная интенсивность общества—вотъ что мы назовемъ *его цивилизаціей*.

4. Если мы скажемъ, что государство относится къ народу какъ общество къ націи, то мѣсто государства въ политическомъ обществѣ и его положеніе относительно указанныхъ группированій будетъ для насъ вполнѣ ясно. Государство представляетъ сумму функцій, роль которыхъ состоитъ въ соединеніи элементовъ разнородныхъ и не покорныхъ, въ приведеніи ихъ къ принудительной кооперації и вынужденному равновѣсію. Вотъ въ какомъ смыслѣ государство—организованный народъ или насильно соединенное общество.

Это опредѣленіе принято большинствомъ современныхъ ученыхъ **).

---

*) Слово ассоціированіе (association) взято въ смыслѣ образованія общества, какъ можно сказать, что общество—результатъ ассоціированія. *X. S. Combothegra:* „L'état en tant que société".

**) *G. Waitz*: „Государство—организація народа".—*R. v. Jhering*: „Государство—принудительная общественная организація".—*Gumplowiez*: „Государство—это организованное владычество меньшинства надъ большинствомъ".—*H. Ahrens*: „Государство—только одинъ изъ органовъ великаго общественнаго организма".

Намъ остается еще указать значеніе коллективныхъ психическихъ явленій въ политическомъ обществѣ. Въ этой области современная наука не даетъ намъ признаннаго авторитетнаго рѣшенія вопроса, и мы ограничимся общимъ абрисомъ классификаціи еще гипотетичной, только съ цѣлію выяснить нѣкоторыя отношенія государства въ общей спеціальной жизни.

Политическое общество, этотъ организмъ sui generis, имѣетъ нѣкоторую аналогію съ высшими организмами, особенно наиболѣе сложными въ ихъ внутренней жизни. Но хотя аналогіи и прекрасно иллюстрируютъ выводы, онѣ не могутъ служить посылками, и мы ограничимся указаніемъ, какъ глубоко коллективное самосознаніе проникаетъ въ самые далекіе уголки общественной жизни. Оно выражается то въ индивидуальномъ преслѣдованіи частныхъ интересовъ, которое въ соціальномъ отношеніи принадлежитъ къ разряду явленій автоматическихъ и мало организованныхъ, то въ болѣе или менѣе организованныхъ полусознательныхъ, коллективныхъ проявленіяхъ, то въ общихъ, вполнѣ сознательныхъ дѣйствіяхъ, составляющихъ психическую индивидуальность всей группы. Основные законы этихъ явленій одинаковы; классификація категоріи психическихъ функцій также соотносится съ классификаціей категорій органическихъ функцій.

Такъ положеніе, когда самосознаніе выражается только въ движеніяхъ однородныхъ или разнородныхъ элементовъ, относится къ явленіямъ *аффективнымъ*, когда же оно существуетъ въ силу соотношеній элементовъ, ихъ методическаго систематизированія и взаимнаго соединенія или подчиненія,—къ явленіямъ интеллектуальнымъ.

Въ общественной жизни первыя составляютъ область *нравственныхъ* представленій, вторыя—*правовыхъ* представленій.

1. Какія же психическія явленія способствуютъ внутреннему уподобленію и органическому сходству, опредѣляющимъ однородность націй?

Во-первыхъ, это взаимное *подражаніе* элементовъ, стремленіе чисто-аффективное къ извѣстному порядку, которое заставляетъ существа, имѣющія хотя что-нибудь общее, сдѣлаться еще болѣе сходными. Затѣмъ чувство глубоко общественное, въ одно и то же время причина и дѣйствіе подражанія, которое мы называемъ *симпатіей*, служитъ великою цѣпью, связующею однородныя группы. Симпатія, взятая въ общей суммѣ ея проявленій, называется *патріотизмомъ*. Всякое аффективное проявленіе производитъ чувство удовлетворенія или неудовлетворенія. Пробудить объединяющую симпатію въ группѣ, вызвать аффективную реакцію противъ всякаго общественнаго неудовлетворенія—такова роль вибрирующихъ въ унисонъ чувствованій, такова задача *альтруистической морали*.

Общественное удовлетвореніе—вотъ добро; общественное неудовлетвореніе—вотъ зло.

Если симпатія и подражаніе не могутъ дать нравственности гармоническаго сочетанія чувствъ, то къ нимъ присоединяется свободно принятое чувство *долга*. Аффективныя явленія общественнаго организма, разсматривае-

мыя въ ихъ проявленіи внутренней однородности, составляютъ *естественную нравственность*, проникнутую альтруизмомъ и чувствомъ долга.

2. Физическая прошлая жизнь и разнородность народа производятъ особыя аффективныя явленія, зависящія отъ степени интенсивности несходственныхъ элементовъ. Эмоціональное вліяніе неравныхъ и противоположныхъ группъ одна на другую не будетъ въ данномъ случаѣ взаимнымъ подражаніемъ, какъ бы одностороннимъ *внушеніемъ*: властный авторитетъ съ одной стороны и обезличенное подчиненіе съ другой. Обыкновенно, властвующая группа заставляетъ признавать группы подчиненныя общественную необходимость выгоднаго имъ положенія. На этой основѣ и развилась обязательная нравственность. Ея основнымъ двигателемъ служитъ послушаніе, внушенное въ основныхъ проявленіяхъ и предписанное въ деталяхъ.

Но эта оффиціальная нравственность имѣетъ значеніе только въ ограниченной сферѣ обязательствъ, налагаемыхъ правомъ.

Подобныя обязательства всегда влекутъ за собой борьбу, которая выражается въ присущемъ обществу стремленіи интегрироваться; эта область общественныхъ проявленій называется *политикой*. Политика замыкается въ какомъ-нибудь нравственномъ представленіи отдѣльной группы, которое она хочетъ сдѣлать обязательнымъ.

3. Анализъ интеллектуальныхъ явленій, органическій предшественникъ которыхъ произвольная ассоціація однородныхъ элементовъ, указываетъ намъ на существованіе опредѣленнаго общественнаго соглашенія. Оно выражается въ методической систематизаціи, которая какъ бы сзываетъ всѣ сходственныя явленія, вытекающія изъ конкретныхъ случаевъ, соединяетъ ихъ въ представленія болѣе абстрактныя и болѣе широкія, чтобы перейти къ высшимъ абстракціямъ, обнимающимъ общественное *я*. Этотъ постоянный процессъ интеграціи мысли образуетъ цѣлую серію рефлективныхъ проявленій и слѣдуетъ индуктивному методу.

Интеллектуальный синтезъ однороднаго общества выражается въ принципахъ общественнаго права (droit social), которое управляетъ его обычаями. Въ виду метода образованія общественнаго права оно можетъ быть названо *индуктивнымъ правомъ*.

Общественное право подчиняетъ произвольно, такъ какъ его заключеніе, его волевыя требованія только констатируютъ состояніе общаго умственнаго настроенія.

А естественное право? Нужно ли его навсегда покинуть въ архивахъ идеологіи? Нѣтъ. Разсматриваемое какъ общественное право, свойственное нѣсколькимъ обществамъ, достигшимъ одной и той же ступени цивилизаціи, оно показываетъ всю свою содержательность и получаетъ новыя основанія, вполнѣ позитивныя.

4. Намъ остается разсмотрѣть общую сумму интеллектуальныхъ явленій вмѣстѣ съ органическими функціями государства. Въ данномъ случаѣ психическій матеріалъ, подлежащій систематизаціи, всегда разноро-

денъ и даже часто противорѣчивъ; его методическая классификація, благодаря этому, можетъ развиваться только синтетически, причемъ точкой отправленія берется обобщеніе, обыкновенно *общіе законы* совершеннаго порядка, и изъ нихъ дѣлаются дальнѣйшіе выводы по спеціальнымъ областямъ.

Дедукція здѣсь олицетворяетъ интеллектуальную сторону органической и функціональной дифференціаціи государства. А основныя общія идеи, служащія посылками чисто-юридическаго характера, почерпнуты въ общественномъ правѣ управляющей группы. Онѣ опредѣляютъ *индивидуальность* политическаго общества, въ психологическомъ и общественномъ значеніи этого слова.

Государство находится въ прямомъ, логическомъ и непосредственномъ отношеніи съ народомъ, который оно олицетворяетъ въ единствѣ, организаціи и функціяхъ; съ обществомъ, въ которомъ оно дополняетъ несовершенную, произвольную координацію принудительною кооперацією.

Наконецъ, единство законовъ, управляющихъ общественною жизнью какъ въ ея физическихъ, такъ и психическихъ явленіяхъ, даетъ возможность возбудить старый спорный вопросъ объ «естественномъ» или «искусственномъ» развитіи государства, обращаясь къ выведеннымъ законамъ, какъ къ посреднику.

II.

При пониманіи государства, какъ организаціи народа,— народа, какъ суммы разнородныхъ и часто противоположныхъ группъ,—невольно возбуждается вопросъ о той организаторской силѣ, которая соединяетъ части, всегда проникнутыя различными стремленіями. Очевидно, что только принудительная сила вполнѣ однородной группы могла соединить ихъ вокругъ себя въ государство. «Несомнѣнно,—говоритъ Спенсеръ,—что государство зачато и рождено насиліемъ».

Организующая группа никогда не образуется въ средѣ себѣ подобныхъ, она всегда является извнѣ и овладѣваетъ путемъ нападенія и захвата Слѣдовательно, завоеватели всегда чуждой расы и тѣмъ еще болѣе отличаются отъ побѣжденныхъ группъ.

Мы признаемъ также гипотезу, что первобытныя нашествія производились воинственными ордами, обитавшими высокія равнины и занимавшимися охотой и пастушествомъ, въ силу чего питавшимися мясомъ. Эти народы вѣчно грабили въ своихъ набѣгахъ земледѣльческія мирныя племена, жившія въ долинахъ и питавшіяся растительною пищей. Какъ видите, примитивныя различія расъ были еще ярче.

Отличительный характеръ общественныхъ слоевъ и ихъ взаимное положеніе входятъ въ изученіе народа. Мы знаемъ, что эти общественные слои образуются завоеваніемъ, такъ сказать, второй степени, когда новые завоеватели находятъ группу настолько организованной, что формируются съ

ея правящимъ классомъ въ аристократію. Несмотря на эти усложненія, правящая группа всегда произвольна и представляетъ ассоціацію по подобію. Такъ въ древнихъ гражданскихъ обществахъ, прототипахъ государства, правящая группа выражается истинно политико-религіозною ассоціаціей родоначальниковъ.

Въ Спартѣ между аристократами существовало не только равенство правъ, но послѣ законодательства Ликурга равенство имуществъ и даже имена они носили одинаковыя.

Институты наслѣдственности и ограниченнаго connubium'а (сожительства), также какъ и государственный характеръ классовъ, посвятившихъ себя то богослуженію, то войнѣ и всегда политикѣ, должны были выработать отличительныя родовыя черты.

Все время, пока правящіе сохраняютъ свое равенство и не смѣшиваются съ подчиненными, они формируютъ органъ какъ бы морфологически различный отъ остальной группы; они не смѣшиваются съ управляемыми ни въ одномъ явленіи общественной жизни. «Гражданинъ» никогда не фигурируетъ въ роли «подданнаго».

Послѣдующая эволюція глубоко измѣняетъ анатомо-психическій типъ правящей группы и низводитъ ее до характера только функціональной.

При современномъ режимѣ классовъ, если граждане и обладаютъ нѣкоторою властью въ своей семьѣ, то только въ качествѣ отца семейства, да тою же властью обладаютъ и подданные. Если тѣ и другіе обладаютъ собственностью, въ границахъ все менѣе широкихъ, то въ ихъ владѣніи нѣтъ людей, дающихъ свой трудъ. Наконецъ, участвуя въ управленіи, они выполняютъ только опредѣленныя государственныя должности. Внѣ этихъ должностей члены правящей группы не болѣе какъ подданные, подчиненные государственной власти, какъ и всѣ. Такъ преобразуясь, сохраняетъ ли правящая группа свой характеръ организаціи на основахъ подобія? Это невозможно опредѣлить сразу, необходимо проанализировать, хотя бы въ общихъ чертахъ, конкретныя формы правящихъ организацій и сравнить ихъ съ общими типами произвольныхъ ассоціацій.

Этотъ анализъ позволитъ намъ въ то же время классифицировать различные режимы.

III.

Общая теорія государства уже отмѣтила, что формы правленія не поддаются классификаціи, исходящей изъ индивидуальности политическаго общества. И мы, смотря на государство какъ на совершенно особое единеніе, думаемъ, что формы правленія могутъ быть опредѣлены только по факторамъ, ихъ создавшимъ, руководствуясь основными законами ихъ развитія. Такъ что классификація должна опираться на *режимъ* власти, а не на внѣшніе признаки.

Организація правящей группы, разсматриваемая въ отношеніи структуры, функцій и своей правоспособности, опредѣляетъ государственное

устройство. Постараемся указать, каковы могутъ быть организаціи въ основаніи однородныя и болѣе или менѣе произвольно функціонирующія.

а) Такъ *ассоціація по подобію* существуетъ всегда, когда общая дѣятельность организаціи вполнѣ соотвѣтствуетъ степени однородности, присущей составляющимъ ее элементамъ. Въ подобной однородной группѣ, еще мало опредѣленной, возникаетъ органъ-иниціаторъ, который, вызывая ростъ подобія, усиливаетъ соединеніе стремленій, устанавливаетъ образъ кооперации и дѣлается регулирующимъ органомъ организованной группы. Ассоціаціи по подобію могутъ соединяться между собой и образовывать все болѣе сложныя и широкія группы. Этимъ *федеративнымъ* путемъ можно достигнуть высокой степени сложности, не облекая регулирующій органъ принудительною властью.

b) Всякій разъ, какъ общая цѣль влечетъ въ сферу общихъ дѣйствій соприсутствующіе (concomitants) элементы, но не гармонирующіе между собой, ихъ соединеніе требуетъ вмѣшательства принужденія.

Подобное соединеніе мы назовемъ *ассоціаціей по соприсутствію* (par concomitance). Оно также имѣетъ основаніемъ однородность, но лишено силы притяженія подобныхъ элементовъ, что объясняется или не достаточно заглушенными разнородными стремленіями, или, наприм., неспособностью участниковъ соединиться въ правильную кооперацію безъ вмѣшательства власти, опирающейся въ данномъ случаѣ на общее согласіе, и т. д. Во всѣхъ этихъ случаяхъ организація отводитъ широкую роль регулирующему органу.

Подобная форма принужденія, свободно принятаго, можетъ идти до полнаго подчиненія, но всегда въ границахъ общей цѣли и при согласіи извѣстной части членовъ.

Вотъ двѣ общія формы ассоціаціи на основахъ подобія. Прилагаемыя къ организаціи правящей группы, онѣ характеризуютъ два основныхъ режима, которые она можетъ принимать. Первый режимъ—прямой, соотвѣтствуетъ ассоціаціи по подобію, второй—косвенный или представительный, ассоціаціи по соприсутствію.

Прямой режимъ. Аристократія и демократія.

Мы уже отмѣтили, что правящая группа (явившаяся извнѣ) вначалѣ представляетъ замкнутую организацію, которая, оставаясь изолированной отъ окружающихъ, и образуетъ *аристократію*. Впослѣдствіи аристократія дифференцируется въ федерацію поземельныхъ группъ, проникнутыхъ духомъ равенства, такъ какъ она во всѣ времена была организаціей *демократической* *).

*) Классическимъ примѣромъ аристократіи, организованной демократически, можетъ служить Польская республика, сохранившая свою форму до времени раздѣловъ. Замѣтимъ также, что современныя демократіи, даже наиболѣе развитыя, строго говоря, тѣ же аристократіи, такъ какъ половина общества,—женщины,—лишены всякаго участія въ общественной жизни.

Постепенно барьеры наслѣдственности падаютъ, и правящая группа быстро разливается по новымъ классамъ, пріобрѣтшимъ въ долгіе годы свободнаго ассоціированія способность создать произвольную организацію правленія. Аристократія передаетъ имъ традиціи самоуправленія, республиканскіе и федеральные инстинкты, и планъ учрежденій, организованныхъ на основахъ интеграціи подобныхъ элементовъ.

Аристократія, переходя въ демократію, не измѣняетъ режима, т.-е. сохраняетъ тотъ же типъ организаціи. Первая — мать второй, несмотря на кажущееся противорѣчіе, которое привыкли видѣть въ этихъ двухъ формахъ правленія.

Послѣдовательное превращеніе аристократическихъ учрежденій въ демократическія всегда сопровождается столкновеніями и борьбою, такъ что въ ряду явленій историческихъ они противоположны, но въ ряду соціологическихъ явленій мы разсматриваемъ ихъ въ тождественности ихъ режима *). Ихъ существенныя различія, какъ-то: значительное увеличеніе круга гражданъ и независимость государственнаго управленія отъ какой-либо неподвижной группы, есть только явленіе общаго закона общественнаго прогресса. Общія черты аристократической и демократической организаціи указываютъ намъ на нихъ какъ на чистыя ассоціаціи по подобію.

Переходя къ опредѣленію прямого режима, мы можемъ указать слѣдующіе характерные признаки, независимые отъ количественнаго состава правящей группы и особенностей организаціи различныхъ народовъ:

1. Равенство политической власти гражданъ, т.-е., что въ принципѣ каждый можетъ занимать высшія правительствующія должности.

2. Конфедерація правящихъ автономныхъ группъ, которая превращается въ федерацію по мѣрѣ увеличенія круга общихъ интересовъ и растущей въ то же время солидарности.

3. Непосредственное выраженіе мнѣнія по общественнымъ вопросамъ, когда оно фактически возможно. Отсюда цѣлый рядъ мѣръ, ограничивающихъ всемогущество представителей, когда оно становится неизбѣжнымъ.

4. Федеральный законодательный корпусъ представляетъ синтетическое единство поземельныхъ и мѣстныхъ интересовъ, а не разнообразные корпоративные или классовые интересы.

5. Высшія правительственныя и юридическія должности избирательны, что мѣшаетъ образованію бюрократіи.

Достаточно познакомиться въ общихъ чертахъ съ приведенными признаками, чтобъ убѣдиться, насколько они неразрывно связаны съ представленіемъ объ организаціи однородной и свободно соединенной. Въ подобной организаціи малозначущія неизбѣжныя противорѣчія то удалены въ область автономіи, то добровольно подчинены интересамъ общественности.

---

*) *Albert de Haller*, въ своемъ „Dialogue entre Fabius et Caton“, соединяетъ аристократію и демократію въ одномъ опредѣленіи формы поліархической, находя между ними только количественное различіе.

Нѣкоторые писатели, какъ, напримѣръ, Токвиль *) и Эмиль де-Лавелэ **) указываютъ на тиранію большинства въ демократическихъ организаціяхъ. Очевидно, что это заблужденіе. Признанный фактъ, что при прямомъ режимѣ политическія партіи наиболѣе сходятся въ своихъ стремленіяхъ и что ихъ антагонизмъ наименѣе интенсивенъ. Эта предполагаемая тиранія только произвольное преобладаніе прочно установившихся мнѣній, свойственныхъ группѣ. Да и при принудительномъ режимѣ группы тѣ же мнѣнія подчинили бы противорѣчія, но только путемъ непосредственныхъ репрессалій.

Представительный режимъ. Монархія и парламентъ.

Правящая группа не всегда способна, особенно вначалѣ, проявить вполнѣ произвольно дѣятельность, необходимую для поддержанія внутренняго порядка и огражденія отъ внѣшнихъ опасностей. Она, кромѣ заботъ объ организаціи народа, должна заботиться объ организаціи самой себя; ассоціація по подобію въ данномъ случаѣ уступаетъ мѣсто ассоціаціи по соприсутствію.

Многочисленныя причины могутъ опредѣлить въ самомъ началѣ неудовлетворительность дѣятельности прямого режима. Во-первыхъ, характеръ расы завоевателей, который оказывается или неспособнымъ образовать коллективное правленіе, или отрицающимъ всякую свободную организацію.

Затѣмъ, разнородность расъ въ правящей группѣ, которыя, несмотря на свое объединеніе въ привилегированномъ классѣ, обнаруживаютъ противоположныя стремленія. Подобный составъ группы особенно наблюдался во время великаго переселенія народовъ.

Наконецъ, основною причиной были непрерывныя войны съ сосѣдними народами, а особенно постоянныя стремленія къ нашествіямъ и захвату, которые по своей природѣ требуютъ полнаго объединенія замысла и дѣйствія.

Вѣроятно, эти же причины создали форму, предшествовавшую образованію государствъ, такъ какъ завоеватели уже приносили съ собой строй централизованной военной организаціи, который накладывалъ свой отпечатокъ на слагавшуюся форму правленія.

Итакъ, правящая группа въ древнія времена представляетъ часто разоруженную армію. Сходки этой арміи служатъ первымъ проявленіемъ политической жизни; ея военачальникъ въ то же время король. Во время мира онъ обыкновенно только предсѣдательствуетъ въ собраніи, которое издаетъ законы, судитъ и управляетъ; во время войны его власть увеличивается и дѣлается даже абсолютной.

Разсмотримъ же, каково происхожденіе власти, довѣренной начальнику?

У многихъ народовъ короли вели свое происхожденіе отъ боговъ, тогда ихъ власть была неизбѣжно наслѣдственной и они были *представителями*

*) De la Démocratie en Amérique.

**) Le Gouvernement dans la Démocratie.

народа предъ богами, передъ «этими чуждыми могущественными силами, отношенія съ которыми были какъ бы на договорѣ» *).

У другихъ народовъ въ короли избирались наиболѣе достойные, которые были также представителями культа, но только ихъ власть, какъ у феодальныхъ королей не простиралась далѣе представителей родовъ и племенъ, т.-е. они являлись въ политическомъ отношеніи связующимъ звеномъ разнородныхъ группъ, соединенныхъ общностью цѣлей **). Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ короли были представителями съ коллективными полномочіями.

Общество развивается (эволюціонируетъ), но національный характеръ мало измѣняется, такъ какъ политическіе инстинкты отличаются устойчивостью. Тамъ, гдѣ долгая привычка къ государственной регламентаціи еще болѣе увеличила неспособность къ прямому режиму, система представительства, создавшая монархическую власть, принимаетъ другую форму. Новая форма, обусловленная расширеніемъ правящей группы, удовлетворяетъ нарастающей потребности большого согласія между представителями и представляемыми и выражается въ парламентскомъ режимѣ.

Созываемый для небольшого ряда рѣшеній, парламентъ быстро развертывается и захватываетъ управленіе. И тогда онъ не ограничивается предписаніями, что дѣлать, а предписываетъ какъ дѣлать, т.-е. онъ не ограничиваетъ своей дѣятельности общими интересами страны, а входитъ въ детали мѣстной жизни. Абсолютный парламентаризмъ, какъ и абсолютная монархія, влечетъ государственное управленіе къ регламентаціи и централизаціи. Наконецъ, собраніе представителей пріобрѣтаетъ свою собственную, хотя и коллективную власть. Депутаты теряютъ характеръ простыхъ уполномоченныхъ согражданъ, а дѣлаются ихъ правителями, и парламентъ уже не выражаетъ мнѣніе избирателей, а формируетъ его самъ.

Правящая группа при парламентскомъ режимѣ организуется по типу ассоціаціи, по соприсутствію, въ ея чистой формѣ.

Постараемся теперь опредѣлить основные признаки представительнаго режима:

1. Неравенство политической власти гражданъ, происходящее благодаря особому положенію правительственной іерархіи, созданной путемъ избранія.

2. Централизація правящей группы. Соціально логическимъ предѣламъ представительнаго режима должно быть учрежденіе, охватывающее всю страну.

3. Мнѣнія гражданъ въ общественныхъ вопросахъ оффиціально выражаются косвеннымъ путемъ. Опредѣленныя полномочія (mandats impératifs) въ настоящее время уступили мѣсто понятію о представителяхъ, какъ избранникахъ націи, болѣе способныхъ, чѣмъ народъ, управлять ею.

---

*) H. Brocher de la Flèchère. „Les révolutions du droit“.

**) Fustel de Coulanges. „La cité antique“.

4. Центральный органъ управленія надѣленъ собственною независимою властью. Онъ пытается представить правящую группу вполнѣ объединенной и нераздѣльной, сглаживая мѣстные и автономные интересы законодательствомъ и маскируя то путемъ компромиссовъ, то силой большинства, различія общественныхъ и политическихъ группъ.

5. Правительственныя должности, зависящія отъ высшей власти, чрезвычайно устойчивы и на дѣлѣ даже наслѣдственны. Бюрократія, какъ профессіональная группа, одинъ изъ существенныхъ признаковъ косвеннаго режима.

Можно было бы предположить, a priori, еслибы того же не подтверждали факты, что оба режима, и прямой, и представительный постепенно опредѣляютъ формы государства.

Такъ, во всѣхъ развѣтвленіяхъ индо-европейской семьи, историческая эра аристократій предшествуетъ исторической эрѣ королей;—демократія ищетъ поддержки у представительства,—аристократія комбинируется съ королевскою властью и т. д. Но всегда преобладаетъ какой-нибудь одинъ режимъ, который и опредѣляетъ основной характеръ правящей группы данной страны.

Организація правящей группы, какъ и всякой произвольной ассоціаціи, слагается выдѣленіемъ высшаго органа власти, который и опредѣляетъ режимъ данной группы.

Этотъ органъ можетъ быть простымъ рефлекторомъ свойствъ гражданъ, вѣрнымъ выраженіемъ ихъ способностей къ управленію, формой, болѣе удобной для сложныхъ государственныхъ отправленій. Въ такомъ случаѣ онъ только регулируетъ общественную жизнь, и его власть носитъ чисто-*делегаціонный и ограниченный характеръ*. Или правительственный органъ самъ долженъ создать способности, необходимыя для достиженія намѣченныхъ цѣлей и тѣмъ, такъ сказать, уравновѣсить функціональную неспособность гражданъ. Тогда его дѣятельность становится регламентирующей, а власть обобщенной и конституціонной. Въ первомъ случаѣ центральный органъ—*отвлеченіе* правительственныхъ способностей группы, во второмъ только ихъ *обобщеніе*. Это и есть существенное различіе описанныхъ нами режимовъ.

Организація подданныхъ.

Органы правленія въ ихъ общей сложности, опредѣляя рамки организаціи государства, составляютъ только ея часть. Государственная организація, чтобы достигнуть своихъ цѣлей, должна захватить всю массу подданныхъ.

Никто не можетъ въ виду международнаго порядка избѣжать необходимости быть членомъ какого-нибудь государства. Въ этомъ отношеніи государство, обратно обществу, представляетъ ассоціацію по принужденію.

Его принудительная организація имѣетъ двойную цѣль, которой соотвѣтствуютъ двѣ основныя категоріи функцій:

1. Общество недостаточно объединено съ точки зрѣнія организаціи и недостаточно связано въ своихъ функціяхъ. Въ данномъ случаѣ государство заботится объ удовлетвореніи всѣхъ нуждъ общества, назначаетъ или само предпринимаетъ необходимыя мѣры.

2. Сложная и неограниченная разнородность народа, первоначальныя расовыя различія, классы, инстинкты и противоположныя стремленія постоянно угрожаютъ связи политическаго общества. Здѣсь государство старается поддержать въ равновѣсіи массу народа, не дать разрушиться объединенію.

Что касается функцій государства, поддерживающихъ интеграцію и объединеніе народа, онѣ производятся, съ одной стороны, посредствомъ различныхъ исполнительныхъ организацій, съ другой—посредствомъ общей организаціи подданныхъ. Первыя носятъ частный характеръ и нѣкоторыя между ними — какъ, напримѣръ, армія — собираются принудительными мѣрами; вторая же не можетъ разсматриваться какъ организація народа въ узкомъ значеніи этого слова. Она охватываетъ всѣхъ подданныхъ, налагая на нихъ опредѣленный образъ дѣйствій, извѣстные взносы въ пользу государства, и за это гарантируетъ равновѣсіе установленнаго порядка.

При сближеніи разнородныхъ элементовъ народа и опредѣленіи организованной государствомъ общественной группы, крупную роль играетъ *территорія*. Отсюда ея значеніе въ политическомъ обществѣ *). Полное занятіе территоріи всегда было первымъ шагомъ завоевателей, начинавшихъ складываться въ правильное государство. Это владычество надъ землей—основа владычества надъ людьми. Организація подданныхъ служитъ послѣднею ступенью организаціи государства; какъ и послѣднее, она объединяетъ элементы, чтобъ ихъ дифференцировать въ свою очередь. Масса подданныхъ соединяется въ одно цѣлое, чтобы дать необходимыя матеріальныя средства правительству подъ угрозой принужденія. Затѣмъ отдѣльные государственные органы, дифференцированные съ органической и функціональной стороны, объединяютъ подданныхъ путемъ прямого принужденія. Они формируютъ подданныхъ въ земельныя группы и подчиняютъ ихъ постоянной власти особенно въ тѣхъ отношеніяхъ, гдѣ онѣ наиболѣе несходны и не объединены.

Личность подданныхъ (послѣдняя ступень іерархіи) имѣетъ мало общаго съ индивидуальностью членовъ политическаго общества. Она довольствуется только частью ея индивидуальности, соединяя свою неприкосновенную автономію относительно другихъ съ полною зависимостью отъ государства.

Общественные конфликты.

Въ глубинѣ всѣхъ отношеній разнородныхъ элементовъ скрытъ источникъ конфликта, что даетъ основаніе думать объ естественной неустойчи-

*) *H. S. Maine:* „Institutions primitives“

вости разнородности. Мы и попытаемся опредѣлить это явленіе въ области соціологіи. Понятіе *разнородность* заключаетъ въ себѣ больше чѣмъ простое различіе элементовъ. Не однородный, будучи только отрицаніемъ, тоже не соотвѣтствуетъ объективному общественному явленію. Въ данномъ случаѣ разнородность опредѣляетъ не индиферентные элементы, а элементы, способные служить причиной соціальныхъ процессовъ не только разрушительныхъ, но и созидательныхъ; такъ какъ между противоположными элементами въ соціологіи образуется связь,—*связь по контрасту* *), которая, пользуясь часто принудительными средствами государства, можетъ создать даже *ассоціацію по контрасту*.

Не останавливаясь на разнообразныхъ конфликтахъ во всѣхъ общественныхъ сферахъ, мы только укажемъ на выдѣлившуюся государственную функцію, призванную охранять равновѣсіе политическаго общества въ индивидуальныхъ конфликтахъ. Мы хотимъ сказать о третейскомъ судѣ.

Третейскій судья, представитель двухъ тяжущихся сторонъ, долженъ провести и пограничную линію взаимныхъ уступокъ. Вначалѣ обращеніе къ третейскому суду было произвольно и за исполненіемъ его приговора наблюдали заинтересованныя партіи. Но впослѣдствіи государство, по свойственному ему стремленію къ порядку въ общественной области, превратило третейскій судъ въ правильную государственную функцію, замыкавшуюся въ двухъ моментахъ конфликта —убытка и вознагражденія. Въ первомъ случаѣ государство, дифференцируя свою организацію до отдѣльныхъ индивидуумовъ, точно опредѣляетъ сферу дѣятельности каждаго изъ нихъ, а также и самостоятельность, которую оно гарантируетъ имъ. Такимъ образомъ всякій ущербъ, нанесенный индивидуумомъ другому, вовлекаетъ въ конфликтъ не только ихъ, но и государство.

Во второмъ случаѣ третейскій судъ опредѣляетъ вознагражденіе, равносильное убытку, а исполнительные органы управленія гарантируютъ его полученіе.

Кромѣ правильной организаціи третейскаго суда государство регламентировало конфликты не только частныхъ лицъ между собой, но и конфликты частныхъ лицъ съ общественной властью.

Болѣе общая формула общественныхъ конфликтовъ можетъ быть выражена такъ, что они представляютъ измѣненіе установленнаго или гарантированнаго порядка, т.-е. дезорганизацію, за которой путемъ принужденія слѣдуютъ *мѣры* для возстановленія порядка организаціи.

Мы нашли корни правительственной организаціи въ самомъ обществѣ. Вслѣдствіе этого и государство только отдѣльный органъ политическаго общества, призванный наравнѣ съ другими организаціями произвольно приходить на помощь коллективнымъ потребностямъ. Но въ то же время оно отличается не только значительностью и общностью своихъ функцій, но и своей объединяющей ролью, давшей политическому обществу возмож-

*) *G. Richard:* „L'origine de l'idée de droit".

ность управлять самимъ собой. Въ обществѣ государство нашло основу своего существованія и въ исторической эволюціи — способъ образованія правящей группы, подчиненный постоянному закону интеграціи.

Но интеграція возможна только при однородномъ матеріалѣ; слѣдовательно она неразлучна съ процессомъ внутренняго уподобленія, заключеннаго въ націи.

Національное государство не теоретическая гипотеза, но необходимый результатъ, неизбѣжное эволюціонное слѣдствіе интеграціи.

Правящая группа, какъ произвольная ассоціація, имѣетъ собственную организацію, только косвенно зависящую отъ общей организаціи политическаго общества.

Государственная дѣятельность—это цѣлый рядъ дѣйствій, исходящихъ отъ власти путемъ делегацій, приводящихъ въ движеніе различные органы до ихъ мельчайшихъ развѣтвленій. Послѣднія въ свою очередь передаютъ объединяющую силу элементамъ, лишеннымъ связи. Этотъ функціональный процессъ отъ общаго къ частному и составляетъ субстратъ, такъ сказать—серію физическихъ предшественниковъ соотвѣтственнаго интеллектуальнаго процесса.

Систематизація общественнаго разума, проходящаго путемъ дедукціи, и составляетъ позитивное право. Мы его изолировали отъ дѣятельности государства, какъ изолируютъ субъектъ отъ объекта; но они сливаются въ единствѣ законовъ, управляющихъ общественными явленіями. «Логика,—говоритъ Маркезини,—только ритмъ разумѣнія явленій».

Ф. К.

Полемистъ конца вѣка.

По поводу письма въ редакцію М. Н. Соболева: *Новый видъ научнаго цензора.—Русская Мысль*, 1898 г., № 3.

Г. Соболевъ въ 3 книжкѣ *Русской Мысли* даетъ «вынужденное объясненіе» на мою критику его сочиненія *Русскій Алтай* (*Русская Мысль* 1898 г., кн. I). Не знаю, кто вынудилъ г. Соболева на этотъ поступокъ, а что меня касается, то я не мало удивился появленію этого объясненія, тѣмъ болѣе, что авторъ приложилъ достаточно усердія, чтобы еще лучше обрисовать свои литературные таланты, и такимъ образомъ мои старанія—открыть «новый видъ изслѣдователя» далеко не пропали даромъ.

Какъ и нужно было ожидать, г. Соболевъ остался очень недоволенъ моей «цензурой» и, прежде всего, тѣмъ, что я помѣстилъ статью въ литературномъ журналѣ. Но вѣдь самъ авторъ на 129 стр. «объясненія» называетъ свою статью общедоступнымъ очеркомъ, отчего бы и мнѣ не сдѣлать моей критики также общедоступной для обширнаго круга читателей! Прятаться, кажется, нечего; все, что печатается въ журналахъ, можетъ и обсуждаться; а въ какомъ именно, это дѣло автора. Разборы общедоступныхъ и даже ученыхъ сочиненій помѣщаются даже въ газетахъ, и никто не находитъ этого страннымъ.

Оставшись недовольнымъ, г. Соболевъ изъ всѣхъ силъ старается обѣлить себя передъ читающей публикой, хотя бы на счетъ того, чтобы набросить тѣнь на мою научную подготовку и литературную добросовѣстность. Въ «объясненіи» мы встрѣчаемся съ такими пріемами развязности, которые заслуживаютъ быть отмѣченными въ полемической литературѣ конца вѣка.

Въ письмѣ г. Соболева все разсчитано на то, чтобы забросать читателя литературными справками, наскоро выхваченными, а измѣненіемъ собственнаго и чужого текста, вставкой недостающаго союза, замалчиваніемъ «неподходящихъ» словъ, отвлеченіемъ вниманія читателя въ сторону и подтасовкой цитатъ—произвести минутное впечатлѣніе, а тамъ что будетъ!

Читателю, мало знакомому съ географической литературой и не имѣющему ни времени, ни охоты рыться въ пыльныхъ книгахъ, не всегда

легко составить себѣ ясное представленіе о томъ, кто правъ, и мнѣ приходится взять на себя трудъ охарактеризовать открытый мною «новый видъ» еще съ новой, полемической стороны.

Переходя къ существеннымъ частямъ объясненія г. Соболева, начну съ картъ.

Правъ ли я, упрекая г. Соболева въ незнаніи картъ Алтая на основаніи его же словъ «карта его (южнаго Алтая) не издана?» Отъ этихъ словъ, надѣюсь, г. Соболевъ не откажется.

Я въ своей критической статьѣ (стр. 99) указываю карты полковника Мейена и военно-топографическую, обѣ въ 10 верстномъ масштабѣ. Какъ быть г. Соболеву? Вѣдь онъ сказалъ неправду, и у меня въ рукахъ документъ! Тогда онъ хватается за статью г. Плетнера (*Труды геологической части кабинета Е. В.*, т. I, вып. I), выписываетъ оттуда кое-что для характеристики этихъ картъ, по пути кидаетъ мнѣ обвиненіе, что карты Мейена я и самъ не видалъ (!), и бракуетъ ихъ, потому что большая часть ихъ составлена по съемкамъ 1820—48 годовъ. При этомъ г. Соболевъ выпускаетъ невыгодныя для него слова г. Плетнера (стр. 111): «несмотря на вышеописанные недостатки карта Мейена 1-го имѣетъ серьезное значеніе»... «до сихъ поръ это лучшая карта Алтайскаго округа», и дальше въ сравнительной характеристикѣ карты Мейена и военно-топографической онъ приводитъ слова г. Плетнера, что вторая «ничѣмъ не отличается отъ карты Мейена 1-го», и замалчиваетъ продолженіе фразы: «если не считать большей подробности въ нанесеніи дорогъ».

Итакъ, г. Плетнеръ, приводимый г. Соболевымъ въ свидѣтели, говоритъ, что *карта Алтайскаго округа, и въ томъ числѣ его южной части, издана.*

Кажется ясно, что г. Соболевъ въ *Русскомъ Алтаѣ* говоритъ неправду! Но ему хочется какъ-нибудь затуманить читателя и онъ начинаетъ увѣрять, что и самъ упоминалъ о картахъ Мейена и, кромѣ того, Щуровскаго, Розе и др. Читатель недоумѣваетъ: смѣется что ли Соболевъ надъ нимъ, вѣдь говорилъ же онъ, что карта не издана! Это разъясняется очень просто. Прочтите 51 и 52 стр. *Русскаго Алтая* и вы увидите, что г. Соболевъ упоминалъ о картахъ, но только о *картахъ предгорій*, а карты всего округа, и въ томъ числѣ южнаго Алтая, ему оставались неизвѣстны.

И потомъ еще странное обстоятельство: если статья г. Плетнера была извѣстна г. Соболеву раньше, и оттуда взяты свѣдѣнія о картахъ предгорій, то какъ онъ могъ просмотрѣть описаніе картъ всего округа и почему не помѣстилъ томъ I трудовъ кабинета въ спискѣ литературы; вѣдь «Дамокловъ мечъ» оттуда же, вѣроятно, заимствованъ, а объ источникѣ ни слова! Впрочемъ, г. Соболеву очень хотѣлось опубликовать рукописную карту неизвѣстнаго автора, доставленную Ядринцевымъ. Къ сожалѣнію, авторъ не даетъ рѣшительно никакихъ свѣдѣній о томъ, какъ она составлена,—были ли астрономическіе пункты, или простая глазомѣрная съемка, или, наконецъ, перерисовка какой-нибудь старой карты съ мелкими дополне-

ніями. Ничего, кромѣ голословнаго заявленія, что карта составлена на основаніи новыхъ данныхъ! А между тѣмъ у этой карты есть грѣхи, которыхъ нѣтъ на картѣ Мейена: наприм., истоки р. Кок-су (притокъ Аргута) отнесены къ Бѣлухѣ, тогда какъ они лежатъ тамъ же, гдѣ истоки Черной Берели; Коксинское озеро совсѣмъ не показано; верхніе притоки Катуни—безъ названій, тропы—ни одной! И вотъ г. Соболевъ, имѣя въ рукахъ товаръ сомнительнаго происхожденія и сомнительнаго качества, рѣшается игнорировать работы топографовъ 20—48 годовъ!

Наконецъ, г. Соболевъ посмѣивается надъ моимъ маршрутомъ, приложеннымъ къ дневнику «По Алтаю», произвольно называя его военно-топографической картой въ 40 верстномъ масштабѣ, и прибавляетъ: «Сапожниковъ считаетъ ее достаточной» (стр. 123). Зачѣмъ понадобилось г. Соболеву возводить на меня напраслину? Прочитайте V страницу введенія къ моему дневнику «По Алтаю» и вы увидите, что я пользовался во время путешествія 10 верстной военно-топографической картой, а «прилагаемый мною *набросокъ карты* Алтая (40 в. въ дюймѣ) счерченъ съ имѣющихся картъ»... «я прилагаю его съ исключительной цѣлью—указать маршрутъ и дать возможность легче разобраться въ моемъ пути тому, у кого при чтеніи не окажется подъ руками карты». Какъ видите, я самъ отвожу моему *наброску* очень скромную роль.

Уличая г. Соболева въ незнаніи картъ Алтая, я привожу его же собственныя слова: «озера Телецкое, Тальменье, Язевое, Мультинское, расположенныя на громадной высотѣ и сосредоточенныя около сѣверныхъ отроговъ Бѣлухи», тогда какъ въ указанномъ мѣстѣ не лежитъ ни одно изъ нихъ. Тогда безупречный полемистъ вывертывается тѣмъ, что сваливаетъ всю вину на корректора, нужно читать: «Телецкое, Тальменье, Язевое, Мультинское «и» расположенныя на громадной высотѣ (и) сосредоточенныя около сѣверныхъ отроговъ Бѣлухи».

Хотя литературный оборотъ получается и некрасивый, но это неважно; допустимъ, что корректоръ виноватъ. Но тогда почему же г. Соболевъ, замѣтивъ такую явную нелѣпость въ своихъ словахъ, не позаботился исправить ошибки въ ближайшей книжкѣ журнала? Времени было довольно, вѣдь моя критическая статья появилась черезъ годъ послѣ выхода *Русскаго Алтая!* Это во-первыхъ, а во-вторыхъ я имѣю основанія думать, что это несчастное недостающее «и»—позднѣйшаго происхожденія, и вотъ почему. Какія озера могъ г. Соболевъ *располагать* и *сосредоточивать* у сѣверныхъ отроговъ Бѣлухи? Да только одно Кочурлинское! Второе, находящееся тамъ, Ак-кэмское занесено въ литературу мною только въ 1897 году, а раньше нигдѣ не упоминается (см. Риттер. *Азію*, т. IV, стр. 308), и на картѣ Соболева не нанесено. Кромѣ того, Соболевъ говоритъ на 93 стр. о «прекрасномъ зеленомъ цвѣтѣ» воды этихъ озеръ, и какъ на грѣхъ оба, Кочурлинское и Ак-кэмское, какъ ледниковыя, совершенно грязны; слѣдовательно, эти озера въ счетъ не шли, и написанное относилось къ четыремъ перечисленнымъ,—слѣдовательно...

Спрашивается, получила ли фраза Соболева въ исправленномъ видѣ какой-нибудь смыслъ? Конечно, нѣтъ! Она превратилась въ безсмыслицу.

Г. Соболевъ, хватаясь за послѣднее средство, сошлется еще, пожалуй, на озеро въ верховьѣ Бортулдага, но и это лежитъ такъ далеко отъ Бѣлухи, что, я думаю, и оно поможетъ мало.

Какъ видите, и маленькіе союзы нельзя переставлять по произволу безнаказанно!

Попавъ впросакъ съ описаніемъ общаго вида Катунскихъ и Чуйскихъ бѣлковъ, г. Соболевъ старается оправдаться ссылками на IV томъ Риттер. *Азіи*, но весьма неудачно. О западномъ крылѣ Катунскихъ горъ авторъ *Русскаго Алтая* говоритъ, что оно не представляетъ собой непрерывной *цѣпи*, а разорвано «на нѣсколькой частей». На мое замѣчаніе, что это неправда, г. Соболевъ приводитъ 100 стр. Риттера, гдѣ мы и читаемъ: «оно не представляетъ непрерывнаго *гребня*, но, напротивъ того, состоитъ изъ очень разорванныхъ ущельями, крутыхъ обрывистыхъ вершинъ», а нѣсколько ниже объясняется, что хребетъ мѣстами имѣетъ выемки и вырѣзки. Развѣ это одно и то же? У Риттера говорится, что гребень хребта и его вершины разорваны ущельями, а г. Соболевъ и самую цѣпь разорвалъ на нѣсколько частей! Не правъ ли я былъ, говоря, что Соболевъ дѣлаетъ новыя открытія?

Наконецъ, посмотрите на рельефъ Катунскаго хребта, сдѣланный самимъ Соболевымъ, и найдите въ немъ хоть одинъ разрывъ.

Чуйскій хребетъ г. Соболевъ представляетъ такъ: за Аргутомъ, «*далеко отступая другъ отъ друга, возвышаются отдѣльныя сланцевыя горы*». Я замѣтилъ, что это нелѣпость, потому что за Аргутомъ тянется высокій непрерывный хребетъ съ острыми вершинами. Тогда г. Соболевъ храбро ссылается на Риттера и, ловко отвлекая вниманіе читателя къ Аргутскому прорыву, противъ котораго я не говорилъ ни слова, трактуетъ только объ отдѣльныхъ вершинахъ хребта, а далеко отстоящія горы забыты.

Раскрываемъ 101 стр. Риттера и читаемъ: «за этимъ (Аргутскимъ) прорывомъ Катунскій (Чуйскій?) *хребетъ*, между правымъ берегомъ Аргута и лѣвымъ берегомъ Тополевки, повышается снова выше снѣжной линіи, образуя столь же крутые разорванные, недоступные зубцы и иглы» и т. д. Какъ видите, и здѣсь то же самое: хребетъ съ разорванными зубцами фантастически-чудовищной эрозіей г. Соболева превращается въ отдѣльныя, далеко отстоящія горы! Иначе какъ понять слова г. Соболева, что «время и силы природы *совершенно порвали* тѣ звенья, которыя соединяли ихъ съ общимъ хребтомъ»?

По этому поводу г. Соболевъ на 128 стр. бросаетъ мнѣ ироническую фразу... «смѣю предположить, что ему (т.-е. мнѣ) извѣстно сколько-нибудь то значеніе, какое имѣетъ время въ процессѣ вывѣтриванія, размыва,— вообще эрозіи горъ»... и т. д.

Благодарю хоть за «сколько-нибудь!» А я вотъ смѣю предположить, что г. Соболеву это обстоятельство «нисколько» неизвѣстно, потому что по-

степенное разрушеніе Чуйскаго хребта, имѣющее совершиться черезъ длин ныя тысячелѣтія, по его мнѣнію—уже совершившійся фактъ. Какова эрозія!

Перехожу къ цифрамъ. На 102 стр. моей критической статьи, или научной цензуры—по терминологіи г. Соболева, я обвиняю его въ *неряшливомъ* обращеніи съ цифрами на томъ основаніи, что для абсолютной высоты снѣжной линіи въ Катунскихъ бѣлкахъ авторомъ дается 1,800—2,600 футовъ; эти высоты для Катунскаго хребта я назвалъ подземными. Г. Соболевъ оправдывается тѣмъ (стр. 128), что «здѣсь, очевидно, нужно разумѣть метры»... и нѣсколько ниже сообщаетъ: «я долженъ былъ перевести всѣ высоты, указанныя первоначально въ футахъ, въ метры, но по недосмотру при *нѣкоторыхъ цифрахъ* осталось обозначеніе футовъ». Дальше г. Соболевъ сѣтуетъ на то, что я умалчиваю о другихъ цифровыхъ данныхъ и выхватываю только эти. Вотъ теперь кстати займемся другими цифровыми данными и посмотримъ, сколько этихъ *нѣкоторыхъ цифръ*, гдѣ по недосмотру осталось обозначеніе футовъ. На страницахъ *Русскаго Алтая:* 61, 65, 71, 72, 75, 86, 88, 89, 91, 94 bis, 96, 97, 99, 100 bis, 101 bis, 104, 106, 107 bis, 108, т.-е. на 19 страницахъ въ 23 цифрахъ рѣшительно вездѣ стоятъ футы, а метровъ не видать нигдѣ, кромѣ чертежа рельефа! Что же это такое? Остается впечатлѣніе, что или г. Соболевъ не вѣдалъ, что творилъ, или кто-то другой писалъ за него защиту противъ строгаго цензора и подшутилъ надъ нимъ.

Хорошо, допустимъ, что вездѣ нужно читать—метры, и беремъ на 104 стр. выходъ Катуни на высотѣ 7,860 метровъ! Явная нелѣпость,—значитъ, тутъ настоящіе футы. А вотъ на стр. 94 своего труда, очевидно, настоящіе футы и псевдо-футы г. Соболевъ перепуталъ на протяженіи четырехъ строкъ!

Теперь, кажется, г. Соболевъ не можетъ претендовать на меня, что я выхватилъ только нѣкоторыя цифры и не коснулся другихъ цифровыхъ данныхъ.

Имѣлъ ли я право назвать такое обращеніе съ цифрами *неряшливымъ*, пусть отвѣтитъ г. не цензоръ!

Какъ образецъ «безцеремоннаго» обращенія съ цифрами, я указываю на слова г. Соболева, по которымъ дневная температура достигаетъ и даже превышаетъ 40° (*Русскій Алтай*, стр. 80, 92 и 95), тогда какъ я за два лѣта изъ 500 температурныхъ отмѣтокъ не имѣлъ ни одной выше 34,5° С. Г. Соболевъ возражаетъ, что онъ основывается на имѣющейся литературѣ, но не указываетъ—какой именно, и говоритъ кромѣ того, что «для сужденія о предѣлахъ температурныхъ колебаній требуются многолѣтнія наблюденія». Но вѣдь авторъ трижды упоминаетъ свои 40° безъ всякихъ оговорокъ, какъ общее правило, и притомъ одинъ разъ, замѣтьте, не гдѣ-нибудь въ предгоріяхъ или глубокой долинѣ, а прямо на перевалѣ вблизи снѣговъ (стр. 92)! Хорошо же общее правило, исполненія котораго нужно ждать много лѣтъ. Читая г. Соболева, можно подумать, что онъ другихъ температуръ не признаетъ кромѣ 0° и 40°.

Говоря о рѣзкихъ колебаніяхъ температуры, г. Соболевъ и меня пытается подловить на сопоставленіи моихъ двухъ фразъ: климатъ Алтая считается здоровымъ» и «это (т.-е. пониженіе температуры къ вечеру) послѣ жаркой ванны (въ Рахмановскихъ ключахъ) можетъ скверно отозваться на здоровьѣ». Но вѣдь тутъ есть три слова, не требующихъ никакой перестановки,—«послѣ жаркой ванны» въ 42° С.! Руководствуясь логикой г. Соболева, нужно и горные курорты швейцарскихъ Альпъ, каковы Гриндельвальдъ и Церматтъ, объявить неблагополучными по климату, если тамъ принимать ванны въ 42° С.

Обращаюсь къ вопросу о зоологическихъ данныхъ. Относительно повѣствованій г. Соболева объ изобиліи оленей и большомъ изобиліи лосей (*Русск. Алт.* стр. 98) я замѣтилъ, что дикій олень (маралъ) теперь встрѣчается рѣдко, и то по вершинамъ рѣкъ, а лося большинство охотниковъ центральнаго Алтая и совсѣмъ не знаютъ (стр. 103). Тогда г. Соболевъ въ своемъ объясненіи опирается на Геблера, Никольскаго и Потанина. Но вѣдь Геблеръ путешествовалъ въ началѣ 30-хъ годовъ, и слѣдовательно его свѣдѣнія очень устарѣли, тѣмъ болѣе, что и Алтай тогда былъ заселенъ очень мало. У г. Никольскаго (*Труды С.-Пб. Общ. Естествоисп.*, томъ XIV, стр. 177) читаемъ: «по словамъ уйманцевъ, лоси теперь рѣдко попадаются въ окрестностяхъ ихъ деревни»; это показаніе относится къ 1882 году, а какъ отозвалось быстрое заселеніе Алтая на обиліи звѣрей даже за 13 лѣтъ, это пойметъ всякій. Наконецъ, у Потанина (*Очерки С.-Зап. Монголіи*, томъ IV) на цитируемой Соболевымъ 157 стр. собраны только алтайскія названія лося, и ни слова объ изобиліи или распространеніи. Изъ чего заключаетъ г. Соболевъ, что мнѣ неизвѣстно сибирское названіе лосей—«сохатый», рѣшать не берусь; да эта наивная вылазка меня мало безпокоитъ.

Желая доказать во что бы то ни стало изобиліе дикихъ оленей (мараловъ), г. Соболевъ ссылается на г. Никольскаго, по словамъ котораго будто бы «около Чернаго Ануя убиваютъ дикихъ оленей по 80 головъ на ружье». Но зачѣмъ же клеветать на г. Никольскаго? Никогда онъ этого не говорилъ! На 178 стр. статьи г. Никольскаго читаемъ: «маралъ изъ сѣверной части оттѣсняется въ центральный Алтай»... и дальше: «изрѣдка попадается въ окрестныхъ горахъ Абая и близъ Уймана маралъ, теперь очень обыкновенный звѣрь». Это было въ 1882 году, а теперь этотъ звѣрь и около Уймана сталъ рѣдокъ, потому что отчасти выловленъ и выбитъ, отчасти ушелъ глубже въ горы. Вѣроятно, это подтверждаетъ и новѣйшій изслѣдователь г. Силантьевъ, изучавшій мараловодство въ Алтаѣ въ 1897 году; книги его мнѣ видѣть еще не удалось.

Откуда же все-таки взялись у г. Соболева «80 головъ дикихъ оленей на ружье?» Откройте 182 страницу труда г. Никольскаго и подъ «№ 45 Cervus pygargus Pall. мѣстное названіе—козелъ» вы читаете: «крестьяне Чернаго Ануя убиваютъ въ зиму по 80 головъ на ружье»... Какъ видите,

обиліе дикихъ оленей доказывается козлами! Это что же? Опять виноватъ корректоръ? Здѣсь, я думаю, ужъ никакой союзъ не вывезетъ.

Относительно названій тетерева и косача я распространяться не буду, а скажу только, что въ капитальномъ трудѣ пр. Мензбира на 512 стр. I тома упоминается Lagopus albus, а не altaicus)—куропатка бѣлая, мѣстное названіе бѣлый тетеревъ; приставка *бѣлый* или *черный* настолько существенна, что нельзя вполнѣ извинить ея пропускъ въ общедоступномъ очеркѣ.

Чтобы покончить съ зоологіей, слѣдуетъ упомянуть объ упрекѣ г. Соболева по моему адресу за то, что я позволилъ себѣ въ моемъ дневникѣ *По Алтаю* иногда упоминать о звѣркахъ, птичкахъ и жукахъ, не называя ихъ настоящимъ именемъ. Въ этомъ онъ видитъ мою неподготовленность, какъ профессора-натуралиста. Что дѣлать, нужно сознаться, что въ зоологіи я не спеціалистъ, и не желая пускать дыму въ глаза читателю, говорю: какой-то звѣрь, какой-то жукъ,—для зоолога уже одно мѣстообитаніе можетъ имѣть нѣкоторое значеніе,—но за то я совершенно спокоенъ въ томъ отношеніи, что ни одной птицы не назвалъ звѣремъ, какъ это дѣлаетъ г. Соболевъ въ своемъ стремленіи обнаружить обширную эрудицію.

Такъ на 66 стр. *Русскаго Алтая* читаемъ: среди щебня «живутъ суслики, бурундуки и каменки (Saxicola Salt.). На пыльной дорогѣ, по низкой травѣ *эти звѣри* снуютъ, рѣзвятся, прыгаютъ». Эти звѣри! Но вѣдь каменка-то—птица! На 190 стр. статьи Никольскаго подъ № 43 Saxicola стоитъ: «очень обыкновенная птица»; а если эта цитата г. Соболева не убѣждаетъ, то я сошлюсь еще на 1,022 стр. II тома Мензбира. А потомъ зоологамъ очень интересно будетъ узнать, что бурундуки снуютъ на пыльной дорогѣ степной мѣстности. Какова эрудиція!

Довольно о зоологіи, перехожу къ растительности и считаю нужнымъ прибавить, что подъ растительностью я разумѣю не одни деревья, но и травы. Читателю эта оговорка покажется странной, а мнѣ она необходима,—вѣдь вознегодовалъ же на меня г. Соболевъ за то, что я отмѣтилъ его слова: кедръ—«послѣдняя растительность на снѣжныхъ высотахъ» и упрекнулъ г. Соболева за то, что онъ просмотрѣлъ «альпійскіе луга». Однако, на 125 стр. г. Соболевъ стоитъ на своемъ и увѣряетъ, что «кедры подымаются мѣстами до снѣжныхъ высотъ; этотъ фактъ подверждается многими изслѣдователями Алтая (не цитируются!), а въ томъ числѣ и самимъ г. Сапожниковымъ (*По Алтаю*, стр. 23)». Но вѣдь это—опять клевета! Тѣ же 80 головъ дикихъ оленей! Перечитайте 22, 23 и 24 страницы моего сочиненія; здѣсь я говорю о границѣ лѣса, который выше смѣняется кустарниками и альпійскими лугами, и ни однимъ словомъ не подтверждаю навязываемой мнѣ нелѣпости. Подъ «снѣжными высотами» нужно, конечно, разумѣть «снѣжную линію», потому что отдѣльныя кучи снѣга, оставшіяся отъ зимы въ затѣненныхъ мѣстахъ, могутъ попадаться очень низко и подъ опредѣленіе снѣжныхъ высотъ никакъ не подойдутъ. Впрочемъ, г. Соболевъ

самъ помогаетъ намъ и садитъ кедры прямо въ вѣчные снѣга, и вѣдь растутъ! На 91 стр. *Русскаго Алтая* верхній уровень снѣжной линіи опредѣляется въ 2,600 футовъ (читай метровъ), а на 96 стр. кедры поднимаются до 2,900 футовъ (конечно, метровъ), т.-е. лѣсъ на 300 метровъ высоты заходитъ въ снѣга! Могу смѣло увѣрить, что эти кедры растутъ только на страницахъ *Русскаго Алтая*.

Г. Соболевъ все-таки увѣряетъ, что онъ альпійскихъ луговъ не просмотрѣлъ и ссылается на стр. 91, 96 и друг. своего сочиненія. Правда, здѣсь кое-что говорится о горныхъ лугахъ, но нигдѣ не выражено ясно, что они широкою полосой раскинулись между границей лѣса и снѣгами, подходя къ послѣднимъ только отдѣльными растеніями, укрѣпившимися въ трещинахъ скалъ. На 126 стр. «объясненія» г. Соболевъ прибавляетъ: «Г. профессоръ ботаники (это — я), конечно, могъ бы по этому описанію узнать альпійскій лугъ, но онъ не замѣчаетъ этого мѣста» и т. д. О, конечно! Въ *Русскомъ Алтаѣ* и его послѣсловіи я узнаю очень многое, даже больше, чѣмъ тамъ написано; но дѣло въ томъ, что этотъ общедоступный очеркъ написанъ не для меня и, надѣюсь, не для профессоровъ ботаники, а для читающей публики, которая вовсе не обязана разбираться въ той путаницѣ представленій и описаній, которыя неряшливо вываливаетъ передъ ней г. Соболевъ. Что касается до «игры» ледниковъ, то я могу только поздравить геологовъ съ новымъ терминомъ, а переходить Катунь пѣшкомъ, хотя бы утромъ, предоставляю самому г. Соболеву, и еще прибавлю, что объ очищеніи воды ледниковыхъ потоковъ на десятой верстѣ отъ истока Соболевъ все-таки сказалъ неправду.

Съ фантастическимъ сѣрнистымъ газомъ Рахмановскихъ ключей г. Соболевъ поступаетъ до того неловко, что не хочется вѣрить, что слушаешь химика (см. 127 стр. объясненія). На 108 стр. *Русскаго Алтая* написано: «Изъ прозрачной воды обильно выдѣляются пузырьки углекислаго и сѣрнистаго газа», а ниже: «послѣ купанья все тѣло пахнетъ сѣрнистымъ газомъ». Я въ критической статьѣ посмѣялся надъ этою выдумкой. Тогда химикъ Соболевъ, желая отвлечь вниманіе читателя, дѣлаетъ выписки изъ Менделѣева объ образованіи сѣрно-кислыхъ солей изъ сѣрнистаго газа и, упомянувъ о землетрясеніяхъ въ этой мѣстности, превращаетъ категорическое заявленіе въ *вѣроятную догадку*. Но зачѣмъ тутъ сѣрнокислыя соли? Вѣдь, надѣюсь, та часть сѣрнистаго газа, которая идетъ на образованіе солей, не будетъ обильно выдѣляться пузырьками! А Соболеву нужно доказать именно обильное выдѣленіе пузырьковъ; но г. Соболевъ и не считаетъ нужнымъ доказывать свою догадку, а предлагаетъ намъ, сомнѣвающимся, дѣлать анализы и опровергать его! Недурно придумано. А сколько такихъ догадокъ можно придумать? Вотъ, наприм., въ озерѣ рыба не водится,—значитъ, вода содержитъ мышьяковистыя или синеродистыя соединенія. Не вѣрите,—не угодно ли дѣлать анализы и доказывать противное, а я не обязанъ. Вотъ аргументація г. Соболева. Неужели въ своихъ химическихъ изслѣдованіяхъ химикъ Соболевъ руководствуется тѣми же

принципами вѣроятныхъ догадокъ, облекая ихъ въ категорическую форму? А потомъ развѣ для распознаванія сѣрнистаго газа, да еще при обильномъ выдѣленіи его, нужно дѣлать анализы, а не достаточно запаха? Вѣдь послѣ купанья г. Соболевъ слышалъ же отъ всего тѣла запахъ сѣрнистаго газа, и какъ только онъ не задохнулся въ ваннѣ?

Что этотъ сѣрнистый газъ—выдумка г. Соболева, мнѣ могутъ не повѣрить, тогда я обращаюсь къ 106 стр. IV тома Риттер. *Азіи* и читаю: вода Рахмановскихъ ключей «прозрачна и не имѣетъ ни вкуса, ни запаха», а дальше: «восходящій газъ есть исключительно углекислота».

Правъ ли я былъ, говоря о сообщеніи Соболева, что это ни на что не похоже?

Въ концѣ «вынужденнаго объясненія» г. Соболевъ оказываетъ исключительное вниманіе моимъ алтайскимъ изслѣдованіямъ и старательно изыскиваетъ въ нихъ недостатки (стр. 129). Прежде всего онъ возбуждаетъ сомнѣніе въ вѣрности моихъ опредѣленій высоты Бѣлухи, сдѣланныхъ въ 1897 г. Во-первыхъ, г. Соболевъ не имѣлъ права обсуждать моей цифры, пока не опубликованъ мой трудъ о путешествіи 1897 года, гдѣ будутъ подробно изложены методы опредѣленія. Съ моею цифрой онъ могъ только познакомиться по моимъ устнымъ докладамъ въ засѣданіи Географическаго Общества въ Петербургѣ или Общества любителей естествознанія въ Москвѣ, или, наконецъ, по газетнымъ отчетамъ о засѣданіяхъ, гдѣ прямо приводится голая цифра безъ всякихъ объясненій. Но это еще не важно, и я отъ своей цифры не отказываюсь.

Во-вторыхъ, г. Соболевъ, узнавъ, что я даю для высоты Бѣлухи 4,500 метровъ вмѣсто прежнихъ 3,350 метровъ, говоритъ, что «такая крупная ошибка всѣхъ прежнихъ изслѣдователей представляется мало вѣроятной». Всѣхъ прежнихъ изслѣдователей! А сколько ихъ всѣхъ знаетъ г. Соболевъ? Я знаю только одного—Геблера и никакихъ слѣдовъ о другихъ измѣреніяхъ высоты Бѣлухи не нашелъ и думаю, что ихъ не было; не даромъ въ *Трудахъ Кабинета* на 140 стр. противъ Бѣлухи стоитъ одно имя Геблера. Но посмотримъ, какъ самъ Геблеръ относился къ данной имъ величинѣ. На 14 стр. его труда (Uebersicht des Katunischen Gebietes, 1837) мы читаемъ, что дурная погода помѣшала ему повторить измѣреніе угла и установить второй базисъ, такъ что онъ самъ не даетъ большой вѣры точности своего измѣренія (So darf ich ihr keinen grossen Glauben schenken). Перечитывая же его краткое описаніе измѣренія, я прихожу къ убѣжденію, что даже при его данныхъ абсолютная высота должна быть вычислена больше 11,000 фут. (3,350 метр.), и тогда разница между нашими цифрами уменьшится.

И, наконецъ, въ-третьихъ, изыскивая средства, какъ бы скомпрометтировать результатъ, который я ставлю себѣ въ нѣкоторую заслугу, г. Соболевъ пускается на такой маневръ. Онъ находитъ въ дневникѣ 1895 года барометрическія измѣренія на Берельскомъ ледникѣ, сдѣланныя передъ грозой и во время грозы, *что я дважды оговариваю на 103 стр. днев-*

ника, и сомнѣвается въ точности всѣхъ вообще моихъ барометрическихъ наблюденій. Сколько наблюденій и при какой погодѣ мною сдѣлано въ 1897 году для опредѣленія высоты базы, съ которой я опредѣлялъ уголъ возвышенія Бѣлухи, г. Соболевъ не знаетъ и знать не можетъ, потому что трудъ не опубликованъ. Но для г. Соболева это все равно, только бы навязать ошибки своему противнику въ его работахъ не только въ прошедшихъ, но и будущихъ. Г. Соболевъ сомнѣвается въ вѣрности вычисленія высотъ по моимъ барометрическимъ даннымъ, это меня также очень мало безпокоитъ, и я сошлюсь на предисловіе къ моему дневнику *По Алтаю* и особенно на авторитетъ Г. К. Тюменцева, завѣдующаго томскою метеорологическою станціей.

Г. Соболеву кажется, что онъ меня ловитъ на томъ, что въ текстѣ я даю общую длину Катунскаго ледника въ 11 верстъ, а по плану выходитъ $6^1/_2$, что въ стремленіи увеличить длину ледника я прибавляю къ главному теченію длину его притоковъ; но на 94 и 95 стр. моего дневника, кажется, ясно сказано: «принимая главное теченіе по Восточному потоку, мы получаемъ длину его до истока Катуни—въ 7 вер.; прибавляя сюда 2 версты Западнаго потока и не меньше 2 верстъ боковыхъ потоковъ, мы имѣемъ общую длину Катунскаго ледника не менѣе 11 в.». Еслибъ я этого не оговорилъ, другое дѣло, но съ цитированною оговоркой я могу трактовать объ общей длинѣ ледника, какъ говорятъ объ общей длинѣ всѣхъ улицъ города или всѣхъ линій желѣзныхъ дорогъ. Что же касается того, къ какому разряду причислить Катунскій ледникъ, мнѣ остается отослать г. Соболева къ геологіи Мушкетова или къ сочиненію Heim'a: Gletscherkunde.

Наконецъ, относительно точности названія племени побережныхъ жителей Телецкаго озера, будутъ ли это теленгиты, или черневые татары, я, какъ не этнографъ, особенно настаивать не буду, а скажу только, что и спеціалисты въ различеніи алтайскихъ племенъ еще недостаточно тверды.

Я кончилъ и, кажется, не оставилъ безъ вниманія ни одного пункта «вынужденнаго объясненія» г. Соболева. Подведу итоги.

Приходится ли намъ измѣнить мнѣніе объ очеркѣ г. Соболева *Русскій Алтай*? Нимало. Изъ предыдущаго разсмотрѣнія вытекаетъ, что г. Соболевъ картъ Алтайскаго округа не зналъ и потому озера располагалъ и сосредоточивалъ невѣрно, о Катунскомъ хребтѣ далъ представленіе ложное, о Чуйскихъ горахъ сообщалъ нелѣпости, съ цифрами высотъ и температуръ обращался неряшливо, въ фаунѣ Алтая многое преувеличилъ, лѣсную растительность загналъ въ снѣга, сѣрнистый газъ выдумалъ и въ пылу полемики и желанія оправдаться на г. Никольскаго и на меня наклеветалъ.

Остаются голословныя обвиненія меня въ пристрастіи, придирчивости, неподготовленности и т. п.; все это я оставляю на совѣсти г. Соболева.

Впрочемъ, я не коснулся еще совѣта г. Соболева по моему адресу—еще поучиться и не писать критическихъ статей на общедоступные очер-

ки. Первое я всегда выслушиваю внимательно, вспоминая изреченіе народной мудрости «вѣкъ живи — вѣкъ учись»; что же касается до второй половины совѣта—не писать критики—это другое дѣло! Я хорошо понимаю побужденія, которыя руководятъ совѣтчикомъ въ его неблагосклонномъ отношеніи къ строгой научной цензурѣ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ бы хорошо было, еслибы изъять изъ употребленія эти «нежелательные виды цензоровъ»; сочиняй тогда все, что хочешь; пиши, что въ голову взбредетъ; и все—ничего, все съ рукъ сойдетъ! Славное было бы времечко для сочинителей! Но нужно же сколько-нибудь подумать о томъ, въ какую миѳологію превратилась бы очень скоро наша популярная литература; нужно подумать и о тѣхъ, кому будетъ подноситься эта развязная популяризація, и сколько усилій понадобилось бы потомъ, чтобъ очистить литературу отъ того, что еще Бѣлинскій называлъ болѣзненными наростами. Ошибки никому не чужды, но все же онѣ не должны выходить изъ предѣловъ приличія, а насколько упорное отстаиваніе ошибокъ вопреки очевидности и документамъ согласуется съ принциномъ литературной добросовѣстности, это понимаетъ всякій.

Въ виду этого, не считая себя вправѣ давать г. Соболеву какіенибудь совѣты, я позволю себѣ вторую половину его собственнаго совѣта вернуть ему назадъ.

Въ заключеніе считаю своимъ долгомъ заявить, что, введенный въ заблужденіе № 286 *Русскихъ Вѣдомостей*, гдѣ сообщается о присужденіи медали г. Соболеву «За путешествіе на Алтай» Московскимъ Обществомъ любителей естествознанія, я сдѣлалъ несправедливый, хотя и и косвенный, упрекъ Обществу; но изъ разъясненія г. Соболева, которому я охотно вѣрю, вытекаетъ, что медаль присуждена не за очеркъ, и слѣдовательно не за путешествіе вообще, а лишь «за содѣйствіе и доставленныя коллекціи»; въ виду этого по упомянутому пункту я охотно беру свои слова назадъ, приношу Обществу свое извиненіе и не могу не порадоваться, что почтенное Общество не было введено въ заблужденіе неряшливымъ очеркомъ г. Соболева и осталось на высотѣ своего положенія.

В. Сапожниковъ.

Философія одной дворянской семьи.

(По поводу столѣтняго юбилея гр. Джіакомо Леопарди 29 іюня 1898 г.)

„I nobili sono il corpo morto della societa". *Leopardi.*

I.

Тяжелое время переживала Италія въ началѣ нашего столѣтія. И было это время не политическою исторіей, а мучительною агоніей.

Проданная Наполеономъ въ мирѣ при Campo Formio австрійцамъ, Италія умирала, корчась отъ боли въ желѣзныхъ тискахъ иноземнаго гнета. И вотъ незамѣтно вся страна покрылась безконечною паутиной тайныхъ обществъ. Лучшіе ея сыны вступили въ ряды подпольной арміи карбонаріевъ. Даже въ роскошномъ венеціанскомъ палаццо лорда Байрона, гдѣ слышались обыкновенно безумные крики одалисокъ и праздновались безпутныя оргіи, теперь происходили ночною порой, при свѣтѣ факеловъ, таинственныя совѣщанія. На улицахъ и площадяхъ раздавались революціонныя пѣсенки Россетти. Въ театрахъ публика заливалась горячими слезами каждый разъ, когда герой трагедіи Сильвіо Пеллико «Франческа» клеймилъ жгучимъ стихомъ безхарактерность и продажность итальянцевъ. А изъ сумрака исторической дали вырисовывался все яснѣе и яснѣе могучій образъ незабвеннаго поэта, въ новомъ, фантастическомъ костюмѣ заговорщика-карбонарія, съ шифрованною рѣчью, непонятной для непосвященныхъ пѣснью, скрывавшей подъ любовными символами политическія тайны,—выступала полуосвѣщенная фигура изгнанника Данте. Всюду въ Италіи готовились втайнѣ возстанія.

И вотъ въ эту тревожную, смутную эпоху неурядицы, порабощенія и лихорадочнаго ожиданія, въ 1818 г. послышался вдругъ изъ провинціальной глуши скорбный, гнѣвный голосъ безвѣстнаго юноши, призывавшаго итальянцевъ къ мести, къ подвигу, къ освобожденію. И этотъ голосъ говорилъ:

«О бѣдная моя красавица, Италія! Позорныя цѣпи сковали твои бѣлыя руки. Развѣваются по вѣтру твои распущенные волосы и нѣтъ покры-

вала на твоей груди. Одна, забытая, безутѣшная, сидишь ты и прячешь отъ всѣхъ свое грустное лицо. Да, плачь, плачь, моя Италія! Ничтожная, жалкая раба! Скажи мнѣ, кто сорвалъ дерзкою рукой діадему съ твоей головы? Кто повергъ тебя въ такую бездну позора?

И неужели никто не обнажитъ въ твою защиту меча? Никто не встанетъ за тебя могучею стѣной? О, такъ дайте мнѣ оружіе! Одинъ пойду я въ смертный бой и лягу одинъ костьми за любимую отчизну. И пусть моя кровь зажжетъ огонь отваги въ сынахъ Италіи» *)!

И скорбный похоронный плачъ, переходившій незамѣтно въ тревожный гулъ набата, разносился мощною волной надъ порабощенною страной и прислушивались къ нему съ нескрываемымъ трепетомъ сѣдые, какъ лунь, старики и готовая на жертвы горячая молодежь.

И хоть тяжела была современная дѣйствительность, молодой патріотъ не терялъ надежды на спасеніе родины. Онъ крѣпко вѣрилъ, что если возвысятся итальянскія женщины до міровоззрѣнія римскихъ матронъ и если юношество пройдетъ суровую спартанскую школу, тогда непремѣнно поднимется, какъ одинъ человѣкъ, весь угнетенный, опозоренный народъ, разобьетъ онъ свои рабскія цѣпи, растерзаетъ, какъ разъярившійся левъ, своихъ мучителей и вновь надъ мертвою страной взойдетъ, какъ въ былое время, заря свободы и счастья **).

И имя молодого аристократа, *графа Джіакомо Леопарди*, сразу засіяло извѣстностью. Пьетро Джіордани, опальный профессоръ и разстриженный монахъ, литераторъ-памфлетистъ, поспѣшилъ провозгласить скромнаго провинціала, который до тѣхъ поръ былъ весь поглощенъ учеными филологическими работами, тѣмъ «scrittore perfetto», тѣмъ «великимъ писателемъ», который положитъ своею литературною дѣятельностью начало политическому обновленію Италіи. И чудилось многимъ, что въ лицѣ патріота-филолога воскресаетъ къ новой, плодотворной жизни старый національный поэтъ Данте-Алигьери.

Но итальянцы обманулись ***).

Въ 1821 году вспыхнула въ Неаполѣ революція. Искра была скоро потушена.

И тогда графъ Леопарди, восклицавшій нѣкогда: «куйте мнѣ оружіе, я одинъ умру за родину», писавшій, что его первою любовью является красавица Италія, графъ Леопарди отрекся отъ нея, какъ блудный сынъ, какъ избалованное дитя; поставилъ надгробный крестъ надъ отчизной, трепетавшей въ предсмертныхъ судорогахъ, и больше о ней не вспоминалъ. Словно добрая фея перенесла поэта на коврѣ-самолетѣ въ то сказочное, птичье царство, о которомъ грезилъ древне-греческій комикъ. И въ этомъ мрачномъ молчаніи слышались явственно дантовскія слова «Ma

*) „All' Italia".

**) „Nelle nozze della sorella Paolina" и „A un vincitore nel pallone".

***) См. Epitolario, ed. Viani. Т. III. Письма Джіордани отъ 24 іюля и 21 сентября 1818 г.

guarda e passa» *), слова, кипѣвшія безповоротнымъ приговоромъ. Да, графъ Леопарди не пошелъ въ изгнаніе, какъ Габріэль Россетти, мыкать свое горе въ туманной мглѣ лондонскаго city и не отправился въ тюрьму, какъ Сильвіо Пеллико, добрый страдалецъ за страдалицу-родину. Леопарди предпочелъ провозгласить идею отчизны—*пустымъ фантомомъ*. Мало того: вмѣсто гимновъ борьбы и труда онъ подарилъ Италіи только философію, мучительную, какъ неизлѣчимая болѣзнь, и безысходную, какъ предсмертная агонія, философію, заклеймившую жизнь эпитетомъ безсмысленнаго призрака, украсившую смерть поэзіей и цвѣтами. И если даже эта нирванистическая мудрость была единственной, которую тогда могла произвести изъ своихъ истощенныхъ нѣдръ умиравшая страна, то тѣ изъ современниковъ, которые не могли подняться на недосягаемыя высоты этой философіи, такъ какъ слишкомъ глубоко скорбѣли о гибели родины, имѣли полное право бросить въ лицо провинціальному аристократу негодующее обвиненіе: «Въ наше время гнусно щеголять такъ своимъ отчаяніемъ, какъ вы это дѣлаете, и позорно внушать людямъ мысль о необходимости страданія, о тщетѣ всего сущаго и о пошлой ничтожности человѣческаго рода, потому что подобная философія только убьетъ ихъ мужество и лишитъ ихъ чувства собственнаго достоинства, а безъ нихъ развѣ возможна *честная, полезная* и *славная дѣятельность*» **)?

И многосложная, *не умирающая* жизнь никакъ *не хотѣла замереть* на прокрустовомъ ложѣ мрачной философіи отрекшагося отъ родины дворянина. Уже лелѣялъ въ своемъ воображеніи Джіузеппе Маццини идею «молодой» или «демократической» Италіи и уже готовился онъ провести въ жизнь свою незатѣйливую философію, затихавшую не скорбнымъ аккордомъ *«умремъ»*, а *дышавшую радостнымъ призывомъ*. *«Будемъ мыслить, чтобы дѣйствовать!»* (Pensare coperare).

II.

Теперь, когда весь образованный міръ собирается праздновать столѣтній юбилей графа Джіакомо Леопарди, невольно вспоминается его сумрачная теорія infelicità.

Надъ всею вселенной, окутанной непроницаемою тайной, царитъ одинъ неутомимый и непостижимый законъ, законъ всеобщаго страданія. Arcano è tutto fuorchè il dolor ***).

Природа, создавшая человѣка, вовсе не его любящая мать, а злая мачиха. Она преслѣдуетъ его холодомъ и жарой, ураганами и изверже-

---

*) Взгляни и пройди мимо.

**) Dialogo di Timandro e di Eleandro.

***) Леопарди не объясняетъ этого закона съ метафизической точки зрѣнія. Вообще у него нѣтъ метафизики: см. „Frammento apocrifo di Stratone di Lampsaco". „Dialogo di Timandro e di Eleandro!" см. также статью Krantz'а въ *Revue Philosophique*.

піями, землетрясеніями и наводненіями. Она палачъ своихъ собственныхъ дѣтей. Она подобна хозяйкѣ, созвавшей полный домъ гостей и не подумавшей о ихъ комфортѣ. Она помѣстила ихъ въ грязныхъ комнатахъ, кормитъ ихъ чѣмъ попало и позволяетъ къ тому же дѣтямъ и прислугѣ оскорблять ихъ, поносить и даже бить нещадно. А когда обманутые гости досадуютъ и жалуются, хозяйка возражаетъ имъ преспокойно: «Да развѣ я для васъ построила эту виллу? Развѣ мои дѣти и моя прислуга должны непремѣнно за вами ухаживать? Повѣрьте, у меня есть много другихъ заботъ, какъ только думать о вашемъ покоѣ и о вашемъ развлеченіи?» Такъ жестоко относится природа къ человѣку, который пришелъ въ ея «виллу» по ея же могучему зову. Она не заботится о благѣ своихъ твореній и важенъ для нея только самый фактъ ихъ существованія. Она поддерживаетъ жизнь однихъ—смертью другихъ и превратила механизмъ вселенной въ безконечный кругъ возникновенія и разрушенія, которыя немыслимы другъ *безъ* друга и поддерживаютъ только въ своей совокупности міровое бытіе. Вотъ почему нѣтъ ни единой вещи, которая была бы изъята изъ-подъ закона всеобщаго страданія *). Вотъ почему и само существованіе, какъ таковое, не имѣетъ для человѣка рѣшительно никакой цѣнности. Иначе невозможно будетъ объяснить такъ часто повторяющихся случаевъ самоубійства. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что жизнь служитъ человѣку только средствомъ для достиженія одной завѣтной мысли, т.-е. счастія **)! Но въ томъ-то и состоитъ глубокій трагизмъ нашего существованія, что наслажденіе, ради котораго мы живемъ, не есть нѣчто реальное, а только пустой призракъ. Развѣ вы не замѣчали, что во время наслажденія, страстно желаннаго и достигнутаго цѣною тяжкихъ лишеній и трудовъ, вы никогда не удовлетворяетесь тѣмъ, что испытываете въ данную минуту, а всегда ожидаете чего-то высшаго, лучшаго, что включило бы въ себѣ всю полноту счастія. Вы спѣшите предвосхитить будущія мгновенія наслажденія, а оно само тѣмъ временемъ изсякаетъ и испаряется. Такъ остаются вамъ только: слѣпая надежда насладиться полнѣе въ слѣдующій разъ и пустое утѣшеніе увѣрять себя и другихъ, что вы дѣйствительно наслаждались. Словомъ, счастіе возможно только въ прошедшемъ или будущемъ, только въ воспоминаніяхъ или въ мечтахъ, но не осуществимо въ настоящемъ или въ реальности. Вообще наслажденіе *не есть фактъ, а только желаніе, не опытъ, а чувство, порожденное мыслью*, или даже *не чувство, а понятіе, не есть нѣчто реальное, а только умозрительное* ***)! Поэтому все, что украшаетъ жизнь, возвышаетъ ея цѣну, придаетъ ей смыслъ; все то, что люди привыкли считать источникомъ счастія, т.-е. любовь, добродѣтель, слава, отчизна, прогрессъ, все—обманчивые призраки и пустыя иллюзіи. А если наслажденіе покоит-

*) Dialogo della Natura e di un Islandese.

**) Dialogo di un Fisico e di un Metafisico.

***) Dialogo di Torquato Tasso e del suo genio familiare.

ся на самообольщеніи и неразъединимо съ разочарованіемъ, то что же въ жизни имѣетъ разумное основаніе? Что составляетъ ея субстанціальную сторону? Въ чемъ заключается ея реальное содержаніе? Что есть *сущность нашего бытія? Скука!* Порожденная сознаніемъ всеобщей суетности, она не содержитъ въ себѣ ровно ничего суетнаго. Она есть чистое желаніе счастія, еще неудовлетворенное наслажденіемъ и еще не встревоженное разочарованіемъ. И такъ какъ истинное счастіе неосуществимо фактически, то ясно, что *вся наша жизнь соткана только изъ страданія и скуки* *)! А если не наслажденіе есть цѣль бытія, то въ чемъ ея искать? Куда стремится въ концѣ-концовъ и человѣкъ, и человѣчество, и вся наша планета? Къ смерти. Всѣ ухищренія, труды и заботы людей ведутъ въ послѣднемъ итогѣ только къ ней. *Она конечная цѣль бытія* и *высшее благо въ жизни* **). Хотя смерть и не приноситъ съ собою фактическаго счастія, но она сулитъ безмятежный покой и ненарушимое самозабвеніе ***).

Вотъ основныя мысли философіи графа Джіакомо Леопарди.

И теперь, когда прошло ровно сто лѣтъ со дня рожденія ея страннаго творца, невольно возникаютъ два вопроса, почему именно онъ, а не кто иной, провозгласилъ эту сумрачную, нигилистическую мудрость, и какой культурно-историческій смыслъ кроется за этою причудливою тканью безотрадныхъ логическихъ построеній? Да и есть ли вообще въ этой философіи какой-нибудь культурный смыслъ?

Постараемся отгадать сфинксову загадку.

III.

По сосѣдству съ монастыремъ Лоретской Мадонны, въ Анконской области лежитъ небольшое красивое мѣстечко Реканати, потонувшее среди цвѣтущихъ пейзажей, которые заканчиваются вдали голубоватою цѣпью Аппенинскихъ горъ и широкимъ просторомъ классической Адріатики. Кругомъ, куда ни взглянешь, темное царство нищеты и голода. По обѣ стороны единственной улицы, перерѣзанной кое-гдѣ грязными переулками, ютятся жалкія лачуги крестьянъ и рабочихъ. Только ихъ безконечныя пѣсни нарушаютъ по вечерамъ безмятежную тишь, овладѣвшую захолустнымъ уголкомъ.

На самомъ концѣ улицы стоитъ богатый барскій домъ, старинной аристократической архитектуры, весь спрятанный въ густой зелени тѣнистаго парка. Это родовой замокъ фамиліи «Leopardi».

Въ широкой прихожей красуется, словно на часахъ, статуя вооруженнаго рыцаря, какъ эмблема добраго *феодальнаго* времени. Онъ поднялъ свое желѣзное копье, намѣреваясь оградить этимъ грознымъ жестомъ сонливый покой стараго дворянскаго гнѣзда отъ вторженія народной жизни.

---

*) Ibid. и Dialogo di Plotino e di Porfirio.

**) Canto del gallo silvestre.

***) Dialogo di Federico Ruysch e delle sue Mummie.

И, конечно, ея шумъ не ворвется вдохновляющею струей въ эту затхлую атмосферу, которая наполняетъ старомодныя залы, уставленныя позолоченною мебелью, вдоль стѣнъ, украшенныхъ выцвѣтшими парчевыми обоями и потускнѣвшими отъ времени зеркалами. Вся обстановка хранитъ слѣды былого блеска и счастья.

Въ гостиной, залитой потоками яркаго, полуденнаго солнца, толпятся обычные посѣтители реканатскаго дворца: тутъ и сытые аббаты въ длинополыхъ сутанахъ, и типическіе іезуиты изъ далекой Мексики, и безсловесные паразиты-прихлебатели, и цѣлый штатъ всевозможныхъ родственниковъ. Физіономіи гостей выражаютъ сосредоточенное вниманіе. Взоры всѣхъ обращены на хозяина, который одинъ громко ораторствуетъ.

Графъ Мональдо Леопарди одѣтъ по-старинному, весь въ черное, съ дворянскою шпагой на боку. Отъ всей его чопорной фигуры, отъ всѣхъ его допотопныхъ тирадъ такъ и вѣетъ воздухомъ XIII в.

И графъ немилосердно казнитъ французскую революцію съ ея позорными демократическими идеалами, съ ея святотатственнымъ культомъ свободы, этой, — какъ онъ выражается, — «излюбленной дочери сатаны!» *). Онъ обрушивается далѣе и на устройство дѣтскихъ пріютовъ, такъ какъ они лишаютъ аристократію возможности творить добро, а она раздѣляетъ, по его глубокому убѣжденію, эту привилегію съ однимъ только Господомъ Богомъ. Графъ смѣется попутно и надъ желѣзными дорогами, и надъ воздухоплаваньемъ, и надъ новыми туалетами,—словомъ, надъ всею современною цивилизаціей.

Правда, одинъ изъ кругленькихъ аббатовъ, желая спасти ея репутацію, указываетъ робко на несомнѣнные успѣхи науки, напримѣръ, въ области астрономіи. Но графъ Мональдо накидывается на непрошеннаго оппонента и доказываетъ ему, какъ дважды-два—четыре, что система Коперника сущая ложь и явная безсмыслица и что средневѣковые схоластики имѣли на этотъ счетъ гораздо болѣе трезвыя и здравыя понятія... Одинъ изъ присутствующихъ упоминаетъ тутъ же неосторожно имя знаменитаго филантропа Беккарія. Чаша графскаго негодованія переполнена. Мональдо вспыхиваетъ до корней волосъ и принимается съ озлобленіемъ отстаивать законность смертной казни.

И всю эту нескончаемую обвинительную рѣчь, бичующую современную дѣйствительность съ ея безразсвѣтнымъ политическимъ и моральнымъ упадкомъ, неутомимый ораторъ уснащаетъ частыми лирическими отступленіями все на одну и ту же тему, что онъ, Мональдо Леопарди, ведущій свой родъ отъ Аттона II, рыцаря XII в., —увы!— «послѣдній дворянинъ Италіи!» **).

И при этихъ словахъ на тупыя лица захолустныхъ философовъ ложится умильная, подобострастная улыбка.

---

*) La figlia prediletta del diavolo.

**) Il ultimo spadifero d'Italia. О Мональдо Леопарди см. *Piergili*: „Monaldo Leopardi“ въ *Nuova Antologia*, vol. XXXI. *Patrizi*: „Saggio psico-antropologico su Giacomo Leopardi e la sua famiglia“.

Только графиня Аделаида не раздѣляетъ всеобщаго благоговѣнія. Сурово смотритъ она на все окружающее своими холодными голубыми глазами. Она хозяйничаетъ равнодушно, машинально и словно все, что происходитъ кругомъ, вовсе ея не касается. Ни одобреніе, ни даже сочувствіе ни разу не озарили ея строгаго классическаго профиля. Вѣроятно, графиня поглощена въ эту минуту вся цѣликомъ сложными экономическими соображеніями или просто досадуетъ на то, что всѣ эти аббаты и іезуиты съ ихъ чисто-мірскимъ аппетитомъ введутъ ее опять въ лишніе расходы: и такъ еле сводишь концы съ концами! Просто тоска!

А между тѣмъ въ открытыя окна гостиной врываются вмѣстѣ съ потоками солнечнаго свѣта веселые крики и задорный смѣхъ. Тамъ, въ тѣнистомъ паркѣ, рѣзвятся и шалятъ дѣти графа Мональдо. Они только что окончили свои классныя занятія и спустились теперь съ шумомъ и гамомъ изъ отцовской библіотеки наверху, въ мезонинѣ, внизъ, въ свѣжій, пахучій садъ. Впереди всѣхъ бѣжитъ старшій мальчикъ, весь раскраснѣвшійся отъ удовольствія, Джіакомо. Карло и Паолина едва за нимъ поспѣваютъ. Дѣти читали утромъ подъ руководствомъ доморощеннаго педагога исторію Ливія. Неудивительно, что маленькія головки переполнены героическими мечтами и свѣтлыми образами. Въ двѣ минуты придумана новая игра, соотвѣтствующая какъ нельзя лучше такому настроенію. Джіакомо быстро взбирается на садовый столикъ. Братъ важно шествуетъ впереди съ вѣткой вмѣсто топора: онъ исполняетъ роль ликтора. Сестру привязываютъ за руку къ ножкѣ стола: она фигурируетъ въ качествѣ покореннаго галльскаго племени. А самъ Джіакомо, стоящій на столѣ съ гордо поднятою головой и сіяющими глазами, изображаетъ главнаго полководца, въѣзжающаго съ тріумфомъ на Капитолій *).

И чудится мальчику, что многочисленная толпа привѣтствуетъ его ликующими апплодисментами. Красавицы-дѣвы осыпаютъ его букетами съ вѣнками. Сѣдые сенаторы произносятъ хвалебные панегирики. А кругомъ весь воздухъ сверкаетъ ослѣпительнымъ блескомъ и несутся къ безоблачной выси праздничныя пѣсни и побѣдные клики.

И чудится мальчику, что такимъ счастливымъ и могучимъ тріумфаторомъ вступитъ онъ нѣкогда въ невѣдомую жизнь.

Онъ ошибся въ своихъ мечтахъ, какъ Италія ошиблась въ немъ.

Нѣтъ, не вѣдали дѣти графа Мональдо и графини Аделаиды, игравшіе такъ безпечно въ тѣнистомъ паркѣ, что они, какъ послѣдніе видные представители старой аристократической фамиліи, шедшей на встрѣчу своему окончательному разложенію, обречены, напротивъ, на безъисходную и неизлѣчимую скорбь.

Не замѣчали они, какъ надъ ихъ головками незримо проносится тотъ грозный «аласторъ», который, по вѣрованіямъ эллиновъ, являлся демономъ-разрушителемъ старыхъ дворянскихъ гнѣздъ.

*) Изъ воспоминаній гр. Терезы Леопарди. См. также de Sanctis: Studio su G. Leopardi.

IV.

Джіакомо росъ больнымъ, хилымъ, золотушнымъ ребенкомъ.

Семью годами отчаянныхъ занятій, доставившихъ ему вскорѣ славу одного изъ лучшихъ европейскихъ эллинистовъ, молодой ученый подорвалъ окончательно свое и безъ того слабое здоровье *). Съ тѣхъ поръ неврастенія никогда не покидала больного ученаго. Письма Джіакомо представляютъ нѣчто вродѣ медицинскаго бюллетеня, утомительнаго своимъ однообразіемъ и угнетающаго своимъ мрачнымъ настроеніемъ. Читая ихъ, мы словно стоимъ у порога той лабораторіи, гдѣ постепенно созидалась пессимистическая философія infelicità.

«Еслибы мнѣ пришлось теперь сойти съ ума,—пишетъ 20-лѣтній юноша,—я убѣжденъ, что мое помѣшательство выразилось бы въ томъ, что я сидѣлъ бы неподвижно, съ открытымъ ртомъ и мутными глазами, сжавъ руки между колѣнами, не способный ни плакать, ни смѣяться!» Два года спустя больной восклицаетъ: «Никакая страсть не находитъ доступа въ мое сердце. Даже всесильная способность любить—изсякла!» Въ 1827 г. слышатся тѣ же жалобы: «Я усталъ отъ жизни. У меня нѣтъ иной цѣли и иныхъ надеждъ, какъ умереть!» Черезъ два года Леопарди пишетъ: «Я не могу ни думать, ни читать. Я жажду съ нетерпѣніемъ успокоиться въ могилѣ!» Въ слѣдующемъ году то же самое настроеніе: «Я превратился въ прямой пень, способный, однако, чувствовать и страдать!» И жизнь должна была представляться больному филологу какъ безсмысленная смѣна страданья и скуки. Amaro e noja è la vita **).

Но стоило только вернуться чарующей веснѣ съ ея лунными ночами и лѣснымъ ароматомъ, какъ нервы больного крѣпли и здоровье его поправлялось. «Теперь, когда кругомъ расцвѣтаетъ весна,—пишетъ Леопарди въ 1819 г.,—я чувствую, какъ мое сердце просыпается къ новой жизни. А вотъ еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ я находился въ такомъ безсмысленномъ состояніи, что уже рѣшительно потерялъ всякую надежду утѣшиться въ этомъ мірѣ!» Въ мартѣ слѣдующаго года поэтъ чувствуетъ тотъ же притокъ жизненныхъ силъ и то же самое весеннее настроеніе. «Недавно, прежде чѣмъ лечь спать, я открылъ окно въ моей комнатѣ. Небо было такъ чисто. Луна свѣтила. Теплою струей вливался ко мнѣ ночной воздухъ. Вдали былъ слышенъ лай собакъ. И тогда въ моей груди проснулись старыя грёзы и въ сердцѣ затрепетало забытое чувство!» Какъ видно, въ такіе періоды физическаго выздоровленія мѣнялось радикально и психическое настроеніе больного. Тогда онъ не понималъ, какимъ образомъ онъ цѣлые мѣсяцы могъ обходиться «безъ иллюзій и привязанностей», жить «безъ грёзъ и энтузіазма» ***). Тогда онъ всею душой готовъ былъ вѣрить въ лю-

---

*) Письмо отъ 30 марта 1821 г. Epistolario, I.

**) A se stesso.

***) Письмо отъ 30 іюля 1820 г. Epistolario, I.

бовь и въ силу, и въ жизнь, и въ людей. Тогда онъ видѣлъ въ счастьи не «обманчивый призракъ», а «нѣчто реальное»,—не «желаніе» только, а «фактъ»,—«чувство», а не «понятіе». Леопарди выразилъ это настроеніе очень рельефно въ одномъ изъ своихъ стихотвореній, озаглавленномъ: «Воскресенье» *).

Но что за бодрость новая
Мнѣ сердце наполняетъ?
Кто это нарушаетъ
Мой мертвенный покой?

Движенья сердца нѣжныя,
Блаженныя волненія,
Мечты и обольщенія,
Такъ вы еще со мной?

Такъ это вы единственнымъ
Мнѣ свѣтомъ жизни были?
Такъ это вы забыли
Меня съ недавнихъ поръ?

И небо, и покровъ полей
Все грусть мнѣ навѣваетъ
И радость доставляетъ,
Куда ни брошу взоръ!

Со мною вмѣстѣ ожили
Пески, лѣса и горы,
Потоки разговоры
Опять ведутъ со мной!

Самъ Леопарди прекрасно понималъ, что его пессимизмъ имѣетъ не идейную, а *физіологическую* точку отправленія, что въ основѣ его теоріи infelicità лежитъ не метафизическая гипотеза и не столько житейскій опытъ, сколько *кристаллизовавшееся настроеніе*, бывшее роковымъ слѣдствіемъ извѣстной *психофизической* организаціи. Въ 1820 г., т.-е. именно тогда, когда въ его умѣ стала впервые обрисовываться въ неясныхъ еще очертаніяхъ будущая система, онъ писалъ другу слѣдующія драгоцѣннѣйшія строчки: «Вотъ въ силу упомянутыхъ причинъ, т.-е. слабости здоровья и нервнаго разстройства, я не то, чтобъ убѣдился въ тщетѣ всего сущаго, а скорѣе *ощущалъ эту тщету*. И я прекрасно понимаю, что мое мрачное настроеніе есть въ гораздо большей степени результатъ моего личнаго горя, чѣмъ выводъ изъ моей вѣры въ непреложность міроваго страданія!» **). Та же самая мысль повторяется въ еще болѣе пластической фор-

*) Risorgimento. Всѣ, приводимыя здѣсь, стихотворенія переведены спеціально для этой статьи П. А. Рождественскимъ, которому приносимъ искреннюю благодарность за его любезность.

**) „I quali cagioni, c. è somma debolezza del corpo e segnatamente dei nervi... operavano, ch'io non credessi, ma sentissi la vanità e noja delle cose e *disperava affatto del mondo* e *di me stesso*. Mio travaglio deriva più dal sentimento del infelicità mia particolare, che dalla certezza del infelicità universale e necessaria". Правда,

мѣ въ одномъ изъ діалоговъ философа. «Я не столько проникся сознаніемъ всеобщей тщеты, *сколько вижу, осязаю и чувствую ее во рту. Не только мой мозгъ, но всѣ мои пять чувствъ насквозь пропитаны этимъ ощущеніемъ*. И я готовъ признаться, что мое расположеніе духа *проистекаетъ въ значительной степени изъ состоянія моего физическаго здоровья!*» Наконецъ, въ одномъ изъ своихъ послѣднихъ произведеній, прозвучавшемъ какъ бы предсмертной исповѣдью живьемъ разлагавшагося философа, онъ въ третій разъ возвратился къ этой же мысли.

Сравнивая взгляды античныхъ и современныхъ народовъ на физическое воспитаніе, Леопарди отдаетъ безусловное предпочтеніе классической древности и восклицаетъ: «Тѣло—это самъ человѣкъ, потому что все, что придаетъ жизни благородство и силу, т.-е. великодушіе, мужество, *способность дѣйствовать* и *способность наслаждаться* находятся въ тѣсной зависимости отъ физическаго здоровья и безъ него немыслимы. Кто слабъ тѣломъ, тотъ не человѣкъ, а ребенокъ или даже еще меньше. Его назначеніе состоитъ въ томъ, чтобы смотрѣть, какъ другіе живутъ, или, многомного, о томъ болтать, *но сама жизнь не для него!*» *).

Въ біографіи графа Леопарди бывали такіе моменты, когда вся его сумрачная философія infelicità, казалось, разлеталась въ дребезги.

Поэтъ былъ отъ природы очень влюбчивъ. Онъ увядалъ безъ ласки, какъ цвѣтокъ умираетъ безъ солнечнаго свѣта. «Мнѣ нужна любовь, любовь, любовь», пишетъ онъ брату. Но природа одарила поэта въ высшей степени непривлекательной наружностью. Онъ былъ почти безобразенъ, горбатъ, близорукъ, имѣлъ женоподобное лицо, старческій видъ и рѣдкую растительность. «Онъ не былъ созданъ для любви!»—замѣчаетъ одинъ изъ его знакомыхъ **). Въ Болоньѣ Леопарди познакомился съ графиней Мальвецци. Она была уже не первой молодости, но очаровательна и очень образована. Она знала философію и переводила Цицерона. Поэтъ бывалъ въ ея будуарѣ отъ «ave Maria» до полуночи. Графиня заинтересовалась сначала оригинальнымъ провинціаломъ. Онъ читалъ ей свои грустные стихи, она плакала, повидимому, искренними слезами. Но потомъ меланхолическая бесѣда некрасиваго поклонника наскучила избалованной свѣтской дамѣ и она просила его бывать какъ можно рѣже... Но Леопарди признавался

въ письмѣ отъ 24 января 1832 г. къ Синнеру Леопарди протестовалъ противъ такого толкованія, но только *повидимому*. Онъ считаетъ пошлостью приписывать его „матеріальной обстановкѣ“ то, что должно быть отнесено насчетъ его „разума“, но онъ не отрицаетъ вовсе, что его мысль получила свое направленіе отъ состоянія его физическаго здоровья. Вотъ почему мы ничего не говоримъ о его „матеріальной обстановкѣ“, т.-е. объ отношеніяхъ къ нему родителей, объ его пресловутой бѣдности и нищетѣ, о пошлости и скукѣ провинціальнаго быта. Всѣ эти подробности въ томъ видѣ, какъ онѣ обрисованы въ книгѣ *Штейна*: „Графъ Дж. Леопарди и его теорія infelicità“ нуждаются въ коренныхъ поправкахъ.

*) „Dialogo di Plotino e di Porfirio“ и „Dialogo di Tristano e di un amico“.

**) Gioberti.

впослѣдствіи: «Это знакомство составляетъ одну изъ самыхъ достопримѣчательныхъ эпохъ въ моей жизни, потому что я *разочаровался въ своемъ разочарованіи* и *увѣровалъ въ существованіе такихъ наслажденій, которыя я раньше считалъ положительно невозможными*!» *). И Леопарди внесъ это противорѣчіе живьемъ въ свою пессимистическую философію. Онъ разсказываетъ въ своей «Исторіи человѣческаго рода», какъ Зевсъ похитилъ у людей истинную красоту, реальную истину, настоящее счастіе и оставилъ имъ взамѣнъ только ихъ жалкія подобія, ихъ блѣдныя копіи, но бываютъ минуты, когда Зевсъ готовъ сжалиться надъ обманутымъ человѣкомъ и тогда посылаетъ онъ съ олимпійскихъ высотъ на землю реальную любовь. Она проникаетъ одновременно въ два сердца, и не помѣнялись бы своей долей счастливые избранники даже съ безсмертными небожителями! **).

И это не единственное противорѣчіе!

Леопарди, провозгласившій все на свѣтѣ иллюзіей и обманомъ, готовъ признать за золотыми грезами о славѣ, добродѣтели, прогрессѣ и т. д. громадное положительное значеніе. Въ сущности эти мечты являются единственнымъ благомъ, которое можно получить и вообще ожидать отъ жизни; онѣ, строго говоря, единственная цѣль, которую ставятъ себѣ люди каждое утро, открывая глаза ***). И только въ этихъ обворожительныхъ грезахъ, въ этихъ обманчивыхъ иллюзіяхъ кроется источникъ всѣхъ благородныхъ и великодушныхъ поступковъ, всѣхъ святыхъ и добрыхъ мыслей, полезныхъ одинаково какъ для отдѣльной личности, такъ и для всего общества ****). Правда, сѣдой старикъ, охлажденный опытомъ, и безстрастный мудрецъ, прозрѣвшій міровую тайну, не вѣрятъ обольстительнымъ мечтамъ, но горячая юность видитъ въ нихъ не пустые фантомы, не безтѣлесные призраки, а нѣчто глубоко реальное и вѣчно жизненно. Вотъ почему безпечная юность есть единственный даръ жестокосердой судьбы, но даръ непостоянный, невѣрный и быстротечный. Вотъ почему въ письмахъ почти постоянно повторяется та же самая скорбная мысль, что нѣтъ и не было у него молодости. Въ 1819 г. онъ восклицаетъ: «Я вижу съ невыразимымъ ужасомъ, что для меня умерла жизнь, умерла вселенная съ того мгновенія, когда я вышелъ изъ дѣтскаго возраста, и такъ бываетъ, вѣроятно, со всѣми тѣми, которые мыслятъ и чувствуютъ!» Въ 1821 г. Леопарди повторяетъ ту же самую мысль: «Судьба осудила меня отъ дѣтства прямо перейти къ старости и не было у меня юности!» Наконецъ, то же настроеніе выражено очень ясно въ одномъ изъ стихотвореній поэта *****).

*) Письмо отъ 30 мая 1826 г. и письмо безъ даты „Epistolario“, томъ II, стр. 213.

**) „Storia del genere umano“ in pine.

***) Dialogo di T. Tasso e del suo genio familiare.

****) Dialogo di Timandro e di Eleandro.

*****) Il sogno.

Я молодъ, только молодость моя
Безцвѣтно, безполезно протекаетъ...
Я въ цвѣтѣ силъ подобенъ старику.

И вотъ почему всѣ стихотворенія разочарованнаго философа звучатъ торжественнымъ гимномъ и вмѣстѣ прощальнымъ привѣтомъ безпечной, вѣрующей и увлекающейся юности и служатъ какъ бы вѣчно мѣняющейся варіаціей на старый веселый мотивъ флорентинскаго банкира-мецената: Quant' è bella giovinezza, che si fugge tuttavia!» *).

И нѣтъ сомнѣнія, что философія Джіакомо Леопарди есть прежде всего исповѣдь *больного неврастеника, преждевременно состарившагося юноши.*

V.

И этотъ юноша былъ аристократомъ до мозга костей.

Въ 1820 г. графъ Джіакомо Леопарди писалъ одному изъ своихъ друзей: «Вы утверждаете совершенно справедливо, что въ современномъ соціальномъ строѣ *аристократія является трупомъ.* Но скажите откровенно, гдѣ же тотъ классъ, который можетъ считаться способнымъ къ жизни? Вѣдь въ наше время ядъ эгоизма отравилъ рѣшительно всѣ сословія и уничтожилъ въ нихъ любовь ко всему прекрасному и великому, а безъ энтузіазма, безъ возвышенныхъ мыслей, безъ благородныхъ поступковъ міръ превращается въ безжизненную матерію!»

При такихъ условіяхъ Леопарди считалъ для себя честью принадлежать къ разлагавшейся аристократіи, хранительницѣ святого огня вдохновенія. И кто знаетъ, быть-можетъ, когда онъ писалъ эти строчки, вставала передъ нимъ изъ мрака прошлаго фигура идеальнаго дворянства, нарисованная нѣкогда блестящимъ перомъ Кастильоне въ его знаменитой книгѣ о «придворномъ», облетѣвшей въ XVI в. всю Европу, въ этой книгѣ, гдѣ такъ полно и изящно отразилась утонченная, тепличная культура поздняго Ренессанса съ ея отсутствіемъ общественно-политическихъ интересовъ, съ ея болѣзненной отчужденностью отъ народной почвы и съ ея прекраснодушной любовью ко всему великому и вѣчному **).

Во всякомъ случаѣ Леопарди упомянулъ въ своихъ произведеніяхъ дважды о книгѣ урбинскаго дипломата и оба раза съ искреннимъ сочувствіемъ ***).

И когда поэтъ вызывалъ въ своемъ воображеніи эту веселую, праздничную эпоху, этихъ граціозныхъ дамъ и блестящихъ кавалеровъ, эти остроумные разговоры о любви и красотѣ, о живописи и поэзіи, то вдвойнѣ будничной, прозаичной и скучной должна была ему казаться современная дѣйствительность.

---

*) Стихи Лоренцо Медичи: „Какъ хороша юность, которая такъ быстро проходитъ".

**) См. нашу статью: „Изъ салонной жизни эпохи возрожденія". *Русская Мысль*, 1897 г., апрѣль.

***) „Il Parini ovvero della gloria" и „Proposta dei premii fatta dall' Accademia dei Sillografi".

И какъ же представлялась ему эта окружающая жизнь?

Одни только матеріальные интересы увлекаютъ въ наши дни человѣчество. Уже и рабочіе и земледѣльцы стали подумывать объ удобствѣ и изяществѣ своихъ костюмовъ. Въ комнатахъ появляются все болѣе комфортабельные кровати, кресла, диваны и столы. Въ кухняхъ красуются какіе-то особенные чудодѣйственные котлы. Самые грязные переулки освѣщаются по ночамъ чуть ли не солнечнымъ свѣтомъ. Переѣздъ отъ Ливерпуля до Парижа совершается съ молніеносной быстротой. Даже по дну Темзы прокладываютъ какой-то небывалый сказочный путь. Разумѣется, въ недалекомъ будущемъ люди добьются и средства добывать изъ сосенъ и дубовъ молоко и медъ и заставятъ деревья плясать подъ игривые звуки веселаго вальса. Могущество ретортъ и машинъ, вступившихъ въ борьбу съ самимъ небомъ, возрастаетъ съ каждымъ днемъ. И нѣтъ сомнѣнія, что человѣчество мчится по трудному пути прогресса навстрѣчу небывалому золотому вѣку. Какъ не проникнуться при такихъ условіяхъ благоговѣйнымъ уваженіемъ къ нынѣшнему столѣтію, какъ не признать его изобрѣтенія и труды, его познанія и могущество? Какъ не повѣрить вожакамъ прогрессивной партіи, что жизненный путь усѣянъ въ самомъ дѣлѣ розами и лиліями? Но развѣ рука объ руку съ матеріальными успѣхами идетъ ростъ просвѣщенія и подъемъ нравственности? Развѣ попрежнему не царитъ во вселенной грубѣйшій эгоизмъ? Развѣ добрый, скромный, любящій правду человѣкъ не подвергается вѣчнымъ насмѣшкамъ и преслѣдованіямъ? Развѣ безстыдное нахальство и наглая ложь не поработили окончательно весь міръ? *). Наука распалась на массу спеціальностей. И все рѣже становится, все бо́льшимъ чудомъ кажется появленіе такихъ истинно ученыхъ людей, которые двигаютъ во всеоруженіи громадныхъ знаній человѣчество въ самомъ дѣлѣ впередъ. Литература выродилась въ пошлую журналистику. Газеты задаютъ тонъ, служатъ единственнымъ источникомъ знаній и считаются истинной школой просвѣщенія. Интересъ къ поэзіи палъ. Экономическіе и политическіе вопросы поглощаютъ всеобщее вниманіе. Но да здравствуетъ статистика, политика и экономическій вопросъ. Да здравствуютъ карманныя энциклопедіи и всякія руководства и многое множество твореній нашего вѣка! И да здравствуетъ онъ самъ, этотъ XIX в., столь бѣдный дѣлами и столь богатый словами **).

Когда читаешь эти язвительныя выходки графа Джіакомо Леопарди противъ современной дѣйствительности, невольно вспоминаешь чопорную фигуру его отца, когда онъ, окруженный захолустными философами, казнитъ немилосердно всѣ тѣ идеалы, которыми гордился XVIII вѣкъ.

Графъ Джіакомо Леопарди построилъ свою философію, какъ истый аристократъ, на принципѣ *личнаго счастья*, на культѣ *любви, природы, добродѣтели* и *славы*. Его міросозерцаніе можетъ быть названо «эгоцентри-

*) Palinodia.

**) Dialogo di Tristano e di un amico.

ческимъ». Но самъ же Леопарди разложилъ и уничтожилъ свое аристократическое profession de foi. Ограничимся двумя примѣрами. Въ любви, наприм., счастье абсолютно невозможно. Каждый человѣкъ лелѣетъ въ своей фантазіи чудный женскій образъ, передъ которымъ онъ преклоняется, какъ трубадуръ передъ мадонной:

Пусть ты безсмертная идея,—

восклицаетъ въ упоеніи влюбленный мечтатель,—

И чувственною формою облечься
Не хочетъ вѣчный умъ, тебѣ присущій.
Пусть на иной землѣ ты обитаешь,
Затерянной въ пространствѣ безконечномъ,
И шлетъ тебѣ лучи звѣзда прекраснѣй солнца
И воздухомъ ты дышишь благодатнымъ.
Изъ области, гдѣ жизнь мрачна и скоротечна,
Шлетъ гимнъ любви пѣвецъ невѣдомый тебѣ.

И влюбленный идеалистъ ищетъ на землѣ воплощеніе своей лучезарной грёзы, которая носится передъ нимъ, какъ путеводная звѣзда:

Въ пустынѣ міра
Съ тобою встрѣтиться мечталъ, бывало, я,
Когда лишь занимался для меня
День жизни безпросвѣтной и печальной.

Но всѣ поиски тщетны.

И нѣтъ тебѣ подобной на землѣ,
А еслибъ и нашлась похожая лицомъ,
Движеньями и голосомъ, съ тобою
Она бы не сравнялась красотою *).

Такъ какъ идеалъ всегда выше и лучше дѣйствительности, такъ какъ идеалъ *не* есть дѣйствительность, то никто никогда и не найдетъ на землѣ воплощеніе своей безсмертной, золотой мечты **). Леопарди любилъ природу нѣжно и вдохновенно, какъ женихъ любитъ свою невѣсту. Онъ разговаривалъ съ луной такимъ сердечнымъ шепотомъ, обращался къ ней съ такими страстными эпитетами, словно она глядѣла на него живыми глазами съ таинственной тверди небосвода. Весна была, какъ мы видѣли, его любимицей. Вообще на эту тему написано уже не мало книгъ и статей ***). Безмятежная тишь, зачаровавшая окрестныя деревья и поляны, навѣвала столько высокихъ думъ, столько поэтическихъ образовъ и погружала душу въ такой сладкій, мечтательный покой.

Порой въ глуши сижу я на холмѣ
У озера, одѣтаго вѣнкомъ

---

*) Alla sua donna.

**) Aspasia. См. также нашу статью: „Трагедія романтической любви". *Читатель*, ноябрь, 1896 г.

***) *Ciampoli*: „La natura nella poesia di Leopardi". *Graf*: „Una sorgente del pessimismo di L.". *Negri*: „Divagazione", II.

Растеній молчаливыхъ. Въ полдень тамъ
Спокойный ликъ свой солнце отражаетъ.
Ни травка, ни листокъ не шелохнутся,
И рябью не подернется вода.
Цикады не стрекочутъ, не порхаютъ
По вѣткамъ птицы, бабочки не вьются.
Ни звука, ни движенія вокругъ.
Объяты сномъ глубокимъ берега.
Тогда себя и міръ я забываю,
И чудится мнѣ, будто мои члены
Распалися и мертвый ихъ покой
Сливается съ безмолвіемъ окрестнымъ *).

И, несмотря на эту нѣжную любовь къ природѣ, бившую такимъ неиссякаемымъ родникомъ вдохновенія и счастья, Леопарди быстро разложилъ и ее своимъ философскимъ анализомъ, своею пессимистическою мнительностью.

Нельзя же любить того, кто намъ не отвѣчаетъ взаимностью. А природа равнодушна. Правда, было золотое время, когда и въ ея необъятной груди билось человѣческое сердце, когда она плакала и ликовала вмѣстѣ съ людьми, когда въ зеленомъ лѣсу обитали красавицы дріады, когда шалуньи-нимфы глядѣлись въ зеркальной глади кристальнаго ручья и эхо еще не было пустымъ, обманчивымъ звукомъ, а душою безнадежно влюбленной богини. Но поэтическое время античныхъ легендъ давно миновало. Въ груди природы умерло сердце. Между матерью и дѣтьми нѣтъ больше связующихъ нитей. Они стали другъ другу чужіе. Стоитъ ли любить природу **)?

Но если эгоцентрическая философія оказывается несостоятельной и принципъ личнаго счастья приводитъ въ концѣ концовъ только къ пессимизму, то можно положить въ основу своего міросозерцанія идею служенія массѣ и найти утѣшеніе въ демократической или *демоцентрической* морали. Такъ поступилъ, наприм., гётевскій Фаустъ. Но такой переходъ былъ невозможенъ для графа Джіакомо Леопарди. Такъ какъ люди обречены самою природой на страданье, то никакія законодательныя мѣры и никакіе политическіе трактаты не могутъ искоренить того зла, которое царитъ властно, какъ всесильный господинъ, надъ земною планетой. И въ какомъ бы ни было положеніи человѣчество, положеніе это будетъ всегда сквернымъ и никогда не можетъ быть названо хорошимъ». Такъ писалъ Леопарди своему другу. «Такъ какъ масса состоитъ изъ отдѣльныхъ индивидуумовъ и такъ какъ для личности счастье недопустимо, то развѣ возможно сдѣлать народы счастливыми независимо отъ осуществленія личнаго благосостоянія? Желалъ бы я, чтобы кто-нибудь изъ профессоровъ историческихъ наукъ наставилъ меня на путь истинный» ***)! И Леопарди смѣется горько надъ тѣми «политиканами», которые, «забывъ о личности», рѣшили, что «все-

*) La vita solitaria.

**) Alla primavera o delle favole antiche.

***) Письмо отъ 24 іюля 1828 г. Epistolario, II.

общее счастье»—«идея легко осуществимая» и что изъ отдѣльныхъ «несчастныхъ индивидуумовъ» можно «легко и смѣло» создать «счастливый и довольный народъ» *).

Но не могъ понять или не хотѣлъ сознаться реканатскій философъ, что понятіе «массы» стало для демократическаго XIX в. въ самомъ дѣлѣ святою идеей, за которую можно пожертвовать собственнымъ счастьемъ и даже собственною жизнью. Или быть можетъ онъ смутно чувствовалъ, что именно этой идеѣ суждено покорить себѣ будущее, когда онъ, прощаясь съ жизнью и съ дѣйствительностью, писалъ слѣдующія предсмертныя строчки:

«Я не смѣюсь и надъ планами и надеждами нынѣшняго вѣка. Желаю ему всевозможныхъ успѣховъ. Хвалю и даже уважаю его стремленія, но не завидую ни потомству, ни тѣмъ, которымъ еще предстоитъ долгая жизнь. Было время, когда я завидовалъ дуракамъ и самохваламъ, даже желалъ бы съ ними помѣняться положеніемъ. Но теперь я не завидую больше ни дуракамъ ни умнымъ, ни великимъ ни мелкимъ, ни слабымъ ни сильнымъ, завидую только мертвымъ и только съ ними помѣнялся бы жребіемъ» **).

Это была исповѣдь аристократа, который чувствовалъ въ глубинѣ души, что онъ «лишній» человѣкъ.

VI.

И пессимистъ Джіакомо не былъ исключеніемъ въ родной семьѣ. Графъ Мональдо любилъ въ часы досуга перелистывать пожелтѣвшія страницы своей родословной.

Фамилія Леопарди вела свое начало, повидимому, отъ XII вѣка. Въ ней въ продолженіе столѣтій преобладалъ одинъ и тотъ же типъ, — типъ мистика-аскета. Глубокая пессимистическая скорбь отмѣтила большинство членовъ этого стараго аристократическаго рода. Жизнь казалась имъ грѣхомъ и мерзостью. Они отворачивались съ презрѣніемъ отъ міра и мечтали горячо о загробномъ покоѣ. Они искали утѣшенія въ молитвенномъ экстазѣ или въ тишинѣ монастырской кельи. Они любили строить бенедиктинскія обители и іезуитскія коллегіи.

Графъ Мональдо унаслѣдовалъ отъ своихъ предковъ ихъ экстатическую религіозность, но безъ ихъ сумрачнаго пессимизма. Онъ молился порою до изступленія. Онъ былъ настоящій мистикъ. Всюду мерещились ему чудеса и видѣнія. Даже въ мельчайшихъ событіяхъ жизни усматривалъ онъ упорно личное вмѣшательство Дѣвы Маріи.

Напротивъ, трое старшихъ дѣтей графа Мональдо отличались тѣмъ же скорбнымъ и траурнымъ пессимизмомъ, какъ ихъ далекіе предки, но не былъ онъ основанъ на религіозномъ энтузіазмѣ ***).

---

*) Palinodia.

**) Dialogo di Tristano e di un amico.

***) *Patrizi*, l. c.

Въ тѣхъ комнатахъ, гдѣ обитали Джіакомо, Карло и Паолина, царила какая-то особая тяжелая и нездоровая атмосфера. Пессимистическое настроеніе казалось жизненнымъ воздухомъ въ старомъ дворянскомъ гнѣздѣ въ захолустномъ мѣстечкѣ Рекапати. Вотъ почему философія Джіакомо получаетъ въ нашихъ глазахъ исключительный интересъ, получаетъ смыслъ не только личной исповѣди, но исповѣди цѣлой дворянской фамиліи.

Въ душѣ Карло наклонность къ пессимизму обнаружилась также очень рано. Онъ еще мальчикомъ зачитывался до слезъ меланхолическими романами Фосколо и Шатобріана. Люди, близко знавшіе юнаго красавца, утверждали, что никогда не видали такого угрюмаго и печальнаго человѣка. Графъ Мональдо долженъ былъ неустанно слѣдить за своимъ несчастнымъ сыномъ, чтобъ онъ не наложилъ на себя руки. Карло былъ такой же неврастеникъ, какъ его братъ. Онъ страдалъ настоящею атрофіей воли. «Ты просишь меня,—пишетъ онъ Джіакомо,—чтобъ я разсказалъ тебѣ кое-что о себѣ, но что можно повѣдать о человѣкѣ, который ничего не дѣлаетъ, ничего не любитъ, который есть воплощенное ничто. Порою мнѣ сдается, что я безжизненный трупъ!» И это вовсе не мимолетное настроеніе. Четыре года спустя, Карло исповѣдуется въ томъ же духѣ: «Я, положимъ, не страдаю, но мнѣ кажется, что я умеръ. То физическое и нравственное безсиліе, которое я испытываю каждый день, похоже на могильный сонъ. Повѣрь мнѣ, это не гипербола. Вотъ какова моя жизнь!» Нѣсколько мѣсяцевъ спустя слышатся тѣ же жалобы. «Все умерло для меня. Каждое утро просыпаюсь я съ такимъ же чувствомъ, какъ человѣкъ, которому предстоитъ днемъ распутать пренепріятное дѣло!» И еслибы кто спросилъ разочарованнаго графа, какъ бы опредѣлилъ онъ свое міросозерцаніе, онъ отвѣтилъ бы, безъ сомнѣнія: «Нѣтъ у меня больше ни вѣры, ни надежды, ни любви! Я ничего не желаю и ничего не жду. О, хоть бы смерть скорѣе пришла!» *).

Развѣ здѣсь въ письмахъ Карло не слышится явственно та же самая основная мысль, которая легла въ основу философіи его брата: «Жизнь—страданье и скука!» Amaro è noja è la vita.

И Паолина раздѣляла мрачное настроеніе братьевъ.

«Жизнь вовсе не такъ прекрасна, какъ ее обыкновенно рисуютъ въ книжкахъ,—пишетъ она любимой подругѣ.—Мы вступаемъ въ жизнь, исполненные горячей вѣры. Мы надѣемся найти въ ней чудеса, найти хоть одно сердце, которое бы насъ полюбило. А въ дѣйствительности она увѣнчана терніями и даритъ одни только мученья!» Въ другомъ письмѣ слышится тотъ же отчаянный крикъ больной, разочарованной души: «Да, правъ былъ Соломонъ, восклицая: «все суета суетъ!» На землѣ не обманываетъ только могила. Мнѣ такъ невыразимо грустно. Я такъ устала отъ жизни. Если всѣ люди такъ несчастны, какъ я, то мы походимъ на тѣхъ осужденныхъ въ дантовскомъ аду, которые идутъ своею дорогой безмолвно подъ тяжелыми оловянными покрышками!» Наконецъ, много лѣтъ спустя Паолина вос-

*) *Piergili*: „Lettere scritte dalle sui parente a G. Leopardi".

клицаетъ: «Я послала бы охотно къ чорту всякую философію. Не убѣдитъ же она меня, что я рождена для счастья, когда я чувствую всѣмъ своимъ существомъ, что я несчастнѣйшая въ мірѣ женщина. О, еслибы смерть скорѣе меня освободила» *)!

Развѣ письма Паолины не содержатъ въ зачаточномъ видѣ всю философію infelicità?

Такъ царило въ аристократическомъ замкѣ, утопавшемъ въ живописныхъ пейзажахъ, глубоко-скорбное и безъисходно-грустное настроеніе, подавляющее, какъ болѣзнь, и мучительное, какъ предсмертная агонія. Но только старшій сынъ графа Мональдо сумѣлъ облечь въ трогательные стихи и въ умозрительную форму эту унаслѣдованную отъ далекихъ предковъ неизлѣчимую болѣзнь.

И вотъ почему философія Джіакомо Леопарди представляется намъ какъ *исповѣдь цѣлой умирающей дворянской фамиліи!*

В. Фриче.

---

*) *Piergili*, l. c.

Народное образованіе въ Астраханской губерніи.

Астраханская губернія по пространству занимаетъ четвертое мѣсто въ ряду губерній Европейской Россіи; ее превосходятъ только три губерніи: Архангельская, Вологодская и Пермская. Пространство, занимаемое ею, равняется 192,655 кв. вер. или 20.201,552 десят. Въ составъ ея входятъ Калмыцкая степь, заключающая въ себѣ 78,130 кв. вер. Киргизская степь, имѣющая 67,177 кв. верстъ, и 5 уѣздовъ, на которые въ общемъ приходится 47,348 кв. вер. Наибольшій изъ уѣздовъ — Царевскій (19,403 кв. в.), за нимъ слѣдуютъ Черноярскій (10,055 кв. в.), Красноярскій (9,351 кв. в.), Астраханскій (6,515 кв. в.) и Енотаевскій (2,024 кв. в.). Численность населенія губерніи далеко не соотвѣтствуетъ ея громадному пространству: на 1 кв. милю приходится всего около 250 челов. Населеніе распредѣляется въ губерніи слѣдующимъ образомъ:

Названіе уѣздовъ.	Число жителей обоего пола. Въ городѣ.	Уѣздѣ.	Всего.
Астраханскій	113,075	78,585	191,660
Красноярскій	5,753	27,736	33,489
Енотаевскій	2,646	65,850	68,496
Черноярскій	6,116	87,972	94,088
Царевскій	6,069	201,370	207,439
Итого	133,659	461,513	595,172
Калмыцкая степь	—	—	140,161
Киргизская степь.	—	—	264,809
Итого со степями. . .	—	—	1.000,142 *).

Населеніе, какъ въ національномъ, такъ и въ религіозномъ отношеніяхъ представляетъ собой крайнее разнообразіе. Русское населеніе является преобладающимъ (болѣе 50%); за нимъ въ нисходящемъ порядкѣ слѣдуютъ: киргизы, калмыки, татары, персы, армяне и друг. національности. Распредѣленіе національностей по территоріи губерніи соотвѣтствуетъ особенностямъ ихъ жизни и занятій. Русское населеніе расположилось глав-

*) По переписи 28 янв. 1897 г. населеніе Астрах. губ.=1.002,316 чел. об. пол.

нымъ образомъ по берегамъ Волги и Ахтубы, въ городахъ и уѣздахъ, изъ которыхъ Царевскій—исключительно земледѣльческій, Черноярскій занимается земледѣліемъ и скотоводствомъ, въ Енотаевскомъ замѣтную роль наряду съ земледѣліемъ и скотоводствомъ играетъ рыболовство, Астраханскій и Красноярскій по преимуществу занимаются рыболовствомъ. Киргизы и калмыки—скотоводы. Армяне и персы живутъ главнымъ образомъ въ Астрахани и занимаются торговлей. Татары живутъ въ Астрахани и въ Астраханскомъ и Красноярскомъ уѣздахъ; большинство изъ нихъ занимаются садоводствомъ и огородничествомъ. Пестрота населенія, разнообразіе занятій и историческія условія—все это отразилось и на народномъ образованіи и внесло въ него ту же самую пестроту и разнородность, которыми Астраханская губернія отличается во всѣхъ проявленіяхъ ея жизни и дѣятельности. Школьное дѣло каждой народности, каждой исторически-сложившейся особой группы населенія, шло своимъ особымъ путемъ и имѣло свою исторію, въ значительной степени отличающуюся отъ исторіи другихъ группъ. Поэтому, чтобы нарисовать болѣе или менѣе полную картину развитія и современнаго положенія школьнаго дѣла во всей губерніи, необходимо особо разсмотрѣть, во-первыхъ, русскія школы, подвѣдомственныя инспекціи народныхъ училищъ и церковныя, затѣмъ школы Астраханскаго казачьяго войска, калмыцкія, киргизскія и татарскія. При разсмотрѣніи русскихъ школъ мы выдѣлимъ г. Астрахань, которая занимаетъ въ исторіи просвѣщенія Астраханскаго края видное мѣсто, въ особую единицу и будемъ разсматривать ее отдѣльно отъ уѣздовъ и уѣздныхъ городовъ.

I.

Время открытія первой школы въ Астрахани неизвѣстно. Можно предполагать, что здѣсь школы существовали уже въ XVI и XVII столѣтіяхъ, такъ какъ первоначальная грамотность и въ то время нужна была для духовенства, подьячихъ и вообще служилыхъ людей. Вѣроятно, тогдашнія школы находились, какъ и въ другихъ городахъ Руси, въ рукахъ духовенства и сосредоточены были въ монастыряхъ. Обученіе въ нихъ ограничивалось чтеніемъ Часослова и Псалтиря. Первыя, болѣе или менѣе точныя свѣдѣнія объ астраханскихъ школахъ относятся къ концу царствованія Петра I. Первые указы Петра (1707 и 1714 гг.) объ обученіи поповскихъ и діаконскихъ дѣтей и обученіи «дворянъ приказнаго чина, дьячихъ и подьячихъ дѣтей» въ Астрахани—не имѣли практическихъ послѣдствій. Вѣроятно, такая же судьба постигла бы указы 1720 и 1721 гг., регламенты главнаго магистрата и духовной коллегіи (въ 1721 г.) и указъ св. синода (1722 г.) объ обученіи при архіерейскихъ домахъ «церковническихъ дѣтей по недавно изданнымъ перваго отроковъ ученія книжицамъ, букварями именуемымъ», еслибы Государственная Адмиралтейская Коллегія не надумала въ 1722 г. прислать въ Астрахань учителя Ивана Трофимова

съ тѣмъ, чтобъ онъ обучалъ дѣтей свѣтскаго и духовнаго чина. Съ пріѣздомъ Трофимова при мѣстномъ монастырѣ открыта была математическая школа, въ которую въ первое же время учениковъ набралось до 50 человѣкъ. Но эта школа просуществовала только три мѣсяца, такъ какъ въ томъ же году прибыли въ Астрахань синодскій и сенатскій указы объ освобожденіи церковническихъ дѣтей «отъ ариѳметическихъ школъ и прочихъ свѣтскихъ наукъ», и дѣти церковниковъ были вытребованы въ архіерейскую школу, которая все-таки не была открыта. За этой первой школой послѣдовало открытіе въ 1728 г. Латинской школы, построенной мѣстнымъ купцомъ и содержавшейся «купецкими людьми». Черезъ годъ по открытіи учениковъ въ ней было 41. Въ 1731 г. и эта школа была закрыта по приговору купечества, которое нашло, что обученіе «купецкихъ дѣтей» латинскому языку излишне. Далѣе, въ 1739 г. открыта была школа при архіерейскомъ домѣ. Учителемъ въ ней былъ дьяконъ, а ученики (числомъ около 25)—исключительно дѣти духовныхъ лицъ. И эта школа просуществовала только около года и была закрыта по неспособности учителя къ преподаванію. Затѣмъ, около этого же времени въ Спасскомъ монастырѣ открыта была «школа для обученія русской грамотѣ русскихъ безродныхъ болдырей, а также новокрещенныхъ изъ разныхъ вѣръ дѣтей». Школа «болдырей» потомъ переведена была въ архіерейскій домъ, гдѣ и просуществовала до 1777 г., до открытія духовной семинаріи; число учениковъ въ ней доходило до 50. Въ 1764 г. въ Троицкомъ монастырѣ была открыта гарнизонная школа, содержавшаяся на доходы съ участка рыболовныхъ водъ (на 3,500 руб.). Учащимися въ ней были солдатскія дѣти и дѣти купцовъ и разночинцевъ. Въ школѣ обучали: языкамъ—русскому, нѣмецкому, армянскому, турецкому и калмыцкому, затѣмъ ариѳметикѣ, геометріи, фортификаціи, артилеріи, навигаціи, географіи, исторіи, рисованію и мастерствамъ слесарному и кузнечному. Гарнизонная школа просуществовала до 1786 г., т.-е. до того времени, когда повелѣно было повсемѣстно открыть народныя училища *).

Въ Астрахани первое народное училище открыто было лишь въ 1788 г. Оно находилось въ вѣдѣніи приказа общественнаго призрѣнія и содержалось на средства, принадлежавшія ранѣе гарнизонной школѣ, пожертвованія и субсидію отъ приказа; всего ассигновалось на него 4,500 р. ассигн. въ годъ. Сверхъ предметовъ, преподававшихся въ главныхъ народныхъ училищахъ вообще, въ астраханскомъ училищѣ преподавались еще языки: турецкій, персидскій, армянскій, татарскій и калмыцкій. При открытіи училища астраханское общество пошло навстрѣчу этому просвѣтительному мѣропріятію и отъ лица 100 человѣкъ мѣщанъ и купцовъ составило приговоръ, въ которомъ говорится, что они (подписавшіеся) обязываются «самоохотно» при открытіи училища внести на его содержаніе «изъ доходовъ

*) *Ф. Шперкъ*: „Краткій историческій очеркъ народнаго образованія въ г. Астрахани". *Астрах. Справочн. Листокъ* за 1893 г.

общихъ рыбныхъ учужныхъ промысловъ на сей 1788 г. три тысячи рублевъ въ приказъ общ. призрѣнія, а впредь отъ оныхъ же промысловъ, по усмотрѣнію пользы, поелику можемъ, не оставимъ спомоществовать тому училищу къ распространенію онаго» *). Число учащихся въ астраханскомъ главномъ народномъ училищѣ, начиная съ 98 чел. (въ 1788 г.), въ первые 4 года постепенно повышается и доходитъ въ 1791 г. до 219 чел., потомъ почему-то въ слѣдующемъ году вдругъ спускается до 133, а въ 1793 г. даже до 105 чел.; затѣмъ, въ слѣдующіе годы опять нѣсколько повышается. Среднее годовое число учащихся за весь 18-лѣтній періодъ существованія училища равняется 157. Въ дѣлахъ приказа за 1792 г., годъ наибольшаго упадка числа учащихся, имѣется одно дѣло, свидѣтельствующее о томъ, что въ Астрахани въ то время, помимо правительственныхъ школъ, существовали и частныя, содержатели которыхъ не имѣли на открытіе ихъ никакого дозволенія. По мнѣнію директора и учителей главнаго народнаго училища, эти «старомодныя» школы и служили главной причиной упадка числа учениковъ въ главномъ училищѣ. По показанію директора, частныхъ или «старомодныхъ» школъ въ Астрахани было въ то время 19; учениковъ въ нихъ 251. Что же касается учителей, то ими были лица разныхъ сословій и профессій; въ числѣ содержателей частныхъ училищъ показаны: «канонерскій мужикъ», у котораго было 15 учениковъ, «буточникъ Ѳедоръ Лебедевъ», имѣвшій 30 учениковъ, «мужикъ Михайло Димитріевъ», «церковный сторожъ Антонъ Алексѣевъ», «мужичка Пантелеиха», «дѣвка Анна Яковлева, Казанскаго попа внучка», «попадья Воздвиженскаго попа», «офицерша Парасковья Иванова», «капитанша Ѳедосья Абрамовичева», три попа и нѣсколько дьяконовъ. Вслѣдствіе представленія директора народнаго училища, приказъ поручилъ городничему узнать, подлинно ли тѣ училища въ городѣ заведены, и если они дѣйствительно существуютъ, то объявить содержателямъ ихъ, что они, по надлежащемъ испытаніи, должны получить разрѣшеніе на содержаніе школъ отъ приказа, въ противномъ же случаѣ школы ихъ должны быть закрыты (Д. 1792 г., № 147). По наведеннымъ справкамъ оказалось, что поименованныя училища дѣйствительно существовали. Несмотря на принятыя городничимъ и приказомъ мѣры, они продолжали дѣйствовать на прежнемъ основаніи **).

Кромѣ этихъ частныхъ училищъ, въ концѣ прошедшаго столѣтія въ Астрахани были и другія такого же типа. Такъ, наприм., въ 1788 г. упоминается о существованіи въ городѣ «частной армянской школы», а въ 1791 г. съ разрѣшенія приказа былъ открытъ иностранцемъ Миллеромъ частный пансіонъ для обученія дѣтей обоего пола общеобразовательнымъ предметамъ и иностраннымъ языкамъ.

---

*) *К. Малиновскій:* „Главное народное училище въ Астрахани". *Астраханскій Губерн. Вѣстн.* 1890 г., №№ 81, 83, 85.

**) Ibidem.

Въ концѣ XVIII в. (1778 г.), кромѣ главнаго народнаго училища, открыта была въ Астрахани еще духовная семинарія. На содержаніе ея отпускалось 2 т. руб. ас. изъ доходовъ государственной коллегіи экономіи. Первоначально въ нее вошли ученики, бывшіе въ упомянутой выше архіерейской школѣ. Въ 1818 г. семинарія была преобразована и стала дѣлиться на 3 отдѣленія—низшее, среднее и высшее. Вмѣстѣ съ преобразованіемъ семинаріи въ этомъ году открыты были уѣздное и приходское духовныя училища. Въ 1867 г. семинарія была преобразована въ 6-классную, уѣздное духовное училище въ 4-классное учебное заведеніе, а приходское духовное было закрыто. Число учащихся въ семинаріи въ первое время ея существованія было 36 чел., въ 1837 г.—118, въ 1850 г.—57, 1861 г.—93, 1873 г.—76, 1882 г.—90, 1890 г.—148 и въ 1895 г.—174. Въ уѣздномъ и приходскомъ духовныхъ училищахъ, въ обоихъ вмѣстѣ, въ годъ ихъ открытія было—150 чел., въ 1837 г.—130, 1850 г.—139, 1861 г.—110, 1873 г.—154, 1882 г.—191, 1890 г.—218 и въ 1895 г.—206. Такимъ образомъ, въ продолженіе почти всего XVIII стол. были лишь попытки организовать въ Астрахани какого-либо рода училища. Попытки эти дали весьма незначительные результаты. Только въ концѣ столѣтія возникаютъ два учебныхъ заведенія, которыя впослѣдствіи основываются прочно и существуютъ до настоящаго времени. Эти училища—главное народное, преобразованное въ въ 1806 г. въ гимпазію, и духовная семинарія.

Въ царствованіе Александра I, съ учрежденіемъ министерства народнаго просвѣщенія, начинается періодъ реорганизаціи существовавшихъ до до того времени училищъ и открытія новыхъ. Въ 1803 г. училища были раздѣлены на приходскія, уѣздныя и гимназіи. Въ томъ же году былъ указъ объ учрежденіи учебныхъ округовъ, причемъ Астраханская губернія была подчинена Казанскому учебному округу. Впослѣдствіи, въ 1831 г., она была отнесена къ Харьковскому округу, но ненадолго,—въ 1833 г. всѣ учебныя заведенія Астраханской губ. вновь были перечислены въ Казанскій округъ. Первые годы царствованія Александра I ознаменовались для Астрахани, между прочимъ, открытіемъ военно-сиротскаго отдѣленія при Астраханскомъ гарнизонномъ полку (1805 г.), преобразованіемъ главнаго народнаго училища въ гимназію (1806 г.) и основаніемъ іезуитскаго благороднаго пансіона и іезуитскаго же училища для бѣдныхъ прихожанъ.

Военное-сиротское отдѣленіе въ 1837 г. было названо ротой военныхъ кантонистовъ; учащихся въ немъ въ то время было 406 челов. Въ 1859 г. оно было преебразовано въ училище военнаго вѣдомства (учащихся—150 чел.); затѣмъ, въ 1866 г. было названо военной начальной школой, а въ слѣдующемъ году упразднено. Какъ училище военнаго вѣдомства, оно въ дисциплинарномъ отношеніи дѣлилось на роты, а въ учебномъ—на приготовительный, низшій, средній и верхній классы.

Относительно первыхъ 30 лѣтъ существованія Астраханской гимназіи имѣются архивныя изслѣдованія, которыя интересны въ томъ отношеніи, что служатъ матеріаломъ для исторіи русскаго гимназическаго образова-

нія вообще. Съ 1806 г., т.-е. съ года преобразованія главнаго народнаго училища въ гимназію, и до 1835 г. Астраханская гимназія состояла изъ 4 классовъ; содержалась она на доходы бывшаго главнаго народнаго училища ($4^1/_2$ тыс. руб.) и на средства государственнаго казначейства (5,650 руб.); послѣдняя сумма въ 1859 г. была увеличена до 11,800 руб. Въ первые годы существованія гимназіи въ ней преподавались предметы: чистая и прикладная математика, исторія, географія и статистика, философія, изящныя искусства, политическая экономія, естественная исторія, технологія, наука о торговлѣ, рисованіе и языки—нѣмецкій, французскій и латинскій. Въ 1811 и 1817 гг. было введено преподаваніе персидскаго и татарскаго языковъ. Законъ Божій, по уставу 1804 г., былъ необязательнымъ; онъ сталъ преподаваться въ гимназіи съ 1812 г.

Въ 1819 г. гимназическая программа была измѣнена: 1) введено обязательное преподаваніе Закона Божія и чтеніе Св. Писанія, причемъ законоучителями должны были быть лица изъ духовнаго званія; 2) исключены изъ учебныхъ предметовъ—философія, изящныя искусства, политическая экономія, наука о торговлѣ и технологія; 3) предложено, по желанію достаточнаго числа учениковъ и при наличности опытнаго учителя, ввести преподаваніе греческаго языка. Въ этомъ же году министромъ народнаго просвѣщенія предложено было, чтобы каждое утро, передъ началомъ ученья, во всѣхъ классахъ учащимися за $^1/_2$ часа до начала уроковъ прочитывалась глава изъ Новаго Завѣта. Затѣмъ, въ 1824 г. изъ учебныхъ предметовъ гимназій были исключены естественное право и политическія науки и взамѣнъ ихъ увеличено число уроковъ по латинскому, греческому и русскому языкамъ. Въ томъ же году предписывалось: 1) списки учащихся въ гимназіи съ обозначеніемъ мѣста жительства отсылать въ полицію; 2) утверждать и сохранять въ молодыхъ людяхъ страхъ Божій; 3) чтобы воспитывающееся юношество почитало начальство и относилось къ нему съ должнымъ уваженіемъ и повиновеніемъ; 4) чтобы вело жизнь богобоязненную, по правиламъ своего вѣроисповѣданія, не причиняло бы никому обиды, и за обиды, нанесенныя ему, не удовлетворяло бы себя самопроизвольно; 5) чтобы публичныя мѣста не посѣщало.

Главными недостатками, касающимися учебной части, за періодъ съ 1806 и до 1835 г. были: 1) неимѣніе печатныхъ руководствъ, а потому диктованіе уроковъ по всѣмъ предметамъ, и 2) безсмысленное заучиваніе уроковъ. На послѣднее обратили вниманіе нѣкоторые «визитаторы», посѣщавшіе Астраханскую гимназію. Объ этомъ же въ 1811 г. говорится въ предписаніи министра народнаго просвѣщенія графа Разумовскаго: «учителя стараются (говорится въ предписаніи) болѣе обременять память учащихся, нежели изощрять ихъ разумъ, и, вмѣсто развитія разсудка, притупляютъ оный, заставляя заучивать наизусть отъ слова до слова то, изъ чего ученикъ долженъ удерживать одну только мысль» *).

*) *Н. А. Лопатинъ*: „Матеріалы для исторіи просвѣщенія Астраханскаго края". *Труды Астр. губ. статист. комитета*, вып. 4-й, 1875 г.

Учебныхъ пособій въ гимназіи не было почти вовсе. Фундаментальная библіотека, по свидѣтельству визитатора Комлишевскаго, не имѣла даже самыхъ необходимыхъ книгъ для пополненія познаній преподавателей.

Учительскія мѣста по нѣсколько лѣтъ оставались незамѣщенными: напримѣръ, учителя французскаго и нѣмецкаго языковъ не было 9 лѣтъ, латинскаго—5 л., математики—2 года. Составъ преподавателей былъ плохой: пьянство, буйство, доносы другъ на друга, небрежное отношеніе къ своему дѣлу были среди преподавателей заурядными явленіями. Учителя нерѣдко являлись въ классъ пьяными, и ученики смѣялись надъ ними. Учитель французскаго языка Дюро (1818 г.) на обѣдѣ у архіерея Гаія напился пьянъ, былъ выведенъ вонъ полиціей, при удаленіи исцарапалъ лицо у квартальнаго офицера и былъ посаженъ въ полицію. Въ другой разъ онъ же «отъ пьянства потерялъ разсудокъ и дѣлалъ на улицахъ разныя непозволительныя непристойности; за это опять отправленъ въ полицію». На другой день послѣ этого онъ гулялъ по улицамъ въ такомъ видѣ, что «благопристойность,—по словамъ директора,—не позволяетъ подробно его описать, а потому отправленъ въ больницу» (1819 г. № 96). Другой учитель въ пьяномъ видѣ вышибъ двери въ комнату другой учительской квартиры въ гимназіи и дѣлалъ разныя буйства. Затѣмъ, онъ же «схватилъ другого учителя и исцарапалъ ему лицо и потомъ, высунувшись изъ окна своей квартиры въ гимназіи, поносилъ площадными словами директора и учителей, за что былъ отправленъ въ полицію». Были даже такіе учителя, которые аттестовались гимназическимъ начальствомъ: «неспособенъ по случаю лишенія здраваго разсудка» и оставались на своихъ мѣстахъ десятки лѣтъ. Напримѣръ, въ 1822 г. директоръ доносилъ про учителя Мерцалова: «Мерцаловъ совершенно выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ людей. Домоводства никакого не имѣетъ, объ опрятности не печется, сообщества съ другими удаляется». Даже,—по словамъ директора,—ставни въ его квартирѣ навсегда оставались бы закрытыми, еслибы директоръ не велѣлъ ихъ раскрывать. «Знакомымъ и незнакомымъ при свиданіи Мерцаловъ твердитъ одно и то же, что въ дѣтствѣ онъ отъ лошади получилъ перешибъ въ рукѣ, ногѣ и головѣ, а потому въ дѣлахъ не можетъ равняться съ совершенно здоровыми». Вообще директоръ находитъ, что воображеніе Мерцалова совершенно повредилось, а потому и ученики въ его классѣ ведутъ себя непристойно» (1822 г. № 1902). Черезъ 2 года послѣ этого директорскаго доклада училищный комитетъ, усматривая изъ донесенія, что Мерцаловъ по разстроенному разсудку часто въ классы не ходитъ, спрашивалъ: есть ли надежда на его излѣченіе? *).

Доносы другъ на друга были въ ходу не только среди учителей, но даже и среди лицъ, занимавшихъ болѣе высокое положеніе. Въ качествѣ примѣра, доказывающаго справедливость этого положенія, можно обрисовать столкновеніе директора гимназіи Рѣдкина съ наказнымъ атаманомъ

*) Ibidem.

казачьяго войска Петровымъ. Столкновеніе произошло при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Въ 1830 г. при гимназіи былъ открытъ пансіонъ на 30 человѣкъ дѣтей офицеровъ Астраханскаго казачьяго войска. Пансіонеры помѣщались въ особомъ зданіи и обучались всѣмъ наукамъ, преподававшимся въ гимназіи, за исключеніемъ латинскаго языка, и кромѣ того, для нихъ полагалось имѣть двухъ особыхъ учителей—для чтенія и письма и для военныхъ наукъ. По положенію о пансіонѣ, онъ, какъ учрежденный при Астраханской гимназіи, являлся учрежденіемъ не войсковымъ исключительно, а подчинялся въ извѣстной мѣрѣ начальству гимназическому. Вслѣдствіе этого, у гимназическаго начальства было стремленіе оказывать вліяніе на жизнь пансіона и ходъ его дѣлъ, что̀ шло въ разрѣзъ со стремленіемъ основателя его, наказнаго атамана Петрова, желавшаго удержать пансіонъ въ своемъ исключительномъ вѣдѣніи. Такое положеніе пансіона вызывало столкновеніе, которое и произошло по слѣдующему поводу. Преподаватель гимназіи Петровскій, когда казаки просили его отпустить ихъ съ урока въ пансіонъ заниматься съ своими учителями, задалъ вопросъ: «чѣмъ вы тамъ занимаетесь?» Казаки отвѣчали: «риторикой и логикой». На это Петровскій замѣтилъ, что для такихъ животныхъ, какъ казаки, достаточно одной грамматики, и не дозволилъ имъ уйти съ урока. Главный надзиратель пансіона прислалъ урядника спросить,—почему казаки задержаны. Рѣдкинъ отвѣчалъ посланному: «скажи твоему надзирателю, чтобы онъ не осмѣливался ко мнѣ присылать съ такими вопросами» (Отношеніе атамана 1833 г. № 66). Между Рѣдкинымъ и Петровымъ началась послѣ этого переписка, имѣющая мѣстами юмористическій характеръ. Далѣе, за письменной перебранкой начались обоюдные доносы. Директоръ Рѣдкинъ доноситъ на Петрова военному губернатору, что воспитанники пансіона даже зимой ходятъ босые (при этомъ въ качествѣ вещественнаго доказательства были представлены худые сапоги, которые носили воспитанники пансіона) и присовокупляетъ: «чего должно ждать отъ атамана, когда онъ въ вашемъ присутствіи, на обѣдѣ у предводителя дворянства, министра юстиціи назвалъ негодяемъ» (1833 г. № 146). Петровъ въ свою очередь жалуется на Рѣдкина министру народнаго просвѣщенія, при чемъ представляетъ ему всю подлинную съ Рѣдкинымъ переписку и проситъ отдѣлить пансіонъ отъ гимназіи съ тѣмъ, чтобъ учителя послѣдней преподавали пансіонерамъ въ помѣщеніи пансіона. Министръ не согласился на отдѣленіе пансіона отъ гимназіи, но о дѣйствіяхъ Рѣдкина сдѣлалъ какое-то предписаніе попечителю Харьковскаго учебнаго округа. Но и послѣ этого Рѣдкинъ продолжалъ тревожить Петрова: на послѣдняго онъ написалъ астраханскому военному губернатору новый доносъ, въ которомъ обвинялъ атамана въ пристанодержательствѣ и просилъ «съ пристанодержателемъ полковникомъ Павломъ Петровымъ поступить по всей строгости законовъ» *).

*) „Войсковой пансіонъ Астраханскаго казачьяго войска". Очеркъ И. А. Бюрюкова.

Столкновеніе окончилось тѣмъ, что вмѣсто Рѣдкина въ Астраханскую гимназію назначенъ былъ директоромъ Рыбушкинъ. Положеніе о пансіонѣ было дополнено: главнымъ и непосредственнымъ начальникомъ пансіона назначенъ былъ войсковой атаманъ; участіе директора гимназіи въ управленіи пансіономъ было устранено.

Плохая постановка преподаванія въ гимназіи и плохой составъ преподавателей не могли оказать благотворнаго вліянія на учениковъ. Ученики пропускали много уроковъ и учились плохо. Въ 1815 г. изъ 3-го въ 4-й классъ никто не былъ переведенъ. Въ 1828 г. изъ 27 учениковъ всѣхъ классовъ гимназіи не перешли по малоуспѣшности въ слѣдующіе классы 16 (почти $^2/_3$). Число окончившихъ курсъ за весь первый періодъ существованія гимназіи (съ 1806 до 1835 г.) было 83 челов., т.-е. приходится менѣе 3 человѣкъ на годъ. Общее число учениковъ гимназіи за все это время было 1,978 челов., изъ которыхъ 1,335 челов. принадлежали къ привилегированнымъ сословіямъ. Выбыло до окончанія курса 376 челов. Вообще до преобразованія Астраханская гимназія влачила жалкое существованіе и пользовалась въ городѣ дурною славой. По отзывамъ о гимназіи ревизора Манассеина (1819 г.). 1) Мѣстные жители отдавали своихъ дѣтей въ гимназію лишь для того, чтобы они не вертѣлись постоянно на глазахъ. 2) Едва родители замѣчали, что дѣти ихъ умѣютъ читать и писать и знаютъ первоначальныя правила ариѳметики, то тотчасъ брали ихъ и пристраивали къ дѣлу. 3) Въ теченіе многихъ лѣтъ ни одинъ родитель не посѣтилъ гимназію и не освѣдомился объ успѣхахъ своихъ дѣтей.

Въ качествѣ выдающихся фактовъ изъ жизни гимназіи въ первый періодъ ея существованія нужно отмѣтить и слѣдующее: 1) въ 1813 г. учитель нѣмецкаго языка Вейсгопфенъ сталъ издавать литературный органъ *Восточныя извѣстія* и завелъ первую типографію въ г. Астрахани. Цензура этого журнала, существовавшаго до 1816 г., была поручена учителямъ гимназіи Орлову и Шпаковскому; 2) съ 1816 по 1818 г. учитель музыки Иванъ Добровольскій издавалъ журналъ *Азіатскій музыкальный Вѣстникъ*; 3) въ 1822 г. при Астраханской гимназіи было учреждено книжное депо, которое снабжалось книгами изъ магазина департамента народнаго просвѣщенія и въ свою очередь снабжало ими всѣ училища Кавказскаго края. Завѣдывалъ книжнымъ депо учитель словесности Поповъ. Эти факты свѣдѣтельствуютъ о томъ, что въ общей массѣ плохихъ учителей изрѣдка появлялись и дѣятельныя лица, къ числу которыхъ нужно отнести директора гимназіи Рыбушкина, оставившаго послѣ себя записки объ Астрахани, и учителя Матвѣева, трудившагося по описанію главнаго мѣстнаго архива

Въ 1835 г. гимназія изъ 4-классной была преобразова въ 7-классную (по уставу 1828 г.). Въ 1846 г. при ней былъ учрежденъ пансіонъ для 20 казеннокоштныхъ воспитанниковъ и 4 казенныя стипендіи при Казанскомъ университетѣ. Въ 1837 г. въ ней было учащихся 140 челов., въ 1850 г.—164, 1861 г.—137, 1873 г.—269, 1882 г.—317, 1890 г.—368

и въ 1895 г.—346. За 54 года (съ 1838 по 1891 г.) окончило курсъ 387 учениковъ.

Изъ учебныхъ заведеній, бывшихъ въ г. Астрахани въ началѣ царствованія Александра I, выдѣлялся астраханскій іезуитскій коллегіумъ. Онъ былъ основанъ іезуитами въ 1807 г. при католической церкви и существовалъ по 1820 г. До прибытія іезуитовъ въ Астрахань, тамъ въ качествѣ распространителей католицизма пребывали миссіонеры ордена капуциновъ, которые еще въ началѣ XVIII ст. построили католическую церковь. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія капуциновъ вытѣсняютъ вновь прибывшіе іезуиты. Послѣдніе (Войцвилло, Мамвэ и схоластикъ Водзевичъ) основываютъ благородный пансіонъ на 10 воспитанниковъ изъ дѣтей высшаго и богатаго класса. Рядомъ съ пансіономъ основано было іезуитское училище на 30 воспитанниковъ изъ небогатаго класса. Училища эти состояли въ вѣдѣніи іезуитской Плоцкой академіи. Пансіономъ завѣдывалъ патеръ, а учителями были 3 іезуита. Въ 1-мъ отдѣленіи пансіона преподавалось: русская и французская грамматика, священная исторія, католическій катехизисъ, географія, ариѳметика и чистописаніе. Во 2-мъ отдѣленіи къ этимъ предметамъ присоединялись нѣмецкій языкъ и свѣтская исторія. Въ пансіонѣ учились дѣти высшихъ мѣстныхъ чиновниковъ и богатыхъ купцовъ. Пансіонъ существовалъ до 1820 г., до года удаленія іезуитовъ изъ Россіи. «Въ Астрахани іезуиты своимъ гуманнымъ обращеніемъ среди господствовавшей грубости тогдашнихъ школьныхъ нравовъ сумѣли привлекать къ себѣ учениковъ, а своею вкрадчивостью и практическимъ тактомъ сумѣли пріобрѣсти себѣ много поклонниковъ въ астраханскомъ обществѣ. И астраханцы со слезами на глазахъ провожали своихъ дорогихъ гостей при изгнаніи ихъ изъ Россіи» *).

Чтобы не заполнять статью хронологическими и вообще цифровыми данными, мы прослѣдимъ дальнѣйшее развитіе школьнаго дѣла въ Астрахани не по годамъ, а по десятилѣтіямъ. Къ 1-й половинѣ царствованія Александра I, кромѣ вышеуказанныхъ учебныхъ заведеній, относится также открытіе армянской духовной семинаріи и двухъ уѣздныхъ училищъ—армянскаго и русскаго, изъ которыхъ первое существуетъ и въ настоящее время, а второе въ 80-хъ годахъ преобразовано было въ 4-классное городское училище. Во 2-е и 3-е десятилѣтія текущаго столѣтія новыхъ училищъ почти не открывалось. Въ 30-хъ и 40-хъ годахъ были открыты 3 приходскихъ училища (2 мужскихъ и 1 женское), 3 дѣтскихъ пріюта, 2 частныхъ женскихъ пансіона, институтъ для дѣвицъ и пансіонъ для калмыцкихъ мальчиковъ. Въ 50-хъ годахъ открыты: 3 приходскихъ училища и 1 частная женская школа. Въ 60-хъ годахъ—3 воскресныя школы, просуществовавшія незначительное время, женское маріинское училище 1-го разряда, преобразованное въ 1867 г., по соединеніи его съ женскимъ институтомъ, въ женскую гимназію, и епархіальное женское училище. Съ 70-хъ

*) *Лопатинъ, Н. А.*: „Матеріалы для исторіи просвѣщенія Астраханскаго края".

годовъ начинается движеніе въ пользу ремесленнаго и реальнаго образованія; въ это десятилѣтіе открывается 5 ремесленныхъ школъ (изъ нихъ 1 женская), мореходный классъ, повивальная школа и реальное училище. Для послѣдняго городомъ построено особое помѣстительное зданіе; на содержаніе этого училища поступаетъ 12,280 руб. отъ казны и отъ города (въ 1892 г.—17,154 р.). Число учащихся въ немъ: въ 1877 г. было 22, въ 1882 г.—168, въ 1890 г.—208 и въ 1895 г.—318. Кромѣ указанныхъ училищъ, въ 70-хъ годахъ городомъ открыто было 3 мужскихъ и 3 женскихъ приходскихъ училища. Въ 80-хъ и началѣ 90-хъ годовъ городъ открываетъ городскія училища, которыхъ въ настоящее время числится 3 мужскихъ (два 4-классныхъ и одно 3-классное) и 1 женское (4-классное). Кромѣ того, въ послѣднія 17 лѣтъ открыты были: инородческое училище для татаръ, училище для глухо-нѣмыхъ съ ремесленными отдѣленіями, школа садоводства и огородничества, частные профессіональные женскіе курсы по обученію женскимъ рукодѣліямъ, 8 частныхъ общеобразовательныхъ школъ и женская воскресная школа. Четыре года тому назадъ мѣстными учителями была открыта и мужская воскресная школа, но она просуществовала только годъ, была временно закрыта по распоряженію учебнаго начальства вслѣдствіе появленія въ городѣ дифтеритной эпидеміи и съ тѣхъ поръ вновь не открывалась, хотя для ея открытія мѣстными учителями потрачено было много хлопотъ. Женская воскресная школа, бывшая 3 года тому назадъ въ вѣдѣніи инспекціи народныхъ училищъ, закрытая одновременно съ мужской и открытая вновь съ 1897 г., въ первый же мѣсяцъ приняла 166 учениць и отказала 22 за малолѣтствомъ и недостаткомъ мѣста. Изъ поступившихъ: 31 ученица имѣютъ отъ 9 до 12 л., 51—отъ 13 до 15 л., 84—отъ 16 до 43 л.; по занятію ученицы распредѣляются: 115 занимаются домашнимъ хозяйствомъ, 9 поденщицъ, 17 прислужницъ, 23 швеи, 2 торговки; по степени подготовки: 68 неграмотныхъ 80 малограмотныхъ и 18 грамотныхъ.

Вообще, всѣхъ учебныхъ заведеній, открытыхъ въ Астрахани въ разное время, съ 1722 г. до настоящаго времени, насчитывается до 60 названій. Многія изъ нихъ были недолговѣчны: закрывались, просуществовавъ всего лишь нѣсколько лѣтъ или даже нѣсколько мѣсяцевъ. Развитіе школьнаго дѣла въ Астрахани показываетъ слѣдующая таблица:

Годы.	Число учебныхъ заведеній.	Число учащихся. Мужч.	Женщ.	Всего.
1837 . . .	20	1,074	122	1,196
1850 . . .	23	—	—	1,412
1861 . . .	29	—	—	около 1½ т.
1873 . . .	38	1,702	693	2,395
1883 . . .	52	2,263	1,216	3,479
1890 . . .	57	2,815	1,390	4,205
1895 . . .	75	3,368	2,130	5,498

Обзоръ развитія школьнаго образованія въ г. Астрахани приводитъ насъ къ выводамъ: 1) Попытки основать въ Астрахани организованныя школы начинаются съ 18 вѣка и почти до самаго конца этого столѣтія остаются безрезультатными вслѣдствіе недостатка подготовленныхъ учителей, отсутствія опредѣленныхъ и постоянныхъ средствъ на содержаніе школъ, невыработанности учебныхъ программъ и несоотвѣтствія ихъ запросамъ населенія. 2) До второй половины настоящаго столѣтія хотя и существовало нѣсколько учебныхъ заведеній съ болѣе или менѣе постоянными средствами, но большого образовательнаго значенія они не имѣли, во-первыхъ, вслѣдствіе неудовлетворительной постановки преподаванія и, во-вторыхъ, вслѣдствіе того, что школьное образованіе предназначалось главнымъ образомъ для дѣтей привилегированныхъ классовъ и затѣмъ для дѣтей состоятельныхъ лицъ средняго городского сословія. Дѣти, имѣвшія бѣдныхъ родителей или принадлежавшія къ низшимъ сословіямъ, при желаніи научиться грамотѣ, могли получить желаемое лишь въ частныхъ школахъ. 3) Стремленіе къ распространенію общаго и ремесленнаго образованія замѣтно проявляется въ Астрахани лишь съ 70-хъ годовъ, съ открытіемъ городского самоуправленія, которому почти всѣ существующія въ настоящее время учебныя заведенія обязаны или своимъ возникновеніемъ, или упроченіемъ своего существованія. За періодъ съ 1870 г. и по 1895 г. Астрахань израсходовала на образованіе около 1,560 тыс. руб.

Постепенный ростъ расходовъ города на образованіе былъ таковъ: 1870 г. 8,534 р., 1875 г. 21,070 р., 1880 г. 71,201 р., 1885 г. 70,159 р. 1890 г. 81,703 р., 1895 г. 94,190 р. Сумма 953,250 р., израсходованная на образованіе въ 19 лѣтъ (съ 1870 по 1888 г.) распредѣляется слѣдующимъ образомъ *): 42,256 р. на высшее образованіе, 491,931 р. (въ числѣ ихъ 154 т. р., израсходованныя на постройку зданія реальнаго училища) на среднее; 51,856 р. на ремесленное, 10,528 р. на пріюты, 52,365 руб. на библіотеки, народныя чтенія и театръ, 81,656 р. на городскія училища и 222,658 р. на приходскія. Сравнивъ послѣднюю сумму, затраченную городомъ на начальныя школы, съ общею суммой расходовъ на образованіе и съ расходами на среднія учебныя заведенія, мы получимъ, что на начальныя школы затрачено менѣе $^1/_4$ общей суммы и вдвое меньше чѣмъ на среднія учебныя заведенія. Этотъ фактъ свидѣтельствуетъ о томъ, что городъ обращаетъ меньше, чѣмъ слѣдуетъ, вниманія на низшее образованіе, что, во-первыхъ, служитъ причиной внѣшняго неустройства и переполненія низшихъ школъ и, во-вторыхъ, оставляетъ высокимъ % безграмотныхъ.

О состояніи школьнаго образованія въ г. Астрахани въ послѣднее время отчасти говоритъ слѣдующая таблица, показывающая число учебныхъ заведеній и учащихся въ 1895 году:

---

*) Приложеніе къ памятной книжкѣ Астраханской губерніи за 1890 г. Изданіе губернскаго статистическаго комитета.

Названіе учебныхъ заведеній.	Число учебн. зав. м.	ж.	Всего.	Число учащихся. м.	ж.	Всего.
Среднія.						
Мужская и женская гимназіи съ пансіонами	1	1	2	346	371	717
Реальное училище	1	—	1	318	—	318
Духовная семинарія и епархіальное женское училище	1	1	2	174	222	396
Итого. . .	3	2	5	838	593	1,431
Низшія.						
Уѣздное армянское училище	1	—	1	76	—	76
Духовное училище	1	—	1	206	—	206
Городскія училища	3	1	4	396	171	567
Приходскія »	8	6	14	707	545	1,252
Училища, содержимыя обществами и учрежденіями	—	—	6	135	96	231
Училища, содержим. частными лицами.	—	—	9	80	138	218
Церковно-приходскія школы	—	—	22	584	311	895
Ремесленныя	4	1	5	101	35	136
Пріюты	—	—	2	51	59	110
Армянскія церковныя	1	1	2	26	168	194
Мореходный классъ	1	—	1	63	—	63
Повивальная школа	—	1	1	—	14	14
Татарское училище.	1	—	1	67	—	67
Калмыцкій пансіонъ	1	—	1	38	—	38
Итого. . .	21	10	70	2,530	1,537	4,067
Всего въ Астрахани . .	24	12	75	3,368	2,130	5,498

Въ эту таблицу не вошли 3 татарскихъ медресе и 4 мектебе; учащихся въ нихъ было въ 1895 г.: 323 мальч. и 35 дѣв., всего 358 человѣкъ. Положеніе среднихъ учебныхъ заведеній въ Астрахани болѣе или менѣе опредѣленное: они имѣютъ свои зданія, извѣстныя постоянныя средства содержанія и въ общемъ удовлетворяютъ существующимъ въ обществѣ запросамъ на среднее образованіе. Исключеніе представляетъ только Маріинская женская гимназія, которая «не вмѣщаетъ всѣхъ, желающихъ учиться въ ней, вслѣдствіе чего возбуждена переписка съ подлежащимъ начальствомъ о расширеніи Маріинской гимназіи путемъ открытія въ ней нѣсколькихъ параллельныхъ классовъ. А дума поручила управѣ составить проектъ ходатайства объ открытіи въ Астрахани женской гимназіи или въ крайнемъ случаѣ прогимназіи вѣдомства минист. народн. просв.» (*Астраханскій Вѣстникъ* 1896 г., № 2073). Для устраненія этого недостатка пришла на помощь частная инициатива: въ 1896 г. открылось частное женское учебное заведеніе г-жи Шавердовой съ курсомъ 6-классной женской гимназіи.

Учащіеся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ въ 1895 г. распредѣлялись по сословіямъ такимъ образомъ:

	Мужск. гимназ.	Женск. гимназ.	Реальн. учил.	Духовн. семин.	Епарх. жен. уч.	Всего.
Дворянъ, офицеровъ и чиновниковъ.	166	186	73	20	38	483
Духовнаго сословія	9	6	—	106	129	250
Почетныхъ гражданъ и купцовъ . .	47	92	193	5	16	557
Мѣщанъ	87	68		25	24	
Крестьянъ и нижнихъ военн. чиновъ.	31	18	45	18	15	127
Инородцевъ.	2	—	—	—	—	2
Иностранцевъ.	4	1	7	—	—	12
Итого. . .	346	371	318	174	222	1,431

Въ 1896 г. въ свѣтскихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ для учащихся имѣлось 136 стипендій; изъ нихъ въ мужской гимназіи: 15 полныхъ казенныхъ стипендій, 6 таковыхъ же частныхъ при пансіонѣ и 40 при гимназіи; въ женской гимназіи: для воспитанницъ пансіона 11 стипендій и 51 для приходящихъ (17 частныхъ и 34 отъ города); въ реальномъ училищѣ было 13 стипендій.

Положеніе низшихъ учебныхъ заведеній менѣе удовлетворительно, чѣмъ положеніе среднихъ. Хотя, благодаря городу, и они матеріально болѣе или менѣе обезпечены, тѣмъ не менѣе испытываютъ до сихъ поръ одинъ очень важный недостатокъ, а именно: отсутствіе для большинства изъ нихъ собственныхъ помѣщеній. Занимаемыя ими наемныя помѣщенія въ большинствѣ неудобны и въ учебномъ и въ гигіеническомъ отношеніяхъ: не имѣютъ дворовъ для игръ учениковъ въ большую перемѣну, рекреаціоннаго зала, должнаго распредѣленія классныхъ комнатъ, вентиляторовъ и нѣкоторыхъ другихъ приспособленій, требуемыхъ школьною гигіеной. Такъ, напримѣръ, во второмъ 3-хъ классномъ городскомъ училищѣ зимой 1895 г. «въ сильные морозы приходилось прекращать занятія: температура въ классахъ спускалась до 4° по Р., и ученики вынуждены были сидѣть въ пальто и калошахъ. Попечитель училища особымъ заявленіемъ донесъ думѣ, что среди учащихся наблюдались повальныя головныя боли съ припадками, которыя врачи объясняютъ недостаткомъ воздуха въ классахъ» (*Астрах. Вѣстн.* 1896 г.). Кромѣ того, при наемныхъ квартирахъ, въ размѣщеніи училищъ по различнымъ частямъ города приходится сообразоваться не съ потребностями населенія, а съ наличностью удобныхъ для школьныхъ занятій квартиръ, вслѣдствіе чего въ однѣхъ частяхъ города сосредоточено значительное число училищъ, тогда какъ другія части остаются безъ школъ.

Низшія училища, главнымъ образомъ приходскія, переполнены учащимися, такъ что на одно, наприм., приходское училище при двухъ преподавателяхъ приходится въ среднемъ 90 человѣкъ учащихся. Въ пріемѣ въ

тѣ же приходскія училища каждогодно приходится отказывать болѣе чѣмъ 200 дѣтямъ. Такимъ образомъ, наличная потребность въ низшемъ образованіи въ г. Астрахани не удовлетворяется путемъ существующихъ организованныхъ учебныхъ заведеній. Это доказываетъ открывшаяся съ начала 1897 г. женская воскресная школа, которая сразу привлекла къ себѣ 166 ученицъ и должна была отказать 22 дѣвочкамъ по недостатку мѣста (*Астрах. Лист.* 1897 г., № 64). О той же неудовлетворенной потребности въ низшемъ образованіи свидѣтельствуютъ существующія въ Астрахани частныя общеобразовательныя школы, изъ которыхъ около 10 зарегистрованы школьною инспекціей, какъ правильно организованныя.

Педагогическій персоналъ низшихъ училищъ заставляетъ желать улучшенія и обновленія путемъ замѣны нѣкоторыхъ преподавателей лицами, болѣе подготовленными къ педагогическому дѣлу. Особенно это слѣдуетъ сказать про тѣ приходскія училища, гдѣ преподаватели держатся на учительскихъ мѣстахъ, такъ сказать «за давностью лѣтъ».

Въ числѣ начальныхъ училищъ г. Астрахани имѣется особый типъ училищъ, которыя носятъ названіе ремесленныхъ. Ихъ насчитывается 4 мужскихъ и 1 женское. Содержатся они частію на средства благотворительныхъ обществъ, частію—на средства города. Учащихся въ нихъ немного: въ 1895 г. было всего 101 мальчикъ и 35 дѣвочекъ. По словамъ отчета инспектора народныхъ училищъ за 1893 г. «хотя ремесленныя училища и носятъ таковое названіе, однако ремесленное обученіе въ нихъ не имѣетъ надлежащей организаціи, какая соотвѣтствуетъ этого рода учебнымъ заведеніямъ. Вообще, въ Астрахани нѣтъ еще изъ этого рода училищъ ни одного, которое могло бы служить представителемъ и образцомъ ремесленнаго учебнаго заведенія». Чтобы выяснить результаты, получающіеся отъ астраханскихъ ремесленныхъ школъ, сообщимъ въ качествѣ примѣра краткую исторію женской ремесленной школы. Школа эта открыта была благотворительнымъ обществомъ въ 1871 г. на 20 воспитанницъ, которыя получали въ ней общее начальное образованіе въ объемѣ курса начальныхъ училищъ и ремесленное образованіе. Послѣднее выражалось въ разное время въ обученіи ремесламъ: переплетному, башмачному, прачечному, шитью, плетенію кружевъ и кулинарному искусству. Ремесла переплетное и башмачное преподавались всего нѣсколько лѣтъ и затѣмъ были оставлены. Плетеніе кружевъ тоже продолжалось только 2 года. Прачечное ремесло не составляло особой спеціальности: стиркой и глаженьемъ бѣлья дѣти занимались, работая только на себя. Шитье ограничивалось исполненіемъ заказовъ на изготовленіе бѣлья для больницъ. Вообще, обученіе ремесламъ имѣло главною цѣлью не обезпеченіе средствъ къ существованію воспитанницъ по выходѣ ихъ изъ школы, а матеріальныя выгоды самого учрежденія, нуждающагося въ средствахъ. Такова же цѣль и таковы же приблизительно результаты ремесленнаго образованія и въ мужскихъ ремесленныхъ школахъ. Отсутствіе правильно организованнаго ремесленнаго образованія въ Астрахани сдѣлалось настолько замѣтнымъ и ощутительнымъ въ послѣднее время,

что астраханскій биржевой комитетъ въ текущемъ году возбудилъ ходатайство объ открытіи въ Астрахани низшаго механическо-техническаго училища на счетъ казны, или на капиталъ рыбинскаго биржевого комитета, возросшій къ настоящему времени, благодаря ежегоднымъ отчисленіямъ изъ прибылей волжско-камскаго коммерческаго банка на нужды торговли и промышленности, до 1 м. р. Послѣднее ходатайство было отклонено департаментомъ торговли и мануфактуръ на томъ основаніи, что накопленный милліонный капиталъ назначенъ на нужды коммерческаго образованія (*Астрах. Лист.* 1897 г., № 111). Для развитія ремесленнаго образованія съ начала текущаго года при одной изъ ремесленныхъ школъ города открыты вечерніе курсы черченія и рисованія для ремесленниковъ и рабочихъ. Курсы содержатся на пожертвованія города, мѣщанскаго и ремесленнаго обществъ и мѣстнаго купечества. Число учебныхъ дней для курсовъ отведено 3 въ недѣлю. Кромѣ ремесленныхъ училищъ, въ Астрахани существуютъ: мореходный классъ, школа садоводства и огородничества и повивальная школа. Первый существуетъ съ 1876 г., содержится на 1,600 р. (4 т. р. отъ казны, 300 р.—отъ мѣщанскаго общества и 300 р.—отъ города); въ 1895 г. выпустилъ шкиперовъ и штурмановъ 17 человѣкъ. Школа садоводства открыта въ концѣ 1895 г.; въ настоящее время имѣетъ 14 учениковъ. Курсъ обученія въ ней 5-лѣтній; спеціальные предметы преподаванія: древоводство, плодоводство, цвѣтоводство, огородничество, виноградарство и винодѣліе; общеобразовательные: Законъ Божій, ариѳметика, русскій языкъ, исторія, географія, геометрія, физика, естественныя науки (ботаника и зоологія), ученіе о почвѣ, законы, относящіеся до крестьянскаго быта. Кромѣ того, ученики обучаются столярному и корзиночному ремесламъ, поскольку это необходимо въ интересахъ садоводства. Для практической дѣятельности учениковъ имѣется при школѣ питомникъ, плодовый садъ, виноградникъ и паркъ.

Въ 1-й приготовительный классъ принимаются мальчики, окончившіе курсъ въ народныхъ училищахъ (не моложе 12 лѣтъ); въ 1-й спеціальный классъ — окончившіе курсъ въ двуклассныхъ училищахъ (не моложе 14 лѣтъ). Въ повивальной школѣ въ 1895 г. было 14 ученицъ. Въ эту школу принимаются не болѣе 16 ученицъ преимущественно изъ сельскаго, казачьяго и инородческаго населенія въ возрастѣ отъ 20 до 30 лѣтъ. Окончившія курсъ получаютъ званіе сельской повивальной бабки и оспопрививательницы.

II.

Помимо учебныхъ заведеній въ дѣлѣ образованія астраханскаго населенія играли нѣкоторую роль: астраханская коммиссія народныхъ чтеній, городская библіотека и мѣстныя газеты. Коммиссія народныхъ чтеній начала свою дѣятельность съ 1882 г. Съ перваго же года ея существованія городъ назначилъ ей субсидію въ размѣрѣ 300 р.; въ слѣдующемъ году

субсидія была увеличена до 750 р. въ годъ, а съ 1890 г.—до 1 т. р. Въ первые годы дѣятельность коммиссіи ограничивалась чтеніемъ разрѣшенныхъ для народныхъ аудиторій брошюръ. Чтенія (за періодъ съ 1882 по 1892 г.) происходили 3 года въ одной аудиторіи, 3 г.—въ двухъ, 3 года—въ трехъ и 1 г.—въ четырехъ аудиторіяхъ. Число посѣтителей за 10 лѣтъ достигло цифры 125 т. человѣкъ. Число чтеній равнялось 521 или въ среднемъ въ годъ 52 чтенія. Изъ 132 брошюръ, которыя въ то время были разрѣшены для народныхъ чтеній, $^1/_3$ въ продолженіе всѣхъ 10 лѣтъ не читались ни разу за полной непригодностью для публичныхъ чтеній; нѣкоторыя изъ остальныхъ брошюръ читались по 2 и даже по 3 раза въ годъ. Чтобы сдѣлать чтенія болѣе разнообразными и интересными, распорядители хотѣли ввести хоровое пѣніе; съ этою цѣлью обратились за разрѣшеніемъ къ попечителю казанскаго учебнаго округа и получили краткій отвѣтъ: «Духовное пѣніе рекомендуется, а свѣтское требуетъ выбора». Обратились за разрѣшеніемъ духовнаго пѣнія къ мѣстной духовной власти и на этотъ разъ получили разрѣшеніе пѣть «кантаты и народныя пѣсни, но отнюдь не ставить церковныхъ пѣснопѣній» *). Такіе отвѣты затруднили постановку пѣнія во время народныхъ чтеній, вслѣдствіе чего пѣніе устраивалось лишь изрѣдка.

Такимъ образомъ, ограниченность репертуара народныхъ чтеній сводила пользу и интересъ до minimum'а и заставила коммиссію народныхъ чтеній избрать другія средства для распространенія народнаго образованія, а именно: устройство безплатной народной библіотеки и книжнаго склада для продажи дешевыхъ народныхъ книгъ. То и другое съ разрѣшенія министра народнаго просвѣщенія и было открыто въ 1889 г. Въ томъ же году коммиссія пошла было въ своихъ намѣреніяхъ дальше: явилась мысль организовать коммиссію въ «Общество распространенія народнаго образованія въ Астраханской губ.». Съ этою цѣлью коммиссіей выработанъ былъ уставъ и посланъ на утвержденіе. Вскорѣ черезъ губернатора отъ товарища министра народнаго просвѣщенія князя Волконскаго пришелъ отвѣтъ, въ которомъ было разъяснено, что «дѣйствующими законоположеніями попеченіе о нуждахъ народнаго образованія предоставлено подлежащимъ органамъ учебнаго и духовнаго вѣдомства по принадлежности. Въ виду этого, онъ, сенаторъ князь Волконскій, находитъ, что въ существованіи частнаго общества, преслѣдующаго ту же цѣль и стоящаго, притомъ, внѣ контроля названныхъ вѣдомствъ, не представляется надобности» **). Коммиссіи пришлось ограничиться чтеніемъ давно всѣмъ извѣстныхъ и въ большинствѣ непригодныхъ ни къ чему брошюръ и устройствомъ библіотеки и книжнаго склада.

Безплатная библіотека при открытіи ея была незначительна: состояла

---

*) *Краткій историческій очеркъ 10-лѣтняго существованія въ г. Астрахани народныхъ чтеній (1882—1892 г.).* Астрахань, 1892 г.

**) Ibidem., стр. 12.

всего изъ 147 назв. на сумму 79 р. Подписчиковъ въ 1-й годъ было 59 человѣкъ. Первые 2 года она помѣщалась въ реальномъ училищѣ и нѣкоторое время имѣла отдѣленіе при городскомъ училищѣ. Выдача книгъ производилась по праздникамъ, во время народныхъ чтеній. Затѣмъ, съ 1891 г. она была переведена въ особое помѣщеніе, и книги стали выдаваться ежедневно. Число книгъ возросло въ этомъ году до 712 назв. въ 1,060 т., а число подписчиковъ до 293 человѣкъ. Безплатная библіотека продолжаетъ существовать до настоящаго времени. Въ 1895 г. она имѣла уже подписчиковъ 788 человѣкъ, изъ нихъ 308 пользовались книгами безъ залога. По сословіямъ подписчики распредѣляются слѣдующимъ образомъ: мѣщанъ—416, крестьянъ—115, дворянъ и чиновниковъ—104, купцовъ — 52, духовныхъ — 42, военныхъ и казаковъ — 39, прочихъ — 16, школъ пользовалось книгами—4; по возрастамъ: до 10 лѣтъ—41, отъ 10 до 15—349, отъ 15 до 20—245, отъ 20 до 30—79, отъ 30 до 40—35, отъ 40 до 50—26, свыше 50—13 человѣкъ. Такимъ образомъ, около половины подписчиковъ—дѣти школьнаго возраста. Число выданныхъ книгъ въ 1895 г. было 12,015; по отдѣламъ онѣ распредѣляются такъ: богословіе—562, беллетристика—7,460, исторія—318, географія—255, естествовѣдѣніе и сельское хозяйство—123, смѣсь—7, журналы—3,290.

Продажа книгъ изъ книжнаго склада тоже первоначально производилась только во время народныхъ чтеній. Затѣмъ складъ былъ перенесенъ въ помѣщеніе библіотеки, и продажа стала производиться ежедневно. Кромѣ этого главнаго помѣщенія склада, открыта была въ наиболѣе людномъ мѣстѣ города книжная лавочка. Торговля пошла довольно бойко. Уже въ 1890 г. запасъ книгъ былъ на сумму болѣе 3 т. р.; продано было на 2 тыс. руб. Помимо народныхъ книгъ продавались дорогія книги и учебники. Въ 1895 г. годовой оборотъ склада былъ болѣе 11 т. р. Операціи книжнаго склада до настоящаго времени продолжаютъ быть довольно значительными, но книжная лавочка уже не существуетъ.

Для наибольшаго распространенія народныхъ книгъ коммиссія наняла было книгоношу для продажи книгъ въ городѣ. Но опытъ съ книгоношей оказался неудачнымъ. Книгоношу снабдили ящикомъ съ листовками и двухлистовками улучшенной народной литературы, выправили нужные для него документы, навѣсили знаки отличія и пустили по городу. Торговля пошла. Книгоноша, отставной солдатъ, находившійся до того времени безъ мѣста и подрядившійся продавать книги за извѣстный % съ валовой выручки, ликовалъ. Къ сожалѣнію, ликованіе продолжалось не болѣе 2-хъ недѣль. Въ одинъ прекрасный день книгоношу забрали въ участокъ для просмотра продаваемыхъ имъ книгъ. Хотя при осмотрѣ не было найдено ничего предосудительнаго и книгоноша не подвергся никакому взысканію, тѣмъ не менѣе этотъ инцидентъ показался ему настолько непріятнымъ, что онъ въ тотъ же день возвратилъ въ коммиссію знаки отличія и ящикъ съ приведенными въ безпорядокъ книгами и сложилъ съ себя званіе книгоноши.

Кромѣ найма книгоноши были еще попытки устроить отдѣленія книж-

наго склада въ уѣздныхъ городахъ Астраханской губ. Подысканы уже были лица, которыя брались завѣдывать отдѣленіями. Но въ концѣ-концовъ все это ограничилось областью предположеній, такъ какъ разрѣшеніе на устройство отдѣленій не было дано мѣстною властью.

Сказаннымъ дѣятельность коммиссіи народныхъ чтеній не исчерпывается. Въ разное время коммиссія не разъ снабжала мѣстныя городскія и приходскія училища фонаремъ и картинами, нужными для устройства школьныхъ праздниковъ; въ своей главной аудиторіи сама устраивала ежегодно «дѣтскія утра», на которыя стекалось иногда болѣе 1 т. дѣтей; въ 1891 г. пожертвовала въ 20 сельскихъ училищъ, въ воскресную школу и татарское училище библіотечки по 10 руб. каждая; въ холерное время озаботилась внесеніемъ въ репертуаръ народныхъ чтеній—чтенія о холерѣ и проч. Особенно полезными оказались библіотечки, посланныя въ сельскія школы. Учителя, получивъ книги, отвѣтили коммиссіи благодарственными письмами, изъ которыхъ видно, что при школахъ до полученія библіотечекъ совсѣмъ не имѣлось книгъ для внѣкласснаго чтенія. Польза отъ коммиссіи народныхъ чтеній была настолько очевидна, что городская дума два года тому назадъ въ одномъ изъ своихъ засѣданій постановила построить для народныхъ чтеній особую аудиторію, на что ассигновала почтенную сумму. Вообще, заслуги коммиссіи народныхъ чтеній въ дѣлѣ развитія народнаго образованія въ Астраханскомъ краѣ замѣтны и были бы еще замѣтнѣе, еслибъ ей дана была возможность продолжать свою дѣятельность. Къ сожалѣнію, такъ не случилось. Послѣ 13-лѣтняго существованія комиссія, имѣвшая болѣе 100 членовъ и довольно стройную организацію, отпраздновавшая уже свой 10-лѣтній юбилей, получившая поощрительный отзывъ въ 1888 г. на Московской выставкѣ «Общества поощренія трудолюбія» и благодарность (въ 1892 г.) отъ попечителя Казанскаго учебн. округа за устройство 20 сельскихъ школьныхъ библіотекъ, въ 1895 г. признана была незаконно существующей и не имѣющей своего устава. Причиной такого финала была не дѣятельность коммиссіи, полезная во всѣхъ отношеніяхъ и никогда не выходившая за предѣлы законности, но потуги лицъ, враждебно относящихся ко всякой просвѣтительной дѣятельности и старающихся затормозить ее всевозможными способами, среди которыхъ обыкновенно видную роль играютъ доносъ и клевета. Въ настоящее время публичныя чтенія не устраиваются. Субсидія отъ города не получается. Безплатная библіотека и книжный складъ продолжаютъ существовать на доходъ, получаемый отъ продажи книгъ. Оставшіеся въ живыхъ учредители коммиссіи пробовали возобновить народныя чтенія, для чего выработали проектъ устава и послали на утвержденіе, но всѣ эти хлопоты не привели къ желательному результату: уставъ не былъ утвержденъ.

Закрытую коммиссію народныхъ чтеній въ настоящее время отчасти замѣняетъ «Астраханское литературно-драматическое общество», основанное въ 1892 г. Общество по воскреснымъ днямъ устраиваетъ въ своемъ помѣщеніи общедоступные вечера, программа которыхъ гораздо разнообраз-

нѣе программы бывшихъ народныхъ чтеній. Обыкновенная программа вечера состоитъ изъ 3-хъ отдѣленій: чтенія небольшого художественнаго произведенія, музыки и исполненія артистами-любителями небольшой пьески. Входъ на общедоступные вечера платный: плата за входъ—5 коп., плата за нумерованныя мѣста — отъ 10 до 25 коп. Литературно-драматическое общество, благодаря общедоступнымъ вечерамъ, быстро завоевало симпатіи астраханской малосостоятельной публики. Въ осеннее и зимнее время зрительный залъ бываетъ биткомъ набитъ посѣтителями. Билеты раскупаются съ замѣчательною быстротой (въ теченіе часа или двухъ послѣ открытія кассы). За билетами публика является задолго до начала продажи ихъ и терпѣливо ждетъ прихода кассира, опасаясь остаться безъ билета. Сравнительно небольшой залъ помѣщенія литературно-драматическаго общества иногда не можетъ вмѣстить болѣе половины и даже $^1/_3$ части желающихъ попасть на общедоступный вечеръ и массѣ публики приходится отказывать, несмотря на усиленныя просьбы и предложеніе повышенной платы. Такое сильное стремленіе публики къ разумнымъ развлеченіямъ навело общество на мысль добиться устройства дешеваго народнаго театра. Хотя осуществленіе этой мысли, при ограниченности денежныхъ средствъ общества, связано съ большими затрудненіями, тѣмъ не менѣе общество продолжаетъ изыскивать пути для достиженія намѣченной цѣли.

Кромѣ литературно-драматическихъ вечеровъ, устраиваемыхъ литературно-драматическимъ обществомъ, въ настоящее время устраиваются общедоступныя чтенія съ туманными картинами въ обществѣ приказчиковъ. Много слушателей собирается и на эти чтенія. Затѣмъ, устраиваются членскія чтенія въ обществѣ машинистовъ; здѣсь читаются, обыкновенно, статьи по спеціальнымъ вопросамъ судовой механики. Для наглядности чтенія сопровождаются чертежами и оканчиваются обмѣномъ мыслей по поводу прочитаннаго (*Астр. Вѣст.* 1896 г., № 2048).

Въ исторіи просвѣщенія г. Астрахани нѣкоторую роль играла и Астраханская общественная библіотека *). Роль библіотеки въ дѣлѣ развитія мѣстнаго общества была бы значительнѣе, еслибы библіотека съ первыхъ же лѣтъ своего существованія имѣла достаточное матеріальное обезпеченіе и правильную организацію. Библіотека открыта была въ 1838 г. на частныя пожертвованія деньгами и книгами. Пожертвованіе было солидное: 15 т. руб. ассигн. и до 4 т. книгъ. Городъ предоставилъ для библіотеки безплатное помѣщеніе. Библіотекаремъ назначенъ былъ сынъ главнаго жертвователя. Первоначальная подписная плата была большая: 30 руб. ас. за право пользованія книгами и 25 руб. ас. залога, а всего 55 руб., которые подписчикъ долженъ былъ внести единовременно. Съ одной стороны, высокая плата, недоступная даже среднимъ чиновникамъ, съ другой — отсутствіе какого бы то ни было порядка въ управленіи библіотекой сдѣлали то, что

*) *50-лѣтнее существованіе Астр. общ. библіотеки (1838—1888 г.)* Историч. записка, изд. въ 1890 г.

число подписчиковъ, записавшихся въ 1-й же годъ существованія библіотеки въ количествѣ 46 челов., постепенно стало падать и въ 1842 г. дошло до 15. Упало и число безплатныхъ чтецовъ, для которыхъ былъ открытъ доступъ въ залъ для чтенія: въ 1838 г. ихъ было 1,850 челов., а въ 1842 г.—уже только 500 челов. Уменьшеніе числа пользовавшихся библіотекой зависѣло главнымъ образомъ отъ безпорядочнаго управленія библіотекой и было слѣдствіемъ отсутствія всякаго контроля. О библіотечныхъ безпорядкахъ писалъ, наприм., въ 1853 г. академикъ Беръ: «Когда я прибылъ въ Астрахань,—здѣсь хотя уже существовала библіотека, но ею не пользовались. Однажды мнѣ удалось неожиданно посѣтить ее, послѣ же находилъ ее постоянно запертою. Имѣть закрытую библіотеку—все равно, что не имѣть никакой». Въ состояніи полнѣйшей безпорядочности библіотека находилась до 1855 года. Съ этого года библіотека нѣсколько упорядочивается: выбирается особый библіотекарь и библіотечный комитетъ (по выбору губернатора, въ главномъ завѣдываніи котораго библіотека находилась до 1871 г.). Но и во второй періодъ (съ 1855 до 1871 г.) библіотека продолжала пребывать въ плачевномъ положеніи: средства библіотеки имѣли характеръ случайный, правильнаго контроля и правильно организованнаго библіотечнаго комитета не было. Отсутствіе опредѣленныхъ средствъ на содержаніе библіотеки заставило губернатора Васильева обратиться къ начальникамъ разныхъ учрежденій г. Астрахани съ циркулярнымъ предложеніемъ самимъ принять участіе въ поднятіи общественной библіотеки и привлечь къ тому же подвѣдомственныхъ имъ чиновниковъ путемъ вычета 1% изъ годового жалованья, за что чиновники получали право пользоваться книгами библіотеки. Эта мѣра хотя дала библіотекѣ небольшія средства, вслѣдствіе незначительности получаемаго въ то время чиновниками жалованья, но зато увеличила число подписчиковъ, которыхъ въ 1855 г. набралось 335. Для лицъ, не состоявшихъ на государственной службѣ, подписная годовая плата опредѣлена была въ 7 руб. Въ 60-хъ гг. число подписчиковъ спускается сначала до 148, затѣмъ до 84; далѣе опять постепенно повышается и доходитъ въ 1870 г. до 332. Подписная плата измѣнялась неоднократно. Библіотечный комитетъ сбирался очень рѣдко. Были попытки устроить при библіотекѣ продажу книгъ, но онѣ потерпѣли неудачу.

Съ 1871 г., со времени открытія городского самоуправленія, библіотека передана была въ вѣдѣніе города, а естественно-историческій музеумъ, учрежденный одновременно съ библіотекой и находившійся при ней, былъ переданъ частью директору гимназіи и частью городскому головѣ. Впослѣдствіи первый передалъ свою часть въ реальное училище, а второй — въ губернскій статистическій комитетъ. Городъ съ перваго же года владѣнія библіотекой сталъ отпускать на ея содержаніе около 1½ т. р., каковая сумма въ 80-хъ годахъ увеличена была до 2 т. р. и потомъ еще болѣе. Такимъ образомъ матеріальное положеніе библіотеки было обезпечено. Управленіе библіотекой мало упорядочилось. Библіотечный комитетъ, на

обязанности котораго лежитъ, между прочимъ, выписка книгъ и разсмотрѣніе заявленій, вносимыхъ посѣтителями библіотеки въ особо заведенную для этого книгу, попрежнему собирается рѣдко и мало слѣдитъ за вновь выходящими книгами. Книга же для заявленій, дабы она не вводила недовольныхъ библіотечными порядками въ искушеніе и не вызывала въ нихъ писательскаго зуда, обыкновенно прячется въ какое-нибудь укромное мѣсто. Въ 1895 г. библіотека имѣла 8,634 назв. въ 19,377 т. Число подписчиковъ равнялось 766; изъ нихъ 557 челов. были подписчики 3-го разряда. Число посѣщеній читальни достигло суммы 33,835. Правила подписки, дѣйствующія въ настоящее время, слѣдующія: плата по 1-му разряду 9 р. въ годъ и 1 р. въ мѣсяцъ, по 2-му—5 р. въ годъ и 60 коп. въ мѣсяцъ, по 3-му—2 р. 50 коп. въ годъ и 30 коп. въ мѣсяцъ; залогъ: для 1-го и 2-го разрядовъ—5 р., для 3-го—3 р.

Въ 1889 г. раздѣленіе подписчиковъ по сословіямъ было такое: 164—дворянъ и чиновниковъ, 96—мѣщанъ, 66—купцовъ, 28—учащихся, 27—учителей и учительницъ, 22—крестьянъ, 7—иностранцевъ, 6—духовныхъ и 3—нижнихъ военныхъ чина; всего 419 челов. Выданныя книги по отдѣламъ распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: исторія—635 назв., педагогика—487, математика и естественныя науки—415, правовѣдѣніе и политическія науки—182, философія—163, географія и этнографія—104, справочныя—96, богословіе—93, технологія и сельское хозяйство—48, языкознаніе—15, искусства—10, русская словесность—6,987, иностранныя книги—4,857, журналы—7,722, газеты—3,204; всего выдано—25,018. Русскіе авторы брались: свыше 200 разъ—Достоевскій, Л. Толстой и Писемскій, свыше 150—В. Крестовскій и Григоровичъ, свыше 100—Тургеневъ, Салтыковъ, Маркевичъ, Немировичъ-Данченко, В. Соловьевъ, Крестовскій (псевд.), Саліасъ, Лѣсковъ и Гончаровъ, свыше 50-ти—6 авторовъ, ниже 50-ти—15 авторовъ; иностранные авторы: свыше 100 разъ—Диккенсъ, свыше 50-ти—Шпильгагенъ и Ауэрбахъ, ниже 50-ти—13 авторовъ, изъ которыхъ наибольшій спросъ былъ на Гейне (44 раза), наименьшій—на Гёте (7 разъ).

Чтобы полнѣе обрисовать литературные вкусы астраханской читающей публики, сообщимъ свѣдѣнія о журналахъ и газетахъ, получавшихся въ 1896 г. въ астраханской почтово-телеграфной конторѣ *). Получалось русскихъ журналовъ и газетъ:

Общелитературныхъ столичныхъ	48	назв.	2,611	экз.
» провинціальныхъ	39	»	195	»
Спеціальныхъ: духовныхъ	24	»	319	»
» медицинскихъ	17	»	96	»
» юридическихъ	8	»	189	»
» педагогическихъ	7	»	56	»
» дѣтскихъ	8	»	120	»

*) *Астр. Вѣст.* 1896 г., № 2272.

Спеціальныхъ: историческихъ	3 назв.	50 экз.
» сельско-хозяйств. и естеств.-научн.	20 »	121 »
» другихъ спеціальностей	55 »	629 »
Итого	229 назв.	4,386 экз.

На иностранныхъ языкахъ:

Армянскомъ	4 назв.	67 экз.
Нѣмецкомъ	16 »	28 »
Польскомъ	17 »	32 »
Французскомъ	3 »	4 »
Латышскомъ	5 »	9 »
Еврейскомъ	2 »	4 »
Чешскомъ	1 »	1 »
Шведскомъ	1 »	1 »
Чухонскомъ	1 »	1 »
Итого	50 назв.	147 экз
Всего получалось	279 »	4,533 »

Въ итогъ не включены губернскія и епархіальныя вѣдомости, какъ обязательныя для обмѣна между тѣми учрежденіями, которыми онѣ издаются. Изъ толстыхъ ежемѣсячныхъ журналовъ получались въ наибольшемъ количествѣ: *Русская Мысль* (57 экз.), *Міръ Божій* (37), *Вѣстникъ иностр. литературы* (32), *Русское Богатство* (31) и *Вѣстникъ Европы* (22); изъ еженедѣльныхъ: *Нива* (830), *Новь* (89), *Живописное Обозрѣніе* (68), *Недѣля* (59); изъ газетъ: *Родина* (448), *Свѣтъ* (250), *Новое Время* (102), *Вокругъ Свѣта* (261). Изъ провинціальныхъ газетъ: *Нижегородскій Листокъ* (38), *Волгарь* (35), *Каспій* (21), *Саратовскій Листокъ* (19).

Говоря о просвѣщеніи Астраханскаго края вообще и г. Астрахани въ частности, нельзя также не отмѣтить нѣкотораго просвѣтительнаго вліянія существовавшихъ въ Астрахани газетъ. Хотя вліяніе это, вслѣдствіе извѣстныхъ всѣмъ условій существованія русской провинціальной прессы, не можетъ быть значительнымъ, тѣмъ не менѣе оно есть. Въ частности не мало обязано провинціальнымъ газетамъ и дѣло народнаго образованія, о которомъ провинціальныя газеты говорятъ не менѣе столичныхъ. Въ Астрахани первая газета появилась, какъ уже было сказано выше, въ 1813 г. Газета эта называлась *Восточныя Извѣстія,* издавалась еженедѣльно учителемъ гимназіи І. А. Вейсгопфеномъ, существовала до 1816 г. Въ ней заключается не мало матеріаловъ для исторіи Астрахани и Астраханскаго края вообще.

Въ 1816 г. учитель астраханской гимназіи И. Добровольскій сталъ издавать *Азіатскій музыкальный журналъ,* прекратившій свое существованіе въ 1818 г. Съ 1838 г. стали издаваться въ двухъ частяхъ—оффиціальной и неоффиціальной — *Астраханскія Губернскія Вѣдомости.* За все время своего существованія они въ неоффиціальной своей части тоже помѣстили не мало статей, относящихся къ разнымъ сторонамъ жизни и

дѣятельности Астраханскаго края. Съ 1862 по 1865 г. В. Бенземаномъ издавалась газета *Волга,* въ продолженіе своего кратковременнаго существованія надѣлавшая не мало хлопотъ мѣстнымъ рыбопромышленникамъ. Въ 1866 г. стали издаваться двѣ газеты—*Астраханскій Справочный Листокъ* и *Востокъ*. Первая газета существуетъ и по настоящее время; первые ея издатели были Н. В. Поповъ и А. Архиповъ. Газета *Востокъ* издавалась Е. Лѣсниковымъ и прекратила свое существованіе въ концѣ 1867 г. Съ 1875 г. стали выходить *Астраханскія Епархіальныя Вѣдомости*, а съ 1889 г.—*Астраханскій Вѣстникъ* подъ издательствомъ г. Зеленскаго и редакціей г. Попова.

Наконецъ, нельзя не обратить вниманія на учрежденія: «Петровское общество изслѣдователей Астраханскаго края» съ его музеемъ, основавшееся въ 1874 г., и на астраханскій губернскій статистическій комитетъ. Эти учрежденія не имѣютъ близкаго отношенія къ дѣлу народнаго образованія, но важны какъ учрежденія, изслѣдующія Астраханскій край вообще и въ частности постановку въ немъ народнаго образованія. Въ послѣднее время для «Петровскаго музея» утвержденъ особый уставъ, въ который, между прочимъ, введенъ § объ устройствѣ публичныхъ объяснительныхъ чтеній, касающихся коллекцій музея. Затѣмъ, при музеѣ проектируется устройство педагогическаго отдѣла, на что уже имѣются пожертвованія въ размѣрѣ нѣсколькихъ сотъ рублей. Послѣдними двумя учрежденіями мы и закончимъ изслѣдованіе положенія образованія въ г. Астрахани, чтобы въ слѣдующей главѣ перейти къ образованію уѣздовъ.

Н. Казанскій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Мелочи для біографіи Шевченка.

Вышедшее въ 1840 г. первое изданіе *Кобзаря* сдѣлало имя Шевченка извѣстнымъ во всей Малороссіи. Извѣстность его еще болѣе усилилась послѣ изданія имъ въ 1842 г. поэмы *Гайдамаки*. Съ этихъ поръ и до своей ссылки Шевченко написалъ такъ много новыхъ стихотвореній, что ему казалось вполнѣ умѣстнымъ выпустить въ свѣтъ второе дополненное изданіе *Кобзаря*, ибо первое уже успѣло сдѣлаться библіографическою рѣдкостью. Друзья поддерживали его въ этой мысли, а П. А. Кулишъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы побудить поэта исправить нѣкоторыя погрѣшности въ его стихотвореніяхъ. Съ этою цѣлью онъ написалъ Шевченку большое письмо, въ которомъ подвергъ тонкому эстетическому разбору все имъ написанное. «Прошу васъ,—писалъ въ заключеніе Кулишъ,—не уничтожать этого письма, а спрятать его такъ, чтобъ оно могло попасть вамъ въ руки лѣтъ черезъ пять, когда вы насытитесь куревомъ всеобщихъ похвалъ и внутренній вашъ человѣкъ возжаждетъ новыхъ наслажденій поэтическихъ, наслажденій глубокимъ сознаніемъ красоты творчества, недоступнымъ для публики». Шевченко исполнилъ просьбу пріятеля и сберегъ его письмо, которое вслѣдствіе этого было отобрано у него при первомъ обыскѣ и нынѣ сохраняется при дѣлѣ о художникѣ Шевченкѣ, находящемся въ архивѣ исполнительной полиціи *).

Странствуя въ началѣ 1847 г. по Черниговской губерніи, гостя поочередно у Г. С. Тарновскаго, А. И. Лизогуба, поэта Виктора Забѣлы и др., Шевченко не забывалъ о второмъ изданіи *Кобзаря* и въ бытность свою въ Седневѣ у Лизогуба набросалъ доселѣ неизвѣстное, весьма любопытное предисловіе къ изданію, въ которомъ горячо отстаивалъ право существованія малорусской литературы. Мы приводимъ это предисловіе въ русскомъ переводѣ, позволяя себѣ сдѣлать въ немъ нѣкоторыя необходимыя сокращенія. «Выпускаю въ свѣтъ,—пишетъ онъ,—второе изданіе моего *Кобзаря* и, чтобъ ему не ходить съ пустымъ мѣшкомъ, надѣляю его предисловіемъ.

*) За разрѣшеніе пользоваться этимъ дѣломъ я приношу глубокую благодарность министру внутреннихъ дѣлъ И. Л. Горемыкину.

Къ вамъ мое слово, о братія моя украинская возлюбленная! Великая печаль овладѣла душою моею. Слышу, а иногда и читаю, что поляки, чехи, сербы, болгары и русскіе издаютъ много на своихъ языкахъ, а мы ни слова. Что съ вами, братія моя? Не испугались ли вы нашествія иноплеменныхъ журналистовъ? *). Не бойтесь ихъ! Собака лаетъ—вѣтеръ носитъ. Они кричатъ, почему мы не пишемъ по-русски? А я спрашиваю ихъ, почему сами русскіе не пишутъ по-русски, а только переводятъ, да и то плохо. Уснастятъ свою рѣчь какими-то индивидуализмами и такими словами, что и не выговоришь, кричатъ о братствѣ, а грызутся какъ собаки. Толкуютъ объ единой славянской литературѣ, а не хотятъ знать того, что дѣлается у славянъ. Развѣ они прочли хоть одну книжку польскую, сербскую, чешскую или хоть нашу? Нѣтъ, не прочли, потому что не понимаютъ. Если же имъ попадется въ руки наша книжка, то они хвалятъ въ ней то, что никуда не годится, разсказы о жидахъ, шинкахъ и пьяныхъ бабахъ, а наши патріоты-хуторяне только повторяютъ ихъ слова. Правда, что мы сами тутъ не безъ грѣха, ибо мы не знаемъ нашего народа такимъ, какимъ сотворилъ его Господь; ибо въ шинкѣ и наши, и русскіе и даже нѣмцы—всѣ похожи на свиней, а наши, пожалуй, еще больше всѣхъ. Прочтутъ себѣ по складамъ *Энеиду* Котляревскаго, да послоняются возлѣ шинка и думаютъ, что знаютъ нашъ народъ. Нѣтъ, господа, прочтите наши думы и пѣсни, послушайте, какъ наши крестьяне говорятъ между собой, не снимая шапокъ, какъ они сидятъ на пирушкахъ и вспоминаютъ про старину, какъ они плачутъ, вспоминая про турецкую неволю или про тѣ оковы, въ которыя ихъ заковали польскіе магнаты, тогда вы скажете, что хотя *Энеида* и хорошая вещь, но все-таки смѣхотворная и притомъ на московскій ладъ. Вотъ такъ-то, братія моя возлюбленная, чтобы знать людей, нужно пожить съ ними, а чтобъ ихъ описывать, нужно прежде самому стать человѣкомъ. О, тогда пишите и печатайте и тогда вашъ трудъ будетъ трудомъ честнымъ! А на русскихъ не обращайте вниманія: пусть они пишутъ по-своему, а мы по-своему; у нихъ народъ и слово, и у насъ народъ и слово, и чье слово лучше—объ этомъ пусть судятъ другіе. Они ссылаются на Гоголя, который пишетъ по-русски **), а не по украински, и на Вальтеръ-Скотта, который писалъ по-англійски, а не по-шотландски. Гоголь выросъ въ Нѣжинѣ и своего родного языка не

*) Намекъ на глумливые отзывы о малорусской литературѣ, иногда появлявшіеся въ русскихъ журналахъ. Извѣстно, что стоявшій тогда во главѣ русской критики Бѣлинскій относился въ это время съ какой-то аристократической иронією къ украинскимъ писателямъ, писавшимъ на всѣмъ понятномъ народномъ языкѣ и воспроизводившимъ въ своихъ сочиненіяхъ жизнь простого народа. По словамъ Бѣлинскаго, мужицкая жизнь мало интересна для образованнаго человѣка. Хороша литература, которая только и дышетъ, что простоватостью крестьянскаго языка и дубоватостью крестьянскаго ума (Сочиненія, т. V, стр. 309—310).

**) Здѣсь Шевченко прямо мѣтитъ въ Бѣлинскаго, который въ одномъ мѣстѣ восклицаетъ: „Какая глубокая мысль въ томъ фактѣ, что Гоголь, страстно любя Малороссію, все-таки писалъ по-русски!“ (Соч., т. V, стр. 309).

знаетъ, а Вальтеръ-Скоттъ въ Эдинбургѣ, а не въ Шотландіи, но у шотландцевъ есть за то свой великій и народный поэтъ Бэрнсъ. Нашъ Сковорода могъ бы быть такимъ, еслибъ его не сбила съ толку сначала латынь, а потомъ русское вліяніе. Правда, покойный Основьяненко добросовѣстно изучалъ народъ, но не достаточно прислушался къ его языку, можетъ быть даже и не слышалъ его въ колыбели отъ родной матери, а Артемовскій, хоть и слышалъ, да позабылъ, потому что постригся въ паны. Почему же Караджичъ и Шаффарикъ не сдѣлались нѣмцами (что имъ было весьма сподручно), а остались славянами и искренними сынами своей родины и тѣмъ стяжали себѣ добрую славу. Горе намъ! Но, братіе, не впадайте въ уныніе, а молитесь Богу и работайте разумно во имя матери нашей—безталанной Украйны. Аминь».

Предисловіе подписано 8 марта 1847 г., а меньше чѣмъ черезъ мѣсяцъ Шевченко, заподозрѣнный въ принадлежности къ Кирилло-Меѳодіевскому обществу, былъ арестованъ и отправленъ въ Петербургъ, а отсюда, разжалованный въ рядовые, былъ сосланъ въ Оренбургскій линейный батальонъ. Такъ печально окончилась затѣя Шевченка выпустить въ свѣтъ второе изданіе своего *Кобзаря*. Хотя въ ссылкѣ Шевченка не разъ посѣщало вдохновеніе, но онъ писалъ украдкой, контрабандой, ибо ему было запрещено писать и рисовать. Такъ продолжалось цѣлыхъ десять лѣтъ. Наконецъ, весною 1857 г. вицепрезиденту академіи художествъ гр. Ѳ. П. Толстому при посредствѣ в. к. Маріи Николаевны удалось исходатайствовать Высочайшее помилованіе Шевченку. Въ августѣ Шевченко оставилъ новопетровское укрѣпленіе и прибылъ сначала въ Астрахань, а потомъ въ Нижній, гдѣ провелъ зиму въ ожиданіи разрѣшенія переѣхать въ Петербургъ. Въ мартѣ 1858 г. Шевченку было дозволено возвратиться въ Петербургъ, куда онъ и прибылъ 23 апрѣля. Къ чести петербургскаго интеллигентнаго общества нужно сказать, что оно приняло опальнаго поэта весьма радушно и какъ бы старалось лаской и участіемъ вознаградить его за долгіе годы страданій. Онъ былъ своимъ человѣкомъ въ домѣ гр. Толстого, извѣстные петербургскіе литераторы искали его знакомства, а земляки чуть не носили его на рукахъ. Едва успѣвши устроиться на собственной квартирѣ въ академіи, Шевченко принялся за хлопоты по второму изданію своего *Кобзаря*. Къ этому его побуждали, помимо просьбъ земляковъ, и желаніе подвести итоги своей поэтической дѣятельности, и матеріальныя обстоятельства. Средствъ у него не было никакихъ, а художественные заказы стоили ему большого труда, ибо онъ успѣлъ сильно отвыкнуть отъ техники рисунка и гравюры. «Я такъ запрягся въ работу,—писалъ онъ Щепкину,—что сижу на этюдахъ и не выхожу изъ натурнаго класса. Такъ занятъ, что иногда не имѣю времени написать небольшое письмо». Второе изданіе *Кобзаря* являлось для него, такимъ образомъ, единственнымъ средствомъ выйти изъ стѣсненнаго матеріальнаго положенія и этимъ объясняется, что уже осенью 1858 г. онъ начинаетъ хлопотать о разрѣшеніи изданія. Но это было дѣло далеко не легкое. Первоначально

Шевченко обратился съ прошеніемъ на имя министра народнаго просвѣщенія, въ вѣдѣніи котораго находилась тогда цензура. Въ прошеніи этомъ Шевченко объяснялъ, что, *нуждаясь въ дневномъ пропитаніи*, онъ проситъ дозволить ему новое изданіе *Козбаря* и *Гайдамакъ*. Въ виду того, что Шевченко находился подъ надзоромъ полиціи, министръ не могъ своею властью разрѣшить изданіе и потребовалъ прежде всего разрѣшенія III-го отдѣленія. По этому поводу поэтъ написалъ прекрасное письмо къ тогдашнему шефу жандармовъ кн. Василію Андреевичу Долгорукову, которое находится при дѣлѣ. Мы приводимъ его цѣликомъ:

«Вашему сіятельству извѣстно, что въ 1847 г. я былъ присужденъ къ продолжительному наказанію за неосторожные стихи, написанные мною въ минуты душевнаго огорченія такими явленіями, о которыхъ я не имѣлъ права судить публично по существующимъ постановленіямъ и не имѣлъ возможности судить основательно по удаленію моему отъ центра правительствующей власти. Вполнѣ сознаю свои заблужденія и желалъ бы, чтобы преступные стихи покрылись вѣчнымъ забвеніемъ. Десять лѣтъ прошло съ того времени. Въ такой продолжительный періодъ и дѣти становятся людьми, мыслящими основательно. Поэтому надобно предположить, что и въ моей бѣдной головѣ больше установилось порядка, если не прибавилось ума. На основанія этого естественнаго предположенія покорно прошу, в. с., какъ представителя верховной власти въ извѣстной сферѣ дѣлъ, смотрѣть на меня какъ на человѣка новаго и не смѣшивать меня съ тѣмъ Шевченкомъ, который имѣлъ несчастіе навлечь на себя своими рукописями праведный гнѣвъ въ Бозѣ почившаго Государя Императора. Возвращенный въ столицу великодушіемъ его Августѣйшаго Сына, я увидалъ во многомъ перемѣны необыкновенныя, истинно благодѣтельныя для отечества, и между прочимъ (что лично для меня особенно важно) нашихъ людей, которые подверглись гнѣву правительства въ одно время со мною, дѣйствующими нынѣ на литературномъ поприщѣ для общей пользы. Таковы Н. И. Костомаровъ, П. Л. Кулишъ, которымъ въ 1847 г. было запрещено печатать свои сочиненія. Мало того: даже сочиненія эмигранта Мицкевича по высочайшей благодѣтельной волѣ позволено печатать въ предѣлахъ имперіи *). Согласитесь, в. с., что эти отрадныя явленія должны внушить и мнѣ надежду на милость нашего великаго монарха. Я потерпѣлъ наказаніе собственно за мои рукописи, которыхъ никогда не пожелаю видѣть въ печати. Что же касается до моихъ печатныхъ сочиненій, то они и во время моей солдатской службы продолжали ходить по рукамъ и продавались тайкомъ букинистами, а запрещеніе наложено было на нихъ такъ сказать заурядъ, для усиленія моего наказанія. Возвратясь теперь въ академію художествъ, я

*) Здѣсь Шевченко имѣетъ въ виду то обстоятельство, что, весной 1857 г., по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія просьбы опекуна надъ дѣтьми поэта Мицкевича, государь императоръ, въ видѣ особой милости, повелѣлъ предоставить дѣтямъ Мицкевича въ Россіи и Царствѣ Польскомъ право литературной собственности на произведенія ихъ отца, могущія быть допущенными цензурой.

подвергаюсь естественному слѣдствію моего отсутствія—бѣдности, изъ которой не могутъ извлечь меня отсталые труды мои по части живописи, тѣмъ болѣе, что мнѣ ужъ 48 лѣтъ и что мое зрѣніе съ каждымъ мѣсяцемъ ослабѣваетъ. Если в. с. угодно будетъ обратить благосклонное вниманіе на все мною изложенное, то вы согласитесь, что, прося васъ снять съ моихъ книгъ запрещеніе, я прошу только дозволить мнѣ пользоваться литературными правами предшествовавшаго царствованія и постановленіями тогдашней цензуры, которая, какъ извѣстно, была гораздо строже нынѣшней; я прошу дозволить мнѣ на старость имѣть кусокъ насущнаго хлѣба отъ моихъ молодыхъ трудовъ, признанныхъ цензурою безвредными и до благодѣтельнаго воцаренія нашего великаго монарха. Осмѣливаюсь прибавить, что просьба моя кажется мнѣ уважительной по одному тому уже, что исполненіе ея будетъ соотвѣтствовать характеру всѣхъ милостей царскихъ, которыя изливаются на его подданныхъ отъ полноты его благодушія въ смыслѣ божественныхъ словъ: *прощу и не помяну,* и что въ моемъ положеніи не будетъ противорѣчія съ понятіемъ о великодушіи монаршемъ».

На этомъ письмѣ положена кн. Долгорукимъ такая резолюція: «навести справку о сочиненіяхъ Шевченка, которыя были напечатаны прежде его удаленія изъ Петербурга». Наведена ли была въ дѣйствительности эта справка—неизвѣстно, скорѣе, что не была, ибо 16 января 1859 г. министръ народнаго просвѣщенія обратился къ кн. Долгорукову съ просьбой «почтить его сообщеніемъ, могутъ ли въ настоящее время быть подвергнуты вновь цензурному разсмотрѣнію сочиненія Шевченка *Кобзарь* и *Гайдамаки* для новаго ихъ изданія съ нѣкоторыми исключеніями и измѣненіями, какія будутъ признаны нужными со стороны цензуры». Не имѣя въ принципѣ ничего противъ новаго изданія сочиненій Шевченка, кн. Долгорукій въ своемъ отвѣтѣ министру посовѣтовалъ пригласить частнымъ образомъ члена главнаго управленія цензуры д. с. с. Тройницкаго разсмотрѣть сочиненія Шевченка. Министромъ народнаго просвѣщенія былъ тогда умный и гуманный Е. П. Ковалевскій, который, въ качествѣ малоросса, самъ былъ большимъ поклонникомъ таланта Шевченка. Конечно, онъ поспѣшилъ пригласить О. Тройницкаго, а послѣдній поспѣшилъ прочесть произведенія Шевченка и представить министру свое мнѣніе. «Я прочиталъ со вниманіемъ,— писалъ Тройницкій, — представленныя ко второму изданію двѣ поэмы на малороссійскомъ языкѣ Т. Г. Шевченка, подъ заглавіемъ *Чигиринскій Кобзарь* и *Гайдамаки,* къ коимъ присоединено и стихотвореніе *Гамалія*. Первая изъ этихъ поэмъ состоитъ изъ восьми отдѣльныхъ и не образующихъ собственно одного цѣлаго пѣсенъ, въ которыхъ вспоминаются былыя времена Малороссіи и борьба казачества съ бывшими его врагами. Въ первой изъ этихъ пѣсенъ—*Думы мои, думы мои*—слишкомъ горько высказывается скорбь автора объ уничтоженіи казачьей вольности, *надъ могилою* которой, по словамъ его, *орелъ чорный сторожемъ літае,* и грусть его на чужбинѣ, т.-е. на сѣверѣ Россіи, по родинѣ его, Украйнѣ. Эту пѣсню я по-

лагалъ бы за лучшее исключить вовсе изъ второго изданія поэмы Шевченка. Хотя въ ней нѣтъ особо предосудительныхъ стиховъ, кромѣ развѣ вышеприведенныхъ, но общая мысль ея враждебна сліянію Малороссіи съ Великороссіей. Исключеніе этой пѣсни, служащей какъ бы только предисловіемъ къ поэмамъ, не повредитъ цѣлости творенія поэта, а между тѣмъ отстранитъ тяжелую мысль, что онъ ставитъ и Россію въ числѣ бывшихъ враговъ Украйны. Слѣдующія затѣмъ семь пѣсенъ элегическаго содержанія не представляютъ ничего противнаго правиламъ цензуры, хотя въ послѣдней изъ нихъ—*Катерина*—и горько выражается упрекъ русскому, соблазнившему и потомъ жестоко покинувшему молодую малороссіянку, но въ ней нѣтъ направленія, враждебнаго цѣлому народу. Эти семь пѣсенъ тѣмъ безпрепятственнѣе могутъ быть дозволены, по моему мнѣнію, ко второму напечатанію, что встрѣчающіеся въ нихъ ряды точекъ даютъ поводъ предполагать объ исключеніи при первоначальномъ цензированіи стиховъ, содержавшихъ предосудительныя выраженія или мысли. Поэма *Гайдамаки* въ живыхъ и поэтическихъ картинахъ воспроизводитъ эпизоды старинной борьбы Украйны съ Польшею. Въ первой половинѣ ея изображено страшное разореніе Украйны поляками и евреями, а во второй—кровавая месть гайдамаковъ надъ тѣми и другими. Картины эти вообще мрачны и унылы, какъ и предметъ, ими описываемый, но въ этихъ изображеніяхъ событій, давно уже перешедшихъ въ область исторіи, я не встрѣтилъ ничего несогласнаго съ правилами цензуры. Стихотвореніе *Гамалія* поэтически передаетъ разсказъ объ одномъ изъ казачьихъ набѣговъ на Турцію. Какъ поэма *Гайдамаки,* такъ и стихотвореніе *Гамалія* могутъ быть безпрепятственно разрѣшены, по моему мнѣнію, ко второму изданію». Препровождая мнѣніе Тройницкаго кн. Долгорукову, министръ народнаго просвѣщенія замѣчаетъ, что онъ съ своей стороны вполнѣ раздѣляетъ это мнѣніе. Повидимому, отзывъ лица, рекомендованнаго самимъ кн. Долгоруковымъ для разсмотрѣнія стихотвореній Шевченка, не могъ усыпить вполнѣ его подозрѣній насчетъ ихъ неблагонамѣренности, потому что въ своемъ отвѣтѣ онъ даетъ разрѣшеніе на ихъ новое изданіе, но съ тѣмъ, чтобъ они были вновь водвергнуты цензурному разсмотрѣнію и чтобы при этомъ было обращено особенное вниманіе на поэму *Чигиринскій Кобзарь*.

Такимъ образомъ злополучному *Кобзарю* пришлось пройти еще одно мытарство. Главное управленіе по дѣламъ печати отдало его на разсмотрѣніе цензору Бекетову, который отнесся къ нему весьма сурово и нерѣдко выбрасывалъ такіе стихи, въ которыхъ не было ничего политическаго. Великимъ счастьемъ для Шевченка было то обстоятельство, что во главѣ министерства народнаго просвѣщенія, которому была въ то время подчинена цензура, стоялъ такой просвѣщенный и либеральный человѣкъ, какъ Е. П. Ковалевскій. Высоко цѣня значеніе литературы и пользу, приносимую ею обществу, онъ постоянно сдерживалъ усердіе цензоровъ, что въ концѣ-концовъ, еще въ бытность Ковалевскаго министромъ, повело къ

изъятію печати изъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія и передачѣ ея въ вѣдѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ *).

Личному вліянію министра слѣдуетъ приписать, что стихотвореніе *Думы мои, думы мои*, осужденное на уничтоженіе Тройницкимъ, вышло на свѣтъ Божій, хотя и въ сильно искаженномъ видѣ **). Но кромѣ цензурныхъ затрудненій были затрудненія другого рода, — затрудненія финансовыя. У Шевченка не было денегъ на изданіе, а условія, предлагаемыя ему петербургскими книгопродавцами, между прочимъ пріятелемъ Костомарова Кожевниковымъ, были такого рода, что согласиться на нихъ значило лишить себя всякаго заработка. Капризная фортуна и на этотъ разъ не измѣнила поэту: во время своей поѣздки въ Малороссію (лѣтомъ 1859 г.), Шевченко встрѣтился съ извѣстнымъ сахарозаводчикомъ П. Ѳ. Семеренкомъ, который, узнавши о финансовыхъ затрудненіяхъ Шевченка, обѣщалъ тотчасъ выслать деньги на изданіе, какъ только цензура его пропуститъ. Наконецъ насталъ давно желанный день 28 ноября, когда цензоръ Бекетовъ подписалъ вольную стихотвореніямъ Шевченка. Того же дня Шевченко послалъ управляющему заводомъ Семеренка слѣдующее письмо: «Сегодня цензура выпустила изъ своихъ когтей мои безталанныя *Думы*, да такъ обчистила, что я едва узналъ своихъ дѣтей. А издатель и половины не даетъ того, что я прошу и что мнѣ немедленно нужно. Съ такимъ-то моимъ горемъ я обращаюсь къ вамъ съ П. Ѳ.: вышлите мнѣ 1,100 р., а я вамъ съ великой благодарностью вышлю къ Новому году столько экземпляровъ, сколько придется на эту сумму». Деньги въ скоромъ времени были высланы, Шевченко расплатился съ типографіей и уже въ концѣ 1859 г. разослалъ книгу своимъ пріятелямъ.

Н. Стороженко.

---

*) „Какъ Ковалевскій, — говорилъ министръ Никитенку, — я могу желать отдѣлаться отъ цензуры, потому что это—тяжкое бремя. Но, какъ гражданинъ, какъ русскій, я всѣми силами буду противодѣйствовать всякому покушенію отдѣлить ее отъ министерства народнаго просвѣщенія, потому что это можетъ имѣть погубныя послѣдствія для литературы“ (*Дневникъ* Никитенка, т. 2-й, стр. 170).

**) Сбылось предсказаніе поэта насчетъ печальной судьбы, постигающей его произведенія:

Сирота-собака мае свою долю...
Мое добре слово въ світі сирота;
Кого бьютъ и лаютъ, закують въ неволю,
Та нихто про матиръ на сміхъ не спыта.

Населеніе и хозяйство Австраліи.

I.

Предметъ нашего очерка относится къ области, знакомой каждому изъ читателей. Всѣ мы въ свое время имѣли дѣло съ политическою географіей Австраліи, хотя изучали ее, конечно, по очень разнообразнымъ источникамъ. Географія Ободовскаго, пользовавшаяся распространеніемъ въ шестидесятыхъ годахъ, давно уступила мѣсто своимъ болѣе счастливымъ соперницамъ, произведеніямъ Смирнова, Янчина, Лимберга, Воронецкаго и рѣзко отличающагося отъ товарищей яркою картинностью изложенія—Меча. При различіи нашего возрастнаго состава намъ приходилось въ отрочествѣ знакомиться съ разными ступенями развитія общественной жизни Австраліи; попробуемъ намѣтить нѣкоторыя черты въ составѣ населенія, въ движеніи населенія и въ хозяйственномъ бытѣ Австраліи въ послѣднемъ десятилѣтіи девятнадцатаго вѣка.

Наше изложеніе будетъ относиться къ семи англійскимъ колоніямъ, занимающимъ австралійскій континентъ и двѣ группы острововъ—Тасманію и Новую Зеландію.

Еще на глобусѣ, который былъ изготовленъ Мартиномъ Бегаймомъ въ самый годъ открытія Америки (1492 г.), нанесены были подъ именемъ Великой Явы очертанія западнаго берега австралійскаго материка. Португалецъ Менезегъ въ 1527 г. присталъ къ островку Абрологосу, вблизи западнаго берега, а къ сѣверному берегу материка не далеко отъ Торресова прилива подошелъ голландецъ Дьюфкинъ въ 1606 году, а въ слѣдующемъ году испанецъ Торресъ въѣхалъ въ этотъ проливъ съ востока. Въ 1642 году голландецъ Тасманъ открылъ землю, носящую теперь его имя; онъ же коснулся Новой Зеландіи. Въ 1769 году на Новой Зеландіи побывалъ съ экипажемъ командиръ корабля «Попытка», снаряженнаго лондонскимъ королевскимъ обществомъ, Джемсъ Кукъ, который везъ на островъ Таити астрономовъ для наблюденія надъ прохожденіемъ Венеры черезъ дискъ солнца. 1 мая 1770 года Кукъ вошелъ въ бухту на юго-восточномъ берегу австралійскаго материка и потомъ на большомъ протяженіи проѣхалъ до самаго мыса Іорка вдоль восточнаго побережья, которому Кукъ далъ имя Новаго Южнаго Уэльса.

Въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія отъ Англіи отложились сѣвероамериканскія колоніи, служившія, между прочимъ, мѣстомъ ссылки; для замѣны попробовали отправить партію ссыльныхъ во вновь открытыя Кукомъ земли, и руками первой партіи, которую привезъ Артуръ Филиппъ, въ 1788 году заложенъ былъ городъ Сидней *). Только въ 1862 году Стюарту удалось пройти насквозь черезъ внутренность континента Австраліи отъ южнаго берега до сѣвернаго.

Изъ пяти колоній, составляющихъ теперь австралійскій континентъ, древнѣйшею по времени основанія является Новый Южный Уэльсъ (1788 г.), за нимъ возникли Западная Австралія (1829 г.), Южная Австралія (1836 г.), а потомъ выдѣлившіяся изъ Нов. Южн. Уэльса Викторія (1851 г.) и Куинслендъ (1859 г.); Тасманія и Новая Зеландія ведутъ свое самостоятельное существованіе съ 1840 года.

Поверхность всѣхъ семи колоній занимаетъ безъ малаго 730 милліон. десятинъ **); эта площадь равняется всѣмъ европейскимъ владѣніямъ Россіи съ прибавкою Тобольской и Томской губерній. Наибольшая изъ колоній, Западная Австралія, приближается по своимъ размѣрамъ (231 милл. д.) къ Енисейской губерніи, а наименьшая, Тасманія ($6^1/_4$ милл. дес.), по величинѣ своей площади немногимъ разнится отъ Херсонской губерніи.

Переписи населенія начались въ Австраліи съ 1821 года и производятся черезъ десятилѣтніе сроки, а Новая Зеландія, не довольствуясь этимъ, устраиваетъ у себя переписи черезъ каждыя 5 лѣтъ (послѣдняя перепись была въ апрѣлѣ 1896 г.). Для промежуточныхъ годовъ учетъ населенія ведется спеціальными статистическими учрежденіями, которыя завѣдуютъ записями рожденій, смертей, вселеній и выселеній; послѣднее вычисленіе мы имѣемъ по Западной Австраліи на 30 сентября 1896 г.

Общую цифру населенія 7 колоній для ближайшаго къ намъ времени мы можемъ установить въ 4.304,565 человѣкъ ***). Этотъ итогъ не многимъ

---

*) Всего пріѣхало 197 человѣкъ колонистовъ съ 28 женщинами и 17 дѣтьми и 558 ссыльныхъ мужчинъ и 192 ссыльныя женщины съ 13 дѣтьми,—итого 1,001 человѣкъ. При нихъ былъ провіантъ на 2 года.

**)	Новый Южный Уэльсъ . . .	73.654,542
	Новая Зеландія	24.765,905
	Куинслендъ	158.473,899
	Южная Австралія	214.228,751
	Тасманія	6.254,828
	Викторія	20.833,781
	Западная Австралія	231.351,595
	7 колоній . . .	729.563,301
***)	Новый Южный Уэльсъ . . .	1.277,870 чел.
	Новая Зеландія	743,165 „
	Куинслендъ.	460,550 „
	Южная Австралія	352,653 „
	Тасманія.	160,833 „
	Викторія	177,444 „
	Западная Австралія. . . .	132,050 „
	7 колоній.	4.304,565 чел.

превосходитъ населеніе Туркестантскаго края, а также можетъ быть полученъ изъ суммы жителей, населявшихъ въ 1897 году губерніи Люблинскую, Радомскую, Сѣдлецкую и Гродненскую.

Самая старая колонія Новый Южный Уэльсъ обладаетъ и самою крупною абсолютною цифрою населенія (1.277,870), подходящею къ числу жителей Лифляндіи; немногимъ меньше жителей имѣетъ Викторія, едва превосходящая Люблинск. губернію (1.177,444). Въ наибольшей по своимъ размѣрамъ колоніи, въ Западной Австраліи оказывается наименьшее число жителей (132,050), близкое къ численности населенія въ Новоалександрійскомъ уѣздѣ (143 тыс.).

Плотность населенія въ итогѣ 7 колоній только 30 человѣкъ на квадр. географ. милю (0,615 чел. на кв. версту); изъ русскихъ административныхъ единицъ Австраліи уступаютъ только губерніи Архангельская и Енисейская и области Амурская, Приморская и Якутская. На 1 человѣка въ Австраліи приходится 169 десятинъ поверхности, между тѣмъ какъ на землѣ вообще 8,08 дес. суши, въ Европѣ—2,35, въ Россійской Имперіи—15,3. въ Европейской Россіи—4,69, въ 10 губ. Царства Польскаго—1,23 дес. Изъ отдѣльныхъ колоній *) всего гуще населена Викторія (5,9 на квадр. версту, или 17,7 дес. на человѣка), которая превосходитъ по густотѣ Астраханскую губернію, а всего рѣже Западная Австралія (1,752 десятинъ на жителя).

Въ составѣ населенія прежде всего должно быть отмѣчено раздѣленіе населенія туземнаго отъ пришлаго. Хотя предполагаемое число туземцевъ Австраліи нѣкоторыми доводится до 200 тысячъ, но на учетѣ ихъ имѣется только 70 тысячъ, т.-е. приблизительно въ 60 разъ меньше, чѣмъ пришлаго населенія. Въ Тасманіи послѣдніе туземцы послѣ упорной войны и настоящихъ охотничьихъ облавъ были насильственно выселены на островъ Флиндерсъ и тамъ окончательно вымерли въ 70-хъ годахъ. Изъ 70 тысячъ извѣстныхъ туземцевъ 30 тысячъ живутъ на континентѣ и принадлежатъ къ такъ называемой австралійской расѣ; при дѣленіи человѣчества на 3 группы, они входятъ въ составъ негрской группы. Существуетъ мнѣніе, что эта раса когда-то стояла на болѣе высокомъ уровнѣ культуры. Признаки австралійцевъ: темно-коричневая кожа, гладкіе шелковистые волосы, густая черная борода, удлиненный черепъ, косозубый, т.-е. съ очень малымъ лицевымъ угломъ, меланхолическое выраженіе лица, нависшіе брови, маленькіе черные глаза, желтоватые бѣлки, широкій носъ, большой ротъ, отсутствіе икръ. Языкъ австралійцевъ—противоположная крайность того языка, который теперь завоевалъ ихъ родину и который при своей поразительной грамматической бѣдности такъ плѣняетъ насъ умѣньемъ съ особенною ясностью передавать человѣческую мысль. Въ австралійскихъ языкахъ до 18 падежей, глаголы изобилуютъ видами и въ то же время

*) Новая Зеландія имѣетъ 33,6, Тасманія—38,9, Нов. Южн. Уэльсъ—57,5, Куинслендъ—344,10, Австралія—604 десятины.

нѣтъ общихъ именъ для дерева, рыбы, птицы. Въ отличіе отъ негрскихъ словъ, изобилующихъ префиксами, австралійскія слова составляются обыкновенно съ помощью суффиксовъ. Зачастую австралійцы обходятся совсѣмъ безъ одежды, а въ южной, болѣе холодной части материка обыкновенно одѣваются въ шкуры кенгуру. Для украшенія туземцы раскрашиваютъ кожу, носятъ кольца въ носу, выбиваютъ передніе зубы. Австралійцы ѣдятъ чуть не всѣхъ представителей своей фауны отъ лакомаго кусу (изъ сумчатыхъ) до змѣй, лягушекъ, бѣлыхъ муравьевъ и червей. При очень часто случающемся недостаткѣ животной пищи, туземцы обходятся растительною; одно изъ употребляемыхъ ими въ пищу споровыхъ растеній спасло разъ отъ голодной смерти экспедицію бѣлыхъ *) и получило за это названіе Marjilia jalvatrix. При мало-мальски улучшенномъ питаніи австралійцы быстро поправляются физически. Людоѣдство встрѣчалось до послѣдняго времени, причемъ, по подсчету путешественниковъ, мотивомъ людоѣдства всего чаще выставляется аппетитность человѣческаго мяса (28%), потомъ поѣданіе храбрыхъ воиновъ съ цѣлью заимствовать такимъ способомъ храбрость (19) и на третьемъ мѣстѣ нужда въ продовольствіи (18%). Огонь пользуется большимъ вниманіемъ австралійцевъ и при трудности своего добыванія часто переносится съ мѣста на мѣсто на далекія разстоянія; всякая пища предпочтительно употребляется въ поджаренномъ видѣ. Жилища, обыкновенно, изъ древесной коры—плохая защита отъ холода.

Религія найдена повсюду. Въ представленіяхъ о загробной жизни выставляется небесный рай съ безконечными пирами и подземный адъ въ царствѣ злого духа, который изображается иногда съ хвостомъ и съ рогами, хотя европейцы не застали въ Австраліи ни одного рогатаго животнаго. Австралійцы придерживаются единобрачія, хотя браки обыкновенно временные, на неопредѣленный срокъ. Съ земледѣліемъ туземцы континента совершенно не знакомы; промысловыми занятіями для нихъ служатъ рыбная ловля и охота; и то и другое зачастую производится сообща; добыча дѣлится стариками.

У южныхъ австралійцевъ оружіемъ служатъ копьё и дубинка; болѣе развитые сѣверные дикари изобрѣли особый метательный серпъ—бумерангъ, который бросается сначала не въ томъ направленіи, куда онъ долженъ попасть и по дорогѣ мѣняетъ свое направленіе. Въ первой половинѣ XIX столѣтія туземцы континента истреблялись безпощадно; помимо простыхъ убійствъ, которыя сначала слабо наказывались, помимо разбрасыванія отравы, мѣрою истребленія туземцевъ служила раздача имъ премій водкою за поимку бѣглыхъ преступниковъ; противъ такой раздачи протестовали миссіонеры. Потомъ стали дѣлаться попытки привязать туземцевъ съ помощью смѣшанныхъ браковъ съ выдачею премій (въ Новомъ Южномъ Уэльсѣ $^2/_5$ небольшого числа тамошнихъ туземцевъ составляютъ метисы). Правительство Южной Австраліи на поддержку уцѣлѣвшихъ 3 тысячъ туземцевъ тратитъ около 50 тысячъ въ годъ.

*) Собственно Кингъ въ экспедиціи Бурка.

Новозеландскіе дикари маори оказались гораздо воспріимчивѣе къ европейской культурѣ. Маори, принадлежащіе къ полинезійской расѣ, люди высокаго роста съ оливковою кожею, съ черепомъ средней длины, съ правильными чертами лица, съ прямыми волосами, скудною бородою, съ языкомъ, который называютъ довольно гармоничнымъ. По преданію, маори прибыли въ Новую Зеландію не раньше XIII вѣка. Въ XVIII вѣкѣ у нихъ были каменныя, костяныя и деревянныя орудія. Людоѣдство прежде было значительно развито; одну изъ формъ его составляло жертвоприношеніе дѣтей. Присутствіе горячихъ источниковъ давно познакомило новозеландцевъ съ варкою пищи. Жилища—курныя избы съ отверстіемъ для дыма надъ дверью. Главный матеріалъ одежды—новозеландскій ленъ, изъ котораго изготовляются юбки и плащи; кромѣ того на одежду идутъ собачьи шкуры. Въ религіозныхъ представленіяхъ господствовалъ довольно развитой культъ предковъ; изъ довольно разнообразныхъ маорійскихъ миѳовъ одинъ изображаетъ насильственную разлуку неба и земли: объ этой разлукѣ и теперь небо вспоминаетъ слезами (дождемъ), а земля вздохами (землетрясеніями).

Въ брачныхъ отношеніяхъ преобладало многоженство. Племя маори отличалось большою воинственностью и послѣ войны сороковыхъ годовъ устроило еще въ шестидесятыхъ годахъ семилѣтнее возстаніе противъ англичанъ. Теперь они почти всѣ христіане, имѣютъ $2^1/_4$ милл. десятинъ собственной земли, занимаются земледѣліемъ и скотоводствомъ, вымѣниваютъ ленъ и лѣсъ у бѣлыхъ на ткани, оружіе, орудія и табакъ; кромѣ табака, изъ такъ называемыхъ вкусовыхъ веществъ они переняли кофе и чай, но не чувствуютъ расположенія къ спиртнымъ напиткамъ. Недавно еще маори носили на лицахъ свои гербы и генеалогію; теперь они перестали татуироваться. Нѣкоторые представители этого племени проявили выдающіяся способности: такова мистрисъ Допелли, вышедшая замужъ за ирландца и считающаяся лучшимъ адвокатомъ на Новой Зеландіи, таковъ депутатъ Гоне Гене, отличающійся краснорѣчіемъ въ палатѣ.

При переселеніи съ горъ въ сырыя долины, маори стали сильнѣе страдать отъ легочныхъ болѣзней. Въ 1857 году на Новой Зеландіи было 56 тысячъ туземцевъ, въ 1896 году 39 тысячъ (изъ нихъ приблизительно десятая доля метисы).

Населеніе австралійскихъ колоній размѣщено по территоріи очень неравномѣрно. Болѣе четверти всего числа жителей скопилось въ четырехъ большихъ городахъ: Мельбурнѣ (448 тыс.), въ Викторіи, Сиднеѣ (409 т.), въ Нов. Южн. Уэльсѣ, въ Аделаидѣ (144 т.), въ Южн. Австраліи и Брисбекѣ (102 т.), въ Куинслендѣ. По внѣшности эти города не отличаются отъ большихъ городовъ Европы и Америки. Вообще городское населеніе по переписи 1891 года составляло нѣсколько менѣе половины населенія Австраліи (45%), а въ Викторіи города вмѣщали болѣе половины населенія (54%), причемъ въ одномъ Мельбурнѣ живетъ болѣе $^2/_3$ жителей колоніи. Въ Новой Зеландіи ни одинъ городъ не имѣетъ болѣе 58 тыс. (Окленд).

Какъ во всякой странѣ съ продолжающеюся колонизаціей, въ Австраліи замѣчается преобладаніе мужского населенія надъ женскимъ (7 женщинъ на 8 мужчинъ или 87,5 на 100); такое отношеніе у насъ наблюдается въ Семипалатинской области или въ городѣ Казани. Особенный недостатокъ женщинъ встрѣчается въ Западной Австраліи (67 проц.), колонизація которой началась всего позднѣе, а затѣмъ въ тропическомъ Куинсландѣ (76 проц.), съ которымъ на-ряду стоитъ городъ наиболѣе уродливый по своему половому составу изъ большихъ русскихъ городовъ—Москва. Всего равномѣрнѣе (можетъ быть, подъ вліяніемъ нѣмецкой колонизаціи) распредѣленіе половъ въ Западной Австраліи (94,6). Съ теченіемъ времени разница въ численности половъ сглаживается (въ 1861 году на 100 мужчинъ было насчитано только 73,5 женщинъ).

Въ составѣ австралійскаго населенія по тѣлеснымъ свойствамъ обращаетъ вниманіе очень низкая доля слѣпыхъ (34 на 100,000 жителей), меньшая чѣмъ въ какой-нибудь другой странѣ съ европейскою культурой (Англія съ Ирландіей даютъ 98, Россія 200) и глухонѣмыхъ (въ Австраліи 18, въ Англіи 57).

Для 5 колоній (безъ Южной и Западной Австраліи) мы располагаемъ данными о составѣ населенія по мѣсту рожденія. Изъ этихъ 5 колоній только Куинсландъ даетъ менѣе половины собственныхъ уроженцевъ (45%) въ итогѣ населенія, сравнительно наибольшее число мѣстныхъ уроженцевъ въ Тасманіи (73). Уроженцы другихъ австралійскихъ колоній составляли отъ 5% въ Тасманіи до 7,5% въ Новомъ Южномъ Уэльсѣ. Изъ не австралійскихъ уроженцевъ рѣзко преобладаютъ уроженцы Соединеннаго Королевства, въ частности больше всего Англіи, потомъ Ирландіи и затѣмъ уже Шотландіи. Иностранныхъ подданныхъ всего больше въ Куинсландѣ (8%); Новая Зеландія по проценту иностранцевъ (2,3) подходитъ къ Петроковской губерніи, которая въ этомъ отношеніи занимаетъ первое мѣсто среди губерній Царства Польскаго.

Особыя группы среди иностранцевъ занимаютъ китайцы и полинезійцы. Тѣхъ и другихъ сравнительно больше всего въ Куинсландѣ (1,9%—2%), гдѣ ими пользуются для работъ на сахарныхъ плантаціяхъ. Противъ китайцевъ уже около 20 лѣтъ принимаются разныя ограничительныя мѣры (пошлины на въѣздъ), а насильственный привозъ полинезійцевъ (съ новогебридскихъ острововъ) прекращенъ съ 1891 г.

Въ распредѣленіи населенія по религіи главное мѣсто принадлежитъ четыремъ христіанскихъ исповѣданіямъ: англиканскому (39,1), римско-католическому (21,1), пресвитеріанскому (13,0) и методистскому (11,4); остальныя отмѣтки захватываютъ лишь съ небольшимъ 15% въ переписи 1891 г. При сравненіи трехъ послѣдовательныхъ переписей англиканцы и іудеи (0,4) показываютъ совершенно одинаковый процентъ, относительное число католиковъ и пресвитеріанъ сокращается; напротивъ, проценты растутъ для методистовъ, баптистовъ и особенно для группы разныхъ исповѣданій (2,7% въ 1871 г., 3,6% въ 1881 г., 5,3% въ 1891 г.). Достойно вниманія, что,

при полной свободѣ показаній, относительное число лицъ, не доставившихъ свѣдѣній или отказавшихся дать свѣдѣнія объ исповѣданіи въ три послѣдовательные ценза не возрастало, а уменьшалось (2,3%, 2,2%, 2,1%).

Англиканское населеніе составляетъ болѣе половины только въ Тасманіи. Католиковъ больше всего (свыше $^1/_4$) въ Новомъ Южномъ Уэльсѣ и Западной Австраліи, пресвитеріанъ въ Новой Зеландіи (23%). О числѣ православныхъ мы имѣемъ свѣдѣнія лишь для Викторіи, тамъ ихъ насчитано въ 1891 г. 247 человѣкъ (0,02% населенія). Въ Викторіи помимо 1,2% жителей, отказавшихся дать свѣдѣнія и 0,8%, отъ которыхъ по разнымъ причинамъ свѣдѣнія не получены, мы имѣемъ для остальныхъ 98% 158 рубрикъ въ распредѣленіи по религіознымъ убѣжденіямъ. Называющіе себя людьми безъ религіи (No Religion) составляютъ ничтожное меньшинство (0,23%) общаго итога; вдвое многочисленнѣе ихъ неопредѣленная группа свободомыслящихъ (0,44), втрое многочисленнѣе лица съ религіею, но внѣ сектъ (No Sect 0,67%). Изъ остальныхъ группъ обращаютъ на себя вниманіе своими наименованіями: армія спасенія (13,521), ученики Христа (8,267), христіане безъ дальнѣйшаго опредѣленія (1,075), атеисты (306), агностики (300), деисты (61), теисты (17), пантеисты (12), нигилисты (3), эгоистъ (1), фаталистъ (1), вольтеріанецъ (1) и даже толстовецъ (1).

Теперь отмѣнены государственныя субсидіи, которыми пользовалась сначала англиканская церковь, а позднѣе и нѣсколько исповѣданій. Глубокое проникновеніе христіанства въ общественную жизнь составляетъ отличительную черту англосаксонскаго быта. Воскресенье соблюдается въ Австраліи еще строже, чѣмъ въ метрополіи: нѣтъ театровъ, общественныхъ игръ и скачекъ, между Сиднеемъ и Мельбурномъ не ходятъ курьерскіе поѣзда. Школа стоитъ внѣ исповѣданій и въ то же время повсюду является христіанскою; священная исторія преподается во всѣхъ школахъ. (По словамъ Леруа Больё, когда первый министръ Новаго Южнаго Уэльса въ засѣданіи палаты во время засухи обратился черезъ депутатовъ къ духовенству всѣхъ исповѣданій съ просьбою молиться о дождѣ, ни одинъ голосъ не поднялся противъ его предложенія).

Для ознакомленія съ составомъ населенія по политическимъ правамъ требуются нѣкоторыя справки, относящіяся къ государственному строю австралійскихъ колоній. Подчиненныя одной и той же метрополіи, колоніи имѣютъ однако свое самостоятельное государственное устройство, и можно сказать, что у каждой изъ семи колоній свои основные законы, наиболѣе старые въ Викторіи (съ 1854 г.), наиболѣе молодые въ Западной Австраліи (съ 1893 г.). Органами законодательной власти въ каждой колоніи служатъ двѣ палаты. Нижняя палата повсюду выборная, но Куинсленд, Тасманія и Западная Австралія требуютъ отъ избирателей имущественнаго ценза, а въ остальныхъ четырехъ колоніяхъ всеобщая подача голосовъ съ изъятіемъ лицъ, слишкомъ недавно прибывшихъ въ колонію (въ Новой Зеландіи и эти лица не подлежатъ изъятію при наличности нѣкоторой недвижимости). Выборы въ палату представителей въ Новой Зеландіи замѣчательны въ

двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, изъ 74 членовъ 4 должны избираться изъ числа туземцевъ маори; во-вторыхъ, по закону 1887 г., въ выборахъ участвуютъ совершеннолѣтніе жители обоего пола. Участію женщинъ въ избраніи членовъ новозеландской палаты приписываютъ принятіе законодательныхъ мѣръ, служащихъ къ распространенію трезвости, проведеніе законовъ о защитѣ дѣтей, объ усыновленіи, объ учрежденіи техническихъ школъ. По примѣру Новой Зеландіи избирательное право женщинъ установлено и въ Южной Австраліи съ 1894 года, а въ самое послѣднее время къ нему переходитъ Викторія.

Членами нижней палаты въ нѣсколькихъ колоніяхъ могутъ быть всѣ избиратели. Но въ Новой Зеландіи женщины еще не бываютъ депутатами: недавно 35 голосами противъ 26 отклонено непосредственное допущеніе женщинъ въ законодательное собраніе. Въ Южной Австраліи такое допущеніе принято въ принципѣ, но еще не осуществлено. Въ Викторіи духовныя лица, участвующія въ выборахъ, членами палаты быть не могутъ. Число членовъ нижней палаты колеблется отъ 24 въ Южной Австраліи до 125 въ Новомъ Южномъ Уэльсѣ. Сроки полномочій не свыше 3 лѣтъ. Почти повсюду, кромѣ Западной Австраліи, члены нижней палаты получаютъ жалованье (въ Новомъ Южномъ Уэльсѣ нѣсколько менѣе 3 тыс. руб.).

Члены верхней палаты или назначаются пожизненно (въ Новомъ Южн. Уэльсѣ и Куинслендѣ), или назначаются на срокъ (въ Нов. Зеландіи), или частью назначаются, частью выбираются (въ Зап. Австраліи), или, наконецъ, только выбираются (въ 3 остальныхъ колоніяхъ), причемъ и отъ избирателей, и отъ членовъ требуется имущественный цензъ. Число членовъ верхней палаты, кромѣ Южн. Австрал., меньше числа членовъ нижней и колеблется отъ 18 (въ Тасманіи) до 66 (въ Новомъ Южн. Уэльсѣ). Большею частью они не получаютъ жалованья, но въ Новой Зеландіи имъ полагается жалованье, хотя и меньшее (1,425 руб.), чѣмъ членамъ нижней палаты (2,280 руб.).

Управленіе дѣлами колоній ввѣряется отвѣтственнымъ министерствамъ. Изъ 10 министровъ Новаго Южнаго Уэльса одинъ завѣдуетъ земельными дѣлами, другой земледѣліемъ и горною промышленностью, третій народнымъ образованіемъ и обрабатывающею промышленностью. Жалованье министра отъ 13,000 (въ Новомъ Южн. Уэльсѣ) до 5,700 (въ Тасманіи).

Главою исполнительной власти въ каждой колоніи является назначаемый англійскою королевою губернаторъ. Въ двухъ наиболѣе многолюдныхъ колоніяхъ губернаторы получаютъ крупное жалованье—по 7,000 фун. стер. (66,150 руб.), но изъ этого жалованья должны покрываться расходы на представительство и на поѣздки въ Европу. Въ Тасманіи губернаторъ получаетъ гораздо меньше (33,250 руб.).

Въ австралійскихъ колоніяхъ существуетъ и мѣстное самоуправленіе, соотвѣтствующее русскимъ земскимъ и городскимъ учрежденіямъ. Такъ какъ сельскій муниципальный округъ, при числѣ жителей не менѣе опредѣленнаго итога, долженъ занимать площадь не болѣе опредѣленнаго размѣра,

то лишь небольшая часть территоріи можетъ пользоваться муниципальнымъ устройствомъ (въ Нов. Южн. Уэльсѣ $^1/_{133}$ часть площади съ $^2/_3$ населенія). Для муниципальныхъ выборовъ избирательный голосъ принадлежитъ только владѣльцамъ и арендаторамъ недвижимости, уплачивающимъ налоги.

Наибольшая доля жителей обладаетъ государственными избирательными правами въ Новой Зеландіи, а именно изъ бѣлаго населенія всѣхъ возрастовъ 45,1%, изъ числа бѣлыхъ мужчинъ 54,1%, бѣлыхъ женщинъ 34,8%, изъ числа маори 26,8 населенія всѣхъ возрастовъ. Второе мѣсто принадлежитъ Южной Австраліи (40,8), на послѣднихъ мѣстахъ стоятъ Тасманія (19,6) и Куинслендъ (18,9), гдѣ, какъ уже сказано, нѣтъ всеобщаго избирательнаго права. Правомъ избранія въ верхнюю палату можетъ пользоваться значительно меньшая доля населенія, чѣмъ въ нижнюю (въ Викторіи 13,4% противъ 22,2 въ нижнюю). Муниципальные выборы имѣютъ значительно меньше участниковъ, чѣмъ государственные (въ Нов. Южн. Уэльсѣ 13,2% противъ 20,9).

На государственныхъ выборахъ 1893 года въ Новой Зеландіи пожелали принять участіе 72% мужчинъ и 64% женщинъ изъ числа тѣхъ, которыя пользуются избирательнымъ правомъ (въ избирательные списки женщинъ записалось гораздо болѣе 78%); въ наиболѣе зажиточномъ классѣ женщины довольно равнодушны къ выборамъ. Въ Новомъ Южномъ Уэльсѣ населеніе слабѣе осуществляетъ свои избирательныя права (въ 1895 г. 61%).

Въ близкомъ будущемъ должна возникнуть давно задуманная федерація семи австралійскихъ колоній. Видную роль въ подготовленіи этого союза игралъ австралійскій Гладстонъ, сэръ Генри Паркъсъ, энергичный первый министръ Нов. Южн. Уэльса. Союзное представительство будетъ устроено на началахъ, сходныхъ съ Канадою; только въ Канадѣ верхняя палата имѣетъ пожизненныхъ членовъ по назначенію администраціи, а въ Австраліи предполагается выбирать сенаторовъ союзными государствами. Въ октябрѣ 1894 года военная конференція въ Сиднеѣ выработала общій планъ военной защиты австралійскихъ колоній. Здѣсь умѣстно упомянуть, что въ Австраліи, какъ въ Англіи, Голландіи и Соединен. Штатахъ нѣтъ отбыванія воинской повинности. Общая численность военныхъ не достигаетъ 28,000 (1 человѣкъ на 154 человѣка населенія), но въ этотъ счетъ кромѣ наемныхъ волонтеровъ, составляющихъ около половины арміи, и кромѣ регулярной милиціи входятъ члены частныхъ военныхъ клубовъ. Въ случаѣ войны Куинслендъ и Новая Зеландія считаютъ подлежащимъ призыву все мужское населеніе рабочаго возраста. Главное начальство надъ мѣстными войсками принадлежитъ губернаторамъ. Англійскихъ войскъ въ Австраліи давно уже нѣтъ.

Обращаемся къ составу населенія по образованію и въ связи съ этимъ отмѣтимъ нѣкоторыя черты постановки школьнаго дѣла въ Австраліи. Въ населеніи старше 15 лѣтъ Викторія и Новая Зеландія по переписи 1891 г. показали очень небольшой процентъ лицъ, не умѣющихъ читать и писать (Новая Зеландія 2,2% и Викторія 2,3%); вдвое больше процентъ такихъ

лицъ въ Новомъ Южномъ Уэльсѣ (4,9%), еще больше въ Тасманіи 7,8%. Тамъ же въ Тасманіи получается сравнительно много неграмотныхъ въ населеніи всякаго возраста (25,4%); но и въ Тасманіи процентъ неграмотныхъ сокращается съ теченіемъ времени (27% въ 1881 г., 32% въ 1861 г.). Въ Куинслендѣ отношеніе неграмотныхъ ко всему населенію 25,9%, въ Западной Австраліи только 13,2%. Успѣхи грамотности замѣтны при сопоставленіи свѣдѣній объ относительномъ числѣ умѣвшихъ подписаться при бракосочетаніи: въ 1861 г. такія лица составляли только 75% новобрачныхъ, а въ 1888 г. уже 97. Притомъ замѣчательно, что въ 1888 г. невѣсты совершенно уже сравнялись въ грамотности съ женихами, а за 27 лѣтъ передъ тѣмъ женская грамотность (69%) значительно отставала отъ мужской (87%) *).

Косвеннымъ мѣриломъ распространенія грамотности служитъ развитіе почтовыхъ и телеграфныхъ сношеній. Еще въ 1882 г. Австралія занимала среди культурныхъ странъ одно изъ первыхъ мѣстъ по отношенію почтовыхъ отправленій къ числу жителей (61 отправленіе на жителя), уступая только Швейцаріи (65) и Соединенному Королевству (63) и равняясь Соединеннымъ Штатамъ (61); по числу собственно писемъ (35) они стояли выше Соедин. Штатовъ (31). Замѣтимъ въ скобкахъ, что въ Викторіи и Нов. Южн. Уэльсѣ, какъ и въ большинствѣ европейскихъ государствъ (но не у насъ), расходы по почтовому дѣлу выше, чѣмъ приходы. Въ 1890 г. на жителя приходилось уже 89 почтовыхъ отправленій, а въ 1851 году было только 9. Особенно интенсивно дѣйствуетъ почта въ Новой Зеландіи, гдѣ приходится болѣе 100 почтовыхъ отправленій на жителя. Австралія вошла въ международный почтовый союзъ съ самаго основанія этого союза.

Телеграфное сообщеніе съ Англіею установилось въ 1871 г. Въ 1872 г. проведенъ телеграфъ черезъ весь материкъ съ юга на сѣверъ; каждая станція на этомъ опасномъ пути—небольшая крѣпость съ высокою каменною стѣною и желѣзными воротами на случай нападенія дикарей. Новая Зеландія, уже 18 лѣтъ соединенная телеграфною проволокой съ континентомъ, теперь прокладываетъ кабель въ Канаду. По отношенію числа телеграммъ къ населенію Австралія, давшая въ 1890 г. болѣе 3 телеграммъ на жителя, не имѣетъ соперниковъ среди культурныхъ странъ; метрополія ея достигаетъ 2 телеграммъ (у насъ 10 жителей посылаютъ въ годъ 1 телеграмму). Въ Новой Зеландіи 185 період. изданій, изъ нихъ 52 ежедневныхъ.

Отмѣтки о школахъ начнемъ съ начальнаго образованія. По подсчету, сдѣланному нами для 1895 года, на 100 жителей Австраліи училось въ начальныхъ школахъ безъ малаго 20 человѣкъ (19,5%). Это очень высокое отношеніе, и Левассёру, сводившему недавнія свѣдѣнія о положеніи начальнаго образованія въ 90-хъ годахъ по разнымъ странамъ, пришлось поставить австралійскую колонію Викторію, гдѣ отношеніе учащихся пре-

*) Въ Россійской имперіи изъ числа новобранцевъ 1894 г. грамотныхъ было еще 38%.

восходитъ 24 на 100 жителей (ни одна изъ европейскихъ странъ не доходитъ до 20) на первое мѣсто. Изъ числа учившихся въ государственныхъ и частныхъ школахъ за 1895 годъ на долю частныхъ школъ приходится 15%. Для Новаго Южнаго Уэльса мы имѣемъ распредѣленіе учащихся между школами государственными (78%), частными (15%) и домашнимъ образованіемъ (7%). Начальное образованіе въ австралійскихъ колоніяхъ сейчасъ признается обязательнымъ *) въ возрастѣ отъ 6 или 7 до 13 и 14 лѣтъ. Государство прежде давало, теперь не даетъ пособій исповѣднымъ школамъ. По размѣрамъ государственныхъ расходовъ на начальную школу, причитающихся на 1 жителя, Викторія (6 р. 68 к.), Новый Южный Уэльсъ и Новая Зеландія уступаютъ только канадской провинціи Манитобѣ; по расходу на одного ученика выше поименованныхъ колоній стоитъ еще Аргентина, имѣющая однако очень мало учащихся. Въ числѣ учащихся мальчики далеко не такъ преобладаютъ надъ дѣвочками, какъ мужчины надъ женщинами въ итогѣ населенія. Значительное большинство преподавательскаго персонала составляютъ женщины. На одного преподавателя въ начальныхъ государственныхъ школахъ приходится около 50 учащихся, что близко къ среднему отношенію, полученному Левассёромъ для большого числа культурныхъ странъ. Въ большинствѣ австралійскихъ колоній за обученіе въ начальныхъ государственныхъ школахъ платы не взимается; въ Новомъ Южномъ Уэльсѣ берутъ плату по 3 пенса (около 12 коп.) въ недѣлю съ ученика, причемъ если изъ какой-нибудь семьи уже учатся четверо, пятый освобождается отъ платы; бѣдные обучаются безплатно. Въ Новой Зеландіи заслуживаетъ вниманія широкое примѣненіе совмѣстнаго обученія мальчиковъ и дѣвочекъ не только въ низшихъ, но и въ среднихъ школахъ; по словамъ мистрисъ Стредланъ (докладчицы на чикагскомъ международномъ конгрессѣ), отъ этого не возникаетъ никакихъ неудобствъ **). Въ программу начальнаго образованія въ Нов. Южн. Уэльсѣ входятъ чтеніе, письмо, диктантъ, ариѳметика, географія, мораль, предметные уроки, рисованіе, музыка и тѣлесныя упражненія; грамматика, исторія Англіи и Австраліи преподаются только тамъ, гдѣ имѣются старшіе классы (дѣвочекъ обучаютъ еще рукодѣлію и стряпнѣ). Въ Новой Зеландіи въ программу начальныхъ школъ включено пѣніе, а для старшаго класса—англійскія сочиненія и естествовѣдѣніе. Завѣдываніе школами принадлежитъ школьнымъ совѣтамъ; эти совѣты—выборные (въ Нов. Южн. Уэльсѣ изъ 7 членовъ); въ число членовъ выбираются и женщины; школьный округъ, въ которомъ дѣйствуетъ совѣтъ, очень мелкая величина (въ Нов. Южн. Уэльсѣ 280, въ Викторіи 352 школьныхъ округа).

*) Въ Н. Ю. Уэльсѣ для населенія, живущаго не далѣе 3 верстъ отъ школы, Западная Австралія предоставляетъ мѣстнымъ школьнымъ совѣтамъ дѣлать постановленія объ обязательности (какъ въ Англіи). Въ Куинслендѣ не принимается мѣръ для осуществленія обязательности.

**) Напомнимъ кстати, что русское министерство земледѣлія недавно высказало, что въ женскомъ сельско-хозяйственномъ образованіи не можетъ быть существенныхъ различій отъ мужского.

Австралія, при своемъ населеніи, немного превосходящемъ 4 милліона, имѣетъ 4 университета; скоро откроется и пятый, въ Тасманіи. Студентовъ всего больше въ Окленскомъ университетѣ въ Новой Зеландіи (742). Мельбурнскій университетъ, съ 693 студентами (въ 1895 г.), имѣетъ 14 профессоровъ, 14 преподавателей и 7 ассистентовъ; жалованье профессора отъ 6½ до 10 тысячъ рублей. Въ Аделандѣ университетъ имѣетъ бюджетъ болѣе 600 тыс. рублей и около 20 тыс. десятинъ собственной земли. Университеты открыты и для женщинъ. Въ Сиднейскомъ университетѣ есть особая каѳедра земледѣлія и сельской экономіи. Отдѣльныхъ агрономическихъ школъ пока еще нѣтъ, хотя въ Мельбурнѣ идутъ приготовленія къ устройству земледѣльческаго университета, какъ тамъ называютъ, т.-е. вѣроятно заведенія того типа, къ которому принадлежатъ школы въ Петровскомъ-Разумовскомъ, въ Вѣнѣ, въ Парижѣ, Берлинѣ и Новой Александріи. Сельско-хозяйственныхъ средне-учебныхъ заведеній нѣсколько; въ двухъ сельско-хозяйственныхъ колледжахъ Викторіи (Дуки-Лонджерлонгъ) принимаются ученики съ 14 лѣтъ, съ платою около 240 р. въ годъ; въ новозеландскомъ Линкольнскомъ колледжѣ плата выше 600 р. Предметы преподаванія въ Лонджерлонгѣ: химія, ботаника, энтомологія, геологія, англійскій языкъ, ариѳметика, геометрія, землемѣріе, счетоводство, практическія занятія на фермѣ, упражненія въ полевыхъ работахъ, обращеніе съ машинами и орудіями и уходъ за скотомъ. Ученыхъ семестровъ два: они раздѣлены мѣсячными вакаціями—зимними въ августѣ и лѣтними въ февралѣ. При сельско-хозяйственномъ институтѣ Нов. Южн. Уэльса въ Гоксбери имѣются особые курсы маслодѣлія и сыроваренія. Дѣятельную помощь сельско-хозяйственному образованію въ Викторіи оказываютъ командируемые министерствомъ земледѣлія странствующіе учителя, которые не могутъ оставаться на одномъ мѣстѣ долѣе 30 дней. Въ разныхъ колоніяхъ не мало разныхъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній, между прочимъ нѣсколько горныхъ школъ.

Помощь самообразованію оказываетъ въ Викторіи особый колледжъ рабочихъ людей съ литературнымъ, научнымъ, музыкальнымъ, техническимъ и коммерческимъ отдѣленіемъ. Университеты стремятся поддерживать общее образованіе при помощи University Extension. Объединенію ученыхъ служитъ австралійская ассоціація для преуспѣянія наукъ *). Упомянемъ хоть однимъ словомъ о существованіи музеевъ и богатыхъ библіотекъ, изъ которыхъ мельбурнская закрыта только два раза въ годъ: въ первый день Рождества и въ Страстную пятницу. Святость воскресенья въ Австраліи не оскорбляется чтеніемъ.

Слишкомъ трудно судить о результатахъ широкаго распространенія народнаго образованія въ странѣ; но въ связи съ этимъ, можетъ быть,

*) Въ январскій съѣздъ этой ассоціаціи въ Сиднеѣ въ 1898 г. внесены доклады по океанографіи, по этнографіи, по бактеріологіи, по научнымъ методамъ въ приложеніи къ новому воспитанію (мистрисъ Бедгамъ).

умѣстно напомнить, что въ Австраліи, какъ и въ ея метрополіи, сокращается отношеніе числа осужденныхъ и числа заключенныхъ къ числу жителей. Въ частности Викторія показываетъ сокращеніе арестовъ за пьянство и сокращеніе потребленія спиртныхъ напитковъ на жителя; послѣднее наблюдается и для всѣхъ колоній въ совокупности.

Естественное движеніе населенія обусловливается фактами рожденія и смерти. Рождаемость въ Австраліи за тринадцать лѣтъ 1881—93 гг. изображается среднимъ годовымъ отношеніемъ 34 рожденій на 1,000 жителей; для западно-европейскихъ странъ это довольно обыкновенная величина. Самая большая рождаемость въ Куинслендѣ и Южной Австраліи, самая малая—въ Новой Зеландіи. Съ теченіемъ времени рождаемость показываетъ правильное пониженіе; это вызывается, между прочимъ, уменьшеніемъ смертности и запаздываніемъ вступленія въ бракъ. Незаконныя рожденія составляютъ въ Австраліи бо́льшую долю рожденій, чѣмъ въ Россіи. Законными признаются въ Австраліи тѣ браки, которые совершаются съ вѣдома статистическаго учрежденія. Процентъ незаконныхъ рожденій по 4 колоніямъ, о которыхъ у насъ имѣются свѣдѣнія, съ теченіемъ времени увеличился.

Смертность въ Австраліи ниже, чѣмъ въ какой-нибудь другой странѣ съ правильными записями объ умершихъ. За 13 лѣтъ (1881—93 г.) она составляетъ только 14 смертей на 1,000 жителей. Сравнительно наибольшею смертностью обладаетъ Западная Австралія (16,4), а наименьшею Новая Зеландія (10,3, а за 7-лѣтіе 1888—94 г. только 9,2). Даже тропическій Куинслендъ даетъ меньше умершихъ, чѣмъ любая страна Европы. При сличеніи по возрастамъ для 2 старыхъ колоній (Нов. Южн. Уэльса и Викторіи) оказывается, что во всѣ періоды жизни тамошняя смертность ниже, чѣмъ въ Англіи и во Франціи, и почти во всѣ періоды ниже, чѣмъ въ Швеціи. Особаго вниманія заслуживаютъ благопріятныя условія для жизненности австралійскихъ младенцевъ: между тѣмъ какъ у насъ въ Россіи на первомъ году жизни умираютъ 30 изъ 100 родившихся, въ Новой Зеландіи ихъ умираетъ меньше 9. Въ Австраліи рѣдки легочныя болѣзни. Кромѣ того, въ ней очень слабо распространена болотная лихорадка (малярія), облегчающая заболѣваніе многими заразными болѣзнями въ Америкѣ и въ Россіи. Городская смертность въ Австраліи значительно выше, чѣмъ сельская. И Сидней, и Мельбурнъ даютъ смертность выше 20 на 1,000 (Сидней 20,4, а остальное населеніе колоніи 13,1). Въ ряду смертей особо записываются случаи самоубійствъ. Въ 80-хъ годахъ всего богаче самоубійствами былъ Куинслендъ (115 на милліонъ жителей), всего бѣднѣе—Тасманія (51). Въ концѣ 80-хъ годовъ самоубійства были нѣсколько чаще (115), чѣмъ въ началѣ 70-хъ (86). Смертность въ Австраліи съ теченіемъ времени, какъ и рождаемость, показываетъ правильное сокращеніе

	Рождаемость.	Смертность.
1861—65 г.	—	16,77
1866—70 »	39,9	15,71
1871—75 »	37,3	15,02

1876—80 »	35,3	14,79
1881—85 »	35,2	14,77
1886—90 »	34,4	13,95
1891—93 »	32,4	13,15

Въ тѣсной связи съ записями рожденій и смертей стоятъ записи бракосочетаній. На 10,000 жителей въ семилѣтіе 1888—94 гг. въ 6 колоніяхъ безъ Западной Австраліи заключилось 64 брака; съ русской точки зрѣнія это очень немного. Наибольшая брачность въ Куинслендѣ и Викторіи (74 и 73), наименьшая — въ Новой Зеландіи (58) и Нов. Южн. Уэльсѣ (56). Новая Зеландія не показывала въ послѣднее время уменьшенія числа браковъ; напротивъ, число браковъ съ 1888 по 1894 г. непрерывно возрастало. Но возрастъ вступленія въ бракъ, особенно для женщинъ, замѣтно увеличивается. Въ 1882 г. несовершеннолѣтнихъ невѣстъ въ Новой Зеландіи было 29,4%, въ 1893 г. уже только 19,7%. Это важное отличіе австралійскаго населенія отъ метрополіи, гдѣ до сихъ поръ много раннихъ браковъ. Разводы всего чаще въ Южной Австраліи, гдѣ всего больше женщинъ, а всего рѣже въ колоніяхъ съ наибольшимъ недостаткомъ женщинъ—Куинслендѣ и Западной Австраліи.

Механическое движеніе населенія въ австралійскихъ колоніяхъ находитъ себѣ изображеніе между прочимъ въ числѣ пріѣхавшихъ и выѣхавшихъ. Когда-то значительную долю прихода бѣлаго населенія въ Австраліи давалъ привозъ преступниковъ. Первыя 2 десятилѣтія колоніальной жизни отличались значительной безпорядочностью. Только пятый губернаторъ Австраліи, Маккуэри, урегулировалъ положеніе ссыльныхъ и сдѣлалъ ихъ полезными производительными элементами общества. Съ двадцатыхъ годовъ ссыльныхъ стали отдавать на принудительныя работы въ частныя хозяйства. Всего дольше продолжалась ссылка въ Западную Австралію, но въ 1868 году ссылка въ колоніи была вообще вычеркнута изъ англійскаго уголовнаго законодательства. Сейчасъ австралійскіе переселенцы исключительно добровольцы. Правительство Куинсленда оказываетъ еще до сихъ поръ пособіе переселенцамъ при опредѣленныхъ условіяхъ; знакомство съ этими условіями достигается съ помощью спеціальныхъ агентовъ, живущихъ въ метрополіи. Новая Зеландія и другія колоніи отмѣнили пособія иммигрантамъ. Со стороны центральнаго правительства содѣйствіе эмиграціи сказывается между прочимъ въ облегченіи всевозможныхъ справокъ для переселяющихся. Укажемъ, напримѣръ, на дешевыя книжки (по пенсу) съ обстоятельнымъ описаніемъ отдѣльныхъ колоній; по ихъ примѣру и у насъ приступили къ такимъ изданіямъ о Сибири. Переѣздъ одного человѣка изъ Англіи обходится обыкновенно не дешевле 150 рублей. Путь долгій, потому что самые быстрые пароходы, доступные только для богатыхъ (700 руб. за провозъ класснаго пассажира) идутъ до Новой Зеландіи черезъ мысъ Горнъ въ 32 дня. На материкъ ближе попадать черезъ Суезскій каналъ, но длительное и обыкновенно жаркое путешествіе по Красному морю не располагаетъ туристовъ къ этому пути. Валовое число

лицъ, ежегодно пріѣзжающихъ въ Австралію, превзошло 100 тысячъ еще въ 1874 г., съ 1883 г. оно держится выше 200 тысячъ и въ послѣднемъ отчетномъ году (1895 г.) дошло почти до 300 тысячъ (294,230). Возрастаніе этого числа было довольно правильно; паденіемъ ознаменовались только 1887 и 1891 годы. Но одновременно съ пріѣзжающими довольно значительное число даютъ и уѣзжающіе. Разница между этими итогами или чистая иммиграція составляла въ первую половину 90-хъ годовъ около 50 тысячъ въ годъ, причемъ въ Южной Австраліи замѣчается перевѣсъ уѣхавшихъ (тамошніе нѣмцы стали стремиться въ нѣмецкія колоніи), въ Новомъ Южномъ Уэльсѣ относительный перевѣсъ пріѣхавшихъ очень не великъ; наибольшую величину онъ имѣетъ въ Западной Австраліи *).

Въ составѣ австралійскихъ иммигрантовъ около двухъ третей приходится на долю мужчинъ. Внутреннее механическое передвиженіе населенія записывается на желѣзныхъ дорогахъ. Въ сравненіи съ Россіею, пассажирское желѣзнодорожное движеніе Австраліи почти въ 5 разъ оживленнѣе по отношенію къ числу жителей: у насъ на жителя въ годъ приходится $^1/_2$ пассажира, тамъ—$2^1/_4$. По отношенію къ единицѣ пути австралійское пассажирское движеніе слишкомъ вдвое интенсивнѣе, чѣмъ движеніе въ Соединенныхъ Штатахъ Америки, но въ свою очередь почти вдвое уступаетъ общему движенію Европы.

За 45 лѣтъ второй половины XIX вѣка населеніе семи австралійскихъ колоній увосьмерилось. Изъ трехъ важнѣйшихъ колоній наиболѣе увеличила свое населеніе (въ 15 разъ) Викторія, а сравнительно меньше всего—Новый Южный Уэльсъ (однако слишкомъ въ 6 разъ). По десятилѣтіямъ приростъ населенія давалъ слѣдующія величины:

1802—11 гг.—119,4%	1832—41 гг.—102,8%	1862—71 гг.—54,5%
1812—21 » — 58,8%	1842—51 » — 73,6%	1872—81 » —42,5%
1822—31 » — 83,4%	1852—61 » —190,9%	1882—91 » —45,3%

Самымъ большимъ приростомъ отличались пятидесятые годы, ознаменовавшіеся открытіемъ и наибольшею добычею золота; семидесятые и восьмидесятые стояли приблизительно на одномъ уровнѣ.

Дѣйствительный приростъ населенія какой-нибудь мѣстности слагается изъ двухъ величинъ: изъ такъ называемаго естественнаго прироста, который вызывается перевѣсомъ рожденій надъ смертями, и механическаго, который зависитъ отъ избытка пріѣхавшихъ (иммигрантовъ) надъ выѣхавшими (эмигрантами). То или другое слагаемое можетъ имѣть отрицательную величину. Напримѣръ, городъ Петербургъ до начала восьмидесятыхъ годовъ имѣлъ естественную убыль населенія, т.-е. перевѣсъ смертей надъ рожденіями, и однако увеличивался, благодаря механическому привлеченію населенія.

---

*) Въ 70-хъ годахъ Ю. Австралія тоже давала перевѣсъ эмиграціи, а Тасманія и Новая Зеландія давали приблизительное равенство; три восточныя колоніи материка сильно росли отъ иммиграціи.

Ростъ Австраліи объясняется главнымъ образомъ естественнымъ приростомъ населенія. Перевѣсъ рожденій надъ смертями, отнесенный къ населенію, превосходитъ тамъ 2% въ годъ, оказывается больше, чѣмъ въ любой европейской странѣ, больше, чѣмъ въ Соединенныхъ Штатахъ, Аргентинѣ и Канадѣ.

Въ ближайшее къ намъ время наибольшимъ естественнымъ приростомъ отличается Куинсленлъ, гдѣ этотъ приростъ увеличился (сравнительно съ предыдущимъ семилѣтіемъ), а наименьшимъ — Викторія, но и въ Викторіи естественный приростъ больше, чѣмъ, напримѣръ, въ Германіи. Отношеніе иммиграціи къ населенію было поразительно велико, когда Австралія росла преимущественно механическимъ путемъ. Значеніе иммиграціи въ общемъ приростѣ населенія съ теченіемъ времени понизилось *).

Повторимъ вкратцѣ главныя черты, отмѣченныя нами въ составѣ и движеніи австралійскаго населенія. Это населеніе совершенно настолько же мало сравнительно съ населеніемъ земной поверхности, какъ сутки малы сравнительно съ годомъ ($^1/_{365}$). Это населеніе еще очень рѣдко, распредѣленіе его по странѣ очень неравномѣрно; хотя меньше, чѣмъ прежде, но еще замѣчается недостатокъ женщинъ. Однородность англо-саксонскаго происхожденія и громадное преобладаніе христіанства не исключаютъ значительнаго разнообразія въ деталяхъ религіозныхъ убѣжденій. Участіе населенія въ жизни государственной съ теченіемъ времени растетъ и теперь начинаетъ захватывать оба пола. Начальное образованіе сдѣлало большіе успѣхи и сейчасъ распространено весьма широко; не забыты и интересы научнаго образованія. Условія жизненности населенія благопріятнѣе, чѣмъ въ какой-нибудь другой странѣ и съ теченіемъ времени улучшаются. Ростъ населенія въ послѣднее время обусловливается, главнымъ образомъ, избыткомъ числа рожденій надъ числомъ смертей. Теперь обратимся къ тѣмъ источникамъ, изъ которыхъ это населеніе черпаетъ свои матеріальныя средства.

А. Фортунатовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

---

*)

	Отношеніе иммиграціи къ населенію. Соедин. Штаты.	Австралія.	Иммиграція составляла въ приростѣ населенія Австраліи.
1852—61 г.	11,2%	143%	74,6%
1862—71 „	7,8%	23%	43,4%
1872—81 „	7,9%	18%	41,0%
1882—91 „	10,4%	14%	31,1%

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Чествованіе Бѣлинскаго.—Орловскій съѣздъ сельскихъ хозяевъ.—Притязанія уральскихъ посессіонныхъ заводчиковъ.—Педагогическіе курсы въ Курскѣ.—Общество для пособія студентамъ и его должники.—† М. А. Саблинъ.—Отъ Лермонтовской библіотеки въ Пензѣ.—Отъ конторы „Русскихъ Вѣдомостей.

Въ Москвѣ, Петербургѣ, Пензѣ, Одессѣ, Саратовѣ, Курскѣ и во многихъ другихъ городахъ русское общество чествовало одного изъ благороднѣйшихъ своихъ вождей, Виссаріона Григорьевича Бѣлинскаго. 26 мая исполнилось полвѣка со дня кончины знаменитаго критика и публициста. Теперь его сочиненія сдѣлались общимъ достояніемъ. Достояніемъ образованной Россіи давно уже стали многія изъ его свѣтлыхъ идей, теперь онѣ пойдутъ шире и глубже. Исполняется мечта поэта-гражданина: вмѣсто Милорда глупаго мужикъ начнетъ читать Бѣлинскаго.

Обаяленъ образъ Бѣлинскаго. Рѣдко писатель до такой степени сливается съ своими сочиненіями, какъ это мы видимъ у него. Бѣлинскій такъ страстно мыслилъ и такъ горячо чувствовалъ, когда брался за перо, что въ строки, которыя онъ писалъ, переходила вся его душа. Оттого-то нѣкоторыя письма Бѣлинскаго являются лучшими его сочиненіями: въ нихъ не было помарокъ и урѣзокъ, которыя накладывались на его мысли въ печати.

Черезъ годъ, 26 мая, минетъ столѣтіе со дня рожденія Пушкина. Вспоминая великаго поэта, мы опять вспомнимъ великаго критика. Повторится радостный подъемъ духа, какой замѣчался въ эти дни, въ особенности въ провинціи. Во многихъ провинціальныхъ газетахъ появились о Бѣлинскомъ превосходныя статьи, которыя сдѣлали бы честь и столичнымъ изданіямъ. Растетъ, быстро растетъ наша провинція. Честь ей и слава.

Въ маѣ происходилъ въ Орлѣ областной съѣздъ сельскихъ хозяевъ. Предсѣдателями его были профессоръ и предсѣдатель ученаго совѣта министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ, И. А. Стебутъ, и мѣстный дѣятель, С. А. Хвостовъ. На съѣздѣ разсмотрѣно много докладовъ какъ спеціально сельско-хозяйственныхъ, такъ и имѣющихъ обще-экономическое значеніе.

Въ нѣкоторыхъ газетахъ съѣздъ былъ названъ исключительно помѣщичьимъ, съѣздомъ русскихъ аграріевъ. Это не вѣрно по составу: въ числѣ членовъ съѣзда было много агрономовъ-неземлевладѣльцевъ. Это не вѣрно и по тѣмъ резолюціямъ и ходатайствамъ, на которыхъ съѣздъ остановился. Вотъ какіе доклады были, между прочимъ, на съѣздѣ прочитаны: г. Бажаева: *Судьбы крестьянскаго полевого травосѣянія въ нечерноземной полосѣ Россіи;* г. Загорскаго: *Шагъ за шагомъ по пути выясненія экономическаго положенія крестьянъ Орловской губерніи*; г. Соковнина: *О необходимости подвести итоги имѣющемуся у насъ опыту непосредственной агрономической помощи крестьянскому хозяйству.* Къ этой же группѣ принадлежитъ сообщеніе г. Еропкина: *Вліяніе урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ на народное хозяйство одного земледѣльческаго уѣзда.* Авторъ на основаніи внимательнаго изученія приходитъ къ отрицанію выводовъ извѣстнаго труда—*Вліяніе урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ на нѣкоторыя стороны русскаго народнаго хозяйства.*

Кажется это сообщеніе и ходатайство съѣзда, направленное противъ золотой валюты, и послужили поводомъ для *Биржевыхъ Вѣдомостей* и нѣкоторыхъ другихъ газетъ къ нападеніямъ на совѣщавшихся въ Орлѣ мнимыхъ аграріевъ. Мы не видимъ здѣсь никакой связи, и съ гораздо большимъ и все-таки совершенно недостаточнымъ основаніемъ можно было бы обвинять съѣздъ въ нео-марксизмѣ за рефератъ г. Яблонскаго, въ которомъ выставлены такіе три тезиса: «Попытки борьбы съ мобилизаціей земельной собственности въ Германіи и Россіи приводятъ къ отрицательнымъ результатамъ, показывая на неизбѣжность капитализаціи земледѣльческой промышленности». «Капитализація земледѣльческой промышленности на почвѣ борьбы хозяйствъ за свое существованіе есть результатъ общественно-экономической эволюціи». «Какое-либо противодѣйствіе такой эволюціи невозможно».

По вышеупомянутому сообщенію г. Еропкина, на основаніи точно произведенныхъ вычисленій, цифра потребленія хлѣба на душу значительно ниже той, которая опредѣляется г. Маресомъ въ его статьѣ, напечатанной въ сборникѣ, вышедшемъ подъ редакціей А. И. Чупрова и А. С. Постникова. Докладчикъ доказываетъ, что «населеніе, продавая хлѣбъ осенью, вовсе не покупаетъ его весною въ томъ размѣрѣ, въ какомъ бы ему слѣдовало покупать, судя по осеннимъ продажамъ. Причина этого — недостатокъ денежныхъ средствъ. Такимъ образомъ, осеннія цѣны, когда крестьяне производятъ уплату оклада и недоимокъ, вовсе не безразличны для населенія: чѣмъ выше продажныя цѣны овса, который главнымъ образомъ продается на уплату податей, тѣмъ меньше крестьянами продается на пополненіе платежей ржи и тѣмъ, слѣдовательно, больше цифра душевого потребленія хлѣба. Для того, чтобы не было хроническаго недоѣданія со стороны крестьянъ, является настоятельная необходимость въ согласованіи платежей съ доходностью земельныхъ надѣловъ». Во время преній И. А. Стебутомъ была высказана мысль о невозможности въ настоящее время суще-

ствованія чисто-натуральнаго хозяйства. По тѣмъ даннымъ, которыя онъ имѣетъ, онъ приходитъ къ убѣжденію, что хлѣбъ производится крестьянами (да и помѣщиками) слишкомъ дорого. М. А. Брещинскій, соглашаясь съ докладомъ по поводу того, что налоги, лежащіе на крестьянахъ, очень велики, указалъ на существующій законъ объ отсрочкѣ и разсрочкѣ выкупныхъ платежей, который пока еще не далъ положительныхъ результатовъ, хотя на самомъ дѣлѣ могъ бы значительно понизить размѣры платежей. Исходя изъ этой мысли, онъ настаивалъ на необходимости постановленія въ смыслѣ желательности болѣе широкаго примѣненія этого закона на практикѣ. И. А. Стебутъ предложилъ обратиться къ земствамъ съ просьбой произвести изслѣдованія стоимости производства хлѣбовъ крестьянами. И. М. Рева, указавъ на несогласованность у насъ статистическихъ данныхъ, которыя по одному и тому же вопросу позволяютъ имѣть совершенно противоположные взгляды, обратилъ вниманіе собранія на необходимость того, чтобы въ изслѣдованіи правительствомъ экономическаго положенія крестьянъ принимали участіе представители всѣхъ вѣдомствъ въ цѣляхъ единообразія».

Вопросамъ о хлѣбныхъ цѣнахъ, золотой валютѣ и земледѣльческомъ кризисѣ былъ посвященъ на съѣздѣ рефератъ А. А. Стаховича, который выступилъ съ проектомъ союза землевладѣльцевъ (онъ принятъ съѣздомъ). Г. Стаховичъ напоминаетъ о томъ, что на сельско-хозяйственномъ конгрессѣ въ Буда-Пештѣ, осенью 1896 года (тамъ были представители нашихъ министерствъ земледѣлія и финансовъ), «обсуждались подробно причины переживаемаго всѣми землевладѣльцами ужаснаго сельско-хозяйственнаго кризиса; было установлено большинствомъ участвовавшихъ, что одною изъ главныхъ причинъ этого, а также и промышленнаго кризиса, есть непомѣрное вздорожаніе золотыхъ денегъ, *искусственное безденежье*, происходящее отъ золотого монометаллизма, къ которому перешли за послѣднее 25-лѣтіе почти всѣ страны Западной Европы и Соединенные Штаты Сѣверной Америки и къ переходу къ которому настойчиво стремится русскій министръ финансовъ, поддерживаемый нашими экономистами».

Г. Стаховичъ упрекаетъ нашу печать за то, что она *безсознательно* извратила смыслъ агитаціи во время президентскихъ выборовъ въ Соединенныхъ Штатахъ осенью того же года. Этотъ упрекъ намъ кажется вообще не вполнѣ справедливымъ. Что же касается нашего журнала, то мы лишь обратимъ вниманіе г. Стаховича на статью г-жи Макъ-Гаханъ по поводу борьбы Брайана съ Макъ-Кинли, напечатанную въ *Русской Мысли*.

Въ концѣ своего доклада г. Стаховичъ выставляетъ, какъ тезисы, такія требованія, какъ развитіе просвѣщенія общаго и профессіональнаго, во всѣхъ слояхъ общества и развитіе мѣстнаго значенія земства.

Мы отказываемся понять, какъ людей, высказывающихъ такія убѣжденія, можно называть аграріями. Во всякомъ случаѣ съ подобными аграріями можно и должно идти рука объ руку.

Упомянемъ кстати о любопытныхъ преніяхъ, которыя происходили тоже

въ Орлѣ,—когда тамъ были открыты засѣданія областного сельско-хозяйственнаго съѣзда,—въ орловскомъ губернскомъ дворянскомъ собраніи. Дѣло шло о воспитаніи дворянскихъ дѣтей, быть ему сословнымъ или безсословнымъ. Въ то время, когда Рюриковичи, Гедиминовичи и представители, дѣйствительно, именитыхъ родовъ не боятся смѣшаться съ толпою, не желаютъ дворянской словесности, дворянской математики и требуютъ общей для всѣхъ хорошей школы, за узкія сословныя привилегіи стоятъ инородцы, вродѣ г. Дмитрія Бодиско, или совсѣмъ новые дворяне, какъ г. Хлѣбниковъ, астраханскій губернскій предводитель дворянства *).

Орловскій губернскій предводитель дворянства, М. А. Стаховичъ, ясно, опредѣленно и достойно высказывался всегда за передовую земскую роль дворянства. Естественно, что онъ долженъ былъ выступить и противъ сословнаго образованія дворянскихъ дѣтей. Противъ предводителя выступила группа людей, только что пополнившая свое образованіе статьями *Гражданина* и *Московскихъ Вѣдомостей*. Ораторы этой группы, не смущаясь тѣмъ, что предводитель дворянства въ то же время предсѣдатель собранія, начали съ нимъ анонимную полемику, приводили отрывки изъ просвѣтившихъ ихъ статей въ названныхъ изданіяхъ, считая, что это все *noblesse oblige*... Какъ сообщаютъ *Биржевыя Вѣдомости*, г. Стаховичъ былъ вынужденъ пріостановить эту странную, по меньшей мѣрѣ, полемику такими приблизительно словами: «Господа, здѣсь дѣлается что-то странное, дѣлаются разные намеки на меня, цитируются мои статьи, читаются выдержки изъ статей противъ меня. Уже въ рѣчи г. Блохина было нѣсколько цитатъ противъ меня изъ *Московскихъ Вѣдомостей*, а въ рѣчи г. Владимірова эти намеки достигли наибольшей рѣзкости. И все это имѣетъ своей цѣлью намекнуть, что я измѣняю дворянству, предаю его въ угоду другимъ сословіямъ. Это не правда: всегда, гдѣ бы я ни говорилъ въ пользу другихъ сословій, я не говорилъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ ущербъ дворянству. Когда же меня спрашиваютъ объ общихъ вопросахъ, я обязуюсь своей совѣстью и честью отвѣчать, какъ того требуютъ общіе интересы (взрывъ аплодисментовъ). Вы аплодируете сейчасъ мнѣ, и я позволю себѣ напомнить вамъ еще о томъ, какъ вы аплодировали одному изъ моихъ предшественниковъ, графу Апраксину, лѣтъ 20 тому назадъ, когда онъ указывалъ на великое земское значеніе дворянства, на его первѣйшій долгъ служить земщинѣ. Дворяне, поэтому, не должны преслѣдовать только свои интересы, а говорить и за другихъ. Когда у васъ спрашиваютъ, что вамъ нужно, то вы должны указать для себя только самое необходимое, самое неотложное, а все остальное не вамъ, не вамъ, а нашей родинѣ, нашему отечеству! Я привыкъ всегда быть откровеннымъ съ гг. дворянами, я и теперь откровененъ и прошу васъ на будущее время обходиться безо всякихъ намековъ или, если ужъ и дѣлать ихъ, то не въ не такихъ мѣстахъ, гдѣ я въ качествѣ предсѣдателя не могу позволить себѣ никакой полемики!»

*) Если не ошибаемся, г. Хлѣбникову пожаловано дворянство. Его родословное древо, стало быть, не велико, и черезчуръ быстро обросло „традиціями“.

Взрывъ рукоплесканій покрылъ рѣчь г. Стаховича. За узкосословную школу въ собраніи оказалось 25 голосовъ, за всесословную, съ сословнымъ интернатомъ 59. Все-таки это не добрый знакъ—такое значительное архаическое меньшинство, не добрый не для безсословной школы, конечно, а для дворянскаго сословія.

Газета *Уралъ* *) (въ Екатеринбургѣ) подняла очень важный вопросъ. При горномъ департаментѣ въ нынѣшнемъ году образована коммиссія для разсмотрѣнія вопроса о выкупѣ посессіонныхъ заводовъ въ собственность теперешнихъ владѣльцевъ. Общая площадь посессіонной земли на Уралѣ опредѣляется въ громадную цифру четырехъ съ половиною милліоновъ десятинъ. «По дѣйствующему законодательству, права посессіонеровъ на земли опредѣляются и ограничиваются заводскимъ дѣйствіемъ. Такъ, пользованіе лѣсомъ дозволяется исключительно на заводскія потребности въ предѣлахъ ежегоднаго прироста деревьевъ; посессіонеры могутъ разрабатывать только тѣ ископаемыя, которыя необходимы для дѣйствія заводовъ. Дѣйствіе заводовъ служитъ основнымъ и необходимымъ условіемъ посессіоннаго владѣнія; съ прекращеніемъ его дачи возвращаются въ казну. Платой за пользованіе казенными землями для посессіонеровъ является добавочная горная подать съ металловъ, которая составляетъ половину общей горной подати».

Уральскіе посессіонные заводчики уплачиваютъ при такихъ условіяхъ смѣшную сумму — 4,8 копейки съ десятины.

Горнозаводчики стремятся стать полными собственниками этихъ 4.500,000 десятинъ и предлагаютъ казнѣ по... 68 копеекъ за десятину. Вотъ это—*«аіраріи»!* Уплачивать 68 копеекъ гг. посессіонные горнозаводчики желаютъ въ теченіе 37 лѣтъ. *Уралъ* меланхолически замѣчаетъ: «Крестьянское населеніе Пермской губерніи платило выкупныхъ платежей за десятину болѣе 12 рублей, а посессіонные заводчики добиваются пріобрѣсти казенныя земли по 68 коп. за десятину».

Очевидно, земля на Уралѣ страшно дешевѣетъ.

Знатокъ посессіоннаго права, г. Удинцевъ, говоритъ: «Выкупъ посессіонныхъ заводовъ непонятенъ, невозможенъ. Выкупъ есть обратное пріобрѣтеніе отчужденнаго имущества. Какое же имущество отчудили посессіонеры? Казна могла бы лишь предложить покупку этихъ земель, а отнюдь не выкупъ. А между тѣмъ и другимъ разница существенная».

Уралъ припомнилъ, что въ такомъ же смыслѣ высказывался во время оно г. Скальковскій (впослѣдствіи директоръ горнаго департамента). «Мы не видимъ великаго акта несправедливости,— говорилъ онъ,— если правительство потребуетъ отчета въ употребленіи его собственности и возьметъ талантъ у зарывшихъ его въ землю». Въ своей первой статьѣ *Уралъ* говорилъ: мы думаемъ, что возвращеніе посессіонныхъ земель въ казну

---

*) *Уралъ*, №№ 351, 373 и 374.

для отвода ихъ крестьянамъ и *продажа* лѣсныхъ дачъ владѣльцамъ по дѣйствительной ихъ стоимости является дѣломъ первой необходимости и дѣйствительнаго поднятія какъ горнаго дѣла на Уралѣ, такъ и улучшенія положенія горнозаводскаго населенія.

Въ другой статьѣ *Уралъ* добавляетъ, что посессіонеры желаютъ пріобрѣсти казенныя земли, находящіяся въ ихъ пользованіи, «въ полную свою собственность путемъ капитализаціи изъ 5% добавочной горной подати исключительно съ одного чугуна и притомъ съ тѣмъ еще условіемъ, чтобы и эта послѣдняя была принята не въ полномъ размѣрѣ.

«Они ходатайствуютъ, чтобы изъ выкупного разсчета была исключена добавочная подать съ мѣди, золота и платины, которая вслѣдствіе неустойчивости и *явной убыточности* мѣднаго, золотого и платиноваго дѣла (?!) равнялась бы, по словамъ посессіонеровъ, мѣрѣ взысканія съ заводчиковъ за прошлое ихъ трудолюбіе (?!)».

Г. Скальковскій откликнулся на статью *Урала* (конечно, въ *Новомъ Времени*). Письмо это настолько... характерно, что мы его приведемъ: «*С.-Петербургскія Вѣдомости* перепечатали сегодня мнѣніе екатеринбургской газеты *Уралъ*, постоянно извращающей всѣ вопросы, касающіеся горной промышленности, относительно разрѣшенія посессіоннаго вопроса на Уралѣ путемъ выкупа. Я бы не обратилъ вниманія на это мнѣніе, еслибы въ немъ не были напечатаны слѣдующія строки:

«Не менѣе рѣшительно высказался за возвращеніе посессіонныхъ земель въ казну путемъ особой законодательной мѣры бывшій директоръ горнаго департамента К. А. Скальковскій. «Мы не видимъ великаго акта несправедливости, — говоритъ онъ, — если правительство потребуетъ отчета въ употребленіи его собственности и возьметъ талантъ у зарывшихъ его въ землю».

«Я рѣшительно не помню, когда я могъ написать такую глупость. Можетъ быть, еще кадетомъ, такъ какъ въ этомъ званіи пописывалъ статьи, между прочимъ, и о горной промышленности.

«Но во всякомъ случаѣ я не могъ высказать ничего подобнаго, какъ директоръ горнаго департамента, когда тридцатилѣтнее изученіе исторіи русскаго горнаго дѣла и русскаго горнаго законодательства должно было меня нѣсколько умудрить.

«Да что это за принципъ отбирать въ казну таланты у зарывающихъ ихъ въ землю? По этой теоріи чуть ли не у всего русскаго населенія надобно отобрать его собственность, такъ какъ кто же не зарываетъ у насъ болѣе или менѣе свои таланты?

«Если есть въ Россіи собственность священная, то это именно посессіонныхъ заводовъ, какъ потому, что почти два вѣка назадъ правительство торжественно обязалось никогда не отбирать ее отъ заводчиковъ, доколѣ они будутъ заниматься горнымъ промысломъ, а съ того времени прошли десятки земскихъ давностей, такъ и потому, что посессіонные заводчики и суть создатели въ Россіи горнаго дѣла. А еще знаменитый Карлъ Риттеръ

замѣтилъ, что не будь создана уральская желѣзная промышленность, то и вся Россія была бы не тою, чѣмъ она теперь представляется.

«Посессіонный вопросъ теменъ только для тѣхъ, кто его не потрудился изучить; но, къ сожалѣнію, изучали его не многіе; тѣ же, которые о немъ разсуждаютъ, понятія о немъ не имѣютъ, да никогда и не пріобрѣтутъ, такъ какъ на это нужно весьма продолжительное время; подобныя же дѣла у насъ рѣшаются или докладами, длящимися пятнадцать минутъ, или въ коммиссіяхъ. Въ этихъ коммиссіяхъ три четверти членовъ, представители разныхъ будто бы заинтересованныхъ вѣдомствъ, являются обыкновенно не освѣдомленными о предметѣ, подлежащемъ ихъ разсужденію, причемъ представители государственнаго контроля учатъ представителей святѣйшаго синода догматамъ православной вѣры, а представители синода поучаютъ чиновъ государственнаго контроля финансамъ.

«Я участвовалъ въ жизни по крайней мѣрѣ въ ста коммиссіяхъ и убѣдился, что одна голова—хорошо, двѣ—хуже, три—еще хуже, а десять—совсѣмъ скверно».

Увы, про г. Скальковскаго мы должны сказать: одна голова — не хорошо. *Глупъ*, по его терминологіи, онъ былъ не кадетомъ, а поручикомъ (статья, на которую ссылался *Уралъ*, напечатана въ № 5 *Горнаго Журнала* за 1864 г.). *Священная собственность посессіонныхъ заводовъ*—это такая галиматья, передъ которою всякій юристъ безпомощно разведетъ руками.

Уралъ приводитъ мнѣніе компетентнаго изслѣдователя, г. Евгунова, который говоритъ слѣдующее: «Пермской губерніи уже болѣе 200 лѣтъ принадлежитъ первенство въ цѣлой Россіи по изобилію добываемаго чугуна и желѣза. И теперь въ ней насчитывается 74 завода, добывающихъ и перерабатывающихъ эти металлы. Всѣ они пользуются выдающимися удобствами сбыта на востокъ и на западъ. Если же посчитать еще громадныя жертвы государства, въ видѣ разнообразныхъ привилегій, которыя приносились и приносятся здѣшнимъ заводамъ въ теченіе 200 лѣтъ, то было бы не только позволительно, но обязательно ожидать, что заводы эти и сами благоденствуютъ, и широко распространяютъ благосостояніе на весь окрестный край. Въ дѣйствительности ничего подобнаго не замѣчается. Не взирая на возрастающую изъ года въ годъ потребность всей Россіи въ чугунѣ и желѣзѣ, 15 лѣтъ уже слышатся постоянныя жалобы уральскихъ заводчиковъ то на «удрученное состояніе», то на различные «кризисы», то на «отсутствіе сбыта, застой и безработицу». Добившись огражденія отъ заграничной дешевизны, уральскіе заводчики не дали себѣ труда ни улучшать производство, ни даже соображать сорты производимаго металла съ новѣйшими требованіями рынка».

Отъ себя *Уралъ* прибавляетъ: «Уральскіе посессіонеры-заводчики безпощадно истребляютъ лѣса — и только. Объ усовершенствованіяхъ, о переходѣ съ древеснаго топлива на минеральное и т. д. имъ не зачѣмъ и думать. Громадные лѣса, отданные имъ въ пользованіе, подъ руками и они, ни мало не задумываясь, вырубаютъ ихъ до основанія.

«Многіе заводы совершенно уже очистили свои дачи, и теперь вновь хлопочутъ объ отводѣ имъ новыхъ казенныхъ лѣсныхъ пространствъ для новаго истребленія. Въ чемъ же заслуги гг. посессіонеровъ?»

Вотъ тутъ вопросительный знакъ вполнѣ умѣстенъ.

Нынѣшнимъ лѣтомъ открыто нѣсколько педагогическихъ курсовъ для народныхъ учителей и учительницъ, и въ числѣ руководителей этихъ курсовъ мы видимъ такихъ компетентныхъ людей, какъ Д. И. Тихомировъ и В. П. Вахтеровъ. Въ *Курской Газетѣ* напечатаны свѣдѣнія объ открытіи и занятіяхъ курсовъ для учителей и учительницъ Курской губерніи. Предсѣдатель курской губернской земской управы, г. Полянскій, въ привѣтственной рѣчи указалъ на заботы земства о народномъ образованіи. Оно имѣетъ въ виду достигнуть того, чтобы всѣ учителя и учительницы прошли черезъ педагогическіе курсы и такимъ образомъ освѣжили и дополнили свои знанія.

Директоръ народныхъ училищъ, г. Дарскій, также отмѣтилъ выдающуюся дѣятельность курскаго земства по народному образованію. «Просвѣщенные представители земства,—сказалъ г. Дарскій,—очень хорошо сознаютъ, что успѣхъ дѣла зависитъ не столько отъ количества школъ, какъ бы оно ни было велико, сколько отъ надлежащей постановки въ нихъ учебно-воспитательнаго дѣла, отъ внутренней организаціи ихъ, отъ качества школъ».

Руководитель курсовъ въ своей рѣчи выставилъ неустанное стремленіе къ просвѣщенію народныхъ массъ, какъ характерное явленіе историческаго момента. Краснорѣчиво и тепло указавъ на задачи и обязанности народнаго учителя, г. Тихомировъ весьма кстати вспомнилъ о Бѣлинскомъ (курсы были открыты 26 мая). «Сегодня,—сказалъ ораторъ,—вся мыслящая Россія вспоминаетъ о жизни одного изъ славныхъ своихъ дѣятелей: сегодня чествуютъ заслуги великаго нашего критика Бѣлинскаго, и не голько критика, но и учителя гуманности и идеализма, правды и добра, всецѣло воплотившаго ихъ и въ своей личной жизни, неустанно призывавшаго всѣхъ къ труду надъ собою, къ труду на благо общее. Позволю себѣ привести здѣсь хотя нѣсколько его словъ, непосредственно относящихся къ предмету нашей бесѣды: «Работать непрестанно, каждую минуту, работать надъ собою, надъ своимъ совершенствованіемъ, безъ потворства своей слабости, безъ оправданія своей лѣности—вотъ безусловный долгъ каждаго человѣка. А кто уклоняется отъ этого долга, подъ предлогомъ неспособности своей къ движенію впередъ, тотъ постыдно лжетъ на себя, тотъ теряетъ свое человѣческое достоинство, тотъ теряетъ всякое право называть людей своими ближними, своими братьями». «Гордись, гордись, человѣкъ, своимъ великимъ назначеніемъ; но не забывай, что твое безконечное, высочайшее блаженство состоитъ въ уничтоженіи твоего *я* въ чувствѣ любви. Вотъ тебѣ двѣ дороги, два неизбѣжныхъ пути: отрекись отъ себя, подави свой эгоизмъ, попри ногами твое своекорыстное *я,* дыши для спасенія другихъ, жертвуй всѣмъ для блага

ближняго, родины, для пользы человѣчества, люби истину и благо не для награды, а для истины и блага, и тяжелымъ крестомъ выстрадай твое соединеніе съ Богомъ, твое безсмертіе... Что? Ты не рѣшаешься? Этотъ подвигъ тебя страшитъ, кажется не по силамъ? Ну, такъ вотъ тебѣ другой путь,—онъ шире, спокойнѣе, легче. Люби самого себя больше всего на свѣтѣ; плачь, дѣлай добро лишь для выгоды, не бойся зла, когда оно приноситъ тебѣ пользу. Помни это правило, съ нимъ тебѣ вездѣ тепло будетъ.

«По какому же пути пойдемъ мы съ вами?... Отвѣтомъ на этотъ вопросъ служитъ настоящее наше собраніе».

По сообщеніямъ *Курской Газеты*, занятія на курсахъ идутъ весьма успѣшно.

Къ числу наиболѣе симпатичныхъ учрежденій Москвы принадлежитъ Общество для пособія нуждающимся студентамъ Московскаго университета. Въ прошломъ году оно внесло за слушаніе лекцій 35,251 р., выдало пособій 2,943 р. и билетовъ на обѣды 5,240 (на 25,667 р.). Но дѣятельность Общества тормозится тѣмъ, что ему многіе изъ должниковъ не возвращаютъ денегъ. Къ 1898 году сумма долговъ достигла 297,393 руб. Около половины этой суммы числится за студентами или только что кончившими курсъ; но тысячъ полтораста остается на долю людей, уже практически устроившихся. Общество рѣшило наконецъ напечатать списокъ своихъ должниковъ до 1895 г. Эта *золотая книжка* прислана и намъ.

Общество рѣшило вмѣстѣ съ тѣмъ взыскивать долги судебнымъ порядкомъ съ тѣхъ лицъ, мѣстопребываніе и имущественная обезпеченность которыхъ ему извѣстны. Двое изъ нихъ благодаря этому сразу пріобрѣли безсмертіе: С. Н. Прасолъ, московскій присяжный повѣренный (долженъ 25 рублей съ 1884 года) и С. А. Кельцевъ (служитъ въ московской таможнѣ, долженъ 71 р. съ 1879 года). Г. Кельцевъ выѣхалъ на дачу и его дѣло отложено. Г. Прасолъ мужественно явился къ мировому судьѣ и предъявилъ... отводъ за давностью. Первоначально г. Прасолъ не возвращалъ долга потому, вѣроятно, что не было денегъ, а съ появленіемъ денегъ появилась и давность. Судья отвода не уважилъ, и тогда г. Прасолъ заявилъ, что не имѣетъ средствъ для уплаты долга. Выслушавъ это объясненіе, мировой судья постановилъ взыскать съ прис. пов. С. Н. Прасола въ пользу комитета составлявшіе сумму иска 25 р. и столько же за судебныя и за веденіе дѣла издержки; исполнительный листъ на всю сумму былъ тутъ же выданъ повѣренному комитета.

---

14 мая скончался одинъ изъ видныхъ и наиболѣе симпатичныхъ дѣятелей Москвы, Михаилъ Алексѣевичъ Саблинъ. Онъ былъ секретаремъ московскаго статистическаго комитета, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ гласнымъ московской думы, однимъ изъ издателей *Русскихъ Вѣдомостей*, товарищемъ предсѣдателя статистическаго отдѣленія московскаго юридическаго общества. Въ первые годы по окончаніи курса въ университетѣ

М. А. Саблинъ былъ учителемъ гимназіи и оставилъ по себѣ, какъ педагогѣ, теплое воспоминаніе среди его бывшихъ учениковъ. Очень большою общественною заслугой покойнаго были его труды и его починъ въ коммиссіи по фабричнымъ дѣламъ, учрежденной княземъ В. А. Долгоруковымъ. Какъ человѣкъ, М. А. Саблинъ отличался безупречною честностью и рѣдкою добротой и безкорыстіемъ.

Насъ просятъ сообщить слѣдующее:

Сборникъ, посвященный „Памяти В. Г. Бѣлинскаго". Изданіе Лермонтовской библіотеки въ гор. Пензѣ. Будетъ печататься въ Москвѣ подъ наблюденіемъ П. А. Ефремова.

Чистый доходъ отъ этого изданія поступитъ въ фондъ имени В. Г. Бѣлинскаго при Лермонтовской библіотекѣ.

Въ сборникѣ принимаютъ участіе: Л. А. Авилова, К. К. Арсеньевъ, проф. А. С. Архангельскій, прив.-доц. Н. Н. Баженовъ, К. С. Баранцевичъ, проф. Ѳ. Д. Батюшковъ, Ю. Безродная, проф. В. А. Бильбасовъ, И. А. Бунинъ, прив.-доц. С. А. Венгеровъ, проф. А. Н. Веселовскій, В. А. Гольцевъ, Г. А. Джаншіевъ, К. Ельцова, С. Я. Елпатьевскій, А. М. Жемчужниковъ, И. В. Засодимскій, Н. Н. Златовратскій, И. И. Ивановъ, К. Р., гр. П. Капнистъ, Н. И. Карѣевъ, проф. М. М. Ковалевскій, А. Ѳ. Кони, В. Г. Короленко, В. Н. Ладыженскій, В. В. Лесевичъ, М. А. Лохвицкая, А. А. Луговой, Г. А. Мачтетъ, Мельшинъ, проф. П. Н. Милюковъ, Н. К. Михайловскій, Д. Л. Мордовцевъ, Е. С. Некрасова, Вас. Ив. Немировичъ-Данченко, Л. Е. Оболенскій, проф. Д. Н. Овсянико-Куликовскій, В. П. Острогорскій, Я. П. Полонскій, И. Н. Потапенко, М. А. Протопоповъ, Л. З. Слонимскій, П. А. Соколовскій, Вл. С. Соловьевъ, проф. Н. И. Стороженко, кн. А. И. Сумбатовъ, В. Л. Сѣрошевскій, Н. И. Тимковскій, прив.-доц. А. А. Токарскій, гр. Л. Н. Толстой, М. М. Филипповъ, А. П. Чеховъ, О. Чумина, проф. А. И Чупровъ, А. С. Шабельская, О. Шапиръ, Д. О. Языковъ, В. Е. Якушкинъ и А. И. Эртель.

Сборникъ выйдетъ осенью. Цѣна по подпискѣ 3 рубля. Пересылка наложеннымъ платежомъ. По выходѣ сборника цѣна будетъ повышена. Подписка принимается въ Лермонтовской библіотекѣ въ г. Пензѣ и, кромѣ того, въ книжныхъ магазинахъ Н. П. Карбасникова въ Москвѣ (Моховая, д. бывш. Кохъ), въ С.-Петербургѣ, въ Варшавѣ и въ Вильнѣ.

Правленіе Лермонтовской библіотеки покорнѣйше проситъ редакціи другихъ журналовъ и газетъ перепечатать это объявленіе.

Контора „Русскихъ Вѣдомостей" проситъ насъ напечатать слѣдующій отчетъ:

Въ контору «Русскихъ Вѣдомостей» съ 24-го апрѣля по 31-е мая включительно поступили слѣдующія пожертвованія въ пользу:

I. Переселенцевъ:

черезъ Ю. Л. 40 р.

II. Недостаточныхъ студентовъ Московскаго университета:

отъ г. Фета на взносъ платы 3 р. 70 к., Янучкова 1 р. Итого 4 р. 70 к.

III. Женскихъ медицинскихъ курсовъ:

отъ А. Е. Архангельской изъ Костромы, пожертвов. нѣсколькими лицами 24 р.

IV. На стипендію при Женскомъ Медицинскомъ институтѣ имени женщинъ-врачей Некрасовой и Быстроумовой:

отъ Елиз. Никол. Гороновичъ 100 р.

V. Прокаженныхъ на Кавказѣ:

отъ Е. И. Н. 10 р., П. Л. Р. 1 р., Вл. Н. З. 1 р., Екат. Т. 1 р., неизв. 5 р., А. И. Н. въ распор. М. А. Рончевской на пріютъ 3 р. Итого 21 руб.

VI. Пострадавшихъ отъ неурожая:

1. Воронежской губ.:

отъ редакціи газеты *Каспій* 79 р. 55 к., С. Поповой со ст. Вешенской 70 р., Тимоѳея Мищенко и его служащихъ на мельницѣ въ гор. Майкопѣ 33 р., Н. К. 25 р.,

преподават. ярослав. классич. гимн. 24 р., о здравіи младенца Владиміра 10 р., вр. Правдина для дѣт. столовыхъ 10 р., Черносвитова 10 р., изъ Рыбинска 5 руб., неизв. 2 р. Итого 268 р. 55 к.

а) въ приходѣ с. Макарья въ распораж. д-ра К. Соколова:

отъ учениковъ 5-го класса 7-й гимназіи 20 р., Я. Е. М. 2 р., служащ. дѣт. больницы св. Ольги 21 р. Итого 43 руб.

б) Слободы Екатериновки, Острогожскаго уѣзда:

собран. отъ служащихъ при казенномъ винномъ складѣ въ Боровичахъ въ распоряж. Е. П. Кутеневой 19 р.

2. Тульской губ.:

отъ Н. К. 25 р., Тепловой 15 р., неизв. 14 р. 50 к., Виноградова 15 р. Итого 69 р. 50 к.

а) Варѳоломеевской волости, Алексинскаго уѣзда:

отъ рабочихъ доменнаго цеха Симскаго завода въ распоряж. А. Ѳ. Повалишина 15 руб.

б) Епифанскаго у.: въ распоряж. Р. А. Писарева:

отъ В. Н. Б. 2 р.

в) Ефремовскаго у.:

отъ ефремовцевъ 15 руб.

3. Орловской губ.:

отъ неизв. 100 р., К. 25 р., И. Сильяна 3 р. Итого 128 руб.

а) Дер. Петрищева, Предтеченской волости, Ёлецкаго у., въ распоряженіе Н. П. Ермоловой:

отъ ред. газ. *Каспій* 300 р., С. Поповой для дѣтей 50 руб.. служащ. въ ярославской губ. зем. управѣ 46 р., 2-го гор. жен. училища 48 р. 66 к., Соловцева 30 р., земскихъ служащ. 25 р., В. М. Козловскаго, служ. въ контролѣ сборовъ М.-Казанск. ж. д. 23 р. 95 к., собран. среди ученицъ красноярской фельдшерской школы для дѣтей 21 р. 35 к., дѣтей Савостьяновыхъ и Карцева 14 р., студ. орловцевъ 13 р. 5 к., Вѣрочки, Нади, Володи и Мани 10 р., П. Д. Г. 6 р., Анучина 5 р. 50 к., Н. О. 5 р., ученицъ З. Ш. 4 р. 40 к., С. Б. 4 р. 30 к. Итого 607 руб. 21 к.

б) Болховскаго у.:

отъ землячки 5 р.

4. Тамбовской губ.:

отъ Н. К. 25 р., читателя 2 р. 50 к. Итого 27 р. 50 к.

а) Козловскаго у.:

отъ студ. В. П. собран. среди товарищей 8 р.

б) с. Машково-Сурены. Козловскаго у.:

отъ неизв. 51 р., собран. между частными лицами, В. С. Костроминой 50 р., Бори, Лели, Вади Христіановыхъ 15 р., неизв. 7 р., О. Шараповой 3 р., въ распоряженіе Е. Н. Каменской: студ. московск. техническ. училища 65 р., неизв. 9 р., М. Б. изъ Волоколамска 5 р. Итого 205 р.

5. Рязанской губ.:

отъ В. П. Л. 5 р., N. 3 р. 50 к., читателя 2 р. 50 к. Итого 11 р.

а) Данковскаго у.:

черезъ С. О. 213 р., въ распоряженіе Е. А. Чупровой: отъ Н. А. Мартынова 40 р., солдата 10 р., Матвѣя 1 р. Итого 264 руб.

6. Ставропольской губ.:

отъ редакціи газеты *Каспій* 100 руб.

7. Калужской губ., отъ Георгіевской 3 руб.

8. Нижегородской губ., отъ читателя 2 р. 50 к.

9. Гжатскаго у., Смоленской губ., отъ Т. Т. Г. 14 р.

Въ распоряженіе:

10. С. Д. Самариной:

отъ М. Я. С. 1 р.

11. Графа Л. Н. Толстого:

отъ семейства Н. Я. Поповой, С. І. Левенсонъ, Н. Г. Дьяченко и А. И. Соловьевой 20 р., педагогическаго персонала М. училища 15 р., Кириллова, Новгород. губ., 10 р., неизв. 6 руб. Итого 51 р.

12. А. И. Чупрова: отъ М. и С. Сабашниновыхъ 1,000 р.

13. И. И. Янжула: отъ Д. 5 р., Альтш. 5 р., С. 2 р., Ж. 2 р., Г. 2 р., Г. Г. М. 2 р., С—ы 5 р., У. и К. 2 р., Ж. 1 р. 50 к., Мус. 2 р., Лоб. 3 р., Эльд. 1 р. Итого 32 р. 50 к.

14. Общества Краснаго Креста: отъ N. N. 3 р., врача В. Тронова 10 руб., А. М. 50 р. Итого 63 р.

15. Редакціи *Русск. Вѣд.*:

отъ редак. газ. *Каспій* 975 р. 45 к., черезъ студ. москов. техническ. училища 300 р., М. Коптевой 200 р., служащ. на фабрикѣ т-ва Соколовской мануф. Асафа Баранова 299 р. 20 к., студ. Императ. Московск. технич. учил. 135 р., служ. и рабочихъ на фабрикѣ Евгенія Арманда съ с—ями въ Пушкинѣ 103 руб. 15 к., N. 100 р., Г. А. Джаншіева за счетъ 7-го изданія „Изъ эпохи великихъ реформъ“ 100 р., Е. К. 100 р., N. черезъ С. С. 100 р., учениковъ одной изъ московскихъ гимназій 95 р. 50 к., служащихъ фабрики С. П. Павлова въ Переяславлѣ Залѣсскомъ 75 р., черезъ А. Реформатскаго 67 р. 10 к. (въ томъ числѣ 33 р. 10 к., собран. М. С. Михайловой), преподавателей вятской духовной семинаріи 65 р., Романовыхъ 65 р., подписчика N. собран. по подпискѣ 62 р., собран. между служащ. моршанскаго депо и мастерскихъ Сызрано-Вязем. ж. д. 59 р., изъ Зуи Таврич. собран. учениками нѣмец. учил. 55 р., Тоткина-Лодкина 50 руб., N. 50 руб., москов. отдѣл. Общ. электрическаго освѣщенія 50 руб., профессора Н. Зелинскаго 50 руб., фабрики А. Гончарова 50 р., Лебединскаго 50 р., VIII, VII, II и I-го классовъ тульской мужск. гимн. 47 р., служ. моск. купеч. Общ. взаимнаго кредита 74 р. 08 к.,

служащ. въ конторѣ тракціи Ю.-В. ж. д. 40 р., неизв. 37 р., студен. Москов. техническ. училища 35 р., разныхъ лицъ черезъ Н. П. Черенина 32 р. 80 к., подписчика № 43034 собран. въ кругу знакомыхъ 32 р., Ф. К. 31 р., ровенцевъ 29 р., неизв. 25 р., неизв—ыхъ 25 р. 20 к., подп. № 40611—25 р., Д. А. Б. 25 р., рабочихъ 22 р. 01 к., горнаго инженера М. И. Е. 21 р., студентовъ, обѣдающихъ въ больш. комитет. столовой и Лепешкинскомъ общежит. 20 р., С. 20 р., N. 20 р., А. П. Попандополо 20 р., собран. между разными лицами гор. Владикавказа 18 р., черезъ посред. д-ра И. В. Сажина 18 р., слесарно-ремеслен. училища Общества распростр. технич. знаній: служащ. 16 р. 37 к., учащихся 11 р. 01 к.; офицеровъ и чиновниковъ 2-го Варшавскаге крѣпост. пѣхотнаго полка 16 р., Е. С. К. 15 руб., постоян. читателей 15 р., А. С. Ш. 15 р., неизв. 15 р., группы студентовъ-полтавцевъ 15 р., Лебедева 15 р., врача Киселева 14 р., акцизныхъ чиновниковъ г. Новороссійска 13 р. 50 к., неизв. 11 р., преподавателей г. Николаева, Херсонской губ., 10 р. 50 к., подписчицы, собран. среди жителей с. Голицыновки, 10 руб. 07 коп., Я. А. и М. А. Берманъ 10 руб., Коноваловой 10 руб., В. Ѳ. Никифорова 10 р., Устимовичъ 10 р., Маноцкова 10 р., собран. служащ. керчь-еникал. жен. гимн. 10 р., В. К. С. О. 10 р., С. М. М—ва 10 р., Н. Ф. К. 10 р., В. А. К. 10 р., N. N. 10 р., А. 10 р., N. 10 р., Л. С. Дуговскаго 10 р., семьи Ш. 10 р., служ. службы движ. Моск.-Курской ж. д. 9 р. 10 к., д-ра Ивана Александровича Мукосѣева 8 р., неизв. 7 р. 75 к., неизв. 7 р. 50 к., М. Г. Р. 7 р., группы кременчугскихъ гимназистокъ 6 р. 30 к., Н. Козырева, поступ. отъ нѣскол. лицъ 6 р., собран. учителями Воткинскаго завода 6 р., служащ. въ строит. отд. владим. губ. управы 6 р., Р. Н. Компанца 5 р., В. Т. 5 р., А. Флорова 5 р., А. Поснова 5 р., Е. Д. Я. 5 р., N. 5 р., Жужикова 5 р., врачей С. и Т. 5 р., Бондаренко 5 р., М. В. Смирнова 5 р., А. А. Яковлевой 5 р., Мараховскаго 5 р., С. 5 р., Ф. А. 5 р., Н. І. 5 р., П. Голіонко 5 р., С. А. Иванцова 5 р., д-ра С. М. Коцъ 5 р., Э. К. 5 р., Е. Д. Б. 5 р., Н. Д. Б. 5 р., Н. О. 5 р., NN. 4 р., Савицкаго 4 р., учениць 4 р., В. П. Л. 4 руб., разн. лицъ 3 р. 65 к., N. 3 р., Н. Ѳ. 3 р., подп. Ѳедосѣева 3 р., изъ с. Захарьина 3 р., А. Н. Арсентьева 3 р., Ниночки и Вѣрочки Плотниковыхъ 3 р., Z 3 р., Е. К. 3 р., учителя Воткинскаго завода 3 р., В. А. Иванова 3 р., студента 3 р., д-ра Г. И. Блохъ 3 р., подпис. А. П. М. 3 р., студ. Юрьев. унив. А. Л. Р. 3 р., С. В. 2 р., Баданина 2 р., врача Д. И. А. 2 р., Ф. П. Хлѣбниковой 2 р., N. 2 р., В. Ш. 2 р., Цейтлина 2 р., Володи Колюбакина 2 р., учащихся 2 р., Е. Н. Коцъ 2 руб., Н. Я. Коцъ 2 р., Е. А. и М. А. 2 р., М. 1 р. 75 к., А. В. Ильинскаго 1 р. 83 к., черезъ Н. И. Тимковскаго 1 р. 50 к., Ѳ. Буслова 1 р. 50 к., Г. И. Петровскаго 1 р. 20 к., В. Н. Лужнова 1 р. 15 к., Балашова 1 р., С. Г. 1 р., Ачкасова 1 р., N. 1 р., Леди Магитъ 1 р., N. 1 р., гимназиста Б. 1 р., М. А. Казанской изъ Орла 90 к., В. В. Радугина 50 к., А. А. Евдокимова 50 к.; для дѣтей: В. Б. 15 р., Благовѣщенскаго 5 р., костромички 5 р., N. 3 р., N. 3 р. Итого 4,489 р. 07 к.

Всего съ 24-го апрѣля по 31-е мая включительно поступило: 7,633 р. 53 к.; изъ нихъ для пострадавшихъ отъ неурожая 7,443 р. 83 р. Отправлено въ губерніи: Воронежскую: д-ру Соколову 243 руб., г-ну Переверзеву 252 р., г-ну Томановскому 198 руб. 55 коп., Е. П. Сивицкой 100 р., А. И. Шингареву 100 р. Е. П. Кутеневой 19 р. Итого 912 руб. 55 к.; Тульскую: Е. И. Авиловой 215 р., С. А. Ильинской 204 р. 50 к., Н. В. Арсеньевой 200 р., барону С. А. Боде 200 руб., М. П. Угримовой 200 р., баронессѣ О. А. Боде 100 р., Ю. В. Цингеръ 100 р., свящ. Озерецковскому 15 р., А. Ѳ. Повалишину 15 р. Итого 1,249 р. 50 к.; Орловскую: Н. П. Ермоловой 607 р. 21 к., Г. М. Хрущову 328 р., М. Г. Колпенскому 300 р., А. М. Полозовой 200 р. Итого 1,435 р. 21 к.; Тамбовскую: И. И. Котеневой 277 р. 50 к., Е. Н. Каменской 205 р., А. И. Новикову 200 руб., А. Е. Падучевой 58 р. Итого 740 р. 50 коп.; Рязанскую: Е. А. Чупровой 551 р., Ю. А. Андреевой 605 р., Н. Е. Богоявленскому 206 р., С. А. Философовой 200 р., И. И. Раевскому 123 р. Итого: 1,685 р.; Ставропольскую: ставропольскому Обществу помощи бѣднымъ 300 р.; передано: Л. Н. Толстому 51 р., Е. П. Ермоловой 50 р., Обществу Краснаго Креста 63 р., комитету Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества 43 руб. Всего отправлено: 6,530 р. 26 к.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Результаты общихъ выборовъ во французскую палату депутатовъ уже повліяли на ходъ событій. Умѣреннымъ въ союзѣ съ монархистами удалось, ничтожнымъ большинствомъ (4 голоса), провести въ президенты палаты своего кандидата, Дешанеля. Но подъ натискомъ сплоченнаго республиканскаго меньшинства кабинетъ Мелина-Ганото вынужденъ былъ подать въ отставку. Когда пишутся эти строки, новое министерство еще не сформировалось. Повидимому, всего вѣроятнѣе, что въ него войдутъ представители какъ умѣренныхъ, такъ и радикальныхъ республиканскихъ группъ.

Какъ подсчитала *L'Aurore,* изъ прежнихъ депутатовъ вновь избрано 371 и 210 новыхъ. Въ 1893 году число новыхъ избраній равнялось 212.

Дѣлу Золя-Дрефуса-Эстергази суждено долго еще занимать общественное мнѣніе. Злобныя и клеветническія нападки на него не прекращаются. Въ *Le Petit Journal,* руководимомъ Маринони, появилась статья Жюде: *Золя отецъ и сынъ.* Въ этой статьѣ позорится память покойнаго отца знаменитаго романиста. Золя отвѣтилъ горячею статьею въ *L'Aurore* и привлекаетъ газету къ судебной отвѣтственности. «Въ этой ужасающей войнѣ,— пишетъ Золя *), — которую затѣяли противъ меня, потому что я добивался только правды и справедливости, нашлись низкія души, грязные клеветники, нашлись святотатцы, которые осмѣлились потревожить прахъ моего отца, спящаго сномъ смерти уже болѣе пятидесяти лѣтъ.

«Меня сразу обдаютъ потокомъ грязи: «вашъ отецъ былъ воромъ», и отыскиваютъ для этого какого-то 80-лѣтняго старца, который, перебирая свои обидныя и оскорбительныя воспоминанія 13-лѣтняго возраста, разсказываетъ, что мой отецъ былъ паразитомъ и совершалъ всяческія преступленія. У этого старика одно оправданіе: онъ думаетъ, что защищаетъ знамя; онъ прибѣгаетъ къ услугамъ своей старческой памяти, чтобы въ моемъ лицѣ поразить измѣнника. Бѣдный человѣкъ, котораго убѣдили запачкать свою старость такимъ жалкимъ поступкомъ!»

Разсказавъ о дѣятельности своего отца, о томъ, что городъ Э именемъ Франсуа Золя назвалъ одинъ изъ своихъ бульваровъ, за заслуги Золя-отца, какъ инженера, Эмиль Золя говоритъ: «Эти клеветники не чувствуютъ одного: они не понимаютъ, что еслибъ это была правда, еслибы мой

*) *L'Aurore,* 28 mai *(Mon Père).*

отецъ совершилъ преступленіе, что̀ я отрицаю всѣми силами души, пока я самъ не произведу изслѣдованія,—да, еслибы клеветники даже говорили правду, то этимъ они совершили бы еще болѣе позорный и болѣе гнусный поступокъ. Пачкать имя человѣка, прославившагося своими трудами, умомъ, пачкать для того только, чтобъ обезсилить его сына, исключительно подъ вліяніемъ политическихъ страстей, — нѣтъ, я не знаю ничего болѣе гнуснаго, болѣе низкаго, болѣе позорнаго для эпохи и націи!

«Мы дошли до тѣхъ безобразій, которыя, повидимому, уже никого не волнуютъ. Наша великая Франція погрязла въ позорѣ, съ тѣмъ поръ какъ ее питаютъ клеветой и ложью. Наши души настолько пропитаны ядомъ, настолько заражены страхомъ, что даже честные люди скрываютъ свое негодованіе. И отъ этой ужасной болѣзни мы можемъ скоро умереть, если наши руководители не сжалятся надъ нами, возвративъ націи истину и справедливость, эти источники народнаго благосостоянія. Народъ здоровъ и силенъ только тогда, когда онъ справедливъ. Изъ милосердія, правители наши, дѣйствуйте, дѣйствуйте скорѣе! Не заставляйте насъ падать такъ низко во мнѣніи всего міра!»

Дѣйствительно, современные французскіе нравы ужасны, и тревожно приближается Франція къ началу двадцатаго столѣтія, далеко не обезпечено ея мирное торжество на всемірной выставкѣ въ Парижѣ. Много тревожнаго происходитъ и въ другихъ странахъ Запада Европы. Внутреннее положеніе Италіи такъ печально, что во многихъ мѣстностяхъ вызвало возстаніе, и правительство усмиряло его не только кавалерійскими атаками и ружейными залпами, но и пушечными выстрѣлами. *National Zeitung*, всегда относившаяся къ итальянскому правительству съ особенною симпатіей, на этотъ разъ указываетъ, что маркизъ Рудини, начавшій свою дѣятельность, какъ министръ-президентъ, съ амнистіи политическимъ преступникамъ, съ расширенія свободы собраній и ассоціацій, теперь прибѣгаетъ къ высшей степени суровымъ и несправедливымъ мѣрамъ. Въ большей части итальянскихъ провинцій введено военное управленіе. Въ Неаполѣ, Миланѣ, Комо, Специи, во всей Тосканѣ объявлено осадное положеніе. Свободы печати фактически не существуетъ. Арестовано множество людей. *National Zeitung* указываетъ, что заключенные въ Миланѣ находятся въ тѣхъ же помѣщеніяхъ замка, въ которыхъ полвѣка тому назадъ австрійцы посадили вождей итальянскаго освободительнаго движенія. Корреспондентъ берлинской газеты пишетъ изъ Рима, что запрещено было принимать депеши за границу, если въ нихъ было хоть косвенное указаніе на происходящіе въ Италіи безпорядки и на мѣры для ихъ прекращенія.

Соціалисты и революціонеры приняли дѣятельное участіе въ этомъ возстаніи. Католическое духовенство въ свою очередь сильно агитировало и продолжаетъ агитировать противъ правительства; оно стремится, въ союзѣ съ крайними партіями, опрокинуть монархію и образовать въ Италіи федеральную республику съ папою во главѣ. Миланскій архіепископъ Феррари открыто поощрялъ такія стремленія. Онъ покинулъ городъ въ

началѣ возстанія *). Въ Миланѣ арестовано много монаховъ и закрыта клерикальная газета *Osservatore Cattolica*.

Маркизъ ди-Рудини обратился къ королевскимъ коммиссарамъ и генераламъ, которые теперь управляютъ Италіей, съ циркуляромъ, разъясняющимъ съ правительственной точки зрѣнія причины и значеніе возстанія и указывающимъ тѣ мѣры, которыя приняты для его подавленія. Какъ замѣчаетъ *Frankfurter Zeitung*, этому циркуляру не достаетъ искренности и правды. Всѣмъ, интересующимся политическими вопросами, давно извѣстно, что огромная часть итальянскаго народа совсѣмъ обнищала, что она буквально голодала, въ то время, какъ правительство, во главѣ котораго стоялъ Криспи, расточало сотни милліоновъ на армію и флотъ, на африканскія приключенія. Кабинетъ Рудини ничего не сдѣлалъ для смягченія удручающей населеніе нужды, и не мудрено, что при такихъ условіяхъ создалась благопріятная почва для возстанія. Налоги достигли въ Италіи страшной высоты, какъ общегосударственные, такъ и мѣстные. Тяжко ложится на бѣдное населеніе и городской сборъ съ съѣстныхъ припасовъ (октруа). *Frankfurter Zeitung* говоритъ, что не могло быть и рѣчи о планомѣрномъ возстаніи: тогда бы у возставшихъ прежде всего было достаточно оружія, а этого не было, и на выстрѣлы народъ отвѣчалъ камнями, опрокидывая для баррикадъ омнибусы, набрасывая на нихъ мебель, и т. дал.

Военнымъ судамъ теперь много дѣла въ Италіи: въ одномъ Миланѣ, какъ сообщаетъ *L'Aurore*, арестовано болѣе тысячи человѣкъ. Депутаты радикальной партіи (прежняя группа Кавалотти) вслѣдъ за депутатами-республиканцами издали воззваніе, въ которомъ протестуютъ противъ отсрочки парламентскихъ засѣданій и доказываютъ, что волненія, бунты, безпорядки вызваны печальнымъ экономическимъ положеніемъ страны и недовѣріемъ къ правительству. Воззваніе осуждаетъ правительство за осадное положеніе, за стѣсненіе печати и другія исключительныя мѣры.

Лишенный поддержки радикальныхъ группъ, Рудини пытался было сблизиться съ вождемъ парламентскихъ криспіанцевъ, Соннино, но его предложенія были отвергнуты. Неизбѣженъ министерскій кризисъ, неизбѣжны бурныя засѣданія парламента, которыя предполагаются въ іюнѣ.

Испано-американская война затянулась. Общественное мнѣніе Европы, сильно осуждавшее Испанію за ея варварскую и клерикальную политику въ колоніяхъ, несочувственно относится и къ сѣверо-американцамъ, не довѣряя ихъ освободительнымъ и гуманнымъ стремленіямъ. Возникаютъ слухи о мирѣ, но сейчасъ же опровергаются; приходятъ извѣстія объ испанскихъ побѣдахъ, которыя американскіе источники называютъ пораженіями. Несомнѣнно одно, что льется много крови. Въ самой Испаніи, кажется, мало кто вѣритъ въ возможность счастливаго исхода войны, и потому особенно прискорбно, что ей не предвидится конца. Во всякомъ случаѣ

---

*) Папа выразилъ архіепископу полное довѣріе и благоволеніе.

Испанія выйдетъ изъ своего столкновенія съ Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами умаленною и ослабленною, а это создастъ внутреннія опасности для монархіи: съ одной стороны собираются дѣйствовать карлисты, съ другой—республиканцы. Отзовется ли военное пораженіе благотворнымъ пробужденіемъ страны, предсказать мудрено, въ особенности въ виду этихъ осложненій. Но зато не подлежитъ никакому сомнѣнію, что испанскіе финансы будутъ надолго и сильно разстроены и государственные доходы съ утратою колоній очень сократятся.

Такъ какъ возстаніе на Филиппинахъ, благодаря поддержкѣ американцевъ, развилось и угрожаетъ испанскому владычеству, то возникли уже предположенія, кому эти острова достанутся. Обсужденіемъ этихъ комбинацій мы, конечно, заниматься не станемъ.

Когда заканчивается это обозрѣніе, въ Германіи еще не произошли тѣ многочисленныя перебаллотировки, послѣ которыхъ опредѣлится составъ новаго рейхстага. До сихъ поръ несомнѣнно, что усилится соціалъ-демократическая партія и понесутъ чувствительный ущербъ обѣ фракціи свободомыслящихъ.

Соціалисты усилились и на послѣднихъ выборахъ въ Бельгіи. Клерикалы одержали нѣкоторые успѣхи благодаря разъединенію соціалистовъ и либераловъ, несмотря на то, что съ той и другой стороны были стремленія къ совмѣстной анти-клерикальной кампаніи (выборы происходятъ въ одной половинѣ Бельгіи; во второй они произойдутъ черезъ два года).

Интересную статью о кризисѣ бельгійскаго либерализма напечаталъ въ *Парижскомъ Обозрѣніи* г. Морисъ Вотье *). Въ серединѣ нашего вѣка бельгійская либеральная партія достигла такого значенія, что являлась побѣдоносною во многихъ случаяхъ противницею клерикальной партіи. Въ 1878 году она стала у власти, черезъ четыре года потерпѣла на выборахъ сильное пораженіе, а на выборахъ 1893 года, по введеніи новой избирательной системы, она была почти уничтожена. Управленіе страною опять перешло въ руки консервативно-клерикальныхъ вождей.

Первымъ и самымъ важнымъ вопросомъ, который сталъ предметомъ вражды между клерикалами и либералами въ Бельгіи, былъ вопросъ о томъ, кто будетъ господствовать надъ народною школою,—государство или католическая церковь? Умѣренный законъ, проведенный въ 1879 году либералами, вызвалъ страстное негодованіе въ клерикальныхъ кругахъ. Агитація духовенства принесла свои плоды, и позднѣйшіе законы (1884 и 1895 гг.) почти вернули дѣло къ прежнему порядку вещей.

Вотье говоритъ, что избирательныя пораженія рѣдко бываютъ окончательными, что число депутатовъ-либераловъ въ Бельгіи не соотвѣтствуетъ, вслѣдствіе неудовлетворительнаго распредѣленія округовъ, числу либера-

---

*) *Maurice Vauthier: La crise du libéralisme en Belgique* (*La Revue de Paris*, № 10).

ловъ-избирателей. Но либерализму въ Бельгіи,—пишетъ авторъ статьи,—грозитъ внутренняя опасность. Въ основаніе либерализма, какъ теоріи, положены идеи свободы и справедливости. Либерализмъ вѣритъ въ достоинство личной и общественной природы человѣка. Человѣка надо освободить отъ всякихъ стѣсненій, а общество построить на началахъ справедливости,—вотъ программа либеральной партіи.

Послѣ того, какъ бельгійская буржуазія, при помощи народа, достигла основныхъ своихъ цѣлей, она потеряла свой первоначальный идеализмъ, стала смѣшивать свои матеріальные интересы съ общими интересами страны. Вслѣдъ за этимъ—и именно за это—бельгійскій либерализмъ потерпѣлъ то пораженіе, о которомъ говорилось выше. Хватитъ ли у бельгійской буржуазіи силъ для ея духовнаго обновленія? На это авторъ не рѣшается дать точнаго отвѣта.

Въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* напечатано сообщеніе о движеніи противъ насъ, вызванномъ въ Туркестанѣ, въ Андижанскомъ уѣздѣ, въ маѣ нынѣшняго года. Подъ вліяніемъ фанатическихъ проповѣдей, произведены были нападенія на незначительные отряды нашихъ войскъ. Съ этимъ движеніемъ, конечно, быстро справились.

Само собою разумѣется, что никакой опасности нашему владычеству въ Средней Азіи не предстоитъ; но этотъ небольшой бунтъ является показателемъ мусульманскаго фанатизма. Мы указывали своевременно, какъ приподняли этотъ фанатизмъ турецкія побѣды надъ греками. Наши англофобы радовались тому броженію, которое происходитъ въ мусульманскомъ мірѣ Индіи, забывая, что въ этомъ отношеніи интересы всѣхъ цивилизованныхъ и христіанскихъ націй должны быть солидарны—и по справедливости, и по благоразумію. Конечно, мусульмане въ Индіи,—ихъ, если не ошибаемся, до восьмидесяти милліоновъ,—занимающіе сплошную во многихъ случаяхъ область, представляютъ несравненно бо́льшую опасность, чѣмъ наши среднеазіатскіе мусульмане; но фанатизмъ не соображаетъ, не взвѣшиваетъ силъ, а очертя голову бросается на врага. Повтореніе андижанскаго бунта поэтому по меньшей мѣрѣ нежелательно. Кромѣ того, какъ же наши англофобы не сообразятъ, что мусульманское движеніе, а тѣмъ болѣе успѣхи въ Индіи могли бы вызвать фанатическое броженіе въ Туркестанѣ? Справедливо, что наше правительство относится къ туземцамъ Средней Азіи гораздо лучше, чѣмъ англійскія власти къ туземцамъ Индіи, и вообще мы уживаемся съ азіатскими племенами легче, чѣмъ англичане, но и съ этимъ разъ разбуженный фанатизмъ не считается. Этотъ мусульманскій фанатизмъ—общій врагъ и нашего отечества, и Великобританіи.

Норвежскій стортингъ, какъ извѣстно, принялъ для выборовъ въ парламентъ всеобщую подачу голосовъ. По сообщенію *National-Zeitung*, руководители радикальной партіи теперь опасаются, не отодвинется ли при этой системѣ выборовъ на второй планъ разрѣшеніе вопроса объ уніи со Шве-

ціей. Иными словами: экономическіе интересы не замѣнятъ ли въ значительной мѣрѣ политическихъ? Новые слои избирателей едва ли будутъ стоять за усиленіе норвежской арміи, которое находятъ необходимымъ для обезпеченія полной самостоятельности Норвегіи. Новые выборы должны произойти въ 1900 году. Радикаламъ, стало быть, необходимо добиться своихъ цѣлей до этого срока.

Очень интересно для характеристики шведо-норвежскихъ отношеній письмо, напечатанное въ *Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* г. Сигурдомъ Ибсеномъ. По поводу письма Бьёрнстерна-Бьёрнсона, появившагося въ этой же газетѣ и одновременно въ норвежскомъ журналѣ *Ringeren*, министру иностранныхъ дѣлъ былъ сдѣланъ въ палатѣ запросъ. Графъ Дугласъ отвѣтилъ на него въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «По свѣдѣніямъ, полученнымъ мною изъ-за границы, въ Европѣ обращаютъ мало вниманія на высокопарный политическій вздоръ, который упомянутый уважаемый поэтъ преподноситъ иностранной печати, такъ какъ очевидно, что оно — выраженіе своего рода idée fixe. Въ виду этого я нахожу, что и шведское общество не имѣетъ основанія смотрѣть на этотъ предметъ съ другой точки зрѣнія. Это не исключаетъ, однако-жъ, того, что я съ занимаемаго мною поста буду внимательно слѣдить за этою дѣятельностью въ иностранной печати. Но прошу уважаемаго оратора быть увѣреннымъ въ томъ, что опасности нѣтъ никакой; силы не соотвѣтствуютъ цѣлямъ».

Справедливо и рѣзко осудивъ высокомѣрный тонъ министра иностранныхъ дѣлъ, г. Сигурдъ Ибсенъ спрашиваетъ: «Въ чемъ собственно состоитъ эта *idée fixe*, которая, къ слову сказать, проявляется не у одного только Бьёрнстьерна-Бьёрнсона, но и у многихъ другихъ какъ въ Норвегіи, такъ и внѣ предѣловъ ея? Она состоитъ, во-первыхъ, въ томъ убѣжденіи, что традиціонный антагонизмъ къ Россіи все еще играетъ немалую, хотя скрытую, роль въ шведской политикѣ; во-вторыхъ, въ томъ, что, вслѣдствіе этого антагонизма и имѣющихся, можетъ быть, въ связи съ этимъ надеждъ, состоялось или состоится сближеніе между Швеціею съ одной стороны и тройственнымъ союзомъ, особливо Германіею—съ другой; наконецъ, въ томъ, что вслѣдствіе этого именно Швеція сопротивляется предоставленію Норвегіи дипломатической самостоятельности, которая и дастъ внѣшней политикѣ уніональныхъ государствъ совершенно другое направленіе» *).

Сигурдъ Ибсенъ указываетъ на враждебныя Россіи заявленія, которыя дѣлались въ оффиціозной шведской печати. Говорилось въ этой печати и о необходимости тѣснаго сближенія съ Германіей. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ Стокгольмъ посѣтила нѣмецкая эскадра. Ея офицерамъ былъ данъ банкетъ въ военномъ обществѣ. На этомъ банкетѣ германскій адмиралъ провозглашаетъ тостъ и говоритъ: «Теперь на сѣверѣ царствуетъ миръ, и я надѣюсь, что онъ продолжится еще долго. Но если суждено будетъ

*) *Петербургскія Вѣдомости*, № 148.

иное, и если поднимется кровавый факелъ войны, то я надѣюсь, *я позволю себѣ съ увѣренностью предсказать:* мы направимся въ одну и ту же сторону, будемъ бороться за одно и то же дѣло».

Г. Ибсенъ отмѣчаетъ еще болѣе значительный, по его мнѣнію, фактъ. Въ 1889 году въ Швеціи появилась брошюра подъ заглавіемъ: *Какимъ образомъ мы потеряли Норландъ?* Это—военно-политическій фантастическій разсказъ о страшной войнѣ между Россіей съ Швеціей и Норвегіей. Россія одерживаетъ рѣшительную побѣду, и Швеція жестоко терпитъ отъ того, что не обезпечила себѣ помощь Германіи. Эта брошюра, — пишетъ г. Ибсенъ, по выраженію *Aftenposten*,—которую никоимъ образомъ нельзя подозрѣвать въ симпатіяхъ къ Россіи или къ норвежскому радикализму, «должна была послужить пробнымъ шаромъ для союза съ Германіей». Она была издана анонимно, но послѣ узнали, что авторъ ея называется графъ Лудвигъ Вильгельмъ-Аугустъ Дугласъ, что онъ, хотя и родился въ Швеціи, воспитывался, однако же, въ Германіи, такъ какъ его мать—нѣмка, а отецъ его владѣетъ фидеикоммисомъ въ Баденѣ, что одинъ изъ его братьевъ прусскій офицеръ, членъ рейхстага и persona grata у германскаго императора, что другой братъ его также офицеръ въ баденскомъ драгунскомъ полку. Въ виду этихъ обстоятельствъ, нельзя было удивляться больше его нѣмецкимъ тенденціямъ. Но всѣ удивились, когда въ 1895 году узнали, что этотъ нѣмецкій шведъ или шведскій нѣмецъ сдѣлался шведскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ: онъ даже раньше не принадлежалъ къ дипломатическому корпусу».

Кончаетъ свое письмо норвежскій публицистъ такими словами: «графъ Дугласъ сдѣлалъ бы доброе дѣло, еслибы перемѣнилъ свой настоящій постъ на какую-нибудь другую должность». Несомнѣнно, что это было бы однимъ изъ доказательствъ искренности и доброжелательности шведской политики по отношенію къ нашему отечеству *).

P. S. Московскія Вѣдомости, со словъ одного французскаго журнала, сдѣлали въ высшей степени важное сообщеніе о будущности Англіи. «Изъ нѣдръ Великобританіи,— говоритъ классически газета,— извлечено столько каменнаго угля, что тамъ образовались обширныя пустыя пространства, вслѣдствіе чего удѣльный вѣсъ всей этой земли уменьшился, она отдѣлилась отъ морского дна и была бы снесена вѣтромъ и теченіемъ, *еслибы не сдерживалась телеграфными кабелями, которыми она прикрѣплена къ двумъ материкамъ»* (*Моск. Вѣд.*, № 144).

Это безподобно! Въ случаѣ войны стоитъ только послать одинъ крейсеръ въ Ламаншъ, другой къ берегамъ Америки, перерѣзать оба кабеля— и Англія поплыветъ безъ руля и безъ вѣтрилъ.

В. Г.

---

*) Въ Прагѣ происходили въ началѣ іюня торжества въ честь Палацкаго. До сихъ поръ мы имѣемъ о нихъ только телеграфическія извѣстія и по этому скажемъ объ этомъ важномъ для славянскаго міра событіи въ слѣдующемъ обозрѣніи.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Іюнь 1898 года.

Содержаніе. I. Книги: Беллетристика.—Публицистика.—Философія.—Политическая экономія. — Юридическія книги. — Естествознаніе. — Медицина. II. Періодическія изданія: «Вѣстникъ Европы», *май*.—«Научное Обозрѣніе», *январь—апрѣль*. III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 мая по 1 іюня 1898 года.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

„Въ сѣтяхъ“. Повѣсть *В. Сѣрошевскаго*. — „Подорожникъ“. Разсказы *В. Лысака*.

Въ сѣтяхъ. Повѣсть В. Сѣрошевскаго. Изданіе О. Н. Поповой. Спб., 1898 г. Цѣна 80 коп. Авторъ описываетъ несчастное житье ссыльныхъ въ Сибири среди якутовъ. Къ герою повѣсти Александру ѣдетъ въ эту страшную глушь его молодая жена съ малюткой дочерью. Какъ всякая любящая женщина, она мечтаетъ о томъ, что съ милымъ рай и въ шалашѣ, но своихъ-то силъ она не соразмѣрила и умерла дорогой въ грязной якутской юртѣ на рукахъ мужа, выѣхавшаго ихъ встрѣтить. Съ великимъ трудомъ и съ опасностями довезъ Александръ свою сиротку-дѣвочку до собственнаго убогаго жилья. Но и тутъ, съ его силой и энергіей, можно было бы кое-какъ устроиться, еслибы не мѣшали мѣстные порядки и дикость якутовъ. Дѣло въ томъ, что, по положенію о ссыльныхъ этой категоріи, якуты обязаны ихъ содержать на свой счетъ, выдавать имъ извѣстные пайки хлѣбомъ, масломъ и т. д., должны давать имъ жилище и даже сколько-то денегъ. Словомъ, ссыльные проживаютъ на нищенскомъ положеніи, кормятся на мірской счетъ и находятся въ унизительной зависимости отъ якутскихъ властей, старшинъ, „князей“ и вліятельныхъ богатѣевъ. Герой повѣсти г. Сѣрошевскаго никакъ не можетъ и не хочетъ помириться съ такимъ положеніемъ. Онъ подаетъ всюду прошенія, умоляетъ о надѣленіи его землей, дабы имѣть возможность, хорошо ли, плохо ли существовать своимъ трудомъ. Гражданскія власти согласны исполнить его желаніе, губернаторъ предписываетъ дать ему земельный надѣлъ, и тутъ-то Александръ попадаетъ въ непроницаемыя сѣти, разставляемыя якутами. Они захватили всѣ земли, хотя ни клока изъ нихъ не обработываютъ, считаютъ всю округу своею собственностью, хотя вся она лежитъ пустопорожнею и невоздѣланною. Какъ ни убѣждаетъ ихъ Александръ уступить ему клочокъ подъ посѣвъ, якуты упорно стоятъ на своемъ: наша земля, — не дадимъ. Начнешь ты пахать, начнетъ другой пахать, и для нашего скота не останется пастбищъ. Съ якутами нѣтъ никакого сладу; губернскія власти предписываютъ, мѣстныя—не исполняютъ ничьихъ распоряженій по нѣсколько лѣтъ, входя въ сдѣлки съ полицейскими, съ засѣ-

дателями, писарями и пр. Считая право на своей сторонѣ, выведенный изъ терпѣнія Александръ рѣшается осуществить его силой, захватомъ въ пустѣ лежащей земли. Тогда начинается и открытая борьба, и глухая, между одиночкой, энергичнымъ ссыльнымъ и его сосѣдомъ, зажиточнымъ якутомъ, на сторонѣ котораго всѣ его родичи, старшины и „князья“. Якуты дѣлаютъ всякія пакости Александру, портятъ его рыболовныя снасти, угоняютъ его лодку, ломаютъ загороди его посѣва, крадутъ и убиваютъ его лошадь... Къ довершенію бѣдъ, занемогаетъ дочка Александра. Тогда, уже ничего не соображая и рискуя попасть подъ жесточайшую отвѣтственность, онъ рѣшается „самовольно“ покинуть указанное ему мѣсто жительства, привязываетъ ребенка себѣ за спину и съ такою ношей отправляется въ ближайшій городъ. На его счастье, въ городѣ получено распоряженіе, которымъ Александру дозволяется возвратиться на родину.

Все это разсказано живо и правдиво, очень просто, безъ вычуръ и ненужной сантиментальности.

Подорожникъ. Разсказы В. Лысака. М., 1898 г. Ц. 80 к. Имя автора намъ совсѣмъ неизвѣстно, вѣроятно, его разсказы печатались въ фельетонахъ какой-нибудь провинціальной газеты, а можетъ быть нигдѣ напечатаны не были, и тѣмъ пріятнѣе намъ отмѣтить, что его книжку мы прочли съ большимъ удовольствіемъ. Отъ этихъ разсказовъ вѣетъ талантомъ, свѣжимъ и оригинальнымъ. Французы давно прославились мастерствомъ писать очень маленькіе и красивые разсказы. Имъ не рѣдко подражали и подражаютъ наши молодые писатели или безсознательно поддаются ихъ вліянію. Г. Лысакъ, повидимому, избѣжалъ этого, его разсказы—„свои собственные“, русской выдумки и русскаго тона, написаны они хорошимъ литературнымъ языкомъ, освѣщены доброю и гуманною мыслью и живо передаютъ крохотныя событійца изъ скромной жизни маленькихъ людей. Мѣстами, не рѣдко, въ нихъ звучитъ нѣкоторымъ диссонансомъ легкій оттѣнокъ сантиментальности, напримѣръ, въ разсказахъ *Грёзы*, *Листья падаютъ*, *Мотыльки*. Разсказы *Меланхоликъ*, *Арбузъ и дыня*, намъ совершенно не нравятся: это дѣланно и жеманно, и даже грубовато. Арбузъ на грядкѣ объясняется въ любви съ дыней. Дыня отвергаетъ его любовь. Арбузъ говоритъ между прочимъ: „Я тресну отъ любви къ вамъ!“ „И хорошо сдѣлаете“, отвѣчаетъ дыня. „И онъ, дѣйствительно, засахарился и треснулъ“. *Меланхоликъ* — это „большой черный жукъ“. Онъ выползъ изъ своего жилья въ лопухахъ и отправился изслѣдовать, куда ведетъ посыпанная пескомъ желтая дорожка. „Онъ рѣшился узнать все: узнать, гдѣ конецъ дорожки. И вдругъ ему весело, легко стало. Онъ сознаетъ, что исполняетъ самое важное въ своей жизни“. До своей цѣли онъ не добрался, надъ нимъ раздается крикъ: „Крра-а! Крр-а!“ „Вдругъ что-то сильно ударило его по головѣ. Большая черная галка, неуклюже хлопая крыльями, поднялась отъ земли, она тащила въ клювѣ мохнатаго путешественника“. Что должны выражать сіи аллегоріи? Какой смыслъ заключаютъ въ себѣ эти басни и какова преподаваемая ими мораль? Что „арбузъ треснулъ“, бѣда не велика. А вотъ на счетъ нравственнаго смысла исторіи „меланхолика“ дѣло выходитъ весьма спорное: это, вѣдь, проповѣдь благополучнаго сидѣнья подъ роднымъ лопухомъ. За то очень милы разсказы: *Моя ревность*, *Грачи прилетѣли*. *Счастливый день*, *Левкои* и многіе другіе. Всѣхъ ихъ 27 на 198 страницахъ маленькаго формата. Въ заголовкѣ каждаго разсказа помѣщена недурненькая виньетка. Книжка издана чисто, подъ излишне пестрою

оберткой во французскомъ вкусѣ. Такія заимствованія не послужатъ къ украшенію нашего книгоиздательства, для украшенія обертокъ нашихъ оригинальныхъ произведеній у насъ хватитъ мотивовъ своего русскаго орнамента.

ПУБЛИЦИСТИКА.

„2-й съѣздъ русскихъ дѣятелей по техническому и профессіональному образованію въ Россіи. Секція IX общихъ вопросовъ. Части I и II". Изд. подъ ред. *В. П. Вахтерова.*—„Образовательно-воспитательныя учрежденія для рабочихъ и организація общедоступныхъ развлеченій въ Москвѣ".

2-й съѣздъ русскихъ дѣятелей по техническому и профессіональному образованію въ Россіи. Секція IX общихъ вопросовъ. Части I и II. Издано подъ редакціей В. П. Вахтерова. М., 1898 г. Въ этихъ двухъ объемистыхъ томахъ напечатаны 42 доклада IX секціи, обнимающихъ собой всѣ стороны обширнаго вопроса о народномъ просвѣщеніи, и затѣмъ въ концѣ каждаго тома приведены пренія по общимъ вопросамъ, затронутымъ этими докладами, большая часть которыхъ, по богатству обработаннаго въ нихъ фактическаго матеріала, по содержательности и внутренней цѣнности общихъ взглядовъ и выводовъ авторовъ, прочтутся съ неослабѣвающимъ интересомъ всѣми, кому дорого дѣло распространенія накопленнаго знанія въ темной средѣ самыхъ косныхъ слоевъ населенія нашего обширнаго отечества. „Жизнь, — какъ справедливо замѣтилъ г. Вахтеровъ, — съ неудержимою силою влечетъ насъ къ демократизаціи просвѣщенія", и выдвинула на очередь рядъ самыхъ наболѣвшихъ вопросовъ народнаго образованія, которому на 2-мъ съѣздѣ отведена была, по программѣ, самая микроскопическая роль, въ видѣ 15 изъ 1,000 вопросовъ, поставленныхъ на очередь, но эти $1^1/_2\%$ всѣхъ поставленныхъ съѣзду вопросовъ вызвали наибольшій приливъ работъ и побудили къ образованію самостоятельной секціи „Общихъ вопросовъ", ставшей въ силу положенія вещей центромъ всего съѣзда: жизнь, съ ея наболѣвшими вопросами народнаго просвѣщенія, „ворвалась,—по образному выраженію г. Вахтерова,—широкимъ потокомъ въ микроскопическое, просверленное въ программѣ съѣзда отверстіе". Настоящій капитальный трудъ заключаетъ въ себѣ весьма интересный рядъ работъ по вопросамъ о всеобщемъ начальномъ обученіи, о воскресныхъ и вечернихъ школахъ, народныхъ чтеніяхъ и развлеченіяхъ, о библіотекахъ и читальняхъ, о положеніи народныхъ учителей, о вліяніи общаго образованія на производительность труда рабочихъ и т. д. Испытывая при чтеніи этихъ докладовъ, касающихся столь животрепещущихъ вопросовъ, настоящій embarras des richesses, мы вынуждены ограничиться лишь указаніемъ на нѣкоторые изъ нихъ. Въ своемъ докладѣ о профессіональномъ образованіи г. Вессель приходитъ къ выводу, что всѣ денежныя средства, которыя могутъ удѣлять правительство, земство, городскія думы и сельскія общества, слѣдуетъ употреблять до послѣдней копейки на учрежденія школъ. Г. Вахтеровъ, въ своемъ интересномъ докладѣ о всеобщемъ обученіи, приводитъ массу фактовъ, указывающихъ на то, что крестьянская молодежь прямо „ломится" въ двери школъ, пользу которыхъ крестьяне прекрасно сознаютъ, не имѣя въ то же время возможности удовлетворять своей жаждѣ къ знанію; оказывается, что за 15 лѣтъ (1880—1895 гг.) число сельскихъ учи-

лицъ въ Европейской Россіи увеличилось только на 12% въ то время, какъ населеніе возросло на 15%, а во многихъ губерніяхъ констатирована оффиціально даже убыль школъ: въ Сѣверо-Западномъ краѣ на 6%, Донской области на 13%, Архангельской губ. на 11%, Вологодской на 23%, Олонецкой на 7% и проч. Расходы земствъ на народное образованіе, правильно возраставшіе до 1890 г., стали систематически уменьшаться послѣ этого именно года, и немудрено, что % грамотныхъ въ Россіи оказывается теперь менѣе, чѣмъ даже въ Сербіи, Португаліи, Румыніи, Болгаріи и даже Турціи (2,6% и 2,4%). Въ докладахъ гг. Горбунова, Данилова, Гавришева и Шестакова неопровержимо доказывается благотворное вліяніе грамотности на производительность труда фабричныхъ рабочихъ. Далѣе нельзя не указать на рядъ докладовъ разныхъ лицъ о нуждахъ народной школы, на докладъ о юридическомъ положеніи учителей, вопросѣ, едва ли не впервые возбужденномъ въ литературѣ г. Гольцевымъ, на рефератахъ гг. Феликсова и Пузыревскаго, объ учительскихъ курсахъ и съѣздахъ. Изъ доклада г. Пузыревскаго видно, между прочимъ, что эпохою процвѣтанія съѣздовъ и курсовъ были 70-е годы, а затѣмъ, послѣ нѣкотораго оживленія ихъ въ началѣ 80-хъ годовъ, они устраивались все рѣже и рѣже и къ 1895 г. почти совсѣмъ прекратились (въ 1872 г. ихъ было 30, а въ 1894 г. только 1 въ Черниговской губ., какъ видно изъ приложенной къ докладу таблицы). Во второмъ томѣ разбираемаго труда помѣщенъ рядъ интересныхъ докладовъ о воскресныхъ школахъ и вечернихъ классахъ г-жъ Алчевской, Кайдановой, Калмыковой, Щепкиной, Салтыковой и многихъ другихъ, докладъ г. Рубакина о распространеніи естественно-научныхъ знаній въ Россіи, въ которомъ авторъ указалъ на охватывающее насъ море безграмотности, невѣжества и суевѣрій,—море, въ которомъ тонетъ не только народъ, но и такъ называемые „командующіе классы“, обращаетъ серьезное вниманіе на тяжелыя условія книжной торговли въ разносъ, хотя ст. 177 уст. о ценз. и печ. гласитъ: „продажа всѣхъ дозволенныхъ книгъ и разнаго рода повременныхъ изданій отдѣльными нумерами не въ лавкахъ, а на улицахъ и площадяхъ, равно какъ и въ разносъ, дозволяется каждому безъ различія съ тѣмъ, чтобы желающіе производить такую торговлю имѣли, сверхъ установленнаго свидѣтельства, дозволеніе мѣстнаго полицейскаго начальства“. Обширный матеріалъ о народныхъ чтеніяхъ, читальняхъ и библіотекахъ прекрасно разработанъ въ весьма живыхъ докладахъ гг. Вахтерова, Тулупова, Гартвига, Рубакина и друг. Въ результатѣ работъ секціи „Общихъ вопросовъ“ явилось, по иниціативѣ предсѣдателя секціи М. В. Духовского, постановленіе возбудить ходатайство о созывѣ перваго всероссійскаго съѣзда дѣятелей по народному образованію.

Чрезъ всѣ доклады секціи „Общихъ вопросовъ“ красною нитью проходитъ мысль о крайней необходимости введенія доступнаго всѣмъ безплатнаго образованія, а содержаніе этихъ докладовъ служитъ самымъ убѣдительнымъ аргументомъ въ пользу необходимости скорѣйшаго созыва перваго всероссійскаго съѣзда дѣятелей по народному образованію, а практическое осуществленіе этого съѣзда будетъ, конечно, крупною заслугой членовъ IX секціи, впервые возбудившихъ вопросъ о великой важности этого проекта.

Образовательно-воспитательныя учрежденія для рабочихъ и организація общедоступныхъ развлеченій въ Москвѣ. Изданіе Е. Лавровой и Н. Попова. Москва, 1898 г. Цѣна 50 коп. По-

мимо симпатичной цѣли этого изданія (весь доходъ отъ него пожертвованъ издателями на усиленіе фонда по устройству общедоступныхъ развлеченій въ Москвѣ), оно обращаетъ на себя вниманіе достоинствами помѣщенныхъ въ немъ статей А. В. Погожева, А. И. Чупрова, Т. И. Полнера, Н. А. Попова и Вл. И. Немировича-Данченко, прочитанныхъ, въ формѣ докладовъ, въ постоянной коммиссіи по техническому образованію. Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе сообщеніе проф. А. И. Чупрова „объ экономическомъ значеніи образовательныхъ и воспитательныхъ учрежденій для рабочаго класса“, въ которомъ почтенный авторъ сжато и убѣдительно доказываетъ экономическую выгодность для фабрикантовъ отъ пріобщенія рабочихъ къ лучшимъ благамъ культуры въ формѣ народныхъ театровъ, чтеній и другихъ образовательныхъ учрежденій. Вмѣсто удлиненія рабочаго дня или сокращенія рабочей платы, гораздо выгоднѣе, въ видахъ усиленія производства, повышать качество самого труда. Воспитательныя и образовательныя учрежденія играютъ огромную роль въ усиленіи производительности труда, обусловливающейся повышеніемъ интенсивности труда и развитіемъ ловкости или искусства при совершеніи различныхъ манипуляцій. Съ интересомъ читается и докладъ А. В. Погожева на аналогическую тему, въ которомъ яркими красками обрисована зависимость между унылымъ и апатичнымъ настроеніемъ рабочихъ и однообразіемъ ихъ жизни: „безъ душевнаго удовлетворенія, безъ веселости духа, безъ надежды—нѣтъ здоровья“. Всѣ остальныя статьи настоящаго сборника посвящены всестороннему разсмотрѣнію вопроса о народномъ театрѣ вообще и объ устройствѣ его въ Москвѣ, которая въ этомъ отношеніи отстала отъ многихъ провинціальныхъ городовъ, сумѣвшихъ обзавестить постоянными народными театрами при несомнѣнно меньшей возможности къ достиженію этой цѣли. Московскій фабрикантъ Овчинниковъ еще въ 1881 г. издалъ брошюру о пользѣ разумныхъ развлеченій, въ которой онъ, находя, что „пора отъ словъ перейти къ дѣлу“, убѣждалъ своихъ собратьевъ „ради собственныхъ выгодъ разстаться съ устарѣлыми порядками, которые обратили весь строй фабричнаго и ремесленнаго люда въ неурядицу, порчу и нищету“. Прекрасныя слова, но и только... „возъ стоитъ и нынѣ тамъ“. Чуть не 200 лѣтъ тому назадъ, крест. Посошковъ при Петрѣ I писалъ: „Я чаю, не худо было бы такъ учинить, чтобы не было и въ малой деревнѣ безграмотнаго человѣка, и положить крѣпкое опредѣленіе, чтобы безотложно дѣтей своихъ отдавали учить грамотѣ“. Спустя 2 вѣка мы тоже „чаемъ, что не худо было бы такъ учинить“ и пора, по выраженію фабриканта Овчинникова, дѣйствительно „перейти отъ словъ къ дѣлу“, а то, вѣдь, не только въ „малой деревнѣ“, но и въ милліонной Москвѣ безграмотность и безпросвѣтное невѣжество все еще остаются вопіющими недугами обывателей.

Къ настоящему сборнику приложены 7 картинъ и плановъ „Народнаго дома“ въ Москвѣ, по проекту архитектора Ф. О. Шехтеля.

ФИЛОСОФІЯ.

„Вопросы Философіи и Психологіи“. Кн. 42. — „Задачи пониманія исторіи“. *С. С. Арнольди.*

Вопросы Философіи и Психологіи. Изданіе Московскаго Психологическаго Общества. Книга 42 (II). М., 1898 г. *Мартъ—апрѣль.* Столѣтіе со дня рожденія Ог. Конта отмѣчено въ послѣднемъ выпускѣ

философскаго журнала двумя статьями: В. И. Герье уясняетъ значеніе Конта въ исторической наукѣ, а С. М. Лукьяновъ противопоставляетъ позитивную біологію философіи вообще. Проф. Герье находитъ, что система Конта представляетъ интересъ для историковъ въ трехъ отношеніяхъ: въ виду его взгляда на изученіе исторіи и господствующихъ въ ней законовъ, въ виду общаго обзора всемірной исторіи, составленнаго Контомъ, и, наконецъ, въ виду историческаго генезиса самой системы (стр. 185—186). Статья проф. Герье еще не окончена; въ напечатанной части ея авторъ характеризуетъ личность знаменитаго философа и тотъ историческій моментъ, когда протекала его дѣятельность; особенно много справедливаго вниманія удѣлено отношенію Конта къ Сенъ-Симону и сенъ-симонизму.—Проф. Лукьяновъ, отдавая должное заслугамъ Конта въ біологіи, не согласенъ съ его общимъ пониманіемъ жизни; для того, чтобы оцѣнить живую природу во всей ея полнотѣ, для того, чтобы проникнуть въ сущность жизненныхъ явленій, недостаточно, по мнѣнію автора, одного научнаго объясненія,—необходимы и философское истолкованіе, и художественное постиженіе, и религіозное созерцаніе. Если черезъ всю исторію человѣчества рядомъ съ научнымъ типомъ познанія проходятъ и другіе — философскій, религіозный и художественный, то зачѣмъ стремиться къ подавленію трехъ послѣднихъ, зачѣмъ „стремиться къ тому, чтобы дифференціальное исчисленіе превратилось въ критику чистаго разума, а девятая симфонія въ нагорную проповѣдь?“ (стр. 219). Такія слова особенно интересно слышать изъ устъ профессора-патолога.—П. Г. Виноградовъ въ обширной статьѣ *О прогрессѣ* критически излагаетъ теоріи прогресса Кондорсе, Гердера, Конта, Гегеля и Спенсера. Всѣ онѣ, по автору, „придавали точному изученію историческаго прогресса второстепенное значеніе, всѣ отправлялись отъ общихъ положеній, добытыхъ на сторонѣ, и примѣняли эти общія положенія къ матеріалу безъ должнаго вниманія къ его собственнымъ характернымъ чертамъ и требованіямъ“. Точкой отправленія для своихъ собственныхъ взглядовъ проф. Виноградовъ беретъ все-таки формулу Спенсера, главнымъ образомъ, въ ея біологическомъ примѣненіи, такъ какъ для автора общество—организмъ; но въ этой аналогіи онъ не заходитъ далеко. Историческій процессъ онъ признаетъ эволюціоннымъ и въ то же время прогрессивнымъ. Приспособленіе историческаго организма къ средѣ, т.-е. всей земной обстановкѣ и жизни, заключается въ медленной и тяжелой выработкѣ коллективнаго сознанія. Чрезвычайно интересная статья Александра Ив. Введенскаго знакомитъ съ печальными „судьбами философіи въ Россіи“. Открывая Философское общество при С.-Петербургскомъ университетѣ, проф. Введенскій счелъ умѣстнымъ разсказать, каково было прошлое философіи въ Россіи. Это—тяжелый разсказъ, похожій на скорбный листъ. Магницкіе и Руничи, которыхъ на Руси было очень много, не любили философіи, гнали ее и ея преподавателей. Много курьезнаго и грустнаго сообщаетъ проф. Введенскій объ этомъ гоненіи, въ которомъ было столько же злобы, сколько и глупости, и его статья даетъ любопытный матеріалъ для характеристики русской общественности конца XVIII и первой половины XIX в. Возрожденіемъ философіи въ Россіи проф. Введенскій считаетъ періодъ, начавшійся съ воцареніемъ Александра II и ознаменованный основаніемъ Психологическаго и Философскаго Обществъ. Во второмъ отдѣлѣ *Вопросовъ Философіи* напечатаны окончаніе статьи г-жи Ломброзо *Послѣдовательность мыслей у дѣтей* и спеціальная работа П. В. Тихомирова *Логическій характеръ экзистен-*

ціальныхъ сужденій. Книга заканчивается критико-библіографическимъ отдѣломъ.

Задачи пониманія исторіи. С. С. Арнольди. Изданіе М. Ковалевскаго. Цѣна 2 руб. Книга эта доступна людямъ съ солиднымъ научнымъ образованіемъ. Чтеніе ея требуетъ напряженнаго вниманія; но зато трудъ читателя вознаграждается щедро умственнымъ наслажденіемъ, которое получается отъ обилія глубокихъ мыслей, содержащихся въ книгѣ. Главная задача названной книги—выяснить, въ чемъ заключается научное пониманіе исторіи, какіе пріемы слѣдуетъ употреблять ученому при научной обработкѣ историческаго матеріала, какія трудности, при настоящемъ состояніи науки, встрѣчаетъ ученый на этомъ пути и какъ далеко еще историческое знаніе до такого состоянія, которое называется наукою. Исторія, говоритъ авторъ книги, представляетъ процессъ преимущественно эволюціонный, и потому для научнаго пониманія ея надо открыть законъ нормальной послѣдовательности фазисовъ общественной жизни, какъ для отдѣльныхъ народовъ, такъ и для человѣчества въ его цѣломъ; надо открыть, какія потребности личности и соціальныхъ союзовъ обусловливали направленіе, въ которомъ совершалась смѣна историческихъ фазисовъ. Проблемы эти стали задачей ученыхъ лишь въ самое послѣднее время, а потому можно сказать, что научная обработка историческаго матеріала только что начинается

При такомъ младенческомъ состояніи историческаго знанія большимъ легковѣріемъ является мысль, будто гипотеза экономическаго матеріализма, сводящая всѣ явленія общественной жизни къ формамъ производства, уже теперь достаточно обоснована. Крайности этой гипотезы, по мнѣнію г. Арнольди, вызваны, можетъ-быть, наблюденіями надъ современною жизнью, гдѣ дѣйствительно трудно найти какія-либо значительныя явленія, вполнѣ чуждыя рыночному интересу. Но, осуждая крайности экономическаго матеріализма, г. Арнольди считаетъ весьма серьезнымъ то явленіе, что вся историческая литература послѣднихъ десятилѣтій обнаруживаетъ вполнѣ опредѣленное стремленіе придавать, въ истолкованіи событій, общественныхъ формъ и продуктовъ мысли разныхъ эпохъ, все бо́льшее значеніе явленіямъ экономическимъ, искать повсюду экономической подкладки исторіи эпохъ. Но это же научное теченіе не можетъ не видѣть, что одной экономической потребностью нельзя объяснить всего хода исторіи, что какъ въ прошедшемъ, такъ и въ настоящемъ существуютъ цѣлые ряды событій и процессовъ, обусловливаемые другими, кромѣ экономическихъ, потребностями личности и общественныхъ союзовъ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

„Промышленные синдикаты. Экономическое и общественное значеніе предпринимательскихъ союзовъ. Вып. I. Значеніе синдикатовъ для интересовъ потребителей. *А. Гурьева.*

Промышленные синдикаты. Экономическое и общественное значеніе предпринимательскихъ союзовъ. Выпускъ первый. Значеніе синдикатовъ для интересовъ потребителей. А. Гурьева. Спб., 1898 г. Ц. 1 руб. Авторъ задумалъ большую работу о синдикатахъ, какъ это видно изъ его предисловія къ первому, лежащему передъ нами, выпуску его труда. А именно въ слѣдующихъ выпускахъ

авторъ предполагаетъ разсмотрѣть значеніе синдикатовъ для интересовъ различныхъ производственныхъ классовъ (производителей сырья, рабочаго класса и т. д.), затѣмъ для національно-экономическихъ интересовъ страны, для фискальныхъ интересовъ государства и наконецъ общественное значеніе синдикатовъ, а именно вліяніе ихъ на классовую группировку, соотношеніе политическихъ силъ и государственное управленіе. Затѣмъ авторъ предполагаетъ посвятить еще особую работу вопросу о государственной политикѣ по отношенію къ синдикатамъ. Слѣдовательно, мы имѣемъ лишь начало обширнаго труда, другія части котораго еще только въ процессѣ des Werdens, и это налагаетъ на насъ тѣмъ большую отвѣтственность при разборѣ этого труда. Между тѣмъ этотъ трудъ вовсе не является ученымъ трудомъ,—это скорѣе сплошная, односторонняя обвинительная рѣчь противъ синдикатовъ, гдѣ, притомъ, обвиненіе часто строится на одномъ оговорѣ, а на цитаты этихъ оговоровъ, приговоровъ, отзывовъ авторъ не скупится. Авторъ заполняетъ цѣлые десятки страницъ вырѣзками изъ книгъ, журналовъ; укажемъ, напримѣръ, на сплошныя выписки на страницахъ 56—74. Авторъ здѣсь ссылается на ученые авторитеты о значеніи синдикатовъ для интересовъ потребителей.

Авторъ не безпристрастно подвергаетъ анализу синдикаты съ точки зрѣнія ихъ значенія для интересовъ потребителей, а просто группируетъ лишь ихъ темныя стороны и вовсе умалчиваетъ о свѣтлыхъ. Такъ авторъ говоритъ объ ухудшеніи качества товаровъ и несоотвѣтствіи ихъ вкусамъ и потребностямъ публики, но вѣдь, съ другой стороны, только объединеніе въ синдикаты дало возможность нефтяному производству въ Америкѣ ввести многія усовершенствованія. Словъ нѣтъ, что синдикатъ часто влечетъ за собою невыгодныя послѣдствія для потребителей, но онъ же дѣлаетъ возможнымъ введеніе такихъ усовершенствованій, какія безъ него были бы немыслимы (мы опять сошлемся здѣсь на опытъ Соединенныхъ Штатовъ).

Эта односторонность подрываетъ научное значеніе книги г. Гурьева, а затѣмъ въ его трудѣ вообще отсутствуетъ точка зрѣнія на синдикатъ, какъ на продуктъ извѣстныхъ экономическихъ условій; онъ скорѣе всего видитъ въ нихъ не органическій продуктъ, а „произвольное“ явленіе (см. предисловіе, стр. XV, гдѣ авторъ говоритъ о *произвольномъ* регулированіи).

Отмѣтимъ еще: г. Гурьевъ по поводу попытокъ со стороны нѣкоторыхъ фабрикантовъ парализовать вліяніе синдикатовъ устройствомъ своихъ фабрикъ для приготовленія нужныхъ продуктовъ, подпавшихъ подъ господство синдиката, говоритъ, что „это значило бы отрицать цѣлесообразность дифференціаціи промышленности“, т.-е. предполагать что производство „побочное“, отправляемое въ размѣрахъ какой-либо частной потребности, можетъ давать такіе же техническіе и экономическіе результаты, какъ и производство самостоятельное, въ широкихъ размѣрахъ, со всѣми техническими усовершенствованіями... Возвратъ къ прежнему, такъ сказать, аггломеративному производству въ большинствѣ случаевъ сулитъ не выгоду, а убытокъ“ (стр. 111). Между тѣмъ тенденція къ аггломеративному производству теперь ярко выступаетъ, и она датируетъ еще отъ 70-хъ годовъ. „Ни одному фабриканту,—замѣчаетъ извѣстный Сидней Уэббъ,—и въ голову тогда не приходило самому строить свои собственныя машины или даже свою фабрику. Новое поколѣніе „промышленныхъ капиталистовъ“ придерживается, напротивъ, такого правила: никогда не покупай у другихъ того, что ты

можешь изготовить самъ (цитируемъ по статьѣ Э. Бернштейна *Комбинированныя предпріятія*, помѣщенной въ сборникѣ статей: *Изъ экономической жизни Западной Европы*, стр. 86. Выпускъ I. Изд. Н. Гарина. Пер. А. Санина. Спб., 1898 г.). Сидней Уэббъ приводитъ много примѣровъ изъ практики желѣзно-дорожныхъ обществъ, которыя устраиваютъ теперь при себѣ свои собственныя типографіи. Мотивомъ этого явленія, по словамъ одного фабриканта, является возможность производить необходимые полуфабрикаты лучше, а, пожалуй, и дешевле (стр. 90—91), а затѣмъ быстрота приготовленія продуктовъ... и одинъ фабрикантъ (металлическихъ издѣлій въ Бирмингамѣ) говоритъ, что „мы стали покупать у другихъ фабрикантовъ все меньше и меньше и въ настоящее время почти все, что намъ нужно, мы приготовляемъ сами (стр. 91). Такъ здѣсь не только составляются проекты всѣхъ нужныхъ машинъ, но послѣднія и строятся, имѣются обширныя плотничныя, столярныя и т. д. мастерскія, изготовляются тутъ же всѣ бочки, ящики, картонки и тому подобные предметы, нужные для пересылки товаровъ... (стр. 91). Изъ массы фактовъ, приводимыхъ Бернштейномъ, послѣдній дѣлаетъ тотъ выводъ, что спеціализированіе производства является только подготовительною ступенью къ комбинированію, соединенію различныхъ отраслей производственной дѣятельности во все болѣе и болѣе увеличивающихся гигантскихъ предпріятіяхъ (стр. 92) *).

Мы не касаемся здѣсь вопроса о вліяніи этого факта на образованіе синдикатовъ, быть можетъ, эта замѣчаемая за послѣднее время тенденція въ развитіи промышленной жизни только будетъ содѣйствовать развитію синдикатовъ (какъ на это и смотритъ г. Бернштейнъ).

ЮРИДИЧЕСКІЯ КНИГИ.

„Поссессіонное право“. *Вс. Удинцева.*

Поссессіонное право. Вс. Удинцева. Кіевъ, 1896. Природа поссессіоннаго права, имѣвшаго первостепенное значеніе въ развитіи нашего горнаго дѣла, остается до сихъ поръ почти вовсе не разработанной. Между тѣмъ, какъ указываетъ во введеніи самъ авторъ, величина площади поссессіонныхъ земель и лѣсовъ и многочисленность тѣхъ вопросовъ, которые постоянно возникаютъ на почвѣ отношеній къ этимъ землямъ и лѣсамъ казны и поссессіонеровъ, указываютъ на громадный практическій интересъ изученія поссессіоннаго права.

Авторъ въ своей книгѣ подробно излагаетъ всю исторію развитія поссессіоннаго права; возникновеніе этого права авторъ относитъ къ Строгановскому землевладѣнію XVI в., хотя тѣ доводы, по которымъ онъ сопоставляетъ „вѣчное и неотъемлемое владѣніе“ Строгановыхъ съ поссессіей, кажутся намъ довольно шаткими. Почву для дальнѣйшаго своего развитія поссессіонное право нашло въ землевладѣніи заводчиковъ Виніуса, Демидовыхъ и др., но окончательно оно установилось лишь со времени Бергъ-Привилегіи 1719 г., по которой оно совершенно очистилось отъ имѣвшихся въ немъ первоначально публичныхъ элементовъ. Съ этого закона основные принципы поссессіоннаго

---

*) Смотри объ этомъ же *Дж. Гобсонъ:* „Эволюція современнаго капитализма“, стр. 111—115. Перев. подъ редакціею А. Свирщевскаго. Ярославль, 1898 г. „Предпріятіе—единица является (подраз. теперь) болѣе широкой, болѣе разнородной и болѣе высоко интегрированной“.

права остались неизмѣнными вплоть до настоящаго времени. На-ряду съ исторіей поссессіоннаго права авторъ разсматриваетъ вопросы о томъ, кто является собственникомъ поссессіонныхъ земель, каковы права поссессіонеровъ, въ чемъ заключается сущность самаго поссессіоннаго права. По мнѣнію автора, право собственности на поссессіонныя земли принадлежитъ казнѣ, поссессіонеры же имѣютъ лишь право пользованія; поссессіонное право, представляя изъ себя вещное право пользованія въ горнозаводскихъ цѣляхъ поверхностью земли и лѣсомъ, принадлежащее не опредѣленному лицу, а каждому содержателю даннаго завода, подходитъ подъ понятіе сервитута.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе книги г. Удинцева; собранный въ ней по изслѣдуемому вопросу матеріалъ является весьма обширнымъ и цѣннымъ, такъ какъ авторъ пользовался въ большой степени неизданными до сихъ поръ архивными матеріалами. Что же касается до исполненія самой работы, то оно далеко не удовлетворило насъ. Изложеніе мѣстами очень неясное, матеріалъ расположенъ часто совершенно случайно и безсистемно, благодаря чему разобраться въ содержаніи книги г. Удинцева и усвоить ее оказывается дѣломъ весьма не легкимъ.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

„Отчетъ о работахъ по изслѣдованію магнитныхъ аномалій Курской губ. въ 1897 г. въ связи съ вопросомъ о залежахъ желѣзныхъ рудъ". Сост. *П. Г. Поповъ*.—„Силы природы и естественные законы". *Антона Лампа*. Ч. I и II. Изд. *О. Поповой*.—„Силы и законы природы". *Д-ра Антона Лампа*. Изд. *Павленкова*.—„Новѣйшія химическія теоріи. *Этара*.—„Перемѣнные токи и трансформація ихъ". *А. Л. Королькова*.

Отчетъ о работахъ по изслѣдованію магнитныхъ аномалій Курской губерніи въ 1897 году въ связи съ вопросомъ о залежахъ желѣзныхъ рудъ. Составилъ завѣдующій Семеновскою метеорологическою обсерваторіей губернск. земства П. Г. Поповъ. Отчетъ содержитъ лишь краткія свѣдѣнія о работахъ, произведенныхъ лѣтомъ 1897 года профессоромъ Московскаго университета Лейстомъ и г. Поповымъ надъ изслѣдованіемъ магнитныхъ аномалій въ юго-восточныхъ уѣздахъ Курской губерніи. Уже давно было извѣстно, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Курской губерніи замѣчаются ненормальныя склоненіе и наклоненіе *); одной изъ причинъ такой аномаліи можетъ служить присутствіе въ землѣ желѣзныхъ рудъ, которыя часто обладаютъ магнитными свойствами; вслѣдствіе этого курское губернское земство рѣшило произвести подробное изслѣдованіе магнитныхъ аномалій и въ 1896 году пригласило для этого французскаго ученаго Муро, который нашелъ въ Обоянскомъ уѣздѣ область наибольшихъ эффектовъ магнитныхъ аномалій; для продолженія работъ г. Муро былъ командированъ Императорскимъ русскимъ географическимъ Обществомъ проф. Лейстъ; узнавъ объ этомъ, губернское земство постановило просить г. Лейста произвести совмѣстно съ г. Поповымъ изслѣдованіе въ мѣстностяхъ, дающихъ поводъ предполагать присутствіе желѣзныхъ рудъ, и ассигновало для этой цѣли 500 р. За лѣто 1897 года проф. Лейстомъ было произведено 1,250 наблюденій въ 409 пунк-

---

*) Склоненіемъ называется уголъ, образуемый магнитною стрѣлкой, вращающейся около вертикальной оси, съ меридіаномъ; наклоненіемъ—уголъ между горизонтальною линіей и стрѣлкой, вращающейся около горизонтальной оси.

тахъ. Большая часть наблюденій приходится на Корочанскій уѣздъ, гдѣ проф. Лейсту удалось установить существованіе четырехъ центровъ наибольшихъ магнитныхъ аномалій. Насколько велика здѣсь аномалія, можно судить по тому, что въ одномъ изъ этихъ центровъ наклоненіе достигаетъ 86°, т.-е. болѣе чѣмъ на Новой Землѣ. Кромѣ систематическихъ наблюденій въ Корочанскомъ уѣздѣ, производились еще наблюденія въ Щигровскомъ и Ново-Оскольскомъ уѣздахъ, такъ какъ тамъ оказались залежи какихъ-то желѣзныхъ рудъ. Эти изслѣдованія показали, что и въ этихъ мѣстностяхъ замѣчаются аномаліи, хотя далеко не столь сильныя, какъ въ Корочанскомъ уѣздѣ; что же касается открытыхъ рудъ, то онѣ не представляютъ ничего много-обѣщающаго; руда открытая въ Щигровскомъ уѣздѣ залегаетъ въ видѣ пласта, но пластъ имѣетъ незначительную мощность; руда же открытая въ Ново-Оскольскомъ уѣздѣ залегаетъ небольшими гнѣздами и по своимъ свойствамъ больше всего напоминаетъ шлаки, получающіеся при обработкѣ желѣза, такъ что г. Поповъ высказываетъ предположеніе, не есть ли это отбросы обработки руды первобытными людьми. Несмотря на то, что до сихъ поръ еще не удалось установить связи между залеганіемъ рудъ и наблюденными сильными аномаліями, несмотря также на то, что геологическій комитетъ на основаніи геологическаго строенія Курской губерніи высказался противъ вѣроятности залеганія тамъ богатыхъ желѣзныхъ рудъ, и проф. Лейстъ и г. Поповъ склонны приписывать именно послѣдней причинѣ существованіе аномалій. Слухи о нахожденіи въ Курской губерніи желѣзныхъ рудъ привлекли туда аферистовъ, которые занялись съемкой земель въ мѣстчостяхъ, гдѣ можно ожидать присутствіе рудъ. Г. Поповъ приводитъ интересныя свѣдѣнія о дѣятельности такого рода предпринимателей. Эти господа ѣздили за изслѣдователями по пятамъ, узнавали изъ разспросовъ мѣста отмѣтокъ интересныхъ пунктовъ и затѣмъ являлись въ крестьянскія общества съ предложеніями снять землю и при этомъ, пользуясь незнаніемъ крестьянъ, предлагали невозможныя условія; былъ одинъ случай, когда съемщики увѣрили крестьянъ, что гг. Лейстомъ и Поповымъ найдено на землѣ крестьянъ золото и серебро и предлагали сдать разработку подъ условіемъ, что золото и серебро идутъ крестьянамъ, а желѣзо—съемщикамъ. Проф. Лейстъ счелъ нужнымъ вмѣшаться, когда съемщики вздумали захватить село Красное и Кочетовку, мѣстности съ очень сильною аномаліей и черезъ губернскую управу добился того, что губернаторъ не утвердилъ приговоровъ крестьянъ этихъ селъ о продажѣ руды представителямъ какихъ-то компаній. Впрочемъ,—прибавляетъ г. Поповъ,—говорятъ, что вскорѣ пріѣзжихъ смѣнили мѣстные предприниматели.

Силы природы и естественные законы. Антонъ Лампа. Переводъ съ нѣмецкаго Э. Лесгафта. Часть I, 1897 г. Ц. 50 к. Часть II, 1898 г. Ц. 50 к. №№ 6 и 7 образовательной библіотеки. Изд. О. Поповой. Силы и законы природы. Д-ра Антона Лампа. Перевелъ съ нѣмецк. г. Паперна. Изд. Павленкова. 1898 г. Ц 1 р. Тотъ фактъ, что двѣ наиболѣе крупныя изъ фирмъ, издающихъ книги популярно-научнаго содержанія, почти одновременно выпустили въ свѣтъ русскіе переводы книги Лампа, указываетъ, что мы имѣемъ дѣло съ книгой незаурядной. Дѣйствительно, эта книга представляетъ значительное отличіе отъ другихъ популярно-научныхъ книгъ и пополняетъ собой пробѣлъ, существующій въ популярной литературѣ не только нашей, но и иностранной; большинство популярныхъ книгъ

изъ области физическихъ знаній знакомитъ читателя съ фактами, мало касаясь теорій; д-ръ Лампа задался цѣлью познакомить читателя съ философіей природы, т.-е. съ тѣми теоріями, которыя лежатъ въ основаніи физическихъ наукъ, и притомъ изложить эти теоріи не въ видѣ догмы, а показать, что̀ привело къ установленію той или другой теоріи. Авторъ предварительно излагаетъ основные факты наукъ, но ему приходится дѣлать это настолько сжато, что для читателя, незнакомаго съ физикой и химіей, полезнѣе было бы раньше, чѣмъ приступать къ изученію книги Лампа, познакомиться съ этими науками по другимъ пособіямъ. Даже для читателя съ подготовкой книга Лампа представляетъ мѣстами трудности, благодаря сложности излагаемыхъ вопросовъ, но, какъ авторъ замѣчаетъ въ предисловіи, образованіе требуетъ работы, а чтеніе легкихъ популярныхъ статей, слушаніе популярныхъ лекцій, по мнѣнію автора, является лишь одной изъ формъ развлеченія, которой, впрочемъ, нельзя не отдать предпочтенія передъ другими обычными формами развлеченія.

Книга распадается на двѣ неравныя части. Въ первой части, которая образовалась изъ курса, читаннаго въ одномъ образовательномъ кружкѣ рабочихъ, авторъ излагаетъ молекулярную и атомистическую гипотезы; ученіе о сохраненіи матеріи и энергіи, второй законъ механической теоріи тепла и связанный съ нимъ вопросъ о разсѣяніи энергіи; затѣмъ переходитъ къ вопросу объ источникахъ энергіи солнца, къ гипотезѣ Канта-Лапласа и заканчиваетъ изложеніемъ взглядовъ на будущее вселенной.

Вторая, большая по объему часть содержитъ физику эѳира, т.-е. ученіе о свѣтѣ и элекричествѣ. Эта часть представляетъ нѣчто законченное, цѣлое. Авторъ начинаетъ съ изложенія основныхъ явленій электричества, знакомитъ читателя съ различными гипотезами, при помощи которыхъ старались объяснить электрическія явленія, подробно останавливается на взглядахъ Фарадэя, затѣмъ переходитъ къ ученію о свѣтѣ и заканчиваетъ изложеніемъ максуэллевской электромагнитной теоріи свѣта и опытовъ Герца, служащихъ доказательствомъ вѣрности этой теоріи. Оба перевода—и изданный г-мъ Павленковымъ и изданный г-жею Поповой—хороши. Изданіе Павленкова выгодно отличается, во-первыхъ, тѣмъ, что содержитъ много рисунковъ, поясняющихъ текстъ, во-вторыхъ, тѣмъ, что авторъ написалъ для изданія Павленкова двѣ новыя главы: Опыты Тесла и катодные и рентгеновскіе лучи. Надо сказать, что эти послѣднія главы написаны не такъ ясно, какъ большая часть книги: такъ въ послѣдней главѣ авторъ, описывая румкорфову спираль, не объясняетъ, какимъ образомъ въ машинѣ, дающей перемѣнные токи, могутъ быть положительный и отрицательный полюсы.

Новѣйшія химическія теоріи. Этара. Перевелъ съ французскаго Билитъ. Изданіе Павленкова. 1897 г. Цѣна 75 коп. Авторъ, поставивъ своей задачей познакомить читателя съ новѣйшими успѣхами въ области теоретической химіи, не ограничился изложеніемъ новѣйшихъ теорій; желая, вѣроятно, сдѣлать книгу доступной для широкаго круга читателей, авторъ ввелъ въ нее изложеніе и старыхъ, давно установившихся теорій. Благодаря этому, содержаніе книги Этара не соотвѣтствуетъ названію,—это есть курсъ теоретической химіи, содержащій всѣ теоріи, начиная съ молекулярной и атомистической и кончая электрохимической и правиломъ фазъ Гиббса. Такъ какъ весь этотъ матеріалъ помѣщается на 138 маленькимъ страничкахъ, то о строго-научномъ, критическомъ изложеніи теорій не можетъ быть и

рѣчи. Благодаря живому изложенію, книгу можно было бы рекомендовать читателю, желающему познакомиться, какими вопросами занимается теоретическая химія, къ какимъ выводамъ она приходитъ, если, бы въ книгѣ не было грубыхъ ошибокъ, а такія, къ сожалѣнію, есть. Напримѣръ, авторъ отводитъ въ своей книжкѣ много мѣста теоріи электролитической диссоціаціи и теоріи растворовъ Фантъ-Гоффа; онъ указываетъ на связь электролитической диссоціаціи съ ненормально большимъ пониженіемъ температуры замерзанія водныхъ растворовъ электролитовъ; онъ указываетъ на связь пониженія температуры замерзанія съ осмотическимъ давленіемъ и, въ то же время объясняя, что такое осмотическое давленіе, говоритъ: „молекула 36,5 гр. HCE, заключенная въ объемѣ, равномъ одному литру, развиваетъ давленіе 22 атмосферъ. Въ литрѣ воды она даетъ 22 атмосф. осмотическаго давленія“ (стр. 76). Авторъ, очевидно, забылъ, что хлористый водородъ въ водномъ растворѣ диссоціированъ и будетъ оказывать давленіе около 44 атмосферъ. Подобная ошибка можетъ совершенно сбить съ толку читателя. Затѣмъ, говоря (стр. 123) о ненормально большой теплотѣ нейтрализаціи фтористо-водородной кислоты, авторъ объясняетъ ее тѣмъ, что получающійся фтористый калій мало диссоціированъ. Стоило бы автору сдѣлать справку о степени диссоціаціи фтористаго калія, чтобъ увидать, что объясненіе его невѣрно, что причина большой теплоты нейтрализаціи лежитъ не тамъ, гдѣ онъ ее ищетъ. Въ главѣ о термохиміи фигурируетъ законъ максимальной работы; въ книжкѣ, излагающей новѣйшія теоріи, не мѣсто старой гипотезѣ, отъ которой даже ея творецъ—Бертело—уже нѣсколько лѣтъ какъ отрекся.

Жаль, что при переводѣ не были сдѣланы необходимыя поправки.

Перемѣнные токи и трансформація ихъ. А. Л. Королькова. Спб., 1897 г. Цѣна 1 руб. 40 коп. Книга эта, какъ говорится въ предисловіи, появилась въ качествѣ записокъ лекцій, читанныхъ авторомъ артиллерійскимъ офицерамъ, вслѣдствіе чего пришлось пользоваться однимъ только дифференціальнымъ исчисленіемъ, не прибѣгая къ итеггрированію, незнакомому слушателямъ. Вотъ почему автору пришлось ввести нѣсколько теоремъ о среднихъ величинахъ тригонометрическихъ функцій, а также допустить, что при синусоидальной электродвижущей силѣ сила тока также будетъ синусоидальная. Вслѣдствіе этого книга отчасти утратила интересъ для электротехника вообще, такъ какъ многіе изъ затронутыхъ вопросовъ при помощи самыхъ элементарныхъ интегральныхъ выкладокъ могли быть выяснены проще и короче.

Матеріалъ въ книгѣ Королькова располагается слѣдующимъ образомъ: сперва разсматриваются законы индукціи, понятіе о перемѣномъ токѣ, выраженія перемѣннаго тока и его работы, самоиндукція цѣпи, кажущееся сопротивленіе, разность фазъ между токомъ и электродвижущею силой, регулированіе перемѣннаго тока измѣненіемъ самоиндукціи цѣпи. Затѣмъ слѣдуютъ способы измѣренія перемѣннаго тока, причемъ разобраны какъ нѣкоторые лабораторскіе, такъ и промышленные пріемы и приборы.

Далѣе цѣлая глава посвящена весьма интересному вопросу о суммированіи перемѣнныхъ токовъ; находится величина сложнаго тока, его тепловое дѣйствіе и работа. Затѣмъ слѣдуетъ изложеніе вліянія перемѣнныхъ токовъ на металлическія массы (гистерезисъ, токи Фуко).

Начиная съ седьмой главы, книга трактуетъ о трансформаціи перемѣнныхъ токовъ, разбирается принципъ трансформаціи, трансформа-

торъ съ желѣзомъ и безъ него Глава о соединеніи альтернаторовъ также попала почему-то въ среду главъ о трансформаціи. Далѣе авторъ знакомитъ читателя съ емкостью цѣпи и ея вліяніемъ на фазу тока, съ трансформаціею тока при помощи конденсатора. Послѣдняя глава посвящена проектированію трансформатора.

Въ общемъ книга даетъ ясное представленіе и толкованіе о перемѣнныхъ токахъ съ точки зрѣнія ихъ теоретической морфологіи, но за то мало интересна съ точки зрѣнія практической, и было бы правильнѣе назвать книгу: теорія перемѣнныхъ токовъ и ихъ трансформаціи. Также намъ кажется страннымъ, что въ такомъ краткомъ очеркѣ, читаемомъ не спеціалистамъ-электротехникамъ, авторъ разобралъ такія задачи, которыя „обыкновенно не разбираются даже въ спеціальныхъ курсахъ“ *). Въ общемъ же задача автору удалась и книга Королькова должна быть привѣтствуема въ скудныхъ еще рядахъ русской электротехнической литературы.

МЕДИЦИНА.

„Дальнѣйшее развитіе и успѣхи Броунъ-Секаровскаго способа лѣченія болѣзней“. П. П. Викторова.—„Общедоступный лѣчебникъ“. В. В. Рахманова

Дальнѣйшее развитіе и успѣхи Броунъ-Секаровскаго способа лѣченія болѣзней. П. П. Викторова. Вып. I. М., 1897 г. Ц. 1 р. 25 к. Книга г. Викторова представляетъ наличіе всѣхъ элементовъ самой беззастѣнчивой рекламы: тутъ мы найдемъ и самовосхваленіе: „первая его книга“, по этому вопросу будто бы „получила общую извѣстность“ и „кромѣ меня... продолжаютъ работать... съ настойчивостью выше всякой похвалы“, весьма тонко указывается, что автору „лично, какъ одному изъ иниціаторовъ, разрѣшено правительствомъ устройство лабораторіи“; здѣсь можно найти и брань по адресу противника: „вздорный апломбъ“ работы д-ра Предтеченскаго, приведенъ и уставъ лабораторіи, „разрѣшенной правительствомъ“, и списокъ болѣзней, отъ которыхъ можно лѣчиться, и „случаи“ съ благодарственнымъ письмомъ родителя, и разругиваніе сосѣда по лавочкѣ Пеля, который „добывалъ свой сперминъ не изъ свѣжихъ, а полежалыхъ тестикулъ“. Вообще здѣсь мы найдемъ все то, что принято на рынкѣ, и ничего, напоминающаго науку. Изложеніе отличается крайней развязностью: „возникъ курьезный вопросъ, какъ писать мою фамилію Victoroff или Wictorow?—курьезный потому, что моя фамилія происходитъ отъ латинскаго слова victor, а victor, victoria (побѣдитель, побѣда), какъ извѣстно черезъ дубельвэ не пишутся, два же ff въ концѣ прибавляется иностранцами нашимъ русскимъ фамиліямъ, повидимому, вообще за то, что и сами мы тянемся въ хвостѣ западной цивилизаціи, такъ что въ своемъ знаменитомъ трудѣ „Histoire de Civilisation en France“ Гизо о нашей цивилизаціи, среди другихъ европейскихъ, даже и не упоминаетъ!“

Общедоступный лѣчебникъ. В. В. Рахманова. Изд. Посредника. М., 1897 г. Ц. 60 к. Названный лѣчебникъ можетъ быть смѣло рекомендованъ публикѣ, въ особенности сельской Въ началѣ, какъ то при

---

*) Предисловіе.

вано, краткія свѣдѣнія изъ анатоміи, изложенныя весьма толково, далѣе слѣдуетъ описаніе болѣзней и ихъ лѣченія, сперва наружныхъ, затѣмъ внутреннихъ; особенно обстоятельно изложенъ этотъ послѣдній отдѣлъ; каждая глава, содержащая описаніе болѣзней по органамъ, содержитъ анатомію и физіологію даннаго органа, описаніе его болѣзней и, что особенно цѣнно, общія замѣчанія о болѣзняхъ извѣстной группы, гдѣ передается значеніе тѣхъ или другихъ симптомовъ и выясняются причины заболѣванія. Послѣднія главы лѣчебника посвящены уходу за больными и приготовленію лѣкарствъ. Здѣсь единственно можно упрекнуть автора въ томъ, что, приводя списокъ простыхъ домашнихъ лѣкарствъ, часть которыхъ даже и не испытана имъ, въ чемъ онъ и оговаривается,—авторъ могъ бы безъ всякаго ущерба и лишь съ пользой для дѣла выпустить такія вещи, какъ бодяга, пивныя дрожжи, земля, квасъ, печеный лукъ и проч., употребляющіеся при различныхъ наружныхъ страданіяхъ,—все это идетъ въ полный разрѣзъ съ современными требованіями асептики.

ПЕРІОДИЧЕСКІЯ ИЗДАНІЯ.

„Вѣстникъ Европы", *май.*—„Научное Обозрѣніе, *январь - апрѣль*.

Въ майской книгѣ *Вѣстника Европы* г. Боборыкинъ, наконецъ, закончилъ свой любопытнѣйшій романъ *Тяга*, и мы имѣемъ теперь возможность поговорить объ этомъ произведеніи нашего маститаго беллетриста, какъ о цѣломъ. Еслибы къ произведеніямъ искусства мы имѣли привычку относиться съ точки зрѣнія чисто-эстетической, то, по правдѣ сказать, о *Тягѣ* намъ, пожалуй, и говорить бы не пришлось.

И, однако, *Тяга* представляетъ одно изъ наиболѣе значительныхъ произведеній текущей журнальной беллетристики. Противорѣчіе между чисто-художественными недостатками произведенія и его высокими общественными и, если позволительно такъ выразиться о романѣ, публицистическими достоинствами, его значеніемъ какъ выразителя нашего общественнаго настроенія, производятъ такое спутанное и неясное впечатлѣніе, что читатель, чувствуя себя глубоко неудовлетвореннымъ, въ то же время чувствуетъ себя и глубоко заинтересованнымъ и не можетъ оторваться ни отъ самого произведенія, ни отъ навѣянныхъ имъ чувствъ и мыслей. Подобное впечатлѣніе могутъ производить только значительные по своему содержанію памфлеты, вскрывающіе какую-нибудь наболѣвшую общественную рану или проводящіе въ той или иной формѣ важную идею, въ данную минуту необычайно нужную для общества, захватывающую его за самое живое мѣсто въ его организмѣ. Мы и рѣшились бы назвать произведеніе г. Боборыкина такимъ памфлетомъ, еслибы идея этого памфлета не была, какъ мы уже замѣтили, въ столь скрытомъ видѣ, еслибы авторъ не пытался быть столь холоднымъ и объективнымъ. Въ памфлетѣ же, какъ извѣстно, присутствіе сильнаго и ярко выраженнаго субъективизма есть условіе существенное и необходимое. Что въ особенности любопытно въ произведеніи г. Боборыкина, такъ это то, что, несмотря на дѣланность личностей и безсвязность отдѣльныхъ картинъ, каждая ихъ нихъ въ отдѣльности прямо-таки поражаетъ своею реальностью и

правдивостью. Это не та глубокая реальность, которая выражается въ *правдѣ* личностей, въ правдѣ ихъ внутренней жизни, въ реальности движеній ихъ психіи. Нѣтъ, это чисто-внѣшняя реальность, правдивость скорѣе ситуацій, положеній, чѣмъ психической жизни. Но эта реальность столь, однако, яркая, что читатель часто изъ-за нея забываетъ о внутренней правдивости произведенія, объ отсутствіи типовъ и даже просто живыхъ лицъ и, повторяемъ, глубоко заинтересовывается: тутъ, несомнѣнно, проявляется опытность и изобразительное искусство автора.

Но главный и наиболѣе существенный изъ элементовъ, входящій въ составъ цѣлаго впечатлѣнія, производимаго романомъ, состоитъ все же въ жизненности, глубинѣ и важности самой темы романа. Названіе г. Боборыкина „отзывчивымъ писателемъ“ такъ давно установилось, что сдѣлалось даже шаблоннымъ. И, однако, въ числѣ его многочисленныхъ произведеній, написанныхъ имъ въ разное время его плодовитой и, что̀ бы тамъ ни говорили хулители г. Боборыкина, плодотворной писательской дѣятельности, нѣтъ ни одного, въ которомъ авторъ подходилъ бы такъ близко къ самому „сердцу-сердецъ“ своихъ современниковъ; ни въ одномъ онъ не хваталъ такъ сильно и даже такъ властно за самыя интимныя и скрытыя душевныя ихъ струны. Въ этомъ отношеніи ни *Дѣльцы*, ни *Солидныя добродѣтели*, ни *Поумнѣлъ*, ни *На ущербѣ*, ни даже пресловутый *Василій Теркинъ* и не менѣе пресловутый *Переломъ* не могутъ пойти въ сравненіе съ *Тягой*... И неудивительно. Въ этомъ послѣднемъ произведеніи авторъ разрабатываетъ чуть ли не самый жгучій вопросъ дѣйствительности—появленіе на историческую арену цѣлаго новаго общественнаго класса, отъ эволюціи котораго будетъ зависѣть чуть ли не все наше будущее,—класса пролетаріевъ-производителей. И при этомъ онъ пытается дать изображеніе не нашего интеллигентнаго отношенія къ судьбамъ этого класса, а психологію, мысли, чувства, настроенія, даже навыки и соціальныя стремленія самихъ людей этого класса. Задача громадная, оказавшаяся по силамъ въ европейской литературѣ только одному Диккенсу (въ его *Тяжелыя времена*), да и то только отчасти, и до извѣстной степени Золя въ цѣлой серіи его произведеній. Задача огромная, вмѣстѣ съ тѣмъ страшно честолюбивая и, можно сказать, дерзкая. Но вотъ что любопытно и что, безспорно, представляетъ извѣстную специфическую особенность нашего общественнаго строя: г. Боборыкинъ, писатель, безспорно, и умный, и высоко образованный, и, главное, замѣчательно опытный въ своемъ, если позволительно такъ выразиться, мастерствѣ, не могъ выдумать другого пріема изображенія, какъ простое перенесеніе тѣхъ споровъ, тѣхъ разногранныхъ настроеній и идей, которыя онъ встрѣчалъ среди нашей не буржуазной, а разночинной интеллигенціи какъ въ ея салонахъ, такъ и въ ея бѣдныхъ каморкахъ, въ среду пролетаріата. Въ сущности два главныхъ его героя: Меньшовъ и Спиридоновъ интеллигенты, переодѣтые рабочими. Не только ихъ мышленіе, но и ихъ настроенія, весь ихъ эмоціональный міръ, совершенно тѣ же, какъ и соотвѣтствующій міръ интеллигенціи разныхъ соціальныхъ и политическихъ толковъ. Еслибы вы могли представить себѣ Меньшова и Спиридонова живыми людьми, съ которыми вы, интеллигентъ, могли бы разговаривать, имѣть какія-нибудь общія дѣла и какія-нибудь личныя отношенія, то вы ни на одну минуту не почувствовали бы той далекости, той чуждости (не столько въ идеяхъ, сколько въ настроеніяхъ, въ мірѣ чувствъ и стремленій), какія чувствуетъ, наприм., благоже-

лательный, даже радикальный европейскій буржуа въ общеніи съ европейскимъ пролетаріемъ. Нѣтъ, вы будете имѣть съ ними совершенно то же общеніе, какое постоянно имѣете въ жизни съ бѣднымъ и жаднымъ къ знанію и къ порождаемымъ знаніемъ общимъ идеямъ студентомъ или съ не менѣе жаднымъ, жаждущимъ свѣта, полупросвѣщеннымъ и полуголоднымъ, необезпеченнымъ разночинцемъ, тоже пролетаріемъ, хотя и не производителемъ. У Меньшова и у Спиридонова имѣются свои спеціальные интересы, вамъ можетъ быть и вполнѣ чуждые и для васъ даже мало интересные, вродѣ надбавки по двѣ копейки на кусокъ миткаля, уменьшенія рабочаго дня или увеличенія заработной платы и т. п. Но вы чувствуете, что даже и для нихъ, для этихъ пролетаріевъ, суть-то все же не въ этихъ чуждыхъ вамъ интересахъ, а въ чемъ-то другомъ болѣе широкомъ, близкомъ и родномъ и вамъ самимъ. Вы, конечно, можете совсѣмъ не раздѣлять взглядовъ ни Спиридонова, ни Меньшова, относиться къ нимъ даже враждебно, и тѣмъ не менѣе вы чувствуете, что ихъ душевный міръ по существу вашъ міръ,—настолько же вашъ, какъ и міръ тѣхъ студента и разночинца, о которыхъ мы упомянали. Вѣдь и съ тѣми вы можете быть несогласны и къ тѣмъ вы можете относиться тоже враждебно, и, однако, своими-то вы ихъ все же считаете. И это не случайность; тутъ не одинъ только пріемъ автора. Съ точки зрѣнія чисто-эстетической вы можете признать этотъ пріемъ неудачнымъ. И онъ, дѣйствительно, все же неудаченъ. Вслѣдствіе этого пріема Меньшовъ и Спиридоновъ не столько живыя лица, сколько то отвлеченія безъ плоти и крови, то просто маріонетки, движущіяся по волѣ автора, и даже не движущіяся, а только разговаривающія подъ суфлерскую его подсказку. И, однако, даже самый этотъ пріемъ имѣетъ вполнѣ реальныя основанія въ самой нашей дѣйствительности и думается намъ, что и примѣненъ-то онъ авторомъ не безъ намѣренія. Не даромъ авторъ не одинъ разъ въ своемъ романѣ подчеркиваетъ, что и Спиридоновъ и въ особенности Меньшовъ разговариваютъ съ людьми не ихъ круга, съ барышнями, техниками и т. п., какъ съ равными себѣ, держатъ себя въ этой средѣ столь же непринужденно, какъ и въ своей рабочей, и даже болѣе непринужденно, пожалуй, что умственно и морально они ближе къ людямъ этой, повидимому, чужой имъ среды, чѣмъ даже къ своимъ. И у этихъ людей чужой среды, вродѣ барышни княжны, учительницы, заѣзжаго интеллигента, „тайнаго агента“ и такъ далѣе, отношеніе къ нимъ тоже не какъ къ чужимъ, а какъ вполнѣ къ своимъ. По нашему мнѣнію, это одна изъ наиболѣе характерныхъ чертъ произведенія г. Боборыкина, и въ ней кроется та скрытая идея, для разысканія которой, какъ мы выразились выше, требуется извѣстное усиліе критическаго анализа.

Что же, однако, знаменуетъ эта характерная черта изображенія г. Боборыкинымъ рабочихъ-интеллигентовъ и что онъ хотѣлъ сказать этимъ, въ чемъ общая идея романа? А знаменуетъ эта черта, по нашему мнѣнію, именно то, на что мы намекнули выше, т.-е. то, что строй нашего культурнаго общества еще далеко не рѣзко расчлененъ на классы, что въ особенности составъ нашей, такъ называемой, интеллигенціи по существу разночинный, т.-е. демократическій, и что поэтому у насъ пока не можетъ существовать никакого особаго настроенія или, какъ выражаются обыкновенно представители извѣстной соціологической школы, никакой особой пролетарной идеалогіи, кромѣ той,

какая уже и раньше существовала у разночинной интеллигенціи. Рабочая интеллигенція, разъ она создастся или создается, не можетъ поставить себѣ иныхъ задачъ, кромѣ тѣхъ, которыя уже поставлены раньше нея этою разночинною интеллигенціей, не можетъ быть проникнута инымъ настроеніемъ, кромѣ тѣхъ настроеній, какія въ своей эволюціи переживала и эта интеллигенція.

Такова, намъ кажется, та точка зрѣнія, которая освѣщаетъ весь романъ г. Боборыкина и съ одной стороны дѣлаетъ это произведеніе столь значительнымъ въ соціальномъ отношеніи и столь, такъ сказать, близкимъ и интереснымъ для всякаго интеллигента, съ другой—даетъ намъ ключъ для пониманія отдѣльныхъ сценъ романа и поможетъ намъ дальше раскрыть всѣ развѣтвленія и слѣдствія, вытекающія изъ этой общей идеи.

Читатель, надѣемся, помнитъ, что, говоря въ первый разъ о романѣ г. Боборыкина нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, мы отозвались о его героѣ Меньшовѣ, какъ о личности не только дѣланной, но и прямо-таки не соотвѣтствующей русской дѣйствительности. И основаніемъ для такого отзыва намъ служило то соображеніе, что въ нашей дѣйствительности Меньшовы никоимъ образомъ не могутъ ограничиться однимъ только отрицаніемъ, что безъ положительнаго, хотя бы и утопическаго идеала, они и трехъ дней не прожили бы. Собственно говоря, нашъ отзывъ и теперь остается тѣмъ же, въ послѣдней по крайней мѣрѣ его части, т.-е. въ мнѣніи о невозможности для настоящихъ Меньшовыхъ прожить и трехъ дней безъ положительнаго идеала; но онъ (отзывъ-то этотъ) подлежитъ теперь, когда предъ нами вскрывается общая идея произведенія, нѣкоторымъ оговоркамъ и потому самому и нѣкоторому развитію.

Дѣло вотъ въ чемъ: Меньшовъ не могъ бы прожить и трехъ дней безъ положительнаго идеала, съ однимъ отрицаніемъ существующихъ нормъ общежитія, съ одной ненавистью, безъ признака любви къ кому-нибудь и чему-нибудь. И онъ, дѣйствительно, не прожилъ; онъ умеръ отъ разорвавшагося сердца, переполненнаго однимъ отрицаніемъ и одной ненавистью. И авторъ не случайно моритъ его въ концѣ романа; его смерть есть необходимое звено въ эволюціи всѣхъ Меньшовыхъ. Это, конечно, только схематическое изображеніе жизни. Но само-то настроеніе Меньшова есть настроеніе реальное... на тѣ три дня, которые Меньшовы могутъ прожить безъ идеала, однимъ только отрицаніемъ. Такъ же умирали и герои Помяловскаго, разночинцы и тоже пролетаріи. И они умерли именно въ три дня, конечно, историческихъ дня. Читатель, вѣроятно, не забылъ, что въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ прежнихъ статей мы, говоря о психіи разночинца, говорили, что онъ выступилъ на историческую арену ничѣмъ не вооруженнымъ, съ голыми, такъ сказать, руками, съ одною злобой и съ однимъ отрицаніемъ. Но жить онъ съ такимъ багажомъ положительно не могъ, и умеръ..., т.-е. родился уже съ другимъ багажомъ положительныхъ идеаловъ. Намъ теперь не зачѣмъ обсуждать вопросъ о цѣнности этого багажа, тѣмъ болѣе, что и вопросъ-то этотъ теперь очень спорный и обсужденіе его завлекло бы насъ очень далеко отъ разбора романа г. Боборыкина. Достаточно того, что съ первымъ-то своимъ багажомъ онъ умеръ, не проживъ и трехъ дней. Такъ вотъ въ томъ же родѣ штука произошла и съ производителемъ-пролетаріемъ Меньшовымъ.

Когда Меньшовъ, уже хворый и близкій къ смерти, ноетъ именно потому, что у него нѣтъ ничего положительнаго, что бы связывало его съ „стадомъ барановъ“ (такъ какъ нельзя же назвать положительнымъ то утвержденіе, что „до тѣхъ поръ пока фабрика не передѣлаетъ мужицкую душу, ничего не будетъ путнаго“. Это-то и для Меньшова очевидно); когда онъ уже совсѣмъ передъ смертью говоритъ: „не хочетъ онъ жить, ни больнымъ, ни здоровымъ. Все ему до ужаса опостылѣло и здѣсь, и вездѣ. А пуще всего вонъ та орава... Какой идіотъ, какой безумецъ способенъ полагать душу свою за это полумужичье съ его дремучимъ двоевѣріемъ, грязью, грубостью и наслѣдственнымъ холопствомъ“ или „тошно на свѣтѣ торчать, и пошло, и подло... Что вездѣ за гиль и дичь и нищенская гольтепа! Земли видимо-невидимо, Сахара африканская, ни жилья, ни деревца. Въ Саратовѣ на рынкѣ каждый день десять тысячъ голоднаго мужичья за работой приходятъ. И въ такой землѣ жить? Смотрѣть на всю эту дичь и дремучую неурядицу? Тысяча лѣтъ пройдутъ и все такъ же будетъ. Ваше мужицкое царство... И на фабрикѣ, и въ деревнѣ, и въ городахъ, и вездѣ, вездѣ будетъ тянуться тоже безобразіе; мошна не перестанетъ заѣдать того, кому животы подвело отъ кислаго кваса и прогорклой капусты, пока изъ васъ та же фабрика не выѣстъ все мужицкое“, когда мы слышимъ все это, мы слышимъ уже знакомые намъ старыя ноты предсмертнаго хрипа умирающаго разночинца, который долженъ умереть затѣмъ, чтобы возродиться съ инымъ, болѣе внушительнымъ багажомъ положительныхъ идеаловъ и реальныхъ жизненныхъ задачъ, съ багажомъ, съ которымъ люди уже не умираютъ, а живутъ и своего добиваются. И пусть насъ не обманываетъ специфическая „пролетарская“ окраска рѣчей умирающаго Меньшова—это все тѣ же, въ сущности, рѣчи, которыя говорилъ и умирающій разночинецъ Помяловскаго. Тѣ рѣчи были настолько же пролетарскими, какъ и рѣчи Меньшова, и возродится Меньшовъ опять-таки съ тѣмъ багажомъ, какъ и разночинецъ, хотя въ его багажѣ и будутъ, разумѣется, нѣкоторыя спеціально новому времени и новымъ общественнымъ требованіямъ соотвѣтствующія вещи. Сущность-то все та же старая и отъ нея производителямъ-пролетаріямъ не отрѣшиться, также какъ и пролетаріямъ не-производителямъ. Потому-то настроеніе ихъ и было и будетъ одинаковымъ и идти имъ придется не иначе, какъ рука въ руку. Новымъ общественнымъ слоямъ приходится идти по той же тропинкѣ, по которой шли и старые.

Это указываетъ и авторъ *Тяш* въ своихъ заключительныхъ строкахъ. Кончилъ онъ свой романъ нѣсколько по-фельетонному, такъ какъ обыкновенно кончаютъ (по большей части, по независящимъ отъ нихъ причинамъ) газетные фельетонисты. „Стадо барановъ“, которое не могло, по мнѣнію и Меньшова и Спиридонова, потребовать прибавки по двѣ копейки *всѣмъ* ткачамъ, потребовало ее... „Черезъ три дня фабричные ткацкаго отдѣленія съ утра отказались идти на работу, требуя прибавки *всѣмъ* (курсивъ автора) ткачамъ двухъ копеекъ на каждый кусокъ миткаля. Были приняты мѣры“.

Иванъ Спиридоновъ въ нѣкоторомъ родѣ положительный герой романа, по крайней мѣрѣ настолько же положительный, насколько Меньшовъ герой отрицательный или переходный типъ. Въ немъ, и еще чаще по отношенію къ нему, авторъ высказываетъ свои мнѣнія о томъ

важномъ вопросѣ, который составляетъ предметъ его произведенія, о соціологическомъ значеніи фабрики въ нашей общественной эволюціи. Раньше мы назвали Спиридонова представителемъ контръ-тяги, съ фабрики въ деревню. Этотъ отзывъ, также какъ и нашъ прежній отзывъ о Меньшовѣ, подлежитъ нѣкоторымъ оговоркамъ и ограниченіямъ. Прежде всего, по отношенію къ Спиридонову авторъ высказываетъ (въ картинахъ, конечно, въ образахъ, а не догматически) свой взглядъ на отношеніе интеллигенціи къ рабочему вопросу. Не слѣдуетъ забывать того, что какъ Меньшовъ, такъ и Спиридоновъ являются не только воспитанниками, но и духовными, въ нѣкоторомъ родѣ, дѣтьми разночинцевъ, упорно въ теченіе многихъ лѣтъ работавшихъ надъ развитіемъ самосознанія рабочихъ... Меньшовъ—воспитанникъ библіотекарши Настасьи Ильинишны, а Спиридоновъ—духовный сынъ учительницы Вознесенской. Не съ вѣтру взялись эти интеллигенты-рабочіе и не просто условіями жизни они созданы, не одной только экономическою эволюціей, а еще и долголѣтними усиліями этихъ разночинокъ-интеллигентокъ. И, повторяемъ, никакого особаго пролетарнаго мышленія и настроенія они не имѣютъ помимо того самаго пролетарнаго же мышленія и настроенія, какими обладали и эти пролетаріи-разночинцы. И эти послѣдніе за свои усилія, за свою работу не остаются въ романѣ безъ нѣкоторой награды. Вознесенская въ обществѣ трезвости „Свѣтъ“, созданномъ Спиридоновымъ, пользуется вліяніемъ и любовью необычными. Она въ этомъ обществѣ не глава, но вдохновительница и нравственная опора, совѣсть пробуждающагося рабочаго сознанія. Ея слова „о правахъ“ встрѣчаются единодушными и горячими рукоплесканіями. Она, разночинка, тутъ является стоящей на цѣлую голову выше всего собранія рабочихъ, въ томъ числѣ и ея духовнаго сына Спиридонова... Вообще, сцена собранія общества „Свѣтъ“ очень любопытна. Многіе изъ читателей могутъ подумать, что почтенный авторъ допустилъ тутъ идеализацію или, по меньшей мѣрѣ, перерисовку. Для такихъ мы приведемъ нѣкоторые факты изъ разсказа нѣкоего г. Весновскаго о борьбѣ горнозаводскихъ рабочихъ съ заводскимъ начальствомъ („Письмо съ Урала“, *Сѣверный Вѣстникъ*—мартъ). Самый предметъ спора рабочихъ или, вѣрнѣе сказать, горно-заводскаго товарищества съ мѣстнымъ заводскимъ начальствомъ насъ теперь не занимаетъ. Интересны пріемы рабочихъ въ этомъ внутреннемъ раздорѣ. Когда предсѣдатель собранія прочелъ новыя цеховыя правила, составленнныя администраціей, то со стороны рабочихъ были сдѣланы заявленія, что если заводъ требуетъ аккуратности отъ рабочихъ, то и сама администрація должна быть аккуратнѣе. На слова предсѣдателя, что „нельзя же безъ правилъ, какія-нибудь правила должны быть, даже за границей вездѣ на заводахъ порядокъ“, рабочіе отвѣтили: „Вотъ вы и сдѣлайте такъ, какъ за границей и въ Америкѣ; тамъ, вѣдь, и работаютъ по 8 часовъ, да все-таки зарабатываютъ больше нашего...“ Все шло своимъ порядкомъ,—разсказываетъ г. Весновскій,—чинно, тихо, условія обсуждали и депутаты и заводоуправленіе... Рабочіе отправляютъ телеграмму къ министру государственныхъ имуществъ, въ которой почтительно указываютъ на нарушеніе ихъ правъ, предоставленныхъ имъ положеніемъ 1861 года, и объявляютъ, что „всѣ рабочіе Златоустовскаго завода крайне недовольны такимъ насиліемъ“ (невыдачей жалованья, если

рабочіе не возьмутъ разсчетныхъ книжекъ). На слѣдующихъ собраніяхъ товарищества подъ предсѣдательствомъ разныхъ чиновъ завода тонъ и пріемы борьбы у рабочихъ тѣ же. Мы не будемъ приводить дальнѣйшихъ подробностей всей этой очень любопытной исторіи. Для насъ достаточно указать на то, что все время товарищество проявляло тѣ же качества, какія проявляютъ въ романѣ г. Боборыкина члены общества „Свѣтъ“: рѣшимость, энергію, полную выдержанность и разумность, легальность въ пріемахъ и поведеніи, солидное пониманіе своихъ человѣческихъ правъ, сознаніе въ своей внутренней правотѣ,— однимъ словомъ, такія качества, какими обладаютъ обыкновенно новые общественные слои, только что выступающіе на арену общественной дѣятельности и потому переполненные чувствомъ молодой, иногда, можетъ быть, и наивной бодрости и нѣкоторой, можетъ быть и смѣшноватой для умудреннаго жизнью скептика, но все же отрадной для всякаго, не утратившаго окончательно вѣры въ прогрессъ и человѣчество, самоувѣренности. Во всякомъ случаѣ, собранія общества „Свѣтъ“—ихъ два въ романѣ—совсѣмъ не то, что сельскіе или волостные сходы. Этимъ мы не хотимъ, конечно, сказать, что эти послѣдніе фатально обречены проявлять противоположныя свойства,—да, вѣроятно, и авторъ романа этого не думаетъ,—мы просто констатируемъ фактъ, весьма важный въ соціологическомъ отношеніи и теперь даже не намѣрены говорить о причинахъ этого факта.

Фактъ-то фактомъ, но онъ не совсѣмъ такъ безпримѣсенъ и не представляетъ вполнѣ чистаго соціологическаго явленія. Да и какое явленіе въ жизни, въ самомъ дѣлѣ, существуетъ въ чистомъ видѣ? Едва читатель получилъ впечатлѣніе отъ собранія рабочихъ и по сему поводу вдался въ нѣкоторыя мечтанія,—а нашъ читатель, какъ извѣстно, вообще очень склоненъ къ мечтаніямъ,— какъ авторъ очень ловко переворачиваетъ свой калейдоскопъ и предъявляетъ замечтавшемуся читателю нѣкоего браваго унтера, Благонамѣреннаго, фабричнаго блюстителя порядка и благочинія и заставляетъ его держать такія фантазіи уничтожающія рѣчи: „Эхъ, Иванъ Прокофьичъ! Что я вамъ всегда докладываю. Вы только себя тѣшите со всею этою филантропіей. Не токмо, что мужескій, а и женскій-то полъ, ваши артистки-малолѣтки (Спиридоновъ при обществѣ „Свѣтъ“ и театръ и хоръ завелъ), почти что младенцы—и какъ себя аттестуютъ!“ И читаетъ Спиридонову такія рапортички: „разборщица ситцевой фабрики, проходя пьяная изъ слободки, позволила себѣ кричать и ругать своихъ поклонниковъ за то, что ей мало уплатили...“ „Дѣти пѣли громко пѣсни самаго зазорнаго характера, при встрѣчѣ же съ женщинами старались выразить болѣе паскудно свои безстыдныя вожделѣнія...“ „Такъ-то-съ, Иванъ Прокофьичъ! Распуста одна. Распуста!“ заключаетъ Благонамѣренный... Такъ вотъ... Благонамѣренному, конечно, довѣрить вполнѣ нельзя; на то онъ и Благонамѣренный, чтобы не видѣть изъ-за деревьевъ лѣса. Этимъ свойствомъ всѣ вообще благонамѣренные отличаются... И, однако, „распуста“ отмѣчается авторомъ въ достаточномъ количествѣ, чтобы смутить замечтавшагося читателя. Какъ ни утомителенъ à la longue пріемъ автора постоянно переворачивать свой калейдоскопъ и показывать читателю картины самаго противорѣчиваго характера, онъ имѣетъ то достоинство, что передъ читателемъ съ каждой почти новою страницей романа все съ бо̀льшей и бо̀льшей опредѣленностью вырисовывается

та сторона общей идеи автора, на которую мы сейчасъ указали—значеніе просвѣтительно-культурной дѣятельности разночинной интеллигенціи среди рабочихъ массъ, явившихся на фабрику вслѣдствіе вызванной экономически-соціальными причинами „тяги“, изъ заброшенной, захудалой, распущенной и разложившейся деревни. Эта сторона общей идеи (сама идея, какъ мы указали, еще важнѣе и еще шире) наиболѣе выдающаяся въ романѣ.

Еще одна маленькая и заключительная черточка—и Иванъ Спиридоновъ вполнѣ вырисовывается передъ читателемъ, какъ представитель контръ-тяги въ деревню изъ фабрики (контръ-тяги несомнѣнно существующей въ дѣйствительности, что̀ бы тамъ ни говорили догматизирующіе теоретики) и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ положительный герой романа г. Боборыкина, какъ выразитель его собственныхъ, авторскихъ, соціологическихъ взглядовъ. Иванъ Спиридоновъ послѣ пережитаго имъ душевнаго кризиса окончательно сталъ лицомъ къ деревнѣ, *не отворачиваясь, однако, и отъ фабрики*, такъ какъ онъ сознаетъ фактическую невозможность при существующихъ условіяхъ такого отворачиванія. Онъ хочетъ только извѣстнаго благообразія въ жизни, хочетъ отдыха и покоя, безболѣзненной и мирной кончины для рабочаго человѣка. И всѣ сіи блага онъ полагаетъ найти въ обновленной деревнѣ, съ фабрикой не ссорящейся, не враждебной, а такъ сказать союзной ей. „Коли здѣсь, въ деревнѣ, свой домикъ имѣть, хозяйство, корову, дѣтей воспитывать на просторѣ, а не въ каморкѣ казарменной,—пускай фабрика останется не главнымъ дѣломъ, а подспорьемъ“—такъ мечтаетъ благодушный фабричный утопистъ-постепеновецъ. Если сопоставить эти мечтанія съ яркими картинами „распусты“, нарисованными авторомъ, то его соціологическіе взгляды на желательныя отношенія между фабрикой и деревней становятся вполнѣ ясными... Но, вѣдь, это утопія, это маниловщина—закричатъ догматики неизбѣжныхъ законовъ экономической эволюціи. Пусть такъ. Но, съ другой стороны, дѣло, вѣдь, не въ утопичности или, наоборотъ, въ возможности осуществленія мечтаній Спиридонова, а просто въ его *правѣ*, какъ сознательной личности, на его собственное сознаніе, на попытки осуществленія того, до чего дошли своимъ умомъ и онъ самъ, и его предшественникъ разночинецъ.

Въ ту самую минуту, какъ пишутся эти строки, русская интеллигенція повсемѣстно празднуетъ поминки великаго родоначальника разночинческаго настроенія въ нашей литературѣ. Недаромъ на обѣдѣ литераторовъ въ Петербургѣ г. Вейнбергъ назвалъ это празднованіе не просто поминками, а праздникомъ литературы. Это, пожалуй, и правда; только все же оговорки кое-какія сдѣлать необходимо. Вѣдь и консервативная печать тоже къ литературѣ относится. Когда мы поминали Пушкина, то было возможно извѣстное „протягиваніе руки“, хотя и неизбѣжно было, что эту протянутую руку никто не приметъ. Но самое-то протягиваніе возможно было; въ немъ все-таки не было ничего ужъ черезчуръ ненатуральнаго. Иное дѣло поминки Бѣлинскаго: тутъ протягиваніе руки было бы прямо таки противоестественнымъ. Какъ натура по преимуществу боевая, Бѣлинскій не могъ не имѣть враговъ; не можетъ онъ не имѣть ихъ и теперь, потому что многое, противъ чего онъ возставалъ, до сихъ поръ еще не исчезло,—замѣчаетъ хроникеръ *Вѣстника Европы*.—Ненормально

было бы чествованіе памяти Бѣлинскаго, еслибъ оно было единодушно... Въ древности во время тріумфа нанимали раба, который долженъ былъ бѣжать подлѣ тріумфальной колесницы и поносить тріумфатора; теперь аналогичная роль исполняется добровольцами. „Бѣлинскій не обладалъ самостоятельнымъ умомъ; онъ безъ особеннаго труда и безъ мучительныхъ колебаній сжигалъ то, чему поклонялся; онъ срѣзался на Пушкинѣ, плохо понялъ Лермонтова, грубо оклеветалъ Гоголя... для грядущихъ поколѣній имя Бѣлинскаго будетъ связано съ именами разрушителей, а не созидателей" и т. д. Всѣ подобные отзывы,—добавляетъ хроникеръ,—исходя изъ извѣстнаго источника, совершенно естественны, совершенно умѣстны; безъ нихъ намъ чего то бы недоставало. И въ самомъ дѣлѣ, что бы это за новое было, еслибы старое, имъ упраздняемое, не подняло на него лая? Приведенные отзывы именно и представляютъ ту ноту лая стараго, которая необходима для гармоніи новаго, еще далеко, впрочемъ, не торжествующаго, такъ что поминки Бѣлинскаго все же не могутъ назваться праздникомъ *всей* литературы въ томъ смыслѣ, въ какомъ были праздникомъ для нея поминки Пушкина. Но для кого они безспорно и безоговорочно праздникъ,—такъ это для разночинца.

Изъ массы юбилейныхъ статей очень любопытны именно въ этомъ отношеніи небольшая статейка г. Ев. Соловьева: *Бѣлинскій въ потомствѣ (Научное Обозрѣніе)*. Авторъ освѣщаетъ личность Бѣлинскаго именно съ этой точки зрѣнія и разсматриваетъ его какъ представителя настроенія, если не мышленія, разночинца-пролетарія.

Какое понятіе стоитъ въ центрѣ всѣхъ философскихъ, критическихъ и нравственныхъ убѣжденій Бѣлинскаго? Это—понятіе личности,—говоритъ г. Соловьевъ.—И это понятіе совсѣмъ не просто отвлеченное. Само по себѣ это простой терминъ, но для разночинца, для перваго изъ разночинцевъ, Бѣлинскаго, оно облечено въ плоть и кровь. И, прежде всего, Бѣлинскій свою личную самостоятельность цѣнилъ выше всего. Что для другихъ было простымъ логическимъ выводомъ, то для него означало извѣстную заповѣдь, которой надо слѣдовать во всѣхъ поступкахъ.

Въ міросозерцаніи Бѣлинскаго постоянно боролись двѣ господствующія идеи. Первая гласила: смыслъ и значеніе жизни сосредоточиваются *внѣ* человѣческой личности, вторая: смыслъ и значеніе жизни сосредоточиваются *исключительно* въ человѣческой личности. Между этими двумя философскими полюсами и колебался Бѣлинскій. Нечего и говорить, какая изъ двухъ этихъ идей - силъ соотвѣтствовала натурѣ Бѣлинскаго. Онъ по натурѣ долженъ былъ признавать личность верховнымъ судьей. Но въ то же время, недовѣрчивый къ себѣ, вынесшій всѣ муки нищеты и голода, всѣ униженія, подавленный презрѣніемъ, долгой невозможностью пристроиться къ чему - нибудь,—однимъ словомъ, будучи типичнѣйшимъ разночинцемъ - пролетаріемъ и обладая въ высшей степени напряженности настроеніемъ такового,—онъ часто падалъ ницъ предъ чѣмъ-то великимъ. И какъ часто послѣ него разночинецъ падалъ предъ чѣмъ - то великимъ! Бѣлинскій часто готовъ былъ признать себя червемъ, ибо червю все же легче погибать, чѣмъ человѣку, ибо червь не можетъ съ такой жгучей болью чувствовать обиды и поношенія. Онъ падалъ ницъ предъ разумностью дѣйствительности такъ же, какъ многіе позже его,

въ наши дни, тоже пролетаріи и разночинцы, падаютъ предъ неизмѣнными законами исторіи. Но и для разночинца и для пролетарія такое паденіе ницъ есть только переходный, хотя, можетъ быть, и необходимый, моментъ развитія его личности. Основной и всепроникающей чертой его настроенія и мышленія, присущей его положенію идеей-силой, можетъ быть только идея о правахъ личности. Для опредѣленія личности, какъ центральнаго понятія философіи Бѣлинскаго, недостаточно понятія „критически-мыслящая“. Критически мыслящая личность можетъ быть совершенно пустопорожней. Чтобы стать чѣмъ-нибудь, ей нужно положительное содержаніе. Но какимъ же образомъ при этомъ проникновеніи всего настроенія разночинца одной идеей-силой, идеей о правѣ своей личности—возможно паденіе ницъ предъ великимъ, внѣ своей личности находящимся? А вотъ какимъ образомъ. Письма Бѣлинскаго переполнены стонами—и это стоны голоднаго человѣка. Онъ не вѣрилъ себѣ, неудачи привели его къ мысли, что ему нѣтъ мѣста на землѣ. И вотъ онъ съ восторгомъ узнаетъ, что есть великая доктрина, которая объясняетъ даже и его страданія, какъ нѣчто разумное, которая и его унылому существованію находитъ смыслъ и мѣсто. Надо только поставить свою психологію вверхъ дномъ, надо утвердиться на мысли о своемъ собственномъ ничтожествѣ, надо признать разумность и необходимость этого ничтожества. Въ экстазѣ, въ томъ, что человѣкъ падаетъ ницъ предъ какимъ-нибудь кумиромъ, несомнѣнно источникъ огромнаго блаженства. И это огромное блаженство дало Бѣлинскому гегеліанство. Бѣлинскій былъ первымъ, пережившимъ такое мучительное и мучительское блаженство; но онъ не былъ послѣднимъ; вся дальнѣйшая исторія развитія нашего интеллигента полна такого блаженства. Такимъ блаженствомъ-мученіемъ было и преклоненіе разночинца предъ народомъ, какъ чѣмъ-то абстрактнымъ и великимъ; такимъ же было и преклоненіе предъ неизмѣнностью законовъ исторіи... Въ идеѣ ничтожества личности, поглощенія ея жизнью высшаго начала, Бѣлинскій старался найти и временно, дѣйствительно, находилъ полноту своего духовнаго противорѣчія. Но, конечно, только временно, и даже кратковременно. Бѣлинскій вскорѣ призналъ себя человѣкомъ и тѣмъ самымъ призналъ свое право на личное счастіе. То, что другимъ,—ну, хотя бы Герцену,—достается сразу, то Бѣлинскому досталось лишь послѣ великихъ умственныхъ усилій и нравственныхъ страданій. Робкій, застѣнчивый Бѣлинскій гордо поднялъ голову и осмѣлился заявить, что онъ хочетъ жить, а не отдавать свою жизнь на пожираніе всевозможнымъ молохамъ искусства, философіи, государственности. Въ словѣ „личность, но личность свободная, живущая всей той суммой радости и стремленій“, которыя доступны человѣку, явилась для него разгадка тайнъ человѣческаго существованія.

Эта личная исторія Бѣлинскаго является въ то же время и исторіей того пути, по которому пошла русская интеллигентная мысль,—заканчиваетъ свою небольшую, но содержательную статью г. Ев. Соловьевъ. И дѣйствительно, если вездѣ вмѣсто фамиліи Бѣлинскій, вы поставите вполнѣ реальный терминъ: разночинецъ и пролетарій, вы поймете, что̀ такое пролетарское настроеніе и пролетарское мышленіе, вы поймете многое и въ исторіи послѣдняго пятидесятилѣтія. Въ самомъ дѣлѣ, совсѣмъ вѣдь не простая случайность, что въ исторіи на-

шего умственнаго движенія личность этого перваго вождя и основоположника русскаго мышленія и вмѣстѣ съ тѣмъ представителя цѣлаго общественнаго класса заслонила собой даже такую яркую личность, какъ его сподвижникъ въ области литературы и мысли, Герценъ. Тутъ своего рода законъ исторіи сказался—законъ общественнаго русскаго строя, по существу демократически - разночиннаго, вопреки всѣмъ наслоеніямъ.

Это—онъ, всесильный, заигралъ въ этихъ капляхъ - личностяхъ своими яркими и многоцвѣтными красками. И не безъ основанія еще Тургеневъ задумывался надъ вопросомъ, почему именно Бѣлинскій, а не кто иной изъ его сверстниковъ, явился вождемъ. Исторія какъ будто уже рѣшила этотъ вопросъ или, по крайней мѣрѣ, сдѣлала его назрѣвшимъ для рѣшенія.

Вопросу о личности въ исторіи въ *Научномъ Обозрѣніи* посвящена статья г. Кирсанова, въ коей мы находимъ кое-что новенькое. Новенькое, впрочемъ, не для насъ и, можетъ быть, не для читателей, а для людей, принадлежащихъ къ одному съ г. Кирсановымъ направленію. И это насъ глубоко радуетъ; мы давно уже замѣчали, что по мѣрѣ того, какъ это направленіе будетъ разбираться въ поставленныхъ имъ самимъ вопросахъ, оно будетъ все болѣе и болѣе сближаться съ представителями стараго, на которое они такъ яростно нападаютъ. Г. Кирсановъ, какъ подобаетъ правовѣрному, начинаетъ съ оправданія доктрины экономическаго или діалектическаго матеріализма въ квіетизмѣ или фатализмѣ. Онъ напоминаетъ, что матеріалистовъ начали упрекать въ склонности къ квіетизму еще тогда, когда у нихъ не выработался діалектическій взглядъ на исторію. Онъ приводитъ слова Пристлея: „Гдѣ вы найдете больше энергіи мысли, больше активности, больше силы и настойчивости въ преслѣдованіи самыхъ важныхъ цѣлей, чѣмъ между послѣдователями ученія о необходимости?“ Исторія, дѣйствительно, подтверждаетъ это положеніе. Достаточно вспомнить хотя бы пуританъ и индепендентовъ. Извѣстный историкъ французской литературы Лансонъ замѣчаетъ: „Всѣ доктрины, обращавшіяся съ наибольшими требованіями къ человѣческой волѣ, утверждали въ принципѣ ея безсиліе; они отрицали свободу воли и подчиняли міръ фатализму“... Тутъ все зависитъ отъ того,—замѣчаетъ г. Кирсановъ,—составляетъ ли моя собственная дѣятельность необходимое звено въ цѣпи необходимыхъ событій. Если да, то тѣмъ меньше у меня колебаній и тѣмъ рѣшительнѣе я дѣйствую. И нѣтъ ничего удивительнаго, когда мы говоримъ, что личность считаетъ свою дѣятельность необходимымъ звеномъ въ цѣпи необходимыхъ событій,—это значитъ, что для личности отсутствіе свободы воли равносильно для нея неспособности къ бездѣйствію, что это отсутствіе отражается въ сознаніи въ видѣ невозможности поступать иначе, чѣмъ она поступаетъ. Само собою разумѣется, что подобнымъ утвержденіемъ г. Кирсановъ прежде всего признаетъ существованіе того, что Фулье назвалъ идеями-силами, которыя, присутствуя въ сознаніи личности, и дѣлаютъ для нея невозможнымъ поступать иначе, чѣмъ она поступаетъ. Это, несомнѣнно, уже большой шагъ впередъ къ признанію положенія Лампрехта и Моно (а также и г. Карѣева), что соціальная психика составляетъ коренную причину историческихъ явленій. Конечно, самъ г. Кирсановъ не признаетъ этого положенія, потому что иначе что же бы и осталось отъ

діалектическаго матеріализма? Но важно то, что онъ дѣлаетъ этотъ шагъ къ признанію.

Послѣдуемъ, однако, дальше за разъясненіями г. Кирсанова. Когда сознаніе несвободы моей воли представляется мнѣ лишь въ видѣ полной субъективной и объективной невозможности поступать иначе, чѣмъ я поступаю, и когда мои дѣйствія являются въ то же время наиболѣе для меня желательными, тогда необходимость отождествляется въ моемъ сознаніи съ свободой и тогда я не свободенъ только въ томъ смыслѣ, что не могу нарушить это тождество свободы съ необходимостью. Подобное же отсутствіе свободы есть вмѣстѣ съ тѣмъ ея полное проявленіе. Русскій субъективистъ противополагаетъ свои утопическіе идеалы нашей капиталистической дѣйствительности и потому завязъ въ болотѣ дуализма, а русскій „ученикъ“ возвысился до монизма. Капитализмъ ходомъ своего развитія приведетъ къ собственному отрицанію и къ осуществленію его, ученика, идеаловъ. (Значитъ, идеалы этого ученика противополагаются или не противополагаются? А если противополагаются, тогда въ чемъ же разница и въ чемъ тутъ возвышеніе до монизма? Разница въ утопичности, конечно. Но вѣдь въ этомъ-то и вопросъ, это-то и слѣдуетъ доказать. До сихъ поръ ученики не доказали и не могли, конечно, доказать утопичности разныхъ переходныхъ формъ при общемъ капиталистическомъ строѣ. Не могли потому, что тутъ противъ нихъ оказался и самъ учитель. И такъ почти и во всемъ другомъ).

Это (т.-е. отрицаніе-то капитализмомъ самого себя) есть историческая необходимость. (Знаніе это, г. Кирсановъ, или только вѣра?) Ученикъ служитъ однимъ изъ орудій этой необходимости и не можетъ не служить. Это тоже сторона необходимости. И онъ не только служитъ орудіемъ необходимости, но и страстно хочетъ и не можетъ не хотѣть служить. Это — сторона свободы, выросшей изъ необходимости. Такъ что при сознаніи безусловной необходимости даннаго явленія свободная дѣятельность личности явится сознательнымъ и свободнымъ выраженіемъ необходимости. Тогда личность становится великою общественною силой и тогда она можетъ „надъ неправдою лукавою грянуть Божіей грозой“... Если нѣкоторые субъективисты, — замѣчаетъ г. Кирсановъ,— стремясь отвести личности какъ можно болѣе широкую роль въ исторіи, отказывались признать историческое движеніе законосообразнымъ процессомъ, то нѣкоторые изъ ихъ новѣйшихъ противниковъ готовы были забыть, что *исторія дѣлается людьми и что поэтому дѣятельность личностей не можетъ не имѣть въ ней значенія* (курсивъ автора). Теоретически такая крайность столько же непозволительна, какъ и та, къ которой пришли субъективисты. Если я знаю,—говоритъ г. Кирсановъ,—въ какую сторону измѣняются общественныя отношенія, благодаря перемѣнамъ въ общественно-экономическомъ процессѣ производства, то я знаю также, въ какомъ направленіи измѣнится и соціальная психика, слѣдовательно, имѣю возможность вліять на нее. *Вліять же на соціальную психику значитъ вліять на историческія событія* (курсивъ нашъ).

А въ заключеніе выходитъ вотъ что: „Поле дѣйствія открыто для всѣхъ, имѣющихъ очи, чтобы видѣть, уши, чтобы слышать и сердце, чтобы любить своихъ ближнихъ. Понятіе великій есть понятіе относительное. Въ нравственномъ смыслѣ великъ каждый, кто полагаетъ душу свою за други своя“.

Хорошо, конечно, даже очень хорошо. Главное — бодро. Но толь-

ко вотъ что: г. Кирсановъ представляетъ въ нѣкоторомъ родѣ сосудъ, всякія знанія въ себя вмѣщающій. Такъ онъ, очевидно, самъ себя и понимаетъ. „Я знаю, какъ измѣняется соціальная психика и знаю, что она измѣняется подъ вліяніемъ именно измѣненій въ процессѣ производства". Такимъ образомъ то, что другіе признаютъ еще неизвѣстнымъ, спорнымъ и доказательству подлежащимъ, для него уже есть объектъ точнаго знанія, несомнѣнно и прочно установленное. Онъ, понятно, находится въ положеніи особенно выгодномъ — въ положеніи фанатически-вѣрующаго. Вѣдь и пуританинъ, вѣря въ необходимость, вѣрилъ въ то, что онъ орудіе этой необходимости и потому могъ „надъ неправдою лукавою грянуть Божіей грозой", иначе говоря, ничтоже сумняшася, перъ грудью въ пространство. Но вѣдь это пространство-то была жизнь и живые люди. И, кажется, спору быть не можетъ въ томъ, что покойники (хорошіе люди они были) много пакостей, при многомъ, конечно, добромъ, надѣлали жизни и людямъ. И вотъ Шекспиръ создаетъ, въ противовѣсъ этимъ прущимъ въ пространство людямъ, своего сомнѣвающагося Гамлета. И, право же, роль Гамлета въ исторіи не была ужъ такъ презрѣнна, какъ, повидимому, полагаетъ г. Кирсановъ. Во всякомъ случаѣ шире онъ былъ, чѣмъ люди, принимавшіе вѣру за знаніе. Это тоже помнить надо. Для практики жизни, даже для цѣлей самихъ вѣрующихъ, это большое значеніе имѣетъ. Вотъ, наприм., въ эпоху перехода къ крупному капиталистическому производству во Франціи съ каѳедры и съ парламентской трибуны раздался наглый крикъ: „обогащайтесь!"... И кричали тоже вѣдь вѣрующіе, тоже знавшіе, въ какую сторону измѣняется общественная психика и знавшіе и то, что измѣняется-то она не отъ чего иного, какъ отъ измѣненія въ производствѣ. Идеологи-то эти и теперь еще не исчезли. А такъ ли измѣнялась общественная психика, какъ они знали,— это неизвѣстно. Неизвѣстно и то, такъ ли она измѣняется, какъ это знаетъ г. Кирсановъ.

А далѣе вотъ что: субъективисты и народники, столь ненавистные г. Кирсанову и его единомышленникамъ, тоже вѣдь „знаютъ", т.-е. опять-таки вѣрятъ, что при созданіи извѣстныхъ условій, экономическихъ, политическихъ и соціальныхъ, нѣкоторыя существующія формы производства могли бы прямо, безъ посредства товарнаго и, стало быть, капиталистическаго производства, перейти къ высшимъ, идеальнымъ. Пусть это утопическій идеалъ,—въ данную минуту насъ не этотъ вопросъ занимаетъ. Но вѣдь они это „знаютъ" съ такою же убѣдительностью и объективностью даже, какъ „знаетъ" свое г. Кирсановъ. Почему же они тогда будутъ находиться въ положеніи ноющихъ Гамлетовъ, а г. Кирсановъ въ положеніи торжествующей Божіей грозы? Вѣдь и ихъ дѣйствія будутъ тоже необходимыми звеньями необходимости, ихъ свобода тоже будетъ сознанной необходимостью, такъ какъ они тоже будутъ вліять на извѣстную имъ общественную психику и, стало быть, создавать исторію. Степень достовѣрности ихъ знанія столь же велика или мала, какъ и степень достовѣрности знанія г. Кирсанова. Община разрушается, капитализмъ развивается, кустарные промыслы обращаются въ мелкое товарное производство и т. д. Эка штука! Они вѣдь „знаютъ" причины, отъ которыхъ это происходитъ и „знаютъ", что это не закономѣрный ходъ исторіи,—„знаютъ" это столь же, повторяемъ, достовѣрно, какъ г. Кирсановъ „знаетъ", что это и есть закономѣрный ходъ исторіи.

Почему же бы и имъ не попытаться мочь „надъ неправдою лукавою грянуть Божіей грозой?“

И наконецъ, не уничтожаютъ ли послѣднія слова г. Кирсанова о томъ, что „широкое поле дѣйствій открыто для всѣхъ, имѣющихъ сердце, чтобы любить своихъ ближнихъ и полагающихъ душу свою за други своя“,—все „знаніе“ г. Кирсанова? Вѣдь подъ такое опредѣленіе подходятъ и инако знающіе, т.-е. инако вѣрующіе.

Гдѣ же, однако, выходъ изъ всѣхъ этихъ противорѣчій? Рискуя снова получить отъ критика *Міра Божія* прозвище комика, мы скажемъ, что выходъ этотъ въ признаніи вопроса о діалектическомъ или экономическомъ матеріализмѣ вопросомъ академическимъ. Не этотъ вопросъ составляетъ ту общую идею-силу, которой такъ страстно ищетъ общество, въ поискахъ за этою идеей запутавшееся въ тенета всяческаго догматизма.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 мая по 1 іюня 1898 г.

Алферовъ, А. Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій. Съ портретомъ. М., 1898 г. Ц. 5 к.

Андрейчинъ, Ив. Ст. Първа Ступка. Разсказы и легенди. София. 1898 г. Ц. 1 л. 50 ст.

Балталонъ, Ц. Принципы критики В. Г. Бѣлинскаго. М., 1898 г. Ц. 20 к.

— Эстетика В. Г. Бѣлинскаго. М., 1898 г. Ц. 1 р.

Библіотека „Дѣтское чтеніе“. Изъ сочиненій В. Г. Бѣлинскаго. Избран. статьи для семьи и школы подъ ред. В. П. Острогорскаго. Съ предисл., біограф. очеркомъ, портретомъ и факсимилэ. М., 1898 г. Ц. 1 р.

Богдановъ, А. Какъ нужно обращаться съ животными. М., 1898 г. Ц. 10 к.

Борзаковскій, П. Краткія біографіи русскихъ писателей. Одесса, 1898 г. Ц. 50 к.

Бѣлинскій, В. Г. Избранныя сочиненія съ предисл. и вступит. статьей Н. Котляревскаго. Въ 2-хъ томахъ. Спб., 1898 г. Ц. за 2 т. 2 р. 40 к.

— Семь статей. Текстъ дополненъ и исправленъ по подлиннымъ рукописямъ подъ редакц. П. А. Ефремова и В. Е. Якушкина. М., 1898 г. Ц. 1 р.

Возможно ли русско-польское сближеніе? Письма и статьи наблюдателя. Спб., 1898 г.

Всеобщая исторія съ IV столѣтія до нашего времени. Составлена подъ руководствомъ Эрн. Лависса и Альфр. Рамбо. Пер. Невѣдомскаго. М., 1898 г. Ц. 3 р.

Гобсонъ. Эволюція современнаго капитализма. Спб., 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.

Глокке, Н. Э. Янъ Кохановскій и его значеніе въ исторіи польск. образованности XVI вѣка. Кіевъ, 1898 г. Ц. 2 р. 50 к.

Даценко. О вредѣ сифилиса и о мѣрахъ къ его предупрежденію. Кіевъ, 1898 г.

De Larivière, Ch. De l'enseignement du russe en France et du rôle commercial de la France en Russie. Paris, 1898 г.

Джаншіевъ, Гр. Эпоха великихъ реформъ. 1898 г. Ц. 2 р. 50 к.

Джемсъ, Вилльямъ. Стоитъ ли жить? М., 1898 г. Ц. 20 к.

Докладъ коммиссіи по народному образованію о способахъ и степени участія губернск. земства въ дѣлѣ народнаго образованія. Тула, 1898 г.

Дѣло Дрейфуса, Эстергази и Эмиля Золя. Съ портр. и снимками бордеро и почерка Дрейфуса. Одесса, 1898 г.

Е. Ц. Свят. Димитрій, митрополитъ ростовскій 1651 — 1709 гг. М., 1898 г. Ц. 8 к.

Замокъ Ураганъ и разбойникъ Блакъ-Дальдъ. Ром. изъ американск. жизни. М., 1898 г. Ц. 2 р.

Замятинъ, Г. С. Уставныя грамоты и ихъ исправленіе въ Пермской губерніи. Пермь, 1898 г.

Записки ученыя Императорскаго Московскаго университета. 1) Отдѣлъ юридическій. Вып. 13, 14. 2) Отдѣлъ историко-филологическій. Вып. 22, 23. М., 1895, 1896, 1897 гг.

Захарьинъ, И. Н. (Якунинъ). Хива. Зимній походъ въ Хиву Перовскаго въ 1893 г. и Первое посольство въ Хиву въ 1842 г. Спб., 1898 г. Ц. 50 к.

Ивановъ, И. И. 1) Бѣлинскій. Біографическій очеркъ. Ц. 10 к. 2) Національная героиня Франціи Жанна д'Аркъ. Біограф. очеркъ. Ц. 30 к. Изд. ред. журн. „Дѣтское Чтеніе“. М., 1898 г.

И. М. Русская журнальная литература въ настоящее время. Спб., 1898 г. Ц. 20 к.

Кавелинъ, К. Д. Собраніе сочиненій. Публицистика. Т. II. Спб., 1898 г. Ц. 3 р. 50 к.

Карѣевъ, Н. Исторія Западной Европы въ новое время. Т. 1, вып. I. Спб., 1898 г. Ц. 1 р.

Коншинъ, А. М. Разъясненіе вопроса о древнемъ теченіи Аму-Дарьи. Спб., 1897 г.

Коринъ, В. Зарницы. Стихи и пѣсни. Спб., 1898 г. Ц. 50 к.

Корнаковъ, В. Измѣреніе площадей, поверхностей и объемовъ тѣлъ. 180 черт. въ текстѣ. Спб., 1898 г. Ц. 70 к.

Къ вопросу о современномъ направленіи ветеринарно-практической дѣятельности. Изд. Моск. Общ. ветеринарныхъ врачей. М., 1898 г.

Ле-Дантекъ, Ф. Живое вещество. Пер. съ фр. М., 1898 г. Ц. 75 к.

Liermann, M. Die Rechtsphilosophie des Jean Jacques Rousseau. Berlin, 1898 г.

Лѣтняя колонія для учениковъ начальн. еврейск. учебн. заведеній г. Одессы. Одесса, 1898 г.

Майеръ, Ад. Ученіе о питаніи зеленыхъ растеній. Перев. подъ ред. Ростовцева. М., 1898 г. Ц. 3 р. 25 к.

Мамаевъ, П. Полезныя и вредныя для человѣка животныя. Хомякъ, ласка, ежъ и кротъ. М., 1898 г. Ц. 7 к.

Матеріалы для изслѣдованія грунтовыхъ дорогъ Херсонской губ. Вып. I. Грузовое движеніе. Изд. Херсонск. губ. зем. управы. Херсонъ, 1898 г.

Меньшиковъ, М. О. Думы о счастьѣ. Спб., 1898 г. Ц. 1 р.

Моррисонъ, Артуръ. Разсказы о жалкихъ улицахъ. Спб., 1898 г.

Образованіе начальное народное въ Тульской губерніи въ 1896 — 97 учебномъ году. Тула, 1898 г.

О народныхъ книгахъ по гигіенѣ и медицинѣ. Вып. I. Спб., 1898 г.

Оршанскій, И. Г. Механизмъ нервныхъ процессовъ. Спб., 1898 г. Ц. 5 р.

Отоцкій, П. В. Литератураг по русскому почвовѣдѣнію съ 1765 — 1896 г. Спб., 1898 г. Ц. 1 р.

Отчетъ Пензенск. общ. библіотеки имени М. Ю. Лермонтова. Съ 1 окт. 1896 г. по 1 окт. 1897 г. Пенза, 1898 г.

Отчетъ распорядительной коммиссіи о дѣятельности консультаціи помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ при московскомъ столичномъ мировомъ съѣздѣ за 1897 годъ. М., 1898 г.

Отчетъ общій Александрійской уѣздной земской управы за 1897 г. 1) О положеніи земск. хозяйства. 2) Статистико-эконом. обзоръ. Александрія, 1898 г.

Отчетъ о дѣятельности новочеркасской коммиссіи народн. чтеній и комитета безплатной народной библ.-читальни за 1897 г. Новочеркасскъ, 1898 г.

Отчетъ Нижегородской городск. обществ. библ. за 1897 г. Н.-Новгородъ, 1898 г.

Отчетъ городского попечительства о бѣдныхъ Арбатской части за 1897 г. М., 1898 г.

Отчетъ о дѣятельности Донского общества сельскаго хозяйства за 1897 г. Новочеркасскъ, 1898 г.

Отчетъ о состояніи Вологодской безплатной библіотеки за 5-й годъ ея существованія (съ 1 окт. 1896 г. по 1 окт. 1897 г.). Вологда, 1898 г.

Отчетъ совѣта общ. распростр. начальн. образованія въ Нижегор. губ. за 1897 г. Н.-Новгородъ, 1898 г.

Pachalery, A. Dictionnaire phraséologique de la langue française. Odessa, 1898 г. Prix 2 roubles 5 fr. 30.

Пазухинъ, А. Маленькіе разсказы. Вып. I. М., 1898 г. Ц. 15 к.

Позняковъ, Н. И. По захолустьямъ. Очерки и разсказы. Спб., 1898 г. Ц. 75 к.

Поссе, В. Европа въ 1897 г. Спб., 1898 г. Ц. 40 к.

Результаты пріема дѣтей въ городскія начальн. училища Москвы на 1897—1898 учебн. годъ. М., 1898 г.

Саловъ, В. В. Историческій очеркъ петербургскихъ наводненій и предположеній относительно предохраненія низменныхъ частей г. С.-Петербурга отъ затопленія. Спб., 1898 г. Ц. 50 к.

Сборникъ алтайскій. Т. III. Барнаулъ, 1898 г.

Сборникъ статей по вопросамъ, относящимся къ жизни русск. и иностр. городовъ. Вып. VII. М., 1898 г.

Сессе, Эмиль. Еврейская философія. Маймонидъ и Спиноза. Пер. съ франц. Одесса, 1898 г. Ц. 30 к.

Соколовъ, М. Е. Великорусск. свадебныя пѣсни и причитанія, записан. въ Саратовск. губ. Саратовъ, 1898 г. Ц. 60 к.

Соловьевъ, Евг. (Скриба). В. Г. Бѣлинскій въ его письмахъ и сочиненіяхъ (1810 — 1848 гг.). Спб., 1898 г. Ц. 1 р. 75 к.

С. Р. Днѣпръ и Приднѣпровье. Изданіе Кульженко. Кіевъ, 1898 г. Ц. 10 к.

Статистическіе матеріалы по народному образованію въ Олонецкой губерніи (1868—1896 гг.). Петрозаводскъ, 1898 г.

Статистика текущая сельско-хозяйственная курскаго губернск. земства. 1898 г. въ сельско-хозяйственномъ отношеніи. Вып. I. Курскъ, 1898 г.

Статист. отдѣленіе Александр. земской управы. 1) Движеніе населенія въ 1886—1895 гг. 2) Состояніе землевладѣнія въ эпоху генеральн. межеванія. 3) Алфавитъ дачамъ генеральн. межеванія въ Александрійск. уѣздѣ, Херсонской губ. Александрія, 1898 г.

Статист. обозрѣніе поселковъ изъ безземельныхъ разн. званія людей, водво-

ренныхъ на казенныхъ земляхъ Александрійск. уѣзда. Александрія, 1898 г.

Тихонравовъ, Н. С. Сочиненія. Т. I. Древняя русская литература. М., 1898 г.

Труды сѣверн. коммиссіи 1897—1898 гг. 1) Научно-промысл. морск. изслѣдованія у Мурмана. 2) Учрежденіе инспекцій рыболовства, научно-промысл. станцій и рыбацкихъ школъ на сѣверѣ. Спб., 1898 г.

Флёри, Морисъ. Лѣнь и ея лѣченіе. М., 1898 г. Ц. 25 к.

Фабръ. Инстинктъ и нравы насѣкомыхъ (изъ энтомологическихъ воспоминаній). Пер. съ фр. Е. И. Шевыревой, подъ ред. Ив. Шевырева. Съ 213 рис. Спб., 1898 г. Ц. 3 р.

Шантепи-де-ля-Соссей. Иллюстрированная исторія религіи. Вып. IV. М., 1898 г.

Шахъ-Назаровъ, С. Г. Основн. положенія физіологической психологіи по Вундту, Цигену и Мейнерту. Теорія апперцепціи В. Вундта. М., 1897 г. Ц. 75 к.

Шевченко. Прычынна, Утоплена, Русалка, Марьяна. Изд. Кульженко. Кіевъ, 1898 г. Ц. 7 к.

Шерръ, І. Всеобщая исторія литературы. Вып. XXIV. М., 1898 г.

Шуйская, А. П. Повторительный курсъ краткой русской грамматики. Спб., 1896 г. Ц. 20 к.

Эсменъ, А. Основныя начала государственнаго права. Пер. съ фр. подъ ред. и съ предисл. М. М. Ковалевскаго. Т. I. М., 1898 г. Ц. 1 р.

Ячевскій, Л. О свободномъ золотомъ промыслѣ. Спб., 1898 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ

„Библіографическаго отдѣла".

I. Книги.

Стр.

Беллетристика: „Въ сѣтяхъ". Повѣсть *В. Сырошевскаго.* — „Подорожникъ". Разсказы *В. Лысака* 225

Публицистика: „2-й съѣздъ русскихъ дѣятелей по техническому и профессіональному образованію въ Россіи. Секція IX общихъ вопросовъ. Ч. I и II". Изд. подъ ред. *В. П. Вахтерова.*—„Образовательно-воспитательныя учрежденія для рабочихъ и организація общедоступныхъ развлеченій въ Москвѣ". . 227

Философія: „Вопросы Философіи и Психологіи". Кн. 42. „Задачи пониманія исторіи". *С. С. Арнольди* 229

Политическая экономія: „Промышленные синдикаты. Экономическое и общественное значеніе предпринимательскихъ союзовъ. Вып. I. Значеніе синдикатовъ для интересовъ потребителей"". *А. Гурьева* 231

Юридическія книги: „Поссессіонное право". *Вс. Удинцева* 233

Естествознаніе: „Отчетъ о работахъ по изслѣдованію магнитныхъ аномалій Курской губ. въ 1897 г. въ связи съ вопросомъ о залежахъ желѣзныхъ рудъ". Состав. *П. Г. Поповъ.*—„Силы природы и естественные законы". *Антона Лампа.* Ч. I и II. Изд. *О. Поповой.*—„Силы и законы природы". *Антона Лампа.* Изд. *Павленкова.*—„Новѣйшія химическія теоріи". *Этара* —„Перемѣнные токи и трансформація ихъ". *А. Л. Королькова.* 234

Медицина: „Дальнѣйшее развитіе и успѣхи Броунъ-Секаровскаго способа лѣченія болѣзней". *П. П. Викторова.*—„Общедоступный лѣчебникъ". *В. В. Рахманова.* 238

II. Періодическія изданія.

„Вѣстникъ Европы", *май.*—„Научное Обозрѣніе", *январь-апрѣль.* 239

III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 мая по 1 іюня.

ОТЪ КНИЖНАГО МАГАЗИНА
журнала Русская Мысль,
В. М. Лаврова,
Москва, Большая Никитская, домъ Вельтищевой.

а) Книжный магазинъ журнала *Русская Мысль* принимаетъ **годовую** подписку на всѣ издающіеся въ Россіи журналы и газеты по цѣнамъ редакцій и высылаетъ всѣ существующія въ продажѣ книги какъ русскія, такъ и иностранныя.

б) Принимаетъ на себя **составленіе народныхъ библіотекъ и читаленъ** на всевозможныя суммы и даетъ указанія по устройству библіотекъ и складовъ для продажи книгъ (на отвѣтъ должна быть прилагаема 7 коп. марка).

в) Книги по желанію заказчиковъ могутъ быть высылаемы въ переплетахъ. Для обыкновенныхъ книгъ переплеты отъ 15 коп. до 2 руб. и дороже. Для мелкихъ народныхъ изданій переплеты отъ 4 до 15 коп. Для изготовленія переплетовъ требуется отъ 3 до 6 дней.

г) Заказы частныхъ лицъ на сумму, не превышающую 25 руб., исполняются безъ задатка съ наложеніемъ платежа на посланныя книги. При заказахъ на сумму больше 25 руб. просятъ прилагать задатокъ въ размѣрѣ не менѣе $^1/_4$ стоимости всего заказа. При заказахъ на сумму не менѣе 100 руб. магазинъ дѣлаетъ 10% уступки. Большій % уступки находится въ зависимости отъ суммы заказа.

д) **Заказы учебныхъ заведеній, земскихъ и городскихъ управъ и прочихъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденій** исполняются безъ задатка, причемъ требованія должны быть написаны на бланкѣ учрежденія за текущимъ № и подписью завѣдующаго учрежденіемъ. На заказахъ всѣхъ вышеупомянутыхъ учрежденій магазинъ дѣлаетъ постоянную уступку **отъ 10 до 15 процентовъ**, въ зависимости отъ суммы заказа.

За болѣе подробными условіями магазинъ проситъ обращаться письменно.

е) Заказы гг. книгопродавцевъ исполняются на условіяхъ вычета обычныхъ 5% коммиссіонныхъ, по возможности въ день полученія заказа.

ж) При выпискѣ книгъ просятъ по возможности точно обозначать автора, названіе и цѣну книги, а также и родъ пересылки (почтой, черезъ транспорт. конт., жел. дор.). При отсутствіи въ требованіяхъ такихъ указаній магазинъ дѣйствуетъ по своему усмотрѣнію, выбирая то, что, по его мнѣнію, болѣе удобно въ интересахъ заказчика.

з) **Магазинъ также высылаетъ ноты, письменныя и учебныя принадлежности, физическіе аппараты для школъ, глобусы, волшебные фонари и картины къ нимъ, карты и проч.** При подобныхъ заказахъ просятъ обязательно прилагать задатокъ.

и) Всѣ поступающіе въ магазинъ заказы исполняются, въ очередномъ порядкѣ, **ни въ какомъ случаѣ не позже 3-хъ дней**, исключая заказовъ на иностранныя изданія и частью провинціальныя, которыя часто приходится пріобрѣтать на мѣстѣ ихъ изданія.

к) Такъ какъ магазинъ обращаетъ преимущественное вниманіе на аккуратное и быстрое исполненіе заказовъ иногороднихъ покупателей, то администрація магазина покорнѣйше проситъ о всякомъ промедленіи (исключая вышеуказанныхъ случаевъ: выписки книгъ изъ-за границы или другихъ городовъ) доводить немедленно до ея свѣдѣнія, для принятія своевременныхъ мѣръ къ устраненію подобныхъ недоразумѣній, причемъ магазинъ принимаетъ на свой счетъ убытки, происшедшіе отъ неаккуратности или недостаточно-добросовѣстнаго отношенія къ дѣлу служащихъ магазина.

Изданія редакціи журнала „Русская Мысль“.

Анютинъ, М. (М. Н. Ремезовъ). Нашихъ полей ягоды. Романъ. Ц. 1 р., съ пересылкою 1 р. 20 к.

Астыревъ, Н. М. Въ волостныхъ писаряхъ. Ц. 1 р. 50 к. Пересылка по вѣсу и разстоянію.

Бобрищевъ-Пушкинъ, А. М. Эмпирическіе законы дѣятельности русскаго суда присяжныхъ (съ атласомъ). Ц. 4 р.

Богословскій, В. С., проф. Пятигорскія и съ ними смежныя минеральныя воды. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к.

Бурже, Поль. Трагическая идиллія. (Космополитическіе нравы). Пер. М. Н. Ремезова. М., 1896 г. Ц. 1 р.

Въ пользу воскресныхъ школъ. Сборникъ Ц. 75 к.

Подписчики „Русской Мысли“ на всѣ изданія редакціи, кромѣ народныхъ, пользуются уступкой 10%.

Гольцевъ, В. А. Вопросы дня и жизни. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.
— Литературные очерки. Ц. 1 р. Пересылка за 1 фунтъ по разстоянію.
Д-ръ Алексѣевъ, П. С. О пьянствѣ. Съ предисловіемъ графа Л. Н. Толстого: „Для чего люди одурманиваются?“ Ц. 1 р.
Додэ, Альфонсъ. Портъ-Тарасконъ. (Послѣднія приключ. знаменитаго Тартарена). Переводъ В. М. Ремезова. Ц. 1 р.
— Маленькій приходъ. Перев. М. Н. Ремезова. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.
Де-Мопассанъ, Гюи. Наше сердце. Романъ. Пер. М. Н. Ремезова. Ц. 1 р.
Женщина. Статьи: Э. Ожешковой, М-me А. Доде, Пардо Базанъ, Лауры Маргольмъ, Карменъ Сильва, D. Menant. Ц. 40 коп.
Козловъ, П. А. Полное собраніе сочиненій въ 4-хъ т. Ц. 5 р. Каждый томъ отдѣльно по 1 р. 50 к.
Корелинъ, М. С., проф. Иллюстрированныя чтенія по культурной исторіи. Вып. I: Египетскіе боги. Ц. 50 коп. Вып. II: Средневѣковая церковная готика. Ц. 30 коп. Вып. III: Финикійскіе мореплаватели и ихъ культура. Ц. 30 к. Вып. IV: Ассирійскій народъ и его боги покровители. Ц. 30 к. Выпуски II и III рекоменд. уч. ком. нар. просв. для ученическихъ старш. возр. библ. средн. учеб. заведеній муж. и женск.
Короленко, Владиміръ. Очерки и разсказы. (Шестое изд.). Ц. 1 р. 50 к.
— Очерки и разсказы. Книга вторая. (Второе изданіе). Ц. 1 р. 50 к.
Маминъ-Сибирякъ, Д. Н. Хлѣбъ. Романъ. М., 1896 г. Ц. 2 р.
Мачтетъ, Григорій. Силуэты. Т. II. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 80 к.
Михайловскій, Н. К. Щедринъ. (Критическій опытъ). Ц. 1 р.
Ожешкова, Элиза. Повѣсти и разсказы. Пер. В. М. Лаврова. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
— Надъ Нѣманомъ. Ром. въ 3 ч. Ц. 1 р. 50 к.
— Сильвекъ. Ром. въ 2-хъ част. Ц. 1 р.
Послѣ Пушкина. Сборникъ стихотвореній русскихъ поэтовъ, составленный и изданный редакціею журнала „Русская Мысль“. Ц. 2 р., съ пер. Ц. 2 р. 50 к.
Сенкевичъ, Генрикъ. Повѣсти и разсказы. Перев. В. М. Лаврова, съ предисловіями В. А. Гольцева. 2-е дополненное и удешевленное изд. Ц. 1 р.
— Безъ догмата. Романъ. Перев. В. М. Лаврова. (Третье изданіе). Ц. 1 р. 50 к.
— Путевые очерки. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. Ц. 1 р. 80 к.
— Потопъ. Пер. В. М. Лаврова. Ц. 3 р.
— Семья Поланецкихъ. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.
— Камо грядеши? Ром. изъ временъ Нерона. Переводъ В. М. Лаврова. 2-е изд. Ц. 1 р.
— На ясномъ берегу. Повѣсть. Переводъ В. М. Лаврова. Ц. 30 к.
Столѣтовъ, А. Г. Общедоступныя лекціи и рѣчи. Ц. 1 р. 50 к.
Чеховъ, Мих. Закромъ. Словарь для сельскихъ хозяевъ. Ц. 1 р.
Чеховъ, Ан. Островъ Сахалинъ. (Изъ путевыхъ записокъ). Ц. 2 р.
Эртель, А. И. Гарденины, ихъ дворня, приверженцы и враги. Романъ. Ц. 2 р.
Юнѳша, Клеменсъ. Сизифъ. Картинки деревенской жизни. Перев. съ пол. В. М. Лаврова. Ц. 50 к., съ пер. 65 к.

Народныя изданія редакціи журнала „Русская Мысль“.

Что такое подати и для чего ихъ собираютъ? (3-е изданіе). Ц. 1 к.
Сенкевичъ, Генрикъ. Янко музыкантъ. Ц. 1 к.
— Пойдемъ за нимъ! Переводъ В. Лаврова. М., 1895 г. Ц. 4 к.
Разсказъ про смутное время на Руси. Ц. $1^1/_2$ к.
Короленко, В. Г. Убивецъ. Ц. $^1/_2$ к.
Народный поэтъ Иванъ Саввичъ Никитинъ. Изд. 2-е. Ц. $1^1/_2$ к.

Библіотека „Русской Мысли“.

Сенкевичъ, Г. Черезъ степи, Цѣна 40 коп.
Ремезовъ, М. Клеопатра. Ц. 40 к.
— Іудея и Римъ. М., 1896 г. Ц. 50 к.
— Картины жизни Византіи въ X-мъ вѣкѣ. Ц. 50 к.
— Византія и Византійцы конца X-го вѣка. Ц. 50 к.
Альбовъ, М. Юбилей. Ц. 1 р.
Баранцевичъ, К. Побѣда. На сѣверѣ дикомъ. Ц. 1 р.
Ожешкова, Э. Милордъ. Бабушка. Ц. 50 к.
— Панна Роза. Великій. Среди цвѣтовъ Ц. 50 к.
Корелинъ, М. С., проф. Очерки Итальянскаго Возрожденія. Ц. 1 р.
Маминъ-Сибирякъ, Д. Н. Братья Гордѣевы. Охонины брови. Ц. 1 р.
Ладыженскій, В. Н. Стихотворенія. Ц. 25 к.
Немировичъ-Данченко, Вл. Драма за сценой. Ц. 1 р.
Немировичъ-Данченко, Вас. И. Лялька. Изъ сказокъ дѣйствительности. М., 1896 г. Ц. 60 к.

Научно-популярная библіотека „Русской Мысли“.

(подъ редакціей К. А. Тимирязева и В. А. Гольцева).

Нассе, Э. и Лексисъ, В. Металлическія деньги и валюта, М., 97 г., 192 стр. Ц. 60 к.

Пере, Б. Умственное воспитаніе ребенка. М., 97 г. Ц. 60 к.

Дюкло, Э. Пастёръ. Броженіе и самозарожденіе. Ц. 40 к.

Дюкло. Пастёръ. Заразныя болѣзни и ихъ прививка. Ц. 40 к.

Бартъ, А. Религіи Индіи. Ц. 1 руб.

Гауппъ Отто. Гербертъ Спенсеръ. Ц. 50 коп.

Шериданъ. Школа злословія. *А. В. Погожева.* Біографическій очеркъ Шеридана Ц. 60 коп.

Проф. П. Гиро. Фюстель де-Куланжъ. Ц. 50 к.

Андре Галле. Бомарше. Ц. 40 к.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ книжный магазинъ журнала «Русская Мысль» съ 1 мая по 1 іюня 1898 г.

Алферовъ. В. Г. Бѣлинскій. 1898 г. Ц. 20 к.

— Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій. Изд. Д. И. Тихомирова. 1898 г. Ц. 5 к.

Альбомъ выставки устр. общ. любителей россійской словесности въ память Виссаріона Григорьевича Бѣлинскаго. 1898 г. Ц. 1 р. 75 к.

Юбилейное изданіе 1848 г. 26 мая 1898 г. Семь статей В. Г. Бѣлинскаго. М., 1898 г.

Балталонъ, Ц. П. Эстетика В. Г. Бѣлнискаго. 1898 г. Ц. 1 р.

Изъ сочиненій Бѣлинскаго. Избр. статьи Острогорскаго. 1898 г. Ц. 1 р.

Избр. соч. В. Г. Бѣлинскаго. 2 т. Изд. О. Н. Поповой. Цѣна каждаго тома 1 р. 20 к.

Соловьевъ, Евг. В. Г. Бѣлинскій въ его письмахъ и сочиненіяхъ (1810—1848). Спб., 1848 г. Ц. 1 р. 75 к.

Виндельбандъ. Исторія философіи. Спб. Ц. 3 р.

Галле, Андре. Бомарше. Изд. научн. популярн. библіот. „Русской Мысли“. № 9. 1898 г. Ц. 40 к.

Джемсъ. Стоитъ ли жить? 1898 г. Ц. 20 к.

Ермиловъ. Завѣты молодому поколѣнію Бѣлинскаго. М., 1898 г. Ц. 10 к.

Золотаревъ. Самообразованіе сельскихъ хозяевъ. 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.

Ивановъ. В. Г. Бѣлинскій. 1898 г. Ц. 10 к.

Кернъ, Э. Э. Ива, ея значеніе, разведеніе и употребленіе. Изд. 3-е. М., 1898 г. Ц. 1 р.

Клейберъ. Проэкціонное черченіе. Текстъ съ атласомъ. Ц. 5 р.

Клейнъ. Прошлое, настоящее и будущее вселенной. 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.

Корженевскій. По Востоку. 1898 г. Ц. 2 р. 75 к.

Короленко. Слѣпой музыкантъ. Изд. „Русск. Богатства“. Ц. 75 к.

Лависсъ и Рамбо. Всеобщая исторія. Т. IV. 1898 г. Ц. 3 р.

Ле-Дантенъ. Живое вещество. 1898 г. Ц. 75 к.

Ремезовъ. Византія и Византійцы конца X-го вѣка. 1898 г. Ц. 50 к.

Соловьевъ. Курсъ новой исторіи. 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.

Сѣверцовъ. Князь Игорь. 1898 г. Ц. 40 к.

Чупровъ, А. И. Статистика народонаселенія. М., 1898 г.

Въ книжномъ магазинѣ «Русской Мысли» складъ слѣдующихъ изданій М. И. Водовозовой.

Магаймъ, Э. Профессіональные рабочіе союзы. Перев. Н. В. Водовозова. 1895 г., стр. 336. Ц. 1 р. 25 к.

Гиббинсъ. Англійскіе реформаторы. Перев. съ англійск. А. Санина. 1896 г., стр. 339. Ц. 1 р. 50 к.

Гурвичъ, И. Экономическое положеніе русской деревни. Перев. съ англійск. 1896 г., стр. 290. Ц. 1 р. 25 к.

Землевладѣніе и сельское хозяйство. Статьи изъ Handwörterbuch der Staatswissenschaften. 1896 г., стр. 381. Ц. 1 р. 50 к.

Промышленность. Статьи оттуда же. 1897 г., стр. 328. Ц. 1 р. 50 к.

Народонаселеніе и ученіе о народонаселеніи. Статьи оттуда же. 1897 г., стр. 326. Ц. 1 р. 50 к.

Освобожденіе крестьянъ на Западѣ. Статьи оттуда же. 1897 г., стр. 321. Ц. 1 р. 50 к.

Водовозовъ, Н. Экономическіе этюды. Ц. 2 р.

Эшли. Экономическая исторія Англіи. Перев. съ англійскаго Н. Муравьева. Стр. 800. Ц. 2 р. 75 к.

Шиппель, М. Денежное обращеніе въ связи съ общественными интересами. Перев. съ нѣмец. В. Ульриха. Стр. 135. Ц. 50 к.

Исторія труда въ связи съ исторіей нѣкоторыхъ формъ промышленности. Статьи изъ Handwörterbuch der Staatswissenschaften. Съ приложеніемъ статьи Ф. Кнаппа. Рабство и свобода въ сельскомъ трудѣ. Перев. В. Дена. Стр. 352. Ц. 1 р. 50 к.

Бюхеръ, К. Происхожденіе народнаго хозяйства и образованіе общественныхъ классовъ. Перев. съ нѣмец. подъ редакціей С. Н. Булгакова. 1897 г., стр. 91. Ц. 50 к.

Булгаковъ, С. О рынкахъ при капиталистическомъ производствѣ. Теоретическій очеркъ. 1897 г., стр. 260. Ц. 1 р. 25 к.

Э. Мейеръ. Экономическое развитіе древняго міра. Пер. Гершензона. Ц. 60 к.

ПОДПИСКА НА 1898-й г.

12-й годъ изданія

На полгода **4 руб.** съ перес. и достав.

ДОНСКАЯ РѢЧЬ.

На годъ **7 руб.** съ перес. и достав.

Ежедневная общественно-литературная и политическая газета.

Программа газеты:

1) Правительственныя распоряженія. 2) Передовыя статьи по вопросамъ современной жизни Донской области и южныхъ губерній. 3) Распоряженія и статьи, касающіяся всѣхъ казачьихъ войскъ. 4) Мѣстная хроника. 5) Телеграммы и корреспонденціи изъ Донской области и сосѣднихъ съ нею губерній. 6) Былое и современное. Замѣтки и сообщенія по различнымъ отраслямъ современной и прошлой жизни юга Россіи. Стихотворенія, разсказы, очерки, сцены. 7) Отдѣлъ историческій. Акты, грамоты, мемуары, хроники. 8) По Россіи. Телеграммы и корреспонденціи. 9) За границей. Иностранныя новости. 10) Фельетонное обозрѣніе. 11) Юмористическіе очерки, разсказы, наброски, стихотворенія, шутки, мысли, эпиграммы. Смѣсь. Отвѣты редакціи. 12) Театръ и искусство. 13) Торговое обозрѣніе и биржа. 14) Справочныя свѣдѣнія. 15) Объявленія и рекламы.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ съ пересылкой и доставкой—7 р., на полгода—4 р., на 3 мѣс—2 р. 50 к., на 1 мѣс.—1 р.

Въ 1898 году газета „Донская Рѣчь“ будетъ выходить при увеличенномъ составѣ сотрудниковъ по вышеприведенной программѣ ежедневно, кромѣ дней послѣпраздничныхъ. Форматъ газеты значительно увеличенъ.

Съ подпиской покорнѣйше просятъ обращаться: въ Новочеркасскъ, въ Редакцію газеты „Донская Рѣчь“.

Редакторъ-Издатель **Ив. В. Поповъ.**

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1898 г.

на большую ежедневную газету политики, литературы и общественной жизни

КУРЬЕРЪ.

Газета «КУРЬЕРЪ» издается въ форматѣ и объемѣ большихъ столичныхъ газетъ.

Подписная цѣна на газету «КУРЬЕРЪ» съ доставкою въ Москвѣ или съ пересылкою въ другіе города:

На 12 мѣс.	6	руб.	— коп.
» 11 »	5	»	60 »
» 10 »	5	»	20 »
» 9 »	4	»	80 »
» 8 »	4	»	40 »
» 7 »	4	»	— »
» 6 »	3	»	50 »
» 5 »	3	»	10 »
» 4 »	2	»	60 »
» 3 »	2	»	— »
» 2 »	1	»	40 »
» 1 »	—	»	75 »

Допускается разсрочка годовой платы: при подпискѣ 2 р., къ 1-му апрѣля 2 р. и 1-му іюля 2 руб.

Объявленія и подписка въ Москвѣ принимаются въ главной конторѣ газеты «КУРЬЕРЪ» и въ конторѣ торговаго дома Л. и Э. Метцль и К° (Мясницкая улица, д. Сытова).

Цѣны на объявленія за строку на 1-й страницѣ 30 коп., на 4-й— 15 коп.

При перемѣнѣ адреса уплачивается 20 коп.

Главная контора и редакція газеты помѣщаются въ **Петровскихъ линіяхъ, подъѣздъ № 3** и открыты отъ 10 час. утра до 6-ти пополудни. Редакція для личныхъ переговоровъ открыта отъ 3 до 4 часовъ. Отдѣленіе конторы въ С.-Петербургѣ: торговый домъ Л. и Э. Метцль и К° (Большая Морская, № 11).

Открыта подписка на 1898 годъ

НА ЛИТЕРАТУРНО-ОБЩЕСТВЕННУЮ ГАЗЕТУ

УРАЛЕЦЪ.

Выходитъ въ г. Уральскѣ два раза въ недѣлю: по воскресеньямъ и четвергамъ.

Второй годъ изданія.

Газета выходитъ по слѣдующей программѣ:

1) Руководящія статьи по вопросамъ общаго и мѣстнаго характера. 2) Распоряженія центральнаго правительства и его мѣстныхъ органовъ. 3) Телеграммы Телеграфнаго Агентства. 4) Уральскія новости дня (Мѣстная хроника). Отдѣльныя статьи по изученію края. 6) Извѣстія изъ Россіи и изъ-за границы. 7) Фельетонъ: литературнаго, общественнаго, историческаго и научнаго характера. 8) Корреспонденціи. 9) Судебныя извѣстія. 10) Замѣтки о новыхъ книгахъ (библіографія). 11) Почтовый ящикъ. 12) Уральскіе рынки. 13) Разныя разности. 14) Объявленія.

Подписная цѣна съ доставкой:

	На годъ (съ 1 янв. 1898 г.).	На $^1/_2$ года.	На 3 мѣс.	На 1 м.
Въ Уральскѣ	4 руб.	2 р. 50 к.	1 р. 50 к.	50 коп.
Внѣ города	5 „	3 „ — „	2 „ — „	75 „

Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 руб., къ 1-му марта 1 руб., къ 1-му мая 1 руб. и (для внѣ городскихъ подписчиковъ) къ 1-му октября 1 руб.

Отдѣльный номеръ 5 коп.

Городскіе подписчики получаютъ безплатно ежедневныя телеграммы Россійскаго Телеграфнаго Агентства отдѣльными бюллетенями, которые внѣ городскимъ подписчикамъ будутъ высылаться съ слѣдующимъ номеромъ. Подписчики, живущіе въ станицахъ и поселкахъ земли Уральскаго казачьяго войска, получаютъ особое приложеніе:

«Прочетный листокъ газеты Уралецъ».

Всѣ новые полугодовые подписчики, внесшіе полную полугодовую плату до 1-го іюля, будутъ получать газету со времени внесенія денегъ до 1-го іюля безплатно.

Подписка принимается: въ Уральскѣ, въ конторѣ редакціи „Уральца“ (уголъ Б. Михайловской и Крестовой ул., домъ А. В. Симакова), въ магазинѣ А. П. Шапошникова и въ Уральскомъ отдѣленіи Русскаго Торгово-Промышленнаго Коммерческаго банка. — Въ Гурьевѣ: въ магазинѣ Ларина. Для обращающихся по почтѣ подписка принимается исключительно въ конторѣ редакціи.

Издатель К. А. Ванюшинъ. Редакторъ Б. А. Турыбринъ.

Вышла іюньская книжка 1898 г. (№ 6) ежемѣсячнаго иллюстрированнаго журнала для дѣтей школьнаго возраста.

„ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ".

Тридцатый годъ изданія.

СОДЕРЖАНІЕ: I. Вильямъ Гладстонъ. Портретъ на отдѣльномъ листѣ. II. Свѣтлячки. Четвертая ночь. Сказки **Д. Н. Мамина-Сибиряка.** Съ рисунк. **П. Е. Литвиненко.** III. Лѣтнія пѣсни. I. Въ поѣздѣ. Стих. **И. А. Бунина.** IV. Два таланта, пов. Гл. XVI—XVIII. Продолженіе. **И. Н. Потапенка.** Съ рисункомъ **Ѳ. Ѳ. Бондаренка.** V. Портретъ. Изъ Павла Каяндера. Стих. **Н. Новича.** VI. Первые шаги. Изъ прошлаго. **Л. М. Медвѣдева.** Съ рисунк. **С. Праотцева.** VII. Пожаръ. Стих. **В. П. Лебедева.** VIII. Какъ бабушка навѣстила внучку. **В. М. Сысова.** IX. О чемъ шумѣли дождевыя капли. **Ѳ. Лызлова.** X. Гроза. Миніатюра. **И. Милицина.** XI. Орелъ и Ворона. Басня. Съ чешскаго. **Я—вичъ.** XII. Старая рыбачка. Разсказъ. **Е. И.** XIII. Колосъ. Басня. **А. А. Ѳедорова-Давыдова.** XIV. Пумъ. Изъ исторіи маленькаго мальчика. П. и В. Маргеритъ. Съ франц. **Е. Т.** XV. Незабудка. Миніатюра. **И. А. Бѣлоусова.** XVI. Наканунѣ лихолѣтья. Историческая повѣсть. Частъ вторая. Гл. XI—XIV. Окончаніе. **А. К. Сизовой.** Съ четырьмя рисунками. XVII. Ярмарочныя картинки. Очеркъ. **Левицкаго.** Съ рисунк. **Ѳ. Ѳ. Бондаренка.** XVIII. Дорогой выкупъ. Восточное сказаніе. **М. Шварцъ.** XIX. Всюду жизнь. Очеркъ. **Н. Сорокина.** Съ рисунк. **П. Литвиненка.** XX. Великій старецъ (Вильямъ Гладстонъ). **W.** Съ шестью рисунками. XXI. Францъ Палацкій. **В. Г.** XXII. Муравьи-садовники. **А. С. Долина.** Съ рисунками. XXIII. По бѣлу свѣту. Письмо третье изъ Америки. **Б. Богена.** Съ рисунками. XXIV. Изъ книгъ и журналовъ: 1) Праздникъ Вознесенія на Руси. 2) Пожарное бюро въ Америкѣ. 3) Василеостровскія народныя столовыя и аудиторіи. 4) Двойное горе. 5) Дѣвушка-почталіонъ. 6) Долгъ службы прежде всего. 7) Скромный человѣкъ, дѣлающій доброе дѣло молчаливо. XXV. Шарады, ребусы, задачи. XXVI. Объявленія.

Подписная цѣна на годъ: безъ доставки въ Москвѣ—**5** р., съ дост. и перес. во всѣ гг. Россіи—**6** р., за границу—**8** р.; на полгода—**3** р., на $^1/_4$ года—**1** р. **50** к. Плата за объявл.: за страницу—**20** р., $^1/_2$ стр.—**10** р.

Подписка принимается въ редакціи: Москва, Тверская, д. Гиршмана, кв. Дм. Ив. Тихомирова, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ (книгопродавцамъ—30 к. уступки съ годового экземпляра).

Издательница **Е. Н. Тихомирова.** Редакторъ **Д. И. Тихомировъ.**

Въ складѣ изданій редакціи имѣются, между прочимъ, слѣдующія книги: **Д. И. Тихомировъ.** Вешніе всходы, кн. для клас. чтенія и бесѣдъ, ч. I, ц. 30 к., ч. II, ц. 40 к., ч. III и IV, ц. 60 к. „Руководство для учителей", 40 к. (Одобрены). **Заседимскій П. В.** „Дѣдушкины разсказы и сказки". Съ рисунками. М. 1898 г., ц. 1 р. **В. Е. Ермиловъ.** Н. И. Новиковъ. Съ портретомъ. М. 1898 г., ц. 15 к. **Ив. Ив. Ивановъ.** Бичеръ Стоу. Съ портр. М. 1898 г., ц. 30 к. **М. Н. Альбовъ.** Приключенія одного скитальца (Снѣжокъ и Картошка), ц. 1 р. **И. А. Бѣлоусовъ.** Изъ пѣсенъ о трудѣ, ц. 25 к. **Н. П. Дружининъ.** Общепонятное законовѣдѣніе, ц. 1 р. **В. Е. Ермиловъ.** Артистъ-крестьянинъ Щепкинъ, ц. 25 к. **А. А. Кизеветтеръ.** День царя Алексѣя Михайловича, ц. 10 к. **Д. Н. Маминъ-Сибирякъ.** Аленушкины сказки, 2 изд. значит. дополненное, ц. 1 руб., Разсказы и сказки, ц. 75 к., Зарницы, ц. 75 к. **А. Рождественская.** Сынъ оружейника, В. Стоддарда, ц. 30 к. **Н. А. Соловьевъ-Несмѣловъ.** Съ Поволжья, родныя картинки, ц. 60 к. **К. М. Станюковичъ.** Среди моряковъ, ц. 60 к. **А. А. Ѳедоровъ-Давыдовъ.** Зимнія сумерки, разсказы, сказки и стихотворенія, ц. 35 к.

„Отъ редакціи журнала Русская Мысль“.

Редакція *Русской Мысли* издаетъ, въ переводѣ или въ изложеніи, научныя и литературныя произведенія западно-европейскихъ и американскихъ писателей. Общую редакцію этихъ изданій взяли на себя **К. А. Тимирязевъ** и **В. А. Гольцевъ**.

ВЫШЛИ СЛѢДУЮЩІЯ КНИЖКИ:

Нассе и Лексисъ: „Металлическія деньги и валюта“. Цѣна **60** к.
Пере: „Умственное воспитаніе ребенка“. Цѣна **60** к.
Дюкло. Пастёръ: I. „Изслѣдованіе о броженіи и самозарожденіи“. Цѣна **40** к.
Бартъ: „Религіи Индіи“. Цѣна 1 руб.
Гауппъ: „Гербертъ Спенсеръ“. Цѣна **50** к.
Шериданъ: „Школа злословія“. *Погожева*: Біографическій очеркъ Шеридана. Цѣна **60** коп.
Проф. П. Гиро: „Фюстель-де-Куланжъ“ Цѣна **50** к.
Дюкло. Пастёръ: II. „Заразныя болѣзни и ихъ прививка“. Цѣна **40** к.
Андре Галле. „Бомарше“. Ц. **40** коп.

Поступили въ продажу новыя изданія редакціи журнала „Русская Мысль“.

БИБЛІОТЕКА «РУССКОЙ МЫСЛИ».

ПАННА РОЗА.—ВЕЛИКІЙ.—СРЕДИ ЦВѢТОВЪ.

Разсказы Элизы Ожешковой.
Переводъ *В. М. Лаврова*. Цѣна **50** коп.

---

1) КАРТИНЫ ЖИЗНИ ВИЗАНТІИ ВЪ X ВѢКѢ.
2) ВИЗАНТІЯ И ВИЗАНТІЙЦЫ КОНЦА X-го ВѢКА.

М. Н. Ремезова по **Г. Шлюмберже**. Цѣна по **50** коп.

ЖЕНЩИНА.

(Статьи: Э. Ожешковой, M-me A. Додэ, Пардо Базанъ, Лауры Маргольмъ, Карменъ Сильва, D. Menant.). Цѣна **40** коп.

ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ.

Генрика Сенкевича.
Переводъ **В. М. Лаврова**. Цѣна **1 руб. 50 коп.**

КАМО ГРЯДЕШИ?

(QUO VADIS).

Романъ изъ временъ Нерона. **Генрика Сенкевича.**
Переводъ **В. М. Лаврова**. **Второе удешевленное изданіе.** Цѣна **1 руб.**

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

СЕМЬЯ ПОЛАНЕЦКИХЪ.

Романъ. Переводъ **В. М. Лаврова**. Цѣна **3 руб.**

Покупающіе «Камо грядеши» и «Семью Поланецкихъ» платятъ за обѣ эти книги вмѣстѣ 3 руб. Подписчики «Русской Мысли» пользуются уступкой 10%.

Стр.

XVI. ФИЛОСОФІЯ ОДНОЙ ДВОРЯНСКОЙ СЕМЬИ. (По поводу столѣтняго юбилея гр. Джіакомо Леопарди, 29 іюня 1898 г.)—**В. Фриче** 155

XVII. НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ ВЪ АСТРАХАНСКОЙ ГУБЕРНІИ.—**Н. Ѳ. Казанскаго** 173

XVIII. МЕЛОЧИ ДЛЯ БІОГРАФІИ ШЕВЧЕНКА.—**Н. И. Стороженка** . 197

XIX. НАСЕЛЕНІЕ И ХОЗЯЙСТВО АВСТРАЛІИ.—**А. Ф. Фортунатова.** 204

XX. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ: Чествованіе Бѣлинскаго.—Орловскій съѣздъ сельскихъ хозяевъ.—Притязанія уральскихъ поссессіонныхъ заводчиковъ.—Педагогическіе курсы въ Курскѣ.—Общество для пособія студентамъ и его должники.—† М. А. Саблинъ.—Отъ Лермонтовской библіотеки въ Пензѣ.—Отъ конторы *Русскихъ Вѣдомостей* 220

XXI. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — **В. А. Г.** 232

XXII. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ: I. Книги: Беллетристика. — Публицистика.— Философія. — Политическая экономія.—Юридическія книги.—Естествознаніе.—Медицина. — II. Періодическія изданія: «Вѣстникъ Европы», *май*. — Научное Обозрѣніе», *январь—апрѣль*. III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 мая по 1 іюня. 225

XXIII. ОБЪЯВЛЕНІЯ 1

Для личныхъ переговоровъ, пріема и выдачи рукописей редакція «Русской Мысли» въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ (іюнь, іюль, августъ) открыта только по средамъ отъ 1—3 ч. дня.

Непринятыя редакціей рукописи хранятся въ теченіе 6 мѣсяцевъ со дня отправки извѣщенія автору; по истеченіи этого срока уничтожаются.

Непринятыя стихотворенія редакціею не сохраняются. Авторы, въ теченіе 3 мѣс. не получившіе утвердительнаго отвѣта, могутъ располагать стихотвореніями по своему усмотрѣнію. По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не входитъ въ переписку.

Высочайше Утвержденное Товарищество

М. Блокъ

ТОВАРИЩЕСТВО НА ПАЯХЪ, ДЛЯ РАСПРОСТРАНЕНІЯ

Вѣсовъ,

Велосипедовъ,

Пишущихъ машинъ,

Швейныхъ машинъ.

Правленіе—МОСКВА.

ОТДѢЛЕНІЯ:

С.-Петербургъ, Варшава,
Кіевъ, Екатеринбургъ,
Одесса, Кокандъ.

Представители во всѣхъ большихъ городахъ.

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 000948627